

Православие на Западе России в своих ближайших представителях или патерик Волыно-Почаевский протоиерей Андрей Хойнацкий

От издателя

Вместо введения

От издателя

В начале 1862 года, в квартире бывшего тогда Ректора Киевской Духовной Академии Архимандрита Филарета, скончавшегося потом в сане Епископа Рижского, собраны были лучшие из оканчивающих учение студентов ХХI курса академии, – и на этом собрании Ректором сделано было предложение присутствующим принять участие, в качестве сотрудников, в составлении статей для «Воскресного Чтения», которое около того времени, по случаю открытия при Академии нового учено-литературного журнала «Труды Киевской Духовной Академии», из общего заведывания академии передано было под редакторство одного из Профессоров ее, покойного Н. И. Щеголева. В числе этих студентов был и уроженец Волынской Епархии и воспитанник тамошней Семинарии, Студент Андрей Федорович Хойнацкий. Принадлежа бесспорно к лучшим и даровитейшим воспитанникам своего курса, он вскоре отозвался на сделанное предложение, – и не далее, как в Сентябре того же 1862 года, напечатал в «Воскресном Чтении» первую свою статью, под заглавием: «Голос Римского Католицизма о святости и нетлении угодников Киево-печерских».

Вскоре после этого, а именно в июне 1863 года, Андрей Федорович с честью окончил академическое образование, и будучи удостоен в числе первых степени Магистра Богословия, в том же году, занял должность Профессора Волынской Духовной Семинарии; – потом в 1871 году перешел на службу в Нежин, где до 1875 года состоял законоучителем бывшего Лицея Князя Безбородко и Нежинской Гимназии, а с 1875 года

определен Профессором Богословия в открытом на место Лицея Историко-филологическом Институте Князя Безбородко и законоучителем причисленной к нему той же Гимназии, – в каковых должностях дослужился до сана протоиерея, при всеобщем расположении к нему учащихся и учащихся.

В течение этого времени о. Протоиерей Хойнацкий, работая неутомимо на поприще церковно-литературной деятельности, написал множество самых разнообразных по содержанию исследований, статей и заметок, а также проповедей и поучений, помещаемых им во всех почти духовных журналах и в разных светских изданиях, – исследований, заметок, статей и поучений, обративших серьезное внимание на автора читающей публики и записавших его имя на страницы известнейших представителей духовной литературы нашего времени. Кроме этого, как известно, некоторые из его специальных сочинений напечатаны особыми обширными книгами, как-то:

1) «Западнорусская Церковная Уния в Ея Богослужении и обрядах». Киев. Издание Киево-печерской Лавры. I – VII с 475 стр. in 8;

2) «Очерки из Истории Православной церкви и древнего благочестия на Волини». Житомир, 1878 г. 1 – 170, I – VI, in 8, и

3) «Практическое руководство для священнослужителей при совершении св. Таинств». Москва. Издание Д. И. Преснова 1882,[1883] года I – III 1 – 152 1–151 I – VII, в большую четверть листа.

Не говорим уже о многих особых монографиях о. Протоиерея Хойнацкого, относящихся к Лавре Почаевской, каковы: 1) «Путеводителе по Горе Почаевской», издание Почаевской Лавры второе 1883 г. 1 – 142 I – VI в 16 долю; 2) «Святая цельбоносная Стопа Божией Матери в Почаевской Лавре». Издание третье 1885 г. 1 – 85 I in 8; 3) «Повесть Историческая о святой чудотворной Иконе Почаевской Божией Матери. Издание второе 1883 г. 1 – 118 I, in 8; 4) «Жизнь и подвиги Преподобного и Богоносного Отца Нашего Иова, в схимонасах Иоанна Железа, Игумена и чудотворца Почаевского»; Почаев 1882 г. 1 – 77 I – II; 5) «Службы и

акафисты в честь чудотворной Иконы Почаевской и Преподобного Иова», и др.

Неудивительно, что за такие труды свои о. Хойнацкий с ранних пор начал пользоваться вниманием в учено-литературном мире не только духовном, но и светском, вследствие чего между прочим по настоящее время он состоит Действительным Членом Московского общества любителей духовного просвещения, Членом Церковно-Археологического Общества при Киевской Академии, Членом Исторического Общества Преподобного Нестора Летописца в Киеве.

Ныне нам приходится выпустить в свет новый труд о. Хойнацкого в предлагаемой книге: «Православие на запад России в лице лучших своих представителей, или Патерик Волыно-Почаевский». В составе этой книги, кроме статей из прежде поименованной книги автора: «Очерк из истории Православной Церкви и древнего благочестия на Волини», во многих местах значительно исправленных, переделанных и дополненных, вошли также некоторые особые его исследования и статьи по истории Лавры Почаевской и ее святых, не вошедшие в состав указанных выше монографий по этому предмету, как напр. «Краткая История Почаевской Лавры», так что издаваемая нами книга, по всей справедливости нося наименование «Патерика Волыно-Почаевского», таким образом по самому существу своему вправе обратит на себя внимание всех, кому дороги интересы отечественной нашей Церкви православной – и в особенности в таком многострадальном крае, как край наш «Западнорусский» с его заветною святынею Почаевскою.

Вместе с этим, так как в числе статей, положенных в основу настоящей книги, вошла также и указанная нами в начале «первоначальная» статья о. Хойнацкого: «Голос римского католицизма о святости и нетлении угодников Киево-печерских», и как с другой стороны самое издание сей книги в настоящем 1887 году как раз пришлось в годовщину исполнившейся двадцатипятилетней деятельности автора на ученом церковно-литературном поприще, то с согласия его мы и решились посвятить эту книгу «в память означенного

двадцатипятилетия», в несомненной уверенности, что самое имя автора, столь много и долго с честью потрудившегося в области духовной письменности, послужит для каждого лучшим основанием и побуждением, чтобы встретить и этот труд его столь же благосклонно, как встречены были и другие его произведения.

Издатель Д. И. Преснов.

Москва. 1887 г. июля 1 дня.

Вместо введения

Вдающий душу свою и размышляющий в законе Вышняго премудрости всех древних взыщет и в пророчествах поучатся будет (Сир. XXXIX, I).

1. Великими и высокочтимыми чертами запечатлена история православной Церкви Христовой на Волыни. Современная, по своему происхождению, первоначальному просвещению славян еще от времен святых и равноапостольных Кирилла и Мефодия, она в течение многих веков жила и развивалась под влиянием самых разнообразных условий и обстоятельств религиозных, политических и гражданских. И чего не пережила она в это время – и тяжелые смуты княжеских усобиц удельного времени, и жестокое иго татарское, и невыносимые преследования со стороны Поляков, Латинян и Униятов. Мечем, кровью и терпением непоколебимым, почти непрестанно берегли наши предки свою национальность, свою родную православную веру, до новых светлых дней, воссиявших для западно-русского края в лице достославно царствовавшего блаженной памяти Великого Государя, Царя – Освободителя нашего, Императора Александра Николаевича.

За то Господь милосердый никогда не переставал являть земле Волынской самые живые, ощутительные знаки своего Божественного благоволения и промысления во всех исторических ее судьбах и положениях. Как и другие древнейшие и знаменитейшие области земли русской, и земля Волынская издревле славилась обилием даров духовных, открываемых то в прославлении чудотворных икон, то в

явлении благодатных источников, то в подаянии высшей, небесной помощи в трудных обстоятельствах жизни и т. п.

Взгляните на одни горы Почаевские. Там в благодатном величии и доселе сияет чудесами дивная икона Божией Матери и при ней цельбоносная Стопа, от лет древних источающая благодатную воду всем с верою почерпающим оную.¹ Здесь же чудесным и страшным явлением своим Матерь Божия подала некогда свою пренебесную помощь обители Почаевской, во время брани Збаражской, от нашествия и обложения татарского (1675 г.) и т. п.² А сколько других благодатных и цельбоносных св. икон рассеяно на всем протяжении земли Волынской, каковы, например: чудотворная икона Божией Матери Зимнинской (в с. Зимном около Владимира-Волынского), святителя Николая в с. Западницах (Старо-константиновского уезда), Спасителя Боремелеского в местечке Боремле (Дубенского уезда), Пресвятой Богородицы Житомирской (в городе Житомире), Тригорской (в Тригорском монастыре), Загоровской (в Загоровском монастыре), преподобного Онуфрия Любарского (в местечке Любаре Новградволынского уезда) и проч. и проч.

Но особенно богата история Волынской церкви обилием святых мужей, самым Господом прославленных за высокие подвиги веры и благочестия на пользу и спасение России. Таковы прежде всего святые угодники собственно – Волынские: Святой Благоверный Ярополк, князе Владимиро-Волынский (сконч. 1086 г.), преподобный Стефан Печерский епископ Волынский (1094г.), св. Амфилохий, епископ Волынский, печерский чудотворец (1122 г.), преподобный Феодор, в монашестве Феодосий, князе Острожский (1460 г.). Святая праведная дева Иулиания, княжна из Домбровицы Ольшанская (1546 г.), преподобный Иов, в схиме Иоанн, игумен Почаевский (1651 г.), и святой преподобномученик Макарий архимандрит Овручский (1678 г.).

Правда, из этих святых только один преподобный Иов почивает на Волыни, в Лавре Почаевской; да кроме сего, по преданию, преподобный Стефан погребен при своей кафедре, во Владимире Волынском. Из остальных святых угодников

святители Амфилохий и преподобный Феодор, например, покоятся в Киеве в дальних пещерах; там же, как известно, почивают и останки святой и блаженной Иулиании Ольшанской. Блаженный Ярополк, как говорит предание, из Владимира-Волынского тоже перевезен в Киев для погребения и там положен в церкви Св. Апостолов Петра и Павла, которую сам создал. Что касается преподобномученика Макария Овручского, то мощи его еще далее, – именно в Переяславле, Полтавской губернии, где и поныне открыто почивают в каменном храме Вознесенского Переяславского монастыря, благоговейно чтимые соседними обитателями Полтавской, Черниговской и других ближайших губерний. И это обстоятельство, к сожалению, долго было причиною того, что многие из этих святых, особенно в период латино-унитского и польского преобладания в пределах западной России, почти вовсе неизвестны были на Волыни. – Но какие пределы пространства и времени в состоянии разрушить то внутреннее, духовное родство, которое находится между этими святыми и землею Волынскою, вследствие их происхождения из Волыни, непосредственного, кровного родства с ее обитателями и жизни их, проведенной в пределах Волынских на служении Господу, Церкви и родине! Иначе в самом деле как, если не угодниками Волынскими, назовете вы преподобного Феодора Острожского, или блаженного Макария Овручского, которые и родились на Волыни, – один от родовитых князей Волынских-Острожских (около 1366 г.), другой от здешней Волынской фамилии – Токаревских (около 1620 г.), и большую часть своей жизни провели на земле Волынской, и только вследствие особых церковных и политических обстоятельств своего времени удалились из своей родины, чтобы окончить жизнь свою вне ее – один в звании инок печерского, а другой в качестве изгнанника, спасающегося от насилий и преследований латино-унитских, не перестававшего до кончины своей именоваться Овручским, но, к несчастью, сделавшегося жертвою других врагов, не менее опасных в его время, т.е. татар, от которых потом положил и живот свой в пределах южной России, в городе Каневе, нынешней Киевской губернии.³ Тоже самое должно сказать и о св. Иулиании

Ольшанской, которая принадлежит Волыни, как дочь Волынского князя из Домбровицы, или на Домбровице (ныне Ровенского уезда, Волынской губернии), Домбровицкаго Олыпанскаго, родная сестра которой, Настасья Юрьевна, была замужем за одним из князей Волынских, Козмою Ивановичем Заславским, сыном Острожского князя Януша Острожского (около 1551 года).⁴ Кроме сего вообще фамилия Ольшанских и доселе известна на Волыни, и без сомнения, по крайней мере в лице лучших своих представителей, находится в ближайшем родственном союзе со святой Иулианией, хотя многие из них, к сожалению, оставили в последствии православие, и в настоящее время принадлежат к церкви латинской.⁵

Не говорим уже о св. Ярополке Владимиро-Волынском, которого сам Господь даровал, так сказать, земле Волынской вследствие его княжения на Волыни и в особенности его страдальческой кончины, последовавшей здесь в пределах Волынских, и притом в звании Волынского князя, в одном из важнейших уделов тогдашней Волынской области. А что он погребен в Киеве, то в те времена вообще было в обычае между потомками св. Равноапостольного Владимира – погребать всех князей его дома в первопрестольном граде, возле останков блаженного их предка. А святой Ярополк к тому еще был родным правнуком св. Владимира, и кроме того, как мы сказали, погребен в Киеве, в церкви, которую сам создал.

Так и святитель Амфилохий, по преданию, окончил жизнь свою в Киево-печерской Лавре, потому что таково было заветное желание всех ее постриженников, из числа коих св. Амфилохий взят на кафедру Владимиро-Волынскую, чтобы положить кости свои с другими печерскими отцами в несомненной уверенности, что при таких условиях Господь несомненно примет их в свое царствие молитвами святых отец.⁶ К этому можно прибавить, что может быть и сам Господь свыше умудрил некоторых из св. угодников Волынских оставлять родные пределы в последние времена их жизни, для погребения в чужой стороне, для того, чтобы спасти таким образом священные их останки, предназначенные для торжественного прославления в нетлении св. мощей их, от тех

кошунственных преследований и посрамлений, каковым в течение стольких веков подвергалась Волынская паства и все ее святыни со стороны врагов православия, употреблявших всевозможные меры к уничтожению и даже совершенному изглаждению всех следов, мало-мальски напоминающих о древне-русской национальности и православной вере на Волыни. Кто поручится в самом деле, что иезуиты,⁷ так святотатственно поступившие с костями православного сына Константина Острожского, Александра, не сделали бы чего либо еще более опасного с нетленными мощами преподобного Феодора Острожского, Макария Овручского и других. И святые мощи преподобного Иова подвергались немалому уничтожению со стороны униатов, незаконно овладевших обителью Почаевскою (около 1726 г.), и только промысл Божий сохранил их от окончательного посрамления для прославления истинной веры – в торжество православия.⁸

2. Из других св. угодников, принимавших ближайшее участие в исторических судьбах Волыни, прежде всего известны святитель Петр, митрополит Киевомосковский, с именем коего издревле в отечественной истории нашей соединяется наименование уроженца и игумена Волынского. – Галичане правда хотят указать место рождения св. Петра у себя в пределах Галиции, в тамошней старинной области Белезской, что ныне Жолковский округ в северо-восточном углу Галиции Австро Венгерской империи. Если даже принят и это мнение, поддерживаемое особенно г. Зубрицким, то и тогда св. Петр все-таки останется, по происхождению, Волынцем в собственном смысле этого слова; ибо несомненно известно, что вся та земля, где указывает Зубрицкий место рождения и первоначального игуменствования этого св. угодника, искони принадлежала земле Волынской и составляла с нею единое неразрывное целое.⁹ По кроме этого на Волыни издревле существует другое, не менее достоверное предание, что св. Петр родился в пределах настоящей Волынской губернии, близ местечка Ратного, Ковельского уезда, где также находится речка Рата, и над нею остатки древнего монастыря, основанного, по преданию, св. Петром, в котором он игуменствовал и в 1285

году принимал св. митрополита всероссийского Максима – до своего поставления в звании его преемника на кафедру первосвященника земли Русской.¹⁰

На том же самом основании, в самом ближайшем родственном отношении к земле Волынской находится Святитель Иннокентий, Епископ Иркутский, который, по преданию, происходил от древней Волынской дворянской фамилии Кульчицких, многие из представителей коей и доселе исповедуют православную веру на Волыни и даже числятся в духовном звании Волынской губернии.¹¹

Кроме сего известно, что вследствие векового, неразрывного единства, в каком земля Волынская находилась всегда с остальными областями Русскими, по единству веры и народности, непрерываемому в самые трудные времена польского преобладания в пределах западного края России, на Волыни из России являлись непрестанно то князья, приходившие сюда по праву престолонаследия, иди призываемые для управления и наследия во время безурядиц самими Волынянами, то Всероссийские первосвященники, архипастыри и другие подобные им лица, по разным обстоятельствам посещавшие Волынские пределы для устройства Волынской церкви, назидания ее древних городов и т.п. В числе помянутых лиц нередко являлись мужи глубокой веры и истинного христианского благочестия, которые потом были прославлены Господом и за это святою Церковью признаны и доселе признаются в числе важнейших ее покровителей и заступников.

Нечего и говорить о той близости, в которой эти святые находятся к земле Волынской. Они жили и действовали среди нас, трудились для нашего общего блага, а потому хотя и не принадлежат непосредственно Волыни, тем не менее связаны с нею неразрывными узами духовными, во имя которых, без сомнения, они тоже имеют все права на особенное внимание и почитание со стороны обитателей Волынской епархии, как и родные ее угодники, отсюда происходившие и здесь подвизавшиеся.

Сюда прежде всего надобно отнести св. Олегу (969 г.), которая так известна усмирением Древлян, состоявших, как ныне известно, в пределах Волынской губернии.¹² За сим следуют: св. Равноапостольный князь Владимир, просветитель Волыни и основатель многих ее городов и храмов;¹³ Преподобный Никола Святоша, князь Черниговский, который в 1099 г. был князем Луцкого удела на Волыни,¹⁴ и св. благоверный князь Андрей Боголюбский, много раз сражавшийся на Волыни, и сверх сего в различный времена княживший в Дорогобуже (ныне мест. Острожского уезда), Пересопнице (Ровенского уезда) и в других местах древней Волынской области.¹⁵ На Волыни же, как свидетельствуют старинные памятники, есть не мало монастырей, основание коих приписывается Мстиславу Владимировичу, признаваемому у нас издревле во святых, сыну Мономаха.¹⁶ Этому же блаженному князю предание усвоет устройство Луцкой Димитриевской церкви, и др. – Сюда же мы должны отнести наконец и блаженного Олега Романовича, князя Брянского, который в 1274 году посещал Владимир Волынский для свидания с сестрою своею.¹⁷

Препод. Пестор Летописец, по собственному свидетельству, ездил в 1097 году во Владимир Волынский «смотрения ради училищ и наставления учителей». ¹⁸ За тем следует препод. Варлаам, Игумен Киево-печерский, который не только бывал на Волыни во время своих путешествий на Восток, но и скончался здесь в Святогорском Печерском монастыре, – что ныне село Зимно, в 4-х верстах от Владимира Волынского.¹⁹ Сюда же, без сомнения, надобно отнести и Святителя Нифонта Епископа Новгородского, который в свое время игуменствовал на Волыни, в том же Святогорском монастыре, и даже здесь, по преданию, занимался описанием событий Волынской истории.²⁰

Не говорим уже о таких великих и славных Святителях, каковы: Св. Феогност, Митрополит Киевский и всея Руси, который нарочито посещал Волынскую Епархию и здесь даже прожил однажды два года (1328–1330), занимаясь устройением земли Волынской;²¹ Св. Фотий, Митрополит Киево-Московский, посещавший Волынские пределы в 1420 и в 1430 году

присутствовавши тут же на известном, знаменитом Луцком съезде Витовта;²² – и напоследок Св. Киприан, Митрополит Киевский и Московский, который по целым месяцам и даже годам проживал на Волыни и здесь занимался устройением Волынской церкви в смутные времена разделения митрополий.²³

Наконец не подлежит сомнению, что даже святые и равноапостольные братья-просветители славянские Кирилл и Мефодий находятся в непосредственном ближайшем союзе с землею Волынскою, так как история прямо говорит, что в числе других стран они также посылали проповедников и в пределы Волынские, так что вследствие этого, по сказаниям древних писателей, пределы Моравской Епархии святого Мефодия простирались в самую глубь земли Волынской, до рек Буга и Стири.²⁴

3. Спрашивается, кто же были эти и другие святые? – Когда и как они жили и чем угодили Господу? И как именно действовали они на пользу и для преуспевания истинной веры и благочестия на Волыни? – Вот те вопросы, которые невольно напрашиваются здесь не только у всякого Волынца, мало-мальски интересующегося судьбами своей родины, но и у всякого истинно русского человека, которому поистине дорого его прошедшее, эта наша древлеправославная, русская жизнь со всеми ее прелестями, достоинствами и недостатками....

Не говорим уже о том, что все это прошедшее наше не осталось и не должно было остаться без влияния и на наше настоящее. И действительно, в лице всех этих приснопамятных представителей веры и древнего благочестия на Волыни оно указывает нам не мало уроков, и уроков самых живых, благородных и назидательных.

Известно, между прочим, что ничто в свете так не возвышает самосознание человека, как глубокое чувство религиозное. Чем славна напр. Москва? Что возвышает ее в ее собственных глазах и так обаятельно влечет к ней сердца всего народа русского, как не общие святыни, в ней находящиеся? Таким же точно образом ничто так не влечет в Киев столько тысяч народа, ничто не делает его столь дорогим и священным

для православного русского люда, как религиозное его значение, и нетленные тела св. угодников, в нем почивающих. Скажите же и Волынскому народу, что и он вовсе не так беден духовным достоянием, как это ему доселе представляли, что и из среды его выходили и среди его подвизались и спасались родные ему святые мужи, почитаемые и признаваемые всею Российской Церковью, – и он невольно поднимется в собственном сознании, – и с чувством осенит себя православным русским крестом, и еще с большим дерзновением помолится Господу Богу, в полной вере, что его молитва будет окрилена святыми и действенными молитвами более близких к нему молитвенников, связанных с ним единством крови и происхождения или места жительства. И если когда, то особенно в настоящее время земле Волынской всего приличнее и необходимее обратиться к памяти родных своих угодников и других известных в ее истории св. мужей и чудотворцев. Прошли те грустные времена, когда мы боялись открыто содержать и исповедовать свою св. православную веру. Пора торжественно, пред лицом всего мира заявить, что мы не даром берегли это драгоценное сокровище среди всех невзгод и искушений. Где еще можем мы найти лучших учителей для этого великого дела, как не в лице родных своих и близких к нам св. угодников, связанных с нами единством крови, происхождения или местом жительства? Кто укажете нам тот путь, по которому должны мы идти, как не те, кои сами некогда шли по этому пути, нередко пролагая его собственной кровью и слезами? Для примера возьмем хоть этот знаменательный факт из жизни святителя Петра, митрополита Киево-московского, когда он, связанный с землею Волынского неразрывными узами крови и воспитания и сверх сего посланный в Константинополь для поставления в митрополиты галицко-волынским князем, желавшим иметь в лице его самостоятельного митрополита для своей области, оставляет в сторону все эти обстоятельства, – напротив того, прямо по рукоположении отправляется в Великую Россию и там учреждает митрополичью кафедру в Москве, пророчесственным благословением назначая ее в столицы всероссийскому царству. Какой великий урок для

современной Волыни, которую Поляки в течение стольких веков старались отторгнуть от земли Русской и прикрепить к незаконному владычеству Польши, никогда не имевшей на это никаких прав ни исторических, ни политических! Подите мысленным взором за великим первосвятителем, – и вы невольно остановитесь на первопрестольной Москве, а с тем вместе и на великих потомках ее князей, единственных законных обладателей всего русского царства, и Богодарованных и Богохранимых его повелителей и заступников.

Но самое главное, чего должно ожидать от распространения сведений о св. угодниках Волынских среди не только Волынского, но и всего юго-западного края России, – это возвышение православия, укрепление в нем его святости, древности и досточтимости и поражение латино-польских притязаний в их коренных основаниях и началах. «История, как справедливо замечено в одной газете,²⁵ – свидетельствует, что ополячение западно-русского края, в том числе и земли Волынской, заключалось в окончательном разобщении русских с русскою греко-восточною Церковью, в разрыве духовного единства с русским народом и во вступлении не столько в политическое, сколько духовное единство с народностью польской; – совершалось ополячение чрез присоединение к латинской церкви и с того именно времени новоприсоединенный католик – Русский, хотя уже издавна польский подданный, начинал считаться и действительно становился поляком. Русские оставались русскими хотя и в составе польского государства до тех пор, пока польская политическая национальность не отождествилась, благодаря иезуитам, окончательно с латинством и пока Русские не совратились в католицизм. Таким образом латинство в этом крае явилось тем духовным историческим двигателем, который направил часть русского населения на иной – не русский, а польский путь развития: оно обратилось в самое могучее орудие ополячения». Этого исторического значения католицизма нельзя и невозможно опускать из виду и в настоящее время. Какое же орудие можем мы противопоставить ему для его поражения и,

если можно, окончательного разрушения? Нам кажется, что в числе других средств для этой цели, Волынь имеет самое подручное, могучее средство в воспоминании о своих св. угодниках, здесь живших или происходивших из Волыни и здесь действовавших. Напомните в самом деле полякующим католикам Волынским о той родственной духовной связи, в какой находятся разные их князья Заславские, паны Ольшанские, Токаревские, Кулечицкие и другие с православными св. угодниками, просиявшими здесь и в других местах России из разных Волынских фамилий; укажите им на то вековое неразрывное единство, в котором земля Волынская искони находилась с остальными землями русскими, из коих наоборот так часто являлись на Волыни разные святые князья, богопросвещенные и православные пастыри и другие святые мужи, – и вы без сомнения этим наложите печать молчания на уста не одного разумного ополяченного Волынца, а может быть заставите и не одно полякующее сердце забиться любовью к старой вере наших общих предков, прославленных самим Господом за твердое исповедание православия, и ныне, без сомнения, молящихся Отцу Небесному о вразумлении своих заблудших родичей.

С другой стороны Волынские Поляки – латиняне и до селе еще любят хвалиться величием своих храмов, обилием разных каплиц, красовавшихся когда-то на лучших местах и перекрестках Волыни, – и все это готовы и теперь еще употреблять, как один из сильнейших аргументов в доказательство превосходства своей веры и народности.

Но любопытствуйте узнать, кого чтут они в этих храмах, каким святым по преимуществу посвящают свои каплицы. Они перечтут вам разных Непомуценов из Богемии, Станиславов бискупов или иезуитов Краковских, Казимиров, крулевичей польских, Антониев из Падуи или Падуанских и т. п., но не укажут ни одного святого, который по крайней мере хоть некоторое время жил или действовал на Волыни. Хоть и со стыдом, но все Волынские Поляки и ополяченные латиняне должны признать в этом отношении свою несостоятельность пред православием Волынской Церкви, которая воспитала и

возрастила земле Волынской таких великих и славных св. угодников, из коих многим сан даже Рим не посмел отказать в признании их святости и досточтимости.²⁶

Так всему миру известно, что латиняне с самых же первых дней западно-русской унии признали за униатами все богослужебные книги «со всеми таинствами, службою Божиею, всеми обрядами и церемониями св. восточной церкви – цело и ни в чем ненарушимо» – в том самом виде, в каком они были у православных, даже без прибавления оной артикулы: «и от Сына», как писал об этом из Рима Ипатий Поцей до примаса польского архиепископа Гнезненского Станислава Карнковского.²⁷ Таким образом все эти постановления обнимали собою весь состав православных богослужебных книг, находившихся у православных до соединения с Римскою Церковью. А мы знаем, что в этих книгах издревле были помещаемы и почитаемы особыми службами и песнопениями: св. Равноапостольный князь Владимир, Блаженная великая княгиня Ольга, Святитель Петр, митрополит Киево-московский и другие, как выражается один латинский писатель, «русские монахи, священники, князья, (*monachi, sacerdotes, duces et moniales*) и проч., коих имена записаны в календаре Поссевина; а Поссевин, продолжает тот же писатель, посещал Россию в 1581 году, когда еще русские той и другой России (*utriusque Russiae*, т. е. великоруссы и западноруссы) подчинялись власти Византийского престола.²⁸

Не отказывались, униаты от наших святых угодников и после соединения с римскою церковью (1596 г.). Первые папские буллы униатам заповедовали им свято соблюдать все древние обычаи и постановления восточной церкви, представляя, что эти последние в отношении к обрядности римской имеют такое же значение, как цветы в природе и краски в картине.²⁹ Тогда же, по повелению папы, напечатан в Риме (на греческом и латинском языках) Служебник восточной церкви, в котором удержаны все обрядовые отличия восточной литургии от папской мессы, даже такие, против которых решительно восставали тогдашние богословы римские, напр. теплота и др.³⁰ Подобно этому униаты помещали во всех своих богослужебных

книгах и наших св. угодников без всякого прекословия со стороны римской церкви, нередко даже за импробацией (одобрением) самых униатских епископов и митрополитов, каков напр.: Львовский требник 1716 года, изданный, как сам говорит он, в своей «предмове до читальника саном священным почтенного», – «за благословлением святого апостольского фрону и боголюбивого архиепископа Львовского, Афанасия Шептицкого», впоследствии митрополита униатского. В этом требнике везде, где поминаются св. угодники, поставляются св. Владимир, Борис и Глеб, блаж. Ольга и др.³¹ Подобно сему в Львовском анфологионе 1694 г. находим целую службу святителю Петру с литией, полиелеем, синаксарем и т. п.³² В униатских акафистах 1691 и 1683 гг., также в Львовском молитвослове 1720 г. была помещаема известная служба преподобным печерским, в которой, как и в обыкновенных молитвословах и акафистах Киевских, прославляются и призываются на помощь не только блаженный Владимир царе с Еленою или с Ольгою, но и многие другие угодники Волынские, имеющие к Волынской земле особое отношение, каковы напр. Стефан, «всехвальный Христова стада бывший предводитель и оное богоугодно упасший в неусыпных стражах ночных», «всеизрядный Варлаам славу мира сего и вся красная ни во чтожо вменивый», «Никола чудный (Святоша), помощник в скорбех, иже о самом едином слове исцеляше страсти немощных», Михаил, Илларион и другие святители Российские, в том числе и святитель Петр, Киприан, Фотий и Нифонт, «божественнии иерарси», «Иулиания, присносветящая свеща, елеем благодати одержимая», и др.. Этого мало; мы имеем даже положительные сведения со стороны римской церкви, что святые «Елена или Ольга, Василий – Владимир, внуки, и сыновья его Давид и Роман или Борис и Глеб, а также Антоний и Феодосий игумены, а с тем вместе конечно и остальные угодники Печерские со св. нашим Феодором Острожским и другими... «должны быть приняты (*recipiendi*) и благочестно почитаемы (*rectissime colendi*) Римскою церковью наравне с русскими (*ruthenis.*) И что касается их, пишет латинский архиепископ Северины, Николай Карминий Фалко, митрополит

Брутийский (in Brutiis ulterioribus), то об них рассудил собор Замойский (униатский), на котором (бывшем в 1720 году) председательствовал высокопочтеннейший Иероним Гримальди, на ту пору апостольский нунций в Польше. Утвержденный Венедиктом XIII-м – собор этот, как говорит Фалко, определил, для почитания в Литве Бориса и Глеба, по уставу и особой службе (officio proprio), 2-е число месяца мая в воспоминание перенесения их нощей 1072 года, и 24-й день июля, в память их кончины. За сим память Василия-Владимира положена 15 июля; память Елены или Ольги устав русский полагает 11 июля. И Поляки все, заключает Фалко, чтут оных чествованием благоговейным,³³ тем более, прибавляем от себя, что сама Римская церковь прямо даже повносила имена многих из них в свои святцы, наравне с знаменитейшими своими святыми: Францисками, Пиями, Людовиками и т. п.³⁴ Не говорим уже о святых Кирилле и Мефодие, которых латиняне чтут особою службою с назначением им особого дня памяти (10 марта) и т. п.³⁵

Подобие этому, тот же Фалко не отказывает в признании святости святителя Петра, – напротив того прямо сознается, что об нем, да еще о святителе Алексие он слышал, что «они вели жизнь непорочную и творили знамения и чудеса» (prodigia et miracula). Об них, говорит Фалко, упоминает Мейерберг и Олеарий в третьей книге своих путешествий; они полагаются в греко-московских святцах Папebroхия; равным образом их помещают у себя русские книги, как то: Трефолой, Устав или Густав (ustavus vel Gustavus) Часослов и другие. Потому, продолжает Фалко, если угодно, примем оных и мы (т.е. латиняне) и внесем в Римский Мартирологий... Во всяком случае о Петре и Алексии митрополите я знаю, заключает Фалко, что они почитаются литовско-русскими униатами, – и этого им Римская церковь хотя и не утверждала, но и не запрещала».³⁶

И мы имеем документы, что еще задолго до Фалко (которого сочинение напечатано в 1755 г.) многие латинские писатели, в том числе самые иезуиты, с утверждения высшей административной власти, даже епископов и домашних

прелатов, как Алоизий Кулеш, за аппробацией Константина Казимира Бржостовского, епископа Виленского (1764 г.), – прямо называли святителя Петра святым Петром, хотя и старались объяснить эту святость своеобразно, мнимым единением его с Римскою церковью.³⁷ Тоже самое читаем у помянутого Кулеша и о св. угодниках киево-печерских, которых он также именует не иначе, как святыми Печерскими, признает их нетление, чудеса и тому подобное.³⁸ А там, повторяем, между другими, почивает родной наш св. угодник преподобный Феодор, князь Острожоский, св. Иулиаша Ольшанская и многие другие святые, находящиеся в ближайших отношениях в Волыни, как-то: преподобный Варлаам, Никола Святоша, святитель Нифонт и другие.

Наконец известно, что Почаевские Базилиане хотели было даже канонизовать преп. Иова игумена Почаевского, и по этому поводу, стараниями известного строителя Лавры графа Николая Потоцкого, заводили особую переписку с Римским двором.³⁹ Не наша вина, что папа не уважил этой просьбы и отказал на том основаниями, что пр. Иов⁴⁰ был ревнителем православия противу папизма. Но для нас важен факт, что латино-униты в свое время так уважали и признавали святость, нетление и чудотворения угодника Божия, что за них не побоялись даже ходатайствовать у папы Римского.

Что же это такое, как не признание со стороны самих же латинян той простой истины, что прославленные у нас на Волыни св. угодники Божии суть поистине святые, а потому, разумеется, также достойны уважения и почитания не только с нашей, но и с их стороны, как все святые вообще, признаваемые Римскою церковью? А вместе с сим, какой отселе великий урок для всех ополяченных обитателей Волыни, имеющих в лице указанных св. мужей таких же, как и мы, родственных и Богом прославленных представителей православия! – Не забудем при этом, что все эти святые всегда оставались русскими среди всех политических буре и религиозных треволнений нашего края, а потому, разумеется, и всех своих почитателей и последователей, желающих и обязанных подражать их жизни и деятельности, по

необходимости призывают быть Русскими, – истина особенно поучительная и назидательная для тех из ополяченных обитателей западной России, которые когда-то были православными русскими, и только потом, вследствие принятия латинской веры, сделались врагами православия и русской народности.

4. При этом, без сомнения, желательно было бы отыскать такие особенные периоды в истории православной Волынской церкви, по которым можно было бы распределить изложение жизнеописаний св. угодников Волынских и других святых, принимавших участие в исторических судьбах Волыни, для более точного и основательного почитания их жизни и отношения к окружающей среде. – Такие периоды всего яснее определяются ходом исторической церковной жизни на Волыни соответствующими политическими и гражданскими обстоятельствами земли Волынской – от первоначального просвещения Православной Волынской Епархии христианскою верою с половины IX-го века до начала XVIII века, когда поступил в Московскую академию на службу и таким обр. перенес свою деятельность на Север России последний из святых угодников, принадлежащих истории Волынской церкви, – Святитель Иннокентий Иркутский.

В этом отношении история вообще представляет следующие периоды: 1) От начала христианства на Волыни с половины IX-го века до смерти св. равноапостольного князя Владимира: «Волынь, получающая первые лучи христианства из Моравии и за тем совершенно просвещаемая христианскою верою с окончательным присоединением ее к великому княжеству Киевскому». 2) От св. Владимира до подчинения Волыни владычеству князей Литовских: «время тяжелых смут и неурядиц удельного времени и татарского владычества, сопровождаемых постоянными набегами диких орд и непрерывными покушениями со стороны Латинян на подчинение земли Волынской незаконному владычеству Папы Римского». 3) Время Литовского владычества или так называемый период Литовский, кончившийся окончательным разделением Митрополии со смертью Всероссийского Митрополита Ионы

(1461 г.); и наконец 4) Времена унии и польского преобладания и открытого гонения Латинян и униятов на веру православную от брестской унии до первых годов XVIII-го века и вообще до наших времен.

Соответственно этому мы и разделим «первую часть» своей книги на следующие четыре отдела:

Отделение первое, – с половины IX-го века до 1015 г., куда относятся следующие святые угодники, находящиеся в духовном союзе и в ближайших отношениях с землею Волынскою: 1) святые равноапостольные братья Кирилл (869 г.) и Мефодий (885); 2) Святая блаженная княгиня Ольга (969) и 3) Святой равноапостольный князь Владимир (1015).

Отделение второе – с начала XI-го века до 1326 года; сюда относятся св. угодники Волынские и другие, проживавшие на Волыни и посещавшие ее пределы во времена удельной системы: 1) Преп. Варлаам Игумен Киево-печерский (1065), 2) Святой благоверный Ярополк, князь Владимиро-Волынский (1086), 3) препод. Стефан Епископ Волынский (1094), 4) преп. Нестор Летописец (1114), 5) святитель Амфилохий Епископ Владимиро-Волынский (1122) 6) Святой благоверный князь Мстислав (1132), 7) пр. Никола Святоша, князь Луцко-Черниговский (1142), 8) Святитель Нифонт Новгородский (1156), 9) Св. Андрей Боголюбский (1174), 10) Блаженный Олег, князь Брянский (1285), и 11) Святитель Петр, Митрополит Киево-Московский (1326).

Отделение третье – от первой половины XIV века до 1550 года, куда относятся святые, находящиеся в ближайших отношениях к земле Волынской во времена владычества Литовского и разделения Митрополии, как то:

1) Св. Феогност Митрополит Киево-Московский (1353), 2) Святитель Киприан, Митрополит Всероссийский (1406), 3) Св. Митрополит Фотий (1431), 4) Препод. Феодор, князь Острожский (1435) и 5) блаженная Иулиания, княжна Ольшанская (1550).

Отделение четвертое и последнее – с половины XVI века до наших времен; сюда относятся святые угодники, просиявшие на Волыни и из Волыни во времена унии и латино-польского преобладания; 1) Преп. Иов, игумен Почаевский (1651), 2) Свят.

священномученик Макарий, Архимандрит Овручский (1653), и 3) Наконец Святитель Иннокентий Иркутский (1731).

К сему во «Второй части» мы присовокупляем несколько особенных исследований своих о Почаевской Лавре и ее святыне, как главнейшей святыне земли Волынской, вследствие чего читатели наши т. образом получают настоящий «Патерик Волыно-Почаевский,» на подобие Патерика Печерского Киевского, в коем содержатся, как известно, не только жизнеописания святых угодников Киево-печерских, но и сказание о создании Великия Печерския Успенския церкви, и другие статьи местного религиозно-нравственного содержания и характера. Соответственно основному содержанию означенных статей мы распределяем их в следующем порядке:

I. Краткое сказание о Почаевской Лавре.

II. Воспоминание о святых угодниках Киево-печерской Лавры, из среды коих вышли блаженные иноки, основавшие обитель Почаевскую.

III. Святая, чудотворная икона Божией Матери Почаевская, как памятник векового общения нашего с южными славянами.

IV. Православие и уния в лицах, или Преподобный Иов, Игумен Почаевский, и глаголемый униятский святой, Иосафат Кунцевич, в качестве представителей своих церквей, как земляки и современники.

V. Богородично-Почаевский приход в местечке Полонном Волынской губернии, Новград-Волынского уезда, как первый в России приход, посвященный с церковью в честь чудотворной Иконы Божией Матери Почаевской, – в назидание грядущим родам, как, при помощи Божией, совершать подобные дела во имя родной святыни.

Похваляему праведнику, возвеселятся людие; бессмертие бо есть память его; яко от Господа прославляется и от человеков. (Притч. XXIX, Пр. Солом. IV, 1)

Отделение первое. Святые угодники, находящиеся в ближайших отношениях к Воыни со времени первоначального просвещения ее христианскою верою до смерти св. равноапостольного князя Владимира.

I. Памяти св. и равноапостольных Кирилла и Мефодия на Волыни.

История свидетельствует, что еще в первые времена славянской истории, когда свв. равноапостольные братья Кирилл и Мефодий начали посылать из Моравии проповедников в соседние страны, то вместе с этим, они посылали таковых в Силезию, Польшу и соседнюю Русь.⁴¹ А это всего ближе указывает на древнюю Волынь, которая непосредственно граничила с Польшей и, таким образом, из всех западных окраин России издревле находилась, так сказать, в непосредственном, соседственном отношении к странам, получившим свет христианства от святых первоучителей славянских.⁴²

И действительно, в акте, составленном (около 973 года) по случаю присоединения моравского архиепископства к пражскому, восточные границы первого указаны по рекам – Бугу и Зтиру или Стыри, протекающие, как известно, в пределах Волынской губернии.⁴³ Основываясь на этом, равно как и на других богемских летописях, известный исследователь славянских древностей г. Мацеевский положительно свидетельствует, что страна, лежащая между Стырею и городом Луцком (близ которого протекает река Стырь) и рекою Бугом (который протекает близ Владимира-Волынского), некогда входила, в составе Мефодиевой епархии, из которой получала и свет христианской веры.⁴⁴

Нет нужды доказывать основательность этого мнения, особенно если вспомним, что в самом Киеве, еще до княжения св. Владимира, были христиане и даже находилась церковь во имя пророка Илии. А это само собою поставляет св. Кирилла и Мефодия в самые непосредственные отношения в земле Волынской, во имя которых оба эти святые, также, без сомнения, могут и должны быть признаны в числе ближайших старейших ее покровителей и заступников наравне со всеми остальными угодниками Волынскими и другими святыми,

принимавшими ближайшее участие в исторических судьбах Волыни.

Начало этой просветительной деятельности св. братьев относится ко второй половине IX века, около 860 – 865 г. по Р. Х., когда избранные константинопольским двором и патриархом (известным святителем Фотием), Константин (в схиме Кирилл) и Мефодий, по просьбе моравских князей Ростислава, Святополка и Коцелла, оставили Царьград и отправились на проповедь в Паннонию. На сем пути св. братья прежде всего обратили в веру болгарского князя Бориса, который не только сам принял крещение, но и сделался ревностным проповедником Евангелия между своими подданными. Со своей стороны моравские князья тоже приняли св. Константина и Мефодия с великою честью и, собрав учеников, дали им в научение книжное. Св. братья с апостольскою любовью посвятили себя этому великому служению, учили детей и устроили богослужение на славянском языке. В то же время, одушевляемые святою ревностью, они в течение четырех с половиною лет переходили из одной области в другую и рассылали проповедников в соседние страны, всюду проповедуя слово Божие и уча народ на родном языке (около 860 г.) «И ради быша словены, – как говорит отечественный наш летописец, пр. Нестор, – слышаще величия Божие своим языком».⁴⁵

В тоже время, без сомнения, эта великая радость впервые посетила и землю Волынскую, потому что именно к этому времени предание относит и первое посольство Кирилло-Мефодиевых проповедников в соседние страны Силезии, Польши и Руси, а следовательно, как мы уже заметили, и нашей Волыни.⁴⁶ «Они, т. е. Кирилл и Мефодий, рукоположиша довольное число священников; христианство же паче и паче умножашеся. Якоже они всюду христианство по учению греческия Церкви основаху и утверждаху, свидетельствует образ церквей, иже сооружени быша в Силезин, Польше, России и пр. Во вся сия земли посылаху они проповедников».⁴⁷

Но не рады были тому питомцы Рима, немецкие епископы, заведывавшие тогда духовными делами Моравии, искони, как и

теперь, находящейся в составе патриархата папы римского. Они осыпали бранью славянских проповедников за славянское богослужение и за учение несогласное с их невежеством, и наконец перенесли свои жалобы на суд тогдашнего папы римского Николая, известного своею борьбой за первенство и за римские заблуждения с патриархом Фотием.

Папа в 867 году потребовал Кирилла и Мефодия к себе на суд. Дальше от того раздора, который начался тогда в высших сферах церквей и пока почти еще неизвестен был народу и вообще, смотря на Папу, как на правоверного первосвятителя, в области которого действовали, св. братья не решились противодействовать призыву; взяли с собою мощи Св. Климента, обретенные в Крыму, и чрез землю Коцелла отправились в Рим. – Но они были еще на пути, продолжая дело своей проповеди и устроая славянское богослужение, как Папа Николай скончался. – Преемника его Адриан, не желая потерять влияние на славян и разойтись с Константинопольским двором, с честью встретил Кирилла и Мефодия и не только не осудил их, но счел за нужное даже одобрить и оправдать их славянскую проповедь и богослужение особым своим посланием, или так называемою буллою.

Среди этих обстоятельств св. Кирилл занемог в Риме и принявши схиму, скончался 14-го Февраля 869 года. Его погребли в храме Святителя Климента, мощи которого он принес в Рим с братом, у самых этих святых мощей, по правую сторону алтаря, где он и доселе почивает.

А Мефодий снова возвратился к славянам.... И так как в то время возникли междоусобия в Моравии, то с своими учениками он перешел в Паннонию. – Паннонский князь Коцелл принял его весьма благосклонно и даже выпросил ему у Папы сан архиепископа Паннонского. Раздраженное этим Немецкое духовенство еще более озлилось на Мефодия и вооружило против него Германского императора и Моравского князя Святополка, и даже довело его до заточения. Но папа Иоанн VIII подверг своевольных немецких епископов запрещению совершать службу, а Мефодию возвратил прежнюю власть – и даже, по просьбе Моравов, объявил его Архиепископом

Моравским. Тогда Немецкое духовенство решилось обвинить Мефодия, как еретика, и препроводило на него донос Папе, что он не исповедует происхождения Святого Духа и от Сына, – что в сущности было и безусловно справедливо, – не признает власти Папской, и вследствие этого при богослужении употребляет не латинский и греческий, а грубый славянский язык, и вводит обычаи церкви восточной. Папа в особом послании к Моравам отменил славянское богослужение, оставив только проповедь на славянском языке. Но Мефодий снова лично отправился в Рим в 879 году и здесь так горячо отстаивал славянское богослужение, что Иоанн должен был отказаться от своих требований и снова разрешил славянское богослужение; только Евангелие должно было читаться на Греческом или Латинском языках....

Немцы опять восстали против Святителя и еще раз вооружили против него Святополка. Но как они ни преследовали Мефодия, – заключая его в темницу и моря голодом и холодом и пр. – при его жизни не могли уничтожить его проповеди. Напротив того, к концу жизни Святителя почти все славянские племена, начиная от Хорватии и Далматии до самых пределов Польши и России, слушали его славянскую службу и читали священное писание на родном языке. Те из них, которые доселе не были крещены, как напр. Чехи с их князем Боривоем, приняли святое крещение от самого Мефодия в 880 году. Само государство Моравское, широко раздвинутое Святополком, заключало в себе несколько разных славянских племен; а с распространением Моравского царства распространилась и святая вера.

Вместе с этим, само собою разумеется, должны были распространяться и пределы Моравской архиепископии Мефодия, и тем шире и дальше, чем шире и дальше проникала его проповедь. Поелику же, как мы видели, проповедники Кирилла и Мефодия достигали до самой Руси, или, как мы сказали, до нашей Волыни, то ничего нет удивительного, что при таких обстоятельствах, в составе одной из трех епархий, из коих состояла архиепископская область Моравской церкви Мефодия, могла входить также и земля Волынская. Не даром же,

повторяем, сохранилось известие, что Моравская епархия св. Мефодия простиралась до рек Буга и Стыри.

На конце дней своих Святитель Мефодий посетил Царьград, куда звал его Греческий Император, чтобы принять от него благословение, как от благовестника величайшего и знаменитейшего в то время. Мефодий с радостью прибыл в город, где провел лучшее время своей молодости, и одаренный царем и патриархом, возвратился в свою епархию, где вскоре скончался, 6-го Апреля 885 года, и погребен в Велеграде, ныне именуемом Старым Велеградом, в храме Пресвятой Богородицы, в стене – против алтаря.

Умирая, Св. Мефодий назначил своим преемником одного из ближайших учеников своих, Горазда. Но Святополк, как мы видели, еще при жизни Мефодия, поддававшийся влиянию духовенства Немецкого, поставил после кончины Святителя на его место некоего Викинга немца, епископа Питры, который, с соизволения Святополка, подверг преследованиям Горазда и его сподвижников, а потом и совсем выгнал их из Моравии. Моравскую же епархию Мефодия Папа причислил сначала к округу Немецкого епископа Пассавского, а потом Пражского, пока наконец в 1026 году в Моравии не была основана новая уже чисто Латинская архиепископия в Ольмюце с латинским духовенством, латинскою службою и т. д.

Та же участь постигла славянскую проповедь Мефодия и его славянское богослужение и в Богемии или в Чехии. Когда в Праге, в 973 году, учреждена была с дозволения Папы помянутая нами Пражская архиепископия, то за учреждение ее Богемцы должны были, по требованию самого же Папы, поплатиться навсегда славянскою службою и славянским языком, а с того времени также стали слушать латинское богослужение и латинскую проповедь, как и жители Моравии.

То же случилось потом и в Польше, в Хорватии и Далмации и в других западных славянских странах, слушавших славянскую проповедь от Кирилла и Мефодия и ближайших учеников их.

Но не так было у южных славян, а от них и чрез них в нашей святой Руси православной, и в частности на нашей

благословенной Волыни. Гонимый Викингом и Святополком, Горазд с своими учениками удалился в Болгарию, где в то время архиепископом был в Величке другой из ближайших учеников Кирилла и Мефодия и непосредственный сподвижник Горазда, Климент. Здес они свято продолжали дело, завещанное блаженными братьями, и здесь потом оставили после себя все плоды своей апостольской деятельности со славянским Священным Писанием, славянскою службою и т. д.

А отсюда, из Болгары, потом это Священное Писание и служба перешли прямо к нам русским, как драгоценнейшее наследие, завещанное Кириллом и Мефодием в просвещение, утверждение и славу дорогого Отечества нашего. Оттуда, из Болгары, являлись к нам со времен Св. Владимира и первые учителя, и первые книги и сама славянская грамота, которой училось молодое поколение русских христиан в школах, основанных Владимиром, сыном его Ярославом Мудрым и др.

Оттуда же, следовательно, так сказать, по прямой линии от Кирилла и Мефодия, впервые получила учителей и славянскую грамоту и наша земля Волынская, когда, как говорит летопись, Св. Владимир равноапостольный «послав по всем градам своего царства и по странам, и повеле дети отымати у нарочитых людей», и с этою целью, как известно, основал было одно из лучших училищ при Волынском епископе, в стольном его городе Владимире-Волынском.

Но в еще более близкие, родственные отношения стала наша земля Волынская к славянской проповеди и славянскому Богослужению от Святых равноапостольных братьев, когда, с распространением у нас просвещения, многочисленный и во многих отношениях чуть-ли не единственные в свое время типографии Волынская, Острожская, Почаевская, Кременецкая, Рахмановская и другие тысячами перепечатывали переведенные Св. Кириллом и Мефодием Богослужебные славянские книги и распространяли их не только на Волыни и в соседней Галиции, но и в других славянских странах, где гнет турецкого и латино-немецкого деспотизма и преобладания не давал возможности развиваться славянскому книжному делу во всей его полноте.

Наконец, в 1680 – 81 году у нас же на святой Волыни совершилось дело, которому суждено было, так сказать, завершить дело Кирилло-Мефодиевской Славянской проповеди и дать ему ту законченность, которой оно заслуживало безусловно по всем правам божеским и человеческим. – Это было последовавшее в указанном году, стараниями известного ревнителя и поборника православия на Волыни, князя Константина Острожского, издание первопечатной славянской Библии в Остроге. – Чтобы оценить достоинство этой святой Библии, достаточно сказать одно, что она как явилась в самую критическую пору Западнорусской православной церкви, когда поляки и иезуиты затевали свою злосчастную унию для совращения православных и обращении их в католичество, так и действительно в течении веков служила для православных Западноруссов лучшим оплотом против всех притязаний папизма, давая им возможность бороться с врагами на поприще Слова Божия дарованного нам нарочито для укрепления в православии Святыми братьями просветителями в переводе на отечественный язык.

С течением времени, когда эта Острожская Библия разошлась, и на Волыни не легко достигали издания Библии Московские и Киевские, то по воле Императора Александра Благословенного, та же Священная книга была перепечатана у нас во второй раз, и на этот случай в нашей Святой Лавре Почаевской в 1798 году. – Правда эта св. Библия была издана униятами, когда еще Гора Почаевская находилась во власти Базилиан, незаконно отнявших ее у православных в двадцатых годах XVIII века. Но это издание было сделано буквально с готового уже православного Киевского издания 1663 года, – и как такое, в настоящем своем виде было тем же, чем была и первоначальная Острожская Библия, то есть лучшим свидетелем неправды католицкой и провозвестницей истинного православного учения, сознание которого тогда уже проникало во все почти сферы униятской западно-русской церкви, готовящейся к воссоединению с родною православною церковью греко-российскою.

К сказанному нельзя не присовокупить еще следующего факта. Известно, что у нас же на Волыни наконец существует и знаменательное Кирилло-Мефодиевское Острожское Братство, между прочим известное тем, что оно устроило в здешнем же Волынском городе Остроге едва ли не первую в России церковь во имя Св. Равноапостольных братьев просветителей наших, при чем, как изъясняется само же братство, город Острог избран для помещени этого Братства, 1-х потому, что в этой местности есть очень много не православных людей, хотя и подданных русского царя, а православные очень бедны; а 2-х потому что в городе Остроге владели славные своею любовью к церкви, к русскому народу и к наукам князья Острожские, и здесь же была напечатана известная уже нам первая Библия на славянском языке князем Острожским Константином, а это событие придает маленькому городу Острогу особенно большое значение. Кроме сего, в том же Братстве, на сумму (19, [000]), пожертвованную покойным Государем Императором Александром Николаевичем и на пожертвования Братчиков и Братчице, во главе которых стоит приснопамятная графиня А. Д. Блудова, устроены во имя Кирилла и Мефодия школа для маленьких детей, высшее училище для девиц, больница для приходящих и подворье или ночлег для странников. Там же наконец ежегодно, в день памяти Кирилла и Мефодия, 11-го Мая совершается торжественная служба в честь святых Братьев, привлекающая к себе тем большее количество православных, что в ней всегда участвуют Волынские Архипастыри и многие высокопоставленные лица, коим дороги православная вера и славянская грамота Кирилла и Мефодия, или что тоже, русское православное образование в нашем крае, и другие.

И вот протек десяток веков со смерти Святителя Мефодия; – приходим мы в церковь, – и здесь доселе слышим его и его Св. брата Кирилла славянское богослужение; приходим в школу, – здесь преподается славянская грамота; раскрываем Библию, – и здесь читаем переведенное ими на славянский язык Святое Евангелие; нуждаемся в помощи, – и нам дают ее во имя Кирилла и Мефодия, и пр. к пр. Так, и наша церковная

жизнь, и наше образование, и наше духовное просвещение, – и наше благосостояние, – все это наследие святых братьев – просветителей наших, все это заветный дар, от них в течении веков у нас сохранившийся и чрез них легший в основу всей нашей культуры, нашей жизни религиозной и государственной.,

«Киими же похвальными венцы увязем святители, языки словенские во теме неведения и сени смертной сидящия, светом Евангелия просветившья, Троицы одиносущныя велегласныя проповедники? Ими же и мы, яко дивия маслина, ко благоплодному корени православия прицепихомся, и прияхом от Христа Бога велию милость». (Из службы на 11-е Мая, на Господи воззвах, стихира 1-я).

И тем более и серьезнее нам надобно подумать об этом, что и враги православия тоже не дремлют, и по настоящее время затевают разные торжества в честь Святых Братьев, на самом месте кончины Святителя Мефодия, чтобы отвлечь западных славян от восточной церкви и еще более привязать их к Папе на том будто бы основании, что Кирилл и Мефодий были не православными Восточными, а западными Епископами. – Мы видели, какая это несправедливая, если не сказать проще, наглая ложь... Но что всего грустнее, участие во всех этих братоненавистных происках всего более принимают единокровные нам Поляки, сами в лице своего князя Мечислава в 966 году крестившиеся в православную славянскую веру от учеников Мефодия и потом изменившие вере отцов своих ради Рима, его Папы и латинского богослужения. Теперь Поляки как будто забыли, с какою враждой нападали они некогда на славянское Богослужение в нашей церкви, утверждая вопреки всякой правде, будто бы Греки нарочно оставили его русским при обращении их в христианство, чтобы держать нас в невежестве, потому что только чрез Латинский и греческий языки можно быть доскональным в науке и вере, и т. д.

Благодарение Господу, жизнь и история доказали противное. Напротив, кто не знает теперь, что мы только потому и остались поистине Русскими, что сохранили у себя православную веру и славянское богослужение и грамоту, завещанных нам нашими просветителями. – Будем же крепко и

непоколебимо стоять на этой благословенной почве, и никакая вражья сила, никакое постороннее приращение не коснется нас.⁴⁸

Память свв. равноапостольных братьев празднуется у нас 11 мая. Кроме того в древних месяцесловах особо полагается память св. Кирилла в день его кончины – 14 февраля,⁴⁹ и особо память св. Мефодия, также в день его смерти, 6 апреля.⁵⁰ Церковь латинская чтит обоих св. братьев вместе 10 марта особою службою.⁵¹

II. Святая равноапостольная княгиня Ольга под Коростеном и ее действия с Древлянами.

Не без причины почитаем мы приснопамятные действия блаженной Ольги под Коростеном относящимися к истории Волынской, потому что земля Древлянская с городами Коростеном, Овручем и другими не только теперь находится в пределах Волынской губернии, но и издревле составляли одно с Волынскою землею как в отношении гражданском и политическом, так и в религиозном.

И как покорение Дулебов и других обитателей Волыни по всей справедливости приписывается Олегу, который, по преданию, водил уже Волынцев с собою в поход на Грецию, так и первоначальное сближение земли Древлянской с землею Волынскою безе сомнения должно быть отнесено к св. Ольге, как покорительнице Древлян и первой строительнице земли Русской.

Начало известных отношений св. Ольги к Древлянам относится, как мы знаем, ко времени смерти ее мужа Игоря, убитого Древлянами (около 945 г.).

При первой вести о несчастной кончине великого князя, Ольга и сын ее Святослав были поражены самою жестокою скорбью. Между тем Древляне, убив Игоря, держали совет о том, каким образом природному князю их сделаться властелином всей Руси, и в числе последних средств придумали, что князю их Малу всего естественнее жениться на овдовевшей русской княгине. Малолетнего же наследника престола они полагали извести в последствии. С этою целью Древляне снарядили особое посольство в Киев из 20 человек, которым поручено было сделать Ольге предложение на счет замужества с их князем; в случае же отказа они должны были объявить Ольге, что к этому она будет принуждена силою.

Послы по Днепру прибыли в Киев. Великая княгиня приняла их с почестями, пригласила во дворец, спрашивала, благополучно ли они путешествовали. После этого послы с поклоном предложили Ольге цель своего путешествия.

– Земля древлянская, – говорили они, – послала нас к тебе умолить, чтобы ты не гневалась за смерть своего мужа, который угнетал нас налогами и приводил в разорение. Наши князья напротив стараются устроить землю и водворить всеобщее довольство. Пославший же наш правитель лучше всех: он кроток, милостив и к тому еще молод и миловиден собою. Что бы тебе пойти замуж за него? Ты была бы госпожою не только над Русью, но и над нами, над нашею древлянскою землею.

Скрывая чувства негодования и печали, Ольга отвечала:

– Люба мне речь ваша, ведь мне не воскресить уже мужа, вдовой же оставаться и при малолетстве сына управлять державою, я не вижу никакой возможности, так что действительно мне остается одно – выйти за вашего молодого князя.

– Идите же теперь на покой в лодки ваши, скромно прибавила Ольга. Завтра утром я приглашу вас на большой пир, которым я хочу показать, как дорожу и горжусь сделанным мне предложением; а как утром я пришлю за вами, вы покажите свое достоинство; откажитесь идти пешком на пир и ехать на лошадях;... пусть мои люди понесут вас на себе, в собственных ваших лодках.

Между тем когда послы удалились, Ольга вместо приготовления пира приказала выкопать на своем загородном великокняжеском дворе огромную яму. Утром верные люди посланы были пригласить сватов на пир. Помня хорошо наставление Ольги, неразумные Древляне отвечали:

– Мы не намерены идти пешком, да и ехать не согласимся. Если же княгиня ваша непременно хочет видеть нас у себя, то пусть прикажет нести нас в лодках наших на ваших головах.

– Нам все равно, отвечали мнимо покорные послы Ольги; мы люди подвластные, нести так нести.... Хотя вы и убили нашего князя, но за то государыня наша собирается быть женою князя молодого вашего....

Таким образом, Древляне были подняты на головы Киевлян, и сидя важничали, когда понесли их на теремный Государев двор. Несчастные не знали своей участи, как вдруг, согласно приказанию Ольги, их принесли и бросили в

приготовленную яму, как есть в лодке. Ольга смотрела на это из окон своего терема; потом пришедши к яме, нагнулась и спросила находящихся в ней: «нравится ли им такая почеть?»

– Ох, пуще нам Игоревой смерти, возопили несчастные, ты умеешь хорошо мстить, наша смерть лютее Игоревой.

И действительно, яма немедленно была засыпана и послов не стало. После этого Ольга послала от себя послов в землю древлянскую, чтобы те объявили древлянам, что если они желают видеть ее за своим князем, то пусть пришлют в Киев побольше из среды себя знаменитых мужей, которые бы сопровождали ее в поезде в жениху для большего великолепия: «А то, пожалуй, велела прибавить Ольга, Киевляне меня не пустят».

Недогадливые Древляне тотчас снарядили пятьдесят самых знатнейших из придворных, державших их землю, и послали за Ольгою.

Как и прежних послов великая княгиня тоже сначала по-видимому приняла их с почетом, потом распорядилась, чтобы они прежде всего, по русскому обычаю, сходили в баню, и после того явились к ней отдохнувши. – Древляне с радостью согласились на это предложение. Но лишь только они вошли в баню, слуги княжеские немедленно забили все двери, и обложив баню соломой, зажгли ее, и таким образом лишили жизни и этих послов Древлянских.

После этого, ни мало не медля, Ольга снарядилась в путь, предупредив Древлян, что прежде, чем венчаться с их князем, она хочет тотчас, по обычаю, совершить тризну над могилою убитого Игоря, – а потому они бы приготовили побольше медов и других напитков для достойного поминовения покойного. Древляне беспрекословно повиновались воле своей будущей повелительницы и с охотою сделали всевозможные приготовления к ее приему.

Но великая княгиня спешила к ним не для замужества, а для мести.

Не будем удивляться этому действию, так очевидно несогласному с памятью Ольги, как святой и чтимой нашею Православною Церковью. Надо помнить, что это делает Ольга

еще задолго до своего крещения. К тому же в этом случае она действовала под влиянием родового обычая Славян, считавших месть, наравне с другими народами древности, неприкосновенною, священной заповедью.

На встречу новоприезжей из главного древлянского города Коростена⁵² вышли Древляне в праздничных нарядах, с изъяснением торжества и радости. Ольга прежде всего отправилась на могилу и, горько поплавав на ней и совершив обряд поминовения, приказала насыпать над нею огромный курган, – а сама обратилась к Древлянам.

Смирные Древляне начали упрашивать Ольгу, чтобы она не сердилась на них за смерть мужа; объяснили, что Игорь поступал с ними жестоко, что они считают ее такою милостивою и доброю, как их князь...

– Да я и не печалюсь уже о покойном муже, отвечала Ольга: я сделала для него все, что следовало; теперь больше ни о чем не думаю, как только о предстоящем венце и новой судьбе своей.

И сбросив печаленую одежду и облекшись в светлые ризы, Великая княгиня пригласила Древлян заняться пиром.

– А где же наша дружина, что мы посылали за тобою? спросили Древляне.

– Идут за мной вместе с дружиною моего мужа, отвечала Ольга.

И жители Коростена охотно взялись за свои медали... Но лишь только они опьянели, Ольга велела своей дружине рубить всех. – Мечи, ножи и копья засверкали над пирующими – и перебили множество народа. За тем Ольга поднялась и возвратилась в Киев.

На другой год она снова отправилась с войском в землю Древлянскую, взявши с собою и своего малолетнего сына Святослава. Но на этот раз Древляне решились тоже постоять за родину. Сражение открыл малолетний Святослав, бросив на неприятелей копье, которое, пролетев между ушей коня, ударило его же в ноги. Тогда воеводы Свинельд и Асмуд – воспитатели Святослава закричали:

– Князе уже начал; дружина вперед!

Обе стороны сошлись и бились жестоко. Наконец Древляне должны были уступить и заперлись в своих городах. Ольга снова пошла под Коростень и целый год держала его в осаде. Коростенцы тоже не думали сдаваться. Тогда Ольга придумала новую хитрость. Она послала сказать осажденным, что напрасно они так упорствуют, что другие города уже давно сдались им пора сделать тоже самое.

– И мы не прочь от того, отвечали осажденные, да боимся, что ты вновь будешь мстить за убитого мужа.

Ольга отвечала, что она уже довольно отомщена, а потому кроме покорности и дани ничего от них не требует.

– Чего же ты хочешь? Рады служить медом и мехами.

– Теперь вы уже слишком разорились от осады, отвечала Ольга, и не можете мне внести ни меду, ни воску, ни мехов, ни коней, ни другого имущества; потому в знак покорности вашей пришлите мне только по три голубя и по три воробья с дому. Для меня и того будет довольно.⁵³

Коростенцы не могли не посмеяться такой, по их мнению, женской прихоти и, собрав требуемых птиц, с поклонами отправили к Ольге.

– Теперь я вижу покорность вашу, сказала Ольга, идите и успокойтесь. Завтра же будет снята осада, и я отправлюсь к себе домой.

Между тем, когда Коростенцы удалились, Ольга приказала раздать каждому из своих ратных людей по голубю, другим по воробью, с тем чтобы они привязали к каждой из них по куску серы с зажженным холстом, и с наступлением вечера пустили в город. Получив свободу, птицы полетели в свои гнезда, и Коростень запылал со всех сторон. Тогда, пользуясь смятением пожара, осаждавшие кинулись на встречу бегущим и начали новое страшное побоище, в котором били всех кто попадался под руку; иные сгорели с женами и детьми, другие потонули в реке. Сам молодой Древлянский князь был убит воинами Ольги. Остальные частью уведены в плен, частью на месте были обложены страшною данью.

После этого Древляне уже не стали сопротивляться и совершенно были покорены владычеству Киева. – Предание

говорит, что немедленно после мести над Древлянами, Ольга с сыном и дружиною пошла по земле Древлянской, всюду устанавливая уставы и уроки, т. е. делая определения как что делать и назначая всякие обязанности, которые побежденные должны были выполнять к определенному сроку. Памятником пребывания Св. Ольги на Волыни и доселе служит так называемая Игорева могила, которая находится в Волынской губернии Овручского уезда в 5 верстах от местечка Искорости, по левой стороне почтового тракта из Овруча в Житомир, за рекою Ушею. Это курган умеренной величины, насыпанный, как говорит местное предание, великою княгиней Ольгою над Игорем в 945 году, после тризны над могилою супруга убитого Древлянами.⁵⁴ В том же местечке Искорости, среди реки Уши находится камен, в середине которого видно углубление, издревле называемое туземцами Ольгиной Купальней. Рассказывают, что завладев Искоростею или древним Коростеном, Ольга купалась на этом камне.⁵⁵ Сюда же должен быть отнесен находящейся в Овручском уезде на границе Словечанского имения с Прибытковским ключом особого рода колодезь, издревле называемый Иожиным; по местным преданиям колодезь этот тоже выкопан по повелению Княгини Ольги во время похода ее на Древлян.⁵⁶ Наконец, там же в пределах Овручского уезда находится «грот» св. Ольги – скала, на которой указывают, следы копыт лошадей св. Ольги и ее сына Святослава и др.⁵⁷

После распоряжений в земле Древлянской Ольга чрез год пошла с тою же целью на север в Новгород и здесь тоже устраивала логовища, погосты и дани, всюду стараясь водворить правосудие, мир и порядок. Наконец, в 957 году, она отправилась в Константинополь и там, приняла Св. Крещение, при Императорах Константине Багрянородном и Романе и Патриархе Полиевкте.

Единственною целью ее по возвращении из Константинополя было направить на путь веры своего сына Святослава; но на все увещания матери Святослав отвечал упорным отказом. Христианская вера не нравилась воинственному и суровому князю, который, как только Ольга

передала ему власть в руки, со всей ревностью предался страсти к походам и завоеваниям. Тогда св. Ольга обратила внимание на своих внуков и в сердце особенно любимого ею Владимира успела посеять то, в чем так упорно отказывал сын ее.⁵⁸ Вместе с сим, не взирая ни на какие препятствия со стороны Святослава и дружины его, св. Ольга употребила все зависевшие от нее меры к распространению св. веры между Россиянами и среди этих блаженных подвигов, скончалась 11 июля 969 года.

В этот же день св. Церковь совершает и ее память.⁵⁹

III. Труды св. равноапостольного князя Владимира для земли Волынской.

Св. равноапостольная княгиня Ольга действовала на Волыни в то время, когда еще была язычницей. – Напротив того жизнь и труды Св. Владимира для земли Волынской относятся к самым лучшим временам его жизни после просвещения христианскою верою.

Это было, как известно, в 988 г. С того времени распространение св. веры сделалось, можно сказать, главною задачею жизни св. Владимира. Вследствие этого, вскоре после крещения Киевлян, желая, по свидетельству современника, сообщить всем подданными своим «лучшую веру».⁶⁰ Равноапостольный князь, как повествует Нестор, «нача ставити по градом Церкви и попы, и люди на крещение приводити по всем градам и селом».⁶¹ Мы не знаем, говорит автор очерка Православной Церкви на Волыни, какие именно города и села понимает здесь летописец, потому что он не называет оных по именам».⁶² Но по ходу событий и географическому положению городов, – нельзя не согласиться с автором Истории Русской Церкви, что слова препод. Нестора прежде всего должно отнести к городам и местам, окружавшим Киев, а таковы, по свидетельству того же автора, были: Переяславль, Чернигов, Белгород и Владимир-Волынский.⁶³

«Можно думать, прибавляет, другой знаменитый Историограф русской Церкви, что св. вера насаждена еще при Владимире во всех тех городах и областях, которые он роздал своим детям в уделы, – следовательно, кроме Новгорода и Ростова – в Полоцке, Турове, земле Древлянской, Владимире-Волынском, Смоленске, Пскове, Луцке, Тмутаракане и в пределах Муромских».⁶⁴ И действительно известно, что Св. Борис напр. содействовал утверждению христианства в Ростове, Мстислав в Тмутаракане, Судислав в Пскове, Изяслав в Полоцке и св. Глеб в Муроме.⁶⁵ Почему же не предположить того же самого и о Волынских князьях Позвезде – Луцком, Всеволоде – Владимирском⁶⁶ и Святославе – Древлянском. Не

даром же летописец замечает о всех детях Св. Владимира без исключения, что Великий князь «посла с ними священники, заповедал сыном своим, да кождо во области своей повелевает учить и крестить людей и церкви ставити; еже и бысте».⁶⁷

Таким же образом, но свидетельству Истории, св. Владимиру принадлежит основание первой Волынской Иерархии. В рукописном житии святого Леонтия Епископа Ростовского читаем: «А тех четырех епископов Владимир посла по городам: Новгороде нарече Епископию, посади в нем первого Епископа Иоакима. Другого Ростову, Феодора, нарицаемого, посла его с сыном со князем Борисом... Третьего в Чернигов, четвертого в Волынскую землю. И тем же си четыре Епископы первопрестольницы нарицаются... яко же от сихе нача множитися правоверная вера христианская. И оттоле начата ставити по иным градом Епископы – в Новгороде, в Полтес (Полоцке), в Волынскую землю».⁶⁸ То же самое подтверждают Никонова летопись и Степенная книга. По их свидетельству, современник св. Владимира, второй русский митрополит Леонтий, в 992 г. поставил Епископов: прежде всего в Новгороде и Ростове, потом в Чернигове, Белгороде и Владимир на Волыни».⁶⁹ И этого, как пишет пр. Филарет, нельзя не принять; ибо отдаленные от Киева Новгородский и Ростовский Епископы не могли часто собираться в Киеве для совещаний, о чем однако говорит Митрополит Илларион.⁷⁰ Кроме того, по свидетельству автора Степенной книги, – св. Владимир, вознамерившись разделить государство на уделы, совещал предварительно благой совет с митрополитом Леонтием, еже бы разделить ему землю русскую в наследие сыновом своим и устроить в градах Епископы во исполнение благочестия, и потому, посылая каждого из сыновей своих в назначенный ему удел, заповедал им между прочим советоваться с Епископами;⁷¹ только «вследствие вскоре последовавшей кончины князей и уничтожения самых уделов, по мнению преосв. Макария, не утвердились предполагавшиеся Епископские кафедры в Смоленске, Луцке и земле Древлянской».⁷²

Первые храмы христианские на Волыни тоже воздвигнуты св. Владимиром. Основав, по свидетельству летописи, или точнее украсив и укрепив в свое имя город Владимир Волынский,⁷³ Св. Равноапостольный князь в тоже время соорудил здесь первый кафедральный каменный храм во имя Успения Божией Матери,⁷⁴ развалины которого и доселе находятся в одной версте от этого города.⁷⁵ Едва ли еще не ранее этого построена здесь Св. Владимиром другая каменная церковь, которая по христианскому его имени названа и доселе называется Васильевскою.⁷⁶ Предание говорит, что эта церковь построена в один день войском Великого Князя в память победы, одержанной над Ляхами (вероятно после войны с Хорватами).⁷⁷ Благодарный Богу за одержанную победу князь велел каждому из своих воинов снести по одному кирпичу и воздвигнуть в один день эту святыню, которая, между прочим, уцелела и до настоящего времени, и действительно своею стариною и вместе с тем довольно некрасивою архитектурою много свидетельствует как о глубокой своей древности, так и о том, что она сооружена с великой поспешностью.⁷⁸ Подобно этому также и доселе существует в селе Зимном в 4-х верстах от Владимира древняя каменная церковь, по свидетельству церковной описи тоже построенная Св. Владимиром.⁷⁹ Здесь же и доньше хранится драгоценная святыня Владимирова, – благодатная Икона Божией Матери, которую по преданию Константино-польский Патриарх благословил царевну Анну на брак с Владимиром, – оставленная блаженною четою в наследие Зимненской церкви.⁸⁰ Св. Владимиром устроены также храмы: Св. Василия Великого в г. Овруч, Св. Димитрия в г. Луцке и др.⁸¹

Кроме этого известно, что еще при Св. Владимире устроены были на Руси при церквях приходские училища, где воспитывались дети под руководством местных священно и церковно-служителей: «и послав (Владимир) по всем градам своего царства и по странам, и повеле дети отымати у нарочитых людей и учить грамоте»,⁸² и таким образом, по свидетельству летописи, бысть множество училищ книжных.⁸³ Между прочим одно из таковых училищ, по преданию, было

заведено также и на нашей Волыни в г. Владимире, как догадываются, Епископом Фомою, – греком, который был посылаем Св. Владимиром, в пределы западной России для распространения св. веры

Среди таких и подобных трудов Св. Владимир не стремился более к расширению русских пределов, как это было до крещения, а заботился главным образом только о том, чтобы обезопасить их от внешних неприятелей, особенно от Печенегов. С этою целью он построил на юге несколько новых крепостей и не раз выводил в поле свою храбрую дружину для отражения хищников. В тоже время были открыты Св. Владимиром мощи Св. Ольги, освящена Церковь Десятинная и другие храмы в Киеве и его окрестностях, определены разные гражданские и судебные постановления, соединенные с постоянными делами любви и милосердия и т. п. К этому же времени наконец относится и разделение Русского Государства на уделы. Между прочим, отправляя в уделы сыновей своих, великий князь отпускал каждого с особыми благоразумными пестунами, которые должны были приучать молодых князей к делам правительственным. Но сыновья св. Владимира были еще слишком молоды и необразованны, чтобы во всей точности понять и оценить намерения своего отца, желавшего иметь в их лице лучших себе помощников в управлении государством. Они думали только о себе и потому еще при жизни отца начали бороться за мнимые права свои. Первый дерзнул подняться, и при том против самого отца своего, Ярослав Новгородский, объявивший себя позависимым (1114) и отказавший в обычной дани, которую ежегодно посылали великому князю и его телохранителям наместники Новгородские. Оскорбленный отец приказал готовиться войску к походу на Новгород, чтобы наказать ослушника, но в это время разболелся и 15 июля 1115 г. скончался в любимом селе своем Берестове.

Память Св. Владимира 15 июля, в день его кончины.

**Отделение второе. Святые угодники
Волынские и другие святые проживавшие
на Волыни и посещавшие ее пределы во
времена удельной системы.**

I. Преставление пр. Варлаама игумена Печерского на Волыни.

По свидетельству Пр. Нестора, блаженный Варлаам был сын знаменитого воеводы времен великого князя Изяслава Ярославича, – Яна Вышаты, мужа известного своими военными подвигами и примерным благочестием. Еще будучи юношей, Варлаам нередко приходил к Преподобному Антонию и ученику его Никону слушать их наставления; – и эти наставления наконец до того воспламенили сердце молодого боярина, что он «решился жить в пещере, презрев все в жизни сей и ни во что вменив славу и богатство».⁸⁴ Объявив однажды об этом намерении своем Пр. Антонию и получив от него благословение, Варлаам, на другой день, оделся в светлые ризы, сел на коня и поехал к пещере отцов, которые, видя твердую волю юноши – посвятить себя на служение Богу, с радостью постригли его и облекли в монашескую одежду, наименовав Варлаамом.

Вскоре узнал об этом отец Варлаама. Отправившись в монастырь, он взял из него своего сына, снял с него монашеские облачения и, облекши его в светлые одежды, связанного привез домой. Здесь к довершению соблазна Ян Вышата приказал накрыть для Варлаама роскошный стол и при нем присутствовать женщинам, одетым в богатые роскошные платья. Но ничто не помогло поколебать молодого воина Христова. Три дня пробыл Варлаам в доме отца, не вкушая никакой пищи и не облачаясь в одежды.... Тогда, видя полную непреклонность юноши, Вышата призвал к себе Варлаама, приветливо поцеловал его и отпустил в монастырь, среди всеобщего плача семьи и домочадцев.

Возвратившись в пещеру, угодник Божий со всею горячностью сердца предался подвигам смирения и послушания, так что когда Преподобный Антоний затворился в келье пещерной, то на свое место начальником братии назначил благочестивого Варлаама. Блаженный устроил над пещерою первую небольшую открытую церковь во имя Успения

Богоматери, повелел братии собираться туда для молитвословия, вследствие чего, по свидетельству летописи, это место доселе, закрытое глубоким лесом берестовским, с этого времени стало на виду всех.

Впрочем, Преподобный Варлаам не долго пробыл Игуменом Печерской братии. Вскоре по воле Великого князя он был переведен в монастырь св. Великомученика Димитрия и в нем поставлен Игуменом.⁸⁵ Это было в 1057 году. После этого, как сын знаменитого вельможи, располагавший особыми богатыми средствами, Преподобный решился посетить св. места, для каковой цели два раза путешествовал на восток, сколько для пользы души, столько и для блага своей церкви, ради которой в особенности старался изучить восточные обряды и обычаи, чтобы потом приложить оные на родине.⁸⁶ Но эти труды вместе с другими подвигами так изнурили преподобного, что на втором пути из Царьграда он уже не мог дойти до Киева. – Дошедши, по свидетельству летописца, до г. Владимира (Волынського), угодник Божий вошел в монастырь, находящийся близ города, называемый св. горою, (т.е. Святогорский Печерский), и в нем с миром почив, окончил жизнь свою.⁸⁷

Умирая Преподобный Варлаам дал заповедь находящимся с ним проводить тело его в монастырь св. Феодосия и там положить, а все, что купил он в Константинополе, как-то иконы и другое необходимое повелел отдать блаженному.

Воля св. мужа была исполнена немедленно. По приказанию печерского Игумена Никона тело его из монастыря Святогорского было перенесено в монастырь Печерский и здесь положено на правой стороне церкви, где и доселе почивает в пещерах Преподобного Антония.⁸⁸

Память преподобного Варлаама празднуется в Киево-Печерской Лавре 19 Ноября, может быть в день его кончины, когда он умер на Волини.⁸⁹

II. Жизнь и деятельность св. благоверного Ярополка князя Владимиро-Волынского

(21 Ноября.)

Хромо-лит. А. И. Стрельцова, въ Москвѣ.

1. Действия блаженного Ярополка до вступления его в звание князя Волынского (1070 – 1078 г.)

Правнук св. равноапостольного Владимира, блаженный Ярополк, – во св. Крещении Петр, – был сын Великого князя Киевского Изяслава Ярославича. История ничего не говорит нам о времени его рождения. Известно только, что Ярополк был третий сын Изяслава, и один из сыновей этого князя с самых ранних лет принимал непосредственное участие в делах отца своего.

В первый раз его имя встречается в истории в 1070 году, в борьбе Изяслава с Всеславом Полоцким, по утверждению Изяслава на великокняжеском престоле, после первого его изгнания (1069 г.).⁹⁰ Известно, что после этого изгнания Всеслав был избран Киевлянами и объявлен великим князем Киевским. До сего времени Изяслав держал Всеслава у себя в Киеве, в темничном заключении. Потому, возвратившись на отчий престол, Изяслав немедленно изгнал Всеслава из Полоцка, куда тот удалился было по возвращении Изяслава, и посадил там сына своего Мстислава. За тем, когда Всеслав потерпел поражение под стенами Новгорода (1069 г.), Изяслав послал против него Ярополка, который в следующем (1070 году) разбил Всеслава у Голотичска⁹¹ и заставил его помириться с отцом своим.⁹²

Вскоре после этого Изяслав должен был снова бежать из Киева, оставивши великокняжеский престол брату своему Святославу (1073 г.) Вместе с ним отправился в изгнание и Ярополк⁹³ и на этот раз с отцом своим побывал в Польше, у Польского тогдашнего Короля Болеслава, и даже в Германии у Немецкого Императора Генриха IV. У обоих из них Изяслав просил помощи против похитителей своего престола. Но Болеслав, как говорит Карамзин, не хотел искать опасностей в России, взял сокровища Изяслава и, по словам летописца, указал ему путь от себя.⁹⁴ Столь же мало успеха имел Ярополк с отцом своим и у Немецкого Императора. «Окруженный в собственном государстве изменниками и неприятелями, Генрих,

как говорить Карамзин, послал в Киев Бурхарда, Трирского духовного чиновника, и велел объявит князьям Российским, чтобы они возвратили Изяславу законную власть, или, не смотря на отдаленность, мужественное войско немецкое смирит хищников».⁹⁵ Но затем «обезоруженный щедростью Святослава и не имея никакого способа воевать се Россиянами, он утешил изгнанника одним бесполезным сожалением».⁹⁶

Это было в 1075 году. Тогда, лишенный надежды на ближайшую помощь соседей, Изяслав решился обратиться к Римскому Первосвященнику, и в том же году послал Ярополка в Рим в тогдашнему Папе Григорию VII, Гильдебранду. Гордый Папа благосклонно принял сына великого князя Русского и в том же году послал посольство к Болеславу, «заклиная именем Божиим отдать Изяславу все взятое им и его людьми, ибо хищники, писал Папа, не внидут в небесное Царствие, ежели не возвратят похищенная».⁹⁷ Болеслав не посмел противиться Папе – и решился помочь изгнанному князю.⁹⁸

Но в это самое время умер в Киеве Святослав (1076 г.) и на его месте сел другой брат его Всеволод, который вскоре помирился с Изяславом и снова уступил ему великокняжеский престол (1077 г. 5 июля). Тогда Ярополк получил от отца своего удел Вышгородский, который в то время считался одним из старейших уделов в области великого княжества Киевского и большей частью был занимаем наследниками великокняжеского престола.

За сим мы видим Ярополка на войне, которую отец его предпринял на защиту Всеволода, изгнанного из его Черниговской волости беспокойным Олегом Святославичем и его союзником Борисом, сыном Вячеслава. Ярополк выступил к Чернигову вместе с отцом своим, дядей Всеволодом и его сыном Владимиром Мономахом. Уже победа была на стороне великого князя, как вдруг один из неприятельских всадников наехал и ударил Изяслава копьем в плечо. Рана была смертельная, – и Изяслав скончался на поле битвы (1078 г.), оставив великокняжеский престол своему брату Всеволоду. Ярополк проводил тело отца до самого Киева, оплакивая его смерть с дружиною: «батюшка, батюшка, говорил он, не без

печали ты пожил на этом свете; много напасти принял от людей и от своей братии; – и вот теперь погиб не от брата, а за брата сложил голову». Изяслав был погребен в мраморной раке в храме Пресвятой Богородицы, «где стоял памятник св. Владимира».⁹⁹

Взгляд на пребывание Ярополка в Риме. Суждение римских католиков об этом событии. Его настоящее историческое значение.

Известно, что в латино-польской богословской литературе издавна существует особого рода мнение, в силу которого многие латиняне и унияты стараются доказать, что на Руси со времен Св. Ольги и Владимира существовала непрерывная Уния с церковью Римскою до самого Митрополита Всероссийского Фотия (скончавшегося в 1435 г.).¹⁰⁰ И вот в числе важнейших доказательств этого мнения, некоторые латино-польские писатели стараются указать и на посольство от Изяслава в Рим и на пребывание там бл. Ярополка у Папы Гильдебранда.

После Иллариона (Митрополита), пишет иезуит Кулеш, на Руси вступил на Митрополию Киевскую Георгий, или Юрий в 1068 г. Что он был в Унии с римскою церковью, на это указывает совершившееся во время его управления посольство Русского князя в Рим. Ибо Димитрий, (так называет его Бароний 1075 г.)¹⁰¹ посылал к папе сына своего. Причины этого посольства изложены в послании того же Папы (к Изяславу). Чрез сына своего Димитрия пожертвовал свое королевство Св. Петру, дабы он имел оное из его рук и содержал под своею охраною, и даже хотел учинить ему присягу на верность. Приняли это Папа и, пиша к Изяславу (lib. 2 epist. 74), желает ему обороны Св. Петра и заступления у Господа Бога, дабы и по смерти он удостоился царствия вечного».¹⁰²

Заметим кстати, что такой же почти взгляд на это обстоятельство имеют и некоторые наши отечественные писатели. «Изяслав, говорит Карамзин, обратился к Папе, славному в истории Григорию VII, хотевшему быт главою всеобщей монархии или царем царей, и послал в Рим сына своего. Жертвуя властолюбию и православию Восточной Церкви, и достоинством государя независимого, он признавал не только духовную, но и мирскую власть Папы над Россиею, требовал его защиты и жаловался ему на короля Польского».¹⁰³

Но достаточно прочитать пресловутую грамоту Паны Григория к Изяславу, чтобы не только, по словам Преосвящ. Макария, до некоторой степени усомниться в справедливости папского к Изяславу послания,¹⁰⁴ но даже и совсем убедиться в его неосновательности и несправедливости.

Григорий VII писал к Изяславу:¹⁰⁵ «Григорий Епископ, слуга слуг Божиих, Димитрию, князю Россиян (Regi Russorum), и Княгине, супруге его, желает здравия и посылает Апостольское благословение».

«Сын ваш, посетив Святые места Рима, смиренно молил нас, чтобы мы властью Св. Петра утвердили его на княжении, и дал присягу быть верным главе Апостолов. Мы исполнили сию благую волю – согласную с вашею, как он свидетельствует – поручили ему кормило государства Российского именем верховного Апостола, с тем намерением и желанием, чтобы Св. Петр сохранил ваше здравие, княжение и благое достояние до кончины живота и сделал вас некогда сопричастником славы вечныя. Желая также изъявить готовность к дальнейшим услугам, доверяем сим послам, из коих один всем известен и друг верный,¹⁰⁶ изустно переговорит с вами о всем, что есть и чего нет в письме. Примите их с любовью, как послов Св. Петра, благосклонно выслушайте и несомненно верьте тому, что они предложит вам от имени нашего, – и проч. Всемогущий Бог да озарит сердца ваши и да приведет вас от благ временных ко славе вечной. Писано в Риме, 15 мая, Индикта XIII», (т.е. 1075 года).¹⁰⁷

Очень могло быть, как основательно замечает Пр. Макарий, что Изяслав отправил в Рим сына своего жаловаться на Польского короля, исповедовавшего римскую веру, или даже просит, чтобы Папа своею духовною властью побудил Болеслава оказать помощь нашему князю за взятые у него сокровища.

«Но как мог русский князь просить себе престола Русского у римского первосвященника, когда знал, что слово последнего не имело в России никакой силы, что его не послушались бы ни народ, ни князь? Как мог Изяслав, бывший уже двукратно великим князем и имевший неотъемлемое право на Киевский

престол, просить у папы престола не себе, а сыну своему, когда знал, что это послужило бы только новым, непреодолимым препятствием к достижению цели при существовавших тогда княжеских отношениях? Довольно ли выразумел Гильдебранд слова сына Изяслава? Не дал ли им своего более обширного смысла? Не хотел ли только воспользоваться благоприятным случаем, чтобы действовать на Русского князя, а через него и на русскую церковь для привлечения их в свои сети».¹⁰⁸

Нельзя не согласиться также с свидетельством другого нашего отечественного историка, который прямо говорит, что сам Карамзин «на сей раз мог быть слишком доверчив к папе, браня Изяслава, что он будто бы жертвовал властолюбию и православием Церкви и достоинством Государя». – «Действительно Карамзин, не видевший всей переписки Пап с Русскими, на сей раз мог быть слишком доверчив к папе. Много примеров было тому, что Папа принимал поклон пастырю за поклон подданного царю, и в великолепных надеждах на будущность перестраивал по-своему действительность на бумаге».¹⁰⁹

Но даже признавая достоверность послания Григориева к Изяславу, мы должны сознаться, что оно не имело для римской церкви никакого значения. Мы видим, что, по смерти Святослава, Всеволод беспрепятственно уступил снова великое княжение Изяславу; тем, как говорит Пр. Макарий, и кончилось сношение Изяслава с Римом.¹¹⁰ – Тем менее обстоятельство это могло иметь какое либо влияние на бл. Ярополка. Исполняя волю отца своего – изгнанника, Ярополк, как верный сын, мог действовать от имени отца даже в пользу папы; но когда он увидел все бессилие римского первосвященника по отношению к делам России, когда вместе с ним убедился в алчности папских стремлений и ненасытимой жадности Гильдебранда к порабощению всего мира, – он без сомнения с полнотой православного чувства отверг всякие сношения с Римскою куриею, а может быть, в последствии времени и слезами покаяния омыл свою невольную ошибку, если только она была сделана. Дальнейшая жизнь бл. Ярополка служит сему самым лучшим доказательством.¹¹¹

Блаженный Ярополк в звании князя Волынского; несчастья перенесенные им в этом звании; его кончина, погребение и прославление (1078 – 1086).

Как только добрый Всеволод сделался великим князем по смерти Изяслава, он тотчас дал Ярополку отчину отца его Туров и в награду за верную службу присоединил к ней стол Волынского княжения Владимирского. Шесть лет спокойно княжил Ярополк на Волыни, без всяких тревог и возмущений. На шестом году своего княжения, пред Пасхою 1084 г., набожный Ярополк отправился в Киев, чтобы провести Светлое Воскресение у великого князя, своего дяди. Этим случаем воспользовались Ростиславичи. По удалении Ярополка они убежали из Владимира, собрали войско, прогнали Ярополкову дружину из его княжения и, овладев городом Владимиром, объявили себя князьями Волынскими.¹¹² Тронутый несчастьем племянника, Всеволод для защиты Ярополка послал на Волынь своего сына – Владимира Мономаха. Владимир побывал два раза у Ярополка на Бродах, и «сотворив там, по свидетельству самого Мономаха, любовь велику» с последним, овладел Владимиром, прогнал похитителей Ярополкова удела и снова утвердил его на Владимирском престоле.¹¹³

Но на этот раз Ярополку не суждено было долго оставаться во Владимире. Побуждаемый постоянными требованиями безудельных западнорусских князей – Давида Игоревича и Ростиславичей, великий князь дал первому Дорогобуж, а Ростиславичам Перемышль и Теребовль. Между тем эти города с давних пор составляли одно с княжением Владимиро-Волынским, и на этом основании до последнего времени принадлежали Ярополку. Обиженный таким образом Ярополк готовился защищать свое достояние. Впрочем, как свидетельствуют летописи, он вовсе не думал вооружиться против Великого князя, а шел единственно против Давида и Ростиславичей, которых одних считал виновниками своей обиды. Но Всеволод понял дело по-своему, и потому нимало не медля снарядил войско против Ярополка и снова послал оное

на Волынь под предводительством Владимира Мономаха. Блаженный Ярополк должен был бежать и, по примеру отца своего, удалился в Польшу, оставив в Луцке мать свою и семейство с дружиною. Мономах приблизился с ратю к Луцку; но Лучане сдались без боя и выдали ему семейство Ярополка (1085). Мономах отдал Владимирский удел Давиду Игоревичу, владевшему в то время Дорогобужем, а пленное семейство Ярополка отослал в Киев.¹¹⁴

Впрочем в следующем году (1086) Ярополк снова вернулся из Польши в Русскую землю, заключил мир с Всеволодом и старанием доброго Мономаха сел опять во Владимире. Такому обороту дел в особенности содействовала прежняя дружба Мономаха с Ярополком, а можете быть и благодарность старого Всеволода к отцу Ярополка Изяславу и нежелание Всеволода вступать в борьбу с сыновьями Изяслава (братьями Ярополка), из которых старший по праву должен был получить великое княжение по смерти Всеволодовой. – Как бы то ни было, но Ярополк в третий раз утвердился в своей отчине, хотя на весьма непродолжительное время. Посидев несколько дней во Владимире, блаженный князь поехал в Звенигород, один из городов Галицких.¹¹⁵ «Когда дорогою, как говорит современник, он лежал на возу, некто Нерядец, один из дружины Ярополка, ехавший подле на лошади, по наущению злых людей (вероятнее всего по наветам Ростиславичей),¹¹⁶ проколол князя в бок саблею». Ярополк поднялся, извлек из себя окровавленное железо и громко воскликнув: «ох, этот враг меня покончил», скончался. Нерядец бежал в Перемышль к Рюрику Ростиславичу.¹¹⁷

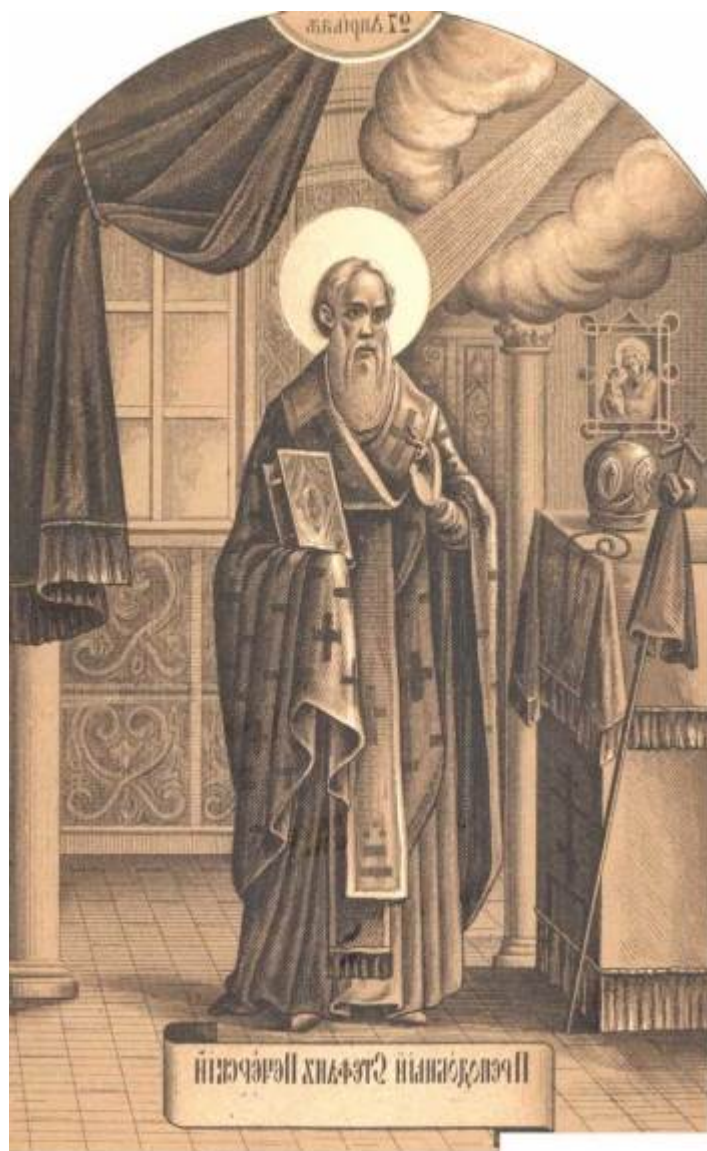
Это было 22 ноября 1086 г. Отроки Ярополковы взяли тело своего князя и повезли оное сначала во Владимир, а оттуда в Киев, чтобы воздать ему честь погребения там, где лежали кости отца его. Всеволод, Мономах и брат его Ростислав, духовенство и народ Киевский, все встретили останки блаженного князя с искренним изъявлением горести и печали. За тем, по свидетельству Нестора «со псалмы и песнями проводили его до Св. Димитрия и опрятавше тело его, с честью

положили оное в мраморной раке, в церкви Св. Апостола Петра, юже бе сам начал здати преж, месяца декабря, в 5 день¹¹⁸.

Летописец со скорбью говорит, что блаж. Ярополк много принял бед без вины, был изгоняем братьями, обижен, разграблен, наконец принял горькую смерть. По словам Преподобного Нестора, он был тихий, кроткий, смиренный, братолюбивый, каждый год давал десятину из всего имения своего в Богородичную Киевскую церковь и всегда просил себе у Бога такой смерти, какая постигла его родичей: Бориса и Глеба. «Господи Боже, взывал он часто, приими молитву мою, дай мне смерть, якоже двум братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, дабы я омыл грехи мои кровью моею и избавился сего тщетного, мятежного мира, как вражьей сети». И вот, заключает Преподобный летописец, молитва блаженного не отринута Богом. Он получил блага, их же око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человека не взыдоша, яже уготова Господь любящими его.¹¹⁹

Другие известия прибавляют к этому, что блаженный Ярополк отдал Печерской обители все имение свое – волости Небольскую, Деревскую, Луцкую и около Киева,¹²⁰ не любил нетрезвости и насмешек, а вместо этого любил слезы умиления, никому не мстил и был весьма образован.¹²¹

Память Святого Блаженного Ярополка – Петра Изяславича с самых древних времен полагается в Православных Русских святцах 21 ноября, накануне его смерти, совместно с праздником Введения во храм Пресвятой Богородицы.¹²²

III. Житие преподобного Стефана, епископа Волынского. (27 Апреля).

1. Первоначальное служение преподобного Стефана в обители Киево-печерской. Его избрание во игумена Печерского и деятельность в этом звании (1040 – 1078 г.).

О первоначальном происхождении и воспитании Преподобного Стефана предание не сохранило никаких сведений. Известно только то, что он с самого детства подвизался в Киево-печерской Лавре под надзором и руководством Преподобного Феодосия и был его «присным», искренним учеником.¹²³ Вместе с сим Блаженный Стефан с самых первых времен своего пребывания в обители пользовался особым уважением у братии Печерской, так что вскоре по пострижении единодушно был избран всеми доместиком Лавры, т. е. начальником хора или уставщиком. С своей стороны и Преподобный Феодосий тоже не забывал своего любимого ученика и нередко поручал ему вместо себя говорить поучения братии.¹²⁴

Когда Преподобный Феодосий приближался к кончине, братия Лавры единодушно просила его, дабы он назначил им вместо себя игуменом «Стефана доместика». «Он вырос под твоей рукой, говорили ему, и послужил тебе; теперь дай нам его». – Преподобный Феодосий с любовью принял желание брани, и призвав блаженного Стефана, в лице всего Лаврского собора, передал ему монастырь со всем его достоянием и затем с миром почил о Господе) (3 мая 1074 года).¹²⁵ Умирая Пр. Феодосий между прочим дал Святому Стефану следующее наставление: се, чадо, вручаю тебе монастырь; блюди его с опасением и храни что я устроил относительно службы не изменяя преданий монастырских.¹²⁶ Но особенно Преподобный Феодосий с великою любовью и заботливостью поручал своему преемнику основанную им, новосозидаемую великую соборную церковь Печерскую, и умолял его довершить начатое дело.¹²⁷ Блаженный Стефан, как послушный сын, принял на себя исполнение воли своего отца и учителя. И действительно, его старанием, спустя три года, огромный храм печерский был

окончен вчерне. В тоже время, оградив монастырь деревянной стеною, Преподобный Стефан постройит вблизи созидающейся церкви деревянные кельи, в которые перевел братию из старого пещерного монастыря, оставив в последнем только немногих иноков для погребения умирающих и ежедневного служения божественной литургии за умершую братию и ктиторов обители.¹²⁸

2. Удаление Преподобного Стефана из Печерской обители и основание им Кловского Влахернского монастыря (1078 – 1090 г.).

Однако преемнику Преподобного Феодосия не суждено было довести до конца завещанное ему дело великого основателя Печерской обители. Неизвестно, по какой причине и по какому случаю, братия, которая сама выпросила себе Стефана во игумены у Преподобного Феодосия, до того вооружилась против Преподобного, что не только заставила его отказаться от игуменства, но даже лишила всякого прибежища в обители и принудила его совершенно удалиться из нее.¹²⁹ Это было в 1078 году.¹³⁰

Как достойный ученик Преподобного Феодосия, блаженный Стефан с твердостью перенес постигшее его несчастье. За то Господь даровал ему утешение в особом добром сочувствии, с которым теперь отнеслись к нему Киевские бояре и вельможи великокняжеские. Из них многие были духовными детьми Преподобного, – некоторые даже еще по указаниям и назначению Пр. Феодосия. Потому они всеми силами старались помочь Стефану, делали ему разные приношения «и, как говорит летописец, милостью подвигшеся, от имений своих довольно еже на потребу подаваху ему».¹³¹

Тогда вспомнил Св. Стефан о славных чудесах, свидетелем которых был он при построении Печерской церкви,¹³² и на получаемые подаяния, по образцу ее, решился устроить себе новую обитель. Но привязанный сердечною любовью к обители Печерской, с которою соединялось для него так много воспоминаний, – Преподобный не хотел далеко удаляться от нее, – и потому свой новый монастырь основал на другом отроге Печерской горы, на урочище, называемом Кловым, – посвятив его вместе с создаваемою церковью во имя положения ризы Пр. Богородицы во Влахерне, – от чего и сам монастырь получил наименование Кловского Влахернского.¹³³

3. Избрание и посвящение пр. Стефана во Епископа Волынского. Его служение в этом звании и участие в открытии св. мощей пр. Феодосия Печерского (1090 – 1091 г.).

Много собралось ревнителей иноческого жития к блаженному Стефану в его Кловскую обитель. – Он им дал весь чин строения и уставы, какие были учреждены для Печерской обители Пр. Феодосием. – «И процвела, как говорите летописец, обитель Кловская и далеко распространилась молва о добродетелях блаженного Стефана, яко и в дальчайших странах добродетельного ради жития славиму быти ему и знаему многим».¹³⁴

Вследствие этого, когда на Волыни скончался епископ Владимира Волынского,¹³⁵ – то св. Стефан единодушно волею великого князя и митрополита был избран во епископа и назначен преемником покойного на кафедру Волынскую. Блаженный поставил вместо себя настоятелем Кловской обители ученика своего Климента, – и рукоположенный митрополитом Киевским Иоанном, – отправился на новое свое служение (около 1090 г.).¹³⁶

Целый год благочестно пас Пр. Стефан врученное ему стадо Волынской паствы, с ревностью Апостольскою служа для всех, по словам современника, «образом, любовью, словом, житием, смирением и чистотою».¹³⁷ Между тем в Киеве, в это время, общим советом Печерского Игумена Иоанна с братией, решено было перенести святые мощи Пр. Феодосия из пещеры в новую соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы. Блаженный Стефан находился тогда в своей Кловской обители. Здесь еще продолжалось строение заложенной Пр. Стефаном церкви Влахернской, а потому Св. угодник, по всей вероятности, приезжал в Киев для наблюдения за монастырскими работами.¹³⁸ А может быть, он нарочито поспешил в Киев к этому времени для соборного служения вместе с митрополитом в великий храмовой праздник Успения Пр. Богородицы.¹³⁹ Блаженный Стефан слышал о благочестивом намерении

пещерной братии относительно перенесения священных останков пр. Феодосия, но не знал, когда именно намеревались они совершить самое перенесение. Однажды ночью сидел он в своей обители и размышлял о том, как бы не пропустить этого дорогого для его сердца торжества. – Вдруг видит он чрез поле зарю, сияющую во мраке над пещерою Феодосия. Святители Божий огорчился, подумав, что без него переносят св. мощи, – и потому, ни мало не медля, сел на коня и вместе с учеником своим Климентом отправился в Печерскую обитель. Дорогою им показалось, что множество свечей горит около пещеры. Но лишь только успели они приблизиться к ней, как свет прекратился и прежний мрак ночи объял пещеру. Тогда уразумел Св. Стефан, что это было видение, сподобившее его свыше «видеть свет божественной славы от честных мощей отца и учителя его».¹⁴⁰

Это было накануне 14 августа 1091 г., именно в ту пору, когда стараниями Пр. Нестора летописца только что прокопана была гробница Пр. Феодосия и его св. мощи вынесены к дверям пещеры.¹⁴¹

На другой день (14 августа 1091 г.) действительно было совершено желанное братией и Св. Стефаном перенесение мощей пр. Феодосия, – и блаженный епископ Волынский имел утешение послужить ему вместе с другими архипастырями, присутствовавшими на этом торжестве.¹⁴²

4. Возвращение пр. Стефана к своей пастве; новые подвиги благочестия, кончина и прославление (1091 – 1094).

После этого духовного торжества св. Стефан снова возвратился к своей пастве Волынской и здесь еще около трех лет (именно два года, 8 месяцев и 13 дней) довершал блаженный подвиг святительства; по свидетельству современника (пр. Нестора летописца), «многие добродетели на успех словесному си стаду сотворив, их же ради обретесе достоин не увядаемого славы венца, его же от начала лет своих именем своим знаменова»¹⁴³. – И тако, как заключает Патерик Печерский, по летех многих (пр. Стефан) на приятие венца того ко Христу Пастырей Начальнику отъиде».¹⁴⁴ – Добрый пастырь Волынский скончался в своей епархии, во Владимире Волынском, 27 апреля 1094 г. и здесь погребен, без сомнения, во Владимирском кафедральном соборе, среди общего плача обитателей города и всей Волынской паствы, на месте, именуемом ныне «Феодоровщина» или «Старая Катедра», входившем некогда в составе г. Владимира, и теперь отстоящем от него на расстоянии около двух верст.¹⁴⁵

В этот же день отечественная церковь совершает и его святую память.¹⁴⁶

IV. Память преподобного Нестора летописца на Волыни.

С именем Пр. Нестора соединяется имя первоначальника Русской Летописи, оставившая нам древнейшее описание нашей отечественной истории. Не смотря однако на это, биографические сведения о его замечательной личности весьма скудны и дошли до нас только в незначительных отрывках. За исключением того, что Пр. Нестор родился в 1056 году и, как думают многие, в самом городе Киеве,¹⁴⁷ что за тем он вступил в печерский монастырь на семнадцатом году от рождения, кроме далее известия, что он пострижен в монашество приемником Пр. Феодосия, Стефаном, в последствии Епископом Волынским, и им же поставлен во дьякона,¹⁴⁸ и затем в 1091 году принимал непосредственное участие в открытии святых мощей преподобного Феодосия,¹⁴⁹ мы почти более ничего о нем не знаем. Самое время кончины Пр. Нестора неизвестно с точностью. Полагают только, что он умер после 1113 года, «ибо этот год занесен в хронологический перечень, помещенный в начале его летописи».¹⁵⁰

Тем более драгоценны при этом те особые черты, который история сохранила нам об отношении Пр. Летописца к земле Волынской. Таково прежде всего известие о пребывании Пр. Нестора во Владимире Волынском «смотрения ради училищ и поставления учителей». Это было, как рассказывает сам летописец, в 1097 г., когда преподобный писал уже свою знаменитую повесть временных лет.¹⁵¹ Без сомнения, как человека образованного и преданного науке, Пр. Нестора интересовали школы Владимирские тем более, что это были школы, как известно, старейшие в Русском Государстве, – и надобно полагать, в свое время самые замечательнейшие и обширнейшие.¹⁵²

Но особенно, как нам думается, Пр. летописец посещал пределы Волынские с другою не менее важною целью – именно для ознакомлена с историей и историческими памятниками края, который после области Киевской был тогда главнейшим

центром политической жизни русского государства. Известно, что еще за долго до общерусской летописи Пр. Нестора, – на Волыни, как и в Новгороде существовала местная летопись Волынская, занимавшаяся описанием южнорусской истории.¹⁵³ Знатоки замечают, что эта Волынская летопись во многих местах даже целиком вошла в состав временника Несторова,¹⁵⁴ – вследствие чего, между прочим, и повествование его о событиях земли Волынской, как известно, составляет чуть-ли не третью часть всего содержания Несторовой Летописи. – Само собою разумеется, что Пр. летописец нигде не мог так познакомиться с Волынской историей, как в столице тогдашнего княжения Волынского – во Владимире Волынском и в особенности в Святогорском Владимирском монастыре, в котором, по мнению большинства исследователей, писана и Волынская летопись.¹⁵⁵ А это очевидно еще более приближает Преп. летописца к земле Волынской, поставляя его не только на ряду с важнейшими ее посетителями, но и в числе первых ее историков, сохранивших для нас сведения о древних судьбах и обстоятельствах нашего края.

Преподобный Нестор погребен в Киеве, – в пещере Пр. Антония, где и доселе открыто почивает. Память его, по древним святцам, 27 октября, в день его кончины.¹⁵⁶

V. Святой Амфилохий печерский, Епископ Волынский.

Скудость сведений о его жизни и деятельности. Вероятное происхождение его из иноков Киево-печерской Лавры. Его отношение к делу о причислении Преподобного Феодосия Печерского в лику святых. Участие в борьбе Великого Князя Владимира Мономаха с Волынским князем Ярославом Святополковичем. Удаление в Печерскую обитель. Кончина и отношение его к судьбам Лавры Почаевской.

Из всех святых угодников Божиих, известных в истории православной церкви на Волыни, о святителе Амфилохии мы имеем самые скудные сведения.

В своих жизнеописаниях «Русских святых» Преосвященный Филарет, Архиепископ Черниговский, сообщает о нем только

следующее:

«О Святом Амфилохие, Епископе Владимиро-Волынском, которого рукописные святцы поставляют между святыми Печерскими подвижниками, летописи говорят нам только, что он хиротонисан в 1105 году и скончался в 1122 году. В одном списке святцев, – присовокупляет к этому еще Преосвященный Филарет, – сказано, что святой Амфилохий в пещере преставился».¹⁵⁷

Такие же сведения находим о Святителе Амфилохие и в «историческом исследовании об епископах Волынской Епархии, в Волынских Епархиальных Ведомостях 1867 года, с прибавкою, что «святитель Амфилохий был рукоположен русским митрополитом Никифором I-м» и что, по порядку наследования, ему должно принадлежать третье место в ряду известных по истории первосвятителей Владимиро-Волынской Епархии со времени ее основания, после Стефана 1-го, поставленного святым равноапостольным Владимиром, при открытии Волынской Епархии, и святого Стефана II-го, известного преемника Преподобного Феодосия Печерского по игуменству в Киево-печерской Лавре (1091 – 1094 г.¹⁵⁸

Не более сведений сообщают о святителе Амфилохие в своих «историях Русской церкви» и Преосвященный Макарий и Профессор г. Голубинский, не смотря на то, что последний в своей истории, в числе других исследований посвящает даже особый, специальный отдел исследованию «о Епархии Владимиро-Волынской» в период домонгольский.

«Из Епископов Владимира-Волынского, говорит г. Голубинский, в настоящее время известны: 1) Стефан I-й, самый первый Епископ, поставленный Св. Владимиром; 2) Стефан II-й, постриженник печерского монастыря, сначала domestик или еkkлeзиарх в нем, а потом приемник преподобного Феодосия по игуменству... и 3) Амфилохий, поставленный 27 Августа 1105 года и умерший в 1122 году».¹⁵⁹

В сущности все эти сведения суть не что иное, как повторение таких же сведений, какие о святом Амфилохии сообщаются в наших летописях, каковые сведения, в более обширной редакции по Никоновскому списку, читаются так: «В

лето (1105 г.) постави Никифор Митрополита по градом Епископы; постави Никифор Митрополит Епископа Амфилохия Володимерю Августа в 27-й день».¹⁶⁰

Того же – (1122) лета преставися Амфилохий Епископ Володимерский, и земля потрясеса мало».¹⁶¹

Понятно само собою, что на основании данных подобного рода нельзя ничего сказать как о происхождении, так и о жизни и деятельности Святителя Амфилохия на его кафедре, не смотря на то, что он архиерействовал на Волыни целых семнадцать лет.

С большею или меньшею вероятностью можно предположить только, что святой Амфилохий взят на епископию из постриженцев Киево-печерской Лавры, так как в то время вообще ставили Епископов на Руси по преимуществу из печерских иноков, как это видим и на самой Волыни в лице преподобного Стефана II-го и потом непосредственного преемника Амфилохия на Владимиро-Волынской кафедре, Симона, тоже бывшего из игуменов печерских (1123 – 1136 г.), и др.¹⁶²

На ту же мысль наводит и сохранившееся, как мы видели у преосвященного Филарета, старинное предание, что «святой Амфилохий в пещере приставися», и соединенное с этим причисление его к лику преподобных печерских. Ибо тогда было в обычай, что все постриженцы Киево-печерской Лавры, как бы далеко промысл Божий ни заносил их от Киева, ничего так ни желали, как быть погребенными в заветных пещерах, откуда они вышли.... И многие действительно находили здесь вечный покой, а с сим вместе и высшее небесное прославление в качестве Преподобных печерских, как это напр. известно о святителе Нифонте, Епископе Новгородском (1156), самом Симоне, Епископе Владимирском (1226 г.), Меркурии Смоленском (1239), и многих других.¹⁶³

За сим из исторических обстоятельств, в которых Святой Амфилохий в свое время несомненно принимал участие, нужно указать прежде всего на последовавшее в 1108 году причисление Преподобного Феодосия Печерского к лику святых.

Летописи об этом событии говорит так: «того же 6616 лета вложи Бог в сердце Архимандриту, Игумену Печерскому Феоктисту, и нача понуждати Феоктист Великого князя Святополка – Михаила Изяславича вписати Феодосия в синаник (синодик, список святых), Богу тако изволившу. Святополк же рад бысть, и веле его вписати, еже сотвори Митрополит Никифор. Повел же Митрополита по всем Епископиям вписати Феодосия в синаник. Все же епископы с радостью вписаша, и поминают его (Феодосия) во всех сборах».¹⁶⁴

Если все епископы таким образом с радостью вписали Преподобного Феодосия в святцы и стали помянуть его в своих молитвах, то тем с большею радостью должен был сделать это Святитель Амфилохий, столь близкий к Лавре преподобного Феодосия по духу, яко постриженец ее, и вследствие этого всегда помышлявший о том, чтобы упокоиться в пещерах Киевских, под кровом новопрославленного угодника Божия, подобно прочим печерским собратьям своим о Господе.

Спустя семь лет после этого, в 1115 году, совершилось на святой Руси другое, не менее памятное событие, а именно перенесение мощей святых страстотерпцев Бориса и Глеба из деревянной в Вышгороде в новоизданную каменную церковь. По сказанию летописи, на этом торжестве также участвовали все епископы как то Феоктист Черниговский, тот самый, который в звании Игумена Печерского хлопотал о причислении преподобного Феодосия к лику святых, Лазарь Переяславский, Никита Белгородский и Даниил Юрьевский.¹⁶⁵ – Между ними не было Святого Амфилохия. Может быть причиной тому была отдаленность его Епархии и особенно местожительства его в городе Владимире от Киева. – Но всего вероятнее, Святитель Амфилохий не мог поехать к Киев, потому что не пустил его туда тогдашний (с 1097 г.) Владимиро-Волынский удельный князь Ярослав Святополкович, сын бывшего Великого князя Святополка Изяславича, в то время находившийся во вражде с Великим князем Владимиром Мономахом вследствие того, что, женившись на внучке его, дочери сына Мономаха святого Мстислава, Ярослав дурно обращался с женою, и этим вызывал против себя сильное неудовольствие Мономаха.¹⁶⁶

Как бы то ни было, но та же борьба, спустя два года, была причиною того, что святителю Амфилохию пришлось выдержать вместе с другими в городе Владимире тяжелую двухмесячную осаду, так как Мономах решился наказать вероломного Ярослава и для этого в 1117 году, явившись под стенами Владимира с тремя союзными князьями – Давидом Олеговичем, Володаром, и Васильком, целых шестьдесят дней осаждали город, пока Ярослав не смирился и не попросил прощения.¹⁶⁷

Когда же Мономах после этого заключил мир с Ярославом, «Ярославу, покоршуся и вдарившу челом пред стрьем своим Володимером», то Святителю Амфилохию нужно было принимать непосредственное участие в их примирении, так как в те времена все договоры между князьями, а тем более такие, как примирение враждующих, заключались не иначе, как с благословения и утверждения Святительского. В противном случае они не могли иметь ни какой силы. «И тако в мире», – а мы прибавим еще, – и за благословением Святителя Амфилохия, Владимир и Давид, Володар, Василько и Ярослав «разыдошася каждо во свояси».¹⁶⁸

Впрочем Ярослав жил в мире с своими родичами недолго. Вскоре он совсем прогнал от себя жену свою, и удалившись в 1118 году из Владимира в Венгрию, начал набирать там полчища, чтобы отнять Владимир у сына Мономахова Романа, которого Мономах послал на Волынь вместо Ярослава. К Венграм Ярослав присоединил еще Ляхов, и в 1121 году отправился в пределы Волыньские против Романа.¹⁶⁹

В таких обстоятельствах, само собою разумеется, Амфилохию оставаться во Владимире было невыгодно и опасно, тем более, что хотя Ярослав в 1121 году дошел только до Червеня, одного из ближайших ко Владимиру городов Галицких, но он готовил новую грозу, которая в 1123 году и разразилась появлением его у самого Владимира «с Угры и с Ляхы и с Чехы».¹⁷⁰ – Вследствие этого Святитель Амфилохий решился удалиться из беспокойного Владимира в Киев к Великому князю, под его защиту. Сюда же влекли его и излюбленные Киевские пещеры с своим неземным миром и удалением от всяких треволнений, столько лет обуревавших его

на кафедре Владимиро-Волынской по причине междоусобий, центром которых Волынь тогда была по преимуществу.

Это было, всего вероятнее, в 1121 году, после первой попытки Ярослава сделать нападение на Волынь. В 1122 году Святитель Амфилохий скончался в святых пещерах, как сам того желал.

Спустя сто лет после сего, дитя орды Монголов разорили Киев до основания, а с ним вместе жертвою вражеского погрома сделалась и обитель Печерская. Большая часть ее иноков погибла от меча; другие разбежались, кто куда мог, ища спасения. В это время, должно быть, вместе с другими св. мощами сокрыты были от врагов и честные мощи Святителя Амфилохия, которые до нашествия Батыева были несомненно, как были мощи прочих угодников печерских, прославленных до того времени. – Когда же потом Лавра Печерская устроилась снова, то те, которые прятали останки блаженного угодника, или были убиты, или же навсегда ушли из Киева, и таким образом некому было указать место нахождения их, как не найдено было, по тем же причинам, тогда местонахождение Святых мощей и других святых угодников, сокрытых во времена погрома вражеского, напр. Бориса и Глеба, Преподобного Феодосия Печерского и др. От того мощи святителя Амфилохия остаются под спудом до сего дня.

За то в Печерской Лавре до самого Батыя не умерла память о том пути, которым угодник Божий, равно как его предшественники и преемники по кафедре Владимиро-Волынской из печерских иноков, ходили на Волынь для занятия своей кафедры. Теперь этим путем воспользовались некоторые из подвижников печерских, застигнутые Татарскою ордой, и шествуя по нему, достигли благословенной Горы Почаевской, и здесь основали себе новую «небеси подобящуюся обитель» во имя Божией Матери, которая, как прямая наследница Лавры Киево-печерской, молитвами Преподобных печерских процветает и до настоящего времени, глубоко храня признательную память о своем исконном родстве с святою обителью Печерской и купно со всеми ее блаженными угодниками, в числе которых святитель Амфилохий, по всей

справедливости, должен занимать самое видное и почетное место.¹⁷¹

Память Святителя Амфилохия, 28 Августа, совместно с прочими печерскими угодниками Феодосиевых или дальних пещер,¹⁷² в особо 23 Ноября, в день памяти тезоименитого ему Святителя Амфилохия Епископа Иконийского.

VI. Память св. благоверного великого князя Киевского Мстислава Владимировича на Волыни.

Старший сын Владимира Мономаха, блаженный Мстислав родился в 1076 году и при св. Крещении получил Христианское имя Феодора. Еще будучи 12 лет, он был послан дедом своим, великим Князем Всеволодом княжить в знаменитой тогда волости Новгородской.¹⁷³ На 19 году его жизни уже видим св. Мстислава образцом мужества и великодушия Христианского в борьба с Олегом Черниговским, которому блаженный князь прощает несколько раз и испрашивает ему прощение у великого князя и отца своего, несмотря на то, что Олег убил брата его Изяслава и два раза вероломно нападал на него самого в намерении завладеть Новгородом.

В это время между прочим беспокойный Давид Игоревич во второй раз (1110 г.) был лишен стола Владимирского – на Волыни,¹⁷⁴ который как отчина теперь опять перешел в руки нового великого Князя Святополка, на основании Любецкого решения.¹⁷⁵ Но новому великому князю в настоящее время не столько нужна была Волынь, сколько Новгород, который под властью Мстислава находился таким образом в семье Мономаха. С этой целью Святополк уговорился с Мономахом и другими князьями (1102 г.), чтобы Мстислав был переведен во Владимир Волынский, а на его место в Новгород сел Ярослав, сын Святополков, княживший до сих пор во Владимире. Исполняя волю отца и великого князя Мстислав явился во дворце Киевском. сопровождаемый знатными новгородцами и боярами Мономаха. Тогда посланцы Мономаха объявили Святополку:

«Вот Владимир прислал сына своего; а вот сидят Новгородцы; пусть они возьмут сына твоего и идут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир».

Но на это Новгородцы сказали Святополку: «мы, князе, пришли сюда, и вот что нам велено сказать не хотим Святополка, ни сына его; если у сына твоего две головы, то пошли его к нам. Этого (т. е. Мстислава) дал нам Всеволод; мы

его вскормили себе в князя, тогда как сам ты ушел от нас»¹⁷⁶. Святополк долго спорил с Новгородцами, но они поставили на своем, взяли Мстислава и опять повели его назад в Новгород.

Тогда, не успев с одной стороны, Святополк решился действовать с другой; вследствие чего, спустя несколько времени, женил своего сына Ярослава, сидевшего тогда на столе Волынском во Владимире, на дочери блаженного Мстислава. – и этот-то брак бывший если не единственною, то по крайней мере одною из главных причин вражды между Ярославом и Мономахом, и был единственною причиною приведшею наконец на Волынь самого Мстислава.

Ярослав Волынский слишком дурно обращался с своею женою, – вследствие чего, сделавшись великим князем (1113 г.), Мономах еще в 1117 году ходил войною на Ярослава ко Владимиру, вместе с Давидом Святославичем, Володарем и Васильком Ростиславичами. После двухмесячной осады, Ярослав смирился; но вскоре, подущаемый Поляками, опять поднялся, в намерении достать себе старшинство пред Мономаховичами, – и до того увлекся желанием чести, что прогнал от себя даже собственную жену, дочь Мстислава. В тоже время прогнанный из Владимира Мономахом, за оскорбление внуки, Ярослав явился снова под стенами этого города с Венграми, Поляками и Чехами и осадил его со всех сторон (1123 г.).

Тогда во Владимире сидел другой сын Мономаха, Андрей. Сам Мстислав княжил в Белгороде близ Киева, куда переведен был отцом своим (1117 г.), желавшим иметь в сыне ближайшего помощника себе. – Мономах стал собирать войско против Ярослава, но для того, чтобы до собирания более сильной дружины не оставить Андрея Владимирского без помощи, он послал впереди себя ко Владимиру Мстислава Белгородского с небольшим отрядом.¹⁷⁷

Блаженный Мстислав немедленно отправился против своего неблагодарного зятя. – Но не успел он дойти до Владимира, как осада была снята, в следствие неожиданной смерти Ярослава, убитого двумя поляками из дружины Андрея. Союзники Ярослава, пораженные его смертью, тоже разошлись по домам,

отправив к Владимиру послов с богатыми дарами для заключения мира (1124 г.)¹⁷⁸

Теперь Мстиславу оставалось только устроить Волынскую землю в пользу брата, и без сомнения, к этому времени должно отнести и построение тех монастырей и храмов в г. Владимире и Луцке, основание которых предание приписывает св. Мстиславу, как-то монастыря Васильевского, церкви Дмитриевской и др. Вероятность этого предания переходит в полную достоверность, если обратим внимание на то обстоятельство, что св. Мстислав, по сказанию истории, во всю жизнь свою не пропустил ни одного особенно удачного или счастливого случая из своей жизни, чтобы не ознаменовать его построением какого-либо монастыря или храма. Так, сейчас по усмирении Олега Черниговского, им основана Церковь Благовещения на Городище вблизи Новгорода.¹⁷⁹ Совершив поход в дикую Эстонию, Мстислав в 1113 г. заложил на княжьем дворе каменный храм во имя св. Николая.¹⁸⁰ В марте (1116 г.) он опять смирил Эстов, взял Одеппе и захватил множество пленных, – в память этой победы он воздвиг новый храм в Ладоге, во имя св. Великомученика Георгия.¹⁸¹

Весьма естественно, что победив – и при том так легко, непокорного и вместе с сим причинившего столько семейных хлопот, – Волынского князя, Блаженный Мстислав, по обычаю, решился ознаменовать эту новую свою победу особыми памятниками на Волыни, – и в память этого положил основание некоторым монастырям и храмам в древнем Владимире¹⁸² и потом в Луцке, который в это время лежал на пути из Киева во Владимир, и кроме того был еще так памятен для России по пребыванию в нем Блаженного Николая Святоши, на ту пору еще подвизавшегося в обители Печерской. Не забудем кроме этого, что под властью Андрея, сына Мономахова, княжившего в то время на Волыни, самый Луцк принадлежал теперь семье Мономаховой, – что в это время сам Мстислав находился в Белгороде,¹⁸³ следовательно по сю сторону Днепра невядалеке от Луцка, – а при таком положении, само собою разумеется, он весьма легко мог распоряжаться здесь как на своей отчине, тем более, что как старший сын великого князя Мстислав, без

сомнения, он имел и права более широкие, особенно в волости брата, которого только что освободил от неприятелей.

Наследовав отцу своему (1125 г.), блаженный Мстислав прогнал (1127 г.) Половцев не только за Дон, но и за Волгу; строго наказал Полоцких князей, отказавшихся воевать против этих заклятых врагов Христианства; ходил (1131 г.) с детьми войною против дикой Литвы и наконец на пасхальной неделе, 15 Апреля 1132 г., скончался на 56 году своей жизни в Киеве, где и погребен в своем храме Великомученика Феодора.¹⁸⁴

Церковь отечественная совершает память Святого Мстислава 15 Апреля в день его кончины.¹⁸⁵

VII. Пребывание пр. Николы Святоши, князя Черниговского, на Волыни в звании удельного князя Луцкого.

Преподобный Никола Святоша был сын благочестивого князя Черниговского Давида Святославича. В мире Святослав, во Св. Крещении Панкратий, Пр. Никола имел жену и детей, и одна из дочерей его была супругою блаженного князя Псковского Всеволода – Гавриила.¹⁸⁶

В 1097 г. великий князь Святополк отдал Святославу Давидовичу г. Луцк, составлявший тогда столицу особых удельных князей Луцких. Это было в то время, когда Давид Игоревич, известный в истории ослеплением несчастного Василька, задумал возвратить себе прежнюю свою отчину Владимиро-Волынскую, данную ему на Любечском съезде (1097 г.) и потом отнятую (1099 г.) Великим Князем Святополком. – Овладев некоторыми городами в Галиции, Давид внезапно напал на город Владимир, в котором на ту пору сидел сын великого князя, Мстислав Святополкович, и осадил Владимирскую крепость.¹⁸⁷ Однажды, когда осажденные перестреливались с осаждающими, Мстислав, желавший лично храбростью ободрить Владимирцев, – вышел на стену, чтобы выстрелить в неприятеля, – как вдруг внезапно был поражен стрелою, от которой скончался. Уведомленный об этом, Святополк послал на помощь осажденным своего воеводу Путятю, которые, пришедши в г. Луцк к Святоше, застал здесь послов Давида, подсланных последним, с целью разузнать о действиях Святополка в пользу Владимирцев. – Убежденный Путятою, Святослав схватил послов Давидовых и вместе с воеводою великого князя отправился во Владимир против Давида.¹⁸⁸ Путята и Святоша пришли ко Владимиру в полдень, когда Давид, убежденный в бдительности послов своих, беспечно отдыхал после обеда, у стен крепости. Луцкий князь вместе с Путятою напал на сонного и начал рубить его войска. С своей стороны Владимирцы тоже сделали вылазку из крепости, – и Давид побежал от Владимира с племянником

своим Мстиславом. После этого Святоша и Путята заняли город и посадив в нем наместника Святополкова Василия, – разошлись восвояси, один в Киев к Великому князю, а другой в Луцк на свое княжение.¹⁸⁹

Но в то же время не дремал и Давид. Он побежал к Половцам и встретившись на дороге с Ханом Половецким Боняком, вместе с ним отправился к Луцку и в отмщение за помощь оказанную Владимирцам осадил Святошу. Не имея ни возможности, ни сил защищаться против неприятеля несравненно сильнейшего, Святоша поспешил заключить мир с Давидом и его союзниками – и за сим ни мало не медля, оставил беспокойный удел и добровольно отправился к отцу своему в Чернигов.¹⁹⁰

Здесь блаженный князь владел многими землями и тем устраивал покой свой, своей семье – жене и детям.¹⁹¹ Это-то между прочим и было причиною того, что Святоша издревле именуется князем Черниговским, хотя в собственном смысле он ни разу не сидел на столе Черниговском и кроме удела Луцкого никаким другим Княжением никогда не владел, так что вследствие этого, по всей справедливости, ему несравненно приличнее наименование князя Луцкого, чем Черниговского.¹⁹²

В 1107 году Святослав Давидович оставил жену и детей и 17 февраля того же года принял пострижение в Киево-печерской Лавре с именем Николая.¹⁹³

Долго жил здесь Святоша, питаясь всегда трудами рук своих, несмотря на богатые доходы, получаемые им от имений, которые он употреблял на нищую братию и в особенности на строение храмов. – Так, по преданию, устроен им в Лавре храм Св. Троицы, что над св. вратами, и больничный монастырь Св. Николая, принадлежащий искони печерской обители и существующей доселе. Вместе с сим Св. князь любил также приобретать разные церковный книги, которые потом жертвовал в монастыри и церкви на потребу верующих.

За сим в 1142 году еще раз видим Св. князя миротворцем между братьями велик. князя Всеволода и князьями Черниговскими, разорявшими в борьбе за уделы области Черниговскую и Переяславскую. – Великий князь просил

Святошу быть посредником между враждующими; блаженный отправился на место борьбы и своими внушениями совершенно примирил князей Черниговских с братьями Всеволода.¹⁹⁴

Это было последнее служение преподобного Николая Церкви и отечеству. В следующем 1143 году 14 октября блаженный князь – инок почил от трудов своих и перешел в вечность служить единому Господу.¹⁹⁵

В этот же день Св. Церковь совершает и его память.¹⁹⁶

VIII. Преподобный Нифонт, Епископ Новгородский (игумен Волынский).

Родители Блаженного Нифонта, в мире Никиты, были люди благочестивые и зажиточные, жившие близ Киева. По смерти их благочестивый сын роздал свое имение бедным и посвятил себя на служение Богу в Киево-Печерском монастыре.

После этого, утвердившись в подвигах добродетели, блаженный Нифонт решился последовать стопам Пр. Варлаама и подобно ему отправился на Восток с целью поклониться св. местам и в особенности узнать тамошние церковные уставы и обычаи, дабы, по примеру своего предшественника, сделать им надлежащее приложение на родине.¹⁹⁷

Тогда, как видно из жития Пр. Варлаама, Святогорский Волынский монастырь лежал на пути из Киева в Царьград и обратно. Надобно думать, что на обратном пути из Греции блаженный странник, по примеру своего предшественника, остановился в этом монастыре и как человек образованный¹⁹⁸ и кроме того искусившийся в опытах жизни и науке во время путешествия, был избран братией монастыря и поставлен в Игумена Святогорского.¹⁹⁹ В справедливости этого в особенности удостоверяет нас свидетельство Татищева, который между прочим замечает, что Пр. Нифонт продолжал летопись Нестора после Сильвестра (с 1116 по 1157 г.) и по преимуществу описывает события Волынские.²⁰⁰ – Нет сомнения, что, сделавшись игуменом знаменитого Волынского Монастыря, блаж. Нифонт, еще на востоке искусившийся следить за жизнью и обычаями края, должен был интересоваться и событиями, окружавшими его в земле Волынской. А при таком положении дела, взявшись продолжать летопись Нестора, он по необходимости должен был описывать то, что ближе всего видел, тем более, что, как мы заметили уже, для него был готовый путь в этом отношении, проложенный его Святогорскими предшественниками, писавшими первоначальную летопись Волынскую.²⁰¹

Посвященный за тем в Епископа Новгородского, Пр. Нифонт в 1135 г. прекратил своими увещаниям вражду, начинавшуюся было между Киевлянами, Черниговцами и Новгородцами; потом много лет боролся с великим князем Киевским Изяславом Мстиславичем (сыном св. Мстислава Владимировича) за известного Митрополита Климента Смолятича, которого он не хотел признать законным Архипастырем по причине его рукоположения собором одних Епископов русских, без ведома Патриарха Константинопольского (1147). Наконец в 1156 г. получив известие из Греции, что на место Климента назначен новый Митрополит из Константинополя, по имени Константин, и что таковой отправился из Царьграда в Россию, Пр. Нифонт, немедля, поехал в Киев, чтобы встретит желанного Архипастыря. Но Господь не судил ему дожидаться этого утешения. – Еще Константин был на пути, как Преподобный заболел в Киеве, – и в том же году 21 Апреля скончался в субботу великой пасхальной недели.²⁰²

Его мощи и доселе почивают в Киеве в пещерах Пр. Антония. Память Пр. Нифонта 21 Апреля, в день его кончины.²⁰³

IX. Жизнь и деятельность Святого Благоверного Великого князя Андрея Боголюбского на Волыни.

Сын знаменитого Юрия Долгорукого, Благоверный Андрей Боголюбский был внук великого Владимира Мономаха и родной племянник сына его Св. Мстислава Владимировича. Он родился в 1110 г. в г. Суздале. Когда в 1149 г. отец его овладел Киевом, Андрей, как старший между братьями, получил ближайший к Киеву стол Вышгородский. – Между тем, тогдашний Великий Князь Киевский, Ярослав Мстиславович, изгнанный Юрием из Киева, отправился во Владимир-Волынский и здесь, собрав на помощь Поляков и Венгров, решил идти на Киев. С своей стороны Юрий не хотел ожидать Ярослава в Киеве, и потому, снарядив войско, двинулся на Волынь с сыновьями Андреем Вышгородским и Ростиславом Переяславским и союзниками своими Половцами.

Посланные вперед Андрей и Ростислав прибыли в Пересопницу, в которой княжил тогда престарелый дядя Ярослава Вячеслав.²⁰⁴ Скоро прибыл сюда и сам Юрий и получив помощь от свата своего Владимирка Галицкого,²⁰⁵ готовился напасть на Ярослава. Между тем Владимирко отправился к границам Польши и Венгрии, и этим так напугал союзников Ярослава, что те, услышав кроме этого что еще Прусы идут в их землю, оставили Ярослава и удалились восвояси.²⁰⁶

Устрашенный Ярослав предложил мир, который, невидимому, охотно был принят и Юрием и Вячеславом. Но лишь только Ярослав распустил свою дружину, как Юрий отказался от всяких дальнейших переговоров и не смотря ни на какие представления со стороны Вячеслава и сыновей своих, поднялся и снова пошел против Ярослава.²⁰⁷

Войско Юрия двинулось к Луцку, Андрей и Ростислав с Половцами шли вперед, и остановились ночевать между Луцком и Дубном у Муравицы.²⁰⁸ Вдруг ночью Половцы чего-то переполошились и начали бежать назад. Вслед за ними побежали и Русские; один только Андрей сохранил присутствие

духа и устоял на месте, – и только когда с рассветом увидел, что вся дружина разбежалась, двинулся к Дубну, где остановилось войско Юрия и Половцы, ожидавшие подмоги от сего последнего.

Между тем в Луцке затворился брат Ярослава Владимир. Соединившись с сыновьями и Половцами, Юрий повел войско против этого города. Уже они приближались к крепостным воротам, как из Луцка выступили отряды пехоты и начали перестреливаться. Никто не мог и подумать, чтобы Андрей решился ударить на эту пехоту. «Не величав был Андрей на ратный чини, пишет летописец, и искали похвалы только у одного Бога».²⁰⁹

Не смотря на это Вышгородский князь вдруг прежде всех въехал в неприятельскую толпу. Дружина его последовала за ними. Началась жаркая схватка, в которой юный князь едва не лишился жизни. Уже Андрей переломил свое копье; раненный двумя копьями, его конь истекал кровью; острая рогатина прошла сквозь луку седельную; со стен городских сыпались камни... Наконец, один Немец поднял рогатину и готов был проткнуть ею отважного князя; сам Андрей увидел опасность и думал: «будет мне такая же смерть, как Изяславу Ярославичу»²¹⁰... Но вдруг одушевленный св. мыслью вспомнил он и призвал на помощь Св. великомученика Феодора, которого память была совершаема в этот день,²¹¹ вынули мечи и, сразив Немца, готового проколоть ему грудь, благополучно возвратился к отцу. Добрый конь вынес своего господина и тотчас пал мертвым.

Отец, дядя и все братья обрадовались, увидя храброго Андрея в живых и вместе с боярами обнимали и хвалили молодого витязя, – «ибо мужество сотворили они, паче всех тут бывших», как говорит летописец.²¹² С своей стороны благодарный Андрей не забыл своего верного коня. Он велел схоронить его на берегу реки Стири, на которой лежит Луцк, и соорудит ему памятник,²¹³ который между прочими существует у Луцка и доселе в виде огромного кургана, возвышающегося на берегу Глушца, составляющего рукава Стири, в ограде сада бывшего Луцкого монастыря Бернардинов.²¹⁴

Шесть недель стояли потом Андрей с отцом своим у Луцка. Изяслав хотел было подать помощь осажденным, но Владимирко-Галицкий заставил его просить мира. Теперь сам Владимирко взялся быть посредником между Юрием и Изяславом. Но особенно желал мира Андрей: – «Не слушай Юрия Ярославича, говорил он отцу своему; мирись с племянником, не губи отчины своей».

Юрий уступил. – Изяслав приехал к дядям в Пересопницу, сложил с себя достоинство великого князя и, уговорившись на счет дальнейших условий мира, возвратился во Владимир, а Юрий поехал в Киев (1150 г.). Но вместе с сим по условиям мира старый Вячеслав получил стол Вышгородский, так что блаженный Андрей остался без удела. За то впрочем и сам Юрий недолго оставался в Киеве. В том же году он был прогнан Изяславом, которого отказался удовлетворить на счет добычи, пограбленной во время войны, и бежал в Городец Остерегай. За ним в числе прочих удалился и Св. Андрей. Отсюда ходил он потом к брату Ростиславу Переяславскому против дикого варварского населения по ту сторону Днепра, называемого Турпеями.²¹⁵

Осенью 1150 г. Юрий снова овладел Киевом, а с тем вместе и Андрей опять получил удел, и на этот раз не в Вышгороде, а на Волыни, – «тоей же осени, говорит летописец, дал ему отец волость Туров, и Пинск, и Дорогобуж и Пересопницу. Андрей поклонился отцу, пошел и сел в Пересопнице».²¹⁶ Здесь Андрей приобрел всеобщее уважение, смирил Половцев, которые, называясь союзниками отца его, грабили в окрестностях Переяславля и не хотели слушать послов Юрия и удалились тотчас, как скоро Андрей велел им оставите Россию в покое.²¹⁷

Между прочим целью переселения Андреева в Пересопницу со стороны Юрия было то, чтобы Андрей, храбрейший из Юрьевичей, оберегал границу со стороны Волыни, откуда Юрий опасался нападения со стороны Изяслава, снова по изгнании очутившегося на Волыни в Владимире-Волынском. Понимал эту цель и Изяслав и потому, не могли ничего сделать силою, решился действовать хитростью. В следствие этого, лишь

только наступила зима, он послал к Андрею послов просить у него защиты пред Юрием.

«Отказываюсь от Киева, говорил он; если отец твой уступит мне всю Волынь, Венгры и Ляхи не братья мои; земля их мне не отечество. Желаю остаться русским и владеть достоянием наших предков. Выпроси мне у отца волость по Горынь».²¹⁸

Между тем заднею мыслью этого посольства со стороны Изяслава было, чтобы его послы могли рассмотреть «весь народ Андреев, и, как город стоите; потому что Изяславу раз уже удалось напасть здесь врасплох на брата Андреева, Глеба Юрьевича. Тоже думал он сделать теперь и с Андреем, только у сего, как говорите летописец «все было крепко и дружина большая»».²¹⁹

Не подозревая никакой хитрости со стороны своего двоюродного брата, Андрей обратился в отцу с просьбою за Изяслава. Но Юрий лучше сына знал племянника и на этот раз отказался от всяких сделок с Изяславом. Тогда, не видя другого спасения, Изяслав снова обратился к иноземным союзникам и, получив помощь от короля Венгерского Гейзы, пошел на Юрия, овладел Доргобужем и явился по ту сторону Горыни.²²⁰

Андрей, по призванию Владимиреа Галицкого, вышел из Пересопницы и соединившись с ним у Мычска,²²¹ пошел по следам Изяслава. Дорогою он остановился при реке Уши, которую чуть только перешло войско Изяслава. Началась перестрелка. Великий Князь хотел ударить на малочисленных неприятелей; но бояре отсоветовали ему это. Тогда Изяслав велел ночью разложить большие огни и тем, обманув неприятеля, пошел вперед, изгнал из Белгорода сына Юрьева Бориса и наконец явился в самом Киеве, откуда бежал Юрий.²²²

Между тем Андрей и Владимирко, ничего не зная о судьбе отца, стояли у Мычска, как вдруг пришла в них весть, что Юрий бежал и находится в Городце, а Изяслав в Киеве. Раздосадованный Владимирко оставил Андрея и взяв контрибуцию с Мычска и других городов Волыни, возвратился восвояси; а Андрей с племянником Юрия Владимирком Андреевичем поехал на устье Припети, и оттуда к отцу, в Городец Остерский.

За сим еще раз видим блаженного Андрея в пределах заднепровских, во время вторичной борьбы Юрия с Изяславом. Разбитый в 1151 году под Киевом, Юрий с Андреем и него братом отправился в пределы западной России к Владимирку Галицкому, который снова примирился с Юрием и готов был опять помогать ему. Но Изяслав успел предупредить это опасное соединение, настиг Юрия за рекою Рутю (ныне Ротом) и не смотря на ужасную бурю и сильный дождь, вступил в сражение. Как старший сын,²²³ Андрей рядил отцовскими полками. Подобно тому, как и под стопами Луцка, мужественный князь первый бросился на неприятеля; копье его снова было разломано, щит оторвался, шлем спал с головы. Раненный в ноздри кон его метался во все стороны... Но на этот раз мужество Андрея, спасшее ему жизнь, не могло спасти Юрия. Изяслав тоже с своей стороны не щадил себя, – и Юрий был разбит близ Перепятова и побежал с поля битвы. Вслед за ним должен был бежать и Андрей, и вместе с отцом своим остановился в Переяславле (1152).²²⁴ Это была последняя битва, решившая судьбу блаженного Андрея в пределах Западной России. Не успев после этого убедить отца своего прекратить маждоусобия, миролюбивый князь выпросился в северную отчину Юрия и ни мало не медля отправился в землю Суздальскую (1155). «Нам, батюшка, здесь нечего делать, сказал Андрей Юрию на прощание, уедем за тепло», – и навсегда оставил беспокойные пределы Южнорусские.²²⁵

Когда умер отец Андрея (1157 г.), Ростовцы и Суздальцы, узнав ближе высокие качества блаженного князя, признали его своим князем и таким образом благоверный князь Суздальский Андрей стал Великим Князем Северной России.²²⁶ Здесь блаженный Андрей наказал соседних Болгар-Магометан, оскорблявших соседние области Русские. И как в тоже самое время Греческий Император Мануил тоже одержал победу над Магометанами-Арабами и при том именно в один и тот же день, 1-го Августа, то в память этого между прочим и учрежден был у нас известный «Праздник происхождения честных древ Животворящего Креста», или по более точному значению,

исхождение, крестный ход с хоругвями и другими священными изображениями, представляющими Крест Спасителя.²²⁷

Вслед за тем блаженный Андрей смирил Новгородцев, взял в 1169 г. Киев, построил великолепный собор во Владимире, заложил невдалеке от Боголюбова Монастырь Покрова и другие монастыри: Владимирский Вознесенский, Владимирский Спасский, Владимирский девичий Успенский, – и вообще «по сказанию Современника», «монастыри многи созда, кормитель быв чернцем и черницам и убогим». ²²⁸

Такова же была и внутренняя жизнь благоверного Андрея, полная глубокого смирения, любви и постоянного сокрушения о грехах своих. Но это не спасло его от зависти и ненависти людей враждебных, из коих одни пылали злобою на Андрея за то, что справедливый князь, вопреки их желаниям, не позволял им жить на счет других; другие ненавидели Андрея за то, что он отличал от других любимого слугу своего Прокопия и т. д. ²²⁹

В глубокую полночь вооруженные заговорщики, под предводительством ближайшего родственника Андреева Якима Кучковича, озлобленного на блаженного Князя в особенности за то, что его брат был казнен за какое-то преступление, напали однажды на дворец Князя в Боголюбове, зарезали стражу и, отыскав самого Андрея в спальне, начали поражать его мечами, саблями и копьями. Сильный Андрей долго отбивался от их нападений, пока наконец сила не изменила ему и он пал под ударами убийц.

Это было ночью с 29-го на 30-е июня 1174. ²³⁰ Убийцы оставили тело Андрея в огороде; – но верный слуга его Киевлянин, по имени Косма, взял тело его, прикрыл оное и отнес и положил в притворе церкви, – откуда потом оно было перенесено в церковь и положено в каменный гроб.

Затем, по усмирении мятежа в Боголюбове, Владимирцы с честью привезли своего князя во Владимир на Клязьме и здесь погребли в церкви Успения Богородицы, им самим основанной. В 1768-м году мощи св. Андрея перенесены из главного храма в придел, устроенный во имя свят. Князя, где и по ныне открыто почивают в серебряной раке, сооруженной в 1820 году. ²³¹

Память св. Андрея празднуется по всем церквам во Владимире и Боголюбове 29-го 1юня и сверх того 4-го июля по особо сочиненной службе.²³²

Х. Пребывание блаженного Олега князя Брянского на Волыни.

Св. Олег Романович был внук святого и великого князя Черниговского Михаила, убитого в орде в 1244 году. – В 1274 году Олег был вместе с отцом своим Романом Михайловичем на войне против Литвы. «По окончании войны, говорит современник, из Новгородка Литовского Олег приехал во Владимир (Волынский) к сестре своей (Ольге или Елене Романовне, супруге князя Волынского Владимира)». Собственно Владимир звал к себе тестя своего и говорил ему: «Государь-батюшка, приезжай побывать в своем доме и посмотреть на здоровье дочери твоей». Но Роман отказался: «Сын мой Владимир, отвечал он, не могу я отлучаться от моей дружины ратной; я живу в стороне, угрожаемой войною; кто без меня управит моею дружиною? – Вот пусть едет вместо меня сын мой Олег» – «Они поцеловались и каждый отправился в свое место».²³³

Таким образом блаженный Олег побывал на Волыни, и без сомнения тут же брат с сестрою порешили не отставать друге от друга в совершении добрых дел, как это видим в последствии в участии Елены Романовны при постройке Олегом его монастыря Брянского, и в особенности в тех жертвах, которые она завещала на этот монастырь по кончине своей от богатых имений своих в земле Волынской.²³⁴

Неизвестно, когда блаженный Олег оставите мир и поступил в монахи. Но история свидетельствует, что он скончался иноком с именем Василий, в строгом подвижничестве (1307 г.). Мощи его почивают под спудом в каменном храме обители его, которую Патриарх Никон, по благоговению к св. князю подвижнику, возводил было на степень ставропигии.²³⁵

Память св. Олега совершается в Брянске 20 Сентября, вместе с памятью деда его Св. Михаила Черниговского.²³⁶

XI. Сказание о жизни и деятельности святителя Петра митрополита Киево-Московского, уроженца Волынского.

С именем первосвятителя Петра искони в отечественной истории соединяется наименование уроженца и Игумена Волынского, наставляющее этого великого и знаменитого угодника Святой нашей Церкви сразу в самое непосредственное отношение к земле Волынской. «Петр бысте от Волыньскія земли, благочестиву родителю сын, отца именем Феодора». Так читаем даже в кратких сведениях о Св. угодниках, помещаемых в обычных наших великих часословах и следованных Псалтирях.²³⁷ Тоже самое говорит Степенная книга,²³⁸ также Четьи-Минея²³⁹ и др.²⁴⁰ Но в какой именно стороне Волынской области родился Святитель Петр, об этом, к сожалению, мы не имеем положительных сведений.

Мы уже заметили,²⁴¹ что в своей Истории древнего Галицко-Русского княжества Зубрицкий полагает это место в пределах древней Волыни, именно в бывшей некогда здесь старинной Волынской Бельской Области, находящейся ныне в северо-восточном углу Галиции Австрийской Империи. «Речка Рата», на которой по преданию Св. Петр основал свой монастырь, и где по свидетельству Св. Киприана, преемника Петра, он был Игуменом, «вытекает, говорит Зубрицкий, в Жолковском округе некогда Белевской земли, у села Верхроты, и впадает в Буге выше Крестьянополя».²⁴²

Если даже принять и это мнение Зубрицкого, то, как мы уже сказали, и при нем Святитель Петр все-таки останется таким же уроженцем Волынским, как и мы, настоящие обитатели Волынской губернии. Ибо, повторяем, вся эта земля, в которой ныне лежат места, указываемые Зубрицким, искони составляла часть земли Волынской. По свидетельству лучших исследователей, «Русь, принадлежавшая Владимиро-Волынскому княжеству, простиралась до границ прусских и обнимала все, что составляет теперь в Польше воеводства Сендомирское, Люблинское, Подляское и Августовское».²⁴³ «К

уезду Владимиро-Волынскому, по свидетельству самого Зубрицкого, издревле принадлежал также Галич с Перемышлем».²⁴⁴ А при таком положении, без сомнения, с самых древних времен входило в составе Волыни и нынешнее Австрийское село Дворцы, на правом берегу Раты, где и доселе еще указывают следы обители, основанной Св. Петром.²⁴⁵ Не даром же православные холмские епископы древней Волыни в тоже время именовались и Бельскими.²⁴⁶ К тому же при жизни Св. Петра Галиция и Волынь составляли одно целое и тогдашний обладатель западной Руси Юрий прямо именовался «Королем всея Руси: Галиции и Лодомерии» и столицей своею имел город Луцк, один из важнейших городов Волынских, – и в последствии времени, в течении всего Литовского периода нашей Западно-русской истории бывшей столицей Волыни.²⁴⁷

Но кроме этого мы имеем другое не менее достоверное предание, что место рождения и первоначального Игуменствования Святителя Петра находится у нас на самой Волыни, в пределах настоящей Волынской Губернии. – Это место издревле указывалось вблизи местечка Ратного, Ковельскаго уезда, где также находится речка Рата, и при ней развалины старинного монастыря, в котором как говорят, блаженный Угодник Божий был Игуменом.

Время рождения Святителя Петра так же не определяется с точностью, как и место его рождения. Когда еще младенцем он находился в утробе матери, то благочестивая Евпраксия (так по преданию называлась мать блаженного имела видение: ей представилось во сне, что она держит на руках агнца, между рогами которого росло дерево пышно одетое листьями с множеством цветов и плодов. Посреде их горели свечи, от которых истекало благоухание. Это было, по замечанию Святителя Киприана, знамение тех великих даров, которыми Господь имел наделить некогда своего избранника, долженствующего совершить в отечественной церкви особое и великое служение.

По достижении семилетнего возраста, юный Петр был отдан в научение книжное. Но как ни старался сначала молодой ученик, наука не давалась ему. Это чрезвычайно печалило его и

его родителей. Однажды, как бы во сне, Петр видит мужа, одетого в святительские одежды, который, став близ него, сказал: «чадо, открой уста свои!» Недоумевающей отрок исполнил веление. В это время явившийся прикоснулся языка его и, благословив его, как бы влил некоторую сладость в уста Его. С тех пор уже ничего не было трудного для юноши, и он вскоре превзошел всех своих сверстников и товарищей по школе.

На двадцатого году жизни Св. Петр удалился в один из соседних Волынских монастырей,²⁴⁸ принял здесь иноческий сан и затем со всею горячностью юного сердца, предался подвигами нового звания. С этою целью он носил в монастырь воду на плечах, зимою и летом мыл братские власяницы и т.п. Когда ударяли в благовест на Богослужение, Петр первый являлся в храм и, простояв всю службу, никогда не прислоняясь к стене, последний выходил из него. Так подвизался преподобный до 30-летнего возраста, по достижении которого, волею Игумена и братии, был рукоположен в дьякона, и потом во священника. В тоже время у него родилось желание – учиться иконному писанию. Получив на это благословение у Игумена, Св. Петр взялся за новое учение и чрез несколько времени так успел в нем, что без труда стал изображать лики Господа, Божией Матери и Святых. После сего он безленно трудился над писанием Св. Икон, которые настоятель раздавал благочестивым посетителям монастыря, и этим, как пишет описатель жизни его, одних возбуждал к молитве, а других располагал благодетельствовать обители пожертвованиями нужного для жизни.²⁴⁹

После многих подвигов общежития, блажен. Петр, по благословению Настоятеля, вышел из монастыря, чтобы подобно древним отцам жить в уединении. «Обойдя окрестные места, он, по свидетельству Св. Киприана, нашел безмолвное место на реке Рати».²⁵⁰ Здесь поставил себе келью и начал подвизаться в посте и молитвах.²⁵¹ Но скоро молва о Его подвигах распространилась в окрестностях; к нему начали стекаться со всех сторон жаждущие спасения, так что, спустя несколько времени, Петр должен был соорудить Церковь (во

имя Спаса Иисуса Христа) и поставить кельи для приходящей братии.

Наконец слава о праведной жизни блаж. Петра достигла князя и вельмож страны Волынской и Галицкой, которая, как пишет св. Киприан, цвела тогда силою и богатством. Князья и бояре дивились человеку Божию и с любовью приходили слушать его наставления. В то же время (1285) посещал западно-русские пределы Св. Митрополит всея России Максим. Узнав об этом, блаж. Петр пришел с братией принять благословение у Святителя и принес ему образ успения Владычицы, который сам писал. – Свят. Максим с любовью принял эту икону, украсил ее золотом и дорогими камнями и потом до конца жизни своей хранил в своей келье как заветную, святыню, «днем и ночью молясь сей о спасении вверенной ему земли русской». ²⁵²

После этого Святитель Максим скончался 6 декабря 1305г. ²⁵³ Тогда один из, игуменов Владимирских, некто Геронтий, самовольно захватил святительскую утварь, жезл и ту икону, которую Петр поднес Максиму и с свитою преданных себе сановников мирских и духовных отправился в Царьград искать посвящения в Митрополита Всероссийского. Это сильно взволновало всю землю русскую. Но в особенности вознегодовал на Геронтия тогдашний Галицко-Волынский князь Юрий Львович, почитатель св. Петра. Это был в свое время один из могущественнейших князей древнего Галицко-Волынского Княжества, именовавший себя царем всея Руси. ²⁵⁴ Юрий желал, чтобы Митрополия русская была в его столице – Галиче, ²⁵⁵ а потому он уговорил Св. Петра ехать в Царьград просить у Патриарха особого Митрополита для Юго-Западной Руси, вообще в это время недовольный перенесением Митрополичей кафедры на север России. Между тем, секретно от себя Юрий писал к Патриарху о назначении митрополитом самого Св. Петра, и для большего успеха послал вместе с ним даже особого посла, которому поручено было хлопотать о посвящении Игумена Радского. ²⁵⁶

Св. Петр отправился из одной пристани, а Геронтий из другой. Не смотря однако на то, что оба они плыли в одно

время, блаж. Игумен Ратский плыл тихо и благополучно, тогда как Геронтия преследовала буря и волны морские задерживали ход корабля. Наконец, в одну ночь сама Матерь Божия явилась Геронтию и сказала ему: «Напрасно трудишься; сан святительский не достанется тебе; но тот, кто написал Меня – Петр Игумен Радский, слугителе Сына моего и Бога, возведен будет на верховный престол Митрополии русской и украсит Его, и людей Своих упасет... и так богоугодно пожив, в старости маститой с радостью перейдет к своему желаемому Владыке и Верховному Архиерею».

В это время на Константинопольской кафедре сидел благочестивый и добродетельный Патриарх Афанасий. Как только Св. Петр явился ему, вся патриаршая комната исполнилась благоухания. Патриарх уразумев, что это было ради Св. Петра, и потому нимало не медля созвал собор, на котором торжественно объявил Св. Петра Митрополитом не одной только южной, но всей России. Затем сам патриарх служил литургию и посвятил Св. Петра на новое его служение. «Слышал я, говорит Св. Киприан, от некоторых в Царьграде, за истину передавших мне, что во время посвящения лице Петра просветилось как бы лучами солнечными, так что все служившие с Патриархом изумились. Первосвятитель, убежденный в святости человека Божия, пророчески сказал всему собору: «истинно повелением Божиим пришел ко мне дивный муж сей и благодатью Божией он хорошо упасет вверенное ему стадо».²⁵⁷

Вскоре после этого прибыл в Константинополь Геронтий и узнав о рукоположении Св. Петра, невольно рассказал Патриарху свое видение. Блаж. Афанасий сделал ему строгое обличение и передал захваченную Геронтием утварь вместе с иконою и жезлом Св. Петру, с миром отпустил нового митрополита в землю русскую.

Это было в 1308 году. В том же году Св. Петр прибыл из Константинополя в Киев и пробыв здесь немного времени, в следующем 1309 году отправился на север России в г. Владимир на Клязьме, в котором его предшественником назначена была кафедра митрополитов всероссийских. По

прибытии Св. Петра во Владимир первым делом его было поставление Архиепископа Давида на кафедру сиротствующей паствы Новгородской. Затем он отправился обозревать свою митрополию и в конце июля (1309) был в Новгороде. Вслед за сим зимою следующего года видим Св. Петра в Брянске, куда теперь кроме того звали его дела государственные. Удельный князь Брянский Василий был изгнан своим дядей Святославом. Василий испросил немощь у Хана и с полчищами татар шел к Брянску защищать свои права. Кроткий святитель убеждал Святослава поделиться княжением с племянником или совсем отказаться от Брянска, чтобы не проливать крови человеческой. Но Святослав отказался от того и другого. Вследствие этого Василий, немедля, напустил Татар на города, которые умертвили Святослава и за тем по обычаю начали все предавать огню и мечу, так что сам Митрополит едва мог найти себе убежище в церкви.²⁵⁸

Не смотря однако на такую заботливость св. Петра о покое и спасении своей паствы, вскоре нашелся человек, который дерзнул восстать на Святителя и оклеветать его в самых небывалых преступлениях. Это был Тверской Епископ Андрей, который сам, исходя из дома князей Литовских, желал было занять кафедру Митрополита.²⁵⁹ С этой целью Андрей тайно послал донос на Св. Петра к патриарху Царьградскому. Тогда еще жив был блаж. Афанасий, сам бывший свидетелем добродетелей русского Митрополита. Изумленный – он не хотел верить клевете, но преступления возводимые на Петра были таковы, что он принужден был послать доверенное лицо расследовать дело на месте. Вместе с сим Афанасий написал к Петру особое послание, в котором, уведомляя его о доносе и своем смущении вследствие этого просил митрополита постараться очистить и исправить дело. «Священнейший Митрополит Киевский и всея России – писал святейший Афанасий – возлюбленный во Св. Духе брат и сослужитель нашего смирения! Избранием Св. Духа поставлен ты пастырем и учителем, стада Христова. Но вот из вашего племени и твоей области до моего слуха дошли слова тяжкие о тебе. Они смутили мою мысль. Постарайся очистить и исправить дело».²⁶⁰

Созванный по этому случаю собор в Переяславле Северном совершенно оправдал невинного Архипастыря и потребовал осуждения нечестивого Андрея. Но за него вступился сам Петр и принял его под свою защиту. – «Мир тебе, чадо, сказал ему Святитель. Не ты сие сотворил, но из начала завидующий роду человеческому дьявол; ты же отныне соблюдай себя, а мимошедшее да простит тебе Бог».²⁶¹

Собор торжественно засвидетельствовал невинность Митрополита и оставил в покое Андрея. За то св. Петр сам предложил теперь на суд его поступки другого Епископа, уже касавшиеся не личности, а самой Церкви. Это были несправедливые действия Сарайского Епископа Измаила, который по корыстным расчетам приписал к своей Епархии церкви, принадлежащие к Рязанской Епископии и не желал трудиться на новой пастве своей по Хопру и низовьями Дона. «Святитель Петр признавал такие поступки Измаила тем более преступными, что в это время низовьям Дона начали угрожать происки Папы, который вскоре (1318 г.) назначили в Кафу (Феодосию) своего биркопа и Епархию его простер от Черного моря до России и от Булгарии до Волыни».²⁶²

Собор низложил Измаила, и на его место Митрополит поставил во Епископа Сарайского и Донскими землями Варсонофия.²⁶³

«В тоже время, говорит блаж. Киприан, появился еретик Свит, который проповедовал противное церкви Христовой и православной вере. Святой Петр обличил его и за упрямство предал проклятию и он исчез.

Ей тому же времени следует отнести написание известных двух поучений Святителя Петра, – из коих в первом Святитель убеждает Христиан проводить время поста в строгом воздержании и молитве, непременно приобщаться св. Таин и т. п.²⁶⁴ Но особенно поучительно и назидательно второе поучение Св. Петра ко всему духовенству, в виде окружного послания игуменам, попам и дьяконам.

«Знайте, дети, пишет св. Петр в какое достоинство вы призваны Богом. Апостол Павел пишет: кийждо в звании, в нем же призван бысть, в том да пребывает» (1Кор. VII. 20). Вы, дети,

называетесь стражами церкви, пастырями словесных овец, за которых Христос пролил свою спасительную кровь. Будете же, дети, истинными пастырями, а не наемниками, которые млеко ядят и волною одеваются, а об овцах не пекутся (Иезек. XXXIV. 3). – И не входящие дверьми во двор овчий также не суть пастыри, но тате и разбойницы (Иоан. X, 1). «Но вы, дети, таким не последуйте; подражайте истинному Пастырю Христу, как Сам Он сказал в Евангелии своем: Аз есмь пастырь добрый и душу мою полагаю за овцы, и прочее (ст. 11, 15). Будьте, дети, образцом для своего стада, по слову Спасителя, как Он говорит своим Апостолам: вы есте свет мира, вы есте соль земли. Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех (Матф. V, 13, 14, 16). Прежде всего вам должно просветиться сими добродетелями, кротостию и смирением; также блюстись от всех дел непристойных, которыми мир соблазняется: ибо горе человеку тому, сказал Спаситель, имже соблазн приходит (Матф. XVIII, 7). Оградившись страхом Божиим, отсекайте, дети, от сердец ваших всякую отрасль пагубную для души: гнев, ярость, зависть, ненависть, пьянство, которое есть корень всякому злу, и смехотворство; ибо сказано; всякое слово гнило да исходит из уст ваших (Ефес. 5, 24). Спаситель сказал: от словес своих оправдишися и от словес своих осудишися (Матф. XII. 37). Будем, дети, в дому Божием, как маслина плодовая, и приносите плоды духовныя, святость. Упражняйтесь, дети, в чтении св. книги в учении день и ночь, по слову пророка: в законе Господни поучится день и ночь и про. (Псал. 1, 2). Вы люди святые, царское священство, язык свят (I Петр. 2, 9). Да почивают на вас Дух Святой, как пишет Василий Великий Кессарийский в божественной литургии: Свят бо Господь и во святых почиваяй. Нужно, чтобы дела ваши соответствовали имени вашего священства: вера бо без дел мертва есте (Иак. II, 20). Облекитесь, дети, как избранные Божии, в оружие света, то есть в благочестие. Если таким образом сами вы, дети, будете творит добрые дела пред Богом, тогда в состоянии будете научать и своих детей духовных. Посему, Бога ради, всеми силами потщитесь, дети, проводить

жизнь в страхе Божиим, чтобы упасти себя и стадо свое и избавитесь вечной муки. Писанием и неписанием понуждаю вас, дети, на дела благочестия; потому что я должен всегда напоминать вам и писать вам о том, что душеполезно и спасительно. Вместе и сам прошу вас, преподобные, молитесь о моем недостойнстве и о моей худости, по слову писания: молитесь друг за друга, яко да исцелее (Иак. V, 16); да сподобит Бог всех вас, без вреда, освободиться от сей суетной жизни и получить вечное блаженство и неизреченную радость Христа Бога нашего, молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы. Наконец, будем славить безначального Отца и едиnorodного Сына Его, Христа Бога нашего, и пречистого преблагого и животворящего Духа, ибо так верными славится пресвятое имя Божие и тою божественною силою мы избавляемся от враг видимых, и невидимых, в сем веке и в будущем, во веки аминь».²⁶⁵

Так делом и словом подвизался св. Петр на пользу и спасение своей церкви, как в Москву (1312 г.) пришла весть о смерти Хана Тогтагу и вступлении на его место Узбека, принявшего магометанство. Для русского великого князя и всероссийского Митрополита это был зов в орду к новому хану для поклонения и утверждения в правах своих. Кроме этого Святитель Петр должен был явиться к Узбеку, чтобы испросить подтверждение прав духовенства, тем более, что эти права подвергались резким оскорблениям и насилиям произвола даже со стороны христиан. Св. Петр спешил в орду, чтобы предупредить послов Немецкого Императора и Папы, которые тоже шли в орду и могли испросить себе у Хана преимущества для своей церкви, вредные для православия в южных областях России.

И Господь с успехом благословил путешествие Святителя. Св. Петр был принят Узбеком с честью и еще с большею честью отпущен из Орды.²⁶⁶ Вслед за тем прибыл из орды в отечество великий князь Тверской Михаил и привез от хана на имя Петра милостивую грамоту, в которой не только ограждена была личная свобода духовных лиц с правом на владения имуществами, но и утверждена свобода св. веры угрозою

смертной казни ее оскорбителям, с признанием независимости церковного управления и т. п.

Так по молитвам и заботливости св. Петра Господь устраивал церковь российскую помощью самих врагов ее, чтобы оградить ее от волнений внутренних и внешних. Тем более тяжело было при этом Святителю Божию смотреть на господствовавшие тогда междоусобия князей русских. Напрасно удерживал он князя Московского Юрия во Владимире, убеждая его не ходить в орду домогаться великого княжения, когда жив был еще законный властитель всея России, великий князь Михаил Тверской. Юрий не захотел слушать Святителя, и своим властолюбием довел до мученической кончины Михаила.²⁶⁷ Напрасно после этого Св. Петр удерживал сына Михайлова Дмитрия от нападений на области Московскую и Новгородскую. И Дмитрий и Юрий оба пали жертвою взаимной ненависти в орде, вследствие чего престол великокняжеский законно перешел в руки князя Московского Иоанна Даниловича Калиты, брата Георгиева. Наконец, к новой скорби Святителя язычник Гедимин завладел (в 1321 г.) любимую родину Его Волынию и сам первопрестольный Киев перешел в руки неверных.

Среди таких невзгод и искушений взоры Святителя невольно обратились к Москве, в которой прозорливый дух Его видел главу будущей России, «хотя еще мал и не знатен был этот город, как мы видим его ныне», замечает блаж. Киприан. Св. Петр видел, что Москва соберет под свою сень раздробленные и истерзанные части России, и порешил на всегда остаться в этом городе, вблизи любимого им Иоанна, у которого и прежде еще находил отдых душе своей. – Потому как только Юрий погиб в орде, Святитель оплакал сего бедного князя и, прибыв в Москву на его погребение, никогда уже более не выезжал из нее.

Это было в первую субботу великого поста, 8 февраля 1326 г. За сим на вербной неделе того же поста Св. Петр посвятил первого Епископа в Москве, блаж. Моисея, в Архиепископы Новгородские.²⁶⁸ Потом чтобы еще более закрепить союз свой с любимую столицю, и навсегда утвердить ее силу и значение,

первый Московский митрополит начал убеждать благочестивого Иоанна построить для него и его преемников особую кафедру в Москве, которая могла бы заменить Боголюбский собор во Владимире и на которой должно было почтить благословение Святителя.

Трогательны и высокознаменательны слова, с которыми Св. Петр по этому вопросу обращался к Иоанну: «О Боголюбезный сын мой, говорит блажен. Святитель, если ты послушаешься моего совета и соорудишь в Москве церковь каменную соборную, во имя Пресвятой Богоматери, то и тебя самого Господь благословит и поставит выше других князей, град сей славен будет во всех градах русских, и Святители проживут в нем и руки его взыдут на плечи (спину) врагов его, и Бог прославится в нем».

Вероятно в это же время прозорливый Святитель благословил крестом, как говорит Иоанн Грозный «прародителя нашего великого князя Ивана Даниловича и весь род наш.²⁶⁹ Впоследствии этим благословением чрезвычайно дорожили великие князья российские и не иначе передавали его, как наследнику престола.²⁷⁰

За то недолго заставил ожидать святого благочестивый князь Московский. Того же 1326 г. в Москве, в месяце августе, желанный храм был заложен и посвящен во имя Успения Пресв. Богородицы. Доставка материалов и самая работа шли быстро; храм все более и более приближался к концу. Но вместе с ним еще скорее приближался к концу своего блаженного подвига первопрестольник Московский. В этих видах он сам приготовил себе каменный гроб в новом храме близ жертвенника и с миром ожидал своей кончины.

В это время между прочим Московский князь имел знаменательный сон: виделось князю, будто ехали они на конях, близ реки Неглинной, где ныне на горе стоит монастырь, именуемый Высоким, или Высокопетровским, с церковью во имя чудотворца Петра; внезапно представилась князю на этом месте гора высокая, покрытая снегами; изумился Иоанн и, показывая на нее своим вельможам, недоумевал о необычайной высоте горы, но мало-по-малу начали стаивать

снег и вскоре исчезла сама гора. Иоанн возвестил о том Святителю Божию и Св. Петр пророчески ему сказал: «Разумно тебе да будет, о чадо, что гора сия высокая, какую видел, есть образ твоего благородия, и Богом дарованного тебе отеческого скипетра и величия крестоносных хоругвей Русского царства; снежный же верх горы сей являет близкое скончание моего жительства, которое, подобно снегу, лежавшему на горе, вскоре скроется от очей твоих. Но как и самая гора, когда ты долго на нее смотрел, сделалась невидимою пред тобою, таки и тебе предлежит, после моего отшествия, благородно царствовать, и воспитав около себя благородные чада, преставиться от мира сего. Когда услышишь ты о некоем старце, к тебе пришедшем, тогда и ты уразумей о совершении доброго твоего жительства и близком отшествии к Богу».

И действительно, спустя четыре месяца после основания храма, св. Петр перешел в жизнь вечную, 21 декабря 1326 г. – Пред этим, провидя прозорливыми духом близкое отшествие свое ко Господу, он взошёл в церковь соборную и совершил сам божественную службу о православных царях и князьях и возлюбленном сыне своем князе Иоанне, и за все благочестивое христианское население земли Русской, и вспомянул также о всех усопших. По выходе из церкви призвал он весь клир церковный и, по обычаю своему, довольно поучал назидательным словом. С того же часу не преставал раздавать милостыню всем приходившим к нему убогим, также по всем обителям, и церквям, иереям и дьяконам. Великого князя Иоанна не было тогда в городе. Святитель позвал к себе старейшину, поставленного князем, по имени Протасия, мужа верного и украшенного всякими добродетелями, и сказал ему: «чадо, вот я отхожу от жития сего; оставляю сыну своему возлюбленному князю Иоанну милость, мир, и благословение от Бога, и семени его до века. Сколько сын мой меня успокоил, воздаст ему Господь Бог сторицею в мире сем и живот вечный наследует он; да не оскудеют от семени его обладающее местом сим и не упразднится память его, и Господь исполнит его влагалища за то злато, которое завещал на совершение церковного строения». Потом, преподав всем предстоявшим

мир, сам начал петь вечернюю службу, с воздетыми к небу руками. Еще молитва была на устах его, как уже душа отходила из тела, взлетая на небеса к желаемому Христу.²⁷¹

Скоро весть о кончине Святителя Божия распространилась по всему городу и его окрестностям. Все спешили воздать последний долг усопшему; наконец прибыл в Москву и великий князь и со многими вельможами поспешил предать тело своего любимого отца погребению.

Замечательно, что Святителя Петра, по происхождению Волынянина, по особому стечению обстоятельств, отпевал тоже Волыский Епископ Феодосий Луцкий.²⁷² В самый день погребения, когда несли тело Святого на одре, некто видел, что Святитель благословлял с смертного одра своего сопровождающих, на обе стороны, по обычаю Святительскому.

Потом в 20-й день по кончине угодника Божия молодой человек, от рождения расслабленный руками, получил исцеление у гроба Св. Петра. Тогда же слепому возвращено зрение, глухому – слух, и за тем последовали многие другие чудеса,²⁷³ вследствие чего преемник блаж. Петра митрополит Феогност немедленно обратился в Константинополь к Патриарху, с прошением разрешения установить празднование почившему чудотворцу.

Патриарх Иоанн отвечал грамотою: «Преосвященный митрополит всей России, всечестный, возлюбленный во Св. Духе брат и сослужитель нашего смирения. Благодать и мир от Бога твоему Святительству! Мы получили писание твоего Святительства, извещающее и удостоверяющее нас вполне о предшествовавшем тебе Архиерее, что он прославлен Богом по смерти и принят Им как искренний служитель, что совершаются им и великие чудеса и исцеляются болезни всякого рода. Мы весьма обрадованы. Тем духовно и вознесли хвалу Богу. Твое Святительство спрашивает нас: как поступить с такими Св. Мощами? Ты сам знаешь, какой есть чин на то в Св. церкви Божией, когда узнает она о подобных несомненно. Пусть выполнен будет такой чин церковный. Твое Святительство почтет раба Божия священными песнями и хвалами; тоже установи и на будущие времена, во славу Бога,

прославляющего славящих Его. Благодать Божия да будете с тобой».²⁷⁴

Согласно этому установлено было празднование памяти Святителя 21 декабря, в день его блаженной кончины. Потом к этому присоединено еще празднование перенесения мощей Св. Петра 24 августа и особое воспоминание его вместе с святителями Алексием и Ионою октября 5-го дня.

Мощи Святителя поставлены в храм в 1471 году. В это время гроб его был сожжен татарами, но тело осталось целым и невредимым. «Камень не выдержал силы огня, говорит очевидец, а мощи св. угодника, в показание всемогущей силы, сохранились невредимыми».²⁷⁵

Заклучим свое обозрение сведениями о Св. иконах, писанных Святителем Петром и доселе во многих местах почитаемых чудотворными по особым явлениям силы Божией от них. Такова прежде всего икона Богоматери в Московском Успенском соборе, писанная Св. Петром. Это та самая икона, которую игумен Петр поднес блаж. Митрополиту Максиму, во время посещения ими земли Волынской. Подобно этому Новгородская икона Богоматери, его же руки, ознаменовалась множеством чудес, чему свидетелем был Св. Димитрий, в 1677 г. Кроме этого, известна также икона Богоматери Владимирская, списанная Святителем с той чудотворной иконы, которую принес с собою Андрей Боголюбский из Вышгорода, куда перешла она с востока. Наконец в Переяславской Воздвиженской церкви есть икона Богоматери, писанная Святителем, посланная им в Переяславль на благословение, и доселе находящаяся в особом уважении у народа.²⁷⁶

**Отделение третье. Святые угодники
Волынские и другие находившиеся в
ближайших отношениях к Волыни во
времена владычества Литовского и
разделения Митрополии.**

I. Память святителя Феогноста митрополита Киево-Московского на Волыни.

Блаженный Феогност, по происхождению Грек, посвящен в Митрополита Всероссийского в 1328 году, спустя два года после кончины Святителя Петра, Митрополита Киево-Московского, – и в том же году чрез Киев и Владимир Волынский прибыл в Москву. Это было самое смутное время Татарского владычества на севере России, под властью жестокого Узбека.²⁷⁷ Не лучшие времена были теперь и в юго-западном русском крае от насилий Литовских и латинской пропаганды. Поэтому, по прибытии на место своего назначения, бл. Феогност, подобно Св. Петру, немедленно направил стопы свои для обозрения обширной русской паствы, терзаемой угнетениями чуждой власти и внутренними безурядицами. С этою целью сначала он посетил Новгород и Псков и здесь силою своей духовной власти заставил удалиться из русских пределов Тверского князя Александра Михайловича, гонимого Узбеком за убийство отца его.²⁷⁸ За тем чрез Смоленск и Чернигов из Пскова бл. Феогност прибыл на Волынь и здесь нашел необходимым остаться на некоторое время в утешение православным, гонимым Латино-Польскою пропагандою. Вследствие этого, блаженный дал знать из Волыни в Новгород, чтобы сюда прибыл к нему для посвящения Василий, избранный Новгородцами во Владыки Новгороду и Пскову. В то же время между прочим прибыли сюда к Митрополиту послы и от Псковичей, с просьбою, чтобы он поставил им особого Епископа Афанасия. Но Феогност не внял ходатайству Псковитян, и в 1331 г., во Владимире Волынском посвятил Василия во Архиепископа Новгородского и Псковского.²⁷⁹ Здесь же также рукоположен Митрополитом и другой Епископ из великой России, для Твери бл. Феодор.²⁸⁰

За тем посетив другие древле-Волынские города: Перемышль, Холм и Галичь, Феогност остановился на некоторое время в Киеве для устройства здешней митрополии, особенно много пострадавшей в то время от набегов Татарских

и частью от Литвы. – Отсюда же, из южной России, Св. Митрополит путешествовал в Константинополь, как догадываются, для решения некоторых недоумений, возникших вовремя обозрения паствы.²⁸¹ В это же самое время, по всей вероятности, в бытность свою в Константинополе, бл. Феогност предлагал Патриаршему Собору о чудесах Свят. Петра, и получил от Патриарха письменное разрешение праздновать его память.²⁸²

Спустя семь лет после этого (1340 г.) Феогност погребал в Москве великого князя Иоанна Даниловича, – а чрез два года должен был сам ехать вместе с молодым великим князем Симеоном в орду для представления новому хану Джанибеку, который взошел на престол, умертвив двух своих братьев. Великий князь скоро возвратился в Москву, но митрополит был задержан в орде, потому что новые придворные Джанибека, принадлежавшие большею частью к поклонникам Магомета, убедили было хана заставить Митрополита отказаться от прежних прав, дарованных ханами. Для достижения этой цели фанатики исламизма долго томили Феогноста и подвергали его разным истязаниям; но святитель Божий терпел все и ни под каким предлогом не соглашался предать Св. церковь. Он роздал вельможам татарским богатые дары (всего в 600 р.) и достиг наконец того, что был отпущен с прежними правами.²⁸³

Между тем на сцену истории снова появился вопрос об отделении южно-русской митрополии от московской, – подавленный было личным авторитетом Св. Петра, но теперь опять поднятый даже Константинопольским Патриархом, который около этого времени поставил особого Митрополита (Романа) для Литвы и Волыни. Блаж. Феогност как нельзя более понимал все зло, имеющее произойти от этого разделения – и потому с первою вестью о назначении нового митрополита для южной Руси, по совещании с великим князем, послал в Царьград послов с просьбою прекратить этот беспорядок. И заботы первосвященника не были бесплодны. Константинопольский Собор 1347 года определил уничтожить прежнее определение об особом южнорусском Митрополите и

почтил Феогноста званием Препочтенного Митрополита и Экзарха всей России.²⁸⁴

После этого, в 1348 г. Феогност снова отправился на Волынь, и вслед за его возвращением в Москву Волынский князь Любарт Гедиминович, во св. крещении Феодор, прислал к великому князю послов с просьбою выдать за него замуж племянницу его – дочь князя Ростовского Бориса. И она была охотно выдана за усердного к вере Любарта. – В тоже время Ольгердт великий князь Литовский прислал в Москву послов от себя просить руки другой родственницы великого князя Калиты, Иулиании, дочери убиенного тверского князя Александра, и хотя Ольгерд был плохой христианин,²⁸⁵ однако, имея в виду полезные следствия, могущие произойти от сего замужества, Митрополит преподал благословение и на этот брак, и Иулиагия была выдана замуж за литовского князя (1349).

После этого бл. Феогност пережил в 1351 и 1352 гг. страшную моровую язву, которая, как известно, в это время свирепствовала в таком ужасающем виде на Руси, и скончался 11 марта 1353, и 14 числа того же месяца похоронен в Московском Успенском кафедральном храме, – «об едину страну с Митрополитом Петром Чудотворцем».²⁸⁶

Его св. мощи обретены нетленными в 1411 г. Память его 14 марта.

II. Жизнь и деятельность Святителя Киприана Митрополита Киево-Московского на Волыни.

Святитель Киприан был родом Серб, из города Тырнова, и первые иноческие подвиги свои совершал на Афоне. – Еще будучи иноком, он посещал пределы южной России, по поручению Константино-польского Патриарха, «для того, чтобы, как говорит Царьградский Собор о Киприане, он примирил здешних князей друг с другом и с Митрополитом» (св. Алексием), на которого первые жаловались Патриарху. Киприан действительно успел на время успокоить волнение. Но вслед за сим недовольные южнорусские князья опять послали новое посольство в Константинополь, умоляя дать им особого Митрополита на место умершего Литовского Митрополита Антония; в противном случае грозили отложиться и обратиться к другой церкви. – После этого Патриарх не мог не уступить и после соборного рассуждения посвятил самого же Киприана Митрополитом Киева и Литвы. В тоже время подчинена была ему и Епархия Волынская. А для того, чтобы сохранился древний порядок управления русской Церкви, тут же постановлено было, дабы по смерти Алексия Киприан остался общим Митрополитом всея России.²⁸⁷

Это было в Январе 1376 г. – Следуя соборному определению, бл. Киприан, по прибытии на место служения, дал знать о своем назначении в Новгород, и за тем со всею любовно предался заботам об устройении подчиненной ему митрополии. «Дыша, как пишет автор истории православной церкви на Волыни, «истинно Евангельским миролюбием, он, со многими трудностями и редким терпением обтекая во всю землю русскую, по целым месяцам и годам проживал в земле Волынской; всегда старался извлечь пользу для церкви, утвердить общее благо, мир, порядок; снискал благоволение и князей литовских и королей польских, и умел держать в зависимости и подчинении Епархии Волынской области даже в то время, когда между самими иерархами Волынскими находились, такие которые, неизвестно по каким видам,

покушались отложиться от власти всероссийского митрополита». ²⁸⁸ «Пусть не осуждает меня никто за то, что буду говорит, пишет в одном своем письме сам Св. Киприан. Если был я в Литве, то многих христиан избавил я от горького плена; многие незнающие Бога познали истинного Бога и обратились к истинной вере крещением; я поставил церкви, утвердил христианство, издавна опустошенные святые места восстановил и присоединил к митрополии всей России. Новгород Литовский давно отпал и я его ввел в порядок, и теперь отсюда получаю для митрополии десятину и села. В Волынской земле сколько лет оставалась владимирская епископия без владыки! Я поставил владыку и святые места восстановил. Исконные софийские села перешли к князьям и боярам, и я их отыскиваю, чтобы по смерти моей владел, кого Бог поставит...» «При недостатке надзора святительского, писал далее св. Киприан, каждый владыка жил по своей воле, как хотели; попы, иноки и все миряне – тоже, что овцы без пастуха. Ныне Божиею помощью и нашими трудами дела церкви приведены в порядок». ²⁸⁹

Между тем, скончался на севере тогдашний митрополит Московский Св. Алексей (12 февр. 1378 г.) и блаж. Киприан, согласно определению Патриарха, должен был занять его место, чтобы таким образом всю русскую Церковь принять в свое управление. – Но по неисповедимым судьбами Божиим ему не только не удалось достигнуть этого в первое время, – но напротив того суждено было даже потерпеть разные испытания со стороны особенно сторонников известного Митяя, который самовольно решился сделаться митрополитом и даже увлек было на свою сторону великого князя московского Дмитрия Донского. Поруганный и ограбленный под стенами самой Москвы, св. Киприан удалился в Царьград – «искать своей митрополии и единения церковного между югом и севером»; но хотя в это же время Митяй и погиб в море на пути в этот город, однако другой из спутников его – некто игумен Пимен обманом достиг того, что был посвящен в митрополита великой России, и бл. Киприану снова оставлена была по прежнему только митрополия одной малой России. ²⁹⁰

Вот как пишет сам бл. Киприан о своем пребывании в Константинополе во время помянутых замешательств: «Там пробыл я до 13 месяцев. Нельзя было выйти из Царьграда по облежавшей его тесноте: морем владели латиняне (генуэзцы), а на суше кругом безбожные турки. Когда находился я в этом заключении, напала на меня болезнь, до того тяжкая, что едва оставался я живой. Лишь только пришел я в себя, обратился за помощью к св. Петру чудотворцу; – я молился ему: раб Божий и угодник Спасителя! Знаю, ты имеешь дерзновение к Богу и можешь помочь мне в беде и болезни; если угодно тебе, чтобы я, раб твой, достиг до твоего престола и поклонился чудотворному гробу твоему, то подай мне облегчение в болезни моей. – И верьте мне, заключает св. Киприан, в тот же час тяжкая болезнь моя кончилась и чрез несколько дней я оставил Царьград».²⁹¹

Тот же самый св. угодник Божий, по сознанию Киприана, вслед за сим действительно споспешествовал ему поклониться честному гробу его. Это случилось в 1381 г. непосредственно после того, как великий князь московский узнал о происках Пимена и потребовал возвращения Киприана из Киева.²⁹² Призванный великим князем в Москву на место заточенного Пимена, святитель между прочим установил здесь празднование на Руси так называемой Дмитриевой субботы для поминовения о воинах, скончавшихся во время Куликовской битвы; крестил вместе с св. Сергием сына князя Владимира Андреевича Серпуховского, и вообще, казалось, навсегда помирился с великим князем. Но в это время в Москве случилось нашествие Тохтамыша. Это нападение было так неожиданно, что сам великий князь едва спасся из города, чтобы собрать войско. Вслед за тем должен был удалиться и Киприан из Москвы – и вместе с препод. Сергием поселился в Твери. К несчастью Тверской князь не хотел принять никакого участия в отражении Тохтамыша и даже просил у сего последнего утверждения на княжеском престоле. Это дало повод недоброжелателям представить в невыгодном свете и пребывание митрополита у князя Тверского. К довершению

несчастья, патриарх заступился за Пимена, – и бл. Киприан снова должен был уступить Пимену и удалиться в Киев.

Не смотря однако на это и здесь он не забывал главной цели своей – соединить обе митрополии,²⁹³ и наконец, после разных неудач, снова возвратился в Москву (марта 1390 г.). Здесь он смирил взбунтовавшихся против него Новгородских Стригольников и крестил трех знаменитых Мурз. В тоже время не без утешения для Киприана устроились и дела Галицкой митрополии. Не смотря на то, что сам литовский князь просил (1391 г.) патриарха рукоположить некоего иеромонаха Симеона в митрополита Галицкого, и даже Луцкий епископ Феодор явился к патриарху с просьбою о поставлении его митрополитом в юго-западной Руси, патриарх не обратил внимания на их ходатайство и по прежнему признал Киприана митрополитом всея Россы, – и даже поручил ему на место «несовестливого» епископа Луцкого поставить другого более достойного.²⁹⁴

За тем в апреле 1396 г. Киприан снова отправился в пределы юго-запада и вместе с великим князем прибыл к Витовту в Смоленск, где рукоположил епископа Смоленску Кассиана. В тоже время Витовт дал слово не трогать православия и утвердил Киприана главою всего русского духовенства. Не с таким успехом суждено было митрополиту иметь дело с Ягеллом, под властью которого тогда находился Киев. Но и здесь своим благоразумием св. Киприан сделал многое для пользы православия, посвятив целых 9 месяцев на исправление дел древней митрополии, угнетаемой Латинскими проповедниками Ягелла.²⁹⁵ В тоже время он был и на Волыни (1397 г.), откуда вместе с ним, должно быть по определению патриарха, отправился в Москву и Луцкий епископ Феодор, который здесь и скончался.²⁹⁶

В 1401 году св. Киприан на Московском соборе лишил епархии другого Луцкого епископа Савву, обязавши его неотлучно жить в Москве, за некие, как говорит Никоновская летопись, вещи Святительские, или как догадываются другие, потому что епископ этот имел несчастье заслужить гнев Витовта.²⁹⁷

В Июле 1464 г. бл. Киприан еще раз, отправился из Москвы в Киев, в котором открылись тогда разные беспорядки, так что здесь он должен был даже сменить своего наместника и всех лиц служащих при нем. За тем св. Киприан снова посетил Луцк и здесь поставил нового владыку на место удаленного Саввы. В то же время в Волынском городе Миролубове Киприан виделся с Ягеллом и Витовтом, и обоими из них был принят благосклонно, хотя здесь, вопреки своему желанию, он должен был сменить Туровского епископа Антония, человека ревностного по вере и преданного православию, но неприятного сторонникам латинства, которые никак не могли помириться с Туровским владыкой за его подвиги на пользу православия, и оговорили его пред митрополитом, будто он сносился с Ханом Тади-Беком и даже приглашал его властвовать в Киеве. Киприан понимал дело и хотел было ограничиться тем чтобы оставить Антония при себе. Но Витовт грозил отнять у Киприана западные области, если Антоний не будет низложен, – и святитель должен был уступить силе.²⁹⁸

Наконец в Январе месяце 1406 г. св. Киприан, в последний раз возвратился в Москву. Отягченный горькими лишениями и летами, он начал чувствовать близость кончины и потому, поселившись в любимом своем селе Голенищеве, начал по преимуществу заниматься богомыслием и молитвою. В начале Сентября, он уже больной посвятил в Голенищеве епископа Митрофана в Суздале, а 16 Сентября того же (1406 года) скончался мирно смертью праведника.²⁹⁹

Мощи его обретены в 1472 году и ныне почивают в Московском Успенском соборе под спудом.³⁰⁰ Память его 16 Сентября и Мая 27.³⁰¹

III. Святитель Фотий митрополит Киево-Московский на Волыни.

Блаженный Фотий посещал пределы Волынские во время управления всероссийскою митрополией два раза. Он был грек и поставлен во Всероссийские митрополиты спустя два года после смерти Киприана (1409) Патриархом Царьградским Матфеем.³⁰² Сентября 1-го того же года он прибыл в Киев, и как на юге России давно жаловались, что не видят у себя Митрополита, то Фотий пробыл здесь более 7-ми месяцев, лично осматривая положение дел и решая жалобы. После этого он отправился в Москву, куда прибыл накануне Пасхи 22 Апреля 1410 г. Здесь особенно заняли его дела о возвращении митрополичьих имений и земель, захваченных во время набегов монгольских. Это сильно вооружало против него бояр и даже самого великого князя. Но несмотря на это, Фотий успел возратить кафедре все ей принадлежащее.³⁰³

Но особенно тяжелое время настало для Фотия со времени подчинения Литвы и Волыни под власть Витовта, когда сей последний составил план об отделении своих владений от царства польского и приобретении для своей династии титула королевского. – Для достижения этой цели ему необходимо было с одной стороны задобрить папу, который один в то время считался раздаятелем корон, а с другой – прекратить всякие отношения своих русских подданных к Московским Митрополитам, которые, проживая в Москве, своим влиянием постоянно поддерживали между литовско-русскими и московскими князьями дух братства, опасный для литовского самовластия. Вследствие этого Витовт всячески старался содействовать распространению латинской пропаганды в своих областях, учредил в Луцке (1427 г.) католическую кафедру, построил в том же городе доминиканский монастырь, отдал в полное ведение полякам Волынские города: Кременец, Олевск, Збараж, Ратно и др.³⁰⁴ Наконец, в 1414 г. Витовт созвал подвластных себе князей русских и объявил им, что надо отказать Фотию в управлении Литовско-Волынскими Церквами и

добыть для них особого митрополита. – По общему соглашению решено было обратиться по этому вопросу к Патриарху Константинопольскому и Греческому Императору. Но тогдашний Патриарх Евфимий вместе с Императором отказали в этом неуместном желании, и Григорий Цимвлак или Семивлах, посланный было Витовтом для постановления в южно-русского митрополита, возвратился ни с чем. Тогда Витовт для достижения своей цели придумал новое средство. Он созвал всех Епископов и Архимандритов своей области и объявил им свое желание и отказ Патриарха и Императора. Духовные, как говорит Витовт, согласились с тем, что «вследствие дальности Митрополита (Московского) от их Епархий выходит много беспорядков, и что они могут и без Патриарха поставить себе Митрополита». – Но на самом деле, духовенство Литовско-Русское долго не соглашалось с Витовтом, и только угрозами он успел вынудить у него согласие.³⁰⁵ Как бы то ни было, но в Марте 1415 г. Витовт снова послал в Константинополь свою просьбу и присовокупил, что если не дано будет ответа до 15 Августа, то Митрополит будете избран и поставлен местными Епископами. – Ответа не было до самого Ноября месяца, а потому 14 ноября того же года собором литовско-русских епископов Григорий был поставлен на степень митрополита литовской Руси и вступил в управление своею паствою.³⁰⁶ Епископы Литовские обнародовали от себя два послания – одно к бл. Фотию, а другое ко всей русской церкви, – из коих в первом объявили, что еще при первом посещении Киева Фотием они заметили в нем поступки не согласные с званием архипастыря, а теперь даже узнали о таких его делах, которые прямо осуждают его на низвержение, – но они не хотят наносить ему бесчестия и только отказываются от его власти. Во втором послании они оправдывают свои действия, указывая на невыгоды, какие южно-русская Митрополия терпела от дальности Митрополита, на примере поставления Киевских Митрополитов Илариона и Климента, и наконец на произволе Константинопольского Патриарха и Императора. В тоже время Витовт издал грамоту от себя, в которой в резких чертах выражал жалобы на Патриарха и Митрополита, и объявил, что

он действовал согласно с волею князей и духовенства для чести Русской Церкви.³⁰⁷

Что оставалось делать Вл. Фотию? Он решился отвратить собиравшуюся грозу личным объяснением с Витовтом, – и для этой цели отправился было в Литву. Но на границе литовского княжества его ограбили сторонники Витовта, и он принужден был возвратиться в Москву. После этого Бл. Фотию оставалось только посланием Литовского духовенства и грамоте Витовта противопоставить свои собственные Архипастырские послания. – В них он оправдывает Патриарха и Императора, защищает единство митрополии, ее древность, напоминает епископам их клятву не принимать другого митрополита, кроме поставленного Патриархом, и приводит одно за другим до 30 правил, которыми доказывает, что приемлющий власть незаконно не есть истинный пастырь, и посвящающие себе самовольно такового пастыря подвергаются отлучению.³⁰⁸

Послание это как и все дело о Григорие было рассмотрено на Московском Соборе 1416 г., на котором все действия Литовских Епископов признаны также не справедливыми, как представлял это и Вл. Фотий.³⁰⁹ В тоже время в защиту Бл. Фотия и всей Московской церкви, по словам Преосвящ. Филарета, совершилось несколько чудес от мощей первого Митрополита Москвы, Свят. Петра, тогда как Киев был ограблен и предан огню татарами.³¹⁰ Наконец, сам Господь заступился за Фотия. По неисповедимым судьбам Божиим, Григорий Цимвлак умер спустя три года по своем поставлении (1416). В тоже время Свидригайло, освобожденный из Кременецкой тюрьмы Препод. Феодором Князем Острожским³¹¹ и всегда преданный православию, заставил Витовта отложить в сторону планы Ягелла о папизме,³¹² и потому вслед за смертью Григория, Витовт дал согласие, чтобы Бл. Фотий снова принял в свое заведывание Епархии Юго-запада.³¹³

Обрадованный таким исходом дел святой угодник Божий не медля отправился для обозрения своей юго-западной митрополии. С этой целью прежде всего он был в Новгородке у Витовта. За тем посетил Мстислава с его князем Симеоном и отсюда отправился в Слуцк и здесь у князя Александра крестил

его сына. – После этого снова из Киева Бл. Фотий ездил (1421 г.) в Львов, – и отселе наконец, прибыл на Волынь, где во Владимире Волынском провел весь праздник Рождества Христова, совершая богослужение, решая дела и делая наставления духовенству и народу. – За тем в праздник Богоявления Бл. Фотий служил в Вильне и оттуда снова возвратился в Москву.³¹⁴

Но особенно замечательно было пребывание Фотия на Волыни в 1429 г. на известном знаменитом Луцком съезде Витовта. Поддерживаемый Германским Императором Сигизмундом Витовт хотел довершить разделе Литовского княжества с Польшей торжественным своим коронованием и принятием титула королевского. – С этою целью он назначил в 1429 г. торжественный съезд в Луцке, на который прибыли Германский Император, великий князь Московский,³¹⁵ король Ягелло с семейством, короле Датский, посланники Греческого Императора Палеолога и множество других иностранных владетелей и почетных лиц.³¹⁶

Вместе с ними явился на Луцкий съезд и Бл. Фотий, как всероссийский Митрополит, по своему званию связанный духовными узами с владетелями Литвы и России.³¹⁷ Не место здесь описывать всю торжественность этого съезда, его блеск и великолепие.³¹⁸ Скажем только, что кроме роскошных обедов и пышных зрелищ, здесь рассуждали почти о всех современных вопросах, как то: об единодушном противодействии опасностям грозившим со стороны завоевательных Турок, о набегах татарских и т.п. В тоже время побуждаемый просьбами Императора Иоанна Палеолога и явными беспорядками западной Иерархии Император Сигизмунд объявил твердое намерение заняться делом соединения церквей, и Бл. Фотий, как представитель православия, должен был дать свое согласие и благословение на это дело.

В Августе 1430 года надлежало быть новому съезду в Вильне, и тогда же Витовт должен был принять корону, которую обещался прислать ему Император Сигизмунд. Верный своему призванию Бл. Фотий не замедлил отправиться и на этот съезд, куда кроме ожидаемых послов Императора приглашены были

король Польский, Великий князь Русский, князь Тверской, Магистры Прусский и Ливонский, ханы Перекопских и Заволжских Татар, Король Богемский и множество других князей, воевод, панов и бояр из Литвы, Руси, Польши и др. земель.³¹⁹ Оставалось только дожидаться короны, чтобы после коронации приступить к решению других вопросов. Но в это время поляки, искони мечтавшие о соединении Литвы с Польшей, перехватили на дороге корону и грамоту Сигизмунда, вследствие чего Витовт, обремененный летами и неудачей, впал в тяжкую болезнь и спустя несколько времени скончался в Троках 27 октября 1430 г. Виленским гостям т. обр. вместо коронации оставалось присутствовать на похоронах. Впрочем они тотчас почти все разъехались; только Бл. Фотий после этого пробыл в Вильне еще одиннадцать дней, где и виделся с новым великим князем Литвы Свидригайлом, избранным единодушным желанием Литвы и Волыни.³²⁰ Без сомнения к этому же времени Бл. Фотий приготовил и сочинения свои об исхождении св. Духа и о различии церкви восточной и западной.³²¹ Ими он и приготавливал как юного Государя Московского, так и других из своей паствы к делу о соединении церквей. И конечно, говоря словами преосвящ. Филарета, наставлениям бл. Пастыря одолжена была Русская церковь тем, что молодой великий князь отверг унию Исидора.³²²

Наконец и для Бл. Фотия наступило время отшествия в вечность, еще за несколько месяцев пред сим указанное ему в сонном видении на светлой неделе, 20-го Апреля 1430 года.³²³ Он мирно почил 1-го Июля 1431 года³²⁴ и погребен в Успенском Московском соборе вместе с своими предшественниками. Его святые мощи обретены 1471 года.³²⁵ Память его Июля 2-го и Мая 27.³²⁶

IV. Преподобный Феодор князь Острожский, в монашестве Феодосий. (11-го и 28-го Августа).

1. Происхождение и род Преподобного Феодора и его родители.

У старинных Польских писателей издавна существует мнение, будто Князя Острожские, а с тем вместе, конечно, и препод. Феодор, были потомками Романа Мстиславича I, Князя Галицкого, через Василия Романовича II, предполагаемого деда Феодорова, правнука Романа 1-го, Князя, будто бы на Остроге, «Острожского».

Оттого-то, между прочим, и в старинном «Летописце Южно-русском, составленном в XVII веке», сын Даниила Роман Данилович II-ой называется прямо Князем «Острожским», Заславским и Дубенским, – и соответственно этому представляется следующее родословие их Княжеского «Острожского» дома: Роман Данилович II-й, родной брат Князя Льва (старшего сына Даниила Романовича известного основателя г. Львова) оставил сына Василия, Князя «Острожского», тот Василий оставил по себе сына Даниила II,

Князя на Остроге, «Острожского», от Даниила остался сын Феодор, Князь «Острожский», Владимирский и Северский, – и т. д.³²⁷

Но это мнение также не имеет основания, как и другое старо-польское сказание о происхождении самого Романа Галицкого, будто бы от Давида Игоревича, правнука Михаила – Святополка Изяславича, не смотря на то, что у того же старинного «Летописца Южнорусского» этот последний, т. е. Давид, даже прямо именуется «предком Княжат Острожских»;³²⁸ ибо, по прямому свидетельству нашей отечественной истории, Князь Даниил I-й, отец Романа Галицкого, вовсе не был потомком Ярослава Святополковича, деда Давида Игоревича, а происходил по прямой линии от Владимира Мономаха, чрез блаженного сына его Мстислава 1-го и правнука Мстислава Изяславича II-го, отца Романа Галицкого.³²⁹

Настоящее, несомненно-историческое свидетельство и происхождение Пр. Феодора и с ним вместе и всего Княжеского «Острожского дома» представляют старинные памятники Киевских церквей, где записано: «Род Князя Константина Ивановича Острожского», вскоре по погребении его в Киево-печерской Лавре, следовательно в 30-х годах XVI века. Там имена предков Князя Константина излагаются в следующем порядке:

Князя Георгия

Князя Димитрия

Князя Даниила

Князя Феодора, в иноцех Феодосия, и т. д.

Соответственно этому и ряд Княгинь представляет следующая имена:

Княгини Варвары

Княгини Инокини Елизаветы

Княгини Василиссы

Княгини Агафьи, в инокинях Агрипины

и т. д.

Таким образом, мы прямо находим родоначальников Пр. Феодора в лице прадеда Его «Князя Георгия» и жены его

«Княгини Варвары» и деда его «Князя Димитрия» и жены его «Княгини Елизаветы».

«Несомненно – скажем словами покойного г. Максимовича, что эти имена были написаны для церковного поминовения еще самим Князем Константином, правнуком Преп. Феодора, и потому это родоначалие князей Острожских должно принять за достоверное и нерушимое».³³⁰

Остается только решить: кто же были эти приснопамятные родоначальники блаженного Князя? – На этот вопрос мы опять получаем ответ из тех же старинных памятников, но только уже не Киевских, а из одного древнейшего памятника Дубенской церкви на Волыни, который составлен, как в нем самом говорится, по «старейшим поминаниям» той же церкви.³³¹ Там Князе Теорий и его Княгиня Варвара прямо именуются «благоверными Князеями Туровскими».³³²

Эта небольшая заметка яснее всех генеалогических догадок старо-польских и южно-русских указывает нам на Князей Острожских, как на отрасль древле-русских Князей Туровских и Пинских, которые в свою очередь тоже происходили от Св. Равноапостольского Князя Владимира, но уже не чрез внука его Игоря Ярославича, отца Давидова, как того желают Польские писатели, а чрез правнука Св. Владимира, Святополка Изяславича II-го. Родной внук этого Святополка имел, в свою очередь, внука Владимира князя Пинского, а от сего-то последнего и родился Юрий, или Георгий Туровский и Пинский, прадед Препод. Феодора.³³³

Отец Феодора, Князь Даниил Васильевич Острожский, является в истории в первой половине XIV века, в борьбе с Польским Королем Казимиром III-м Великим за самостоятельность Западных областей России, который Казимир хотел силою оружия подчинить своему владычеству.³³⁴

«То было, по словам Стебельского, в 1343 году, в особенности под Сандомиром, у реки Вислы, где помянутый Князь Даниил, имея при себе Дашка, Старосту Перемышльского, и значительные орды Татар, призванных на помощь, произвел такое быстрое нападение на указанного Короля Казимира и его войско, собранное (между прочим) из

целого Королевства (Польскаго), что положил трупом самого даже Гетмана (королевского) Войцеха Целея, воеводу Садомирского из дому Гобданк, вместе с огромным множеством других убитых воинов».³³⁵

Замечательно, что «это была первая попытка Поляков завладеть Подолией и Волынью», так победоносно отраженная Острожским Князем.³³⁶

С этого времени нападения Поляков на соседние западнорусские области повторялись непрерывно, – и без сомнения, поучительный пример Князя Даниила остался навсегда путеводною звездой для его родичей и потомков, Князей Острожских, и в том числе в особенности для Преп. Феодора, в их вековой борьбе за русские интересы и русскую народность, которая устала только со смертью последнего представителя Православного Острожского Княжеского рода, Князя Константина Острожского.

К сожалению, впрочем уже самому Князю Даниилу пришлось испытать на себе тяжесть тех неудач, которые потом на долго отдали Полякам земли западно-русские в их незаконное владение. – В 1349 году, «тот же Казимир, по сказанию Стебельского, собравши значительные войска для покорения остальной части земель русских, в особенности Волынской, Холмской, Белезской и Брестской, так сгеснил оныя, что уstraшенные его мужеством Князья их по неволе должны были покориться ему». «В то же время, по словам Стебельского, и Даниил, идя по следам других, должен был сделать тоже самое».³³⁷

Но особенно родители Преп. Феодора отличались примерным благочестием и христианскою любовью к храмам Божиим. «Была тогда в Остроге Церковь Св. Николая Чудотворца, которую и теперь многие помнят, потому что ее не очень давно разобрали за ветхостью и за неимением средств поддержать ее».³³⁸ В эту Церковь благочестивый Князь Даниил с Княгинею своею Василисою и с детьми своими... «записал землю на имя Чепель уездам и в обруде, в паракане ж (ограде) як тая земля в соби мает, вечно и нерушимо». – «Мають же тую землю», – как писали они в вкладной своей записи,

сохранившейся до XVII века в напрестольном Евангелии той же Церкви, – «той Церкви попы держати и мают соби всякий пожиток имати, а за нас Бога милостивого просити и роды наши помиловати». – «А если бы кто имел той земли кривду чинити, маем мы и потомки наши боронити; а если бы мел теж кто тую землю от Божие Церкви отимати, тот мает пред милостивым Богом на страшном суду с нами ся разсудити».³³⁹

Есть также известие, что Князю Даниилу принадлежит построение каменных укреплений Острожского замка. Для этого князь Даниил вызывал из-за границы самых лучших мастеров, архитекторов, живописцев и других ученых людей, и они начали строить при нем эти башни, развалины которых мы видим и до сих пор.³⁴⁰ Но когда именно скончался князь Даниил, равно также когда умерла его Княгиня Василиса, об этом сами даже Польские писатели, так падкие на разные догадки, не говорят ни слова. Длугош пишет, будто еще в 1410 году Острожский Князь Даниил участвовал в битве Ягелла с Крестоносцами под Грумвильдом;³⁴¹ по это явная ошибка, потому что, как увидим далее, в этом походе участвовал не Даниил, а сын его Феодор, и история вообще после 1386 г. совершенно умалчивает о личности Князя Даниила и на его место является приснопамятный сын его Феодор Данилович.

2. Первоначальные действия Феодора на Волыни и его участие в Гусситских войнах в Чехии до вступления в союз с Свидригайлом для борьбы с поляками

Когда родился Препод. Феодор, об этом также нет сведений, как и о смерти отца его. Известно только, что он был старший из трех сыновей Даниила и с молодых лет «любил учиться и любил узнавать, что и как делается в других землях, – но все-таки любил свое больше и только старался придумать, как приложить в пользу России и своего любезного Княжества на Волыни все, что было хорошего у других, однако не брезгал своим родным, не переменяя и не истребляя того, что было хорошего у нас».³⁴²

В истории имя Преподоб. Феодора встречается первый раз в 1386 г., должно быть вскоре после кончины его отца, когда Король Польский Ягелло и Великий князь Литовский Витовт утвердили за ним его наследственное Острожское владение и увеличили его удел округами Заславским и Корецким. – В 1390 году, Ягелло снова подтвердил за ним княжества Острожское и Заславское, и в том же году Великий Князь Витовт особо грамотой утвердил Феодора в его имениях: Бродове, Радосиолках, Радогоще, Межиречах, Дьякове, Свищеве и др.³⁴³

После этого история молчит о Препод. Феодоре до 1408 г. За несколько лет пред этим (1399 г.) Литовский князь Свидригайло, не любимый Ягеллом и Витовтом за его преданность к Православной Вере и русской народности, был схвачен Польским войском, находящимся на Волыни под начальством Петра Шафранца Медусского, и по распоряжению Витовта посажен в Кременецком замке, в цепях под присмотром тогдашнего Кременецкого старосты Кондрата Фалькенберга (поляка).³⁴⁴

«Мы и теперь видим развалины этого замка, и можно судить, какая это была сильная крепость по тогдашнему; ее одну из всех крепостей русских не могли взять Татары, и даже сам Батый, по преданию, должен был со стыдом и проклятиями

отступит от нее».³⁴⁵ «Стоят и теперь стены этого замка на высокой каменной горе, куда и одному человеку пешком даже трудно взойти, а подняться на нее целому отряду с пушками и лошадьми и осадными орудиями было почти невозможно, тем более, что с высоких стен стреляли раскаленными ядрами и осыпали картечью всякого, кто хотел приступить».³⁴⁶

Туда-то засадили враги Свидригайла, – и понятно, как это обстоятельство должно было опечалить православную Волынь и Литовцев, для которых Свидригайло был единственной защитой против латино-польских затей Ягелла и Витовта. Но особенно ближайшее участие в судьбе Свидригайла принял блаженный Князь Феодор.³⁴⁷ С этой целью он подослал в Кременецкий замок двух испытанных человек рыцарского – шляхетского звания, Дмитрия и Гелиаша (Илию), которые должны были прежде всего, под предлогом разных услуг, войти в милость у замкового старосты Фалькенберга. После этого, заручившись их содействием, Феодор в страстной четверг 1408 года явился с пятьюстами вооруженных воинов под стенами Кременецкого замка. «Тихо и осторожно, один за другим, стали подниматься воины Феодоровы в разброд по скалам» и овладев укреплениями замка при помощи Дмитрия и Гелиаша, которые нарочно стояли на карауле в то время в замке и секретно впустили туда воинов и самого Феодора, умертвили старосту Кондрата, перерезали польско-литовскую стражу и Ягелловых комиссаров, и, освободивши Свидригайла, отпустили его на волю, – откуда и тот под прикрытием стапятидесяти Волынских всадников удалился в Венгрию, а отсюда в Москву.³⁴⁸

С нетерпением ожидал Св. Феодор вестей из нашей первопрестольной столицы. – Там княжил тогда сын Дмитрия Донского Василий и был Великим Князем всей северной Руси. Увидев Свидригайла с другими Князьями Литовскими и русскими и, выслушав их уверения, что войско Витовтово готово перейти на половину на сторону Свидригайла, Великий Князь Московский двинул было свою армию до берегов Угры (что ныне в нынешней Калужской губернии), а Князь Острожский, собрав Волынские войска, стоял наготове, чтобы пособить им.

Но Витовт не допустил далее Московскую рать. К довершению горя Свидригайло предался обычному разгулу и не успел вовремя поднять Киевских Князей, и все это замечательное предприятие кончилось почти ничем для него. Впрочем Витовт согласился на мир, с обязательством не допустить никаких захватов в пользу латинства, а Свидригайлу пока Великий Князь Василий дал удел у себя, во Владимире на Клязьме.³⁴⁹

Не радостно было Феодору видеть такой исход дела, на которое он, без сомнения, полагал не малые надежды, но по крайней мере церковь Русская теперь ограждена была мирным договором Витовта, и надо было пользоваться хотя этим до поры, до времени. – Чтобы не раздражать врагов, блаженный Феодор даже пошел, около этого времени (1410 г.), в поход с Королем Ягеллом против Немецких Рыцарей-Крестоносцев, которые делали постоянные набеги на Литовскую землю, чтобы насильно крестить Жмуд в Римскую веру. В известной, замечательной битве под Грумвальдом Пр. Феодору, вместе с другими начальниками отрядов, поручено было охранять самую особу Ягелла, и без сомнения блаженный Князь не мало содействовал здесь успехам победы.³⁵⁰

Между тем на Волыни, и в особенности к Феодору, все чаще и чаще начали доноситься нерадостные вести из Чехии. Вот Латыняне засудили Гусса и сожгли его на костре; такая же участь постигла вскоре и его друга и последователя Кропима Пражского. Судьба этого последнего тем более поразила православных обывателей Литвы и Волыни, что не за долго пред этим (1412 г., апр.), он сам был на Литве в Витебске с Витовтом и здесь торжественно засвидетельствовал свою любовь к Православной вере, предпочетши поклониться мощам и иконам русским, а не латинским, с которыми Латыняне вместе с православными выходили встречать Витовта.³⁵¹ В Чехии почти весь народ поднялся на защиту учения своих излюбленных учителей, – и в память славного Гусса его последователи начали называться Гусситами. Но больше всех были озлоблены против Латинян Гусситы, которые поселились близ Праги на горе Таборе и взяли к себе начальником знаменитого Пражского гражданина Яна Жижку. Они скоро сделались грозою врагов

своих под названием Таборатов, и так были уверены, что Жижка ведет их к победе, что даже по смерти его сняли с него кожу и натянули ее на барабан, чтобы раскатами этого барабана, как бы голосом самого Жижки, призывать сражающихся к бою и торжеству. К довершению несчастья умер тогдашний Король Чехии Вячеслав (1419), и ему наследовал Немецкий Император Сигизмунд, который, по наущению Папы, решился употребить все возможные средства, чтобы сразить непокорных и утопить в крови учение Гусса.³⁵²

Тогда Чехи решились искать чужеземной помощи и хотели было сначала избрать своим Королем Ягелла или Витовта. Но Поляки и слышать об этом не хотели; даже Витовт сам лично не решился отправиться в Чехию, но обещал отправить охотников и вместо себя послал туда своим наместником молодого племянника своего князя Сигизмунда Корибутовича.³⁵³

Во всех этих переговорах Князь Федор принимал самое деятельное участие. В тоже время он собрал войско на Волыни из своих людей и охотников русских и литовских и с сильным отрядом отправился в Кринов, где Корибутович тоже составил армию из волонтеров. Князья отправились в Моравию и не смотря на малочисленный отряд, приведенный ими с собою (не более 5000 чел.), они нашли сильную поддержку в Чехах, так что Император Сигизмунд должен был отступить, и 16 мая 1422 года Жигимонт или Сигизмунд Корибутович вместе с Феодором вступил в Прагу в качестве короля Чехии. – Здесь вскоре соединился с ними и победоносный вождь, в то время уже совсем слепой Жижка, и с своей стороны также признал Корибутовича правителем своей родины. – Руководимый Св. Феодором Корибутович вскоре восстановил порядок в Праге, повел удачную войну против Императора и стал искать средств к примирению между всеми чехами, разделившимися к несчастью на разные толки, держась по преимуществу сам стороны Чашников (т. е. защищавшие причастие под обоими видами), которые были более многочисленны и ближе к православию.³⁵⁴

Но Император Сигизмунд, не смотря на свои неудачи, начал опять собирать Немецкое войско для борьбы с Гусситами и

разными происками так успел подействовать на Ягелла и Витовта, что те отозвали Корибутовича из Чехии, и этот последний волей неволей должен был выехать из Праги 24 Декабря того же 1422 г.³⁵⁵

С тем вместе оставил Чехию и блаженный Феодор. Впрочем, как сообразительный вождь и политик, он не терял надежды, и точно не дальше как чрез год, когда Император Сигизмунд при свидании с Ягеллом и Витовтом в Кринове, убедил их объявить войну Чехам, и Корибутович сам по себе отправился опять в Прагу, то охотники, на которых рассчитывали Латиняне, вместо того, чтобы идти с ними, отправились под начальством Св. Феодора снова в Чехию для борьбы с Немцами. Жижка тоже пристал к нему и они общей ратью пошли на встречу врагов в Моравию. К сожалению, впрочем, Жижка вскоре тут же умер от болезни. Но предводительствуемые Св. Феодором войска всюду одерживали победы, так что, казалось, можно было рассчитывать на окончательный мир. Потому Св. Феодор возвратился на Волынь, оставив самому Корибутовичу довершить дело своего призвания. Но к несчастью молодой Князь на первых же порах ошибся в расчетах. Он думал, что можно уладить дело с Папою и чрез него с Императором, что Папа согласится на принятие важнейших пунктов учения Гусситов и для этой цели вступил в переговоры с Папою Марком V. Но как только Чехи услышали об этом, они тотчас заподозрили Корибутовича в измене, схватили его, заперли в крепость, и хотя потом чрез несколько месяцев выпустили, но потеряли к нему всякое доверие и он должен был воротиться в Литву (1427 г.).³⁵⁶

Есть основание думать, что блаж. Феодор не оставил Гусситов и по удалении Сигизмунда из Чехии, потому что еще в 1430 году мы снова видим его, в качестве охотника, в Силезском походе Гусситов.³⁵⁷ Но это была последняя служба его на пользу святого дела. В том же году умер Витовт, и блаженный Феодор должен был поспешить для избрания ему преемника.

Да и Чехи сами, разделенные на партии и обессиленные беспримирною борьбой, мало представляли надежды на достижение какого-нибудь лучшего конца. Между тем бл. Феодору предстояло не мало дела и на родине, и он по неволе должен был оставить Чехов, предоставить их судьбу воле Божией и их личной храбрости, чтобы заняться делами своего родного отечества.³⁵⁸

3. Преподобный Феодор в борьбе с поляками за православие и русскую народность; Морафская битва и даленейшие действия пр. Феодора на защиту своих соотечественников до размолвки с Свидригайлом.

Витовт умер, не оставив по себе наследников мужеского пола, – и Волыняне вместе с Литовцами избрали на его место своим великим князем любимого, хотя и сурового Свидригайла брата Ягеллова. Но, к сожалению, Свидригайлу не посчастливилось подобно Витовту, – и, по его избрании, немедленно между литовцами и русскими завязалась сильная междоусобная борьба за преобладание. Борьба эта, вспыхивавшая и до того времени, среди междоусобей Кейстута, Ягелла, Явнута, Свидригайла и др., и под конец затихшая было, вследствие талантов и внешней предприимчивости Витовта, нашла на этот раз более способных представителей и обозначилась рельефно в двух соискателях великокняжеского престола. Литовская пария, опиравшаяся на общинную, демократическую, преданную роду Кейстута Жмуде, сгруппировалась около Жигимонта Кейстутовича, «мыслившего в сердце своем, по диаволу наущению, како бы весь рожай (род) шляхетский погубити, и кровь их разлити и поднести рожай «хлопский, псю (собачью) крове». Русская партия в лице многочисленных княжеских родов Рюриковичей и Годиминовичей, опираясь на княжеское аристократическое феодальное начало и православную веру, имела представителем своим своего любимца православного Свидригайла Ольгердовича. В стороне от обеих партий зарождалась третья, которой суждено было вскоре восторжествовать над обеими. Это партия польская. Она имела опору в мелкой русской боярщине, мечтавшей о равноправности с польской шляхтою, и в некоторых литовских сановниках, возведенных польским влиянием в крупные должности. Партия эта, равно враждебная и общинной Жмуди и княжеской Руси, пока значительно уступавшая в силе обеим, вела свои дела

осторожно. Опираясь на польскую помощь, она дружила попеременно, смотря по обстоятельствам, с обеими враждующими сторонами, а между тем, в виду будущей «унии», помогала полякам оттягивать у Литвы одну землю за другою.³⁵⁹ Наконец 17 октября 1432 г. слабый Жигимонт, подставленный поляками на место Свидригайла, уступая домогательствам этой последней партии, подписал в Городле акт, которым уступил Польше области Владимирскую и Луцкую с гг. Городло, Олеском, Ратном, Лопатиным и дал клятву не вступать ни в какой союз без согласия речи посполитой.³⁶⁰

Среди этой борьбы Феодор Острожский, как выражается современный ему Длугош, «муж из всех вождей Литвы и Руси, великой смелости и огромного авторитета в войсках», является самым деятельным, храбрым и распорядительным сподвижником Свидригайла.³⁶¹

В 1432 г. Свидригайло поручил Феодору защищать землю Подольскую, которую поляки старались завладеть под видом помощи Жигимонту. Теснимый превосходными силами, Феодор однако успел удержаться на Подоле, отнял у Поляков Смотрич, овладел Скалею, сжег Врацлав, снабженный польскими продовольствиями, и таким образом очистив брацлавщину, по словам летописца южно-русского, «все Подолье на Швидригайла до Руси вырвал у поляков».³⁶²

Нечего говорить, что такого рода действия Острожского князя не могли понравиться речи посполитой; тем менее могли они успокоить Ягелла. Потому как только король польский узнал об этом, то немедленно сам «до Львова вытягнувши, послал войско коронное на Подолье» под предводительством польских полководцев Самогульского и Яна Менжика из Домбровы.³⁶³

Уже поляки вступили в землю подольскую. Но блаж. Феодор никак не хотел пускаться в открытую битву, как этого ожидали польские полководцы. Вместо этого, как выражается Зубрицкий, он по «русскому обычаю», начал отступать, предпринимая только небольшие стычки и захватывая по временам польские отряды, посылаемые для фуражировки.³⁶⁴ Таким образом волею неволею поляки были завлечены в самую глубь страны. Между тем начиналась зима (в ноябре месяце), и

ослабленное долгим походом и стужей польское войско решилось наконец вернуться домой.

Но в то самое время, когда, по словам летописца южно-русского, «ляхи до близкой зимы уже до дому се вертали», и изнеможенные зашли в болотистые окрестности Морафы (Мурахы, впадающей в Днестр), бл. Феодор, который по словам того же летописца, нарочито «таемне за ними тянул, часу и местца и пригоды» (случая), где бы на них «ударить смотрел», – быстро обошел вперед и засев с войском в лесу, на противоположном берегу Морахвы, не вдали от Копостырина, выжидал поляков и, не дав им опомниться, «з великим и гвалтовым окриком» неожиданно ударил на неприятеля.³⁶⁵ «В то время река уже трохи замерзла», – и «ляхи, будучи встревожены пригодою новою и несподеванною, они ударились лед ломать, а другие возы свои в гати покинувши и поперевертавши, учинили битву». Но войско Феодора было несравненно сильнее и многочисленнее, – и «ляхов помешанных из реки выезжающих, Русь отвсюль назревали, были, топили и имали».³⁶⁶

И без сомнения Острожский князь в это время истребил бы все польское войско, или же захватил бы оное в плен, если бы случайно, «по Божиему смотрению (*divina providentia*), как выражается Длугош, не подоспел на помощь» полякам полковник Кемличь или Кеньбич, который находился в то время не вдали «на стороне» за фуражировкою с польским войском в сто коней. Он ударил на войско Феодора с тылу, – и этим заставил осторожного князя прекратить на время битву до дальнейшего удобного времени.³⁶⁷

Есть писатели, которые говорят, что сам Феодор, уstraшенный Кемличем, бежал из-под Копостырина, потерявши значительную часть войска.³⁶⁸ Но более добросовестные писатели (Зубрицкий, Нарбуг и др.) сами сознаются, что это бегство досталось на долю не Феодора, а Поляков.³⁶⁹ Есть письмо некоего Людовика Лянсе к великому Магистру ордена Меченосцев от 20 декабря, следовательно чрез три недели после Мораховской битвы, в котором тот извещает, что Свидригайло получил сведение, что Феодор положил под

Коперштилем двадцать тысяч поляков, между которыми одной шляхты было душ четьреста.³⁷⁰ Кроме этого, по свидетельству Зубрицкого, Поляки тоже усеяли своими трупами окрестности Мурафы, и преследуемые татарами «и бессарабами с трудом, и притом в небольшом количестве воротились в границы Польши».³⁷¹ Если войско Феодора действительно пострадало на берегах Мурафы: то это надобно сказать только о находящихся в его полках – «Волохах», которые по словам летописца южно-русского, в то время были на «лупезстве», т. е. занимались ограблением побитого польского войска. По свидетельству того же летописца, «их точно побито от ляхов и погибнуло много».... Но за то поделом, – за грабеж незаконный.³⁷²

После этого Острожский князе провел зиму в окрестностях Каменца-Подольского, выжидая дальнейших действий Свидригайла.³⁷³ И как только весною (1434 года) Свидригайло снова пошел против Поляков, в тоже время вместе с ним поднялся и Феодор и, ни мало не медля, отправился прежде всего в пределы земли Волынской к тогдашнему столичному Волынскому городу Луцку. Город этот находился в руках Поляков и был укреплен двумя оборонительными замками, возвышающимися на двух взгорьях. Не смотря на это, Феодор овладел городскими укреплениями и, отняв Луцк у поляков, покорил его своему союзнику Свидригайлу.³⁷⁴

Затем в том же г. (1433) мы снова видим Феодора на Подолье под стенами Каменецкой крепости, остававшейся еще во власти поляков под начальством «молодого рыцаря» (по Нарбуту) и знаменитого военачальника (по Зубрицкому) Теодорика Бучацкого.³⁷⁵ Чтобы, по обычаю, не проливать напрасно крови там, где можно было рассчитывать на воинское искусство, Феодор устроил под Каменцем засаду. С этой целью он начал подсылать под стены замка небольшие отряды татар, которые должны были нападать и грабить окрестности, чтобы выманить неприятеля в открытое поле. А сам между тем с отборным войском засел не вдали в горах, выжидая неприятеля. Не подозревая никакой хитрости, Бучацкий дался в обман, и в полной уверенности, что это точно небольшие

отряды беспокоят и город и его окрестности, вышел из крепости чтобы наказать разбойников и погнался за татарами. Татары стали незаметно отбиваться и отступать, пока не привели его на данное место. Теперь только Бучацкий понял в чем дело, но уже было поздно. Отрезанный от крепости, он принужден был уступить ее, и, не смотря на самое отчаянное сопротивление, достался в плен Феодору.³⁷⁶

Феодор тотчас отправил его к Свидригайлу, а сам, немедленно, пошел к Каменцу Подольскому и здесь, овладев крепостью, подчинил ее своей власти без великого сопротивления.³⁷⁷

Теперь вся Подольская страна была в руках Феодора, или точнее в руках Свидригайла, во имя которого Феодор действовал. Потому, покончив с поляками в Каменце, Феодор оставил надежную стражу на Подольи, и помимо Теремболя и Олеска, вверх по Бугу, снова отправился на Волынь к городу Владимиру.³⁷⁸

Там в это время действовал во имя Свидригайла другой русский полководец-Нос, управлявший значительными отрядами Волынского войска. Неутомимый Острожский князь тотчас соединился с Носом и вместе с ним отправился чрез Любавлю в Подлясье осаждать замок Брест-Литовский, занятый польскими войсками.³⁷⁹ Правда на этот раз счастье не совсем благоприятствовало Феодору у Бреста. Уже русские полководцы сожгли окрестности и, осадивши замок, «за малым чим не взяли его во власть свою»; – как в то самое время к Бресту прибыли польские войска, посланные королем на выручку замка, и Феодор должен был снять осаду.³⁸⁰ Но вслед за сим он ударил на другие польские войска и, соединившись с Носом, прогнал поляков за Буг, и таким образом мало не всю Литву очистил для Свидригайла.³⁸¹

Теперь поляки поневоле должны были понять, что с православным русским народом вовсе не так легко справиться, как это казалось с первого взгляда. Вследствие этого, не смотря на всю свою фанатическую преданность Польше и католицизму, Ягелло должен был наконец уступить, – и как борьба, очевидно, шла за православие и русскую народность, то, благодаря победам Феодора, польский король вынужден был «не только

особым законом оградить свободу православной церкви на Волыни, но и сравнить русское дворянство с польским в правах и преимуществах и обязался оставить без исполнения все замыслы, враждебные православию (1433 г.)³⁸² Свидригайло возвратился на Волынь и поселился в Луцке.³⁸³

4. Размолвка с Свидригайлом и временное примирение с поляками, Вилькомирская битва – и связь пр. Феодора с Литовским князем Казимиром; его военные и другие заслуги.

В 1434 г. Феодор снова отправился на Подолье и здесь во второй раз отнял «на Свидригайло» у поляков город Брацлав, завоеванный, вероятно, во время его отсутствия (1433 г.), Стефаном, воеводой молдавским и отданный им речи посполитой.³⁸⁴ В тоже время скончался Ягелло и на его место вступил малолетний сын его Владислав Варнский. Надобно думать, что суровый Свидригайло давно уже не совсем был рад успехам Феодора, потому что хотя они и совершаемы были во имя Свидригайла, но все симпатии русского народа обращались само собою на сторону Феодора, особенно после того, как, побужденные успехами последнего, поляки должны были даровать особые права православной церкви и русскому дворянству. Может быть, к этому присоединилось еще и то, что сам Феодор, как догадывается Зубрицкий, «решился уже более не полагаться на силы Свидригайла, но только на свои собственные, как происходивший сам некогда от владетельных князей русских».³⁸⁵

Как бы то ни было, но со вступлением на престол малолетнего Владислава, Свидригайло, почуяв новую силу, решился отделаться от Феодора. Вследствие этого, в 1435 г., Свидригайло сам неожиданно вторгся в пределы Подолья, и поразив Феодора, захватил его в плен, и даже, по сказанию Кромера, заключил в тюрьму.³⁸⁶

И без сомнения Свидригайло не легко расквитался бы с Феодором за свое недоверие, если бы на этот раз православные не вступились за своего любимого князя и не освободили его из рук Свидригайло. «Он был любим, по выражению Нарбута, волюнянами и подолянами», потому, узнав о пленении Феодора, те и другие немедленно подняли мятеж и, соединившись с польскими полководцами на Руси: Викентием Самогульским и Михаилом Буцацким, ударили на Свидригайло,

и, принудив его отступить, освободили Феодора, названного здесь, как говорит Зубрицкий, «Несвижским».³⁸⁷

Понятно само собою, что такое печальное обстоятельство не могло не отразиться на отношениях Феодора к Свидригайлу. И Острожский князь, лишенный таким образом опоры в представителе православного литовского русского народа, вынужден был искать опоры у Поляков, к тому еще принявших участие в его освобождении. Следствием сего было то, что, как свидетельствуют польские историки, Феодор не только примирился с Поляками, но даже хотел было возвратить королю польскому завоеванные им города Брацлав и Каменец-Подольск. Но для поляков достаточно было пока и одного обращения на их сторону храброго Острожского князя. Потому они не приняли его приношения, но чтобы еще более расположить Феодора в свою пользу, не только подтвердили за ним его наследственное имение Збараж, Винницу, Хмельник и Сокол,³⁸⁸ но даже оставили за ним Брацлав и Каменец в его посмертное владение.³⁸⁹

Как и следовало впрочем, размолвка Феодора с Свидригайлом и примирении его с поляками продолжались не долго. Вскоре пришла решительная минута, когда услуги храброго Острожского князя снова понадобились Свидригайлу. Это было в том же 1436 г., когда последний решился покончить одним ударом борьбу с литовско-польскою партией. Свидригайло собрался со всеми силами. В лагерь его прибыло более сорока литовских и русских князей с своими ополчениями. Князья тверские доставили многочисленное войско. В стане Свидригайло явился даже Магистр Ливонский с своими рыцарями и наемными немцами.

В это знаменательное время не утерпела пылкая душа мужественного Феодора, и он, забыв обо всем, и о своей обиде и о своем примирении с поляками, снова явился на помощь Свидригайлу.³⁹⁰

Свидригайло поручил Феодору вместе с Жигимонтом Корибутовичем набрать многочисленный отряд давно знакомых ему гусситов из Чехии и Силезии, считавшихся в то время лучшими военными людьми в Европе. Огромная сила,

собранная Свидригайлом, двинулась из Витебска в Вильну. Но в то время, когда войско Свидригайло приближалось к Вилькомиру, на дороге оно было встречено небольшим жмудским ополчением под начальством Михаила Жигимонтовича. Завязалась упорная битва, в которой Свидригайло был разбит на голову. Магистр Ливонский, князь Жигимонт Корибутович, некогда нареченный князь король Чешский, и с ним более 10 других князей пали в битве. Свидригайло бежал в Волощипу, и там по выражению летописца, «более семи год овцы паствил, безвестно скрываясь». Русская партия упала духом. Оставшиеся в живых предводители ее или несли повинную Жигимонту Кейстутовичу, теперь окончательно утвердившемуся на месте Свидригайло, или были заточены им в темницу.³⁹¹

В эту тяжелую для русских минуту, должно быть, сокрушилась и непоколебимая энергия мужественного Феодора Острожского. По крайней мере после этого только раз еще видим его в борьбе с татарами в 1438 г.³⁹² Впрочем Жигимонт Кейстутович торжествовал тоже недолго. Ободренные Вилькомирским поражением поляки снова начали вмешиваться в дела Литвы и руководить правлением Жигимонта. Это наскучило литовцам, и Сигизмунд, в 1440 г., был лишен жизни и на его место избран младший сын Ягелла – Казимир. Будучи сам от природы предан интересам литовско-русского народа, Казимир прогнал от себя поляков, примирился с своим дядей Свидригайлом и, утвердив за ним владение на Волыни с г. Луцком, в тоже время не забыл и мужественного Острожского князя, и ему предоставил управление, на правах наместничества, другою частью Волыни, которую Казимир вместе с гг. Владимиром, Дубном и Острогом присоединил к своему княжеству Литовскому (1441 г.).³⁹³

Таким образом к концу первой половины XV в. мы видим бл. Феодора богатым вотчинником, обладающими обширнейшими имениями и землями в самых лучших областях Подолии и Волыни. Кроме сего предание усваивает ему также усовершенствование на Руси военного искусства через введение особого гусситского строя в войске, называемого

«Табором». В последствии этот строй был усвоен малороссийскими казаками и в течении трех столетий доставлял им не одну победу над турками, татарами и поляками.³⁹⁴

Есть также известие, что пр. Феодору принадлежит создание в Остроге каменной Пречистенской церкви, которая в XVII в. была обращена в костел, и в таком виде, к сожалению, существует, и до настоящего времени.³⁹⁵

Но на этом собственно и оканчивается мирская деятельность бл. Феодора. После сего «пр. Феодор Данилович», как читается в кратком Киево-печерском сказании XVII в., «оставил прелесть мира сего и княжескую славу, взял на себя святое иночество, и так подвизався крепко о спасении своем, угождая Богу, аж до смерти, душу свою всяко украшая, Господеви в руце отдал».³⁹⁶

5. Поступление пр. Феодора в Киево-Печерскую лавру и его деятельность в звании инок. Кончина пр. Феодора. Время его прославления. Заключение.

К сожалению, история, также богатая сведениями о мирской деятельности пр. Феодора, почти ничего не сохранила нам о его монашестве. Известно только, что, оставив мир, бл. Феодор поступил в Киево-Печерскую обитель, что его жена Агафья также была инокиней, под именем Агрипины; но как и когда это случилось, мы почти положительно не знаем.

Пр. Филарет Черниговский полагает, что пр. Феодор «удалился в печерскую обитель и сменил княжескую мантию на иноческое вретище после жаркой битвы с татарами 1438 г.». ³⁹⁷ То же самое мнение разделяете и г. Максимович в своих письмах о князьях Острожских. ³⁹⁸ Но мы видели, что еще в 1441 г. великий князь Литовский Казимир поручает бл. Феодору управление Волынскими городами: Острогом, Дубном и т. п. Потому всего вероятнее, что пр. Феодор поступил в Печерскую обитель между 1441 и 1446 г., когда история совершенно умалчивает о нем и на его место является уже сын его Василий Феодорович Красный. ³⁹⁹

Точно также почти ничего нельзя сказать о деятельности пр. Феодора в звании Печерского инок. Известно только, что с принятием иноческой мантии пр. Феодор, по обычаю монашескому, переименовал свое мирское имя и принял новое имя Феодосия, может быть в память пр. Феодосия Печерского, по следам которого бл. князь судил подвизаться в его «Феодосиевой пещере». ⁴⁰⁰ Затем из остальных сведений, сообщаемых преданием, можно указать разве на известия, сохранившиеся в старинном, печерском тропаре и современном ему кондаке XVII в., в которых, воспеваются «смирненное послушание и безмолвие» князя инок (тропарь), и за тем приглашаются вернии усердно восхвалять «красоты разныя возгнушавшагося и богатства тленного со благодарением отвергшагося, в ризу же бессмертия облекшагося и богатому во щедротах последовавшего Христови, Феодора достославна», и

т. д.⁴⁰¹ Из этого, между прочим, видно, что пр. Феодор, отказавшись от мира, по преимуществу предался безмолвию и послушанию, и вместе с сим посвящал себя на дела благотворения и любви христианской. Но, без сомнения, искушенный житейским опытом в непостоянстве всего мирского, он опасался опять подвергнуться новой славе, и потому тщательно скрывал свою жизнь от взоров человеческих, «угождая только Господу», которого Одного избрал теперь своим покровителем и защитником от всех душевных бурь и тревожностей.

Неизвестно даже положительно, был ли пр. Феодор посвящен в иеромонаха или скончался в сане простаго инокa. На обыкновенных лаврских иконах, известных под именем «собора св. угодников печерских», преподобный Феодор изображается в одежде простаго монаха, в мантии и подряснике, опоясанным кушаком, с княжескою короною при ногах. Также точно в звании простаго инокa описывается он и у Буслаева: «пр. Феодор князь Острожский, надсед; брада наконец космами, власы с ушей; на плечах клобук чорный, риза преподобническая; руки на кресее держит у сердца»;⁴⁰² точно также, без всякаго признака священства, изображается наконец пр. Феодор и на иконе, стоящей в Киеве на дальних пещерах над его мощами. Между тем в Пятницкой церкви, в г. Остроге, есть старинный образ пр. Феодора, в рост, находившийся некогда, как говорит предание, в бывшей Острожской семинарской преображенской церкви (которая была там в иезуитских зданиях). Отсюда после пожара 1825 г. образ этот был перенесен в старинную Острожскую Николаевскую церковь, а отселе по упразднении ея в нынешнюю церковь Пятницкую.⁴⁰³ Судя потому, что эта икона возобновлена, и самое возобновление ее относится, по свидетельству знатоков, к прошедшему веку, – надобно думать, что происхождение ее восходит к XVII или к началу XVIII в.⁴⁰⁴ Между тем на этой иконе пр. Феодор изображен в мантии, с книгою в руке и в епатрахили. В таком же виде изображается он и в церкви Кирилло-Мефодиевского Острожского братства и др. Значит, на Волыни издревле было предание о посвящении пр. Феодора в

иеромонаха. И это предание довольно вероятно, потому что вообще в древности всегда любили отличать высоких подвижников благочестия священным саном; тем более право на таковое почтение по всем правам заслуживал пр. Феодор, соединившей вместе с высоким благочестием подвижника знаменитое происхождение и громкую историческую славу в свете.

Подобно тому, как ничего почти не знаем мы о жизни и деятельности пр. Феодора в Киево-Печерской Лавре, также точно неизвестно нам и о времени его кончины. Старинное малороссийское сказание говорит только, что пр. Феодор Данилович, князь Острожский, оставивши прелесть мира сего и княжескую славу, аж до смерти душу свою всяко украшая, Господеви в руце отдал.⁴⁰⁵ Но когда это было, оно не отвечает на это ни слова. Г. Максимович, соглашаясь с Преосв. Филаретом касательно поступления пр. Феодора в печерскую обитель после 1438 г., не разделяет мнения митрополита Евгения, относительно предполагаемой последним, кончины пр. Феодора в конце XV в.⁴⁰⁶ И точно, не смотря на то, что это мнение повторяется в словаре и указателе святыни Киева и в других книгах, оно на самом деле не заслуживает вероятия по той простой причине, что оно назначает для пр. Феодора необыкновенно длинный период жизни. Ибо если даже считать рождение пр. Феодора за 20 лет до первого его появления в истории (1386 г.), то, приложив это время к 1438 г., мы получим таким образом 72 года. Значите к концу XV в. Феодору должно было исполниться не менее, по крайней мере, как 120 лет.⁴⁰⁷

Но это, очевидно, такой длинный период жизни, который непременно был бы замечен историею, если бы это действительно было на самом деле. Поелику же история молчит об этом, то со всей вероятностью надобно полагать кончина пр. Феодора около 20-х или 30-х годов второй половины XV в., когда ему должно было исполниться лет 80 – 90.⁴⁰⁸

С большей или меньшей достоверностью можно сказать только, что пр. Феодор скончался 11 августа, ибо в этот день издревле совершается его память в Лавре, – и при том особо, а не вместе только с остальными угодниками Феодосиевой

пещеры 28 августа. А мы знаем, что Церковь издревле, по обычаю, празднует памяти святых угодников именно вт. тот день, когда они предают дух свой Господу.⁴⁰⁹

Как бы то впрочем ни было, но то наконец не подлежит сомнению, что пр. Феодор скончался во второй половине XV в. в глубокой старости, и по лаврскому обычаю того времени, был погребен, вместе с другими подвижниками, на дальних пещерах «пр. Феодосия».⁴¹⁰ Что касается времени его прославления, то, по всей вероятности, оно последовало не позже конца XVI в., потому что уже в начале XVII в., по свидетельству Кальнофойского (1638 г.), пр. Феодор открыто почивает в Феодосиевой пещере «в целом теле» наравне с остальными современными ему угодниками и чудотворцами.⁴¹¹ К этому же времени предание относит составление известного уже нам сказания об угодниках дальних пещер, совместно с тропарями и кондаками в честь их, обнародованными в последнее время игуменом Модестом.⁴¹² В этом сказании, равно как и в ряду тропарей и кондаков, тоже находится сказание о пр. Феодоре, вместе с тропарем и кондаком во его имя, подобно другим преподобным феодосиевой пещеры.⁴¹³ Наконец в 1643 г. прибыл в Киев иеромонах и протосинкелл великой Константинопольской Церкви Мелетий Сириг, который, по указанию митрополита Петра Могилы, вместе с общею службою святым угодникам печерским составил также особую службу преподобным дальних пещер на общий праздник их 28 августа. И в этой последней службе имя пр. Феодора воспевается наравне с другими, совместно с ним поминаемыми угодниками, как напр. Феодосий, Кукша, Илларион (митрополит) и др.⁴¹⁴

«Блаженный Феодоре, ты, который вселил в персть славу своего благородства, изменивши княжение на монашеский образ, и в нем благоугодил своему Владыке и ныне живеше со ангелами на небесах, молись о нас, чтобы мы сделались причастниками негибнущей славы», которую одну доставляет, святая православная вера и церковь наша.⁴¹⁵

Слава и ныне другой тропарь, глас той же

Яко благочестивого корене прелестная отрасль был еси блаженне Феодоре: яви бо тя Христос яко воистнину

Богодарованное сокровище Волынской земли, новаго поборника веры православныя и народу Российскому преславна и благоприятна: тем же ныне плодами светоносных трудов твоих в державе Богохранимаго Императора нашего, под сенью святыя Церкви православныя наслаждающесе, хвалим Господа, даровавшего тебе силу и крепость на супротивныя: егоже моли спасти отечество твое, и державе сродник твоих Богоугодней быти и сыновом Российским спастися.

Кондак гл. 1

Красоты ризныя вознушавшагося и Богатства тленнаго со благодарением отвергагося, в ризу же безстрастия облекшагося и Богатому во щедротах возследовавшаго Христови, приидите вернии усердно восхвалим Феодора достославна, яко моляшася непрестанно о душах наших (Там же. Сравн. также Максимов, о князьях Острожских стран. 12

На утрени и на молебнах прокимен глас 5.

Честна пред Господом смерть преподобных его. Евангелие Матфея зач. 43. и по пятидесятом псалме стихира:

Глас

Феодоре блаженне, славу Благородства своего в персть вселикия изменив княжение на иноческий образ, в нем же Владыце своему добре угодивши и ныне со ангелами в небесных живый, молися о нас, да славы негибнущия наследницы будем. (Служба пр. отцам дальних пещер, канона песнь 6, троп. 4).

**Св. Иулиания дева иа Домбровицы. Княжна
Ольшанская. (6 Июля.).**

1. Происхождение и род св. Иулиании.

В конце XII в. на Волыни, между другими удельными князьями, принимавшими участие в исторических судьбах тогдашней Руси, являются князья Домбровицкие, именуемые так от старинного столичного их города Домбровицы (ныне местечко Ровенского уезда, Волынской губернии).⁴¹⁶ Первым из этих князей известен Глеб, сын Юрия, правнук Михаила Святополка, который в 1184 году принимал участие в Ерельской победе (по Карамзину на берегах Угла или Орели), одержанной

Святославом Всеволодовичем Киевским над Половецким Ханом Кончаком.⁴¹⁷ Другой Домбровицкий князь Александр погиб в 1224 г. на берегах Калки, где так несчастливо начал борьбу с татарами Мстислав Удалой. Когда остальные Князья, уstraшенные напором дикой орды, искали спасения в бегстве, один только Мстислав Романович с зятем своим Андреем и Александром – помянутым князем Домбровицким, защищался три дня, укрепившись на скалистых берегах Калки. Но подкупленные изменники (бродники) предали их в руки Татар, которые подвергли их самой ужасной смерти, подложив их под доски, на которых пировали в память своей победы, пока несчастные не скончались в невыносимых мучениях.⁴¹⁸

Затем со времени подчинения Волынской земли под власть Великого княжества Литовского на Домбровице начинают именоваться родственные древним Домбровицким князьям – князья Ольшанские или Гольшанские, которые в половине XV в. отделились от общего родового своего корня и образовали особую ветвь Волынских князей Ольшанских, владевших Домбровицей, и потому подписывавшихся князьями Ольшанскими на Домбровице или Домбровицкими Ольшанскими.⁴¹⁹ От этой-то ветви происходил и отец св. Иулиании, которая потому у Кальпофойского, читавшего подлинную надпись на ее гробнице, прямо именуется «дочерью Юрия Домбровицкого, княжною Ольшанскою».⁴²⁰

2. Родители и ближайшие родственники св. Иулиании.

К сожалению, история сохранила нам весьма немного сведений как о св. Иулиании, так и об ее родителях. Известно только, что отец ее Юрий или Георгий на Домбровице Ольшанский был одним из благотворителей Киево-Печерской Лавры в первой половине XVI века.⁴²¹ Но особенно отличался он в 1503 году в борьбе с Татарами, которые, пользуясь неурядицами тогдашнего Польско-Литовского преобладала на Западе России, постоянно производили опустошительные нападения на города и селения земли Волынской, так что, по сказанию современников, княжеские города стояли среди усеянных пеплом степей, где скитались толпами бедняки – жители деревень, сожженных Крымцами.⁴²²

В 1530 году, в истории является другой Домбровицкий князь Иван Ольшанский, который в этом году быстро собрал ополчение и разбил на голову Татар, покушавшихся пробраться в его имения. За тем с 1542 г. мы видим этого князя воеводою Киевским; в 1544 г. князь Иван Ольшанский был воеводою Уроцким и вскоре скончался в 1549 г.⁴²³ Это, по всей вероятности, ближайший родственник и даже едва ли не брат св. Иулиании, в чем особенно убеждает нас как согласие некоторых ученых,⁴²⁴ так еще более то обстоятельство, что князь Иван Ольшанский в хронологическом порядке именно как бы наследует Юрию Ольшанскому и таким образом является преемником не только его титула, но и славной борьбы с Татарами.⁴²⁵

Кроме сего известно еще Евангелие писанное в 1557 году «иждивением благоверной и христолубивой княгини, т. е. жены князя Космы Ивановича Заславского Настасьи Юрьевны, урожденной княжны Ольшанской, при благоверном князе Иоанне Феодоровиче Чарторыйском, зяте ее милости».⁴²⁶ Это без сомнения сестра св. Иулиании, муж которой, помянутый князь Косма Заславский, сын Януша Юрьевича Острожского,⁴²⁷ около 1551 г. был старостою Каневским и так же, как и тесть его (и

отец св. Иулиании) Юрий Ольшанский, подвизался в борьбе с Татарами, опустошавшими землю Волынскую.⁴²⁸

3. Время и образ жизни св. Иулиании.

Что касается собственно самой св. Иулиании, то история сохранила нам только известие, что она была дочерью князя Юрия из Домбровицы Ольшанского и скончалась девою, на 16-м году от рождения.⁴²⁹ Но в каком именно году она родилась и когда последовала ее кончина, об этом мы не имеем никаких сведений. Полагают, что св. Иулиания умерла не позже последних лет первой половины XVI в., так как известно, что по кончине своей она была погребена в Киево-Печерской Лавре, под южную стену великой Печерской церкви Успения Пресв. Богородицы, у придела св. Иоанна Богослова, где потом и обретены ее св. мощи. Между тем в древнее время придел этот находился на хорах этой церкви и внизу ее пристроен только при возобновлении Киево-Печерской Лавры князем Симеоном в последней половине XV в. (1470 г.)⁴³⁰ Если при сем примем еще во внимание, что личность отца св. Иулиании становится известною только в начале XVI в. (1503 г.) и затем совершенно исчезает из истории, уступая место деятельности другого Домбровицкого князя Ивана Ольшанского, то положив, что св. Иулиания родилась даже несколькими годами позже 1503 г. и затем присоединив к этому шестнадцать лет, прожитых св. княжною, по свидетельству ее надгробника, мы получим таким образом ближайшее время ее жизни между 1500 – 1520 и 1525 – 1540 годами; а на эти-то годы по преимуществу и указывают серьезные исследователи нашей отечественной старины.⁴³¹

Обращаясь затем собственно к жизни и деятельности св. Иулиании, мы должны сказать, что она, без сомнения, отличалась всеми добродетелями, приличествующими ее возрасту и званию, как то: целомудрием, кротким послушанием родителям, благоприветливостью к низшим, и в особенности делами любви и христианского благотворения, – за что и удостоилась свыше небесного прославления в нетлении св. мощей и даре чудотворения. В этом именно смысле воспевают ее и св. Церковь наша, именуюя ее «присносветящею свещею, елеем благодати возженной»,⁴³² и издающею немощным

цельбу»⁴³³ и т. под. Восхищена бо бысть, заключим свидительством слова Божия, да не злоба изменит разума ее, или лесь прельстит душу ее; угодна бо бе Господеви душа ея; сего ради потщася от среды лукавствия; яко благодать и милость в преподобных Его и посещение во избранных Его.⁴³⁴

4. Открытие мощей св. Иулиании.

Это было в начала XVII в. во время управления Печерским монастырем Архимандрита Елисея Плетенецкого (1624 г.). В то время копали могилу возле Соборной Лаврской церкви для одной девицы Киевской, и копающие случайно открыли в земле гроб, в котором оказалось нетленное тело молодой девицы; на ней было шелковое платье, обложенное золотым позументом; на шее богатое ожерелье, на руках зарукавья золотые, на пальцах – дорогие перстни, на голове золотой девичий венец с жемчугом; в ушах такие же серьги с камнями. Герб князей Ольшанских и серебряная дощечка с именем покойной, оказавшиеся на гробе в целости, удостоверяли, что это была Иулиания, дочь князя Георгия или Юрия из Домбровицы Ольшанского.⁴³⁵ Но лишь только копающие прикоснулись к одеждам покойницы, как они немедленно рассыпались в прах. Осталось одно только нетленное тело, к которому не дерзнула прикоснуться смерть, и драгоценные украшения на ее руках и голове.⁴³⁶ Святую княжну облекли в новые одежды и положили в юго-западном углу великой церкви, но без почестей, подобающих святым. Много людей стекалось ко гробу ее с разных сторон и некоторые без должного внимания прикасались к святыне, так что от этого мощи угодницы Божией начали было изменяться, и даже по сказанию современников немного почернели.⁴³⁷

Спустя несколько времени после этого, когда на Киевский Митрополичей престол вступил приснопамятный Петр Могила, Св. Княжна явилась ему в чудном видении, укоряя за маловерное невнимание к ее прославлению и непочитание Св. мощей ее. Вследствие этого Могила велел Киевским инокиням вышить для новоявленных Св. мощей особые благолепные одежды и, устроив для них приличную раку, с великим торжеством перенеся оныя на более приличное место и поставил в великой Печерской церкви, на том месте, где ныне почивают мощи Святителя Михаила, первого Митрополита Киевского.⁴³⁸ Вместе с этим Петр Могила постановил ежегодно

совершать память Св. Иулании, избрав для этого 6-й день июля месяца, в который были открыты ее Св. мощи,⁴³⁹ ибо, как замечает современное сказание, многие с верою к ней притекающие получили исцеления.⁴⁴⁰ Тогда же между прочими на гробнице новоявленной Св. угодницы была положена следующая надпись: «по воле Творца неба и земли живет во все лета Иулиания, помощница и великая в небе заступница. Здесь кости – врачевство всех страданий. Райские селения собой украшает Иулиания, как цветок прекрасный в букете».⁴⁴¹

5. Особые знамения, бывшие от мощей св. Иулиании. Заключение.

В 1617 году, пишет современник Кальпофойский, еще при Архимандрите Елисее Плетенецком, пришел в Лавру неведомый человек, который изъявлял желание поклониться Св. мощам Иулиании, и для этого просил Екклесиарха открыть гроб ее. В то время Екклесиархом Лавры был иеремонах Лигерий, который, не замечая притворства неведомаго поклонника, безпрекословно исполнил его волю, а сам отклонился в сторону для других занятий. Посетитель, казалось, с подобающим благоговением целовал св. мощи, но, лишь только он успел выйти за порог церковный, как внезапно упал на землю и начал метаться во все стороны, испуская пену из уст своих; вслед затем он испустил дух и скончался в страшных мучениях. – Устрашенный необычным явлением Екклесиарх позвал Архимандрита, который велел обыскать несчастного, и в его пазухе оказался перстень, в котором Екклесиарх сразу узнал перстень, бывший на руке у Св. Иулиании.

В тоже время пришел в Лавру один благочестивый Киевский гражданин, который узнал покойника и здесь пред всеми засвидетельствовал, что этот святотатец был еретик Социнианин, неверующий ни в Божество Сына Божия, ни в Св. Троицу.⁴⁴² Тогда Архимандрит поучал братию, что ничего нет тайного, чтобы не открылось в свое время и, наставив всех душеспасительною беседой, велел предать земле тело несчастного – без всяких обрядов, вне ограды монастырской.⁴⁴³

Другое не менее замечательное чудо от мощей Св. Иулиании было в 1667 г. в день памяти ее, 6-го июля. В этот день пришел в Лавру Игумен Златоверхого монастыря Феодосий и просил открыть ему раку Св. Иулиании, признаваясь, что еще доселе не воздавал ее мощам должного поклонения, но что на сей раз он был побужден к этому особым чудным видением. Однажды, говорил он, после утреннего пения ему явился светлый лик многих Св. дев, и в числе их одна

сказала ему: «я Иулиания, которой мощи лежат в Св. церкви Печерской, для чего ты пренебрегаешь мною? я же причислена от Господа к Св. девам, ему угодившим». После этого благочестивый Игумен никогда не приходил в Лавру, чтобы не воздать особенного поклонения Св. мощам Иулиании.⁴⁴⁴

В 1718 г. в великой церкви Киево-Печерской Лавры случился пожар, испепеливший множество драгоценных предметов внутри ее. В это же время, по допущению Божию, подверглись действию пламени и нетленные мощи св. Иулиании. После пожара блаженные останки ее были собраны в особую раку и в оной перенесены в дальние пещеры, где и поныне почивают невдалеке от церкви и келии Пр. Антония, между мощами Пр. Иоанна Постника и св. Преподобномучеников: Василия и Феодора; а на место их в 1730 г. поставлены мощи св. Михаила первого Митрополита Киевского.⁴⁴⁵

Святая Православная церковь наша так воспевает св. деву Иулианию: «привожу к Тебк всещедрый Иулианию, свечу, постоянно светлую, владеющую обилием елея; ея молитвами сохрани нас от всякого зла.⁴⁴⁶

**Отделение четвертое. Преподобный Иов,
(в схиме Иоанн) игумен Почаевский; его
жизнь и прославление.**

(28 августа и 28 Октября).

1. История отечественной церкви давно заметила имя преподобного Иова на своих страницах. О нем говорит уже автор «Истории Российской Иерархии»;⁴⁴⁷ его жизнь воспоминается в «Истории Русской церкви», Преосвященного Филарета Черниговского,⁴⁴⁸ также в его жизнеописаниях «Русских святых»,⁴⁴⁹ в «Житиях святых Российской церкви» – Муравьева⁴⁵⁰ и т. д.⁴⁵¹ Но все сведения, сообщаемые в этих сочинениях, по большей части суть не что иное, как повторение одного и того же основного жития преподобного Иова, сохранившегося в Почаевской Лавре от ученика его, игумена Досифея, под заглавием: «житие блаженного отца нашего Иова Железа, святые чудотворные Почаевские Успенские Лавры игумена, от иеромонаха Досифея, ученика его и по нем тояжде святые обители игумена бывшего, списанное».⁴⁵² Особенно буквально заимствованы из этого жития: «житие блаженного Иова Железа, игумена лавры Почаевской» у Муравьева и «краткое жизнеописание преподобного Иова, игумена Почаевского, помещенное в «Страннике» 1864 г. Потому, при всей своей близости к подлиннику, жизнеописания эти вообще носят на себе все недостатки онаго, как то общность содержания, похожего более на панегирик, чем на строго историческое повествование и т. п. В особенности не достаёт здесь настоящей оценки того времени и той среды, в которых жил и подвизался преподобный Иов. Вследствие этого личность Преподобного Иова в этих сочинениях представляется как-то одинокою, – и если и останавливает на себе внимание, то почти исключительно одной строгой подвижнической жизнью, с легкими только намеками на отношение преподобного к князю Константину Острожскому и другим окрестным вельможам и обывателям. Один только преосвященный Филарет, в своих жизнеописаниях «Русских святых», несколько выходит из этого круга, стараясь ввести преподобного Иова в современную жизнь и здесь дать ему надлежащее место и значение. Это от того, что ученый архипастырь, кроме жития Досифеева, имело, под руками и некоторые другие источники, как то, униатскую книгу «Гора Почаевская»,⁴⁵³ Маяк 1845 и др. Но при этом у него не

доставало главного, именно тех сведений, какие сохраняются о преподобном Иове в архиве Почаевской лавры. Потому при всей своей, так сказать, сравнительно большей определенности, жизнеописание преподобного Иова, составленное преосвященным Филаретом, все таки не лишено некоторых недостатков, страдает по местам неточностью, ошибками хронологическими и т. п.⁴⁵⁴

2. Между тем личность преподобного Иова есть личность в собственном смысле историческая, – замечательная не только одним высоким благочестием, но и непосредственным участием в исторических судьбах современной ему православной церкви и отечественной истории в последней половине XVI и первой половине XVII века (1551 – 1651). Современник Иоанна Грозного, Бориса Годунова, Алексея Михайловича и Богдана Хмельницкого, ближайший друг и соподвижник знаменитого князя Константина Острожского, рожденный в пределах западной Руси, в Галиции, в период самого тяжкого польско-литовского преобладания, кончившегося известной гражданской люблинской унией 1569 г., и затем в течение более полу столетия бывший свидетелем горьких плодов, порожденных церковною унией 1596 года, преподобный Иов во все продолжение своей столетней жизни не переставал бороться с врагами православия русской народности, и для этой цели занимался списыванием и составлением и распространением православных книг, отправлялся на киевский собор 1528 года против Мелетия Смотрицкого, строго отстаивал имущество Почаевского монастыря, захваченное Фирлеем, и т. п. И такой замечательный деятель кроме этого известен еще как устроитель и настоятель замечательнейшей в России обители Почаевской, удостоенный за свои подвиги от самого Господа высшего небесного прославления в нетлении мощей и даре чудотворения. – Надобно сознаться, что таких личностей немного в истории православной церкви на Волыни, в недрах которой преподобный Иов провел почти все лучшие годы своей жизни и деятельности. Тем более особого изучения заслуживает он в этой истории, для уяснения той вековой борьбы, которую предки наши вели некогда за православие и русскую

народность. – Только тогда мы и можем понять всю силу этой борьбы, когда узнаем, что она имела во главе своей таких великих и замечательных деятелей.

Не менее того замечательна и посмертная судьба преподобного Иова. Здесь, в этой судьбе история встречается с единственным, безпримерным обстоятельством, когда латино-униаты, овладев православною Почаевскою святынею, заключавшеюся, между прочим, в нетленных останках преподобного Иова, задумали просить у папы разрешения на признание преподобного Иова угодником не только православной, но и латино-униатской церкви. Черта в высшей степени замечательная и поучительная особенно для современных латинствующих обитателей юго-западного края России. Теперб достаточно для них обратиться только к жизни преподобного Иова, чтобы в одной этой жизни сознать все превосходство православия, дарующего своей церкви таких великих угодников, которым сами латино-униаты не посмели отказать в их святости и досточтимости – до того, что наконец в пользу этой святости не боялись даже ходатайствовать у самого папы римского.

И теперь, почивая нетленными своими мощами на скалистых твердынях Горы Почаевской, в нескольких верстах от границы галицкой, видимой с высот почаевских даже простому, невооруженному глазу, угодник Божий, так сказать, стоит на страже между русскою православною церковью и отторженными от древнего благочестия чадами его родины (Галицкой Руси), страдающими под гнетом унии и латинства. И нет сомнения, в пренебесных молитвах своих он с любовью и доньне молит Господа об изменении печальной участи своих единоплеменников и возвращении их на лоно православия, – дабы, с возрождем по вере, они снова могли сделаться настоящими сынами единой, нераздельной Руси православной, по отношению к которой Почаевская лавра, по своему географическому и историческому положению, искони служит, так сказать, преддверием и путеводною звездою.⁴⁵⁵

3. Память пр. Иова совершается дважды в год:

1) 28 Октября: преставление пр. Иова игумена Почаевского (1651 г.) и

2) 28 Августа: праздник обретения мощей пр. Иова (1659 г.) и воспоминание торжественного открытия их по возвращении Почаевской лавры из унии на лоно православия (1833 г.).

Глава первая.

1. Происхождение и род пр. Иова. 2. Его поступление в Угорницкий монастырь. 3. Пострижение в сан монашеский и рукоположение во иеромонаха. 4. Принятие пр. Иовом схимы. 5. Переход его в Дубенский Крестовоздвиженский монастырь. 6. Время игуменствования пр. Иова в звании настоятеля Дубенского. 7. Начало унии и отношение пр. Иова к этому событию. 8. Попечение его о благочестивой жизни подведомой ему братии. 9. Отношение пр. Иова к князю Константину-Василию Острожскому. 10. Распространение православных книг. 11. Удаление его в монастырь Почаевский.

В Галиции на юго-западе, между горами Карпатскими и Днестром, лежит «край плодородный, богатый пастбищами, лесами и солью», – называемый Покутьем.⁴⁵⁶ В конце первой половины XVI в. край этот принадлежал Польше и в порядке управления числился в так называемом «Русском воеводстве малопольской провинции», к которому принадлежали земли: Львовская, Перемышльская, Саноцкая, Холмская, воеводство Бельзское, Подолье и земля Галицкая с Покутьем.⁴⁵⁷ В то время у «благочестивых и христолюбивых» обитателей Покутья, по фамилии Железы, родился (около 1551 г.) сын, который во святом крещении был назван Иоанном.⁴⁵⁸

Неизвестно, кто были эти Железы по происхождению своему, равно как и по званию. В Помянниках Почаевской Лавры сохранился «род Преподобного и Богоносного Отца нашего Иова, игумена обители Почаевской, нарицаемого Железа», записанный, как видно, самим Иовом, в бытность его игуменом на горе Почаевской, «року Божия 1641». В этой записи указаны следующие имена: Иоанна, Георгия, Гervasия, Феодора, Илии, Георгия, Киприана, Митрофана, Герасима, Иосифа, Пахомия, Анастасия, Саввы, Григория, Иакова, Иосифа, Иакова, Агафии, Иоанна, Алексия, Феодора, Фомы, Григория, Феодора, Космы, Иоанна, Назария, Ирины, Иакова, Иоанна, Феодора, Григория, Иосифа». – Если преподобный Иов в своей записи держался общепринятого обычая ставить на

первых местах имена родителей, то можно полагать, что отец его назывался Иоанном, а мать Агафией, так как имя Иоанна есть первое имя, записанное преподобным в его помяннике, а имя Агафии есть первое женское имя в том же помяннике. Из того же помянника или записи явственно открывается, что родители преподобного Иова происходили не из духовного, а из светского звания. Это видно из того, что между лицами, поименованными в этой записи, нет ни одного лица, которое названо было бы иереем или диаконом. Скорее всего, род преп. Иова принадлежит к сословию Галицко-Русских дворян того достопамятного, старинного закала, для которых православие и русская народность составляли драгоценнейшее достояние, и которые, сами будучи лучшими борцами за отеческие обычаи и св. веру православную, умели внушать те же чувства и стремления и своим детям и преемникам. Можно даже с несомненностью утверждать, что пр. Иов происходил из дворян, на том основании, что как он сам, так, и жизнеописатели его всегда сохраняют при имени его фамильное прозвание Железа.⁴⁵⁹ А известно, что сохранение родового, фамильного прозвания составляло издревле предмет особенной заботливости по преимуществу между родовитыми дворянами юго-западного края России, в числе которых, между прочими, фамилия Железов и доселе весьма часто встречается как в Галиции, так даже и у нас, на Волыни и Холмщине, и в других соседних славянских странах.⁴⁶⁰

Молодой Железенко с ранних лет начал обнаруживать стремление к уединенной жизни и другим благочестивым упражнениям, и «хотя и мал был возрастом, – однако всеусиленно горел сердцем уединенно работать Христу во иноческом житии».⁴⁶¹ Вследствие этого на 10-м году от рождения (около 1560 г.) он оставил семейство свое и «уклонившись от очей любимых родителей – удалился в соседний Угорницкий монастырь и здесь просил игумена «дозволить ему служить братии».⁴⁶²

2.«Прозорливый настоятель провидел в нем избранника Божия и в нем имеющую быть Божию силу: «потому, наставив его «духовною беседою», поручил его еkkлeзиарху научить

послушанию церковному. Но ревностный отрок не захотел довольствоваться «этим одним послушанием»: напротив того он старался служить всякому из братий, угождая усердно каждому из наименьших монастырских работников»⁴⁶³ – и этим вскоре заслужил себе такую любовь и расположение, что, по общему согласию всего братства, игумен, «видя его добрые нравы, кротость и глубокое смирение», принял его в число иноков, и на 12-м году его жизни возложил на него ангелеский образ с именем Иова.⁴⁶⁴

3.С того времени преподобный Иов стал «иноком зло искусным», украшенным не столько летами, сколько добродетелью, «живя как ангел Божий среди братий». Но особенно его добродетельная и благочестивая жизнь была поучительна для иноков обители, «зане всем на позор и пользу бяще». Потому, как блаж. Иов достиг совершеннейшего возраста (вероятно 30 лет около 1581 г.), то по воле настоятеля тотчас же был возведен на степень священства, хотя по смирению своему долго отказывался от этого, «считая себя недостойным сана такового».⁴⁶⁵

К этому же времени надобно отнести и пострижение преподобного Иова в схимонаха, потому что, по прямому сказанию Досифея, Иов восприял на себя «серафимский образ еже схима именуется не по многом времени» по рукоположении, «ради невместимой в сердце своем благодати Божией, которою всегда усердно горел безпрестанно славить державу Его». С тем вместе пр. Иов переменял и прежнее свое монашеское имя (Иова), получив при пострижении в схиму первоначальное имя Иоанна, данное ему при крещении, в память святого пророка и предтечи Иоанна, – с каковым именем в последствии он является и в дальнейшей истории (за исключением жизнеописания Досифеева), до самой своей кончины.⁴⁶⁶

«Оттоле» слава о приснопамятных подвигах преп. Иова начала распространяться по всем окрестностям Польши и Малороссии, так что многие даже «нарочитии вельможи» начали приходить к нему «пользы ради душевной».⁴⁶⁷ Но особенно обратил он на себя внимание известного поборника православной веры и русской народности на Волыни, «князя

Константина Константиновича Острожского».⁴⁶⁸ Действуя всеми возможными средствами на защиту православия, благочестивый князь особенно заботился «о внешнем и внутреннем благоустройстве находившихся в его имении монастырей и о том, что составляет твердыню обитателей, – о непоколебимо благочестивой жизни иноков во славу православной церкви».⁴⁶⁹ Потому князь Константин обратился к игумену Угорницкому, «всяческими образами моля его, да сотворит любовь Божию и пошлет сего блаженного трудолюбца» в его Дубенский крестный монастырь, дабы там показал он образ богоугодного жития инокам, среди развивавшейся порчи нравов, растлеваемых папизмом.⁴⁷⁰ Долго отказывался игумен, не желая лишиться «такового великого подвижника;» но наконец должен был уступить «на непереставаемыя мольбы реченного княжате», – и хотя со скорбью, «дряхл о сем и печален», благословил преп. Иова на новое служение.⁴⁷¹

6. К сожалению, история не сохранила нам сведений ни о времени перехода преподобного Иова в г. Дубно, ни о времени избрания его в настоятеля святокрестской обители, которое, по словам Досифея, последовало вскоре по прибытии Иова на Дубенский остров.⁴⁷² Из сказания Досифея, мы знаем только, что пр. Иов «по немногом времени», по прибытии на Дубенский остров, «нуждею» был избран в игумена от братии. Но когда это было, – об этом Досифей совершенно умалчивает. – Также точно молчит он и о времени поступления преподобного в обитель Дубенскую. – Надобно думать впрочем, что это было не позже 1582 – 83 года; или как иные полагают в 1571 году;⁴⁷³ потому что по прямому указанию Досифея пр. Иов пробыл в сане дубенского игумена «вясщши», т. е. болеше два-десяти (20) лета. Между тем в 1604 году видим в Дубне уже нового игумена Виталия, который, по всей вероятности, был преемником пр. Иова в сане дубенского святокрестского настоятеля.⁴⁷⁴

Такого рода предположение оправдывается и самым ходом повествования Досифеева о посвящении пр. Иова во иеромонаха до его поставления в игумена, которое сразу дает понять, что между этими обстоятельствами протекло немного времени. «И тако на степень священства возведеса (в

Угорницком монастыре); не по многом же времени.... серафимский на ся восприят образ (в том же монастыре); и оттоле уже прославися трудолюбное и добродетеленое житие Его.... Наипаче же Константин князь Острожский и Дубенский моли игумена.... да пошлет сего трудолюбца... во обитель честнаго и животворящего Креста Господня.... (в Дубне); – где не по многом времени избран во игумена от братии», и т. д. Для всех этих обстоятельств достаточно не более двух-трех лет, а такой именно срок мы и получаем, полагая переход преподоб. Иова в обитель Дубенскую и избрание его во игумена около 1582 – 83 года, т. е. чрез два-три года по его рукоположении (совершившемся, как мы сказали, примерно около 1581 года).⁴⁷⁵

Правда, в летописях Дубенского Крестовоздвиженского монастыря в 1582 году значится особый игумен, некто Василий, упоминаемый также и в 1598 и 1602 годах. Но этот же Василий в последних двух случаях упоминается на ряду с другими игуменами сего монастыря, а именно в 1598 году с Глебом и в 1602 году с Александром Путятицким, служебниками, князя Острожского. – Как основательно замечает Профессор Н. И. Петров, последние оба упоминаются потому, что управляли монастырем «за престарелого игумена Василия»... Без сомнения, на таких же условиях, за престарелого игумена Василия, во все время своего пребывания в Крестовоздвиженской обители, правил ею и Пр. Иов, тем более что, как избранник князя Острожского, он пользовался всеми преимуществами власти, и в этом смысле носил титул игумена обители, как носили его Глеб и Александр при том же Василии, потому что был настоящим, а не по имени только, правящим ею игуменом.⁴⁷⁶

7. Как бы то впрочем ни было, – началось ли служение преп. Иова в сане дубенского игумена годом раньше или позже 1582 года, – во всяком случае то не подлежит сомнению, что он был святокрестским настоятелем в Дубне в последние два десятилетия XVI в., и здесь проходил свое служение до первых годов XVII – столетия... А при таком положении дела на его долю пришлось пережить в Дубне самое тяжелое и критическое время в истории и жизни юго-западного края России. – Это

время появления церковной брестской унии 1596 года и последовавших затем гонений на православие и русскую народность в пределах Волыни, Подолии и Украины. – Правда под защитой мужественного князя Константина Острожского (сконч. 1608 г.) преподобный Иов мог не испытать непосредственно всех тех ужасов, коими церковная уния разразилась по своему появлению. Но все это однако не мешало ему принимать эти ужасы сердцем, – тем более, что зло, порожденное унией, тотчас же начало проявляться так явственно и в таких поразительных фактах, что их не могли не видеть и не сознавать одни только разве мертвые, да иезуиты и оболыщенная ими шляхта.

8.Преподобный Иов с полнотою глубокого сердечного чувства отнесся ко всем этим бедствиям и страданиям. «Строгий подвижник», он твердо боролся с скорбями времени, – и жестокие гонения, переносимые православием от иезуитов и совращаемых ими униятов, не только не ослабили его благочестия, напротив возвышали его.⁴⁷⁷ В тоже время он не хотел оставаться только праздным воздыхателем об общем горе; его благочестивая душа искала соответствующей деятельности. С этой целью преп. Иов прежде всего старался поднять уровень нравственной жизни в подведомой себе братии, «ихже свыше данным себе благоразумием, скромностью и частым поучением, а наипаче трудов своих благолепнейшими подвиги более двадцати лет добре управляше».⁴⁷⁸

9.Преподобный Иов тем более мог действовать с успехом на пользу православия во время своего пребывания на Дубенском острове, что во все это время он постоянно находил для себя надежнейшую опору в лице знаменитого князя Константина Острожского. Известно, что «великолепный, вельможнейший из князей князь Константин-Василий был в тоже время человек набожный и весьма строго соблюдал православные обряды и обычаи своих предков».⁴⁷⁹ «Князь Константин-Василий, пишет один польский писатель, «был так набожен, что когда молился, то, дабы ему ничто не препятствовало в молитвах, – в церквах, в которых бывал, велел устроить лавки совершенно закрытые кругом из

золотистой медной бляхи, с небольшими только окошечками на три стороны».⁴⁸⁰ Но особенно он любил уединиться для молитвы на Дубенском острове у преподобного Иова. Потому, как только наступал великий пост, князе Константин-Василий тотчас отправлялся в Дубно, – и здесь, поселившись в обители преподобного, сбрасывал с себя мирскую одежду и «одетый по монашески», затворялся на всю первую седмицу, пребывая в посте и благочестивых размышлениях.⁴⁸¹

В тоже время, с примером назидательной жизни, благочестивый князь, любя обитель Дубенскую преподобного Иова, не щадил для нее и приношений материальных. Из сохранившихся немногих сведений о Дубенском Крестовоздвиженском монастыре известно, что еще прежде, до прибытия преподобного Иова в Дубно, монастырь этот пользовался десятинами с полей дубенских, простирающихся от предместья луцкого до Головчич и Садов, и другими такими же приношениями «с дворских сел Иванья и Знесеня».⁴⁸² В 1599 году Князь Константин Острожский присоединил к этому новую фундушевую запись, которою 15 июня пожертвовал свято-крестской обители преподобного Иова «остров честнаго Креста, Горбачин и Пантелеимон Климент с грунтами, полями и огородами, лежащими на лугу, у болот Горбачинских и реки Ивановской, на которых расположена Выгнанка и др.»⁴⁸³

10. Само собою разумеется, что при таком положении своем преп. Иов мог смело, всеми зависящими от него средствами, действовать противу врагов православия, тем более, что, как известно, в лице знаменитого князя Острожского не только пр. Иов, но и вся православная церковь южно-русская имела тогда своего могущественного защитника, которого не только уважал, и даже опасался король Польский (Сигизмунт III), но к которому с почтением относился сам Папа Римский (Климент VIII).⁴⁸⁴ А кого уважал и кому покровительствовал приснопамятный князь Константин, того не могли не опасаться не только униаты, но и сами иезуиты. – Но особенно по примеру своего знаменитого покровителя пр. Иов во время пребывания своего в Дубне старался обращать внимание на распространение церковных книг, которые в то несчастное

время составляли, можно сказать, единственную опору для православия против латино- унитских притязаний папизма.⁴⁸⁵ С этою целью преп. Иов собрал вокруг себя многочисленное братство, которое, по его наставлениям, занималось изучением и переводом писаний отеческих. Избранные писцы, по указанию преподобного, переписывали лучшие книги и распространяли их между православными. «Такожде, по словам Досифея, писанием книг церковных упражняшесь».⁴⁸⁶

Замечательно также, что ко времени пребывания преп. Иова на Дубенском острове относится напечатание князем Константином Острожским известной первопечатной славянской Острожской библии 1581 – 1588 года. И если несомненно, что благочестивый князь Острожский смиренно поверил пр. Иову, яко своему духовному отцу, свою душу и совесть, то тем более без его благословения, а может быть, и побуждения и просвещенного участия, он не мог взяться за совершение такого великого дела, как печатание св. библии. По крайней мере об участии пр. Иова и его благословении на второе издание этой библии 1588 года сомневаться нет никакого основания; – ибо пребывание пр. Иова на Дубенском острове в это время, как мы уже видели, не поддежит никакому сомнению. – А о значении библии на родном языке для наших предков в темные времена унии и латино-унитского преобладания и говорить нечего.⁴⁸⁷

10. Тем более понятно, само собою, какую славою за такие свои подвиги преподобный Иов должен был пользоваться у православных современников. И точно, сказав об участии преподобного Иова в списывании книг церковных, Досифей вслед за сим непосредственно присовокупляет, что «сего ради все окрестныя страны начали, собираясь, докучать (стужати) ему честью и похвалами».⁴⁸⁸ – Но эта слава только смущала скромного подвижника Христова. Всегда строгий к самому себе и с ранних лет наивысший кротости и смирению, он хотел иметь свидетелем своих подвигов одного только Бога, «ибо от единого только тайнозрителя Бога желал быть славим».⁴⁸⁹ – В этих видах пр. Иов остановил свои взоры на соседней пустынной обители Почаевской, «где он всеконечно хотел утаиться от усердия».⁴⁹⁰ Может быть к этому же присоединилось в душе его

печальное сознание слабости и бессилия борьбы с усиливающимся преобладанием латинства, в пределах западного края России, тем более, что к концу этого времени иезуиты начали запускать свои сети в самое даже благочестивое семейство князя Константина Острожского, – и недостойный сын его Януш сделался приверженцем латинства еще при жизни отца своего.⁴⁹¹

Сюда же следует присовокупить, что отчасти и сам князь Константин мог быть виновником удаления преподобного Иова из Его Дубенской обители, – не в том смысле, чтобы князь изменил когда православию, но главным образом потому что, ведя борьбу с протестантами и католиками, он нередко пользовался для целей православия орудием врагов православия и потому навлек на себя подозрение в наклонности и к социнианству, и к католичеству. Известно между прочим, что князь Острожский принимал весьма деятельное участие в съездах православных с протестантами в видах объединения интересов тех и других и с этою целью в 1599 году на Виленский съезд пригласил с собою даже духовных православных лиц, в том числе и Игумена Дубенского Спасского монастыря Исаакия.⁴⁹² Разумеется, в таких затеях, как справедливо замечает ученый профессор Н. Н. Петров, князь Острожский должен был найти решительного противника в преподобном Иове, так ревностно подвизавшемся против иноверцев.⁴⁹³ Ко всему этому Острожский князь мог расходиться с преп. Иовом и во взглядах на устройство монашества и в своем стремлении преобразовать православные монастыри в своих владениях в общежительное, по уставу Св. Василия Великого, как бы в параллель монашеским орденам западной церкви и во избежание нарекания со стороны иноверцев, которые православных отшельников прозывали «скотиною и зверьми дивными». С этою целью в 1592 году введено было князем Острожским общежитие, по законоположению Св. Василия Великого, в Дубенском Спасском монастыре и предположено было на тех основаниях устроить в Дубне и женский монастырь.⁴⁹⁴ Таже участь ожидала и Крестный монастырь Пр. Иова, для чего

между прочим князь Константин в 1599 году подарил этому монастырю земли и угодия, о коих мы сказали выше, в параллель таким же пожертвованиям, какими снабжен был Спасский монастырь при учреждении в нем общежития.⁴⁹⁵ Нет сомнения, что преп. Иов не сочувствовал этому преобразованию, которое устроило в монастырях возможность скитского жития, к которому, как увидим далее, по жизни преподобного на горе Почаевской, вообще он был более расположен, чем к общежитию, и которое (преобразование), приближая православные монастыри, по типу, к монастырям католическим, давало таким обр. Латино-унитам ближайшую возможность переделывать потом эти монастыри в чисто Латинский орден Василия Великого.....⁴⁹⁶ И в конце концов, по всей вероятности, гонимый тайными преследованиями иезуитов, которые в это время затевали новое страшное дело против православия в лице самозванца Гришки Отрепьева, преп. Иов «улучил удобное время» и воспользовавшись сим временем, тайно оставил монастырь Дубенский (около 1600 г.) и удалился на гору Почаевскую, «от древле светлостею чудесе многих сияющую».⁴⁹⁷

Глава вторая.

1.Состояние Почаевской обители во время прибытия преподобного Иова в Почаев. 2. Избрание пр. Иова в игумена Почаевского. 3. Состояние православной церкви на Волыни во время жизни пр. Иова. 4. Заботливость пр. Иова об улучшении внешнего быта своей обители. 5. Сооружение новой каменной церкви во имя св. Троицы. 6. Общее состояние монастыря Почаевского под управлением пр. Иова. 7. Нападение татар на обитель Почаевскую в 1607 г. 8. Гонения, претерпеваемые Почаевским монастырем от Фирлея. 9. Копание колодезя. 10. Похищение чудотворной иконы Фирлеем. 11. Судебный процесс пр. Иова с последним за пограбленные монастырские сокровища. 12. Возвращение чудотворной иконы. 13. Исход помянутого процесса вообще.

1.Когда Преподобный Иов прибыл на Гору Почаевскую, то застал здесь порядки, которых никак не ожидал. В течении веков (с XIII по конец XVI) обитель Почаевская была строго пустынною обителью, в которой иноки спасались по преимуществу в горных пещерах, сходясь только для молитвы в небольшом храме Успения Божией Матери, находившемся под горою Почаевскою.

Так, без сомнения, думал спастись и Преподобный Иов. – Но Промысл Божий судил иначе.

По соседству с Почаевом, в местечке Орле, что ныне деревня Урля,⁴⁹⁸ жила благочестивая, православная помещица, вдова Анна из Козинских Гойская. В 1559 году в ее доме гостил греческий Митрополит Неофит, который, в благодарность за гостеприимство подарил Гойской родовую свою икону Божией Матери, привезенную им из Константинополя. После разных знамений, бывших от этой иконы в доме Гойской, в 1597 году получил прозрение по молитве пред нею родной брат Гойской, слепой от рождения Филипп Козинкий. Тогда Гойская не осмелилась более держать святую икону у себя и в том же году передала ее на Гору Почаевскую в церковь Успения Божией Матери.⁴⁹⁹

Нужно заметить, что Почаев в то время тоже принадлежал Гойской. Чтобы достаточно выразить свое благоговение и уважение к благодатной Иконе, Гойская непосредственно по перенесении ее в обитель Почаевскую пожертвовала в эту обитель богатые угодия, как то поля, сенокосы, леса и даже крестьян в Почаеве, чтобы с сего времени на Горе Почаевской содержались восемь православных иноков, людей доброй и побожной жизни на правах общежития.

Таким образом из пустынной обители Почаевская должна была сделаться теперь общежительною.⁵⁰⁰

2. Между тем, тайно удалившись из Дубна, Преподобный Иов тем менее рассчитывал открывать кому-либо о своем звании в Почаеве. Но подвижники Почаевские вскоре почуяли в пришельце новую силу, и по единодушному избранию, со слезами, снова поставили его игуменом и первоначальником общежития в своей устрояемой на новых началах обители.

Замечательно впрочем, что ни в бумагах, ни в преданиях лаврских не сохранилось никаких сведений о настоятелях, предшествовавших преподобному Иову, до его избрания в игумена горы Почаевской. Некоторые хотят объяснить это кознями базилиан почаевских, которые, говорят, нарочно уничтожили в лавре древние памятники для того, чтобы скрыть все следы древле-православного происхождения, обители Почаевской.⁵⁰¹ Но если бы это и было так на самом деле, то базилианам скорее всего следовало бы уничтожить всякие памятники, относящиеся к преподобному Иову, который не только был православным, но и боролся с унией за православие. Между тем в лаврском архиве и доселе цело сохраняются не только судебные дела преподобного Иова, но и житие его с чудесами, записаны также, как увидим далее, многие чудеса, совершенные им во время самой унии и т. п.⁵⁰² Нам кажется, что самое лучшее объяснение этого вопроса представляет «Гора Почаевская», которая, по сознанию самих же униятов, первоначально была напечатана православными и потом только «типом обновлена» базилианами в 1793 году.⁵⁰³ В этой книге, между прочим, говорится, что Анна Гойская, отдав чудотворную икону в гору Почаевскую, «тамо в пещере

обитающим инокам», – в тоже время «будучи вдовою», дабы Пречистой Деве Марии Божией в чудотворной той иконе была большая хвала и слава, преумножила в оной большее число иноков фундушом, списанным року 1597 – и уже готовому, находящемуся при скале храму Успения Пресвятой Девы Матери Божией, сооруженному на милостыню вземленную от благодетелей, выделила подданных, грунта и леса в своем дидичном имении Почаеве, и церковь всякими потребами удовлетворяла и украсила». ⁵⁰⁴ Из этого видно, что до поступления чудотворной иконы на гору Почаевскую, иноки здесь находящиеся жили только в пещерах и при том в самом небольшом количестве, так что напр. в 1240 году здесь было только два инока. ⁵⁰⁵ Потому-то между прочим Анна Гойская далее и именуется основательницею и фундаторшею монастыря Почаевского, так как только с получением ее пожертвований иноки почаевские переменили пещерное или пустынное житие на общежитие и таким образом начали жить монастырем в собственном смысле этого слова. ⁵⁰⁶ Тоже самое подтверждается далее и завещанием Гойской 1597 года, в котором между прочим читаем: «так как в моей маетности при селе Почаеве с давних пор существует каменная церковь, в честь Успения Пресвятой Богоматери, то, чтобы при той церкви постоянное было славословие Божие, я решилась построить и основать при ней монастырь для жительства в нем осьми черцев, людей добрых побожной жизни, не иного исповедания, как только греческого, подчиненные восточной церкви, и двух дьячков» (т. е. послушников) и т. д. ⁵⁰⁷ А при таком положении дела, разумеется, не иначе, как только со времени Гойской должны были начаться в Почаеве и настоящие игумены со всеми правами, приличествующими их званию. До того времени пустынники почаевские, по примеру пустынножителей Афона, могли вовсе не иметь особых настоятелей, довольствуясь простым подчинением какому либо старцу, отличающемуся истинно-христианским благочестием и примерною жизнью. Тем более ничего нет удивительного, если при подобных обстоятельствах, о таковых не сохранилось никаких особенных

сведений на горе Почаевской. Это общее достояние древних пустынных монастырей и их подвижников.⁵⁰⁸

Теперь, если ко всему этому примем в соображение, что преподобный Иов прибыл на гору Почаевскую в первые годы XVII века, как мы заметили, около 1602 или 1603 г. не далее, то на основании всего вышесказанного весьма естественно придти к заключению, что Иов, по всей вероятности, был первым настоящим игуменом возникающей общежительной обители Почаевской; почему между прочим собственно с него и начинаются положительные сведения об игуменах почаевских в архиве Почаевской лавры. «Тако бо, по истине, как замечает Досифей, сицеваго стража зело подвижна и искусна изволи имети Пресвятая Дева Богородица Мария в своей небеси подобящейся обители».⁵⁰⁹

3. И точно нужно было особое высшее избрание для того, чтобы во главе Почаевской обители на ту пору был поставлен надлежащей «искусный страж», вполне достойный своего назначения. Не говорим уже о трудностях, какие предстояли новому игумену по важности самого дела, при устройении обители на новых основаниях. Это заявили сами иноки почаевские, когда, при избрании преподобного Иова, по словам Досифея, обратились к нему «с слезными увещаниями». Но особенно много забот и опасностей предстояло преподобному Иову на поприще его нового служения со стороны врагов православия, тогда уже успевших распространиться и как бы нарочно сосредоточивавших свою губительную деятельность на уничтожение православных монастырей и храмов на Волыни. Еще преподобный Иов был в Дубне, когда в Луцке, главном городе тогдашней Волыни, не осталось уже ни одного православного храма: они сначала были обращены в питейные дома, а потом вовсе разрушены.⁵¹⁰ В 1630 году князь Николай Чарторыйский, сын Юрия, совратившегося в католичество (в 1598 г.), самонравно подарил Пересопницу и ее древний монастырь клеванским иезуитам, а на утверждение своего дара испросил грамоту у короля Сигизмунда III (1630 г.)⁵¹¹ К довершению несчастья, в начале XVII века Волынь лишилась главнейших и могущественнейших защитников православия, в

лице Гедео́на епископа Львовского (1607 год) и знаменитого Константина князя Острожского (1608 г.); а с смертью их пали и все лучшие Волынские училища (львовское и острожское), воспитывавшие доселе поборников православия.⁵¹² В тоже время последовавшее явное отпадение Януша Острожского увлекло многих дворян в унию и даже в латинство. Сам Януш действовал положительно в духе латинства. Он отнимал у православных храмы и перестраивал их в латинские костелы,⁵¹³ строил новые кляшторы и т. п.⁵¹⁴ Таким же образом, только еще с большею силою в пользу латинства, действовала родная племянница его, дочь князя Александра Константиновича Острожского, Анна Алозия Ходкевич (1600 – 1654)⁵¹⁵ и др. Наконец в 1612 году скончался послелний волынский православный епископ, владыка луцкий и острожский, Михаил Копыстенский, и православные уже не знали к кому обращаться за рукоположением своих священников.⁵¹⁶ Между тем владимирский униатский епископ Ипатий Поцей, сделавшись в 1600 г. униатским митрополитом на место Михаила Рогозы, и другие греко-униатские власти на Волыни с конвоем солдат разгоняли православных, собиравшихся в мраке ночи на молитву, печатали православные храмы и проч. и проч.⁵¹⁷

4. Нужно было необыкновенное благоразумие, твердость воли, много такта и осторожности, чтобы при таких обстоятельствах не только управлять вновь устрояющейся обителью, но даже лично сохранить веру отеческую. Но преподобный Иов давно уже был искушен в этом деле во время своего двадцатилетнего управления Дубенским крестовоздвиженским монастырем. Потому, сделавшись игуменом почаевским, он сразу обратил свое внимание на все главнейшие потребности обители и таким образом не только упрочил ее благосостояние и неприкосновенность, но и возвысил ее в ряду других современных ей обителей как на Волыни, так и в пределах всего юго-западного края России.

Прежде всего, без сомнения, для этой цели необходимы были надлежащие средства материальные. Будучи современником Гойской, Домашевских и других, еще не совратившихся в унию и латинство православных обывателей

Волыни, особенно в окрестностях Почаевской обители, преподобный Иов святостью своей жизни и примерным благочестием по неволе располагать их сердца к себе и к своему монастырю, и этим многих из них заставлял благодетельствовать обители на украшение храмов Божиих, улучшение быта иноков и т. п. Так, в 1640 году урожденная пани Куликовская, Анна Александровна Добрынская, пожертвовала в обитель преподобного Иова «посаг свой (приданное) – сто золотых, на хвалу Божию, дабы она отправляема была за душу ея по ея смерти».⁵¹⁸ В 1647 году некто Сергей Петрович, мещанин кременецкий, записал на пречистую почаевскую (т. е. церковь Успения) до монастыря полтора ста золотых, дабы за душу его Господа Бога молили».⁵¹⁹ В 1648 году урожденный пан Иван Жабокрицкий записал на почаевскую обитель «двести золотых с имения своего Жабокрик с тем условием, чтобы эти деньги под условием отцовского благословения были отданы вельможному в Боге его милости отцу Иоанну Железу, игумену почаевскому, для совершения молитвословий за его душу».⁵²⁰ В 1649 году урожденный пан Юрий Пузына пожертвовал в обитель преподобного Иова «золотых сто» с тем, чтобы «иноки, в том монастыре обретающиеся, сорокоусты, т. е. сорок служб Божих (или литургий) по обряду своей церкви отправовали и т. п.»⁵²¹ Надобно думать, что по мысли же преподобного Иова, Анна Гойская, особым предсмертным завещанием своим от 21 марта 1617 года, снова подтвердила за обителью почаевскою все свои пожертвования, и для большей верности, может быть, по требованию самого же Иова, «облятовала» (заявила) оное в 1620 г. и записала в градских книгах кременецких,⁵²² и т. и.

Но особенно богатые приношения в пользу почаевской обители во времена преподобного Иова сделаны были супругами «Евою з Бережец»⁵²³ и Феодором Грицевич – Домашевскими». В 1649 году Домашевские «обое вместе и нераздельно, будучи на теле и уме добре здоровы, и не будучи ни от кого подговорены, но по доброй воле своей, на сомнительный час живота своего, и сами будучи лет преклонных, а хотячи, дабы с тех (имений), которые были им от пана Бога даны в распоряжение, дотолѣ еще в диспозиции их

оставались, не кому-либо, но имени Его (т. е. Божию) святому хвала была воздаваема на вечныя времена», записали почаевскому монастырю 33, [000] злотых польских, числящихся на разных заставных имениях, заложенных у Домашевских соседними панамы, как то: Романом Гойским на местечке Устечку – (2500 злотых), Михайлом Чарторыйским на селе Островку (7000 злотых), и др. И это все с тем, чтобы «старший (т.е. игумен) и братия, в том монастыре тогда и на потом будучья и находящаяся, по смерти их обойга тыя добра до поссесии своея взявши», пользовались оными «аж до отданя, со всеми доходами, какия за что из записов покажутся» – под условием только, чтобы «получивши тыя суммы или которую часть из них», получатели не на свою корысть какую световую (т. е. мирскую) ворочали, но тогда и на потом... за отпущение грехов их пана-Бога уставичне (постоянно) просили и набоженство за умерших звыклое (обычное) отправовали, також с тоеж провизии и церковь справовали» (т. е. содержали) и т. д.⁵²⁴

5. Другим не менее важным делом преподобного Иова для устроения Почаевской обители было построение нового каменного храма на место прежней деревянной церкви Успения Божией Матери. Теперь эта последняя оказывалась совершенно невместительною, особенно от множества богомольцев, начинавших стекаться на поклонение чудотворному образу Почаевской Божией Матери.⁵²⁵ Преподобный Иов так успел подействовать на благочестивое семейство Домашевских, что они решились «собственным коштом» соорудить на горе Почаевской новый каменный храм во имя Пресвятыя Троицы. Надобно думать, что по указанию самого же преподобного Иова новая церковь сооружена была несколько выше Успенской церкви, так что скала с Цельбоносною Стопою тогда вошла в состав самого храма, подобно тому как и теперь помещается она внутри большого лаврского собора во имя Успения Божией Матери.⁵²⁶

Благочестивые супруги украсили новый храм «всеми потребными, приличествующими таковой церкви», пожертвовав для этой цели не только многие денежные суммы, но и

наследственные свои сокровища, состоящие из золотых и серебрянных вещей и других драгоценностей. В 1649 году храм был кончен вместе с двумя приделами, устроенными в нем по желанию Домашевских, во имя Благовещения Божией Матери и святого великомученика Феодора, и в том же году, по благословению тогдашнего Волынского (луцкого) православного епископа Афанасия Пузины (1634 – 1650), освящен, по всей вероятности, самим же преподобным Иовом.⁵²⁷ – В тоже время заботливостью преподобного перенесена была сюда из Успенской церкви чудотворная икона Божией Матери, и для большей доступности для поклонников, по древле-православному обычаю, была поставлена в иконостасе, над царскими вратами главного престола, с особым прибором для ее опускания, подобно чудотворной иконе Успения Божией Матери в Киево-печерской лавре, и подобно тому, как помещается она и в настоящее время в соборном храме почаевской лавры.⁵²⁸

6.Само собою разумеется, что при таких порядках и благоустройстве обители, во времена преподобного Иова должно было умножиться на Горе Почаевской и количество иноков. И действительно, уже в 1607 г., следовательно спустя не более двух-трех лет по прибыли преподобного Иова в монастырь почаевский, по свидетельству «горы почаевской», «в монастыре том умножися большое число иноков»,⁵²⁹ и обитель преподобного Иова сделалась предметом всеобщего внимания со стороны православных во всех соседних областях Польши и России.⁵³⁰

7.Но не с одними только благодетелями преподобному Иову приходилось иметь дело на горе Почаевской. Известно, что с половины XIII до самого почти конца XVII века, на Волыни как и по всей России, постоянно являлись опустошительные загоны татар, которые, предавая огню и мечу все, встречающееся на пути, удалялись восвояси, чтобы потом снова являться для далнейших опустошений.⁵³¹ – Между прочим один из таковых загонов, в 1607 году, явился в пределах обители почаевской, «одних убивая, прочих же захватывая в рабство». В это время один из иноков почаевских, неведая о

татарах, проходил по горе, «молитвы совершающе». Вдруг один татарин напал на него и, увидев, что он стар и негоден к работе, поразил его мечем и обезглавил. Понятно само собою, какую скорбь это обстоятельство должно было причинить блаженному настоятелю и его обители. Но в тоже время Господь не умедлил и утешить раба своего и его братию. По преданию убитый инок взял свою отсеченную голову, «аки другой Дионисий Ареопагит», и принеши ее в церковь положил пред чудотворною иконою пресвятой Богородицы, и только после этого скончался, предав дух свой Господу.⁵³²

8. Но особенно тяжкие времена настали для преподобного Иова и его обители по смерти благочестивой основательницы монастыря почаевского, Анны Гойской. По ее кончине, имения ее перешли в руки внука ее Андрея Фирлея, каштеляна бельзского, впоследствии воеводы сандомирского; «тойже прият в свою область и Почаев – старый». – К несчастью Фирлей был протестант «ереси лютерския», а потому по одной своей вере уже не мог хладнокровно смотреть на монастырь почаевский, которому Гойская даровала столько имений и доходов. Кроме этого, как говорит предание, Фирлей по характеру своему вообще был человек дерзкий и завистливый. Потому приняв в свое ведение Орлю, Козин, Почаев и другие имения Гойской, он тот час начал портить и нарушать фундуш, данный монастырю Гойскою. С этою целью, «немогши терпеть в имениях своих иконы пречистой Матери Божией, находящейся в монастыре, и иноков, посвятивших Господу свою чистоту, он задумал уничтожить на горе почаевской чудотворный образ Марии Девы и самую Стопу, и вместе с сим изгладить и разрушить до основания как иноков, так и самый монастырь, с той целью, дабы все, что только было по благодати Божией чудесного на горе почаевской испокон века, пришло в вечное забвение. Для этой цели Фирлей сначала отнял поля, леса и сенокосы монастырские; за тем присвоил себе крестьян, обратил ни во что разные монастырские материалы, раскопал пограничные знаки для уничтожения фундуша и ловил за монастырем иноков, бил их и тиранил».⁵³³ В заключение Фирлей простер свою дерзость до того, что даже запретил возить воду

из колодцев почаевских, – («еще бо, по словам горы почаевской, в то время не бе колодезя в монастыре»), и для сей цели разбивал монастырские бочки с водою, и «производил другие притеснения для уничтожения места святого».⁵³⁴

9. Нечего и говорить, что первую заботою преподобного Иова, при таком положении, должно было быть снабжение обители водою. С этою целью он прежде всего обратился с молитвою к Пресвятой Деве Марии, сияющей в чудотворной иконе почаевской, и, в надежде на помощь свыше, велел рыть колодезь в скале, на которой стоит монастырь почаевский. Трудолюбивые иноки с полной готовностью принялись за дело. – Господь увенчал успехом их труды. Не успели они прокопать на 64 локтя, как немедленно в колодезе явилась вода, которою снабжается монастырь и до настоящего времени и которая, по безводной лаврской местности в Новом Почаеве, доселе составляет истинное благодеяние для лавры и ее поклонников.⁵³⁵

10. Но эта удача еще более озлила дерзкого Фирлея и вооружила его против преп. Иова и его обители. Вследствие этого, 19 июля 1623 года, он послал в Почаев «слугу своего Григория Козинского с прочими воинами такожде лютрами», которым велел ограбить монастырь, и в особенности захватить чудотворную икону Божией Матери: «ибо, думал он, если возьму чудотворную икону, иноки не возмогут оставаться на этом месте».⁵³⁶ Исполнители папской воли в тот же день напали на монастырь, и «похитивши не только украшения церковные, но и икону чудотворную Пресвятой Девы, отнесли ее в градец Козин в двор помянутого Фирлея вместе с золотом и серебром, фелонями, бисером урианским и серебрянными привесками, именуемыми по латыни vota, на которых лично (т. е. образно) представлены чудеса Божией Матери, и т. п.»⁵³⁷

11. Таким образом четырнадцать лет терпел преподобный Иов притеснения и обиды, причиняемые Фирлеем его обители. Это время было употреблено преподобным для мирного соглашения с похитителями, или, как выражается сам Иов в протестации своей 1641 года «за частократным упоминанием приятельским отдати» похищенное.⁵³⁸ – Но когда это не привело

ни к каким последствиям, то блаженный решился наконец передать свое дело формальному суду и в марте 1641 года 9 дня «ставши лично на уряде гродском, в замке его королевской милости луцком, пред Гавриилом Коритинским, бургграфом – наместником старотства луцкого, – именем своим и всей братии монастыря почаевского свидетельствовался против вельможного его милости пана Андрея Фирлея каштеляна бельзского, и протестовал, что поименованный его милость пан Белезский, сопротивляясь и неудовлетворяя обязательству, или (точнее) фундушу покойной урожденной ея милости пани Анны из Козинских Гойской, судиины земской луцкой, данному на основание монастыря почаевского Успения Пресвятыя Девы, и явно признанному пред книгами земскими кременецкими, – и вместе с сим, не обращая никакого внимания на проклятие, в том фундуше выраженное, но действуя к унижению и оскорблению хвалы Божией и имений церковных, – сам, вместо того, чтобы заслужить хвалу Божию и пресвятой Девы, усиливается и старается постоянно обижать церковь и тамошнее место, чтобы вместе с этим самых иноков вытеснуть с этого места. И прежде всего, захвативши образ Пресвятой Девы Богородицы, прославленный великими и замечательными чудесами и, сверх сего, усаженный богатыми и дорогими камнями, из коих один жемчугов «урианских» больших было от осемнадцать (т. е. более тысячи), и на нем гривны три цельного золота с эмалью, – и при этом церковные облачения, пожертвованные как тою же покойною панею судииною, так и другими разными людьми побожными, равно как и сшитые великим коштом и накладом самими иноками – разных сортов: блаватные, бархатные, адамашковые, атласные, табиновые и другие низшего достоинства, и при сих облачениях кадильницы чисто серебрянные и крестов два, также чашу с дисками и другими сосудами, относящимися к совершению святого таинства (евхаристии), серебряными и позолоченными, – и все это приказавши отправить до замку своего козинского не отдает и отдать не хочет... Потом при посредстве подданных своих почаевских (он Фирлей) попортил и уничтожил копцы (т. е. пограничные столбы), которыми отграничены были грунта

монастырские, и вместе с сим обратил в свою пользу грунт поля оремаго и неоремаго – волок десять, в каждой руке по десяти резцов, вместе с рощею находящеюся на этих же волоках, равно как и лесом, состоящим подле тойже церкви с полем и сенокосами, означенными в помянутом фундуше верными знаками. В тоже время согласно фундушу (Фирлей) не хотел выделять для протестующих ни десятины, ни суммы готовых денег, и вот уже за лет несколько, несмотря на частократные дружеские наноминания, не отдавал их и не хочет отдавать, и позволяет арендаторам и шинкарям села Почаева отправлять в монастыре продажу всяких напитков во время совершения богослужения в важнейшие праздники на посрамление хвалы Божией. И к довершению всего, нарушая права и общественное спокойствие, в прошедшем 1640 году месяца июля 19 дня, насильно пославши урядника своего почаевского, вместе с боярами подданными почаевскими, которых было несколько десятков, именами ему ведомых, на собственные огороды монастырских подданных и монастырский грунт, отграниченный фундушем между подданными монастырскими и монастырем, и лежащий по левой руке на пути из села Почаева в монастырь, порубал при посредстве онаго урядника, бояр и подданных ограду возле огородов, огородные посеы обратил ни во что, а поименованный грунт отнял и протестующих из онаго вытеснил, и то поле обратил на свою потребу, вследствие чего не только нарушил всякие законные обязательства, но и по причине неупотребления грунтов оных, многих привел к немалому убытку не только в монастыре, но и его подданных».⁵³⁹

12. Второго мая того же 1641 года преподобный Иов занес такую же жалобу в градские книги кременецкие – чрез посредство инока почаевской обители Филарета Борисковича.⁵⁴⁰ Но в тоже время, неполагаясь на одни собственные силы, «иноки почаевские, совместно с игуменом своим Иоанном, которого сами униаты в этом случае называют особливym почитателем пресвятой Девы»,⁵⁴¹ усугубили свои молитвы ко Господу и Его пречистой Матери, прося вразумить святотатца и наставить его к возвращению похищенного. В особенности преподобный Иов молился о святой иконе, которая составляла

для монастыря единственную надежду и главное, неоцененное сокровище. – И Господь не умедлил исполнить моление рабов своих. Однажды Фирлей, «от радости дьявольской невидая что более делать» нарядил свою жену в церковные фелоны, и давши ей в руки чашу церковную, начал вместе с нею и со всеми тамо (т. е. в козинском замке) бывшими хулить пресвятую Деву Матерь Божию в иконе почаевской до Козина принесенную». Но лишь только богохульная жена дерзнула таким образом издеваться над святынею, «каки на нее напал лют бес, которым она удручаема была чрез долгое время», пока святая икона не была возвращена на гору Почаевскую.⁵⁴²

13. Это было, должно быть, в начале второй половины 1641 года, потому что в своей реляции позву на Андрея Фирлея, от 14 ноября того же 1641 года, преподобный Иов уже говорит только «о взятии при иконе Божией Матери разных богатых вещей из церкви монастыря почаевского», но не указывает на похищение самой иконы, как это видим, в предыдущих протестациях (от 9 марта и 2 мая 1641 года).⁵⁴³ Ободренный таким видимым благоволением Божиим, прен. Иов еще с большею ревностью занялся процессом возвращения остальных вещей, похищенных Фирлеем. С этою целью он сам не раз «очевисто» являлся в Кременец, посылал туда разных доверенных лиц от своего имени, и наконец добился того, что в 1643 году был назначен настоящий следователь по этому делу (суперарбитр) «по обоюдному соглашению со стороны иноков почаевского монастыря и его милости пана Андрея из Домбровицы Фирлея, каштеляна бельзского», некто Стефан из Стремильча Лащ. Утвержденный в своей должности и записанный в книгах главного трибунала коронного (польского) любельского, Лащ несколько раз назначал сроки для производства следствия; но по болезни изменял оный. Наконец он назначил последний срок, по своем выздоровлении, на 9 марта того же 1643 года, и сам лично произвел дознание «на грунтах монастырских».⁵⁴⁴ Как и следовало, дело обители оказалось совершенно правым, и Фирлей декретом, 1643 года мая 5, «данным в Люблине, на консерватах воеводства киевского,⁵⁴⁵ и определением трибунального сейма воеводства

волынського, от 17 ноября, того же года, «яко нестальный и праву посполитому непослушный», был приговорен к удовлетворению обители, с вознаграждением за все убытки, понесенные инокami почаевскими как вследствие потери захваченного имущества, так и на расходы по процессу, и т. п.⁵⁴⁶

Но Фирлей был не таков, чтобы сразу повиноваться даже определениям высшей власти. Тем более неприятно было ему уступить простому игумену и его братии. Потому, не смотря на все старания пр. Иова, дело поднятое между Фирлеем «и отцем Иоанном Железо, и всею братиею его чернецами монастыря почаевского», длилось до самого 1647 года, когда по определению коронного любельского сейма, «на консерватах воеводства брацлавского», часть сокровищ, захваченных Фирлеем, была возвращена монастырю почаевскому и Фирлей (4 марта 1647 г.) покончил актом примирения с инокami «не в унии состоящими».⁵⁴⁷ В то же время, между прочим, Фирлей получил квитанцию от монастыря почаевского и за чудотворную икону, которая, по словам горы почаевской, «хотя и была возвращена обители после поражения жены Фирлея, в 1641 году, но чтобы ясновельможный Каштелян Бельзский ранее этого был расквитован по этому предмету судебным порядком, об этом (в актах монастыря почаевского) не читаем».⁵⁴⁸

Затем впрочем дело так и остановилось. «А тем временем как выражается Гора почаевская, воздвижеся бране на Польшу от Хмельницкого и татаров» (1648 – 1651). В тоже время, между прочим, козаки разрушили (1648 г.) г. Кременец, в котором на ту пору сосредоточены были все тяжebные дела по искам почаевской обители.⁵⁴⁹ Вследствие этого, как читаем в одном современном документе Почаевской лавры, «они (т. е. козаки) разбили сундуки, находящиеся под крепкими замками в склепах кременецкого замка, в которых хранились акты как городские, так и земств, и сии акты, реестры и протоколы одни повырывали из переплетных досок, другие совсем порвали, иные посекали, третьи, попортив, побросали в колодезь (остатки которого и доселе существуют в Кременце, в развалинах замка, на яре Боне), и поразбрасывали в других местах; в каковом виде, по свидетельству того же документа, они лежали под

снегом и дождями с декабря до самого апреля (1648 г.), так что только некоторые из них были найдены, и то в попорченном виде.⁵⁵⁰ А при таком положении дела, очевидно, вести какие либо дела не было положительно никакой возможности, тем более, что самая война Хмельницкая на ту пору как раз сосредоточивалась в окрестностях Кременца, невдали от Почаева, у Берестечка. Совместно с этим, в тоже время в замке Фирлея случился пожар, который истребил большую часть захваченного имущества монастырского.⁵⁵¹ Наконец в 1647 году скончался сам Фирлей.⁵⁵² Потому, «хотя, как замечает гора Почаевская, иноки (почаевские) и имели великое попечение, купно со игуменом своим Иоанном Железом, о том, дабы возмogli отыскать похищенное, в особенности фелоны, бисеры, серебро и золото, однако часть сокровищ, захваченных Фирлеем, даже до нашего времени (т. е. до конца XVIII в. и доселе) не суге возвращена.⁵⁵³

Таким же образом, вследствие помянутых обстоятельств к концу первой половины XVII века остались нерешенными и «справы грунтовая», т. е. дела поземельные. И как по определению трибунального декрета любельского 1647 года пр. Иов, 4 марта, расквитался с Фирлеем за часть возвращенных сокровищ, оставив за монастырем одни только дела поземельные, так по этому делу ему более и не пришлось сделать.⁵⁵⁴ В октябре (28 д.) 1651 года пр. Иов скончался, и уже преемникам его суждено было доводить это дело до конца, с другими более уступчивыми наследниками Фирлея.⁵⁵⁵

Глава третья.

1. Православные книги, изданные в почаевской типографии во время преподобного Иова. 2. Преподобный Иов, как православный Писатель-Апологет. 3. Пребывание его на Киевском соборе 1628 г. 4. Келейные его упражнения. 5. Обращение с другими. 6. Уважение к нему современников. 7. Собственноручная подпись преподобного Иова в Почаевской лавре;. 8. Преподобный Иов дает у себя приют православным во время войн Хмельницкого. 9. Избрание преемника. 10. Кончина.

Известно, что на Волыни, в Почаевской обители, с самых древних времен существовала православная типография, в которой, на основании привилегий от королей польских, печатались разные книги на языках славянском, латинском и польском. Заведение этой типографии предание приписывает основательнице Почаевского монастыря Анне Гойской.⁵⁵⁶ Когда преподобный Иов прибыл на гору Почаевскую, типография эта уже находилась в цветущем положении: шрифт был красивый, похожий на современный ему шрифт типографии Киево-печерской Лавры; для начальных статей полагались особые каллиграфические буквы; разные виньетки, финалики и бордюры назначались для начальных и конечных листов и т. п.⁵⁵⁷ Нечего и говорить, с каким сочувствием преподобный Иов должен был относиться к этому заведению, доставлявшему ему теперь возможность распространять полезные книги не только чрез переписку их, как это делал он в Дубенском монастыре, но и печатно для всех желающих. Вскоре блаженному представился и удобный случай для достижения этой цели. В то время во Львове, в ставропигии братства Успения Пресвятой Богородицы, был дидаскалом или учителем и проповедником, известный в истории нашей духовной литературы Кирилл Транквилион – Ставровецкий, впоследствии архимандрит черниговский.⁵⁵⁸ В числе других своих сочинений Транквилион написал: «Зерцало Богословия», направленное против латинян; и по благословению преподобного Иова книга эта была

«выдрукована в монастырю почаевском, в маестности (имении) его милости пана Андрея Фирлея, року 1618, месяца марта 12 дня.⁵⁵⁹

Таким же образом в почаевской типографии, во время преподобного Иова, печатались проскомидийные листы для рассылки в православные церкви, письма или послания православных архипастырей, разные молитвы и т. п.⁵⁶⁰ И конечно, по малочисленности православных типографий того времени в пределах юго-западного края России, когда, по свидетельству истории, все «древнешие типографии Волыни: острожская, кременецкая, рахманевская, и другая мало по малу прекращали свое бытие и дествие еще в первой половине XVII века, и на Волыни была только одна словяно-русская типография почаевская»,⁵⁶¹ обитель почаевская находила возможность распространить свои типографские произведения между православными, и таким образом, без сомнения, по возможности содействовала к поддержанию православной церкви среди тогдашних бедствий, причиняемых латинством.⁵⁶²

2.Этого мало. В Почаевской Лавре издревле хранится рукописная книга с надписью: «Книга блаженного Иова Железа, игумена Почаевского власною рукою его писанная». Из рассмотрения этой книги оказывается, что преп. Иов не только издавал в свет чужие книги, но и сам лично подвизался на поприще церковной письменности, на сколько этого требовало его положение, как настоятеля обители и поборника веры православной. Что рукопись эта действительно принадлежит Иову, в этом не может быть сомнения по следующим обстоятельствам. Как мы уже сказали выше, в «житии пр. Иова», составленном его учеником Досифеем, прямо говорится, что угодник Божий, живя в Дубне, «писанием книг церковных упражняшеся».... Само собою разумеется, что к разряду этих книг должна быть отнесена и настоящая его рукопись, тем более, что книга эта писана частью уставом, частью полууставом, который имеет генетическое родство с тем курсивным почерком, каким подписался преподобный Иов почаевский на завещании Ирины Ярмолинской 1646 года, доселе хранящемся в почаевской лавре.⁵⁶³ Некоторые буквы скорописи, не смотря на

разницу ее с полууставным письмом, все-таки значительно сходны между собою в том и другом письме, а другие скорописные буквы, повидимому несходные с полууставными, легко могли образоваться из последних естественным путем упрощения полууставного письма в скорописи. К этому нужно присовокупить предание о принадлежности этой рукописи перу преподобного Иова, восходящее к XVII веку.

Означенная рукопись не дошла до нашего времени в полном виде. В настоящем своем составе она заключает в себе 123 листка (в продольную осьмушку). Но остатки прежней, первоначальной пагинации показывают, что в ней было более 900 листов. Тем не менее и это, сравнительно не многое сохранившееся, имеет, чрезвычайно важное историческое и литературное значение.

Все содержание книги преподобного Иова почаевского, насколько позволяет судить уцелевшая часть ее, может быть разделено на следующие четыре отдела: 1) жития, сказания и слова на неподвижные праздники и нарочитые дни церковного года, за август, сентябрь и декабрь месяцы; 2) выписки из Патериков и особенно из Лествицы преподобного Иоанна Синайского; 3) слова и беседы на страстную и светлую седмицы и некоторые подвижные праздники и нарочитые дни церковного года и 4) выписки из разных книг, без заглавий и указания источников, заметки и краткие поучения заимствованные, компилятивные, подражательные и оригинальные, не приуроченные к известным дням, которые можно назвать поучениями на разные случаи. Этот последний отдел особенно важен, так как здесь преимущественно находятся самостоятельные опыты учительной деятельности преподобного Иова.

По мнению проф. Петрова, редактировавшего рукопись пр. Иова для напечатания оной в 1883 году, главное достоинство рукописного сборника преподобного Иова состоит в том, что этот сборник не есть безцельный свод выписок из попадавшихся преподобному Иову книг и отражает на себе характер личности преподобного Иова и его эпохи. И переписанные, и компилятивные, и подражательные статьи книги преподобного

Иова указывают и определяют тот круг воззрений и понятий, в коем вращался ум преподобного Иова и воспитывалась его нравственная природа. С другой стороны состав книги преподобного Иова предполагает собою известный выбор из различных источников такого назидательного материала, который, соответствуя личному настроению и вкусам преподобного, вместе с тем имел более или менее прямое и близкое отношение к обстоятельствам места и времени жизни преподобного Иова. В этом случае выбор преподобным Иовом назидательных статей для своей книги обнаруживает в нем определенные цели, известное направление и самостоятельную мысль, ставящую преподобного Иова, даже в заимствованных им статьях, на один уровень с самостоятельными проповедниками слова Божия...

В рукописи преподобного Иова почаяевского находятся поучения и выписки, направленные против евреев, католиков и разных протестантских сект. Впрочем против евреев и католиков здесь помещено только два обличения, притом заимствованные у Григория Цимвлака. Главные усилия преподобного Иова направлены были к обличению протестанствующих сект, преимущественно же быстро распространявшегося в то время (конец XVI и нач. XVII стол.) в. юго-западной России социнианства. Против социниан преподобный Иов ведет обширную полемику, апологически защищая важнейшие догматы православной церкви, отрицаемые еретиками. Так, в рукописи преподобного находится изложение учения (в противовес социнианам) 1) о Пресвятой Троице, 2) о Божестве Иисуса Христа, 3) об истинном Божестве и человечестве Иисуса Христа, 4) о Пресвятой Богородице, 5) о крещении, 6) о пречистых тайнах тела и крови Господа нашего Иисуса Христа, 7) об образах или иконах, 8) о хвале и чести святых угодников Божиих, 9) о посте, 10) о памяти умерших, 11) о храмах Божиих, 12) о человеческих страстях и необходимости добрых дел для человека, 13) о монашестве, и проч...

По мнению проф. Петрова, полемические и апологетические опыты преподобного Иова против сектантов протестанского характера должны занять почетное место в православной

противо-лютеранской полемике второй половины XVI века, к которой они относятся. Перечисливши, хотя и с немалыми пропусками,⁵⁶⁴ дошедшие до нас сочинения православных писателей, обличавших в рассматриваемое время антитринитарианство или социнианство, проф. Петров заявляет, что по широте круга, захватываемого полемикой преподобного Иова, она может идти в сравнение лишь с наиболее капитальными трудами того времени в этой области, именно: «Показанием истины» Зиновия Отенского, «посланиями» старца Артемия и «Книгой о вере» 1602 и 1619 гг., отличаясь вместе с тем и высокими внутренними достоинствами... В некоторых отношениях полемика преподобного Иова должна быть поставлена даже выше и этих капитальных произведений. Другие обличители еретиков и защитники православия – говорит проф. Петров – или пользовались католическими пособиями, как напр. автор «Книги о вере», руководившийся полемическими трудами Вуйка, или же в борьбе с еретическим рационализмом сами становились на рациональную почву, старались опровергнуть еретиков доводами ума, переспорить их и заставить признать истину православия, напр. клирик Острожский Василий и Стефан Зизаний; тогда как преподобный Иов всецело стоит на почве священного писания, церковного предания и святоотеческих творений, вообще на почве церковности, и не столько доказывает, сколько раскрывает и уясняет истины православия и их светом освещает еретические заблуждения. Те, ставши на скользкую почву католических, или же рациональных доказательств, сами могли пошатнуться на этой почве и вдаваться иногда в противоположные крайности, выходить за пределы строгого православного богословствования, как это и случилось со Стефаном Зизанием и некоторыми другими. Напротив, преподобный Иов почаевский выражал свою богословствующую мысль святоотеческими творениями, выписками из них и их выражениями и потому твердо стоит на православной почве.⁵⁶⁵

Но кроме сего в рукописи преп. Иова есть немало статей и его собственного сочинения компилитивных, подражательных и оригинальных, отличающихся таким же характером

индивидуальной личности и непосредственного отношения к нуждам и потребностям своего времени, как и статьи списанные и заимствованные из других источников. Статьи эти следующие. 1) «В неделю цветную толкование Евангелия о Лазаре», составленное по подражанию Златоусту и Григорию Цимвлику;⁵⁶⁶ 2) Заключительное нравоучение в конце апокрифического слова Златоустаго в неделю шестую цветную;⁵⁶⁷ 3) Поучение «о терпении и благохвалении, и да не зело плачемся о умерших», составленное по подражанию поучений Златоустаго под тем же заглавием;⁵⁶⁸ 4) Поучение «о богатом и Лазаре», составленное по подражанию шестой беседы Златоустаго под тем же заглавием, с выпискою из нее;⁵⁶⁹ 5) Краткое поучение о семени и сеятеле и слушании слова Божия, составленное по подражанию слову Иоанна Златоустаго о труде земном;⁵⁷⁰ 6) Поучение об отречении от мираи и о духовном совершенстве, составленное на основании отрывков из творения Василия Великого и Иоанна Златоустаго;⁵⁷¹ 7) Поучение о Каине и Авеле и зависти и злобе, составленное из трех отрывков из творений Иоанна Златоустаго;⁵⁷² 8) Поучение против пьянства на основании пророчества Иеремии;⁵⁷³ 9) О почитании св. икон из послания Иоанна Дамаскина, а по другим Феодора Студита, к Императору Феофилу и из других источников;⁵⁷⁴ 10) Поучение о божестве и человечестве Иисуса Христа, Его воплощении, и о Богородице.⁵⁷⁵ – Кроме того, как говорит г. Петров, в некоторых словах и беседах Златоустаго на дни страстной седмицы есть сокращения, изменения и дополнения сделанные тоже Иовом, и т. д.⁵⁷⁶

Как на особенность рукописи преп. Иова надобно указать еще на то, что она вся изложена на славянском языке, тогда как другие современные ей произведения западно-русской церковной литературы – почти все написаны на славянском языке в перемешку с малорусским и польским. Самое же содержание ее показывает, что это была книжка, по которой преподобный Иов говорил поучения братии, вероятнее всего, дополняя, что нужно, устными собеседованиями.⁵⁷⁷ И так как преподобному пришлось по преимуществу встретиться с

протестанством в лавре почаевской, в лице Фирлея, то мы склоняемся к тому мнению, что и самая рукопись его, как носящая в себе несомненные признаки антилютеранской полемики, составлена преподобным в Почаеве, хотя может быть и начата в Дубне, в виду усилившейся тогда протестанской и в особенности социнианской пропаганды на запад России.⁵⁷⁸

3. В 1620 г., православная южно-русская церковь была утешена назначением нового православного митрополита на место отпавшего Михаила Рогозы. В этом году Иерусалимский патриарх Феофан, рукоположивший (15 августа) Иова Берецкого в митрополита киевского, поставил также особого епископа (Исаакия Борисковича) на епархию Луцкую, от которой Почаевская обитель искони зависела в епархиальном управлении.⁵⁷⁹ Тем тягостнее было для православных последовавшее вскоре после этого отпадение известного поборника православной церкви Мелетия Смотрицкого, которого патриарх Феофан в числе других поставил также в архиепископа на епархию полоцкую, витебскую и могилевскую. Это случилось вскоре после того, как был убит (1623 года) известный гонитель православия, униатский витебский епископ Иосафат Кунцевич. Униаты и иезуиты объявили Мелетия соучастником в убийстве. Король велел казнить убийц... и Мелетий, неотличавшийся твердостью характера, упал духом. Вслед за сим он удалился на восток, где пробыл около трех лет. Отселе на возвратном пути Смотрицкий явился в Рим и там повергся к стопам папы, который буллою объявил его архиепископом (титулярным) иерапольским. После этого Мелетий поселился в дерманском монастыре (1627 г.), и вскоре начал писать против православной церкви. Таким образом в 1628 году он поручил Дубенскому греко-униатскому архимандриту (спасского монастыря) Касиану Саковичу в дерманском монастыре свою «Апологию путешествия по восточным землям», в которой Мелетий не только выразил желание, чтобы восточная церковь соединилась с западною, но изложил разные клеветы на церковь восточную и русских защитников православия. Здесь же он начал осуждать свои прежние сочинения, написанные в пользу православия⁵⁸⁰ и т. п.

Узнав об этом, митрополит Иов Борецкий поспешил назначить в Киев 1628 г. духовный собор, на который к 15 августа призывал всех православных западно-русских епископов, архимандритов и игуменов. Кроме этого теперь предстояло ему объявить полученное из сейма королевское (от Сигизмунда III 1587 – 1632 г.) предписание о собрании пожертвований на предстоящую войну с Россией за русское престолонаследство во времена Михаила Феодоровича (1613 – 1645 г.). Послушный голосу архипастыря, а еще более ревнующий о славе православной церкви, преподобный Иов вместе с другими не умедлил явиться в Киев к назначенному времени, и здесь в течении всего собора имел утешение быть свидетелем отречения Мелетеева от унии, как он в соборном печерском храме Успения Пресвятой Богородицы 15 августа в служении с митрополитом топтал своими ногами свою апологию, как вместе с сим было произнесено проклятие на издателя Мелетеевых латино-униатских сочинений архимандрита Кассиана Саковича и т. п.⁵⁸¹

На другой день, 16 августа, от лица собора было издано соборное объявление, в котором все бывшие на соборе заявили, что они «твердо стоят в православной восточной вере, не мыслят об отступлении в унию и под клятвою обещаются не уступать, и к тому же увещевают весь православный народ».⁵⁸² Объявление это предложено было подписать всем присутствовавшим на соборе, – и в том числе после подписи митрополита и других духовных высших сановников как то: луцкого епископа Исаакия, знаменитого Петра Могилы, на ту пору архимандрита киево-печерского и т. п., приложил свою руку и блаженный Иов по своему обычному схимическому имени: «Иоанн Железо игумен почаевский».⁵⁸³

4. Не менее была замечательна и внутренняя жизнь преподобного Иова. «Днем бо, как говорит Досифей, безпрестанными рукоделии упражняшеся, как то насаждением садовых деревьев, умножением различных щеп (т. е. прививков), управлением садов, сыпанием плотин, которые и доселе находятся в Лавре за оградой при лаврских прудах с западной стороны. За тем ночь всю угодник Божий отдавал

одному только Господу. Но особенно преподобный Иов любил уединяться для этой цели в одной каменной пещере на горе почаевской. Это та самая пещера, которая и доселе сохранилась в Почаевской Лавре и находится в так называемой пещерной лаврской церкви во имя преподобного Иова, под большою галлереею, ведущею в соборный храм Успения Пресвятой Богородицы. Если придти в пещерную церковь, в которой покоятся мощи преподобного Иова, под навесом природной скалы, искусно оставленной в своем первоначальном виде при постройке этой церкви, – то пещера преподобного будет вправо к востоку. Для того, чтобы войти в нее, надобно прежде всего несколькими ступенями подняться на скалу, и, наклонившись вперед, идти к отверстию пещеры, которое так невелико, что в него могут входить только люди более или менее тощие. Опускаются в пещеру, обыкновенно вытянув руки вперед, почти головою вниз, потому что камни, висящие над спиною, препятствуют прямому положению. Впрочем при этом вы хватитесь руками за камень, стоящий внутри пещеры с левой стороны в роде колонны, и таким образом опускаетесь в самую пещеру, пролезши между камнями около пяти аршин. Здесь прежде всего ноги останавливаются на небольшой круглой площадке в аршин в диаметре, вверху которой, обратившись лицом к северу, открывается пустое пространство в аршин над головою, с таким же потолком, только более неправильной формы. Затем протягиваете левую руку, опираетесь в помянутую выше колонну, и наклонив голову, потому что пред вами открывается каменный свод в роде балдахина, поднимаете ногу, как бы на ступень, и подвинувшись вперед, таким образом входите в самое большое, северное углубление пещеры. Здесь-то собственно, по преданию, преподобный Иов совершал свои молитвенные подвиги. По форме своей это углубление с левой стороны шире кверху, – а с правой – шире книзу. При осмотре пещеры открывается, что в ней могут стоять не более семи человек и то – кто наклонившись, а кто прислонясь к стене. Нельзя также не заметить, что пещера преподобного Иова имеет вид несколько крестообразный с неправильными углублениями, из коих самое

большое северное; затем следуют по величине южное, и потом восточное; западное углубление то самое, которым входят в пещеру. В пещере нет ни одного удобного места ни для сидения, ни для лежания. Можно разве прислониться к стене полустоя, или же сесть, как обыкновенно сидят на земле. Но для правильного лежания положительно нет места, потому что основание пещеры чрезвычайно извилисто и неровно. Длину пещеры с юга на север можно примерно определить в аршин пять; ширина ее около трех аршин, полагая для этого в северном углублении более двух, а в южном более полутора аршина. Камень пещеры везде одного рода: это крепкий песчанник, из которого вообще состоит вся гора почаетевская.⁵⁸⁴

Со всех сторон обросшая лесом и таким образом закрытая от взоров человеческих пещера преподобного Иова представляла надежнейшее убежище для любителя безмолвия. «И если бы эта каменная пещера имела уста, то она, – как пишет Досифей, – о сем совершенно известила бы нас, как иногда чрез три дня, иногда же чрез целую седмицу один в ней затворенный и питаемый только слезами, изливаемыми от чистаго сердца, он молился о благосостоянии света, во зле лежащаго». – Однажды, когда преподобный Иов молился таким образом, необычайный свет вдруг озарил его пещеру и в течении «более двух часов» отражался из глубины ее на противолежащей церкви. Я же, говорит Досифей, увидев, падши на землю, чрезвычайно напугался, странным таковым видением побежден». ⁵⁸⁵

Между тем от «таковаго плоти измождения», и в особенности от напряженных, долгих стояний начали истекать ноги Преподобного, так что тело кусками отпадало от костей его, – «о чем», – как говорит Досифей, – и до сего дне свидетельствуют честныя мощи нетленные, в раке лежащая». ⁵⁸⁶ Тоже самое, между прочим, и теперь свидетельствуют благочестивые иноки почаетевские, которым суждено было видеть тело преподобного Иова, во время переложения его мощей из одной раки в другую.

5.В обхождении с другими преподобный Иов был «чрезвычайно» братолюбив, смирен, послушлив, кроток,

милосерд и до того молчалив, что, по словам Досифея, от него трудно было что слышать когданибудь, «кроме разве при каждом деле и движении, как реку, молитву сию: Господи Иисусе Христе помилуй мя».⁵⁸⁷ В одно время ночью проходя чрез монастырское гумно, преподобный Иов застал здесь человека, крадущего пшеницу, «и так нашел на него нечаянно, что вор не мог и шагу сделать от меха, пшеницы исполненного». В испуге вор пал к ногам Блаженного, моля его, дабы он никому не говорил об этом; «ибо человек той, – по замечанию Досифея, – знаем был между соседями и потому он весьма опасался, да не испразднится таковым злым делом слава его». Но «старец не злобив сый и благоутробен», не только не укорил вора ни одним словом, но даже сам помог ему поднять украденный мешок, наставив только «смирennemудрыми словами» не делать впредь ничего подобного, – «и приводя ему во ум заповеди Божия и и нелицемерный суд, на котором надобно будет во всем отдать отчет Господу», отпустил его.⁵⁸⁸

6. Нечего и говорить, что при таком поведении и деятельности Преподобного, громкая слава, которая так неотступно сопутствовала ему в Дубне и Угорниках, не могла оставить его и в монастыре почаевском. В особенности многие знатные особы начали теперь избирать его своим духовным отцем, поручая ему таким образом свою совесть и жизнь, среди тогдашних козней, рассеваемых врагами православия. Так в 1646 году основательница православного Загаецкого Иоанна Милостивого монастыря Ирина Ярмолинская, пожелав сделать завещание, которым распределила свое имущество на богоугодные заведения, в том числе и 300 злотых на обитель почаевскую, в числе других свидетелей господ и приятелей своих, просила также скрепить это завещание собственноручною подписью и «духовника своего», преподобного Иова игумена почаевского. Блаженный исполнил желание благочестивой жены, и по своему обычаю подписался «Иоанн Железо игумен почаевский, устно прошений, печатор рукою властною, Т. р. (т. е. manu propria или собственноручно».⁵⁸⁹

7. Этому обстоятельству между прочим Почаевская Лавра обязана тем, что в настоящее время имеет у себя хоть один автограф руки блаженного угодника, к сожалению не сохранившийся кроме этого нигде в делах почаевского архива. Этот памятник сохранялся долгое время в монастыре загаецком. Но в 1846 году, по распоряжению епархиального начальства, завещание Ярмолинской, с подписью преподобного Иова было истребовано из монастыря загаецкого и передано Лавре, в которой сохраняется и по настоящее время, как одна из замечательнейших редкостей.⁵⁹⁰

8. Другие в тоже время искали у преподобного Иова помощи в трудных обстоятельствах жизни. Так во времена войн Хмельницкого (1648 – 1651 г.), когда по словам Горы почаевской «ради нападений неприятельских немного иноков обреталось в обители, и от людей мало кто приходил на гору почаевскую»,⁵⁹¹ преподобный Иов дал у себя убежище известному уже нам пану Ивану Жабокрицкому, который в своем завещании 1648 г. положительно свидетельствует, что «при таком тогдашнем бедствии, которое понесла Речь Посполитая и здешние края, когда он (Жабокрицкий), по причине безурядицы, постигшей Речь Посполитую, не мог иметь при себе не только приятеля, но и собственных деток, разбежавшихся по разным местам, велебный к Богу отец Иоанн Железо игумен почаевский (с братию того же монастыря) его до монастыря своего з ласки своей (т. е. по своей милости) в том несчастливом бедствии принять изволил.... и как его, так и сына его младшего, при нем на тот час находящегося, достаточками своими содержал» и т. д. Вследствие этого между прочим Жабокрицкий и просил потом похоронить себя в обители почаевской, и для сей цели, как мы видели, записал ей двести злотых на поминование, и т. д.⁵⁹²

9. Так между прочим подвизался преподобный Иов до 1649 г. – В этом году ему исполнилось 98 лет. Поэтому, обремененный трудами и летами, он начал заботиться о том, чтобы по его смерти обитель имела достойного руководителя. – И было о чем подумать. Прошло уже более полустолетия (53 года) с того времени, как церковная уния водворилась в пределах юго-западного края России. К этому времени

стараниями иезуитов были истреблены почти все древнейшие православные обители и храмы на Волыни; многие древние православные русские фамилии положительно перешли в латинство.⁵⁹³ Иезуиты с базилианами завладели почти всею волынской областью, и хотя уstraшенные оружием Хмельницкого поляки (24 февраля 1649 года) приняли грозные предложения Богдана об уничтожении унии и неприкословности православия, но эти предложения не были еще утверждены королем и не было надежды на их утверждение.⁵⁹⁴ Таким образом униатам оставалось только сделать еще несколько шагов, чтобы овладеть самою обителью почаяевскою, составлявшей теперь, по значению своей святыни и по благодатным знамениям, в ней совершающимся, можно сказать, единственный оплот для православной церкви в пределах Волыни.⁵⁹⁵ Пока жив был преподобный Иов, он зорко следил за всеми кознями и ухрищениями врагов православия, и к славе его надобно сказать, он умел так влиять на современников, что латиняне при нем не смели даже и заикнуться об его обители.⁵⁹⁶ Но вот теперь он на закате дней свои, как человек, глубоко искушенный в опытах современной жизни, изучавший ее почти в течении целого столетия, преподобный не мог не провидеть прозорливым взором своим, какие грозные тучи должны были разразиться над его обителью по его отшествию. Еще несколько десятилетий, и самая обитель почаяевская сделается достоянием латино-униатской пропаганды.... А тут еще не кончены дела с Фирлеями о захвате монастырских земель; в самом монастыре начали появляться беспорядки от недостатка братии и пр. и пр. – Потому, чтобы хотя на время дать обители умного и надежного деятеля, умеющего отстаивать дела монастырские, преподобный Иов, подобно преподобному Феодосию печерскому, пожелал сам избрать себе достойного преемника, и указал такового в лице иеремонаха Самуила Добрянского.⁵⁹⁷

Благопокорная братия с любовью приняла предложение преподобного и для большей верности скрепила назначение Добрянского особым формальным актом за подписью всех принимавших участие в исполнении желания Блаженного.⁵⁹⁸

«Мы особы, ниже подписанные, – так значится в этом акте, – соглашаясь с волею Божиею и старшего нашего велебного в Боге отца Иоанна Железа, игумена почаевского, который, обращая внимание на слабость лет своих, и желая дабы это святое место и братья не ослабели в житии побожном и порядке о достатках монастырских, яко добрый пастырь и отец наш, умысливши провести остаток дней своих без всякой власти и тягости, указал нам за игумена и старшего, велебного в Боге отца Самуила Добрянского, и ему чрез свой особый лист уступил свое право игуменское,⁵⁹⁹ которого (т. е. Добрянского) и мы все, сколько нас в монастыре находится, мило и любовно и согласно принимаем за игумена и старшего нашего, и пока Господь Бог продолжит жизнь нашу, обещаем (оставаться) под его послушанием и властью без всякого противоречия и внесения каких-либо вымыслов, и поступающие на места наши (также поступать) имеют. А отец Добрянский должен так поступать с братиею, как того требуют обычаи и постановления монастырские, для каковой цели, ради большой веры и несомненности, и дали мы этот наш лист за подписью рук наших, кто из нас писать умеет, поручивши его до отдания брату нашему Арсению Ортотовскому, который за нас это писать будет.⁶⁰⁰ – Деялось в монастыре почаевском року 1649, месяца марта 13 дня».

Подлинный акт подписали: иеромонах Дорофей Третьяковский (впоследствии второй игумен почаевский по преподобном Иове); – иеромонах Манасия; – иеромонах Ларион Казицкий; – иеромонах Манюель Водинский; – иеродиакон Исаия Ивановский; – иеродиакон Иосиф Новацкий; – иеродиакон Серафим Пахомович; – монах Арсений Ортотовский; – монах Варлам Шаравский; – а за всех неграмотных, именем, и за просьбою братьев, которые писать не умеют, Стефан Онецкий». ⁶⁰¹

Впрочем, как видно из актов лаврских, преподобный Иов и после этого не переставал собственно именоваться игуменом почаевским, и надобно думать, управлять обителью, особенно в важных обстоятельствах, до самой своей кончины. Так в деле о внесении завещания помянутого Жабокрицкого в городские

кременецкие акты, месяца марта 18 дня 1650 г. преподобный Иов прямо именуется «игуменом почаевским», не смотря на то, что до этого времени, со времени избрания Добрянского, прошел целый год.⁶⁰²

10. 21 октября 1651 года, спустя четыре месяца после поражения Хмельницкого под Берестечком (30 июня 1651 года), преподобный Иов имел откровение свыше, что чрез семь дней он должен скончаться. «И таким образом, по словам Досифея, день и «час отшествия своего еще пред седмицею на время изрече», – «еже и сбытся», по замечанию того же писателя.⁶⁰³

28 октября 1651 года преподобный Иов сам служил Божественную литургию, и по окончании ее, воздав последнее целование сетующей братии «в тот же самый час, который предсказал», без всякой болезни, «мирно перешел от привременной сей жизни к вечному блаженству, в царство великого короля Иоанна Казимира третьего» (1648 – 1668).⁶⁰⁴

Братия со слезами опрытали «изсохшее от поста и трудов» тело отца и наставника своего, и отпевши его по чину святых православных церкви, благочестно предали оное земле «по обычаю», на шестом году царствования государя всея России Алексея Михайловича (1645 – 1676), при луцком епископе Дионисии Балабане (1650 – 1657), киевском митрополите Сильвестре Коссове (1647 – 1657) и всероссийском патриархе Иосифе (1633 – 1652).⁶⁰⁵

Глава четвертая.

1. Открытие мощей преподобного Иова. 2. Знамения последовавшие после этого. 3. Явление преподобного Иова во время войны збаражской. 4. Преподобный Иов наказывает за неуважение к мощам своим. 5. Судьба мощей преподобного Иова во время завладения почаевской обителью базилианами. 6. Уважение униатов к преподобному Иову. 7. Намерение базилиан почаевских канонизировать его. 8. Судьба этого предприятия.

1. Семь лет лежало тело преподобного Иова в земле по его погребении. В это время над могилой его весьма часто являлся необыкновенный свет, приводивший многих в недоумение. Наконец на осьмом году (1659) «во едину от ночей» сам блаженный Иов явился «в сонном видении» тогдашнему киевскому митрополиту Дионисию Балабану (1657 – 1663), извещая его следующими словами: «известую твоему преосвященству, яко тобою хочет Бог открыть кости моя».

Через несколько времени видение повторилось. Но митрополит, «как мудрый и искусный богослов», хотя и узнал старца, потому что, по словам Досифея, еще когда жил преподобный Иов, «он знал хорошо образ лица и богоугодное житие его»,⁶⁰⁶ – но на первых порах не обратил на это серьезного внимания, «приписывая это сонному, обыкновенному мечтанию, а не преестественному Божию промыслу». – Тогда преподобный Иов явился Дионисию в третий раз, «недавая покоя митрополиту и уже отомщением грозя ему, если не исполнит поведенного». Митрополит пробудился в трепете, и оттоле уразумел, что это «было от Божия произволения». Вследствие этого Дионисий ни мало немедля «на утрие» взял с собою находившегося на ту пору в Киеве овручского архимандрита Феофана Креховецкого бывшего наместника Софийского, и «со всем клиром своим» отправился в обитель почаевскую.

Здесь на месте Дионисий произвел дознание о жизни преподобного, – «и изведав благие дела его, Богу угодныя»,

немедленно велел открыть гроб Иова, в котором были найдены святые мощи его, «без всякого истления, как бы того же часа погребенный, и исполненный недоразуменного благоухания». Митрополит взял нетленные остатки преподобного и «при многонародном людей собрании с подобающею честью перенес оные в великую церковь живоначальныя Троицы», – и здесь по древнему обычаю поставил в притворе церковном «року Господня 1659 месяца августа 28 дня».⁶⁰⁷

3.Тогда, по свидетельству Досифея, «многое множество народа одержимы различными недугами цельбу прияли; – ибо, как будучи в теле, преподобный Иов, по словам того же писателя, был исполнен великой добродетели, так и по смерти своей с верою притекающим к нему не преставал благодетельствовать». – Но особенно замечательное чудо совершилось в том же 1659 году, в лице самого Досифея, на ту пору уже игумена почаетевского.⁶⁰⁸ Чрез несколько дней по открытии мощей преподобного Иова, Досифей заболел «огнем презеленым», или, как говорится в книге чудес, «вследствие тяжелых накожных нарывов», так что наконец «никому от врачей даже и на ум не приходила надежда на его выздоровление».⁶⁰⁹ В это время – в праздник Воздвижения, прибыла в Почаев «ради всенощного пения и воздаяния иных молитв Господеви», благотворительница обители пани Домашевская, и с прислугою своею проводила «нощной покой» в определенной для нее келии. Вдруг в полночь она слышит поразительное пение из храма; – в тоже время необыкновенный свет сиял в окнах его. Домашевская подумала, что иноки совершают всенощное бдение; потому послала служанку свою, именем Анну, к дверям церковным, чтобы она узнала и возвестила ей, что это такое? Посланная действительно нашла церковные двери отворенными, и когда вошла в храм («ангельскою бо рукою были отверзты двери», как замечает Досифей), увидела тот же необычайный свет, – и среди его преподобного Иова, совершающего молитву посреде двух «прекрасных юношей, имеющих на себе светлое одеяние». В страхе Анна остановилась и стояла неподвижно. Тогда преподобный обратился к ней «с светолепными юношами» и сказал: «не

бойся, девица, но пойд и позови ко мне игумена обители». – «Он лежит на смертном одре», отвечала Анна. – Тогда преподобный взял и подал ей шелковый плат, омоченный в миро, и велел отнести его к больному. Анна пошла и от имени новоявленного угодника начала звать Досифея в храм у дверей келии. Больной сначала принял это за мечту; но Анна не переставала «стужать старцу, толкуще в двери» и говоря ему: «если святыня твоя считает меня за привидение, то пошли хоть служителя твоего, чтобы он принял от меня свиток сей врачевания, данный тебе от Блаженного». Вооружившись крестным знаменем, Досифей впустил к себе девицу, взял от нее плат, и помазав «от напоенного мура» свое тело вдруг сделался совершенно целым и здоровым, – так что встал с постели и пошел в храм. – Но там небесное видение уже прекратилось и еkkлесиарх отпирал двери церковные для всенощного пения. Изумленный Досифей сказал ему: – «что это такое, отче брате, божественною силою совершается в святыни сей?» Еkkлесиарх с своей стороны испугался еще более и отвечал с ужасом: – «что, отче всечестнейший? Я ради великой болезни твоей не пошел к тебе и за благословлением; ибо вчера мы оставили тебя едва живым на ложе, а се ты всецел спешишь на утреннее пение». – Спешу, отвечал Досифей, исполняя веление блаженного Отца нашего Иова; он бо с ангелами в полнощи, когда мы все спали, помолился о моем спасении Пресвятой Деве Богородице, и ангельскою рукою вратом отверзтым, вошла служанка госпожи нашей фундаторки, которой блаженный Отец наш Иов вручил свиток, миром исполненный и, сим исцеливши меня, немедленно повелел мне идти в церковь, как ты видишь теперь меня без всякой болезни». – И лишь только еkkлесиарх отпер двери церковные, Досифей тотчас припал к земле пред ракою блаженного Иова и воздав Богу благодарение за таковыя чудеса, совершаемые Преподобным, немедленно приступил к служению всенощного бдения, к общему удивлению всех, знавших о его болезни.⁶¹⁰

Спустя немного после этого – «року 1661, месяца ноября 19 дня, нред урядом и актами гродскими кременецкими, и пред Стефаном Водорацким, наместником бурграфства кременецкого

и правителем кременецкой гродской канцелярии, явившись лично урожденный его милость пан Иоанн Лобос просил записать в книги следующее: что он пан Лобос, будучи посещен от Господа с немалого времени тяжкою болезнью, и потом по обету пробыв на богослужении в монастыре почаевском, здесь при чудотворной иконе и стопе пресвятой Девы Богородицы и при релитах (т. е. мощах) блаженного отца Иова, бывшего пред тем игумена почаевского, и цело, т. е. в неиспорченном виде от многих лет доселе здесь остающегося, за молитвами их святыми удостоился значительной Божией милости и доброго здоровья. За каковое благодеяние Божия принося посильную жертву и благодарение величию Господа, и прославляя пресвятую Деву и этого блаженного (т. е. преподобного Иова) ... он Лобос записывает далее почаевскому монастырю сумму свою 760 злотых, прося молитв и поручая себя вниманию Почаевской братии и т. д.⁶¹¹

В тоже время исцелилась над ракою преподобного Иова «жена некая сановитая», именем Анна, от тяжкого недуга – беснования. По сказанию, печатаемому при житии преподобного Иова, она обошла много мест, славных чудесами, но нигде не получила исцеления, и только когда родственники ее привезли ее в обитель почаевскую, и повергли пред мощами Блаженного, «внезапно бес потряс ею возрычав аки лев», оставил ее здоровою молитвами Блаженного.⁶¹²

3. После сего летом 1675 года, во время так называемой войны Збаражской с турками, в царствование польского короля Яна Собесского (1674 – 1696), полчища татар, предводительствуемые ханом Нурредином, оставив збаражской лагере под начальством визиря Итара-Мустафы, чрез Вишневец подступили к обители почаевской и обложив ее с трех сторон, осаждали в течении трех суток, грозя совершенным разорением.⁶¹³ Уже татары сожгли окрестные строения и убили одного священника и одного иеродиакона из монастырской братии. Наконец в ночь на 23 июля «они составили совет, поднявши многочисленную силу, единодушно взять монастырь и умертвить всех христиан в нем находящихся.⁶¹⁴ К довершению несчастья, слабая монастырская ограда не

представляла никакой защиты для осажденных, потому что в то время в Почаеве «келии были деревянные и монастырь имел только несколько каменных построек, будучи огражден только с некоторых сторон дубовою палисадою». В этих обстоятельствах игумен обители Иосиф Добромирский убедил братию и прочих христиан, заключенных в стенах монастыря, оставить всякую надежду на земную помощь и обратиться к единственной заступнице Божией Матери и блаженному угоднику пр. Иову. «В такой беде будучи, иноки и миряне непрестанно молились к Богу, теплые слезы от очей проливая и припадая к образу пресвятыя Богородицы и к раке блаженнаго Иова».⁶¹⁵ Между тем в среду 23 июля, с восходом солнца, татары держали последний совет, как бы удобнее овладеть монастырем. В ужасе игумен велел петь акафист Божией Матери... И лишь только начали петь кондак первый: «Взбранной Воеводе», как над великою церковью внезапно явилась сама пресвятая Богородица с небесными ангелами, имеющими обнаженные мечи, «омофор белоблестящийся распуская»,⁶¹⁶ и тут же близ нее преподобный Иов, прилежно молящийся Богородице, кланяясь пречистой Деве, да не предаст в неволю татарам монастыря, где он был игуменом».⁶¹⁷ Татары сначала приняли это за привидение, и пустили стрелы в пресвятую Богородицу и блаженнаго Иова; но стрелы начали возвращаться назад и ранить тех, которые пускали их. Тогда в ужасе неприятели пришли в необычайное замешательство; «инии думая, что это небесные воины гнали в след их и хотели убивать их, устремлялись друг на друга и убивали один другого; другие были попораны лошадьми; и таким образом изволением Божиим, оставляя свое оружие, побежали от горы почаевской». – Между тем освобожденные таким необычайным образом православные погнались за татарами, и в числе добычи захватили множество пленных, из коих, по словам «Горы Почаевской», некоторые приняв христианскую веру, долгое время оставались потом на послушании монастырском до своей кончины».⁶¹⁸

4. В 1711 году пришел в Почаев некто пан Каминский, чесник брацлавский, бургграф кременецкий, с двумя своими братьями из Брацлава, и просил игумена Иосифа Добрянского

дозволить им в храме помолиться. Брат его Владислав, увидя нетленные мощи преподобного Иова, усумнился в их святости и втайне укорил иноков за то, что будто они ради корысти «одного из старцев усушили себе, дабы прельщать людей и собирать сокровище». Затем, выслушав «службу Божию», братья пошли в дом свой, «до веси называемой Залесцы». В ту же ночь Каминский внезапно был пробужден необыкновенным криком Владислава: «отселе уже не буду». В недоумении, чесник Брацлавский разбудил брата и спросил его, по какой это причине он так кричит и устрашается? – «Или ты не видишь, отвечал Владиславу, страшного сего старца, се палицею грозящего мне, чтобы я не смел хульно говорить о святых Божиих? Спасите меня из рук блаженного Иова Железа». На другой день братья все трое снова прибыли в обитель Почаевскую и здесь усердно помолившись над ракою Преподобного о прощении грехов своих, клятвенно засвидетельствовали сие событие пред лицом игумена. Спустя двадцать лет после этого тот же бургграф посетил опять Лавру и спрашивал еkkлесиарха, записано ли в книге жития Преподобного чудо, бывшее с братом его; «себо яко истина есть, прибавил он, жив аз свидетель сему есмь».⁶¹⁹

5. Таким образом в течении более полустолетия по открытии мощей своих, преподобный Иов не преставал являть благодатную силу во свидетельство своей святости, на пользу православия. В это время, в 1711 году, Император Петр I-й, отправляясь в Прутский поход по пути из Луцка посетил, по преданию, монастырь Почаевский вместе с известным постриженником сего монастыря Феофаном Прокоповичем, в последствие архиепископом Новгородским. Здесь Великий Император поклонялся с благоговением всей святыне Почаевской, в том числе и мощам святого угодника, и в знак этого даровал тогдашнему игумену горы Почаевской Луке Пелеховскому «две грамоты жалованные, яко он Пелеховский со всею братиею, когда армия Российская за Прут ишла, со крестом и иконами, по должности своей, Государя встречал».⁶²⁰

Затем не прошло и года, как Лавра Почаевская перешла в руки униатов, а с тем вместе досталось в их ведение и вся

почаевская православная святыня с цельбоносною стопою и чудотворною иконою Божией Матери и мощами преподобного Иова (1720 г.)⁶²¹ Базилиане почаевские без труда распорядились святою иконою, потому что тогда вообще было в обычай у католиков и униатов завладевать благодатными православными иконами и обращать их в мнимо-законные святыни своей церкви. Но что делать с мощами преподобного Иова? Униаты не уведомляли тем более, что к этому времени замойским униатским собором 1720 года ограничено было для униатской церкви почитание святых угодников древне-православной русской церкви повелением под анафемой чествовать из них только святого равноапостольного князя Владимира, блаженную Ольгу, Бориса и Глеба и преподобных Антония и Феодосия печерских. Между тем блаженный Иов скончался «в схизме», поборником православия. Вследствие этого, как только базилиане овладели монастырем почаевским, они тотчас закрыли мощи преподобного Иова и оставили их за решеткою, прекратив на первых порах даже всякое сообщение с ними, не чтить его памяти, не возжигали свечей пред мощами и т. п.

Но угодник Божий, так ревностно подвизавшийся против унии во время своей земной жизни, не оставил являть свою славу врагам православия и по своей кончине. В этом отношении особенно драгоценный памятник представляет для нас известная уже нам «Книга чудес Божией Матери и стопки (Хіега Сидов)», в которой вместе с житием преподобного Иова и чудесами, нами уже описанными, как мы сказали (см. предисловие), записан и ряд чудес, совершенных преподобным Иовом в самый разгар униатского преобладания в Почаевской Лавре с 1737 – 1768 год. Так по описанию этой книги «року 1737, дня 22, по календарю римскому, по нашему же 11 Ианнуария», при супериоре Лавры Гедоне Козубском (1730 – 1736), пришла в монастырь некая пани Понтовская с малолетними сыновьями и дочерью и просила «дабы могла выслушать службы Божия». В это время старший сын ее, десятилетний мальчик, спросил и еkkлeсиарха: «где почивает Иов Железо, о котором говорят, что он не святой?» Не зная, что ответить на это, еkkлeсиарх

обратился к отроку с вопросом: «кто же это говорил тебе, что он не святой?» – Отрок указал на слуг, пришедших с его матерью, – и затем еще усерднее начал просить показать ему мощи Блаженного. Вслед за ним пошла его мать и бывшие с нею. Все только посмотрели на раку преподобного и, не воздав никакой чести мощам святого, «собирались выйти из пещеры». Но лишь только они вышли внутрь пещерной церкви, как вдруг дитище, «зле глаголавшее о блаженном», оцепенело, «руки крестообразно простирающе». Вместе с сим у него отнялся язык и все тело стало твердо, «как деревянное». В ужасе мать и слуги схватили пораженное дитя и вынесли его из церкви. Затем испросив воды из цельбоносной стопы, и окропивши ею тело дитяти и вливши немного оной в уста несчастного, на силу только «мало нечто» привели его в чувство, и таким образом «в дом свой еле живое взяли».⁶²²

Спустя десять лет после этого 1748 года, октября 2 дня, при супериоре Лавры Варлааме Какойловиче (1743 – 1752), пришла в Почаев другая пани Агнесса из Борецких Пражмовская, с мужем своим Валентином Пражмовским, и по исповеди и святых таин причастии заявила под присягой, «что ей три раза являлся во сне велебный отец Иов Железо, однажды в белой одежде с пораненною головою, а в другие два раза в облачении черном, и напоминал, чтобы она навестила его в Почаеве, где он почивает телом своим, и донесла местному настоятелю, что он (т. е. преподобный Иов) велебный слуга Божий достоин большей чести, и чтобы тело его было чтимо хоть каким нибудь освещением». Вместе с сим Пражмовская признала и утвердила подписью своей руки и засвидетельствованием мужа, что пред первым видением «велебнаго мужа Божия» она часто болела головою и горячкою; когда же дала обет навесити «мужа Божия», то сейчас выздоровела и от горячки и от лихорадки. Впоследствии она медлила исполнить обет; но снова к этому была побуждаема двукратным явлением Блаженного.... пока наконец не исполнила его воли.⁶²³

После этого в 1753 году, во время управления Лавры генералом базилианского ордена протоархимандритом Ипатием Белинским, исцелился благодатью преподобного Иова мечник из

города Дубна, или оружейный мастер Януш Лигурри. Работая однажды над саблей, Лигурри так ударил себя железом в колено, что от полученной раны врачи осудили его на смерть. Прележав в постели 30 недель, дубенский мечник наконец в один день обратился за помощью к Божией Матери Почаевской и к Преподобному Иову, взывая: «Блаженный отче Иове Железо, помилуй меня». В следующую ночь явился ему преподобный Иов, и то не во сне, а на яву, говоря: «Не беспокойся, будешь здоров; только более не обращай к медикам; я сам пошлю тебе человека, который вылечит тебя». В ту же самую ночь Преподобный явился и жене больного, обещая ей исцеление мужа, «лишь бы только он пошел в Почаев и целовал тело его». На другой день с восходом солнца действительно пришел в дом Лигурри некий странник из Рима, он наварил в горшке липового цвету и дал выпить больному две чаши. После этого Лигурри заснул крепким сном, и в таком положении проспал целые сутки; за тем встал от сна совершенно целым и невредимым, как ни в чем не бывало. «Было сие, как говорит запись, 1753 года декабря 1 дня», а записано в книге чудес того же года августа 29.⁶²⁴

В той же записи, на странице 17 – 19, полагается на польском языке замечательная «Encomium, или песнь святому Иову Железу», – «составленная, как говорит книга чудес, одним больным при возвращении к здоровью за молитвой к преподобному Иову, 1736 года октября 10 дня, и положенная в раке на память при теле его». В этой песни, в конце под заглавием: «автор этих стихов о себе», составитель ее рассказывает следующее: «что он грешный, будучи свален болезнью, в Боге, Марии и святом (т. е. Иове) искал защиты, и в благодать Святого отдавался. И сейчас в сем пункте, как говорит сам автор, крепче становлюсь, встаю с кровати и большие силы получаю. Болезни, которые меня мучили, значительно устали; и ставши здоровее, я прежде всего Богу честь и хвалу отдаю, за сим пресвятой Его Матери Почаевской, от Которой настоящее получаю здоровье, по молитвам отца Железа святого. Пусть на целый свет славится имя его,

заключает неведомый автор.... Устно расскажу в Почаеве, что отец святой испросил мне здорье». ⁶²⁵

6. Опускаем затем некоторые другие частности, записанные в «книге чудес», не так выдающиеся. Во всяком случа и приведенного нами достаточно для того, чтобы видеть, как блаженный Иов хранил и являл свою славу среди самого фанатического увлечения униатов, и вопреки всем усилиям латинства давал чувствовать верным свое заступление. Следствием сего было то, что хотя униаты и закрыли решеткой и стеклом мощи Преподобного, ⁶²⁶ однако при всем этом всегда питали к нему самое искреннее уважение. Так положительно известно, что они признавали его нетление, как об этом читаем напр. в «Горе Почаевской»: «его же тело и доселе в пещере, в монастыре здешнем сущего, нетленно почивает». ⁶²⁷ Тоже самое писали базилиане почаевские и в « Преславной горе Почаевской»: «его имя в иночестве было Иов; а по приятии великого ангельского образа, или схимы, он был назван Иоанном. Тело его, с 1661 года не подлежащее ни малейшему разрушению, почивает здесь целое, в низкой, самородной, при каменных пещерах церкви». ⁶²⁸ Есть также известие, что униаты имели у себя и почитали икону преподобного Иова. Так в «Книге чудес» на стр. 19 записан интересный «epigraphe chronicon» (т. е. хронографический эпиграф) к иконе преподобного отца Иова Железа, составленный его почитателем, живущим в почаевском монастыре, 1755 года июня 25 дня. Этот эпиграф гласит следующее:

Зряй любопытне на сию икону

Да веси, чию являет персону?

Иов он се есть, Железо реченный;

Житием свят муж, по смерти блаженный. ⁶²⁹

Мало того, как гласит древнее почаевское предание, базилиане почаевские с течением времени стали явно допускать к мощам Преподобного поклонников, и даже тайком служили пред его мощами молебны, ставили и возжигали свечи и т. п. Так, в Книге чудес, под 15-м августа 1744 г., прямо значится, что некая Татианна Сидориха из Чудова (ныне местечко Житомирского уезда на Волыни), будучи больна

«смертельною хоробою», видела однажды во сне пр. Иова, в образе старца в одежде монашеской, который сказал ей, что она выздоровеет, лишь бы только дала обет пойти в монастырь Почаевский и там пред мощами его «купила кадила и дала на молебствие»... «Еже и сбытся», по замечанию той же книги, т. е. значит, не только Сидориха выздоровела, но по ее просьбе базилиане также служили и молебен пред мощами пр. Иова, кадили пред ними фимианом, как пред законною, достопочтенною святынею и т. п.⁶³⁰

Подобно сему, 24 мая 1779 года, некто Григорий Волянский, по происхождению из королевства Венгерского, дал показание в Почаевской Лавре, что будучи в течении трех лет болен ревматизмом («на ламание костей») и страшной опухолью в ногах, – когда в 1778 году, потерявши всякую надежду па человеческую помощь, – обратился с сердечною молитвою о спасении к Божией Матери, то увидел однажды в октябре месяце во сне, будто он находился в дороге и от нестерпимой болезни страшно плакал... В это время явился ему монах, «небольшого росту и с бородою седою и щуплою» (каковым изображается пр. Иов), который обратился к нему с следующими словами: – «чего плачешь, сынку?» – и затем расспросивши его о болезни, велел идти ему в Почаев, и «сам взявши его и введши помежду стен, водил его то к Киоту Матери Божией чудотворной, то в пещеру, где лежали мощи блаженного Железа, то к стопе Божией Матери и т. д.⁶³¹ Пробудившись после этого Волянский вдруг оказался совершенно здоровым, – и за тем, как гласит «Книга чудес», отправившись в Почаев, «видел наяву тоже самое, что и представлялось ему во сне», т. е. также поклонялся мощам пр. Иова, и молился пред ними, по обычаю, как и пред всякими другими святыми и нетленными мощами.⁶³²

Наконец, в Преславной Горе Почаевской описано замечательное исцеление австрийского графа Ромуальда Иосифа Яворского, шамбеляна Его Императорского и Королевского Апостольского Величества, который явившись 7-го июля 1800 году в Лавру Почаевскую для принесения Господу Богу благодарности за свое спасение от необычайного

воспаления желудка и последовавшей за тем смертельной горячки, тоже «с благочестивым любопытством посещал все свящ. места на горе Почаевской», и в том числе, по сказанию той же Преславной Горы, «ходил по длинной лестнице в пещеру или в подземную церковь, где и доселе почивает нетленное тело велебного слуги Божия Иова Железа» и т. д.⁶³³

7. Но особенно высокое уважение у базилиан почаевских началось к Преподобному в последней половине XVIII века, во времена известного фундатора Почаевской Лавры, графа Николая Потоцкого, старосты Каневского. В этом отношении особенно замечательна попытка базилиан почаевских канонизовать преподобного Иова от папы, чтобы такими образом сделать его угодником не только православной, но и латино-униатской церкви. Для сей цели набожный фундатор Каневский пожертвовал даже было особую сумму, обыкновенно требуемую в Риме в подобных обстоятельствах. В 1767 году дело это было передано на суд папы Климента XIV, вместе с вопросом о коронации чудотворной иконы Почаевской Божией Матери. Второго ноября 1767 года Потоцкий писал в Рим к другу своему, генералу базилианского ордена, протоархимандриту Ипатию Белинскому, управлявшему тогда Почаевской Лаврой и взявшему на себя дело о коронации Божией Матери и канонизации преподобного Иова: «какое сделано распоряжение с пожертвованными от него суммами, и вместе с сим просил, чтобы часть из этих сумм была отделена на коронацию чудотворной иконы Почаевской Божией Матери, и в тоже время испрошена была канонизация преподобного Иова Почаевского». Совместно с этим в пятом пункте того же писема Потоцкий собственноручно спрашивает Белинского: «дело о коронации Божией Матери, равно как и канонизации святого Иова Железа началось ли и в каком положении находится?» В ответ на это Белинский отвечал: По делу о коронации Божией Матери мы писали в Рим несколько раз и, отчасти обделанный, этот интерес пришел бы к скорой развязке, если бы этому не препятствовали современные обстоятельства в ойчизне... Что касается до дела о канонизации Преподобного (*venerabilis*) Железо, то оно несравненно труднее, по той причине, что

теперь не так скоро приступают к канонизации Исповедника – не мученика (*confessoris non Martyris*); требуют больших и больших чудес, – да и те, дознанные местным ординарием – епископом, в Риме перецеживают и перетрушивают по несколько раз, собирая для дознания их *rotam cardinalicium* (т. е. собрать кардиналов); почему, заключает Белинский, дай Господи, чтобы это дело довести до конца чрез лет несколько».⁶³⁴

8. И мы имеем несомненные доказательства, что базилиане почаяевские долгое время с нетерпением ожидали этого конца, в полном убеждении в его благополучном исходе. С этой целью они заботились о составлении и напечатании песнопений в честь преподобного Иова,⁶³⁵ и в последней половине XVIII века (около 1770 – 1773 г.) заготовили было даже особую доску для печатания иконы преподобного Иова, а, быть может, печатали и самую эту икону для распространения между желающими.⁶³⁶ Но проходили годы; умер главный ходатай по этому делу Белинский (1771 года); папа Климент XIV разрешил (буллой 23 апреля 1773 г.) коронацию чудотворной иконы Почаевской Богоматери; затем 8 сентября 1773 года была совершена сама эта коронация;⁶³⁷ а о канонизации преподобного Иова не было и помину. – По преданию, сохранившемся в Почаевской Лавре, папа узнал о деятельности Блаженного против унии и латинства и отложил дело в сторону. А тем временем подоспело для Почаевской Лавры новое, предопределенное Промыслом время возвращения ее на лоно православия, а с тем вместе настал новый период и для мощей преподобного Иова, период нового православия его в недрах православной церкви, единственно способной оценить его блаженные подвиги и незабвенные услуги на пользу православия.⁶³⁸

Глава пятая.

1. Переход Почаевской Лавры в православие. 2. Донесение волынского епископа Амвросия Св. Синоду о мощах пр. Иова, знамения, последовавшие в это время от мощей преподобного. 3. Восстановление праздника 28 августа в честь преподобного Иова. 4. Новое торжественное открытие мощей его. 5. Серебряная рака для мощей преподобного Иова. 6. Высочайшее посящение Лавры Государем Императором Николаем Павловичем. Устроение пещерного храма во имя преподобного Иова. 8. Распоряжение о праздновании памяти преподобного Иова в Волынской семинарии. 9. Новое Высочайшее посещение Лавры Государем Императором Александром Николаевичем. 10. Другие знамения, последовавшие от мощей преподобного Иова. 11. Предложение Высокопреосвященнейшего Арсения об открытии Дубенской обители и крестного хода с чудотворною иконою Почаевской Божией Матери на Дубенский остров. 12. Устроение нового храма во имя преподобного Иова. 13. Новое знамение. 14. Служба в честь пр. Иова с акафистом ему. 16. Заключение.

1. Более ста лет владели униаты обителью Почаевскою (1720 – 1831 г.). В это время стараниями Потоцкого (1771 – 1782 г.) была построена на горе Почаевской нынешняя великолепная лаврская соборная церковь Успения Пресвятой Богородицы, сооружен братский корпус со всеми принадлежностями, монастырские здания обнесены каменною стеною и т. п. Совместно с этим в 1774 году устроена, или точнее, переделана (*noviter exstructa*) в Лавре на самой окраине Почаевской горы, по южную сторону, теперешняя пещерная церковь с искусно оставленною в оной пещерою Преподобного Иова. С дозволения тогдашнего униатского луцкого Епископа Феодосия Рудпицкого церковь эта была освящена в 1786 году местными супериором Лавры Иеронимом Братковским, одновременно с большой Успенской церковью, и вследствие особенного памятного обстоятельства в Лавре посвящена во имя св. Великомученицы Варвары.⁶³⁹ Тогда же, по всей вероятности,

перенесены сюда и нетленные останки преподобного Иова, и поставлены под навесом природной пещерной скалы, где и поныне почивают.

В таком положении, между прочим, находились дела, когда в октябре 1831 года, по Высочайшему повелению Императора Николая Павловича, базилиане были удалены из Почаева, и обитель почаевская снова возвращена в ведение православной церкви, как искони законная святыня и несомненное ее достояние.⁶⁴⁰

Вместе с этим, снова возвращены были православной церкви и нетленные мощи преподобного Иова. В том же 1831 году, по описи составленной православными приемщиками Лавры, в числе которых участвовал, между прочим, и известный кременецкий протоиерей Григорий Рафальский (в последствии Высокопреосвященный Антоний, Митрополит С.-Петербургский и Новгородский), под заглавием: «церкви», в № 2-м значится: «церковь пещерная алтарем на восток во имя св. Великомученицы Варвары, занимающая пространство под галерею в длину на 87, а в ширину на 10 локтей, – с резным, местами позолоченным иконостасом, и с большим на север отверстием, ведущим в пространную пещеру в скале, где в гробнице за стеклом почивают мощи преподобного Иова, игумена почаевского».

2. В тоже время, обер-прокурор Св. Синода, князь Мещерский, особой бумагой просил Преосвященного Епископа Волынского Амвросия, в ведение которого поступила теперь Лавра Почаевская, «войти в соображение, по местным обстоятельствам, о гробнице иеромонаха, известного под наименованием Железо, и представить об этом свое суждение Св. Синоду на рассмотрение и утверждение».⁶⁴¹ Во исполнение этого предписания Преосвященный Амвросий рапортом от 15 февраля за № 57 между прочим изъяснил Св. Синоду, что «в пещерной церкви почивают мощи Иова, православного игумена почаевского, совершенно целые.... и т. д.» Между тем и сам св. угодник Божий не преминул порадеть о своей памяти, и с поступлением Лавры в ведение православных снова начал являть свою благодатную силу особыми знамениями,

свидетельствующими о его небесном прославлении. Так «1833 года, мая 25 дня, пришла в Почаев Оренбургской губернии, Мензелинского уезда села Макаровского крестьянская девица Матрона Шлегова 28 лет от роду. По ее показанию протекло три года, как начала она страдать болью в голове и во внутренностях. С того времени родилось в ней отвращение к святыне, и сколько раз бывала она в церкви, всегда чувствовала при чтении Апостола и Святого Евангелия, также при пении херувимской песни и совершавшемся каждении, сперва охлаждение, а потом внезапный необыкновенный жар в теле; за тем следовало слячение онаго и наконец трясение членов, часто сопровождавшееся страшным воплем. В 1832 г. Матрона ходила молиться Богу в Воронеж, потом в Киев. В сем городе она имела сновидение, в коем видела старца украшенного сединами и близ его некую женщину в белой одежде; оба побуждали ее придти к Божией Матери, говоря: ты там поживешь у игумена; там будут тебя поить и обливаться водою от Божией Матери и там ты исцелеешь. Сии слова три раза были сказаны Матроне, и она твердо сохранила их в памяти. После сего, следуя слуху, что больные сподобляются исцеления от чудотворной иконы Богоматери в Почаеве, пошла Матрона в сию Лавру, где также при слушании Божественных чтений и пении открывались в ней прежние мучительные припадки, воспрепятствовавшие ей приступать к причащению св. таин, к которому она приготовилась. Между тем в первые три дня июня в пещерной церкви при мощах преподобного Иова несколько раз совершаемо было над больною освящение воды, чтение молитв, молебное пение преподобному Иову и Великомученице Варваре, каждение ладаном и возлияние святой воды. После сильных страданий с воплями и с противоборством державшим ее наконец она погрузилась в сон и проснувшись почувствовала во всем теле облегчение и ощутила радость. Во время вечерни 3 июня Матрона пришла из пещерной в большую церковь, и здесь то, как говорит, заметила в себе ту перемену, что могла уже спокойно и с благоговением молиться Богу, взирать на чудотворную икону Богоматери, слушать церковные пения, молитвословия и акафисты. На

другой день в воскресенье при архиерейском служении она приобщилась св. таин, что произвело в ней неизглаголанную радость и душевное спокойствие. С того времени чувствуя себя здоровою умом и телом, в глубине души своей она признала, что совершенным исцелением обязана милости и благодати, проистекшей от чудотворной иконы почаевской Богоматери, равно и от мощей преподобного Иова, почивающих в пещерной церкви. Истина сего чудесного исцеления засвидетельствована показаниями разных лиц, взятыми от них под присягою в присутствии лаврского духовного собора, при военном чиновнике и заседателе земского суда». ⁶⁴²

3. Это чудесное знамение последовало в Почаевской Лавре совместно с несколькими чудесами, совершившимися от чудотворной иконы Почаевской Божией Матери, ⁶⁴³ – и, как особое явление силы Божией, духовным собором Почаевской Лавры доложено было Святейшему Синоду. Св. Синод в свою очередь не умедлил довести об этом до Высочайшего сведения, на усмотрение самого Государя Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, вследствие чего, между прочим, Лавра Почаевская, подобно другим благодатным местам Русской православной церкви, получила разрешение завести у себя особую книгу для записывания «подобных знамений». ⁶⁴⁴ В то же время, преосвященному Иннокентию архиепископу Волынскому, приемнику пр. Амвросия, дано было «разрешение высшаго начальства» установить на Волыни особый праздник в честь преподобного Иова. Для сей цели волынским епархиальным начальством было избрано 28 число августа, как день древней памяти преподобного Иова, особенно знаменательный по открытию св. мощей его в 1659 г. и потому еще до поступления Лавры в руки униатов празднуемый православными. Вследствие этого, 17 июня 1833 г. преосвященный Иннокентий дал особое предложение Волынской консистории, в котором, извещая о св. жизни пр. Иова и нетлении его св. мощей, равно как и о возобновленном праздновании памяти преподобного, в 28 день августа, предписал между прочими, «учинить немедленно надлежащее распоряжение о приведении сего во всеобщее по Волынской епархии известие чрез объявление

священнослужителями прихожанам своим в воскресные или праздничные дни в церквах».

Вследствие этого, от 19 июня того же 1833 года из консистории последовало особое определение, в силу которого немедленно были разосланы особые указы духовным правлениям и монастырям Волынской епархии, а также и церквам Царства Польского (тогда состоящего в епархиальной зависимости от волынского преосвященного) и кременецкого уезда (в котором не было духовного правления), благочинными, равно как и в духовный собор Почаевской Лавры «с прописанием означенного предложения его преосвященства для надлежащего по оному исполнения».⁶⁴⁵

Весть эта скоро облетела всю волынскую епархию и пределы царства польского, и, как следовало, отозвалась радостно не только между духовенством, но и между православным народом, который немедленно начал запасаться иконами Преподобного, служить ему молебны и т. п. Не говорим уже о том значении, какое вслед за сим начали иметь по отношению к этому обстоятельству открывшиеся непосредственно после сего посещения Почаевской обители православными, так что теперь на Волыни не много найдется церквей и даже частных домов крестьян, в которых не знали бы имени Преподобного, или не было его иконы, и т. п.

4. Между тем среди таких обстоятельств, в конце августа 1833 г., с Высочайшего разрешения и с благословения Св. Синода, прибыл в Лавру Высокопреосвященный Кирилл, архиепископ Подольский и Брацлавский, с своею свитою, ректором подольской семинарии архимандритом Гедеоном, протодиаконом, диаконами и певчими. Посетив пещеру, в которой подвизался преподобный Иов, и лично убедившись в нетлении его останков, Преосвященный Кирилл, по согласию с Преосвященным Иннокентием, решился снова торжественно открыть св. мощи преп. Иова для всеобщего почитания. С этой целью, 27 августа, оба Архипастыря совершили первоначально крестный ход в пещерную церковь и сопредельную ей пещеру, где покоилось тело Преподобного. За тем здесь же совершено было торжественное всенощное бдение с благословением

хлебов у раки Преподобного. На другой день, 28 августа, в тот самый день, в который за 174 года пред сим мощи преподобного Иова были открыты митрополитом Дионисием Балабаном, оба Архипастыря после литургии, совершенной соборне Преосвященным Иннокентием в пещерной церкви, совершили торжественный молебен пред мощами Преподобного и своими Архиерейскими руками открыли оныя пред народом для всеобщего поклонения. За тем снова совершен был торжественный крестный ход с мощами преподобного Иова и Чудотворною иконою Пресвятой Богородицы, в котором участвовали ректор подольской семинарии архимандрит Гедеон, ректор волынской семинарии архимандрит Флавиан, наместник Лавры архимандрит Антоний (в последствии митрополит С.-Петербургский) и настоятель Дерманского монастыря архимандрит Иерофей (бывший епископ Острожский) со всею братией Лавры, членами волынской консистории (на ту пору помещавшейся в Лавре Почаевской), и множеством священников и других разных духовных и светских лиц, собравшихся в Лавру на этот праздник. На другой день, 29 августа, сам Преосвященный Кирилл служил литургию в большой соборной лаврской церкви в благодарение Господу, удостоившему его служить при сем священном торжестве во славу св. Угодника, который таким образом снова, так сказать, был канонизован Св. Синодом и отселе сделался предметом всеобщего почитания и поклонения у православных.

Так опять исполнились знаменательные слова блаженного Досифея, ученика Преподобного: «яко сице духовному сему светилу нашему иеросхимонаху Иову (Иоанну) Железу не благоволи Бог под спудом ночной ненамяти сокрыватися, но на свещник е все народного зрения сицевым образом произведе».⁶⁴⁶ – И теперь в Лавре ежегодно, 28 августа, в память этого события, священно-архимандрит Лавры (он же и преосвященный Волынский) совершает всенощное бдение у раки преподобного Иова и Божественную литургию в пещерной церкви, после чего в заключение отправляется торжественный молебен пред мощами св. Угодника с провозглашением

многолетия Государю Императору со всем Царствующим Домом, Святейшему Правительствующему Синоду и всем православным христианам.⁶⁴⁷

5. Вскоре после этого к большей славе угодника Божия его святые мощи были почтены особым богатым приношением от известной русской благотворительницы, графини Анны Орловой-Чесменской. Узнав о нахождении нетленных останков пр. Иова на горе Почаевской, благочестивая графиня пожелала устроить к ним серебряную раку. Для этого, собрав нужные сведения, графиня заказала таковую в Петербурге серебрянных дел мастеру Верховцеву, употребив для этого чистого серебра 84-й пробы 3 пуда, 27 фунтов и 69 золотников. Кроме сего, вместе с ракою, графиня пожертвовала также в Лавру и остальные принадлежности к оной, как-то: бархатное покрывало малинового цвета и серебряную позолоченную лампаду весом 4 фунта и 12 лотов.⁶⁴⁸ К концу лета 1842 года все эти вещи были изготовлены и получены Лаврою, которая чрез Епархиального Преосвященного Никанора, находившегося тогда на очереди в С.-Петербурге, не умедлила довести о сем до сведения Св. Синода, вместе с испрошением его благословения на переложение св. мощей в новоустроенную раку. Св. Синод благословил совершить это проживавшему тогда в Почаевской Лавре преосвященному Анатолию, Викарию Волынскому, епископу Острожскому.⁶⁴⁹ Ученый и благочестивый пастырь избрал для этого нового торжества 14-е сентября 1842 года, и в этот день с подобающей честью переложил св. мощи из древней буковой раки⁶⁵⁰ в новую, в присутствии тогдашнего Волынского губернатора генерал-майора Лашкарева, многих окрестных помещиков,⁶⁵¹ и при многочисленном стечении православного народа, обыкновенно собирающегося в Почаев на поклонение к празднику Воздвижения Честного Креста Господня.⁶⁵²

6. К довершению славы Преподобного, через несколько дней после этого изволил посетить Лавру Государь Император Николай Павлович. Император прибыл в Почаевскую Лавру 25 сентября 1842 г., и по выслушании божественной литургии в Соборной Успенской церкви, приложившись к Чудотворной

иконе Почаевской Божией Матери, изволил пить воду из Стопы, – и затем в сопровождении Преосвященнейшего Никанора, Архиепископа Варшавского (управлявшего тогда и Волынской Епархией), посетил пещеру Преподобного Иова, и здесь по обычаю русских православных царей благоговейно прикладывался к его св. мощам, как к благодатной святыне Лавры, достойной всеобщего уважения и почитания, наравне со всеми остальными досточтимыми святынями церкви православной.⁶⁵³

7. После этого, для надлежащего прославления пр. Иова, недоставало только приличного храма, посвященного его имени. Это дело взял на себя преемник преосвященного Никанора (возведенного в сан Митрополита С.-Петербургского), высокопреосвященнейший Арсений, впоследствии Митрополит Киевский и Галицкий. По его мысли 1858 года пещерная церковь во имя св. Великомученицы Варвары была разделена на две части, и в западной ее половине, примыкающей к пещере Преподобного, устроен особенный храм во имя препод. Иова, который в том же году был освящен самим высокопреосвященнейшим Арсением 28 октября, в день памяти Преподобного Иова.⁶⁵⁴

8. В то же время высокопреосвященнейший Арсений дал особое предложение Волынской духовной семинарии, которым предписал праздновать в оной «преставление преподобного Иова» 28 октября, и наравне со всеми остальными важнейшими праздниками с увольнением воспитанников от классов и приличным богослужением. И надобно сказать, – эта мера, как нельзя более, содействует к распространению памяти преподобного Иова особенно между духовенством волынской епархии, а чрез него, конечно, и между православным народом Волыни, в пастыри которому готовит своих питомцев Волынская семинария.

9. 31-го октября 1859 года Лавра Почаевская снова осчастливлена была вторичным Высочайшим посещением в лице покойного Государя Императора Александра Николаевича. Как и в незабвенное посещение его августейшего родителя, так и теперь блаженные останки преподобного Иова почтены были

Высочайшим вниманием и благоговейным чествованием, – с тем еще отличием, что, посетив пещеру Преподобного, Государь не только прикладывался к его мощам, но и молился в новом храме, посвященном его имени.⁶⁵⁵

10. Таким образом не прошло и тридцати лет со времени возвращения почаевской обители в недра православной церкви, как память пр. Иова была почтена всеми возможными почестями, начиная от торжественного открытия его св. мощей и устройства к ним драгоценной раки, – и оканчивая устройением храма, посвященного его имени, установлением дня его памяти и двумя Высочайшими посещениями. – За то с своей стороны и св. угодник Божий не переставал снова являть свою благодатную силу на пользу и спасение всех обращающихся к нему с верою и несомненным упованием. – Так в записях Почаевской Лавры значится, что в мае месяце 13 дня 1855 г. «пришедши в Почаевскую Лавру на богомолье старуха лет 60-ти, жена отданного в рекруты Степана Алексеева Кирихина, государственного крестьянина вятской губернии, Елабужского округа Можинской волости, Можинского пятисотка, деревни Никольской Малой Сюги, Устиния Феодорова, показала, что 6-ть лет тому назад она, будучи в Почаеве бесноватою, молитвами у раки преподобного Иова, – где читалось ей последование на изгнание злого духа, приобщением благодатно целебных воды из стопы Божия Матери освободилась от нечистого духа, мучившего ее тяжкими припадками беснования около 20 лет».

«1857 года октября 12 дня, новороссийского, Его Высочества Великого князя Владимира Александровича, драгунского полка майор Филипп Францевич Кейсер, с супругою своею Екатериною, прибывши из Каменец-Подольска на богомолье в Лавру, и помолившись здесь, просили ризничаго иеромонаха Анатолия вписать в книгу, к числу чудес Божией Матери и преподобного Иова, о случившемся исцелении над сыном их мальчиком, Владиславом, на которого, тут же указывая, рассказывали, что пред венгерскою кампанией в 1848 году этот сын их, будучи в младенчестве от роду четырех месяцев, был одержан с 4 декабря мучительными конвульсиями, которые продолжались 8-м месяцев. Наконец

он сделался калекой, левая рука его была сведена назад; голова необыкновенной величины держалась на бок и ежеминутно тряслась. Доктора, истощивши все свои средства, решительно отказались от излечения больного, и мы родители сего младенца, как они рассказывали, оставались в отчаянии. Между тем, когда мы квартировали в городе Луцке, некоторые особы сообщили нам сведения о св. Почаевской Лавре, о которой в первый раз услышавши, дали обет помолиться Богу в ней со страждущим младенцем, и когда мать одного младенца начала с верою и упованием призывать на помощь почаевскую Божию Матерь и угодника Божия преподобного Иова, то припадки начали у дитяти постепенно уменьшаться. Потом спустя несколько времени, приводя обет свой в исполнение, мать прибыла с болящим своим сыном младенцем в Почаевскую Лавру, где пред чудотворною Иконою Почаевской Богоматери отслуживши просимый ею молебен с акафистом, приложившись к чудотворному ее образу и приобщившись благодатной воды из Стопы Божией Матери отправилась в пещерную церковь; здесь у св. мощей угодника Божия пр. Иова, во время отпеваемого им молебна, когда приложили дитя к св. мощам, болящий младенец невидимою силою исцелился, сделался совершенно здоровым и красивым, – и теперь (указывая на него родители сказали): «вот каков он молодец» – О каковом чудесном исцелении мальчика Владислава благодарение воссылая Господу Богу, Пресвятой Деве Богородице и угоднику Божию пр. Иову, истину сею засвидетельствовали устно, майор Филипп и Екатерина Кейсеровы».⁶⁵⁶

11. Вследствие этого между прочим для большей славы Преподобного высокопреосвященнейший Арсений возымел было знаменательную мысль – устроить в честь пр. Иова особый крестный ход с чудотворною иконою почаевской Божией Матери на Дубенский остров, на котором угодник Божий столько лет подвизался на пользу православия, – и для сей цели снова восстановил там православный монастырь, который и теперь находится в зависимости от Лавры и состоит под ее управлением.⁶⁵⁷ – Мысль эта в 1860 году была повергнута на

Высочайшее усмотрение Государя Императора Александра Николаевича. Его Величество изволил благосклонно принять проект высокопреосвященнейшего и (2 июля 1860 года) удостоил его Высочайшего утверждения. К сожалению только, по особой трудности, крестный ход этот ни разу не приведен в исполнение; только открыта одна обитель, хотя православные обитатели Волыни еще и доселе ждут крестного хода с нетерпением.

12. В 1862 году, по предложению духовного собора Лавры и с утверждения преемника Арсениева высокопреосвященнейшего Антония, бывшего архиепископа волынского и житомирского, пещерная церковь во имя преподобного Иова расширена чрез снесение запрестольной стены и снятие Варваринского престола, который в том же году перенесен в лаврскую больничную церковь; на место же его поставлен новый престол во имя пр. Иова, освященный высокопреосвященнейшим Антонием 11-го октября 1864 г. Таким образом Лавра приобрела во имя своего святого угодника новый просторный и великолепный храм на место прежнего неуместительного и сравнительно бедного.

13. Когда в 1867 г. Преосвященный Антоний переведен из Волынской епархии на кафедру, Владимирскую, его место занял новый Владыка, покойный Высокопреосвященнейший Агафангел, при котором 14-го января 1870 года случилось новое замечательное чудо. 19 января того же года Собор Почаевской Успенской Лавры доносил Его Высокопреосвященству, что солдатка Екатеринославской губернии Ростовского уезда, Екатерининской волости, села Екатериновки, Ирина Васильевна Волошинова, от роду 37 лет, одержимая беснованием уже шестнадцатый год, бывшая во многих святых местах с мольбою об освобождении ее от злого духа, но нигде не получившая исцеления, прибывши 27 декабря 1869 г. в Почаевскую Лавру, 14 января 1870 года, по милости Божией, совершенно освободилась от духа беснования и получила здравие. Обстоятельства ее беснования и исцеления следующие: Прибывши в Почаевскую Лавру в сопровождении пятнадцатилетнего своего сына Михаила, Ирина Волошинова,

хотя и присутствовала при богослужениях в Лаврских церквях, но присутствовала по принуждению; часто сопротивлялась идти в церковь до того, что ее приводили несколько человек; в самой же церкви она постоянно издавала неистовый крик; в это время она ни на кого не смотрела и только в стенаниях произносила разные несвязные слова, ругательства и хулы, покушаясь даже ударить кого либо, особенно служащих, но была удерживаема. В сильных припадках беснования падала на землю, валялась, кричала, чем возбуждала к себе полное сострадание и обращала на себя внимание всех тем особенно, что находившийся в ней бес вел разговор в мужском роде. Столь явные озлобления врага рода человеческого возбуждали в Лаврской братии особенное усердие к молитвенному об исцелении страждущей возношением при всех церковных службах и в особенности пред Чудотворною Иконою Божией Матери и пред нетленными мощами Преподобного Отца нашего Иова, а с 11-го января после исповеди, удостоивши больную причастия Св. Таин, иеромонах Иоанникий, как чередный Пещерной церкви, по совету и благословению наместника Лавры, начал совершать над больной первоначально освящение воды, а потом и Таинство Елеосвящения с чтением закликательных молитв Св. Василия Великого, что исполнено было 11-го, 12-го и 13-го января после Литургии. Во время сих священнодействий, особенно во время помазывания елеем, больная так бесновалась, что несколько дюжих человек не могли удержать ее. Наконец 14 января, по совершении над нею водоосвящения, когда при чтении закликательных молитв без усилий она была помазана елеем от лампад Божией Матери и Преподобного Иова, то бес, с криком «куда мне выдти?» стряси и повергнувши эту женщину на землю, начал мучить ее до того жестоко, что она казалась мертвою; почему на груди ея положена была копия Чудотворной иконы Божией Матери, а на лице Честный Крест, и чрез некоторое время, после страшных припадков мучения, лице ее приняло надлежащий человеческий вид, она встала, начала креститься, молиться и благодарить Господа и Пречистую Его Матерь за явленное ей милосердие. Донося об этом Его Высокопреосвященству, Духовный Собор

присовокупил, что после этого чудесного исцеления сделано было распоряжение о совершении соборного молебна с акафистом пред Чудотворным Ликом Пресвятой Богородицы о здравии Ирины и поручено возносить молитвы о ней и на прочих молитвословиях и пред св. мощами Преподобного Отца нашего Иова; что прежнее состояние болящей и настоящее ее положение могут подтвердить не только братия Лавры, но и сторонние и сопутствующие исцеленной.

На сем донесении резолюция Высокопреосвященнейшего Архипастыря последовала 22 января 1870 г. (№ 14) такая: «Поручаю о. Наместнику Лавры отобрать от посторонних лиц, знавших исцеленную до исцеления ее, показание 1) о прежнем состоянии ее, 2) о настоящем ее положении и 3) о том, вследствие чего произошла эта перемена; о последующем же донести мне с приложением подлинных показаний и настоящих бумаг». Вследствие сей резолюции Наместник Лавры 17 февраля за № 279 донес Его Высокопреосвященству, что он в присутствии пристава 1-го стана Кременецкого уезда отобрал под присягою показания от пяти лиц: девиц Матроны Григорьевой Волкодавовой и Лукерьи Кондратьевой Прасоловой и солдаток: Марфы Дмитриевой Мятепковой, Матроны Ивановой Соколовой и Анастаса Семеновы Москалевой, из коих первая – Матрона Волкодавова давно знает бывшую больною, а ныне совершенно исцелившуюся в Почаевской Лавре Ирину Васильеву Волошинову, как ее землячка. Все означенные лица, спрошенные Наместником, по важности дела, по присяге и в присутствии Станового Пристава 1-го стана Кременецкого уезда Индутнаго, подтвердили болезненное состояние и последовавшее в Почаевской Лавре исцеление Волошиновой. Сама Волошинова с видимым содроганием и ужасом о прошедшем своем состоянии, с искренним благодарением к Господу Богу, Пречистой Его Матери и Угоднику Божию Иову Почаевскому, спрошенная о. Наместником без присяги, чистосердечно подтвердила свою мучительную болезнь, происходившую от вселившегося в нее, как она высказала ему – о. Наместнику, злого духа и видимое действие благодати Божией, явленное ей в ее исцелении. Болезненное

положение Волошиновой и настоящее ее здоровье он, наместник и почти вся братия Почаевской Лавры также могли свидетельствовать.⁶⁵⁸

14. Наконец, за Божиею помощью, пишущему эти строки суждено было послужить честной памяти угодника Божия составлением особой ему «службы и акафиста», изданных Почаевскою обителью, с разрешения и благословения Св. Синода, вместе с составленною нашим же недостойнством «службою и акафистом в честь чудотворной иконы Божией Матери Почаевской» в 1884 году, «в память исполнившегося пятидесятилетия со дня включения Почаевской обители в число православных русских лавр 13 октября 1833 – 1883 года». – С этою целью мы нарочито пересмотрели старинный акафист Преподобному, составленный, по преданию, одним ученым монахом, находившимся в Лавре в 30-х годах XIX столетия, и долго потом читавшийся пред мощами угодника Господня по рукописи, и дополнивши его новыми фактами, изложенный в настоящем историко-биографическом очерке жизни и прославления Пр. Иова, дали этому акафисту совершенно новый вид, оставив только прежнюю основу его, с прибавлением особой молитвы преподобному и пр. – Служба же преподобному составлена нами вся внове, так что теперь Лавра Почаевская смело может похвалиться, что сделала для славы своего угодника все, что только было возможно с ее стороны.

15. Что будет впереди, ведомо одному только Господу. Нам остается только молиться и в искренней христианской молитве просить св. Угодника Почаевского вместе с св. церковью, да сохраняет и соблюдает он всех и каждого в мире и тишине, вере нелицемерней и богоугодном жителстве и даст всем приходящими к нему и помощи и заступления ищущим благодать и милость от Христа Бога нашего и Пречистая Его Матере, да никто же изыдет от него в туге и скорби, в печали и сетовании посрамлен и постыжден

в надеянии своем; но кийждо по мере веры и любви своя восприимет ноне некую отраду и утешение, облегчение и подкрепление, защиту и помощь во славу Бога Триипостасного,

Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Св. Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».⁶⁵⁹

Тропарь Преподобному Иову, глас 4.

Возложил на ся иго Христово, от юности, Преподобне отче Иове, многолетне свято подвизался еси на поприще благочестия во Обители Угорницкой и на острове Дубенstem: и притек к горе Почаевской, знаменитой цельбоносною Стопою Пресвятыя Богородицы, в тесной пещере каменной богомыслия ради и молитвы многократно заключался еси: и благодатию Божиею укрепляясь, мужественно потрудился еси на пользу обители твоея, купно же и противу врагов православия и благочестия христианского: И наставив сицевому ополчению иночествующих, победители тех представил еси своему Владыце и Богу: Того моли спастися душам нашим.

Кондак. Глас 8-й.

Воссия от спуда земнаго Благодатная луча честных мощей твоих, угодниче Божий; яко благочестно пожив в вере Христа Бога нашего, достигл еси добродетелей совершенства. И оставль сладость жития преходящаго, в пещере горы Почаевския в пощении, молитвах и трудех свято потрудился еси, и тем тело твое увядил еси. Ныне же пришед к Богу в безмятежный и вечный живот, молишися о всех с верою к тебе прибегающих. Тем же благодарне вопием ти: радуйся, отче Иове, преславный угодниче Божий и обител

I. Житие и страдание святого преподобномученика Макария, архимандрита овручского, переяславского чудотворца.

(7 Сентября и 13 Мая).

1. Первые годы юности св. Макария. Его пострижение и посвящение в сан Архимандрита Овручского (1620 – 1657).

Время рождения преподобного Макария неизвестно. Надобно думать, что это было не позже первых двух десятилетий первой половины XVII века, потому что около 1657 года св. Макарий был уже в сане архимандрита Овручского;⁶⁶⁰ а это конечно могло быть не иначе, как по истечении по крайней мере тридцати лет его жизни (с 1620 – 25 г.).

Блаженный Макарий родился в городе Овруче Волынской губернии, по преданию, от благочестивых и православных родителей, которые по одним именовались Токаревскими, а по другим – Торскими.⁶⁶¹ С ранних лет воспитали они своего сына в правоверии и страхе Божиим. Но особенно молодой Токаревский отличался послушанием и любовью к молитве и храму Божию, вследствие чего не раз оставлял домашние поручения и удалялся в церковь на Богослужение или поступал на услужение к духовным лицам, чтобы у них учиться духовной жизни и благочестию.⁶⁶²

Около двадцатипятилетнего возраста любовь к молитве и благочестивым упражнениям окончательно овладела душою блаженного юноши, и он, оставив дом родителей, удалился в местный Овручский монастырь Успения Пресвятой Богородицы и здесь постригся с именем Макария, как бы в предзнаменование того, что на самом деле он некогда сопричислен будет к лику блаженных,⁶⁶³ и других с собою приведет к блаженству вечному.

В новом своем звании Преподобный инок посвятил себя на изучение догматов Православной веры и правил благочестия. Особенно любил он заниматься чтением творений св. Иоанна Златоустого. – И поныне в Переяславском Соборе (Полтавской губернии), где почивают мощи святого Макария, хранится книга Творений св. Златоустого невской печати 1623 г. с собственноручною подписью преподобного Макария, свидетельствующую о принадлежности ее св. угоднику.⁶⁶⁴

Вскоре после своего вступления в монастырь, блаженный Макарий был рукоположен сначала во иеродиакона, а потом в иеромонаха. Наконец, около 1657 г., Архиепископ Черниговский Лазарь Баранович, в то время управлявший Киевской Митрополией, посвятил Его в сан Архимандрита и поставил Настоятелем обители Овручской⁶⁶⁵ (около 1659 г.).⁶⁶⁶

2. Жизнь и деятельность св. Макария в сане Архимандрита Овручского. Его борьба с латино-униатами и удаление в Киев (1659 – 1671).

Деятельность преподобного Макария в Овруче относится к самым тяжким временам Латино-Польского преобладания на Волыни и во всех пределах Западного края России. – Прошло уже около полу столетия с того времени, как несчастная уния водворилась в пределах Речи-посполитой (с 1596 г.). К этому времени стараниями иезуитов были истреблены почти все Православные обители на Волыни, многие древле Русские фамилии приняли унию или окончательно перешли в латинство, – и хотя уstraшенные оружием Хмельницкого поляки (24 февр. 1639 г.) приняли грозные предложения Богдана об уничтожении унии и неприкосновенности Православия, но эти предложения не были приняты Королем и не было надежды на их утверждение, так что Латино-униатам оставалось только сделать несколько серьезных шагов, чтобы завладеть не только обителью Овручской, но и другими православными обителями Волынскими.

Среди этих обстоятельств блаженный Макарий является одним из самых деятельных защитников Православия на Волыни и руководителем подчиненной ему братии против всех козней унии и Латинства. Преподобный управлял обителью Овручской около 15 лет. В это время униаты не раз нападали на его монастырь, расхищали церковное имущество, подвергали насмешкам и безчеству братию. Вследствие этого, иноки Овручские почти постоянно собирались оставить монастырь, чтобы искать другого более спокойного места. Но преподобный всегда удерживал их от этого намерения, ободряя надеждою на Промысл Божий и заступление небесное. Особенно любил он псалмы Давида и ими врачевал скорбь своего сердца и сердца братии: «Повторяйте, говорит он инокам, повторяйте чаще слова Давида: Господь просвещение мое и спаситель мой: кого убоюся? Господь защититель живота моего: от кого уstraшуся?

Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое. Аще восстанет на мя брань, на Него аз уповаю» (Пс. XXVI, 1. 3).

В одно время Татары окружили обитель Преподобного так, что иноки не могли выходить ни за водою, ни за хлебом. Преподобный молился и наконец в совете с братией решился выйти против врагов с духовным оружием. С этою целью он совершил молебствие в храме и, с собором иноков, с иконами и хоругвями, вышел за монастырские ворота. Татарам показалось, что против них идет огромное множество народа. Это их так устрасило, что они обратились в бегство, не успев захватить с собою даже своих больных, которых оставили под стенами обители.

Спустя немного после этого Латиняне, вместе с униатами, пришли толпою в монастырь Овручский и вызывали Преподобного Настоятеля на обращение к унии, или на спор о вере. Св. угодник отвечал им: «Нет общения света с тьмою; вы оставили свет и возлюбили тьму, оставили правила вселенских соборов и прияли предания лжи, и, вместо того, чтобы быть под главою Церкви Иисусом Христом, – преклонились под ноги западного властителя Церкви». Противники отвечали, что и они тоже имеют веру христианскую; на это Преподобный сказал им: «Покажите веру от дел своих. Христианские ли ваши дела, когда вы убиваете людей и истребляете заведения, воспитывающие Христианское благочестие? О, Господь воздаст вам судом своим за дела ваши; а мы стоим и будем стоять в своей вере, пока будет стоять мир. Ваша же вера, уклонившаяся от апостольской, рассеется как мгла от света».⁶⁶⁷

После этого поляки уже не могли терпеть более. Подстрекаемые иезуитами, они воспользовались нашествием татар на Полесье и вместе с ними напали на обитель Преподобного вооруженною силою, и разорив ее вместе с городом и окрестностями его, заставили самого Макария удалиться из Овруча (1671 г.).⁶⁶⁸ Святой угодник известил о своем бедствии Архиепископа Черниговского Лазаря и удалился в Киев искать спасения в Киево-печерской Лавре.

3. Пребывание св. Макария в Киево-печерской Лавре, заботливость об нем Лазаря Барановича и переход его в обитель Каневскую (1671 г.).

В Киеве св. Макарий утешен был дружеским посланием Архиепископа Черниговского Лазаря, который писал к нему (16 мая 1671 г.): «Весьма болезную о том приключении, которого вы и отклонить не могли. В этой скорби ищите утешения в одном Боге, который кого любит, того и наказывает. Вы находитесь как роза между шипами: она растет между ними, а они ей ничего не вредят. Будете еще долго процветать в Церкви Божией, как в вертограде, доколе не достигнете небесного. И Христос не легко приобрел тот венец, которым теперь Он украшен: сперва на земле перенес терновые на главе Своей колючки и затем получил на небе венец неувядаемый. Умеет Господь избавлять благочестивых от напасти (2Петр. 2, 9). Много зол Праведнику, но Господь от всех избавит его (Пс. 33, 20). Крепко хотелось мне жить по приятельски с вами у Всемилоственного Спаса (в Новгородсеверском монастыре), или где бы вам понравилось; но теперь этих лык не дерут; прежде гораздо удобнее было отыскать место, нежели теперь. В настоящее время и сами едим хлеб в изнурении (Пс. 136, 2); но готовы поделиться с вами тем же, потому что другого нигде нет, разве только там, где ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание. Желаю вам после многих лет многих обителей на небе и с молитвами моими препосылаю благословение».⁶⁶⁹

В то же время попечительный Архипастырь ходатайствовал за Преподобного у тогдашнего Малороссийского Гетмана Дорошенко. «Его милость, О. Архимандрит Овручский, – писал Лазарь Дорошенку, – будучи не в состоянии покойно жить в своей архимандрии, ограбленный ордами и ляхами, лишенный служителей, которые умерщвлены, между тем, как имения забраны, отправился на поклонение святым местам Киевским; будучи постриженцем моим, он посетил меня как сын отца и рассказал мне о своих бедствиях. Благоволит, вельможность Ваша, милостиво принять его как человека достойного и

заслуженного в Церкви Божией; выслушайте его с доверием как вполне стоящего веры». ⁶⁷⁰

Следствием сего было то, что управлявший тогда на правом берегу Днепра Митрополит Иосиф Нелюбович-Тукальский определил Преподобного Макария в Канев и назначил его настоятелем тамошней обители. Долго сопротивлялся Преподобный этому новому своему назначению; его кроткая благочестивая душа полюбила Киевские пещеры и в них думала довершить свое служение Господу. Но воля Архипастыря превозмогла, и блаженный отправился на место своего служения. ⁶⁷¹

4. Служение св. Макария в сане Архимандрита Каневского. Его чудеса, нападение врагов и предсказание о кончине (1672 – 1678).

В 1672 году в новой своей обители блаженный Макарий дал у себя приют несчастному Юрию Хмельницкому, сыну знаменитого Богдана, который по смерти отца своего так много пострадал от своей неопытности и наветов врагов своих.⁶⁷² Но особенно Преподобный Макарий прославился в Каневской обители своими чудесами, которыми Господь еще при жизни благоволил отличить своего угодника. Раз пришел к нему житель Канева, лишившийся зрения от болезни, покрывшей тело его струпьями. Болезнь при пособии лекарств частью облегчилась; но зрение не возвратилось, и никакие советы врачей не оказали пользы слепцу. Тогда он обратился за советом к пр. Макарию. Преподобный отвечал, что лекарств у него нет, по предлагает ему Евангельский совет: «Веруй и молись Тому, Кто дал зрение слепому; иди, прибавил Преподобный, к навечерию Богоявления Господня и молись». Навечерие совершал сам Преподобный, молясь и о слепце. Когда же сказал он в молитве: «велий еси Господи, и чудна дела Твоя», слепец ощутил, что мимо очей его прошел резкий луч света и он стал видеть все. В последствии времени, в благодарность за это, прозревший построил в Каневе храм в честь Богоявления Господня, который существует и до настоящего времени.

Другой опыт: сын одной матери, молодой человек, вел жизнь рассеянную. Скорбящая мать открыла скорбь свою Преподобному и просила помощи его. Преподобный взялся врачевать больного душою сына и то призывал его к себе, то бывал в доме матери, уговаривая сына придти в себя. Рассеянный сын, долго не внимавший ничему, раз сказал: зачем принуждают его долго молиться? Преподобный отвечал: «Долгие молитвы совершают иноки по обету и это к тебе не относится; но вот что относится к тебе: оставаться тебе без молитвы – тоже, что осудить душу на голодную смерть; читай

одну молитву: Отче наш... и в ней найдешь все – и свет богопознания, и уроки для жизни, и утешение и силу для духа; прочесть эту молитву со вниманием, думаю, не тяжело». Разсеянный сын послушался. И что же вышло? Прочтя раз молитву, он захотел прочесть ее в другой и в третий раз. Затем молитва до того полюбилась ему, что он стал читать ее часто и читая учился добру, – стал трудиться, жить внимательно к себе, переменился во всем и был утехой матери до гроба.

Третий случай относился в судье-лихоимцу, который не смотря на бедность, ни на слезы, продавал суд свой за деньги: Преподобный каждую субботу посылал к нему, то от имени одного, то от имени другого, деньги с запискою, где говорилось одно; «отдаю последнее, более не имею; пощади себя и меня». Судья, пораженный такою проповедью, не только отстал от лихоимства, но и нажитое несправедливо раздал по церквами.

Однажды, по просьбе жителей, Макарий посещал Переяславль. В это время один отец семейства был тяжело болен. Горюющая семья просила Преподобного совершить над болящим елеосвящение. Он исполнил просьбу их и больному возвратилось здоровье.⁶⁷³

Вообще во все продолжение Каневской жизни препод. Макария и старые и малые, здоровые и больные, богатые и убогие приходили к нему и для всех он был отцем и благодетелем. В то же время Господь наградил своего угодника особым великим даром – прозрения. За несколько лет пред смертью он видел густые облака, посиявшие над обителью и мрак, часто облежавший всю страну. «Недоброе знамение, говорил Макарий; видно будет лютая скорбь на нас». И точно, вскоре после этого, в пределах Канева последовал страшный голод, от которого жители пришли в отчаяние. Макарий раздал все свое имущество для избавления неимущих от смерти и кормил и призревал к нему приходящих.⁶⁷⁴ Наконец, за два года пред кончиною (1676 г.) он положительно предсказал городу Каневу разорение и крайнее запустение своей обители, а себе мученическую смерть. Вследствие этого Преподобный велел братии своей готовиться постом, покаянием и причащением св. Таин как бы ко дню судному. В тоже время возбужденные его

предвещанием православные обитатели Канева и его окрестностей отовсюду начали стекаться в обитель Каневскую и здесь день и ночь проливали в храме слезные моления ко Господу, а Макарий всех поучал непоколебимо держаться св. веры Православной, хотя бы за нее пришлось потерпеть самую смерть. «Прият венца нетленного никому невозможно, говорил он, если кто не будет законно мучен»).

Скоро поляки напали на город Канев, многих убили и сожгли; оставшиеся в живых бежали в обитель Преподобного и в стенах ее под сенью Святого старца искали спасения.⁶⁷⁶ Но это было только начало бедствиям. В 1678 году Султан послал многочисленное войско из Татар и Турок взять Украину для Юрия Хмельницкого. После осады Чигирина, «бусурмане, как рассказывает летописец, 25 Августа пошли из-под Бужина вверх по Днепру. Дав себе отдых после военных беспокойств подошли они к славному Козацкому городу Каневу и, сентября 4 взяв его, опустошили и умертвили множество людей. В старинном и прекрасном монастыре Каневском каневцы собрались во множестве и заперлись в большой каменной церкви, надеясь спастись здесь; но Турки обложили церковь соломой и дровами, зажгли и задушили всех в церкви.⁶⁷⁷

В это же несчастное время промыслом Божиим суждено было исполниться и предвещаниям преп. Макария о его страдальческой кончине.⁶⁷⁸

5. Страдание св. Макария. Его кончина и погребение (1678).

Покойный Н. И. Костомаров весьма справедливо называет св. Макария «Типическим святым эпохи Хмельницкого».⁶⁷⁹ Он жил и пострадал как жили тогда и умирали тысячи православных казаков за веру и церковь православную.

Когда неприятели окружили монастырь Каневский, то они сначала старались разными обманами вызвать жителей из обители, и требовали с угрозами, чтобы те сдались. Но здесь все находилось под водительством пр. Макария и ничто не могло поколебать твердости их духа, возбуждаемого и поддерживаемого наставлениями блаженного старца. Видя непроклонность осажденных, Татары ринулись на обитель и разрушив ворота ворвались внутрь ее. Страх объял всх; каждый, кто мог, искал спасения на стенах и в погребах обители. Один только Макарий бесстрашно встретил врагов с крестом в руках. Татары с яростью устремились на преподобного и, схватив его, начали бить чем попало и ругаться над св. крестом, бывшим в руках его. Блаженный страдалец молил их только об одном, чтобы они не оскверняли святого храма и не убивали невинных. Татары вытащили его из обители, и влача по улицама, били без пощады. Страдалец терпел и молился. «Господи, взывал он, приложи мне веру, да верен обрящусь пред Тобою».

После этого мучители вспомнили об имуществе, которое, по их мнению, должно было быть снесено жителями в обитель, и о золоте монастырском, и терзая Святого стали требовать, чтобы он сказал им, где они спрятаны? Святой старец отвечал: «Мое злато на небеси, а не на земли. Я здесь его не закапывал, зная, что придут тати и разбойники и расхитят; имущество Церкви в благодати и милости Божией». Варвары с насмешкой выслушали эти слова и отпустив тех, которых успели схватить в монастыре вместе с преподобным, послали сказать заключившимся в обители, чтобы они сдались и выдали все, в противном случае всем грозили неминуемою смертью. С своей

стороны чрез тех же посланных Преподобный велел сказать заключенным: «Да не отступят православные от св. веры, но да с терпением стремятся на подлежащий им подвиг, памятуя непрестанно Господа Иисуса Христа: еще терпим, с Ним и воцаримся; еще отвержемся, – и той отвержется нас». Услышав имя Христа, нечестивые еще с большей злобой напали на мученика, поставили его между двух столбов и железным орудием начали крутить его колена. Страдалец молился и терпел, призывая Господа укрепить его в подвиге: «Стопы моя направи на путь мирен к Тебе, Боже, в селения Твоя; ибо сего желает и всем скончается душа моя». Враги били его по лицу, по глазам и груди, наконец хотели было содрать с него кожу; но, опасаясь стечения народного, кончили тем, что отрубили ему голову и бросили тело его на площади⁶⁸⁰ (7 сентября 1678).⁶⁸¹

Оплакав своего заступника православные, среди ночной темноты, взяли тело его и внесли его в монастырскую церковь, в которой заключились, обрекши себя умереть за веру Христову. Между тем Татары вторично подступили к обители и, найдя монастырскую церковь заключенною вместе с собравшимся в ней народом, зажгли храм и всех заключенных в нем уморили дымом и сожгли огнем. Затем враги удалились и собравшиеся жители Канева пошли искать тела своих присных на церковном попелище. Но, к общему удивлению всех, они нашли одно лишь нетленное тело доблестного подвижника Христова Св. Макария. «Хотя и много было тел, говорит предание, но ни одно не осталось в целости; тело же преподобного обретено во власянице, с крестом на персях и с другим крестом в руках, которым он побеждал скорби жизни и поборал по вере Православной, ради коей благодушно приял мученическую смерть; тело его было как бы живое.⁶⁸²

Православные с любовью взяли блаженные останки отца и учителя своего и похоронили оные в том же храме, в котором и нашли его, – под жертвенником (8 сентября 1678 г.).

6. Открытие мощей св. Макария и его прославление (1688 г.).

Святыя мощи блаженного Макария мирно покоились на месте своего погребения до 1688 г. В это время понадобилось перестроить церковь в монастыре Каневском, и, когда копали фундамент, докопались до гроба Преподобного Макария; двое из честных иноков открыли гроб и в нем нашли нетленные останки страдальца. В тоже время от мощей Преподобного начали истекать исцеления – и усердные Христиане начали стекаться ко гробу угодника Божия, мощи которого теперь с подобающей честью были перенесены и поставлены на приличном месте в той же обители. Но так как враги православия и после этого не переставали по временам нападать на Каневский монастырь, то в том же 1688 году иноки перенесли тело Св. Преподобномученика в г. Переяславль и здесь поставили оное в полковой церкви Воскресения Христова.⁶⁸³

В 1700г., когда восстановлена была Переяславская Епархия, бывшая долго в запустении от набегов Татарских, Епископ Переяславский Захарий Корнилович испросил (после Полтавской битвы) у Императора Петра 1-го дозволение восстановить древний кафедральный Переяславский Свято-Михайловский монастырь. И когда он был кончен и освящен (1713 г.), то вместе с сим в ноябре месяце того же года, в день памяти Св. Архистратига Михаила (8 дня), были перенесены сюда и мощи Св. Преподобномученика Макария, и с великою честью поставлены в храме обители. Здесь почивали они до самого упразднения Михайловского монастыря (1786 года). После этого 4 августа того же года они были перенесены в каменную церковь Вознесенского Переяславского монастыря, где и до ныне почивают.⁶⁸⁴

У Преосвященного Гedeона записано одно замечательное чудо, случившееся, как пишет он, «в числе многих исцелений, истекавших от гроба Преподобного». В 1742 г., когда Преосвященный Никодим переносил Св. мощи Макария из

трапезной церкви монастыря в обновленный им каменный соборный храм обители, – в это время полковник Алексей Глебов, не владевший руками и ногами, принесен был родственниками ко гробу Преподобного, и по отпетии молебна, приложившись к св. мощам получил совершенное исцеление.⁶⁸⁵

Примечание. Несколько необходимых слов об Овручском монастыре Св. Макария и о наименовании Св. Макария Овручским.

Известно между прочим, что в житии Св. Макария, составленном Полтавским Епископом Гедеоном в сороковых годах текущего столетия, а отсюда и в «житиях Святых Русской Церкви» А. Н. Муравьева, монастырь, в который первоначально поступил Макарий и в котором он постригся, именуется Овручским во Владимире-Волынском. И с другой стороны Н. И. Костомаров в статье своей: «Поездка в Переяславль», напечатанной в «Историческом Вестнике» 1885 г., справедливо обративши внимание на указанную выше ошибку, и сказавши сущую правду, что «в городе Владимире-Волынском нет, и сколько известно, не было монастыря с наименованием Овручского», далее присовокупляет, что «именно это название (Овручского) носит монастырь в Каневе, где впоследствии, согласно известию жития, составленного Преосвященным Гедеоном, Макарий был архимандритом». – «Неизвестно, пишет далее Костомаров, либо Макарий постригся во Владимире, но не в Овручском монастыре, либо в Овручском монастыре – только в г. Каневе, а не во Владимире, либо наконец в ином каком либо монастыре, неправильно названном Овручским», – и в заключение всего, высказавши означенные предположения, Николай Иванович везде, где только идет у него речь о Макарии в звании его, как архимандрита, называет его не иначе, как «Каневским-Овручским».⁶⁸⁶

Что до первого из этих мнений, т. е. о пострижении св. Макария во Владимире-Волынском, то мы не могли бы иметь против него ничего, если бы на то были более или менее серьезные доказательства. Ибо, – постригся ли Макарий в Овруче, или во Владимире-Волынском, – в том и другом случае он равно должен принадлежать Волыни не только по

происхождению из нее, которое никем не оспаривается, но и по пострижению в монашество. Но помимо того, что во Владимире-Волынском, как справедливо замечает Г. Костомаров, никогда не было монастыря с наименованием Овручского, св. Макарию не было вовсе никакой надобности отправляться столь далеко из Овруча во Владимир, чтобы поступить в монастырь, когда в то время в самом Овруче существовало два своих монастыря, один Иоакимо-Аннинский и другой Богородичный-Успенский. По сохранившимся сведениям монастыри эти основаны были ранее 1499 года.⁶⁸⁷ Дальше, в грамоте Сигизмунда короля Польского от 13 сентября 1525 года упоминается Игумен «монастыря Пречистое Богоматере в Овручом» Герман, который в силу той же грамоты должен был уступить свое место лишенному архимандрии Киево-Печерской Архимандриту Антонию, так как Герман, «который той монастырь держал, нерадне ся справовал».⁶⁸⁸ Затем, как мы уже видели в житии Преподобного Иова, Игумена Почаевского, в XVII веке известен еще Архимандрит Овручский Феофан Креховецкий, отправлявшийся вместе с Митрополитом Дионисием Балабаном в Почаев для открытия мощей Иова в 1659 г.⁶⁸⁹ – «Около этого же времени, т. е. в архимандритство Феофана, говорит автор «сведений о монастырях Волынской епархии, ныне несуществующих» в Волынском Епархиальном Ведомстве, – в Овручском монастыре и постригся Священномученик Макарий, родом из Овруча; с 1657 г. (чит. 1659 г.) он был настоятелем Овручской обители», и т. д.⁶⁹⁰

Откуда же, – спрашивается, взялся у г. Костомарова Каневский Овручский монастырь, в котором будто бы только и архимандритствовал Макарий? – Очевидно, это произошло от того, что Николай Иванович или вовсе не имел ни малейшего понятия о существовании Овручского монастыря на Волыни, или же, по тем или другим соображениям, совершенно игнорировал его, руководствуясь в данном случае исключительно «Историей Российской Иерархии», где в томе пятом, под названием «Овручский упраздненный мужской монастырь» не только говорится, что монастырь сей «находился от Переяславля в 40 верстах в местечке (ныне город) Канев, и

потом превращен был в Униатский и Римско-католический», но и прямо полагается, что «в монастыре сем был архимандратом Преподобный Макарий Овручский».⁶⁹¹ Под влиянием, очевидно, этих сведений г. Костомаров в упомянутой выше статье своей говорит: «быть может из этого же (т. е. Каневского Овручского) монастыря он (Макарий) пришел в Киев по разорении этого монастыря ляхами, и т. д.»⁶⁹² Почтеннейший Николай Иванович тем легче мог впасть в подобного рода ошибку, что «История Иерархии» вовсе не знает ни одного из монастырей Овручских,⁶⁹³ и таким образом мимовольно дает возможность смешивать Овручский монастырь с Овруцким, в особенности в виду того, когда о сем последнем прямо говорится, как о месте служения Св. Макария.

Но если такого рода смешение, или упомянутое нами выше неведение возможно и простительно для обыкновенного смертного человека, то они никак не могут быть оправданы в отношении к такому человеку, как Николай Иванович. — И прежде всего его, как истого знатока русской и в особенности югозападной отечественной Истории, весьма естественно должно бы было поразить то различие, какое явственно слышится и для самого простого слуха, между наименованием Овручский и Овруцкий. Тем страннее для нас этот недосмотр, что сам же Г. Костомаров во всей статье своей везде называет Макария Каневским Овручским, тогда как, если он хотел быть верным своему мнению, то должен был называть его не иначе, как Каневским Овруцким, так как, по свидетельству «Истории Иерархии», как мы уже видели, в Каневе существовал Овруцкий, а отнюдь не Овручский монастырь.

Но еще более виноватым оказывается Николай Иванович пред историей, что, преурочивая место как последующего, так и первоначального служения Макария к одному и тому же Овручскому монастырю, сам же он не был уверен в этом окончательно. Иначе он не сказал бы: «быть может, из этого монастыря Макарий пришел в Киев», и т. д. Но в таком случае Николаю Ивановичу следовало бы справиться хоть у Строева, в его «Списках Иерархов и настоятелей монастырей», каковая книга, без сомнения, должна же была находиться у него под

руками. А в этой книжке Г. Строев явственно различает Овруцкий Монастырь от Овручского, и не только помещает первый из них в Епархии Киевской, а второй в Волынской, но и упоминает, об известных уже нам настоятелях Овручского монастыря Германе и Антонии и т. д.⁶⁹⁴ Само собою разумеется, что справки эти дали бы совершенно иной порядок мыслям Р. Костомарова, – а отсюда ему не было бы и никакой надобности говорить: «быть может», а он просто должен бы сказать, как и говорит история, что препод. Макарий прежде своего поступления в Каневский Овруцкий монастырь был сначала архимандритом Овручским.

А что это так, об этом прежде всего свидетельствует собственноручная подпись самого же Макария, сохранившаяся, как мы уже упоминали, на книге бесед Златоустого, хранящейся в Переяславском Соборе, где он явственно сам о себе пишет: «Макарий Токаревский, Архимандрит Овручский, Игумен Пинский, Куплатицкий, Каневский».⁶⁹⁵ – К сожалению, подпись эта без означения года, – но она говорит сама за себя, ясно давая понять, что Овручский монастырь и Каневский совершенно не одно и то же, как не одно и то же были монастыри, упоминаемые в той же подписи преподобного – Куницкий и Пинский. В этом отношении даже можно еще поспорить с г. Костомаровым и вместе с «Историей Русской Иерархии», действительно ли Каневский монастырь когда либо носил в собственном смысле наименование Каневского – Овручского? – Напротив, судя по всем данным, есть полнейшее основание думать, что название это, если и существовало, то не иначе, как по поступлении в него самого же Макария, яко Архимандрита Овручского. «А Каневский Игумен, т. е. св. Макарий, как справедливо замечает известный из компетентнейших знатоков западнорусской истории, М. А. Максимович, – продолжал именоваться Овручским (и по удалении из Овруча) по прежнему служению и пребыванию своему в том (Овручском) монастыре до его разорения, которое произошло весною 1671 года, по справедливому примечанию Черниговских Епархиальных Известий к одному из помещаемых там (вышеприведенных) писем Лазаря Барановича».⁶⁹⁶

Впоследствии строго-благочестивая жизнь и в особенности страдальческая кончина и прославление С в. Макария Овруцкого могли еще более закрепить это наименование, с переменой его на более удобное для произношения наименование Овруцкого, за бывшим его Каневским монастырем, каковое наименование потом и перешло в «Историю Иерархии», хотя, нужно думать, наименование это вообще держалось не крепко, от чего между прочим сам Г. Максимович, в цитуемой нами выше статье своей: «Воспоминание о стародавнем монастыре Каневском», Овруцким не называет его ни разу.⁶⁹⁷

Наконец последнее, не подлежащее никакому сомнению доказательство того, что св. Макарий до поступления своего в Киевский монастырь действительно был прежде Архимандритом Овруцким, мы имеем у того же Г. Максимовича в его статье, специально посвященной памяти Макария, под заглавием: «Биографическое примечание о преподобном Архимандрите Макарии Токаревском». В статье этой, первоначально помещенной в Полтавских Епархиальных Ведомостях 1865 г.,⁶⁹⁸ г. Максимович по поводу назначения Макария в Овруч прямо говорит, что «Архимандритство его здесь началось никак не раньше посвящения Лазаря Барановича во Епископы, последовавшего в Марте 1671 года, а прекратилось оно с разорением того монастыря весной 1671 г. После этого, заключает автор, Архимандрит Овруцкий получил место игумена Каневского».⁶⁹⁹ Замечание это тем драгоценнее для нас, что, упоминая о разорении Овруцкого монастыря, г. Максимович сопоставляет его с нашествием Татар на Полесье, именно в 1671 г.,⁷⁰⁰ тогда как напротив о разорении Конева в это время история не имеет никаких сведений, а знает только о разорении его в 1678 г., последовавшем, как нам уже известно, одновременно с страдальческою смертью Макария в том же году.⁷⁰¹ – А отсюда, само собою явствует, как непосредственно личность св. Макария связывается с землею Волынской, тем более что и сам он ни разу не разрывал этого союза, всегда именуясь столь присным ему наименованием Овруцкого даже в самом Каневе, и с этим именем оставшись и после своей

кончины, как настоящей родной наш угодник и чудотворец Волынский в ближайшем, собственном смысле этого слова. – Память святого Преподобномученика Макария празднуется 7-го сентября в день его кончины.⁷⁰²

II. Краткий очерк жизни Святителя Иннокентия, Епископа Иркутского, уроженца Волынского.

Святой Иннокентий родился в конце XVII в. от древней Волынской дворянской фамилии Кульчицких и первые годы своей юности провел в Киевской Академии.⁷⁰³ Здесь он обучался всем наукам тогдашнего образования и немедленно, по окончании курса учения, отказался от мира, постригся в Киево-печерской лавре и принял священство. В 1710 году Московская Академия требовала из Киева наставников из воспитанников Киевской Академии. Между другими выбор пал и на Свят. Иннокентия, который отправлен был в Москву вместе с двумя товарищами по назначению. Спустя четыре года после этого Св. Иннокентий получил звание префекта и в том же году (1714) переведен в Петербург в Александро-Невскую Лавру с званием соборного Иеромонаха. Здесь он выполнял также должность Обер-Иеромонаха по флоту, т. е., как говорит Пр. Филарет Черниговский, «был начальником флотских иеромонахов, надзирал за их поведением, разрешал сомнения их и о нуждах их духовных сносился с Синодом».⁷⁰⁴

Спустя несколько времени, в 1720 году, когда Архимандрит Александро-Невской Лавры Феодосий Яновский был посвящен во Епископа Новгородского, Иннокентию поручено было исправлять должность Наместника Лавры.⁷⁰⁵ В это время между прочим Император Петр 1-й повелел, чтобы при Русской Пекинской миссии, как и при Римской миссии, был Епископ. В исполнение Монаршей воли Св. Синод назначил Иннокентия Начальником Китайской миссии, и 5 марта 1722 года он был посвящен с титулом Епископа Переяславского. Апреля 19-го новый Святитель выехал на место своего назначения с двумя иеромонахами, пятью певчими и тремя служителями. В марте 1722 года Иннокентий прибыл в Иркутск и за тем, остановившись в Селенгинске за Байкалом, должен был ожидать дальнейших распоряжений о пути в Пекин. Но в грамате, писанной из Сената в Китайский Трибунал, Иннокентий, помимо ведома Императора, был назван духовною

особою – Господином. Этим воспользовались враги Православной Пекинской миссии, Китайские иезуиты, имевшие основание опасаться, чтобы Православный Епископ в Пекине не открыл китайцам глаза на их проделки. Они внушили китайцам, что слова: духовная особа и господин равносильны наименованию Богдыхана; вследствие этого Мунгальский Трибунал отказался пропустить Иннокентия в Пекин, «потому что», как сказано в ответной грамоте, «он назван духовною особою и великим Господином».

После этого Иннокетий оставался целые три года в Селенгинске, в ожидании решения судьбы своей. Но чтобы не тратить напрасно времени, он стал заниматься проповедью Слова Божия язычникам, кочевавшим около Селенгинска, диким Бурятам и Монголам, и своею проповедью обратил к свету Христову значительное число неверующих.⁷⁰⁶ В тоже время он старался подкреплять туземных христиан, ослабевавших в вере от влияния соблазнов язычества.⁷⁰⁷ Затем в марте 1725 года Святитель, по указу Св. Синода, должен был переехать в Иркутский Вознесенский Монастырь в ожидании новых распоряжений о своей миссии. Вслед за сим, в июле того же года, Императрица Екатерина I-я послала в Китай для решения дел с Срединною Империей полномочного посланника Савву Владиславовича Рагузинского, которому в то же время велено было взять с собою и Иннокентия, если не будет препятствия со стороны китайцев. Рагузинскому велено было умолчать о Епископском сане Иннокентия, а только прямо именовать его лицом духовным. Но Рагузинский не удостоил даже своим посещением Святителя во время проезда чрез Селенгинск, куда в то же время, весною 1726 года, прибыли и Иннокетий в ожидании посланника. Причиною сего было то, что еще во время пребывания своего в Иркутске, Рагузинский за значительную взятку дал слово Настоятелю Иркутского Вознесенского монастыря Антонию Платковскому, что он, Платковский, а не кто другой будет начальником Пекинской миссии.⁷⁰⁸ И точно, именным указом, 7 января 1727 г., Платковский, по ходатайству Рагузинского, был назначен настоятелем Пекинской миссии, а Св. Иннокентию снова

подтверждено было оставаться в Иркутском Вознесенском монастыре впредь до дальнейших распоряжений.⁷⁰⁹

Впрочем на этот раз и Св. Синод заставил ожидать себя недолго. Указом 15 января 1727 г. он восстановил то самое определение о Св. Иннокентии, которое предполагалось еще при Петре Великом, по случаю первого отказа Китайцев. В силу этого указа Иркутская церковь, входившая доселе в состав Тобольской Епархии и с 1707 года управлявшаяся Викарным Епископом, теперь поставлена в ряду самостоятельных Епархий, и Св. Иннокентий наименован ее Архипастырем с титулом Епископа Иркутского и Нерчинского. Сентября 1-го 1727 года Святитель разослал окружную грамоту к своей пастве с пастырским наставлением и приступил к ее управлению.⁷¹⁰

Нет сомнения, что сам Промысл уготовлял неутомимого Иннокентия на служение новой Иркутской пастве, страдавшей на ту пору расстройством и безурядицами, превышающими всякое понятие. Святой Архипастырь увещевал и наказывал виновных, пресекал беспорядки, давал разные инструкции, назначал доверенных лиц для решения недоразумений, предписывал духовным вести себя честно и не забывать своих обязанностей и т. п.⁷¹¹ Но самые теплые заботы были обращены блаженным Архипастырем на Монгольскую школу, открытую при Вознесенском Иркутском монастыре еще в бытность Платковского. Святитель исправил ее помещение, завел в ней обучение Церковно-Славянской грамоте, вызывал способных учителей и заботился о доставлении нужных книг. И как человек образованный, без сомнения, он поставил бы эту школу в самое лучшее положение, если бы тому не мешала скудость средств и крайние нужды, с которыми боролся сам Святитель. По странному недосмотру, при определении Св. Иннокентия на Иркутскую кафедру, не было сделано распоряжения о его жаловании. Вследствие этого ему приходилось содержать школу из доходов Вознесенского монастыря, который один питал и содержал и его самого. Святой Иннокентий представил Синоду о нужде в жаловании и о границах епархии, оспариваемых Тобольским Митрополитом. Синод постановил определением от 29 августа 1729 года как назначить жалование

и сумму на постройку Архиерейского дома, так и, согласно прошению Иннокентия, включить в состав его епархии округа Селенгинский, Якутский и Илинский. В то же время определение это было сообщено Сенату. Но Сенат молчал до самого 1731 года, вследствие чего Синод вынужден был войти с докладом об этом к самой Императрице. И только 27 октября 1731 года определение Св. Синода было утверждено, и Сенат распорядился о выдаче жалования Иркутскому владыке и денег на постройку Архиерейского дома.⁷¹²

Но этими плодами забота Святителя суждено было пользоваться уже его преемникам, а не самому Св. Иннокентию. В начале октября 1731 г. он, и без того не пользовавшийся крепким здоровьем, заболел и пролежал целых два месяца, не будучи в состоянии даже совершать служения для ожидавших посвящения ставленников. – Ноября 25 он приказал молиться в храмах Иркутска об облегчении своей болезни, и наконец утром 27 ноября предал дух свой Господу, истощенный заботами и скорбями, хотя в это время ему было только не много более 50-ти лет.

В 1764 году, по случаю производившихся работ под алтарем Тихвинской Иркутской церкви, в которой был похоронен Св. Иннокентий, гроб Святителя видели совершенно целым; даже бархат, которым он был обит, не был поврежден сыростью места. За тем, когда открыли гроб, то Св. тело оказалось совершенно нетленным и издавало приятный запах.

В царствование Императора Павла I, Сенаторы Роневский и Левашов, ревизовавшие Иркутскую губернию, донесли Государю о нетленных мощах и чудесах Святителя. Вследствие этого в 1800 году Святейшим Синодом предписано было духовным лицам поверить на месте донесения Сенаторов. Строгое следствие вполне оправдало их известия, и вслед за сим мощи Иннокентия были торжественно открыты и по всей России предписано было праздновать память его в 26-й день Ноября.⁷¹³

I. Краткое сказание о почаевской лавре с присовокуплением других статей, относящихся к истории и святыне Почаевской.

Тако глаголет Господь; будет в последния дни явлена Гора Господня, и дом Божий на верху гор, и возвысится превыше холмов, и приидут к нему вси языцы (Исаи II, 2).

Исторический очерк по поводу исподнивавшегося пятидесятилетия со дня включения Почаевской обители в число православных Русских Лавр (13 Октября 1833 – 1883 года).⁷¹⁴

«Да пребудет обитель сия (Почаевская) навсегда оплотом православию и русской народности в древнем русском крае». (Слова Государя Императора Александра Александровича. Из телеграммы Г. Обер Прокурора Святейшего Синода по случаю бывшего юбилея на горе Почаевской).

В 13-й день октября 1883 года исполнилось ровно пятьдесят лет, как Его Величеству Государю Императору Николаю Павловичу поднесен был Святейшим Синодом всеподданнейший доклад, удостоенный на другой же день Высочайшего утверждения, о присвоении Почаевской обители, два года тому назад возвращенной из унии в православие (10 Октября 1831 г.), звания Почаевской Успенской Лавры, с указанием средств к ее содержанию. Как известно, по этому поводу, с разрешения Святейшего Синода, отпраздновано было на Горе Почаевской знаменательное торжество, в котором приняли участие многие высокопоставленные лица не только духовные, но и светские, и сам даже Его Величество Государь Император Александр Александрович с Августейшею Супругою своею, удостоившие Почаевскую Лавру в 13-й день Октября Высочайшего внимания трогательной телеграммой и присылкой особой драгоценной лампы в память бывшего юбилея к чудотворной Иконе Божией Матери Почаевской, и т. п.⁷¹⁵

И одного этого обстоятельства достаточно, как нельзя более, чтобы обратить внимание на Гору Почаевскую всех любителей отечественной истории и почитателей русской святыни. – Но кроме этого, Лавра Почаевская замечательна и во

многих других отношениях. Замечательна ее судьба и положение в среде прочих наших монастырей, как одного из древнейших монастырей в России, находящегося на самых западных окраинах нашего отечества, искони служащего центром религиозной жизни на западе России, и крепким оплотом православия против латино-униатства, отторгнутого было на время в руки иноверных и потом снова возвращенного православным, и ныне опять служащего ближайшим представителем православной Церкви для страждущих под игом латинства и унии русинов Холмских и Галицких. – Не менее замечательна и святыня Почаевская, состоящая из чудотворной Иконы Божией Матери и Мощей Преподобного Иова Игумена и Чудотворца Почаевского, и сверх сего из дивной Целебоносной Стопы Божией Матери, какой не найти не только в нашем отечестве, но и в целом свете, которая, высоко поднимаясь на скалистых твердынях Горы Почаевской, в течении веков источает целительную воду, струящуюся из камня.

А между тем из русских монастырей Лавра Почаевская едва ли не менее всего известна народу православному, в особенности по части своей истории. На том основании, что монастырь Почаевский включен в семью православных русских Лавр только в 1833 году, у нас по большей части считают ее юнейшею сестрою в числе этих Лавр. На самом же деле она моложе только одной Киево-печерской Лавры, и то не более, как на двести лет (1062 – 1240). Когда же преподобный Сергей полагал начало своих подвигов в лесах Радонежских, то в это время монастырь Почаевский мог считать уже около сотни лет своего существования (1240 – 1330). Что до лавры Александро-Невской, то обитель Почаевская старше ее немногим только менее чем на пятьсот лет. Ибо, по несомненному преданию, обитель Почаевская основана первоначально иноками Киево-печерской Лавры, бежавшими от нашествия Батыева, – следовательно, никак не позже первой половины XIII-го века, около 1240 года.

Впрочем первые насельники Горы Почаевской, с одной стороны вследствие особенного своего пустынного положеня

на дикой горе, а еще более потому, что сами они по преимуществу вышли из числа Киево-печерских иноков, спасавшихся в затворе, так как затворническая жизнь, по свидетельству истории, была главной формой подвижнической жизни печерских угодников первой половины XIII-го века,⁷¹⁶ — вели сначала жизнь пустынную, затворническую, подвизаясь вдали от взоров человеческих в местных, природных скалистых пещерах избранной святой Горы. — Само собою разумеется, что при таких обстоятельствах, как самим этим блаженным подвижникам мало было дела до других, так и окружающие их жители не много могли иметь сведений о их жизни и деятельности, а тем более об их происхождении. От того ни особенных документов, ни определенных сказаний о первоначальном основании, равно как и положении и устройстве Почаевской обители собственно и не могло сохраниться. — Из древнейшей истории Почаевского монастыря в народной памяти запечатлелся один только факт, несомненно доказывающий, что иноки были на Горе Почаевской уже в 1240 г., так как двое из них, да еще один житель Почаева, пастух Иван Босый, по преданию, видели в этом году явление Божией Матери на скале Почаевской в столпе огненном, положившее начало Цельбоносной Стопе Почаевской.

Должно быть, с тех же незапамятных времен иноки Почаевские соорудили у подножия Горы своей Каменную церковь в честь Успения Божией Матери «за милостыню от благодетелев вземлемую», так как уже в XVI веке застаем эту церковь здесе «готовую» совместно с монастырем, который в актах того же XVI-го века прямо называется «древним монастырем Греческого обряда», существующим «с незапамятных времен», как это видно из грамот Королей Польских Сигизмунда 1-го и Сигизмунда II-го Августа, подтверждающих права Почаевской обители в 1527 и 1557 году.

Но собственно настоящая документальная история Почаевского монастыря начинается со второй половины XVI-го века, когда соседняя помещица Анна Гойская перенесла сюда из Орли (ныне деревня Урля) чудотворную икону Божией Матери, «и тамо в пещере обитающим инокам в вечное

хранение предаде». Это было в 1597 году, после того как пред иконою этою, по молитве пред нею, прозрел слепой от рождения брат Гойской Филипп Козинский. До сего времени икона Божией Матери хранилась около тридцати лет в доме Гойской, будучи получена Гойскою в дар за гостеприимство от некоего Греческого Митрополита Неофита в 1559 году. Вместе с перенесением Св. Иконы Гойская решила устроить на Горе Почаевской «общежительный монастырь» вместо существовавшего здесь доселе пустынного, для каковой цели пожертвовала в пользу новоустрояемой, или вернее сказать, устрояемой на новых началах обители, десять волок земли пахатной, десять коп грошей (около 300 р.), шесть оседлых с семействами крестьян, десятину со всего имения, собираемого с имения Почаевского, в то время принадлежавшего Гойской, и лес с сенокосом, тот самый, которым и доселе владеет Лавра Почаевская по дороге в Почаев из соседнего города Кремонца и ближайшей железнодорожной станции «Рудня».⁷¹⁷

В тоже время на Гору Почаевскую прибыл человек, которому суждено было вполне достойно устроить преобразуемую обитель на новых основаниях. То был известный уже нам преподобный Иов Игумен Почаевский. В виду изложенного нами выше подробного жития его мы предлагаем своим читателям припомнить здесь все, что сказано в этом житии о Лавре Почаевской. История Лавры и жизнь преподобного связаны одна с другою такими неразрывными узами, что продолжать первую значит повторять другую. Скажем только, на основании вышеизложенного, что Лавра Почаевская при преподобном Иове стала обителью замечательнейшею во всех отношениях и получила то великое значение, каким она, по справедливости, пользуется и до настоящего времени.

По смерти Иова монастырь Почаевский еще более семидесяти лет находился в ведении православных, хотя интриги со стороны латинян и униатов о свращении его в унию начинаются уже за несколько десятилетий до конца XVII века. Не смотря однако на это, во все сие время обитель Почаевская устроилась все более и более, обогащаясь от народных

приношений и разного рода закладных имений, получаемых от соседних богатых панов, получавших под залог этих имений необходимые деньги из обители, так что к концу XVII века обитель Почаевская едва-ли была не одним из богатейших и благоустроенных монастырей Западного Края России. Слух об этих богатствах между прочим был причиною того, что в 1675 году, во время так называемой «войны Збаражской», целый отряд татар и Турок под предводительством хана Нурредина осаждал было обитель Почаевскую в течении трех суток (20 – 23 июня), грозя ей совершеннейшим разорением. И таковое последовало бы неизбежно, если бы сама Матерь Божия не заступилась за свою обитель. По преданию, она явилась вместе с Иовом над обителью и тем заставила врагов бежать, не причинивши ей никакого вреда.

Из других обстоятельств в истории Почаевского монастыря до свращения его в унию, заслуживающих внимания, можно указать во 1-х, на нападение на Гору Почаевскую Шведских войск во время известной северной войны, стоившее ей потери чуть ли не всего имущества (1705), и во 2-х, посещение Почаевского монастыря Императором Петром Великим вместе с бывшим постриженником этого монастыря, знаменитым Феофаном Прокоповичем, во время Прутского похода, в 1712 году.

В 1720 году состоялся известный Латино-униатский Собор Замойский, на котором униатами признана была официально порча богослужебных книг в духе латинства. На этом соборе еще не было настоятеля Почаевского монастыря, потому что тот был еще православным. Но следующий за сим настоятель Почаевский Феодосий Рудницкий уже является униатом, и Лавра Почаевская с того времени формально поступает в ведение латино-унитского Чина, «сиречь Ордена св. Василия Великого».

Нужно заметить впрочем, что на первых порах Базилиане Почаевские слишком осторожно относились к своему положению на Горе Почаевской, от чего между прочим в архиве Лавры не сохранилось даже ни одного официального документа о переходе ее в унию. Как справедливо замечает один писатель

Лавры, «дело это, по существу темное, так и должно было оставаться во мраке неизвестности», в особенности ввиду народа, который издревле любил Почаевскую обитель, как родную, заветную православную святыню, и в случае торжественного объявления о захвате ее униатами, мог бы вступить за нее силою. От того между прочим Феодосий Рудницкий, ставши первым Базилианским настоятелем Почаевской Горы, не брил бороды, носил православную рясу и, по примеру своих собратий, не подписывался супериором, а просто игуменом, и т. д.

За то, чем тверже Базилиане укрепляются в Почаеве, тем явственнее они становятся на сторону врагов православия: заводят у себя органы, перестают поститься по средам и пятницам, а начинают поститься в субботу, уничтожают посты Успенский и Петров, строя боновые, пристенные алтари для служения шептанной Литургии, и пр. и пр., и наконец с 1757 года принимают самое отчаянное правило латынян: не иметь никакого общения с православными.

К вящей латинизации и с нею непосредственно соединенной полонизации Почаевского монастыря служило то обстоятельство, что, как главнейшей из монастырей Западного Края России, он спустя не много времени по обращении в унию, становится центром административной жизни западно-русских базилианских монастырей, в котором сосредоточиваются все базилианские власти, разные Генерал-Протоархимандриты, архимандриты – провинциалы, прокураторы, консульторы, секретари, духовники и т. д. С 1808 года здесь поселился униатский епископ Луцкий – и все это только и думало об интересах западной церкви и польского шляхетства, которому базилиане Почаевские принадлежали телом и душою, и за которым готовы были идти по первому его востребованию. В том же духе базилианами устроена была на Горе Почаевской особая школа для воспитания базилианских новициушов, т. е. послушников, где наставниками были сами базилиане, преподававшие исключительно только на латинском и польском языках, до того, что воспитанники, вышедшие из этого «новициата» в священство, часто не умели читать по славянски,

и по большей части служили по книгам, списанным и даже напечатанным латино-польским шрифтом, – каковыя между прочим с этою же целью и издавались в самом Почаеве. В таком же совершенно духе базилиане Почаевские содержали у себя, уже под русским владычеством, и особое светское училище, называвшееся сначала «окружным училищем второго разряда», а потом «Поветовым, т. е. уездным училищем». – Здесь все преподавание шло исключительно на одном Польском языке и в польском духе (напр. История и География), и хотя в школу эту принимаемы были также и дети православных родителей, но православный законоучитель был введен сюда только в последнее время, и то при сильном натиске русского правительства.

Не менее интересно, с какими неправдами базилиане Почаевские пользовались во вред России и в защиту латинизма и полонизации своею Почаевскою типографией, нужно заметить, наследованною от православных. Мало того, что они печатали здесь разные олатинизированные униатские книги богослужебные, папские буллы, индульгенции, – в 1784 году они вошли в соглашение с стародубскими раскольниками, вызвали из Климовского посада старообрядца Василия Железняка, прибрали от него экземпляры старопечатных книг, и отливши подходящие буквы, печатали раскольнические книги целыми тысячами вопреки строжайшему распоряжению о непечатании таковых со стороны русского правительства. Когда же поляки поднялись против России, базилиане Почаевские не только печатали для них разного рода возмутительные прокламации, но и сами распространяли таковые в народе для возбуждения повстанья в 1830 – 1831 г.

Единственную светлую страницу в истории Почаевской Лавры этого периода составляет сооружение на Горе Почаевской нынешней Успенской соборной церкви и братского корпуса, ее окружающего, известным благотворителем Лавры графом Николаем Потоцким во второй половине XVIII века. Потоцкий на Злотим Потоку был сын Стефана Потоцкого, воеводы Бельзского, и первоначально воспитывался в вере католической, но потом принял унию и сделался фундатором

Почаевским по следующему обстоятельству. Ведя разгульную жизнь польской шляхты XVIII века, он однажды был опрокинут с повозки разбесившимися лошадьми вместе с своим кучером. Считая кучера виновником случившегося, взбаламошный пан поднял пистолет, чтобы убить его. Но кучер возвел руки к Горе Почаевской, которая видна была с того места, где случилась катастрофа, и воскликнул: «Матерь Божия, чудовная в иконе Почаевской, спаси меня!» И не смотря на то что Потоцкий прицеливался несколько раз, пистолет, никогда не изменявший ему, осекался, и кучер остался в живых. После этого События Потоцкий немедленно отправился на Гору Почаевскую, и с того времени решил всего себя и все свое имущество посвятить на устройство и благоустройство здешней обители.

В 1771 году последовала, стараниями Потоцкого, закладка новой церкви, в 27 сажень длины и 20 ширины, и с того времени совместно с братским корпусом постройка шла до 1782 года не только на средства фундатора, но и под непосредственным его надзором и наблюдением, хозяйственным способом. Из архитекторов, по плану которых сооружаемы были новые здания, известны Готфрид Гофман, Ксаверий Кульчицкий и Императорский архитектор из Львова Полиевский. А каковы эти здания в архитектурном отношении, должно сказать, что сам Государь Император Николай Павлович, посетивши Почаев в 1842 году, назвал постройку Успенской соборной церкви «дерзкою», – потому что церковь эта действительно как бы висит на воздухе, стоя на южном обрыве Горы Почаевской, – что между прочим зависел от того, что Потоцкий должен был также, как было и в прежней Святотроицкой церкви, поместить здесь Стопу Богоматери, находящуюся на самом краю этого обрыва. Вместе с этим Потоцким сооружена была, к югу от Успенского храма, под самою Горю Почаевскою, нынешняя пещерная церковь, с искусно оставленною в ней природною скалистою пещерою для мощей преподобного Иова, и еще ниже ее другие здания в роде контрафорсов к Успенскому собору и т. п. В 1780 году церковь пещерная была освящена супериором Лавры Иеронимом Калитинским, который в том же году освятил и соборную церковь

Успения для временного служения в ней, хотя эта последняя еще долго отделялась, так что чудотворная икона Божией Матери была перенесена сюда только в 1791 году. Настоящее же освящение ее совершено было в 1822 году, 30 августа, в день Тезоименитства Государя Императора Александра 1-го, Екзархом митрополии римско-католических церквей на юго-западе России Иаковом – Адамом Окелло – Мартусевичем.

Потоцкий прожил два года после первоначального освящения Успенского собора и скончался 12 августа 1782 года, устроивши кроме сего на собственные средства небывалое торжество на горе Почаевской по поводу им же самим задуманного и приведенного в исполнение «Коронования чудотворной иконы Божией Матери в 1773 году римскими диадами от папы Климента XIV». – Согласно завещанию, сделанному в 1774 году, Потоцкий был похоронен в новосозданной церкви, где и доселе, у западной стены, лежат его набальзамированные останки, облеченные в базилианскую одежду, так как, по преданию, он был пострижен преде смертью в монашество.

Между тем базилиане Почаевские продолжали идти своею дорогою. Владея большими достатками, получаемыми от богомольцев, приходивших на гору Почаевскую, и разного рода вкладами от панов и закладными имениями прежнего и последующего времени, они старались вести и жизнь подобную во всем монахам латино-польским: содержали у себя множество разного скота, заводили винокурни, пивоварни, медоварни, и как мед и пиво, так и водку хранили в монастырских подвалах в течении десятков лет целыми десятками и сотнями бочек в свое утешение... Наконец, в 1831 году они сами решили свою судьбу, принявши явное участие в открывшемся Польском повстании. Когда стало известно, что бывший тогда доводца повстанцев на Волыни Дверницкий находится со своими бандами в окрестностях Почаева, то базилиане зажигали костры на лаврской галлерее, чтобы пригласить их к себе, и когда Дверницкий явился, сделали ему торжественную встречу и кроме угощения шайки передали ему не малую толику денег, собранных на повстанье помещиками и

хранившихся в монастыре, приложивши сюда, конечно, соответствующую сумму и из собственных запасов монастырских. К довершению эффекта, восемь человек базилиан со многими монастырскими служками открыто присоединились к банде Дверницкого и разъезжая по Почаеву в своих габитах (рясах) с саблями у пояса кричали: «Панове, за ойчизну...»

Такого и подобного рода поступки вскоре стали известными Русскому правительству, и 10 октября 1831 года, Лавра Почаевская, по Высочайшему повелению Государя Императора Николая Павловича, возвращена была снова в ведение Православной Церкви, от которой она отторгнута была за сто лет пред сим. Чрез два года после сего Почаевскому монастырю, как мы сказали, усвоено было наименование Лавры Православной, – и она опять заняла соответствующее положение в числе прочих отечественных монастырей, как одна из замечательнейших обителей в России.

Отселе наступает новый период на горе Почаевской, который по всей справедливости следует назвать периодом возрождения, обновления и возвеличения Почаевской обители во всех отношениях. Как ни богаты были базилиане Почаевские, но они больше любили заботиться о старках и медах, чем о благолепии своей обители, предоставляя последнее благотворителям в роде Потоцкого. От того Православные по принятию Лавры в свое ведение должны были сразу позаботиться о ее благоукрашении и устройении, можно сказать, по всем статьям. К счастью для Лавры, после первого православного настоятеля оной, Волынского Епископа Амвросия, бывшего в этом звании недолго, преемник его и первый Священно-Архимандрит Лавры, Волынский Архиепископ Иннокентий (1832 – 1840) был понимающий дело, старательный хозяин. И вот он снимает прежде всего с Успенского Собора и со всего братского корпуса черепичную, тяжелую крышу и заменяет ее железною. Лавра при базилианах была огорожена со всех сторон простым тыном, – Иннокентий, с восточной стороны ее ставит соответствующие Святые врата и полагает начало каменной ограде вокруг всей Лавры. В то же время

Иннокентий установил еженедельно по субботам чтение соборного акафиста пред Чудотворною Иконою Божией Матери в память возвращения Лавры в православие, завел прекрасный хор певчих, привел в порядок монастырское хозяйство, упавшее было по случаю участия базилиан в повстаньи и т. п.

Нужно при этом иметь в виду, что по возвращении Почаевской Лавры в православие, поляки и униаты распустили было молву, будто чудотворная икона Божией Матери сама ушла из Почаева в соседнее заграничное местечко Подкаменье, в тамошний Доминиканский монастырь, что, уходя из Лавры, базилиане выдолбили из скалы и самую Стопу Богоматери, и для вящего эффекта они хотели было на самом деле украсть Чудотворную икону и отвезти ее за границу. Вследствие этого на первых порах приходило на гору Почаевскую для поклонения самое незначительное количество народа, и по этой причине не могло быть здесь и значительных доходов.

Впрочем такой порядок продолжался не долго. Народ вскоре собственным опытом убедился, как лживы были слухи, распускаемые латино-униатами и поляками. К этому присоединились известия о новых чудесах, начинающих являться на горе Почаевской под ведомством православных, о строгом благочинии, заведенном здесь новыми насельниками, и прекрасном лаврском хоре, – и поклонники снова целыми тысячами устремились сюда, неся обильную лепту на нужды и благоуукрашение излюбленной обители. К вящей пользе воссоединенной Лавры в тоже время нашлись благотворители, не жалевшие и более богатых приношений во славу Царицы небесной. Из них известная благотворительница русских монастырей, графиня Анна Орлова-Чесменская, пожертвовала в 1842 г., при преемнике Иннокентия Никаноре (1840 – 1849) прекрасную серебряную раку для мощей пр. Иова, в каковую мощи эти и были переложены 14-го августа того же года. В том же самом году, сентября 25-го, Лавра Почаевская была удостоена Высочайшего посещения в лице Государя Императора Николая Павловича, в память чего, между прочим, Его Величество пожертвовал в Лавру богатую ризницу, которая и доселе именуется Царскою.

Преемник Никанора Архиепископа Арсений (1849 – 1860), в последствии Митрополит Киевский, в заботах своих об устройении Лавры, прежде всего положил начало первой на горе Почаевской церкви во имя пр. Иова, разделивши для этого пещерную церковь, где лежат мощи Преподобного, на две части; восстановил бывший монастырь Иова в г. Дубне, обративши его из приходской церкви в пустынь приписную к Лавре, и позолотил в 1859 году купола лаврские листовым золотом. По содействию его же, Арсения, в 1854 году уступлено Лавре большое бронзовое паникадило, весом в 20 пудов, находившееся прежде в Варшавской Вольской кладбищенской церкви. Октября 23-го Арсений имел счастье принимать в Лавре нового Царственного Гостя, покойного Государя Императора Александра Николаевича, по какому поводу, кроме других приготовлений, Арсений нарочито сочинил несколько подходящих молитв в честь святыни Почаевской, из коих некоторые употребляются в Лавре и до настоящего времени.

Следующие за Арсением преемники его тем успешнее стали действовать на пользу Почаевской Лавры, что с назначением Арсения Киевским Митрополитом, Волынская паства, составлявшая доселе одно с паствою Варшавскою, была отделена от последней, вследствие чего Архипастыри Волынские, не имея надобности проводить большую часть времени в Варшаве, как это было доселе, теперь сравнительно бо́льшее время могут проживать в Почаеве, и таким образом имеют возможность непосредственно следить за всеми нуждами и потребностями вверенной им Лавры. Из них при Архиепископе Антонии (1864 – 1866) устроена новая просторная теплая Свято-Троицкая церковь вместо бывшей доселе невместительной теплой церкви, которая Антонием же обращена в больничную церковь Св. Варвары. С этой целью между прочим Антоний снял Варваринский престол бывший в Пещерной церкви, при чем со снятием в той же церкви Иовлевского престола, устроенного Арсением, вся Пещерная церковь посвящена во имя Пр. Иова. При Антонии же положена закладка новой каменной колокольни для Лавры, вместо бывшей здесь убогой звонницы униатской; устроена особая

просторная «Народная Гостинница», сделано значительное количество церковной утвари и других различных принадлежностей, приобретены две прекрасные мельницы для Лавры с рыбною ловлею в селе Сураж и т. п.

В управление же Антония, в 1861 году получен был Лаврою новый богатый – Царственный дар, – прекрасный Иконостас для Успенского Собора, который был пожертвован Государем Императором Александром Николаевичем в память бывшего его посещения Лавры в 1859 г. и по богатству своему и особому изяществу и доселе составляет одно из лучших и драгоценнейших украшений Лавры. В тоже время на Иконостасе, в особой звезде утверждена была Чудотворная Икона Божией Матери, откуда она теперь опускается к народу для прикладывания, посредством особого прибора, наподобие Чудотворной Иконы Божией Матери в Киево-печерской Лавре. Наконец Антоний в 1866 году возложил на Икону Богоматери золотую ризу с украшениями из драгоценных камней, и в том же году переведен был на кафедру Владимирскую, а на его место назначен Архиепископом Волынским и священно-Архимандритом Лавры Агафангел (1866 – 1876).

Новый Владыка прежде всего покончил работы, начатые при Антонии, как то: колокольную и народную Гостинницу, устроил в Успенском Соборе; новое прекрасное Горнее место, на место сгоревшего в 1869 г. базилланского пристенного Алтаря, и наконец раскрасил всю Соборную церковь отличною стенною живописью работы известного академика Васильева. По почину того же Агафангела последовало разрешение Св. Синода на перенесение Чудотворной Иконы из летней Успенской церкви на все зимнее время, от 1 Октября до Пасхи, в теплую Святотроицкую церковь, заведены ночные чтения в Лавре на помин покойников и т. п. Вообще Преосвященный Агафангел оставил по себе самую теплую память на Горе Почаевской, как преискренний ревнитель ее благолепия, большею частью сам лично наблюдавший за всеми работами по Лавре, и для этого, не смотря на слабость сил своих, нередко

взбиравшийся на самые высокие места колокольни или купола Успенского Собора.

Ко времени же управления Агафангела Лавроу, относится устройство в Лавре, на хорах теплой церкви, особого исторического памятника в воспоминание победы Божией Матери над Турками и Татарами в 1675 году, чрез сооружение на этих хорах по инициативе пишущего эти строки, и отчасти на его же средства, особого придела в память означенной «победы», освященного в день памяти этой победы 23 июля (1875 года).

На место Агафангела в 1876 году определен был знаменитый наш отечественный вития Архиепископ Димитрий (1876 – 1882), в управление которого Лавра Почаевская обогатилась новою гостинницею, перестроенною из бывшей Почаевской ратуши, подаренной, по, ходатайству Преосвященного, Лавре Министерством Государственных имуществ, и в особенности превосходным серебряным престолом для Успенского Собора, сооруженным по инициативе покойного Архипастыря, на Лаврские средства, известным художником С. Ф. Верховцевым в 1880 году. В 1879 г. Владыка Димитрий принимал у себя в Лавре высокого гостя, всегда глубоко чтимого им Одесского Архиепископа, ныне Митрополита Киевского, Высокопреосвященнейшего Платона, на место которого сам потом вторично перешел в Одессу. Очевидцы говорят, что Преосвященный Димитрий плакал на прощание с своим другом и благодетелем, не надеясь больше уж свидеться с ним. Но Господь даровал ему великое утешение: он не только еще несколько раз виделся с Высокопреосвященнейшим Платоном в Киеве, но и сподобился за месяц перед смертью поклониться и послужить Святыне Почаевской в память последнего ее юбилея 13, 15 и 16 Октября 1883 года. Царица Небесная как будто нарочито позвала его от моря на св. Гору свою, чтобы благословить его на последний подвиг с смертью.... Мир праху твоему, святой Владыко. Не забудет Лавра и тебя, как не забудут все, которых ты любил и которым в жизни столько благодетельствовал.

Наконец при нынешнем Священно-Архимандрите Лавры, Архиепископе Тихоне, кроме других работ и сооружений по Лавре, окончена еще новая гостиница близ самой Лавры и приведена в исполнение одна из самых тяжелых статей по устройству Лавры, именно галлерей, находящаяся на вершине Горы Почаевской, на площади пред Успенским собором, под которою внизу находится пещерная церковь, и ниже ее в роде контрафорса церковь Антония и Феодосия, и другие пристройки, как мы сказали, идущие амфитеатром вдоль южного склона Горы Почаевской. Не далее, как в позапрошлом году, стараниями бывшего наместника Лавры, архимандрита Иоанна, пещерная церковь скреплена новыми железными связями, а поверх ее, на особых гигантского размера железных балках, устроены арки, на которые упирается сама галлерей, вся кругом церкви залитая асфальтом.

Не удивительно, что при таких и подобных работах и постройках Лавра Почаевская представляет теперь один из грандиознейших и благоустроеннейших монастырей в нашем отечестве. Великолепию его и поразительной красоте как нельзя более соответствует его положение на склоне горы, возвышающейся около 30 сажень над уровнем окружающей местности, отовсюду окруженной цветущими полями, перелесками и горами, утопающими в синеве неба в особенности по направлению на юго-восток от Лавры. Император Николай, обозревая с Лаврской галлерей открывающиеся окрестности, не даром сказал: «вот моя Швейцария».... Отсюда же, с Лаврской галлерей, простым даже, не вооруженным глазом, можно видеть заграничное местечко Подкамень, отстоящее от Лавры по прямому направлению не более, как на верст семь.

Такого рода близость Почаевской Лавры к нашей Западно-Галицийской границе между прочим служит причиною тому, что сюда ежегодно стекаются на богомолье не только русские православные, но и многие, многие Галицийские униаты, не смотря на самые деятельные препятствия к тому со стороны Австрийских, или вернее сказать, Польско-Галицийских властей. В этом отношении, говоря словами Его Величества Государя

Императора нашего Александра Александровича, Почаевскую обитель по всей справедливости можно назвать «оплотом православия и русской народности в древнем русском крае»... И кто знает, какое значение в этом же отношении суждено иметь Лавре нашей в будущем, если только мы сумеем, как должно, воспользоваться ее положением?

Нужно к сему прибавить, что Лавра Почаевская имеет также не малое влияние и на объединение Поляков с православными. По той причине, что чудотворная икона Божией Матери Почаевская, как мы уже видели, коронована папскими диадами, что равносильно признанию ее чудотворной от всей римской церкви, на гору Почаевскую и доселе собираются не одни православные и униаты, но и римско-католики, и как видно из документов Лаврских, нередко получают высшую помощь от Царицы небесной наравне с первыми. Это имеет большое влияние на отношение поляков как к Лавре Почаевской, так и к православным вообще, заставляя первых молиться с последними. А где же лучше и полнее люди могут объединиться друг с другом, как не во храме молитвы! – Здесь невольно забывается всякая вражда, и общая святыня нередко ведет к общности веры и других разных интересов о Господе.

Не говорим уже о том, что Почаевская Лавра год от года становится все более и более выдающимся центром религиозной жизни не только для Волыни, Подолии, Холмщины и Галиции, как было доселе, но можно сказать, для всей России....Кто не видал на горе Почаевской в последнее время поклонников из далекого Севера, от Соловок и Томска, или из самого Юга, из Крыма, Кавказа, и пр. и пр.... Смело можно сказать, что в настоящее время едва ли найдется уголок в нашем отечестве, где бы не было пузырька святой воды от Стопы Почаевской, или Почаевской какой либо книжки или иконы, и т. д.

От того нельзя не порадоваться, что Лавра наша наконец получила разрешение от Св. Синода вместе с другими богослужебными книгами издавать и составленный нами к совершившемуся юбилею Лавры службы в честь Чудотворной Иконы Почаевской и Преподобного Иова с Акафистами им.

Составленный в строго православном духе, с явными намеками на недостатки господствовавшего некогда на Горе Почаевской латиноунитства, службы эти с Акафистами как нельзя более способствуют к достойному прославлению Святыни Почаевской, и если они проникнут за границу, а они проникнут несомненно, как проникают туда и прочие православные богослужебные книги, печатаемые в Лавре, то принесут там немалую пользу в интересах православия.

Мы заключим свой очерк указанием на важнейшие торжественные дни на Горе Почаевской для тех из наших читателей, которые бы после этого захотели побывать в Почаевской Лавре и видеть ее во всем ее блеске и величии. Сюда относятся: 1) 8-й день Сентября как день празднования в честь чудотворной Иконы Почаевской и 2) 15-го Августа, как главный храмовой праздник в Лавре. Кроме обычных служб – в эти дни ежегодно совершаются в Почаевской Лавре особые крестные ходы из Успенского Собора в Лаврскую кладбищенскую церковь Рождества Богородицы, отстоящую от Лавры на целую почти версту и обратно, при громаднейшем стечении народа, нередко превышающем десяток тысяч. Не менее торжественные службы совершаются на Горе Почаевской так же в день памяти Преподобного Иова 28-го Октября и в день обретения мощей его 28-го Августа. В эти дни на всенощном бдении, совершаемом в Пещерной церкви, весь полиелей служитя соборне у раки Преподобного, в пещере, где мощи эти почивают под навесом природной скалы, и здесь, как бы в древних катакомбах, производит глубокое впечатление на молящихся. Кроме того еженедельно, по Субботам, в Лавре совершается торжественный Акафист пред Чудотворною Иконою Божией Матери, для чего Икона спускается пред царскими вратами, и как бы вися на воздухе, невольно располагает молящихся к особенным чувствам умиления и благоговения.

Мы тем более можем рекомендовать теперь желающим посетить Лавру Почаевскую, что проехать в нее весьма легко во всех отношениях. Стоит только держать путь на Киево-Брестскую железную дорогу, и отселе на станцию Здолбуново-

Радзивилловской ветви сей дороги «Рудню Почаевскую», или же «в Радзивиллов». Из той и другой станции всегда можно иметь в Почаев экипажи и лошадей за самую умеренную цену, и при том так, что, выехавши напр. из Рудни непосредственно по прибытии поезда, можно попадете в Лавру еще на всенощное бдение, так как поезд этот приходит сюда около 5-ти часов вечера, и Рудня отстоит от Почаева не более, как на верст 22. Кроме сего в Лавре в настоящее время, как мы уже заметили, имеется несколько просторных, благоустроенных гостинниц как внутри самой Лавры, так и вне ее, в которых посетители могут найти для себя по востребованию самое удобное помещение, с самоварам от Лавры, пищею и т. п.

Тем же из посетителей Лавры, которые желают познакомиться с ее историей и святыней или обозреть ее подробнее, Лавра в настоящее время предлагает целую серию особых книг по сей части, составленных отчасти и нами, отчасти другими, а именно: 1) Святая Цельбоносная Стопа Божией Матери в Почаевской Лавре; 2) Повесть о Чудотворной Иконе Божией Матери Почаевской; 3) Жизнь и подвиги Преподобного Иова, в схиме Иоанна, Игумена и Чудотворца Почаевского; 4) Очерк Истории Почаевской Лавры и ее положение в настоящее время и 5) Путеводитель по Горе Почаевской. Сюда же надобно отнести «Сказание историческое о Почаевской Лавре», бывшего Наместника Почаевской Лавры, Архимандрита Амвросия и др.

К этим книгам отсылаем и мы своих читателей, буде они захотят иметь более обстоятельные сведения о Почаевской Лавре. Их всегда можно выписать из Почаева, адресуя так: «В местечко Почаев (Кременец Волынской Губ.) в Духовный Собор Почаевской Лавры. Книгу же «Очерк истории Почаевской Лавры», можно выписывать у самого автора, адресуясь на наше имя в г. Нежин (Черниговской губ.).

Примечание. Более обширные и обстоятельные сведения о Лавре Почаевской желающие могут получить в статьях наших, под заглавием: «Лавра Почаевская», напечатанных в «Христианском чтении» 1880, 1881, 1883 г. В настоящее время статьи эти изготовляются к особому изданию под заглавием: «Иллюстрированная История Лавры Почаевской».

II. Воспоминание о Святых Угодниках Киево-печерской Лавры, из среды которых вышли блаженные иноки, основавшие обитель Почаевскую.

В числе заветных проданий, издревле твердо и неизменно хранимых обителью Почаевскою, составляющих лучшую ее гордость и славу, первое место, как мы видели, занимает воспоминание о том, что Гора Почаевская первоначально населена была иноками Киево-печерской Лавры, бежавшими от злого нашествия Батыева, около 1237 – 1240 года.

Предание это восходит на степень достоверности, когда вспомним, что иноки Киево-печерские после разрушения Киева дикою ордой, по свидетельству истории, укрывались от врагов в пустынных лесах на западе России,⁷¹⁸ и «на Волыни в Галиции в это время не только держались прежние обители, но и возникали новые».⁷¹⁹ В то время, конечно, должна была возникнуть и обитель Почаевская, как возникла от тех же Киево-печерских иноков, бежавших от погрома татарского, известная обитель Святогорская и другие.⁷²⁰

На ту же мысль, как мы уже отчасти говорили, наводит и сохранившееся в Почаевской Лавре древнее сказание о явлении Божией Матери на скале Почаевской в столпе огненном, положившее начало известной Цельбоносной Стопе Почаевской. Явление это, как мы видели, было около 1240 года, при чем его видели два инока, которые в то время уже жили на Горе Почаевской, и без сомнения, были из числа тех, которые, спасаясь от монголов нашли себе приют в дебрях и пещерах Почаевских.⁷²¹

Нужно к сему присовокупить, что в то время и дорога-то на Волынь из Киева, и в частности из самой Киево-печерской Лавры давно уже была проторена самими же Киево-печерскими иноками, из коих одни были посвящаемы во Епископов Владимира-Волынского, как Преподобный Стефан, ученик и бывший приемник Преподобного Феодосия по Игуменству в Печерской Лавре (сконч. в 1094 г.), или Симон, четвертый по

счету Епископ Владимиро-Волынский (сконч. в 1137 г.); другие в том же сане оканчивали жизнь свою в Киево-печерской Лавре, как Святой Амфилохий (сконч. в 1122 г.)⁷²² Кто знает, не те же ли блаженные архипастыри сами первоначально и познакомили своих печерских собратий с Горою Почаевскою, которая уже в то время находилась в пределах их епархии, и как по своему уединенному положению, так и по особенно прелестной местности, несомненно была известна Владыкам Волынским... А может быть, они сами указали печерским отцам туда и дорогу, каковою потом и воспользовались некоторые из сих последних, ища спасения на Святой Горе от ига Монгольского.

С тех пор протекло много веков. В течении этого времени обеим Лаврам суждено было пережить много самых разнообразных судеб и обстоятельств... Но никогда между ними не умирала память о взаимном, духовном родстве, – и в особенности обитель Почаевская при всяком случае относилась к Лавре Киево-печерской, как признательная дочь к своей матери, заимствуясь от нее богослужебными книгами для перепечатывания в своей Почаевской типографии,⁷²³ и другими по преимуществу святоотеческими книгами для чтения,⁷²⁴ со всею строгостию исполняя у себя устав Киево-печерского монастыря⁷²⁵ и т. п.

Тем удобнее представить нам, как в сознании этого священного родства молился некогда Киево-печерским угодникам Преподобный Иов, Игумен Почаевский, когда в 1628 году находился в Киеве, и здесь, в Киево-печерской Лавре, присутствовал на соборе, созванном Митрополитом Иовом Борецким для устройства южно-русской церкви. – Когда же Лавра Почаевская возвращена была из унии в православие, то сознание духовного родства между ею и обителью Печерскою фактически было выражено, по знаменательной мысли бывшего Священно-Архимандрита Почаевской Лавры, Архиепископа Арсения, устройством в 1858 году у самого подножия Горы Почаевской, как бы в основании Лавры, особого храма во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских, как первоначальников иноческого жития в России, от коих пошли и блаженные иноки, основавшие обитель Почаевскую.⁷²⁶ Как бы в

вознаграждение за это Преосвященный Арсений потом был переведен из Почаева в Киев, и здесь, таким образом ставши из Священно-Архимандрита Почаевского Священно-Архимандритом Киево-печорской Лавры, еще более скрепили в лице своем духовный союз, неразрывно существовавший между двумя святыми Лаврами.

Но никогда родственная связь между обителью Почаевскою и Киево-печерскою Лаврою не выразилась так явственно и в такой полноте, как в последнее время, по случаю бывшего юбилея на Горе Почаевской в память исполнившегося пятидесятилетия со дня включения Почаевской обители в семью православных русских Лавр, 13 Октября 1883 года. К прискорбию Лавры Почаевской, Священно-Архимандрит Киево-печерской Лавры, Высокопреосвященнейший Платон Митрополит Киевский и Галицкий, как сам он выразился в письме своем на имя Высокопреосвященного Священно-Архимандрита Лавры Почаевской, архиепископа Волынского и Житомирского Тихона, «очень желавший» участвовать в юбилейном торжестве последней, тем более что он еще ранее, как мы видели, сроднился с Почаевскою Лаврою, один из немногих Российских иерархов посетивши ее в 1879-м году, – не мог теперь исполнить сего желания по случаю прибытия в Киев на ту пору Его Блаженства, патриарха Иерусалимского Никодима. – За то Владыка – Митрополит по сему случаю послал в Почаев особую депутацию в лице наместника Киево-печерской Лавры, о. Архимандрита Иллариона, и келаря оной, о. Игумена Левкия, которые обязательно участвовали во всех церковных службах, бывших на Горе Почаевской в память торжества, и «в знак братского общения и духовного единения обеих Лавр» поднесли Преосвященному Тихону, яко настоятелю Почаевской обители, копию Чудотворной Иконы Божией Матери Киево-печерской, «пожертвованную Почаевской Лавре от лица Киевской».⁷²⁷

Одного этого дара достаточно было, как нельзя более, чтобы воскресить в Почаевской Лавре воспоминание о первоначальной ее истории в лице первых ее насельников – иноков святой Киево-печерской Лавры. – Ибо, для того, без

сомнения, чудотворная икона Божией Матери Киево-печерской и принесена была теперь из Киева в Почаев, что пред иконою этою молились за шесть с половиною веков пред сим блаженные Печерские отцы, прощаясь с родною обителью, и направляя богомужные стопы свои на Гору Почаевскую, чтобы основать здесь другую «небеси подобящуюся обитель», по примеру Киевской... Не говорим уже о том, что теперь же, на бывшем торжестве, о. Архимандрит Илларион засвидетельствовал во всеуслышание, что «первыми населенниками Горы Почаевской были именно иноки Киево-печерские, верные ученики Антония и Феодосия, основателей обители Печерской», и т. д.⁷²⁸

Само собою разумеется, что как для обители Почаевской, так и для Киево-печерской Лавры в настоящих обстоятельствах было бы лучшим утешением знать имена этих блаженных насельников, чтобы помянуть их искренним словом и молитвою. – Но в том-то и беда, что имена эти сокрыты от истории, как сокрыто от нее многое, что относится к первоначальному устройству и положению Горы Почаевской. В этом отношении народная память оказалась несравненно более состоятельною, сохранивши воспоминание о Почаевском пастухе Иване Босом, который также видел явление Божией Матери на скале Почаевской в 1240 году, и таким образом был современником первых основателей Почаевской обители, из коих два, как нам уже известно, видели это явление в том же году.⁷²⁹

Тем драгоценнее для истории и для нас, что неведая имен первоначальников иноческого жития на Горе Почаевской, мы имеем за то возможность знать имена многих из их блаженных современников, с которыми они жили в Киево-печерской Лавре, и из среды которых вышли в дебри Почаевские.

Таковыми, само собою разумеется, были все святые угодники Киево-печерской Лавры, о коих известно, что они жили и подвизались в Лавре в тяжкую годину погрома Батыева, с того времени как Монголы явились в Россию до раззорения ими Киева, или вернее сказать в первой половине XIII-го века, до сороковых годов того, когда уже видим первых насельников на Горе Почаевской.

И когда благовременнее и благопотребнее для нас, а тем паче для обители Почаевской, вспомнить об этих святых, как не ныне, в виду совершившегося праздника в Лавре Почаевской, когда с воспоминанием исполнившегося пятидесятилетия со дня включения ее в семью православных русских лавр, как нельзя более, выяснилось ее высокое значение и призвание, – и Гора Почаевская, более чем когда либо, стала в то положение, какое искони завещано ей первыми ее насельниками, вышедшими из благословенной среды этих святых отцев «да будет она, по словам Великого Монарха нашего, навсегда оплотом православия и русской народности в древнем русском крае», на Волыни.

К тому же мы того убеждения, – и надеемся, убеждение это разделит с нами всякий, – что если Лавра Почаевская захочет также молитвенно воспоминать ежегодно 13-е Октября, как воспоминает она 10-е Октября, в память исполнившегося пятидесятилетия со дня воссоединения ее из унии в православие, то в этом отношении она не может сделать ничего лучшего, как посвятивши день 13-го Октября памяти святых угодников Киево-печерской Лавры, из среды коих вышли основатели обители Почаевской, подобно тому, как 10-й день Октября она знаменательно посвятила, по завету покойного Владыки Димитрия, бывшего Волынского, а потом Одесского, воспоминанию святых угодников Волынских, как представителей православия на Волыни, к коей искони принадлежала Гора Почаевская в Географическом и в Епархиальном отношении.⁷³⁰

Но для того, чтобы чествовать, надобно знать, кого и как чествовать. Сообразно этому мы и разделим настоящее свое исследование на два отдела, – и в первом из них постараемся указать, кто именно были те святые угодники Киево-печерской Лавры, из среды которых должны были выйти первые населеники Горы Почаевской, и за тем, во втором отделе сообщим сведения о самых этих святых, насколько к тому имеется возможность в настоящее время, с присовокуплением сюда разных церковных песнопений, известных в церкви нашей

в честь этих святых, для ближайшего молитвенного воспоминания об них и прославления их о Господе.

I. Из среды каких именно Святых Угодников Киево-печерской Лавры должны были выйти блаженные иноки, основавшие обитель Почаевскую?

В первой половине XIII-го века до нашествия монголов обитель Печерская находилась в таком же отличном, благоустроенном состоянии, в каком находилась она и после своего основания в XI и затем в XII-м веке. Как тогда, так и теперь, она, по всей справедливости, считалась образцом для всех остальных, отечественных монастырей и имела громаднейшее влияние на всю русскую религиозность вообще. Как тогда, так и теперь из нее брали Игумены в другие монастыри и иерархов для епархий. – Выходцы из нее всюду разносили ее дух, устав и творения ее подвижников. Блаженный Симон, Епископ Владимирский, писавший о Печерской Лавре не задолго до погрома Батыева (сконч. в 1226 году), называет ее «местом святым, блаженным, честным, спасенным», уподобляет ее морю, которое «не держат в себе ничего гнилого, но извергает вон», и обращаясь к иноку Поликарпу, тогда же писавшему о святых печерских, говорит: «пойми, брате, как велика слава этого монастыря, и возлюби тихое, безмятежное житие, к которому Господь привел тебя. – Пред Богом скажу тебе: всю (свою) славу и власть я за уметы вменил бы, если бы мне хоть колом торчать за воротами или сором валяться в Печерском монастыре, и быть попираему людьми. День один в дому Божией Матери лучше тысячи лет временной чести, и я гораздо охотнее согласился бы пребывать в нем, нежели жить в селениях грешничих».⁷³¹

А какова была обитель, таковы были и блаженные отцы, ее населяющие.

Сюда прежде всего из печерских подвижников XIII-го века, живших здесе до нашествия Батыева, следовательно, несомненно бывших современниками первых насельников Горы Почаевской, надобно отнести преподобного Акиндина архимандрита Печерского. Правда, он скончался в 1235 году; но это было только за год до нашествия монголов на Россию, как

раз в ту пору, когда в Киево-печерской Лавре по преимуществу должны были жить и подвизаться святые отцы, застигнутые нашествием Батыя, в том числе и блаженные иноки, бежавшие от этого нашествия, и вследствие этого, как мы уже знаем, основавшие обитель Почаевскую. – К тому же известно, что первый год архимандритства Акидинова в Киево-печерской Лавре падает на 1219 год, так что его, по всей справедливости, можно считать главным руководителем в духовной жизни Печерских отцев, в течении целых пятнадцати лет, а отсюда, само собою разумеется, и ближайшим наставником тех из них, которые потом, спасаясь от монголов, нашли себе приют на Горе Почаевской.⁷³²

Кроме этого из жизни преподобного Акидина известно, что он-то именно и поручил современнику своему и ученику, известному уже нам преподобному иноку Поликарпу, заняться жизнеописаниями святых печерских угодников после того, как, по словам того же Поликарпа, в продолжении 160-ти лет, со времени преподобного Нестора Летописца, никто не писал об этих угодниках в память и назидание черноризцам. Стоит заметить, что поручение это исполнено Поликарпом под наименованием «Послания Поликарпа к Акиндину» в пятнадцатый год архимандритства Акиндинова, в 1234 г., значит, за два только года до появления Монголов в России... И «если, как сам Поликарп говорит, написанное им должно было остаться будущим на пользу», то оно также должно было принести немалую пользу и основателям обители Почаевской, которые, в то время живя в Киево-печерской Лавре, читали, без сомнения, «написанное» Поликарпом, а всего вероятнее, что и унесли составленные им жизнеописания с собою на новое место своего жительства, и в жизнеописаниях этих, как и в творениях предшествующий ему писателей истории святой Лавры и подвигов преподобных Печерских, Нестора Летописца, Иакова и Симона, почерпали для себя ту нравственную мощь, которую потом закрепили за собою на Горе Почаевской.⁷³³

Поелику же блаженный Поликарп был современником Акидина и скончался почти одновременно с ним (около 1235 г.), и также наравне с ним считается в числе святых угодников

печерских, то и его надобно причислить к лику святых, из среды которых вышли первые насельники Горы Почаевской, жившие около того же времени.

Еще в более близкой и непосредственной связи с блаженными основателями обители Почаевской должны находиться Святой Священномученик Лукиан и Преподобный Памво Печерские.

Св. Лукиан не только жил в самое время нашествия Монголов на Киев, но и пострадал от них около 1240 года; следовательно был уже непосредственным современником первых насельников Горы Почаевской... А может быть, как один из пресвитеров святой Лавры, он же и благословил их в путь, когда те собирались удалиться из Киева вместе с другими отцами, бежавшими от меча вражеского.⁷³⁴

В то же время жил и подвизался в Печерской Лавре и Преподобный Памво послушливый и затворник, который был пленен татарами, во время нашествия Батыева, и потом чудесно спасенный от уз, скончался в Лавре в 1241 году, когда уже иноки Почаевские, без сомнения, твердо укрепились на святой Горе своей.⁷³⁵

Это подвижники так называемой Феодосиевой или дальней пещеры.

Сюда же нужно отнести почивающего в Антониевой или ближней пещере Святителя Меркурия Епископа Смоленского, который, как говорит Преосвященный Филарет, «с своею паствою испытывал ужасы нашествия Батыева и, по преданию, до посвящения в сан святительский подвизался в Печерской обители, где, по примеру других питомцев пещеры, обрел себе и последний покой».⁷³⁶

Кроме сего, по древнему преданию, к числу святых угодников, из времен нашествия Батыева, находящихся в непосредственном отношении в Киево-печерской Лавре, в качестве подвижника Антоновой пещеры, надобно отнести Святителя Симеона, Епископа Переяславского, который, подобно Меркурию, тоже первоначально подвизался в Печерской обители, и отселе взятый на Епископию, замучен врагами в Переяславле, «когда одни полчища Монголов были

посланы Батыем против Чернигова, а другие, как волны, напали на Переяславль» в 1239 году.⁷³⁷

Правда, как Симеон, так и Меркурий, в самую годину нашествия вражеского на Киев, подвизались оба не в Киеве, а вне его, один в Смоленске, а другой в Переяславле. Но они взяты на Епископию из Киево-печерской Лавры, а при таких условиях раньше или позже они должны были жить вместе с печерскими иноками, застигнутыми татарскою ордой, а в том числе, конечно, и с современными им основателями обители Почаевской.

Таким образом мы имеем уже шесть исторически известных святых угодников Печерских, о коих прямо можно сказать, что они были современниками первых насельников Горы Почаевской.⁷³⁸

Но кроме этого у Преосвященного Филарета Черниговского, в его перечне «Русских Святых» XIII века, указываются еще следующие угодники Киево-печерской Лавры того же века: 1) Антониевой пещеры: Авраамий, Алексей, Евстафий, Елладий постник, Ефрем Пресвитер, Иероним, Лука эконо, Меладий, Онисим, Персий, Павел послушливый, Сергей послушливый, Сисой и Феофил; и 2) Феодосиевой пещеры: Анатолий, Афанасий, Исидор, Кассиан, Лаврентий, Пафнутий, Пиор, Сисой и Софроний.⁷³⁹

Что сказать об этих святых? Не были ли они также современниками блаженных иноков, основавших обитель Почаевскую?

На этот вопрос не может быть лучшего ответа кроме того, который дает сам же Преосвященный Филарет по вопросу: «когда подвизались эти Преподобные?» в своих жизнеописаниях русских святых.

Указавши под 21-м Сентября между прочим преподобных Антониевой пещеры, известных уже нам Меркурия Смоленского и Симеона Переяславского, и затем перечисливши помянутых выше святых той же пещеры XIII-го века, Преосвященный замечает: «так как Симон (Епископ Владимирский, о коем была у нас речь впереди) упоминает только о двенадцати братиях, строителях Великой печерской церкви, и как Симон и Поликарп

(писавший, как мы уже видели, в 30-х годах XIII века), не упоминают о других святых, а с другой стороны и известные по летописям Святители Меркурий и Симеон окончили земной подвиг в начале XIII-го в., после того, как окончились повести Симона и Поликарпа, то все помянутые подвижники Антониевой пещеры жили, по всей вероятности, также не позже первой половины того же века. Это подтверждается, по словам Преосвященного Филарета, также и тем, что все Святые Антониевой пещеры, которых празднованию посвящены, особые дни, принадлежат несомненно к XI и XII векам». ⁷⁴⁰

Тоже самое читаем у Преосвященного Филарета и о прописанных у него в XIII-м веке подвижниках феодосиевой пещеры, т. е. что они также должны были жить в начале XIII-го века, «так как, говорит он, также никто из них не описан ни Симоном, ни Поликарпом». ⁷⁴¹

При таких условиях всего естественнее думать, что все эти святые, как Антониевой, так и Феодосиевой пещеры, жили во время нашествия монгольского, а с тем вместе, конечно, должны были подвизаться одновременно с первыми насельниками Горы Почаевской, яко вышедшими из среды сих святых.

К этому мы должны присовокупить, что означенные святые и не могли жить в другое время, как в период нашествия Батыева, до нападения Монголов на Россию, и в частности на Киев, так как после погрома Татарского, Лавра Киево-печерская находилась в развалинах, «окружавшая ее стена и все келии были разрушены до основания, соборная церковь ниспровергнута сверху до половины и совершенно опустошена», ⁷⁴² – и новая жизнь начинается в Лавре только с XIV-го века, когда южная Русь отдохнула несколько под владычеством Литвы. А до того времени, как говорит Преосвященный Макарий, «ничто не благоприятствовало восстановлению разрушенных на юго-западе обителей», в том числе и Киево-печерской Лавры, «так как Киевское княжество после нашествия Батыева около семидесяти лет хотя имело по временам своих князей, но находилось собственно под властью монгольских баскаков, живших неподалеку от Киева, и

подвергалось весьма часто набегам со стороны татар и Литовцев и крайне обеднело жителями». От того, если и согласиться с тем же Преосвященным, что Лавра Киево-печерская «продолжала существовать» и после постигшего ее разорения,⁷⁴³ то во всяком случае нельзя допустить, чтобы новые насельники ее собрались весьма скоро, и при том в таком количестве, чтобы из них могло выйти столько святых, сколько мы видим их даже в приведенном нами кратком перечне печерских святых XIII века у преосвященного Филарета. Следовательно, святые эти должны были жить до нашествия Монголов, и таким образом по всей справедливости были современниками основателей Почаевской Лавры, вышедшими из Киева в это время.

Этого мало. Как увидим далее, самая большая часть святых угодников Киево-печерской Лавры, жизнь коих, по сказанию Преосвященного Филарета, должна относиться к первой половине XIII века, подвизались преимущественно в затворе, в котором находим их и до настоящего времени.⁷⁴⁴ И преосвященный Макарий справедливо замечает, что к концу XII и в начале XIII века «особенно процветала в Киево-печерской обители жизнь затворническая. О затворах в Киеве бывших в то время, по словам его, не раз упоминают, летописи, и в пещерах Киевских нетленно почивают весьма много святых затворников, которые известны только по имени».⁷⁴⁵ Между тем тот же преосвященный о жизни печерских иноков непосредственно после нашествия Батыева приводит старинное предание, что они «жили не в самой обители, а вокруг ее, по дебрям и лесам, в уединенных пещерах, и только тайно сходились в один уцелевший от разорения придел печерской церкви для совершения богослужения».⁷⁴⁶ Без всякого сомнения, в такое время о затворе в Печерской Лавре инокам и думать было нечего... К тому же по преданию известно, что те же печерские иноки, «спасшиеся от меча татарского, подражая преподобным основателям своей обители, ископали себе для пустынных подвигов не мало пещер в окрестностях Киева», каковы напр. пещеры, находящиеся в одной из гор, лежащей к югу от Киева, между селениями Пироговым и Лесниками⁷⁴⁷ и др. Зачем же

было копать эти пещеры, если было возможно спастись в Киеве, в заветных пещерах Антония и Феодосия? – Поелику же о печерских затворниках XI и XII-го века мы знаем из сказаний преподобного Нестора, а также Симона и Поликарпа, то само собою разумеется, что остальные, следующие за ними затворники, поминаемые в XIII веке, должны были и могли жить только в первой половине этого века, и при том не иначе, как до нашествия Батыева, когда в Киево-печерской Лавре подвизались и первые насельники Горы Почаевской, бежавшие потом от этого нашествия.

Не от того ли, что те же святые вели по преимуществу жизнь затворническую, и при том именно в темные времена погрома Монгольского, – мы имеем и самые скудные сведения об их жизни и деятельности? Затворническая жизнь и сама по себе такова, что не представляет, особенно много данных для биографии затворника. От того мы не можем похвалиться, что имеем много сведений и о затворниках, предшествовавших нашим святым в XI и XII веках... Да и кому было писать об этих святых, когда, как гласит сама история, «большая часть Киево-печерских иноков того (монгольского) времени были перебиты, а немногие, оставшиеся в живых, разбежались...». 747 Когда же потом собрались в Лавре новые иноки, то им далеко было не до того, чтобы писать о своих предшественниках. У них было множество своих самых разнообразных насущных нужд, которым они должны были удовлетворить прежде, чем браться за перо, тем более, что и в лучшие времена Киево-печерской обители, как мы видели, проходили целые десятилетия и чуть ли не века, пока находились люди способные писать и описывать жизнь и деяния своих предшественников и сподвижников. – С другой стороны, если и согласиться с автором «Кратких сказаний о жизни и подвигах святых отцев дальних пещер Киево-печерской Лавры», что «были некогда и полные жизнеописания этих святых», в том числе, разумеется, и известных нам угодников XIII-ков, а равно также и их блаженных современников Антониевой пещеры, но «таковыя могли быть истреблены в разныя разорения Киева»,⁷⁴⁸ то когда же по преимуществу и должны были быть истреблены эти

жизнеописания, как не в страшную пору всеразрушающего погрома татарского?... А это еще более приводит нас к тому же заключению, в котором приходили мы и выше, что означенные святые жили не позже первой половины XIII-го века, или сказать вернее, до времени погрома Татарского, и таким образом, несомненно были современниками первоначальников иноческого жития на Горе Почаевской.⁷⁴⁹

II. Краткие сведения о жизни и деятельности святых угодников Киево-печерской Лавры, из среды которых вышли первые насельники Горы Почаевской, с присоединением священных песнопений известных в нашей церкви в честь этих святых.

Преосвященный Модест в своих «Кратких сказаниях о жизни и подвигах святых отцов дальних пещер», в том числе, конечно, и тех из них, которые были современниками основателям обители Почаевской, так определяют существующие источники для жизнеописаний этих святых: «по преданию, в древние времена св. мощи в Киевских пещерах лежали не в гробах, как теперь, а просто в нишах на досках. Эти ниши, где стоят и теперь гробы, с мощами святых, закрывались тоже досками. На этих досках в нижней части, в лежащем положении изображались лики преподобных печерских; в середине вырезывались небольшие окна, чтобы чрез них поклонники могли прикладываться к мощам, а сверху надписывались чистым славянским наречием имена святых, коих были мощи, с кратким жизнеописанием святых». В последствии надписи эти были списаны иноками и изложены в особой рукописи славянопольским языком и в таком виде дошли до настоящего времени.⁷⁵⁰ По свидетельству Преосвященного Филарета, такие же надписи были как в Феодосиевых, так и в Антониевых пещерах, и как теми, так и другими в 1643 году воспользовался известный Мелетий Сириг для составления службы преподобным печерским.⁷⁵¹ Надписи эти, за немногими исключениями, и доселе составляют главный источник для изложения жизни большей части святых угодников Киево-печерских, жизнеописания которых не вошли в состав Печерского Патерика из творений преп. Нестора Летописца, Иакова Мниха, Симона Владимирского и блаженного Поликарпа, в числе которых святых находятся главным образом и наши

блаженные угодники, из среды которых должны были выйти первые насельники Горы Почаевской.

Что касается далее священных песнопений в честь этих святых угодников, то они находятся в службах «Преподобным Печерским», каковые службы, по содержанию своему, разделяются на два вида: I. Общие службы преподобным Печерским, к которым принадлежат:

«Служба преподобным отцем Печерским и всем святым в Малой России просиявшим», печатаемая в больших Киевских Акафистах, а также и отдельно особой брошюрой в Киево-печерской Лавре, составленная Протосинкелом Константинопольской Великой церкви, Мелетием Сиригом в 1643 году.

«Служба преподобным отцем Печерским, их же нетленные мощи в ближней пещере почивают, яже поется по отдании праздника Воздвижения креста Господня в Субботу первую»;

и «Месяца августа в 28-й день, служба преподобным отцем Печерским, ихже нетленные мощи в дальней пещере почивают».

Последние две службы, составленные тоже в XVII в., помещаются в особой книге, издаваемой в Киево-печерской Лавре под заглавием; «Службы преподобным отцем Печерским», иначе известной под наименованием «Печерской Минеи». В той же книге II. помещается и другой вид служб угодникам Печерским, особо в честь некоторых из них, под числами месяцев года, когда память этих святых совершается.

К сожалению, между последними службами нет службы ни одному из наших святых. Не многие из этих святых воспоминаются также и в «Службе Преподобным отцем Печерским», помещаемой в акафистах. Тем важнее для нашей цели обе службы преподобным отцам ближних и дальних пещер. В них не только содержатся более или менее ясные указания на наших святых, но в самом содержании этих служб нередко указываются такие черты, которые иногда несравненно более посвящают в тайны духовной жизни угодников Божиих, чем исторические сведения, имеющиеся об них; – вследствие чего между прочим Преосвященный Филарет в своих

жизнеописаниях помянутых святых для характеристики их часто ничем другим и не пользуется, как только песнопениями, известными в честь их.

Тоже самое находим III, и в «Тропарях и Кондаках преподобным дальних пещер Киево-печерской Лавры», помещаемых, на основании старинных рукописей, у Преосвященного Модеста, в его «Сказаниях о жизни и подвигах» святых отцов дальних пещер», в числе каковых Тропарей и Кондаков не мало находится Тропарей и Кондаков и в честь Святых, из среды коих вышли основатели обители Почаевской.

Тепере, соединяя воедино сохранившиеся исторически известия об этих святых совместно с имеющимися песнопениями в честь их, мы можем сказать следующее о каждом из них, за исключением, само собою разумеется, тех, о которых никаких особенных сведений не имеется.

О Святых, время жизни которых, как мы сказали выше, более или менее известно, и в частности –

1) О Киево-печерском Архимандрите Святом Акиндине. Святой Акиндин был приемником известного Печерского Игумена Досифея, который принес в Россию с Афонской Горы «чин о пении дванадесяти Псалмов» и написал ответ на предложенные ему вопросы о жизни афонских иноков, «доселе, как говорит Преосвященный Макарий, уцелевший в рукописях».⁷⁵² Нужно думать, что ответы эти побудили потом Акиндина возложить поручение на Поликарпа, чтобы он, в соответствии описания жизни отцов афонских, написал о жизни преподобных Печерских. По той же причине, всего вероятнее, блаженный Акиндин давал подобное поручение и Святителю Симону Епископу Владимирскому.⁷⁵³ Из других деяний Акиндина известно, что в 1231 году он присутствовал при рукоположении Епископа Ростовского Кирилла.⁷⁵⁴ Святитель же Симон Владимирский в своем послании к нему прямо называет его «мужем Святым».⁷⁵⁵ Скончался Святой Акиндин, как мы уже видели, не ранее 1235 года.

Особых песней в честь его в наших церковно-богослужебных книгах не полагается. – Память его со всеми

преподобными феодосиевой пещеры 28 Августа.⁷⁵⁶

2) Что до блаженного Поликарпа, то о некоторых обстоятельствах своей жизни он повествует, сам в своем «Послании к Акиндину», – из чего видно, что он с юных лет остался жить в Печерском монастыре простым черноризцем, и здесь находясь в послушании у самого блаженного Акиндина, по поручению сего последнего, как человек, бесспорно, образованнейший в свое время, принял на себя труд описания жизни и деяний святых угодников Печерских, живших до сего времени, в память и назидание будущим инокам, – каковой труд, как мы уже сказали, и окончил около 1234 г. Преосвященный Макарий так определяет характер и достоинство этого труда. «Как памятник литературный, послание Поликарпа к Акиндину уступает в достоинстве (такому же) посланию Святого Симона... Но как сочинение историческое, судя по источникам, которыми пользовался Поликарп, послание его может быть поставлено наравне с посланием Св. Симона, и при единстве предмета и самых источников, оба послания представляются как бы частями одного целого». К довершению достоинства послания Поликарпова нужно прибавить, что его труд наравне с трудом Св. Симона, как говорит Преосвященный Макарий, «послужил главною основою для Киево-печерского Патерика».⁷⁵⁷ – Потому то и церковь поет ему:

«Поликарпе славне, жития печерских святых конечнее исписавый и воедино собравый в книзе животней, твоими молитвами, и нам написатися сподоби».⁷⁵⁸

Как мы уже видели, Преподобный Поликарп скончался около 1234 года. Память его общая со всеми святыми угодниками Печерскими во вторую неделю великого поста.⁷⁵⁹

3) Далее о святом Священномученике Лукиане следует сказать, что на одной древней доске с его иконою, сохранившейся в Киево-печерской Лавре, написано, что «Лукиан Священномученик пострадал от Батыя в 1243 году».⁷⁶⁰ Это впрочем то самое, что сказали мы о нем выше, и к сожалению, более к сему прибавить не возможно за неимением других каких либо сведений. – Церковь поет ему:

«Во священстве и иночестве благочестно пожив, и мучения путь прошед, мучителя и бесовские полчища посрамил еси. Темже, почитающе тя, вопием ти: от бед избави ны присно твоими молитвами, отче наш Лукиане».⁷⁶¹

Память его вместе с другими отцами дальних пещер 28 Августа и особо 15 Октября.

4) О Святом Памво предание повествует, что когда Печерская обитель была обложена Батыевыми полчищами, то он послан был в город за пищею. Как ни страшна была опасность, Преп. Памво не отказался от возложенного на него поручения и был схвачен татарами, которые подвергли его разным мукам, чтобы заставить отречься от Христа. Но угодник Божий остался непоколебим. Когда неверные убеждали его поклониться идолам, он говорил: «ваши боги прокляты, а я верую во Христа, истинного Бога, который сотворил небо и землю. Он Господь един, истинный, всемогущий. Он и меня избавит от рук ваших молитвами святых печерских»... И точно Ангел Господень чудесно исхитил его из плена, и освободивши от уз, перенес его в Киево-печерскую обитель, в его собственную келью, в которой он оставался, может быть, один, не смотря на все ужасы вражеского погрома, до своей кончины, последовавшей как мы уже сказали, в 1241 г.⁷⁶² Церковь ему поет:

«Неленостным послушанием и отвержением воли своея крепко себе обуздав, вдалься еси за Христа Бога на муки и раны, от него же сугубо, всечестне отче Памво, венчався, молися о душах наших».⁷⁶³

«Памву послушливаго почитати дерзаем и удовляемся: той бо в послушании от неверных и веры ради во узах претерпе много, обаче от Ангел восхищен и принесен в келии обретесе. И сбытся на нем, яко послушание от смерти избавляет».⁷⁶⁴

«Послушание иноческое кровию мучения обаготивши ублажаем тя любезне, преподобноисповедниче Памво, и поклоняющееся честным мощем твоим, верно молимся, молися Господеву непрестанно о всех нас».⁷⁶⁵

Память его 28 августа с прочими отцами дальних пещер, и особо июня 18.

5) К тому, что сказали мы выше о Святителе Смоленском Меркурии, на основании сохранившихся о нем сведений, можно прибавить, что он страдал от полчищ Батыя в 1238 году, занимая кафедру Смоленскую после Лазаря, упоминаемого около 1220 г.⁷⁶⁶ По его кончине, вероятно последовавшей около того же времени, тело его чудесно приплыло по Днепру из Смоленска в Киев в особом гробе, сделанном, по древнему обычаю, из колоды, в которой оно и доселе поживает в Антониевой пещере особым, отличным от усыпальных раков других угодников Печерских образом. – В одном из поворотов пещеры, в углу стоит при самой стене высокий налой, скрывающий собою конец гроба, выдающегося из стены на расстоянии от полу более двух аршин. Это гроб Святителя Меркурия, стоящий в таком положении с незапамятных времен. Подходящие на поклонение целуют шитый, золоченный крест налож, а желающие могут видеть и самый край гроба в промежутке между стеною и наложом.⁷⁶⁷ Церковь поет ему: «Слава Смоленскому граду Меркурий Пастырь, Пастыреначальника своего овцы пасый добре, духом же горя выну неразлучну быти от лика преподобных печерских: темже по смерти чудотворне приплы во кладе, и в пещере святых поживает телом, душею же радуется с преподобными во славе вечной».⁷⁶⁸

Память его с прочими преподобными печерскими 28 августа и особо 24 ноября.

6) О Святителе Симеоне Переяславском в летописях читаем: «Батыеви же вземшу Козелеск и поиде в землю Половецкую, оттуда же ноща посылати на грады русские, и взят град Переяславль копием, изби весь, и церковь Архангела Михаила сокруши... и епископа Преподобнаго Симеона убиша».⁷⁶⁹ Как «преподобный», взятый на епископию из подвижников Печерских, Святитель Симеон издревле изображается на «иконах печерских святых» и сама церковь поет ему:

«Симеоне Иерархо, иже Агнца Божия первее приносяй в жертву Вседержителю, последи же и себе самага яко агня приведый в жертву, спаси мя твоими молитвами».⁷⁷⁰

Как мы уже сказали, Святитель Симеон умер мученической смертью в 1239 г. Память ему вместе с другими подвижниками печерскими во вторую неделю Великого поста.

* * *

За сим, что касается прочих преподобных печерских, относящихся, на основании сделанных нами указаний, также к первой половине XIII века, и потому находящихся в непосредственном отношении к первым насельникам Горы Почаевской, то по содержанию и характеру данных для их биографии и молитвенного прославления, их нужно разделить на три разряда: I) Святые, о жизни и деяниях которых ничего неизвестно и в честь которых никаких особых песней в нашей церкви не имеется; II) Святые, о которых также ничего неизвестно, но которые имеют особые песнопения в честь их и III) Святые, имеющие некоторые данные для их жизнеописаний и песни церковные для прославления их. – При этом для большего порядка мы скажем прежде о святых Антониевой или ближней пещеры, а потом о святых Феодосиевой или дальней пещеры.

Из святых антониевой пещеры известны только по одним именам: 1) Алексий затворник; 2) Иероним затворник и чудотворец; 3) Меладий старец и чудотворец; 4) Онисим затворник; 5) Павел инок чудесно послушливый и 6) Персий старец.

Служба этим святым общая, равно и память их общая со всеми преподобными дальних пещер в Субботу по отдании праздника Воздвижения Креста Господня.

Далее из тех же пещер Святые, о жизни которых ничего неизвестно, но которым полагаются особые песнопения, суть: 1) Авраамий, иначе называемый трудолюбивым; 2) Елладий затворник, называемый постником и чудотворцем и 3) Лука экономом Печерский. – Церковь поет им так, соединяя по два угодника вместе:

«Елладие Преподобие с Авраамием, яко многое имущее дерзновение ко всем Владыце, не презрите рабы ваша, но молитесь избавитися нам от вражиих наветов, и всегда творите волю Божию». ⁷⁷¹

«В чудесех Богодаровитых славимии, Блаженнии отцы, Елладие и Луко иноком яко добры делатели заповедей Владычних бывше, ныне приясте возмездие от потока сладости, и радостно поете: Благословен Бог отец наших».⁷⁷²

К числу тех же святых надобно отнести: 4) Ефрема пресвитера, которому церковь поет:

«Ефрем священник, сей есте добрая маслина, его же дарованием благодати умастившися, благодарят вернии и славословлению выну всех Творца величают».⁷⁷³

5) Сергия послушливого с песнею в честь его:

«Сергие послушливе, яко предавший душу свою под иго послушания Христова, преклони молитвою своею наше непокорство под ярем послушливого Иисуса, во еже усердно исполнити нам повеления Его».⁷⁷⁴

6) Сисоя затворника с песнею ему:

«Сисоя просиявшего в посте восхвалити аще и дерзаю, но по достоянию того ублажити не могу: к Тебе убо единому прибегаю, Ты от твоих даров подажде мне силу восхвалити угодника твоего, Спасе».⁷⁷⁵

и 7) Феофила затворника, которому церковь поет:

«Феофил в чудесех изящный поется; той бо еще в жизни сей многия чудодействием удивляше: ныне же большее приим дарование, иным пособствует, яко сохрани повеления твоя, Спасе».⁷⁷⁶

Всех поименованных семи святых память общая с преподобными дальних пещер, в Субботу по отдании Воздвижения, за исключением Луки эконома, которому память в Киево-печерской Лавре совершается еще особо, 6-го Ноября.

Наконец, о святом Евстафии Златаре известно, что до поступления своего в Киево-печерский монастырь он был золотых дел мастером, и потом, удалившись из мира, всю свою жизнь посвятил на украшение златоподобными добродетелями,⁷⁷⁷ как и церковь поет ему:

«Злато чисто и серебро седмерицею дарований искушено, Евстафие Праведне, праведно делатель был еси, и отсюда в делание добродетелей умных прешел еси: ими же душу твою

украсив, представил еси чисту, аки злато, и поеши: благословен Бог отец наших». ⁷⁷⁸

Память ему общая в Субботу по отдании праздника Воздвижения Креста Господня.

* * *

Что до святых феодосиевой пещеры, то из них известны только по именам 1) Анатолий затворник и 2) Исидор затворник.

Служба их общая, и память общая со всеми преподобными дальних пещер, 28 Августа.

Далее, по сохранившимся сведениям, 1) о святом Афанасие затворнике известно, что, желая в безмолвии угодить Богу и не видеть суеты и прелести мира сего, он затворил себя в пещере и там непрестанно стоял на молитве. Церковь поет ему:

«Столпе непоколебиме, Афанасие затворниче, водруженный в затворе, не требовал еси светлости чувственные, понеже тебе мысленная светяше, тою моли, блаженне, просветитися ты почитающим». ⁷⁷⁹

«По имени твоему за труды велия и всегдашнее умерщвление плоти в затворе безсмертную ныне жизнь на небеси наследовавый, молим тя прилежно Афанасие, молися о нас, яко да и мы тояжде сподобимся получитьи». ⁷⁸⁰

«Ведый мира сего суету быти тщетну, не к тому самима очима, но и всего себя всеконечне отвратив, Афанасие Преподобне, затворился еси в темной пещере, в ней же в молитвах и слезах многовременно потрудься, и обрет на небеси безконечную радость, молися непрестанно за души наша». ⁷⁸¹

Память его 28 Августа и 2 Декабря.

2) Преподобный Кассиан затворник, по преданию, пред всеми смирялся, был весьма послушлив, трудолюбив и предан посту. Своим святым послушанием он заставил бесов исповедать, что в печерском монастыре есть много иноков, которые могут изгонять бесов, и как демоны вообще боятся Преподобных печерских. ⁷⁸² Тропарь и кондак ему:

«В тебе, Отче Кассиане, известно спасеся еже по образу: восприми бо крест, и последовав Христови, творил еси

заповеди Его тщательне, темже ныне со ангелы радуется, преподобне, дух твой».⁷⁸³

«Пред всеми смиряся, и во всем послушание припряженное посту, Кассиане, имея, покори еси гордых бесов исповедати ти, сколь вельми боятся Преподобных печерских, ихже и до конца посрамив, вселися в лице праведных, с ними молися о всех нас».⁷⁸⁴

Память его 28 Августа и 29 Февраля.

3)Преподобный Лаврентий затворник, возненавидев суету мирскую, решился жить в темной пещере, чтобы посредством поста и молитвы сподобиться общения с миром Ангельским и озарения светом небесным.⁷⁸⁵ Тропарь и кондак ему:

«Затворивый себе Господа ради в темней пещере, Преподобне отче Лаврентие, многолетне к оному добре в ней угодивый, подаждь и нам от всякаго зла чувства затворити, тьмы страстей отвратитися, и светлость получитьи царства небеснаго».⁷⁸⁶

«Бог рекий из тьмы свету возсияти, просия тебе из темна места яко свет, и знаема всем показа, Лаврентие, яви же и свету невечернему тя причастника, преподобне, в немже ликуя, поминай нас хвалящих тя».⁷⁸⁷

«Лаврентие постником светило, во тьме страстей нас сущих и ходящих освети, и молитвами твоими настави, да и мы в крестоношении нашем не преткнем о камень соблазна ног наших».⁷⁸⁸

Память его 28 Августа и особо 20 Января.

4)Преподобный Пафнутий затворник, принявши иночество, непрестанно плакал, представляя в уме своем тот час, когда при разлучении души с телом окружают человека Ангелы и духи злобы, покажут человеку дела добрые и злые, напомнят ему о всех его мыслях и желаниях, и о том, что он забыл и чего не считал грехом. За это блаженный угодник Божий сподобился при смерти видеть святых Ангелов, которые вознесли душу его от земли на небо.⁷⁸⁹ Церковь поет ему:

«Плачущих поминая блаженство, Пафнутие Преподобне, всегда плакал еси, ныне же радостная наследив места, молися

тамо и нам во кров безплачевный вселитися, да с тобою превозносим Господа во веки». ⁷⁹⁰

«Помышля исход души твоея и праведное мздовоздаяние по делом, непрестанными слезами умолил еси Господа даровати тебе неизреченных радостей наследие, яже уже со святыми предвкушая, Пафнутие Преподобне, поминай и нас пред Богом чтущих тя». ⁷⁹¹

Память его 28 Августа и особо 15 Февраля.

5)Преподобный Пиор затворник отличался постом и трудолюбием и в этом служил примером для постников и трудолюбцев. Не желая взирать на прелесть и суету мира сего, он затворился в мрачной пещере, где и подвизался в посте и молитве до самой блаженной кончины своей. ⁷⁹² Тропарь и кондак ему:

«Затворивыйся, богоблаженне Пиоре, в месте темне, и отнюдь света сего, и в нем сущих прелестей всяких зрети не восхотевый, света же днесь невечерняго яко способься, моли и нам светом тем же озаритися». ⁷⁹³

«Веселия днесь Лавра Печерская исполняется, в памяти благотворнаго затворника, преподобного Пиора, вопиющи ко Господу: дивен еси во святых своих. ⁷⁹⁴

Память Преподобного Пиора 28 Августа и в Субботу Сырную.

6)Преподобный Сисой схимник. Он один из известных нам по своей близости к первым насельникам Горы Почаевской подвижников Феодосиевой пещеры подвизался не в затворе, а проводил жизнь в обители в великих постнических трудах. Его воздержанию удивлялись все знавшие его, тем паче что этим он до конца победил все страсти плоти и духа. Преподобный Сисой задолго предузнал и предвидел кончину свою, которая и постигла его в тот день и час, в который предсказал он. ⁷⁹⁵ Церковь поет ему:

«Сисое чудне, на страсти вельми подвизавыйся, и постом и нощными молитвами сия усиливый, благодать от Христа приял еси в страстях бедствующим пособствовать: тем и наша страсти плоти и духа исцели, молимся». ⁷⁹⁶

«Сисое чудно, постом обуздавший своя страсти, свирепеющую похоть и нашае плоти смири; тебе бо дана есть благодать в страстех нам пособствовать». ⁷⁹⁷

Память его 28 Августа и особо 6 Июля.

7) Преподобный Софроний затворник, заключившись в темной пещере, ежедневно прочитывал всю псалтирь и до конца жизни своей всегда носил на себе власяницу и пояс железный. ⁷⁹⁸ Церковь поет ему:

«Пространна пути ведуща в пагубу, блаженне Софроние, угонзая, затворился еси в темном месте пещернем, идеже день и ночь в молитвах и слезах и в ручном деле подвизался, обрел еси вечный живот и наслаждение». ⁷⁹⁹

«Явился еси древним Отцем ревнитель, в темней пещере светлым житием ясно просияв, и озарил еси сердца поющих тя, богомудре отче Софроние». ⁸⁰⁰

«Софроние преподобне, в темном месте себе затворивый, непрестанно во псалмех пел еси Богу; и ныне в просторном селении горнем наслаждаяся ангельских пений, молися, да и мы тая слышати сподобимся». ⁸⁰¹

Память его 28 Августа, и особо 11 Марта.

«И было, говорит Преподобный Нестор Летописец о Лавре Печерской, поистине чудно видеть братию в печерском монастыре святом. Ибо Господь собрал таких черноризцов во обители Матери своей, что они сияли добродетелями, как звезды в земле русской. Одни крепки были в посте, другие в бдении или коленопреклонении. Иные постились чрез день, иные чрез два; другие вкушали только хлеб с водою, иные вареную зелень, а иные и невареную. Все же пребывали в любви. Младшие покорялись старшим, не смея говорить пред ними иначе, как со смирением и послушанием великим. А старшие имели любовь к младшим, наставляя их как детей любезных. Если кто падал в некое согрешение, утешали его; трое или четверо делили епитимию его. Если брат выходил из монастыря, вся братия скорбели о том, посылали за ним и просили возвратиться в монастырь, и когда тот приходил, все шли к Игумену, кланялись и умоляли игумена, и потом с радостью принимали брата»....

«Такова, заключает Нестор, была божественная любовь, таково смирение и воздержание во святой братии. Они и по смерти сияют, как неугасающая свеча различными чудесами и молят Бога.⁸⁰²

Такова была жизнь, скажем и мы, на основании всего вышеизложенного, такова любовь, смирение и воздержание, которыми отличались и знакомые нам преподобные печерские, из среды которых должны были выйти первоначальники иноческого жития на Горе Почаевской.

Кто же и что же в состоянии возбранить нам иметь после этого живую, непосредственную уверенность, что таковы были и сами эти блаженные основатели обители Почаевской?...

И могло ли быть иначе, когда они до удаления из Киева жили одним общим черноризцам печорской Лавры духом ее великих основателей, Антония и Феодосия Печерских, воспитывались на одних и тех же преданиях и уставах, унаследованных от древних отцев, запечатленных примером их заветной жизни, полных их потом и слезами?

Достоинно внимания, что первые насельники Горы Почаевской, по преданию, также вели жизнь затворническую, заключаясь в скалистых пещерах ее, подобно тому, как это делали святые современники их в Киево-печорской Лавре.⁸⁰³ Это не только еще более роднит тех и других между собою, но вместе с сим объясняет нам отчасти и трудную загадку: от чего история не сохранила имен ни одного из основателей обители Почаевской? – В этом отношении они одинаково разделяют судьбу с своими бывшими сподвижниками печерскими, с тою только разницею, что последних мы знаем хотя по именам, а о тех не ведаем ничего.

Наипаче же и паче всего первые насельники Горы Почаевской, вышедшие из среды таких великих и святых подвижников, без сомнения, вынесли с собою из этой благословенной среды, из святой своей Киево-печерской Лавры, этот крепкий дух православия и непоколебимой преданности вере и церкви отеческой, который в течении веков был славою и лучшим украшением Горы Почаевской, который воспитал на ней такого великого и приснопамятного борца веры и «закона

Греческого», как Преподобный Иов, Игумен и Чудотворец Почаевский, каковой дух был наконец причиною того, что сами враги православия долгое время не могли овладеть обителью Почаевскою, не смотря на свою фанатическую ревность и силу политическую, и затем снова должны были с посрамлением возвратить ее во одержание православным, яко исконную Святыню Греко-восточной церкви, воссиявшую от великой Лавры Печерской, всегда неизменно стоящей на страже родной церкви и православия.

Остается пожелать, чтобы Лавра Почаевская отныне и во вся веки веков пламенела тем же духом во славу Божию, и купно во исполнение того великого назначения, которое от века предначертано ей святым Промыслом Божиим, «да пребудет обитель сия, скажем еще раз словами Государя Императора, навсегда оплотом православия и русской народности в древнем русском крае», и «да поможет ей Господь и да соделает своим Промыслом, во исполнение завета от маститого представителя Киево-печерской Лавры, Высокопреосвященнейшего Митрополита Платона, чтобы все живущие окрест ее, взирая на ее храм и на ту гору, на которой она стоит, говорили друг другу пророчески: приидите и взойдем на Гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит он нас своим путям, и будем ходить по стезям Его,⁸⁰⁴ и говоря это, действительно возжелали узнать истинное Христово учение, и по этому усердно посещали святую обитель Почаевскую и храм ее, дабы научиться в них правой вере и благочестию ко спасению душ их».⁸⁰⁵

Тропарь общий

Святым угодникам Киево-печерской Лавры, их среды которых вышли блаженные отцы, основавшие обитель Почаевскую.

Глас 4.

Приспе день светлаго торжества, обитель Печерская радуется, и с нею благословенная Почаевская Лавра ликовствует во псалмех и пении и песнях духовных: Днесь бо, яко же солнце незаходимое всем воссия, память Преподобных и Богоносных отец Печерских, от них же, волею Божиею, изыдоша первоначальницы иноческаго жития на Горе

Почаевстей. ихже молитвами, Господи, землю отечественную нашу в православии и мире утверди, Великому Иператору нашему Александру Александровичу споборствуй, и помилуй всех, имущи купно о нас молитвеннцу и Заступницу усердную, Пречистую Матерь свою Богородицу, от лет древних благодатне сияющую в Цельбоносней Стопе своей и чудотворней Своей Иконе во обители Почаевстей, в просвещение и спасение душ наших.

Кондак глас 8.

Избранныи от родов угодницы Божии, Преподобнии Печерстии: Меркурие и Симеоне, Анкиндие же, Лукиане, Памво и Поликарпе, Аврамие, Алексие, Евстафие, Елладие, Ефреме, Иерониме, Луко, Меладие, Онисиме, Персие, Павле, Сергие, Сисое и Феофиле, Анатолие же, Афанасие, Исидоре, Кассиане, Лаврентие, Пафнутие, Пиоре, Сисое второй и Софроние, от нихже изыдоша первоначальницы иноческаго жития на Горе Почаевстей: вас не потаила есть земля, небо же и райския селения отверзошася вам. Тем же мы, похвальная песни Богу, прославльшему вас, в памяти вашей приносяще, и честный Собор ваш вселюбезно почитающе, из глубины душевныя вопием вам: от всех бед вашими молитвами заступайте нас зовущих: радуйтесь печерстин чудотворцы и обители Почаевския слава и утверждение.

Хромо-лит. А. Стрельцова, г. Москва

Точное изображение Чудотворной иконы Божией Матери почаевской. В четверть настоящей ее величины.

Тропарь

Предстательство Христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное явилася еси воистинну, Богородице, в цельбоносней Стопе Твоей и чудотворней Твоей иконе на горе Почаевстей. Не презри убо Всепетая, грешных молений гласы, но предвари любовью Твоею матернею на помощи нам, верно зовущим Ти; ускори на молитву, якоже древле явилася еси на скале Почаевстей, в столпе огненном, цельбоносную воду от камене, во спасение наше источающи; потщися на умоление, и Твоею благодатью покрый и соблюди нас, якоже иногда благопоспешила еси обители Твоей во спасение от нашествия агарянского, предстательствующи присно, Богородице, чтущих Тя.

III. Святая чудотворная икона Божией Матери Почаевская, как памятник векового общения нашего с южными славянами.

В настоящее время, – когда по державной воле покойного великого Монарха нашего и по единодушному, сердечному желанию всего доблестного народа русского, совершилась на востоке заветная, священная борьба за права и независимость единоплеменных нам и единокровных, юго-славянских собраний наших, когда вследствие этого все взоры, чаяния и симпатии наши теперь обращены за пределы Дуная и на горы Балканские, и мы поневоле вспоминаем при этом о славных именах приснопамятных деятелей из Сербии, Болгарии и других стран юго-славянских, принимавших такое или другое участие в исторических судьбах нашего отечества, – без сомнения, не безвременно также обратить внимание и на те известнейшие памятники веры и благочестия, которые мы имели счастье наследовать в разные времена от юга славянского и многие из коих в течении веков и доселе составляют в разных отношениях нашу лучшую славу, наше утешение и украшение нашего отечества.

К числу таковых памятников мы должны отнести прежде всего и паче всего заветную икону Пресвятой Богородицы, которая по месту своего нахождения и прославления на Волыни, в лавре Почаевской, издревле известна под наименованием святой, чудотворной иконы Божией Матери Почаевской.⁸⁰⁶

Ибо 1) икона эта несомненно юго-славянского происхождения, и 2) еще более драгоценна для нас, особенно в настоящее время, по тем замечательным знамениям и чудесам, которые совершались от нее, заступлением Божией Матери, над исконными врагами нашими турками и татарами во спасение народа православного.

* * *

Из древнейших памятников лавры Почаевской известно, что св. чудотворная икона Божией Матери Почаевская

первоначально принесена была на Волынь неким Неофитом, митрополитом греческим, и оставлена сим последним, в 1559 году, в доме одной благочестивой православной помещицы, жившей по соседству с горою Почаевской, Анны Гойской, в благодарность за ее гостепреимство, в деревне ее Орле, именуемой ныне Урлею, в 9 верстах от Почаева. Когда в последствии, после разных знамений и чудес, бывших от этой иконы в доме Гойской, брат Гойской Филипп Козинский, будучи слеп от рождения, прозрел по молитве пред св. иконою, то икона сия, непосредственно после этого события, в 1597 году, была отдана Гойскою в монастырь Почаевский, «на вечное хранение», – и с того времени пребывает и до настоящего времени на горе Почаевской, источая неисчетные знамения и чудеса во спасение всем, с верою к ней притекающим.⁸⁰⁷

Но из того, что Неофит, коему первоначально принадлежала дивная икона Почаевская, именуется в летописях Лавры Почаевской митрополитом греческим, еще вовсе не следует, что сама икона эта была тоже греческого происхождения, не смотря даже на то, что, по преданию, она была вывезена Неофитом из Константинополя.⁸⁰⁸

Уже униаты, или точнее, базилиане Почаевские, как известно, владевшие Почаевскою лаврою в последней половине прошедшего и в начале текущего столетия, свидетельствуют, что «образ Почаевский писан рукою русскою», на том ближайшем основании, что все надписи, сохранившиеся на этом образе, действительно, написаны славянскими буквами и на языке славянском.⁸⁰⁹ И надобно заметить, что таковых надписей на иконе Почаевской находится не мало, – потому что, кроме главного лика Богоматери с Предвечным Младенцем, здесь находится еще семь миниатюрных изображений святых, расположенных возле Пресвятой Девы с трех сторон, а именно: с правой – изображение св. пророка Илии и под ним – мученика Мины; с левой – первомученика Стефана и под ним – преподобного Авраамия; и внизу – великомученицы Екатерины, святой Пятницы или Параскевы, и святой Ирины. – И все эти изображения подписаны чисто по-славянски, только, без сомнения, не настоящей рукою русскою,

а кем либо из предков тех единокровных и единоплеменных великой русской семье юго-славянских родичей наших, потомки коих и теперь так мужественно подвизаются за Дунаем в борьбе с мусульманством за свою народность и за св. веру православную.

В этом отношении указание на то, что св. икона Почаевская вывезена Неофитом в звании его, как митрополита греческого, и вывезена именно из Константинополя, не только не может служить опровержением против такового нашего мнения, но напротив должно служить для него еще ближайшим, непосредственным доказательством. – Из истории несомненно известно, что в Константинополе с незапамятных времен не только проживали вообще, но даже восседали на троне родовитые южные славяне (напр. Юстиниан велик. в VI в.), которые, как и теперешние славяне Цареградские, всегда говорили на своем родном языке, отправляли славянское богослужение и имели свою славянскую литературу. Тем более при этом они должны были иметь у себя и св. иконы с родными, славянскими надписями, каковою, между прочим, и является пред нами чудотворная икона Почаевская.

На эту мысль еще более наводит нас и доселе известный по преимуществу у южных славян замечательный обычай, в силу коего каждый почти род у них имеет себе всегда особых патронов или покровителей из лика святых, и вследствие этого всегда с особенною торжественностью отправляет дни памяти этих святых, как заветных, родовых праздников. При этом избранные заступники или покровители рода изображаются обыкновенно на особых иконах, которые постоянно переходят из рода в род, от одного поколения к другому, или же в случае умножения или разветвления рода, или по другим каким-либо уважительным причинам, воспроизводятся на других подобных иконах, – и что в особенности всего интереснее для нас в настоящем случае, – воспроизводятся почти всегда с присовокуплением к главному лику, на такого рода иконах, – других святых известных по именам, носимым или представителями рода или членами того или другого семейства

в роде, совершенно точь в точь так, как мы видим на иконе Почаевской.

И мы всего более убеждены, что св. икона эта была именно такого рода семейною или родовою иконою в роде самого Неофита, который привез ее из Константинополя. – Ибо Неофит сей хоть и именуется в памятниках Почаевских митрополитом греческим, но по своему происхождению он также мог быть родовитым славянином из сербов или болгар, как и многие из южных славян, которые, особенно в XV и XVI веках, в неисчетном количестве проживали в Константинополе, и здесь очень часто занимали высшие места в администрации церковной или гражданской. Греческим же митрополитом – он, без сомнения, был назван потому, что в Сербии долгое время, а в Болгарии и в других южно-славянских странах и до последнего времени, вследствие иерархической зависимости, не только святители греческого происхождения, но и сами даже славянские же архиереи славянского происхождения именовались всегда архиереями греческими, как и именуется в Почаевских сказаниях и Неофит, бывший владетель иконы Почаевской.

Ко всему этому, о славянском происхождении Неофита и бывшей его св. иконы Почаевской может также свидетельствовать и то, что Неофит является на Волыни именно в половине XVI века, когда в западно-русской церкви происходило столько нестроений и смут, особенно вследствие приближавшейся церковной, Брестской унии 1596 г. В это время, как известно все чаще и чаще являлись здесь, по поручению патриархов константинопольских, святители восточные, по тогдашнему из Греции, для разбора разных смут и возникавших столкновений. И, без всякого сомнения, Неофит был именно одним из таковых святителей, тем более, что ему, как иерарху славянского происхождения, всего приличнее было поручить из Константинополя разбор этих нестроений и смут; ибо только святители славянского происхождения и могли без затруднения объясняться с западно-русскими на родном славянском языке, на котором, – заметим кстати, – особенно в XV и XVI вв. писались почти все сочинения на западе России, –

и таким обр. более других понимать местные нужды и по возможности улаживать споры и устроить безпорядки и несогласия.

Если нас спросить, почему именно Неофит является с своей иконой из Константинополя на Волыни, и каким образом при этом он мог останавливаться у Гойской, в пределах Почаева? – То на это мы ответим, что для восточных святителей и для других лиц, отправляющихся из Греции в Киев и в другие города западной и восточной России, Волынь искони служила переходным пунктом, как это мы видим, напр., из жития преп. Варлаама игумена Печерского, который на обратном пути из Царьграда скончался даже в одном из Волынских монастырей, именуемом Святая гора во Владимире-Волынском.⁸¹⁰ Кроме того Неофита мог ехать чрез Орлю даже прямо из Почаева, или по дороге в Почаев, куда, по всей вероятности, он заезжал для поклонения благодатной Стопе Божией Матери, существующей, как известно, на горе Почаевской с самых древних времен, или, как свидетельствует предание, с 1240 года по Рождестве Христовом.⁸¹¹

И, без сомнения, одного появления чудотворной иконы Божией Матери от стран юго-славянских в пределах нашего отечества весьма достаточно для того, чтобы возбудить в сердцах наших чувства глубочайшей признательности к этим странам, в виду тех безчисленных чудес и благодатных знамений, которые силою Царицы Небесной вот уже более трех веков совершаются на горе Почаевской. Но этого мало. В иконе Почаевской мы имеем не только обыкновенную святыню, замечательную разными исцелениями и другими подобными знамениями и чудесами, но и величайшую защитницу против врагов православия, тем более заслуживающего нашего благоговейного внимания, что врагами этого рода, дивно побораемыми благодатью Пресвятой Девы, чудодействующей во святой иконе ее Почаевской, являются именно те самые враги, против которых теперь борется русский народ и все единокровные юго-славянские собратия наши.

Замечательно, что самое первоначальное прославление чудотворной иконы Почаевской в нашем отечестве совпадает с

тем временем, когда известный ренегат сербский, Синан-паша, сжег в 1595 году мощи св. Саввы сербского и пепел их развеял по ветру, чтобы, таким образом, как думал он, стереть с лица земли и саму память бывшего славного царства сербского. И вот, как бы спасаясь от турецкого зверства, но осеняемая благодатною силою Божией Матери, дивная икона Неофитова является в пределах западного края России и здесь начинает чудодействовать как раз в 90-х годах XVI в., следовательно в самую эпоху появления другого величайшего зла в нашем отечестве, именно злосчастной церковной унии, утвержденной на Брестском соборе 1596 года, без всякого сомнения, для утешения новых почитателей, бедствия коих, испытываемый тогда и в последующие за тем времена от латынян-униатов, едва ли чем отличались от горьких мук и нечеловеческих страданий, которые в настоящее время испытывают южные славяне от турок на Балканском полуострове.

Но особенно замечательное чудо совершилось от святой иконы Почаевской в борьбе православных с самими турками и татарами в 1675 г. То было дивное спасение Почаевской обители явлением Божией Матери и преп. Иова, во время так называемой брани Збаражской, изложенное нами выше, в житии Св. Иова.⁸¹²

В монастыре Почаевском память о дивном явлении Божией Матери на защиту народа православного увековечена была сейчас же после этого события устройением особого храма в честь «Победы Божией Матери над турками и татарами», который хотя и был уничтожен униатами, по случаю перестроек, произведенных ими на горе Почаевской в XVIII веке, но в настоящее время (с 1875 года) снова восстановлен и теперь находится на хорах в теплой лаврской Свято-Троицкой церкви. И теперь, в этом храме не только совершается ежегодно праздник победы 23 июня, но и еженедельно, в память совершения этого чуда в среду, по средам отправляется торжественный акафист Божией Матери, – акафист, отправление коего заведено было еще православными непосредственно после избавления горы Почаевской, заступлением Пречистой Девы, от татар и турок, с 1675 года, и

продолжалось даже самими униатами во все время пребывания их в лавре Почаевской.

К этому, как мы уже видели в житии пр. Иова, летописи лавры Почаевской присоединяют, что многие из пленных турок и татар, доставшихся монастырю Почаевскому, после неожиданного бегства Нурредина с его полчищами из под горы Почаевской, которые сами были свидетелями чудного явления Царицы Небесной, в последствии приняли, в память этого явления, христианскую веру и умерли в Почаевском монастыре на послушании. В 1721 году, один иеродиакон монастыря Почаевского, по имени Гавриил, может быть бегая от униатов, которые тогда утверждались на горе Почаевской, отправился путешествовать по святым местам, – и когда прибыл в Константинополь, то один турок, узнавши, что он из Почаева, спросил его: «А живет ли еще у вас Божка (т. е. Матерь Божия)?» – и когда Гавриил ответил, что «живет», то «турчин оный вострепетал» и сказал при этом, что «там, под Почаевом погиб его отец, и что он сам молодым отроком был в то время под Почаевом, когда Божка эта многих там погубила».⁸¹³

Известно также, что когда в 1770 году на горе Почаевской производимо было, под председательством униатского епископа Сильвестра луцкого и острожского, официальное дознание о чудесах, бывших от св. иконы Почаевской, то в это время чесник Иосиф Прушинский, старец лет 60-ти, засвидетельствовал, что он слышал от Николая Лепницкого, бурграфа Любельского, который в свою очередь рассказывал со слов отца своего, что, когда этот последний, т. е. отец Лепницкого, состоял на службе у Лосятинского помещика пана Гуровскаго,⁸¹⁴ то, посетивши Почаев, спустя не много времени после нападения турок в 1675 году, он сам слышал от людей почаевских, как Матерь Божия видимо явилась здесь, над обителью Почаевскою и так. обр. спасла христиан от гибели. Тоже самое и тогда же подтвердил помещик из Лосятина Иосиф Черницкий, с тем только отличием, что он слышал о дивном явлении Пресвятой Девы для спасения обители Почаевской от бабки своей и отца жены своей, того же помянутого выше Лепницкого. В тоже время Иосиф Святоянский из Лосятина же

прибавил, что он слышал от отца своего Адама Святоянского, как тот не раз рассказывал, что прадед его сам находился тогда в монастыре Почаевском, когда совершалось это явление, и не только видел турок нападающих на обитель, но и самую Божию Матерь, которая явилась над этою обителью и покрывала ее своею ризою.⁸¹⁵

Не удивительно после этого, что весть об этом замечательном событии быстро облетела все окрестные страны и доселе сохраняется в памяти народной не только на Волыни, но и в областях, к ней прилегающих, как-то: в Галиции, Холмщине, Подолье и Украине.⁸¹⁶ И теперь нищие и калеки – эти хранители народной веры и народных преданий и истории в окрестностях Почаева – поют непрестанно, как Божия Матерь, во время войны Збаражской, над Почаевом

..... всим ся зъявила,

И омофором верных покрывала.

Как тогда же

Иов за Мариєю став на повитру

Всим видимою..... и пр. и пр.⁸¹⁷

И народ православный с непоколебимым убеждением верит в действительность чуда, как верит в излюбленных героев своих, воспеваемых лирниками кобзарями, как верит в Хмеленицкого, Наливайку и Сагайдачного, – и в уповании несомненной веры и доселе тысячами спешит на благодатную гору Почаевскую, чтобы помолиться здесь чудной Заступнице народа православного, поборающей за верных против врагов видимых и невидимых – чтобы ей одной предать судьбу свою во спасение от горя и бед, всюду налегающих на него и отравляющих и без того не всегда приглядное его существование.

Даже римские католики – и те несомненно верят в истинность явления Божией Матери под монастырем Почаевским в 1675 году, тем более, что действительность этого события скреплена для всего католического мира авторитетом самого папы римского (Климента XIV), который не только признал в 1773 г. все чудеса, бывшие от иконы Почаевской, – но и побуждаемый силою и величием этих чудес, – в числе коих

явление Божией Матери над Почаевской обителью для спасения от турок, бесспорно, занимает первое место, прислал в Почаев золотые диадимы или короны для торжественного венчания чудотворной иконы Почаевской. А надобно знать, что коронование икон в римско-католической церкви значит тоже самое, что канонизация святых, т. е. признак известной иконы воистину чудотворной, вследствие чего со времени коронования она становится общею святынею всей римско-католической церкви и должна быть почитаема целым римско-католическим миром без всякого прекословия.⁸¹⁸

Пусте же все, и сербы и болгары, и босняки и черногорцы, и герцеговинцы, и все страдавшие и страдающие под игом чужой неволи, обратит взоры свои на гору Почаевскую к родной своей благодатной святыне и в умилении сердца зывают к ней гласом несчастных, обложенных турками в обители Почаевской, во время брани Збаражской: «Помилуй нас, Мати Божия, не даждь видети погибели служащих Тебе и поклоняющихся чудотворной иконе Твоей; но помози и изми нас из рук агарянских, яко же иногда спасла еси царствующий Константинов град от Скифского воеводы и потопила вся вои его, нападающие на град сей».⁸¹⁹

И кто усомнится, что подобные молитвы будут услышаны!!... О дай Господи, чтобы они были услышаны, да увидят вси языцы, яко есть избавляяй и спасааяй Израиля.⁸²⁰

ТРОПАРЬ В ЧЕСТЬ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ Б [О]ЖИЕЙ МАТЕРИ ПОЧАЕВСКОЙ.

Тропарь Почаевский общий глас 4.

Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, явилася еси воистину, Богородице, в цельбоносней Стопе Твоей и чудотворней Твоей иконе на горе Почаевстей. Не презри убо, Всепетая, грешных молений гласы, но предвари любовью Твоею матернею на помощь нам, верно зовущим Ти: ускори на молитву, якоже древле явилася еси на скале Почаевстей, в столпе огнем, цельбоносную воду от камене, во спасение наше источающи; потщися на умоление, и Твоею благостынею покрый и соблюди нас, якоже иногда благопоспешила еси обители Твой во спасение от нашествия

Агарянского, предстательствующи присно, Богородице, чтущих Тя.

Слава и ныне:

другой тропарь, в честь иконы Божией Матери Почаевской, глас той же.

К Богородице прилежно ныне притецем, грешнии и смиреннии припадем к дивному Образу Ея, иже на горе Почаевстей: к немуже умильно взирающе и моляшеся, Царице-Владычице их глубины душевныя вопием: О Пречудная Дево, Мати Господа Вышняго, от лет древних избравшая обитель Почаевскую в место селения своего! Землю отечественную нашу в православии и мире утверди, Великому Императору нашему Александру Александровичу споборствуй и спаси всех предстоящих и молящихся Тебе умиленною душою и сокрушенным сердцем, пред Пречистым Твоим образом со слезами. Не отврати рабы твоя тщи: Тя бо едину надежду имамы.

Кондак, глас 8

Взбранной Воеводе, избравшей гору Почаевскую в место селения своего, похвальная восписуем Ти, раби твои, Богородице: яко от лет древних прославила еси место сие Богоносное явлением цельбоносныя Стопи твоя и твоего Божественнаго Образа чудодействием. Темже, яко избавльшая иногда обитель твою от нашествия Агарянского, от всяких нас бед и напастей свободи, да всегда твоею помощию избавляеми, из глубины душевныя вопием Ти: радуйся похвало Почаевская, надеждо наша и утешение.

Примечание. Полная служба и акафист в честь чудотворной иконы Почаевской издание Почаевской лавры, по благословению Св. Синода, в воспоминание бывших на горе Почаевской юбилеев 10 октября 1830 – 1880 г. и 13 октября 1833 – 1833 г., последний в 1882 и первая в 1889 году.

IV. Православие и уния в лицах, или преподобный Иов, игумен Почаевский, и глаголемый Униатский святой, Иосафат Кунцевич, в качестве представителей своих церквей, как земляки и современники.

Покажи ми веру твою от дел твоих (Иак. II, 18).

Известно, что до последнего времени сравнивали унию и православие с самых разнообразных сторон, и, как и следовало, всегда не в пользу унии. Но сколько мы знаем, никто еще не пробовал поставить унию, если так можно выразиться, лицом к лицу с православием в образе и деятельности лучших представителей обеих церквей, православной и униатской, каковыми, без сомнения, могут и должны считаться святые, признаваемые в той и другой церкви их последователями.

Совершившийся пятидесятилетний юбилей со времени присоединения Почаевской Лавры из унии в православие со всею Почаевскою заветною святынею, состоящей, как известно, из цельбоносной стопы Богородичной, чудотворной иконы Божией Матери Почаевской и нетленных мощей преподобного Иова, игумена и чудотворца Почаевского, а также и включения ее в семью отечественных лавр, дает нам основание и повод привести эту попытку, по мере сил своих, в исполнение, взявши для сравнения жизнь и блаженные подвиги Иова Почаевского с жизнью и деятельностью униатского святого, Иосафата Кунцевича.

Мы тем более считаем себя вправе поступить таким образом, что Преподобный Иов и Иосафат Кунцевич во первых были современники. Первый из них, родившийся около 1551 года, скончался на сотом году жизни, в 1651 г., а второй убит Полочанами сорока трех лет от роду в 1623 г., следовательно как родился, так и умер в течении жизни преподобного, и оба они жили и действовали на Западе России в период самого лютого господства унии и латино-унитского преобладания в Литве и на Волыни, так что, заговоривши об одном, по самой

исторической необходимости, нельзя умолчать в тоже время о другом. Во вторых, как Иов, так и Иосафат были земляки как по месту рождения, так и по месту служения своего. Иосафат родился во Владимире-Волынском в 1580 году и здесь проводит первые годы юности своей, когда преподобный Иов состоял уже игуменом ближайшего к г. Владимиру Честно-Крестского монастыря в г. Дубне, той же Волынской области, куда переведен был из Угорницкого галицийского монастыря, по просее князя Константина Острожского (около 1582 г.). К тому же и само место рождения преподобного Иова в Покутской области в Галиции не менее родственно Волыни, как и город Владимир-Волынский, место рождения Иосафата. Это та самая область, которая, по первому разделу Польши в 1773 г., отошла к Австрии и в настоящее время составляет так называемый Коломыйский Повет между Днестром и Молдавой. Там и доселе уцелели остатки древнего Угорницкого Преображенского монастыря, что ныне селение Угорники, в котором преподобный принял монашество на 12-м году жизни и где потом возведен был в сан иеромонаха и принял схиму. Кому же неизвестно, что Галиция и Волынь издревле составляли одно, как по народности, так и по вере. Тем более это было во времена Иова, когда Волынь и Галиция были под одной властью Речи Посполитой, и в особенности когда преподобный жил и действовал в монастыре Почаевском, откуда с высот Почаевских Галиция и теперь открывается, как мы уже говорили, даже простому, не вооруженному глазу.

Но, что всего для нас важнее, преподобный Иов и Иосафат Кунцевич, будучи современниками и земляками, в тоже время считаются святыми, каждый в своей церкви, вследствие чего дают нам полнейшее основание для сравнения их между собою, тем более, что и посмертная судьба их и само прославление во многом сходятся между собою, хотя и не с одинаковыми последствиями. Когда униты овладели монастырем Почаевским, то они также приняли в свое ведение и нетленные останки преподобного Иова. Но при всей ревности к латинству и ненависти к православию Базилиане Почаевские не дерзнули превратить совершенно уважение к памяти

угодника Божия, и даже, как мы видели, хотели было канонизовать его у папы римского. Теперь православные на веки предали земле то, что униаты считали мощами Иосафата, или вернее сказать, что латиняне и иезуиты навязывали им под наименованием этих мощей, и по мере распространения православия и православных идей в Холмщине и Галиции сама память Иосафата сглаживается и грозит в недалеком будущем покрыться мраком полнейшего забвения.

Где же причина столь знаменательного явления? Что так могущественно возвышает память одного и умаляет славу и величие другого? Послушаем, что отвечает на это история.

I. Внешняя жизнь преподобного Иова сравнительно с жизнью и деятельностью Иосафата.

Темже убо от плод их познаете их (Матф. VII, 20).

Латино-униаты обыкновенно начинают с того, что превозносят своего Иосафата за его страшную ревность по унии. И мы знаем, что ревность эта была действительно преобладающею чертою в жизни и деятельности бывшего гонителя православной церкви. Но кто не скажет, что эта ревность была ревностью не по разуму? Сознали это сами современники Иосафата, – и в какой бы редакции мы ни читали известное замечательное письмо Литовского Канцлера Льва Сапеги и к Иосафату, в редакции ли Бантыш-Каменского, или в другой, так называемой подлинной редакции, обнародованной в последнее время самими же униатами,⁸²¹ мы должны согласиться с их же собственным свидетельством, что Иосафат «наполнял земств суды, магистраты, трибуналы, ратуши и епископския канцелярии козвами, тяжбами и доносами (на православных)», что он «делал насилие совести человеческой... запирали православные церкви, чтобы люди погибали без богослужения, без христианских обрядов и таинств, как неверные». – «А ведь Христос Господь не запечатывал, не запирали церквей, как Вашмосце делает», пишет Лев Сапега в так называемом подлинном письме своем к Иосафату. «Жидам, татарам, продолжает он далее, позволено в областях королевства иметь свои синагоги и мечети, а вы печатаете христианские храмы», и т. д. В том же письме Сапега указывает Иосафату и на то грозное настроение православного народа и козаков, которое, по сознанию самого же Иосафата в письме его к Сапеге, грозило опасности его жизни за его фанатические подвиги против православия, и которое, как справедливо замечает Сапега, «самую унию делало вредною для государства и опасною для самого существования и целости Польши»....⁸²² Но для Кунцевича государственные интересы не существовали пред религиозными. Он не заботился даже о собственной безопасности ради излюбленной унии и

безразсудно шел на явную опасность. В Витебске, жители которого более других преданы были православию, не позволяя служить несчастным даже в шалашах и напутствовать умирающих святыми тайнами, он до того раздражил народ против себя, что уличная чернь при первом случае бросилась на него, избила палками до смерти и размозжив у него голову топором, самый труп его бросила в реку.⁸²³

И такого-то страшного, безжалостного фанатика непогрешимое папство возвело сначала в число блаженных, а потом (в 1867 г.) причислило и к лику Святых, назначив его «Патроном Руси и Польши».⁸²⁴ Впрочем Папам не в первинку действовать подобным образом. Возвели же они в святые фанатического основателя Ордена Иезуитов, испанца Игнатия Лойолу, или страшного изобретателя жестокой инквизиции Петра Авербуэса и др., потому что в римской церкви для канонизации во святые требуются не богоугодные подвиги христианской любви и благочестия, а хотя бы и кровавые, но блестящее подвиги на пользу и распространение папского владычества и преобладания, *ad maiorem Dei gloriam* .. За то и память подобного рода святых, при первом удобном случае, падает с шумом, как воочию нашу погубила память Иосафата в Литве и на Волыни, и как теперь погибает она со всею очевидностию в Холмщине и Галиции.

Совсем не таковы истинные слуги Божии, настоящее поборники святой веры православной. – Преподобный Иов также любил от полноты сердечной свою родную церковь и всеми силами своего духа и жизни старался ратовать об ее славе, чистоте и распространении. Но он любил ее, как подобает истинным последователям Христовым, любовью, соединенною с непоколебимою твердостью и христианскою терпимостью и благоснисхождением к заблуждающим, и тою настоящею Евангельскою ревностью, которая готова душу положить для обращения неверных, но без насилия их совести, в духе убеждения, а не угнетения и принуждения. Так действовал сам Господь и Спаситель наш Иисус Христос и Его Св. Апостолы, так действовали и все святые отцы древней церкви; «вы не найдете у них, как справедливо пишет Сапега к

Иосафату о св. Златоусте, ни жалоб, ни протестов, ни процессов, ни судебных объявлений, ни позвов... о гонениях, низвержении и казни благочестивых священников, а найдете только то, что способствует к умножению (действительной) славы Божией, к назиданию душ человеческих и умилоствлению разгневанных гонителей...». ⁸²⁵ Так действовал и блаженный угодник Божий, преподобный Иов Почаевский.

Первой заботой его по вступлении в должность Игумена Дубенского монастыря, как мы видели, было поднятие уровня нравственной жизни в подведомой ему братии. ⁸²⁶ Это была первейшая, живая сила, которая в те времена возвышала православие над другими вероисповеданиями и давала ему значение и крепость неодолимую. Справедливо пишет один из отечественных наших историков о самом же преподобном Иове: «только на взгляд поверхностный может казаться, что сила русского духа и сущность русского характера олицетворяемы были всего больше людьми, которые строили города, обрабатывали поля и отражали неприятельские вторжения. Душой всех этих действий и регулятором страстей человеческих была православная церковь, а церковь сохранили от окончательного упадка только такие люди, как Почаевский Иов. Эти смиренные молчальники, эти неумолкающие молитвенники, эти посредники между отдаленными предками и отдаленнейшими потомками, были центрами народной жизни, к которым стремились издали души, обуреваемые житейскими страхами или соблазнами, и от которых по всем направлениям расходились по русской земле слова одобрения и низидания...». ⁸²⁷ Какая поразительная противоположность между Иовом и Иосафатом, из коих о последнем, сам Сапега пишет в письме к нему: «я знаю, каких вы рукополагаете священников, таких т. е., которые способны скорее раззорить, нежели создать церковь Христову. Отвсюду слышится ропот, что у вас нет достойных священников, а больше слепых. Невежественные ваши попы вводят в пагубу и народ...»

Что же удивительного, что при таком положении уния погибала, так сказать, в самом корне своем, а православие и доселе стоит твердо и непоколебимо. Дай Бог, скажем словами

того же Сапеги, чтобы только у нас побольше было всегда достойных представителей!!!⁸²⁸

Другую, не менее существенную известную нам заботу преподобного Иова на острове Дубенском было распространение церковных книг, которые в те несчастные времена как мы знаем составляли единственную опору для православия противу латино-унитских притязаний Папизма. В этом отношении латино-униты также могут указать нам, что Иосафат с своей стороны тоже «заботился для возвышения просвещения между подведомым ему духовенством о переводе на русский язык богословских книг» и даже, как говорят, сам издал «краткий катихизис, который, по его поручению, прочитываем был в церквях еженедельно».⁸²⁹ Но замечательно, что даже такой поклонник Иосафата, как автор «истории Унии русской церкви : с церковью Римскою», упомянувши об Иосафатовском переводе «богословских книг», не указывает при этом ни одной, которая была бы переведена в действительности, хотя бы из серии тех переполненных историческою ложью и фанатическими нападками на православие латино-унитских книг, которыми изобиловала антиправославная литература западной церкви. А о пресловутом катихизисе Иосафата тот же автор замечает в примечании, под чертою, что только «некоторые части этого катихизиса сохранились до наших времен», и что еще курьезнее, «помещены только неким Италианским биографом Иосафата, ксендзом Контъери в приложении к его Итальянской *Vita di s. Giosafat*, Кота 1867».⁸³⁰ Напротив того, в самой Лавре Почаевской, как уже знаем, сохранилась собственноручно писанная преподобным Иовом книга, содержащая в себе собрание разного рода святоотеческих поучений и других статей исторического и догматического характера, по которой сам преподобный произносил поучения братии и народу в церкви, специально направленные в защиту православия. Не говорим уже о том, насколько возвышается для православных святая личность преподобного, когда вспомним, что одна из величайших заслуг приснопамятного князя Острожского Константина Константиновича, – издание Первой Славянской

Библии, – относится именно ко времени пребывания блаженного угодника Божия в Дубенском монастыре, вследствие чего, как мы говорили уже, преподобному Иову принадлежит не только соизволение и благословение на издание известной Острожской славянской Библии 1580 – 81 года, но и самая инициатива этого дела, его процедура и окончание. Мы тем более считаем себя вправе думать таким образом, что в те времена лучшие из князей и бояр как на Востоке, так и на Западе Руси никогда не осиливались делать что либо без совещания и участия отцов своих духовных. А таким-то именно отцем, как мы знаем, и был преподобный Иов для князя Константина Острожского во все время служения своего в звании игумена Дубенского до самой смерти боголюбивого князя.

Невольно представляется при этом, как был рад существованию Острожской Библии Иосафат, хотя он и родился только за год до ее издания, но за то, без сомнения, знал об ее происхождении в последующие годы своей жизни, если, – что несомненно, – он до мозга костей был проникнут всеми идеями латинской церкви, которая одним из основных законоположений поставляет запрещение Библии для народа, чтобы удобнее держать своих последователей во тьме невежества и заблуждения.

Переход Иова в Почаев и постановление его игуменом св. горы Почаевской дали ему новые средства для действия на пользу православия. И вот он сооружает на горе Почаевской прекрасный новый храм, и при том так, что в него, под его своды вошла цельбоносная Стопа Божией Матери, доселе остававшаяся в течении веков под открытым небом. Тут же, по древнему православному обычаю, ставится над царскими вратами и чудотворная икона Божией Матери, так что новый храм сделался, так сказать, центром всей святыни Почаевской, тем более драгоценной для православного русского чувства, что во все время пребывания преподобного Иова на горе Почаевской оно только и могло отдыхать и находить себе утешение в благодатной помощи, ниспосылаемой свыше от чудной Стопы и святой иконы Божией Матери, среди бурь и невзгод, поднимаемых на православие папизмом и его

клеветами вроде Иосафата. Замечательно, что само прославление чудотворной иконы Божией Матери в Почаевской обители, начинающееся, как известно с 1597 года, совпадает как раз с началом церковной Брестской унии 1596 г. и последовавших за сим гонений на православную церковь со стороны самого Иосафата, так что надобно быт слишком невнимательным к судьбам Божиим, чтобы в этом совпадении времен не видеть действия десницы Божией, которая, вместе с горькими искушениями со стороны унии, в тоже время уготовляла для православных и благодатное утешение в чудотворной иконе Пресвятой Девы, таким образом избравшей гору Почаевскую в место селения своего на защиту народа православного, его ободрение и избавление.⁸³¹

Сам вызванный из Угорницкого монастыря на Дубенский остров ради чести православия, поддерживаемого, как мы уже сказали, по преимуществу благочестивою жизнью иноков, преподобный Иов готов был воспользоваться всяким удобным случаем для распространения православных обителей на Западе России. И история свидетельствует, что благодаря его влиянию, как духовного отца, известная пани Ирина Ярмолинская, как мы знаем, в 1646 году особым завещанием основала богатый монастырь во имя святителя Иоанна Милостивого, в имении своем Загайцах на Волыни, при чем преподобный сам собственноручно подписался на завещании Ярмолинской, яко духовник ее, и тем на веки скрепил свое непосредственное участие в устройении этого монастыря во славу св. церкви православной. Есть предание, что даже первые иноки для устройства Загаецкого монастыря были присланы, по просьбе Ярмолинской, преподобным Иовом из обители Почаевской.⁸³²

Нельзя, конечно, отвергнуть и того, что Иосафате с своей стороны тоже увлекал некоторых из вельможных даже панов русских в свою унию, как напр. Феодора Скумина Тышкевича, сына его Януша, Яна Мелешко, Солтана и др., вследствие чего православные справедливо прозывали его «душехватом».⁸³³ Но при этом Иосафат лишал своих оппонентов самого дорогого, что есть для человека, их родной, православной веры, и мы

слишком сомневаемся, чтобы таким образом он вносил святой мир в души отступников. Иначе какой же смысл имеют следующие места из письма Сапеги к Иосафату: «Укажите, Ваше преосвященство, кого Вы приобрели, кого уловили суровостью Вашею, печатанием и запираанием церквей?.. Из овец Вы превратили их (своих последователей) в козлиц, повергли в опасность государство, а может быть в погибель и всех нас католиков. Вместо радости пресловутая Ваша уния наделала нам только хлопот, беспокойств, раздоров, и так нам опротивела, что мы желали бы лучше остаться без нее: так много, по ее милости, мы терпим беспокойств, огорчений и забот. Вот плод Вашей пресловутой унии. Сказать правду, она приобрела известность только смутами и раздорами, которые произвела она в народе и целом крае»... и т. д.⁸³⁴

Одновременно с заботами о внешнем благоустройении горы Почаевской, имевшем непосредственное влияние на умножение числа братий в стенах обители, преподобный Иов не забывал в Почаеве и излюбленного своего дела о распространении необходимых книг на пользу православия, которые, как мы видели, нарочито печатал в своей Почаевской типографии, как известное «Зерцало Богословия» Транквилиона; сам ездил в Киев на собор св. отцев (1628 г.) для защиты православия и т. п.

Понятно само собою, что такие подвиги не могли пройти бесследно для православия. И мы знаем, что они несомненно спасли церковь русскую, и таким образом на веки сохранили ту незыблемую почву, на коей и теперь зиждется православие даже там, где, как например в Холмщине, враги православной церкви имели полнейшее основание рассчитывать, что она, по видимому, совсем погибает. Никому другому также, как преподобному Иову и тому высокому нравственному закону жизни, основание коего положено было блаженным угодником в его обители, обитель Почаевская обязана тем, что из всех монастырей западной Руси она была последним монастырем, обращенным в унию (после 1721 года). До того времени Почаевские иноки, верные завету богоносного отца своего и учителя, почти около века со времени появления унии оставались непоколебимыми в православии, не смотря на

самые отчаянные усилия и опаснейшие возни, употребляемые врагами, чтобы совратить Почаевский монастырь в унию.⁸³⁵ К этому, как мы уже знаем, из всех западно-русских униатских монастырей XVIII и XIX-го века в одной лавре Почаевской богослужебный чин соблюдался на столько близко к уставам древнеправославной церкви, что остальные Базилиане называли Почаевское богослужение схизматическим.⁸³⁶ Между прочим фактическим доказательством этому и доселе может служить то, что, за исключением служебников и требников, прочие богослужебные книги, печатавшиеся в бывшей Почаевской базилианской типографии, содержат в себе весьма незначительные отступления от таковых же православных книг, каковы напр. часословы, октоихи, минеи, и т. п.⁸³⁷ Так сами враги православия не могли до конца истребить то, что посеяно было молитвой и трудами преподобного.

Интересно, что служение преп. Иова на горе Почаевской для утверждения и защиты православия (1604 – 1651 г.) совпадает как раз с тем временем, когда в Восточной Руси Святотроицкая лавра преподобного Сергия, одушевляемая всегда присущим ей духом своего великого основателя, отстаивала православие и землю русскую от тех же самых врагов и клеветов унии, с которыми боролся преподобный Иов в звании игумена Почаевского. И если не возможно сомневаться, что преп. Иов имел самые обстоятельные сведения о всем, что совершалось тогда в Московском государстве в смутные времена самозванщины и междоусобицы (1608 – 1612 г.), то нужно согласиться, что как истинный сын православной церкви, он всеми силами души своей сочувствовал и всему тому, что совершаемо было тогда лаврою и от лавры преп. Сергия, и если не делом, то крепкою молитвою и сердечными благожеланиями споспешествовали тому, на чем теперь непоколебимо зиждется сила и величие народа русского, а с сим вместе, конечно, и всех русских областей, составляющих, единое нераздельное целое под скипетром государя Всероссийского.

II. Внутренняя духовная жизнь и подвиги преподобного Иова и Иосафата и их прославление.

Аще же и постраждет кто, не венчается, аще не законно мучен будет (2 Тимоф. II, 5).

Вот прозрачная, звездная ночь южно-русская. Возвышаясь на сотни футов над уровнем окружающей местности, покоится в сумраке святая гора Почаевская, сверху до низу покрытая вековыми буками, грабами и широколиственными грецкими орехами. Окончивши келлейное правило, иноки почаевские давно уже потушили огни в своих тесных келлиях. Одна белая, как снег, новосооруженная церковь Св. Троицы с цельбоносною Стопою и чудотворною иконою Богоматери под своими сводами приветливо стоит на самой вершине скалы, как бы на страже за своих молитвенников. А тут внизу, на южном склоне горы, посредине, на равном почти расстоянии между Свято-троицким соборным храмом и горными основаниями, скромно приютилась древнейшая деревянная Почаевская церковь Успения Божией Матери, и против нее прямо в скале, как темная пропасть, зияет глубокая пещера, искони знакомая отшельникам почаевским, как лучшее убежище для молитвенных подвигов и богомыслия, вдали от шума мирской суеты и тревожнения.

Но вот святые врата обители тихо растворяются и из них один за другими выходят два человека, первый согбенный под тяжестью лет, но видимо бодрый, здоровый старец в полной монашеской схиме и с настоятельским жезлом в руках, на который опирается, направляя шаги свои. Другой молодой, скромный инок, в обыкновенном монашеском облачении. Оба они, очевидно, идут к Успенскому храму, и в то время, когда молодой останавливается на паперти церковной, старец мерно подвигается к пещере и там медленно скрывается в могильной мгле ее.

То были преподобный Иов и ближайший, любимый ученик его, иеромонах Почаевской обители Досифей. Угодник Божий спустился в пещеру, вытянув руки вперед, почти головою вниз, потому что камни, висящие над спиною, препятствуют прямому

положению. Ухватившись при этом рукою за камень, стоящий внутри пещеры с левой стороны, в роде колонны, преподобный стал в пещере, пролезши таким образом между камнями около пяти аршин. Здесь блаженные ноги его остановились прежде всего на небольшой площадке в аршин длины и ширины, в верху которой, если обратиться лицом к северу, открывается пустое пространство в аршин над головою с таким же потолком, только более неправильной формы. Не смотря на непроницаемый мрак пещеры, преподобный Иов отлично знает ее расположение. Потому, протянувши левую руку и опершись ею о помянутую выше колонну, и в то же время наклонивши голову, потому что далее следует свод каменный в роде балдахина, Иов поднял ногу как бы на ступень, и подвинувшись впереди, вступил в самое большое северное углубление пещеры.⁸³⁸ Тут угодник Божий от давних лет поставил на уступе скалы лучшую копию с чудотворной иконы Почаевской, и теперь, не видя ее телесными очами, но устремляя на нее духовные взоры свои, он пал ниц на землю и начал молиться, молиться, по обычаю, глубоко, искренно и чистосердечно. Если бы мы имели возможность сами посмотреть на св. угодника во время этой его молитвы, то мы увидели бы, как из под худой схимы открывалась на теле его жесткая власяница, вся покрытая кровью от жестоких ран, производимых на теле святого тяжелыми железными веригами; мы увидели бы его ноги, отекавшие от долгих стояний до того, что тело кусками отпадало от костей его, о чем, как пишет Досифей, «и до сего дне свидетельствуют честные мощи его нетленные в раке лежащие».⁸³⁹ – Вдруг необычайный, неземной свет озарил пещеру и в течении более двух часов отражался из глубины ее на противолежащей церкви, к величайшему ужасу и изумлению Досифея, который, видя все это, мог только пасть на землю, «странным таковым видением побежден».⁸⁴⁰

«И если бы эта каменная пещера имела уста, то она, повторим слова Досифея, о сем совершенно известила бы нас, как иногда чрез три дня, иногда же чрез целую седмицу, один в ней затворенный и питаемый только слезами, изливаемыми от

чистого сердца, он молился о благосостоянии света, во зле лежащего».⁸⁴¹

Вот настоящая христианская молитва, не равня тем молитвам, которые творил хоть бы Иосафат, «при этом остро бичуя себя до крови», как говорят об нем его панегиристы. Во первых, как истинно верующие, мы не можем не отнестись с предубеждением против самого этого бичевания, которыми вообще латино-униатские подвижники любят сопровождать свои молитвенные подвиги. Настоящею молитвою может быть только та, которая совершается из глубины души, без всякого внешнего развлечения. От того такие св. угодники, как преподобный Иов, и старались по преимуществу избирать для своей молитвы места уединенные, не представляющие никаких развлечений для слабой натуры человеческой. И сам Спаситель в числе важнейших наставлений своих о молитве заповедует каждому из нас: Ты же егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твои помолися и Отец твой небесный, видяй в тайне, воздаст тебе яве.⁸⁴² Какая же сосредоточенность может быть в молящемся, когда он, изливая чувства свои пред Господом, в то же время старается наносить себе раны известного рода орудием! Напротив, такого рода истязание по неволе должно отвлекать его мысли от Господа, и отсюда и самую молитву его делать не вполне глубокою и совершенною. Ко всему этому нельзя не согласиться также, что так называемое бичевание, практикуемое подвижниками западной церкви, по сознанию лучших из них, во многих случаях вместо удручения плоти, производит в своих пациентах некоего рода удовольствие, род нравственной истомы, которая иных часто заставляет прибегать к бичеванию не как к спасительному средству покаяния, а скорее как к известному средству наслаждения, очевидно, совершенно противного духу истинного, христианского умиления и покаяния.

Во вторых послушайте, о чем молится Иосафат, поражая свое тело бичами... «При бичевании он взывал», пишет один из его биографов: «Господи, истреби схизму и дай унию свенту»... и этой молитвы он не забывал даже тогда, когда сделался епископом»....⁸⁴³ Вот так настоящая латино-иезуитская молитва,

чуждая всякого духа любви и снисхождения христианского, молитва тем более грешная и богопротивная, что Иосафат сам же, даже в качестве латинянина восточного обряда, должен был научиться молиться устами святой православной церкви: «о мире всего мира, благосостоянии святых Божиих церквей и соединении всех»... Но он, видно, более читал мшалы латинской церкви, чем православные служебники, и оттуда, из первых из них проникся духом римской молитвы: «да Господь католическую церковь умиротворит, сохранит, объединит и удостоит сделать вместе с папою правительницею всего мира, *regere toto orbe terrarum*».., и т. д.⁸⁴⁴ Каким неизмеримым величием дышет сравнительно со всем этим кроткая молитва преподобного Иова даже не о преуспевании православной церкви, а только «о благосостоянии света, во зле лежащего»...

На сколько цельною, святою и безкорыстною представляется молитва преподобного Иова, на столько поистине благородною и богомудрою является и вся нравственная жизнь его вообще. В этом отношении нельзя не согласиться с г. Кулишом, что «настоящая сфера блаженного угодника была не административная, не практическая, а духовная и идеальная» – и хотя по мере надобности он «ни отчего не уклонялся, входил в соприкосновение с панскими семействами, когда того требовали нужды православия или выгоды монастыря, и являлся даже на суде в виде челобитчика, когда иноверцы (Фирлей) захватывали монастырское имущество», – но он по преимуществу «был велик своим богомыслием, влиял на умы святостью жизни своей». Таким Иов выступает на поприще жизни с 10-летнего возраста, и таким он остается до конца жизни своей.

Всегда «он вел себя как последний между старшими, как самый грешный между праведниками. Даже когда случилось ему быть свидетелем такого греха, как воровство, он и тут ограничивался только соболезнованием о грешнике. Он помог ему скрыть свой позор пред людьми, и только кротко напомнил об отчете, который каждый из нас должен отдать пред Богом...»⁸⁴⁵

Не удивительно, что после всего этого преподобного «все боялись, как пронизателя в сокровенные души ближнего, и любили как всепрощающего брата», так как «в любящей и кроткой душе его, без сомнения, всегда и на всяком месте присутствовала мысль о том, Кто приходил не за тем, чтобы послужили Ему, а чтобы послужить другим...»⁸⁴⁶

В виду таких обстоятельств было бы прямою, непростительною даже дерзостью сравнивать блаженного Иова с Иосафатом. Здесь мы видим цельную, благородную натуру, у коей всякий шаг, всякое движение души, всякое действие основаны на высочайшей любви к Богу и ближнему, которая всецело сохраняет себя на пути долга и правды, смирения и братолюбия от взятия разума до гроба. Напротив, если у Иосафата и были некоторые добродетели, которых мы и отвергать не станем, то все они подавлялись его грубым фанатизмом, который в том именно и состоит, что раздвояет душу человека и, что всего ужаснее, делает ее злою, жестокою и безчеловечною во имя самых святейших, но, в несчастью, ложно понимаемых начал веры и религии.

От того неудивительно, что и кончина того и другого была совершенно различная. Униатствующий Иосафат был убит во цвете лет взбунтовавшеюся чернью, а преподобный Иов мирно скончался на сотом году жизни (1651 г. 28 октября), заранее предсказав свою кончину, и в самый день ее даже совершивши божественную литургию, искренно оплакиваемый осиротелою братею и всеми, кто только знал и чтит его.⁸⁴⁷

Были, правда, слезы и над трупом Иосафата, но это были слезы страданий и горьких проклятий со стороны несчастных жертв, наполнивших тюрьмы и положивших головы свои сотнями за убиение фанатика.⁸⁴⁸

Тем менее недоумений может быть теперь по вопросу о блаженном прославлении преподобного Иова и папской канонизации Иосафата. – Мне отмщение, глаголет Господь Бог, Аз воздам ти. Праведник же аще постигает скончаться, в покои будет; безсмертие бо есть память его; зане от Господа прославляется и от человек. И надобно иметь слишком больные, тупые духовные очи, чтобы не видеть действия

неисповедимых судеб Промысла Божия в посмертной судьбе преподобного Иова и Иосафата.

О зачислении Иосафата в число святых Латино-унитской церкви сами же униаты рассказывают, что «по просьбе короля и епископов русских, униатских и латинских, по обследовании всех свидетельств о жизни, апостольских трудах и чудесах (sic!) св. Иосафата, папа Урбан VIII в 1643 г. беатификовал его, а Пий IX в 1867 г. записал в число святых слуг Божиих, даруя его патроном для Руси и Польши».⁸⁴⁹

«Тело Иосафата, по словам того же писателя, почивало до 1705 года в Полоцке (куда перенесено было по убиении Иосафата). В этом году, когда царь Петр I-й грозил, что прикажет сжечь его, базилиане полоцкие вывезли его из Полоцка и отдали на хранение князю Карлу Радзивиллу, канцлеру и Гетману Литовскому. Гетман возил его с собою из обоза в обоз во все продолжение войны, а по окончании войны поместил его в Вялой, в своих имениях на Подлясье. Базилиане ожидали тела Иосафатова обратно, но князь Радзивилл не позволял возвращать его, и наконец согласился с базилианами, что они возьмут себе одно рамо из тела,⁸⁵⁰ а для остальной его части он соорудил в Вялой церковь и монастырь для их закона. Против этого протестовали родственники князей Чарторижских и Сапегов. Но Радзивиллы, не смотря на это, остались-таки владельцами святых звлок. Недавно Москва однако вынесла их из святыни (храма), в коей они стояли на престоле, и по одним увезла их в неизвестное место, а по другим велела погребсти оныя в склепах церковных,⁸⁵¹ чтобы удалит от глаз верных этого усерднейшего и отважнейшего защитника унии, которую она (Москва) всеми силами старается уничтожить».⁸⁵²

Если даже ограничиться одними этими сведениями о загробной судьбе Иосафата, то нельзя не увидеть из них, что в деле так называемого прославления его исключительную роль играют одни только люди и люди... Его беатификует Урбан VIII «по просьбе короля и епископов латинских и униатских»; по той же просьбе Пий IX признает его святым «за апостольские труды» на пользу унии... А о том, что самое существенное в деле прославления истинных угодников Божиих, о

непосредственной воле Божией на это, равно также и о чудесах, составляющих существеннейшее доказательство святости ублажаемого лица, мы или вовсе ничего не слышим, или слышим только вскользь. И есть несомненные основания думать, что ни такового высшего, небесного соизволения, ни чудес от Иосафата никогда и не было. «Правда, скажем словами одного ближайшего знатока отечественной истории, жизнеописатель Иосафата Кульчинский, а за ним и другие базилианские писатели указывают на некоторые чудеса, будто бы совершенные Иосафатом после его смерти, но ни одного из них не подтверждают никакими достоверными свидетельствами, а говорить о них голословно, в надежде что печатная ложь у невежд получит авторитет истины. Некоторые чудеса так плохо ими сочинены, что не стоят опровержения. Они говорят напр., что тело Иосафатово, брошенное в Двину в Витебске, отсюда само приплыло в Полоцк, вверх против течения Двины,⁸⁵³ или что по молитве к Иосафату одной шляхтянки, возвращавшейся из Полоцка домой в м. Ушач, воскресла лошадь, околевавшая на дороге.⁸⁵⁴ А из комиссарского декрета об его убиении известно, что он брошен был в Двину, чрез три дня вытащен, освидетельствован в замке и отослан уже в лодке, по течению Двины, в Полоцк для погребения.⁸⁵⁵ Вот как должно верить Кульчинскому и ему подобным ревнителям унии! Да если бы по убиении Иосафата от его тела произошло что либо похожее на чудо, то следователи, королевские комиссары, как ревностные католики, не преминули бы разгласить о том в сказанном выше декрете, когда они исчисляли в нем все мелочные подробности, касающиеся убийства Иосафата, восхваляют ложное его благочестие, мнимые добродетели и даже ношение им на теле власяницы. Сверх того, если бы какие либо чудеса проявились по смерти Иосафата, то о них не преминул бы упомянуть сам папа (Урбан VIII) в булле о его беатификации, но в ней о сих чудесах нет ни малейшего намека. Заметим также, что кроме Кульчинского и других униатских и латинских писателей, сочинявших чудеса Иосафата, спустя почти двести лет после его смерти, о них не сохранилось никакого народного предания, ни одного (за исключением сведений о воскрешении лошади)

письменного современного акта, ни другого какого либо исторического доказательства. Следовательно, все легенды униатов и римско-католиков о мнимых чудесах Иосафата – чистый вымысел, произведение фантазии базилианских монахов, желавших уверить невежественную толпу, будто бы и уния имела своих святых и при том чудотворцев».⁸⁵⁶

С этой же чисто утилитарною целью, «для возвышения унии» совершена была папами и самая беатификация и потом канонизация Иосафата, – «и политика польского правительства, личные интересы униатского духовенства, и невежество народа признали его святым и стали чествовать и ублажать, как действительного святого».⁸⁵⁷ Что же удивительного, что по исполнении времен, Господь подвиг напоследок ревность Богоизбранного народа Русского положить конец суеверию погребением набальзамированных останков Иосафата в земле, и таким образом по неисповедимым судьбам своим разрушил руками избранных своих и уничтожил то, что само по себе было творением грешных рук человеческих.

Совсем не то мы видим в истории прославления преподобного Иова Почаевского. Мощи преподобного открываются не по человеческим расчетам или просьбам, а по непосредственному внушению свыше. Вслед за тем от мощей угодника Божия открываются многообразные чудеса, которые тем именно и отличаются от чудес Иосафатовских, что все они не только совершались, но и не перестают совершаться доныне, и каждое из них вполне одокументировано, как несомненные факты, засвидетельствованные часто не только показаниями очевидцев, но и судебною властью, народными преданиями и т. п. Между прочим в истории прославления святых угодников Божиих вообще – всюду проглядывает тот несомненный факт, что все они строго охраняют честь своих блаженных останков и нередко для спасения их от посягательства являют разные чудеса и знамения. Тоже самое читаем мы и в истории посмертных чудес и знамений преподобного Иова. Так было, как мы знаем, в 1711 году, когда некто Владислав Каминский из Брацлава, будучи в Почаеве, осмелился усомниться в нетлении мощей преподобного, то сам Иов в

ночном видении явился ему, грозя ему палицею, «чтобы не смел хульно говорить о святых Божиих...» Сие тем более знаменательно, что подобное же чудесное знамение повторилось у мощей преподобного Иова в 1737 году, когда уже униаты владели лаврою Почаевскою, в лице некоей пани Понтовской, ее малолетнего сына и др.

От чего же, спрашивается, ничего подобного мы не видим у набальзамированных остатков Иосафата? Неужели, если бы действительно он был святой, он не мог вступить за себя, когда «схизматическая Москва» сокрывала его тело в земле, и таким обр. навеки лишала его прежней чести и поклонения? Но такова именно судьба всякой неправды, что она никогда не в состоянии честно, открыто постоять за себя. Напротив того, святая истина торжествует даже там, где, повидимому, следовало бы ожидать совершеннейшей ее гибели и посрамления. Так случилось и с нетленными останками преподобного Иова. Мы уже знаем, что как только униаты овладели лаврою Почаевскою (1721 г.), они тот час закрыли мощи преподобного и оставили было их за решеткою, прекратив на первых порах всякое общение с ними. Но так было только сначала. Не успели униаты надлежащим образом расхозяйствоваться на горе Почаевской, как преподобный Иов снова начинает творить разные знамения и чудеса, тем более для нас интересные, что они уже записаны не православными, а самими униатами. Следствием сего было то, что базилиане почаевские, как мы видели, хотя и закрыли решеткой и стеклом мощи преподобного Иова, однако при всем этом не могли не питать к нему своего особенного уважения. И мы знаем, что они напр. несомненно признавали нетление святых мощей его и даже явственно писали об этом в своих книгах.⁸⁵⁸ Вместе с этим униаты не иначе называли Иова, как «Blogoslawiony, Блаженный», что от латинского слова *beatus* вообще означает человека Божия, несомненно пользующегося прославлением свыше.⁸⁵⁹ Есть также несомненные указания, что базилиане почаевские чтили у себя икону преподобного Иова, и как мы сказали, даже тайком служили молебны пред мощами его, ставили пред ними свечи и т. п. Не говорим уже о том высоком

уважении к преподобному Иову, которое началось у базилиан почаевских, а с ним вместе и у прочих униатов, к концу XVIII-го века, со времени известного фундатора и благотворителя Почаевской лавры графа Николая Потоцкого, старосты Каневского, так что в 1767 году базилиане подняли было вопрос о канонизации преп. Иова у папы, чтобы сделать его святым своей латино-унитской церкви.

Но истинные слуги Божии, прославленные самим Господом, не имеют нужды в подтверждении своей святости от власти иноверной. Не смотря на несомненную уверенность почаевских базилиан в канонизации преп. Иова, дело это, как и следовало, не состоялось, потому что папа, как известно, нашел угодника Божия уж слишком православным и не решился внести в римские мартирологии явного схизматика, не смотря даже на значительные суммы, для этого пожертвованные Потоцким.⁸⁶⁰

За то теперь, без сомнения, очередь за преемниками бывших униатов, возвращающимися к православию в пределах царства Польского и их единомышленниками, стремящимися к православию в Угорской Руси и Галиции. Тем паче они обязаны должным почтением к памяти преподобного Иова, как ближайшего своего земляка и одного из лучших представителей русской народности в истории и жизни юго-западной Руси до того, что сами враги православия не могли отказать ему в уважении, хотя и не успели довести это уважение до желанной канонизации преподобного.

В одном месте униатской службы преподобному Иову есть замечательный Богородичен: «Отроков триех рождеством твоим, Богородице, спасшая в пещи Вавилонстей, спасай и нас от бед молитвами твоих триех угодников, наших же отцев: Василия Великого и блаженного Иосафата и Иова».⁸⁶¹ Так униаты ставили в свое время преп. Иова наравне с Иосафатом. Теперь, когда место Иосафата упразднено, для всех бывших униатов, очевидно, остается только один Иов, и мы ничего лучшего не можем сказать им в этом случае, как обратившись к ним словами той же униатской службы: «Придите празднующих соборы, соберитесь верных лица, стецытесь людие от конец России и Польши, внидем в храм Господень, в

дом Божия Матере, почерпнем воду от источника исцелений, поклонимся на месте, идеже стоясте нози девическия, и рцем вси к ней согласно: яви древняя милости твоя; огради полки ангелов место твое святое, приемля о нас к тебе ходатая, блаженного угодника твоего Железа; молит бо ся присно ко Господу о душах наших».⁸⁶²

А чтобы православные обитатели Холмско-Варшавской епархии ведали, что почитание преподобного Иова для них есть не только нравственный долг, но и законная обязанность, то мы считаем нужными воспроизвести здесь в заключение следующий указ, который, без сомнения, остается в силе и до настоящего времени. – Следует помнить только, что указ этот написан в то время, когда православные обитатели Царства Польского находились в иерархической зависимости от архиепископии Волынской.

«В журнале Волынской духовной консистории июня 19 дня 1833 г».

«Слушали: предложение Его преосвященства Иннокентия в 17 день сего июня консистории сей данное содержание такового: «из сохранившегося в здешнем народе предания и из письменных сведений известно, что из числа древних начальников Почаевской православной обители, особыми подвигами строгой иноческой жизни, прославился преподобный о. Иов Железо, игумен Почаевский, коего смертные останки быв преданы земле в 1651 г., за 50 слишком лет до завладения Почаевского монастыря униатами, а после того чрез 8 лет, в 28-е число августа 1659 г. после несколько-кратных явлений преподобного во сне Киевскому православному митрополиту Дионисию Балабану, сим же митрополитом в нерушимой целости обретены, в таковой и доселе чрез 182 года, во свидетельство особенной, дарованной ему от Господа Бога, благодати чудесным образом в одной из здешних монастырских церквей сохраняются. Но не менее того известно и то, что сей драгоценный залог древнего в сем крае православия, оставаясь более столетия в руках разномыслящих с нами, не имел в глазах их, как всегдашний грозный обличитель отпадения их от

прародительской веры, той цены, какую привыкло привязывать благочестивое усердие к предметам почитаемой им святыни».

«Ныне, когда по изволению милосердного Промысла, во дни благословенного царствования Благочестивейшего Монарха нашего Николая 1-го, неусыпно пекущегося о распространении и утверждении в великом отечестве нашем истинного благочестия, православная обитель сия, в отраду и душевное утешение православных, снова возвращена в лоно нашей церкви и признательная память к приснопамятному насадителю древнего в сем крае благочестия и видимо прославляемая святость его возлагают на нас священный долг питать в благочестивом народе благоговейные воспоминания высоких добродетелей сего праведного мужа. На сей конец, с разрешения высшего правительства, отныне ежегодно в 28-й день августа имеет быть торжественно празднуемо в обители здешней обретение мощей Преподобного».

«Консистория о приведении сего во всеобщее, по здешней епархии, известие, чрез объявление священнослужителями прихожанам своим в воскресные или праздничные дни в церквях, учинить немедленно надлежащее распоряжение. Приказали: с прописанием означенного предложения Его Преосвященства для надлежащего по оному исполнения послать из консистории духовным правлениям, монастырям, а также Царства Польского и кременецкого уезда благочинным указы, а Почаевския лавры в духовный собор сообщить».⁸⁶³

Из статьи: «Православие и уния в лицах», приложение № 1-й.

Песнь Базилианская Преподобному Иову Железу.
Из млада возлюби Бога Железо Блаженный,
Рожденный в земли Галицкой, Иоанн нареченный.
Мира сего отлучися,
Родителей удалися,
В десять лет из дому изыйде
И в монастырь прииде.
Ангельский образ восприя, – Иов нареченный,
В монастырь в Угорниках тамо постриженный.
Дванадесятаго лито,

Отречесе сего свита,
Инок зело искуснейший
Сей бе Иов юнейший.
Живя посреди братии всем на пользу бяше,
В великом смирении Христу работаше.
Дошедше лит совершенства,
Взыде на степень священства,
По многим отречении,
Во своим смирении.
Благодатию от силы в силу восхождаше,
Славити Бога всем сердцем усердно желаше.
Подобися Серафиму,
Прият на ся честну схиму,
Труд ко трудом прилагая,
Подвиг усугубляя.
Оттоле Бог славящаго начат прославляти,
Добродетельное его житие являти.
И вельможи притекаху,
Пользу душе приемляху,
Житием его учими,
В добродитель приводими.
Оттуду проси Константин Князь и Пан Острожский,
И послан бысть за Игумени в монастырь Дубенский.
Добре монастырь правяше
Книги церковны писане.
Более лет двадесяти
Изволился труждати.
Егда начат о нем слава проходить всюду,
Не восхоти славным быти, – отъиде оттуду.
Прииде, тщася утаити
В Гори Почаевской скрыти.
Но там паче прославися
Всея вселении открыся.
Зане и тут от иноков избран бысть воскоре
Почаевским игуменом в чудотворной Горе.
Такого бо Богомати
Изволила вожда дати,

Лаври, юже возлюбила,
И чудами украсила.
Прием же игуменство, больших трудов ятсья,
Сады густы насаждая, яже до ныне зрятсья,
Сажавки ископывая,
Трудов образ всим бывая.
До Трибуналов ездяше
Фундуш цил охраняше.
Часто в нощи на молитву в пещеру вхождише,
Иногда и по седмице там ся затворяше,
Поклони много творяще,
Всим сердцем Бога молящи
О своих согрешениях
И о людских невежествах.
Единою молящуся, Досифей видяше,
Свит Божия благодати над Отцем сияше,
Через два часа облистая,
И всю церковь озаряя.
«Аз Досифей, рече, падох»,
«Зрити сего не могох».
Бысть же зело братолюбив, смирен и послушлив.
Воздержаны, кроток, милосерд, незлобив, молчалив.
Молитву во устах ношаше,
И всегда ю глаголаше,
Исус Христа поминая,
Помилуй мя, воззывая.
Многими трудами тило свое измождаше,
И со апостолом язвы Христовы ношаше.
Он и с миром посылает,
Болящаго исцеляет
Игумена Досифея,
Схимонаха Иерея.
Во время Збаражской войны виден над церковною,
Молящися с низким поклоном пред Приснодивою,
Би бесурман побидили
И обитель сохранили.
И бисть скоро увольнение,

Врагов побиждение.

Жену сановиту Анну от биса избави,

Пред ковчегом бис сотряси, свободну остави.

Владислава начат бити,

Жезлом уча не хулити....

Убуюдъжесе вопияше:

«Не буду», глаголаше.

Хто тилько со вирую в бидих к нему прихощише,

Не тощъ помощи Божия воспать отхождаше.

Отче Святый, молим тя вси:

Покой нам у Христа испроси,

Церквим соединение

Втим вирним спасение. –

(Сравн. выше в Житии Преподобного Иова, Глава IV-я, стр. 193-я, § 8-й, примечание 2-е).

К статье: «Православие и уния в лицах», приложение, № 2-й.

Encomium swietcmu Jovowi Zelizie od pewnego chorego przy powrdceni do zdrowia za ofiarowaniem sie do niego roku 1736 dnia 10 octobra napisane i w trnmnie przy cieie swietego z l ozone.⁸⁶⁴

Matka jest kosoioł swych dzieł – Mistrzynie;

Zelizo synem wola matki czyni.

Czynił za życia, którego wiek młody Żadne światowe nie zwiodły swobody.

Ale świecące słońce swe promienie W zakonne umbrę składa, w świetle cienie.

To różniłbys, że przy tym zachodzie W tetrycznej Nieba zostawało szkodzie;

Ale i owszem... jasność lepsza w cieniu: Święty i habit przy świętym sumieniu. Jasnieje świętym życiem w Począjowie,

O którym autor obszerniej opowie:

Wiec to jednak w południowym krokn,

I ustawicznie bez żadnego zmroku, – Obiasnia wielu, wiodąc świetne życie. – Zajasniał cnota, tając się z nią skrycie. – Przykład zakonu wiern; Bazylego Już wierniejszego nie mógł mieć od niego. Wielkiego Ojca też i syn nie mały,

O którym nieco powiem dla pochwały. Honor Basyli synowi
godnemu;

Zelizo honor także Bazylemu.

Ten prawodawca, a ten w tym zakonie, Syn na oycowskim
odpoczywa lonie. Spieszy Bazyli – fundator do nieba,

Na miejscu jego namiestnika trzeba;

O toż Zelizo na miejscu Świętego

Mocna zawiąsa kościoła Bożego.

Albo raczej, rzeke, złoty krzeszec w gorze,

Bogaty w cnoty w ubogiej posturze.

Wiodł święte życie i wielu za sobą Do Boskich using, będący
ozdoba Tego zakonu. -W cieniu kleynoty,

Choć ponizone, nie skryja swej cnoty.

By się nie wydał z swoimi cnotami,

W cieniu pieczary, między kamieniami Kryje te święte, jasne
cnota ciała,

Które się lepiej w ciemności wydało.

Nie licze postów; bo wiek cały taki;

Ni umartwienia; gdyż na ciele znaki Żelazne paski, kłosa
discipliny Calego życia w świętym święte czyni.

W tym się to słońce w swojej odraienilo sferze, Gdy pełny
podział niebo w ziemi bierze:

Dusza do nieba, ziemia święte ciało,

Które się onej w depozyt dostało.

I nie dziw, że go klasztor w ziemi kryje: Godzien obserw, kto
cnotliwie żyje.

Czemuz się umbra światłość ta pokrywa?

Wszak słońce po dniu w cieniu odpoczywa. – Mówiac z
kościołem: i świętych próbują,

Których łaskawe nieba promują.

Jakże ten klejnot niebieskicy korony,

Bo skromnie znoś, choć był ponizony.

Gdy tak do czasu w grobowcu zostaje;

Jasniej się splendor w cieniu swym wydaje.

Przez różne cuda z ziemi się dobywa,

Któremu aplauz, nam radość przybywa,

Dziękując Boga za swego patrona,

Z ktorego pewna proszacym obrona.
 Jakoz tak wielu laski doznawali,
 Ktorzy sie jego opiece oddali. –
 Jhnmen pewny, bedac w Poczajowie,
 Przez ciezkie wrzody straciwszy zdrowie,
 Temu lob swiety przez panne przysyla Oley swiety, wnet
 slabosc wstapila, –
 I inne laski Matki Pana Boga –
 Prosba Swietego. – Gpy od Turkow trwoga Jak liczne woyska
 Poczajow straszyla,
 Na ten czac jawnie z pomoca przybyly
 Matka nayswietsza i Zelizo Swiety, –
 Czym przestraszony Busurman przeklety,
 I porazouy, – bo sie wzad wracaly Rule ktoremi pogani strzelaly,
 Ciezki ordynans onym przynosily,
 By sie dobywac wiecey nie kusili. –
 Inne zas laski kto widziec ciekawy Na znak zaslugi u swietey
 zabawy,
 Niecb w poezajowskim czyta monasterze,
 Jak Swiety Oyciee ma z niebem prymierze. –
 Jakom namienil, ze slucha kosciola,
 Pokornie swego nakloniwszy czola.
 Kiedy i teraz Kosciol kaze, w ziemie Idzie z pokora, lub
 niebieskie plemie. –
 Далее следует изложение текста стихов, приведенных нами
 выше, в житии Пр. Иова (ч. I, стр. 211 – 212, § 7), под заглавием:
 Awtor wirszow tych o sobie:
 Ja grzeszny, bedac cboroba zlozony,
 W Bogu, Marii i swietym obrony Szukam, w laskie sie Swietego
 oddaje.
 Zaraz w tym punkcie czerstwieyszym zostaje.
 Powstaje z lozka i czerstwieysze sily Odbieram; bole ktore mie
 trapily Znacznie ustaly i zdrowszy zostaje.
 Naypierwiey Bogu czesc, chwale oddaje,
 Potem nayswietszey Matce w Poczajowie,
 O d ktorey czerstwieysze odbieram zdrowie,
 Przy prosbie Oyca Zeliza Swietego.

Niecb na swiat cal y sly nie imie jegoe
Ustnie opowiem, bedac w Poczajowie,
Ze Oyciec Swiety uprosil mi zdrowie.⁸⁶⁵

(Из Xiegi Codow Obrazu Poczajowskiego et set, находящейся
ныне в архиве Почаевской Лавры; по житию Преподобного Иова
стр. 14 – 17)

V. Богородично-Почаевский приход в местечке Полонном, Волынской губернии, Новград-Волынского уезда,

как первый в России приход, посвященный, св. церковью в честь чудотворной Иконы Божией Матери Почаевской – в назидание родам грядущим, как, при помощи Божией, совершать подобные дела во имя родной святыни.

«Половци... ехаша за Киев воевати, и приидоша к Полонному, ко святей Богородице граду Десятинному».

Полонное, и ныне еще довольно значительное и живописное местечко на Волыни, – в древности, как известно, было одним из известнейших городов Великого княжества Русского. История не сохранила нам сведений, кем и когда оно основано.⁸⁶⁶ Но уже во времена св. равноапостольного Владимира «град Полон», или «Полонный» настолько находился в хорошем, а можете быть, и в лучшем состоянии, сравнительно с прочими городами тогдашней Руси, что св. Владимир, назначая в 966 году десятину «по всей земли Русской княжения» в пользу созданной им в Киеве Десятинной церкви «чудной Матери Божией», из числа подвластных ему городов для этой цели, в качестве десятины, избрал Полонное.⁸⁶⁷ С того времени, в течении более века, везде где в летописях наших говорится о Полонном, оно называется не иначе, как «Полонный град Десятинной Богородицы». Так о Половцах Преподобный Нестор в 1169 году пишет: «Половци ехаша за Киев воевати, и приидоша к Полонному, ко Святей Богородице граду Десятинному»...⁸⁶⁸ Тоже читаем далее и под 1172 годом,⁸⁶⁹ и т. д.

Впрочем, останавливаясь таким образом на отношении Полонного к Десятинной церкви Божией Матери в Киеве, мы не имеем в виду писать здесь полную историю Полонного, хотя она не лишена своего интереса и с достоинством могла бы занять место на страницах отечественной истории. Наша цель скромнее; – она состоит прежде всего и более всего в том, чтобы показать, что Полонное издревле было достоянием

Царицы Небесной, не без особенного, конечно внушения свыше, заповеданным ей от великого Просветителя земли Русской, св. Равноапостольного Великого князя Владимира. Такой чести не удостоился ни один из древнейших городов Русских. Тем паче на Полонном лежит заветный, священный долг никогда не забывать о своей Небесной Владычице, но как и от времен первых служить ей верою – правдой не только молитвенным к Ней обращением, но и посильными приношениями во славу Ее святого Имени, как этого требовал Устав св. Владимира: «от всего суда десятый грош, и на торгу десятую неделю, из домов, на всякое лето десятое всякаго стада и всякаго живота Чудной Матери Божией и Чудному Спасу».⁸⁷⁰

И нет сомнения, что причиною таковой исконной принадлежности Полонного «Десятинной Богородице» было то, что в числе других церквей, находящихся здесь, некоторые из них специально были посвящены во имя Божией Матери, каковы и теперь существующие в Полонном: Успенская церковь, при коей издревле находился известный Полонский или «Полонитский» мужской, а потом женский монастырь, перенесенный теперь в соседнее селение Городищи, церковь Покровская или по местному названию Марьянская (Мариинская) и Рождество-Богородичная.⁸⁷¹

Но в особенности драгоценным наследием для Полонного, в память его принадлежности «Чудной Божией Матери», должна служить вновь устроенная здесь в последнее время прекрасная церковь, на место бывших доселе трех отдельных церквей, принадлежащих одному приходу, Крестовоздвиженской, Георгиевской и Сретенской, в честь чудотворной Иконы Божией Матери Почаевской, с приделами при оном: в память Воздвижения Креста Господня и во имя св. Великомученика и Победоносца Георгия, – история свидетельствует, что гора Почаевская была населена первоначально Киево-печерскими иноками, бежавшими от Батыева погрома в XIII-м веке. В XVI-м веке преемники этих иноков сподобились принять (1597 г.) в своей обители благодатную икону Божией Матери, принесенную из Константинополя Греческим митрополитом Неофитом, и доселе прославляемую чудесами в Богородичной обители

Почаевской.⁸⁷² Так Почаев и его святыня породнились с Киевом, а отсюда, конечно, в не менее ближайшие родственные отношения должны стать к «матери градов Русских» и все те святыни, которые так или иначе посвящаются в честь чудотворной иконы Почаевской, в числе которых новый Полонский «Богородично-Почаевский храм» по всей справедливости занимает первое и едва ли пока не единственное место в нашем отечестве.

Теперь история сооружения этой церкви вместе с приходом ей принадлежащим и составляет задачу и предмет настоящего нашего исследования.

Чтобы исследование наше сделать по возможности обстоятельным, мы разделяем его на две части, из коих в первой скажем сначала о церквях, на место коих сооружена ныне Богородично-Почаевская церковь в Полонном с приходами, к ним принадлежащими, до соединения их в один Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенский приход (1833 г.); а за тем уже постараемся сообщить необходимые сведения о дальнейших судьбах этих церквей вместе с сооружением новой Богородично-Почаевской церкви, ее украшении, освящении и т. п.

I. О бывших Полонских церквях»: Георгиевской, Кресто-воздвиженской и Сретенской, на место которых сооружена ныне Богородично-Почаевская церковь, до соединения их в один приход.

h11 1. Церковь Георгиевская.

Несмотря на то, что до сооружения Богородично-Почаевской церкви в Полонном, в числе церквей, предшествовавших ей, Крестовоздвиженская церковь собственно была приходскою, а прочие две: Георгиевская и Сретенская приписными к ней, мы однако должны начать свою историю с церкви Георгиевской, так как по документам она оказывается древнейшею не только сравнительно с церквями Крестовоздвиженскою и Сретенскою, но едва ли и не одною из древнейших церквей всего местечка Полонного. В сохранившейся старинной визите (visita, ревизионный лист) этой церкви от 20 января 1778 года, составленной Вице-Деканом Полонским (Помощником Благодичного), Настоятелем Полонской Троицкой церкви Завалевичем, прямо говорится:⁸⁷³ «Предмесье Старо-Полонское, называемое Широкою Улицею». (Так оно и теперь называется). «На том предмесье стоит приходская церковь во имя мученика Георгия. Кем она первоначально сооружена, когда и с чьего дозволения освящена, о том не имеется никаких сведений ни письменных, ни устных, по давности времени. Дерево в ней устарелое и по углам сгнившее, из чего видно, как заключает та же визита, что она (церковь) очень древняя». – Это сказано было за сто лет до нашего времени. – Предположивши даже, что до того времени Георгиевская церковь просуществовала 250 – 200 лет; – менее мы предположить не можем, потому что в старые годы люди жили долго, и в 1778 году нашлись бы старожилы в 80 – 90 лет, которые бы помнили или знали историю сооружения этой церкви, если бы она была сооружена за сто лет пред сим или не много более; – мы должны отнести построение этой церкви к началу или первой половине XVI века, так что она несомненно могла быть современницею тех обстоятельств, которые совершались тогда на горе Почаевской, когда святая Икона была перенесена на нее Гойскою, и здесь в честь Божией Матери тоюже Гойскою положен был фундуш для устройства монастыря общежительного. На эту же мысль наводит и

сказание визиты, что в 1778 году Георгиевская церковь состояла уже «из дерева устарелого, сгнившего по углам», что не могло произойти в какое либо короткое время. Если же ко всему этому принять во внимание, что Георгиевская церковь в свое время была единственною церковью на так называемом «Старополонском Предместьи», которое по происхождению своему, всего вероятнее, было современно «Старому Полонному»; то можно думать, что Георгиевская церковь в свою очередь была едва ли не современна другой несомненно древнейшей из Полонских церквей Преображенской, находящейся на «Старом Месте», – и кто знает, не существовала ли она наравне с этою последнею еще во времена св. Владимира, когда «Град Полонный» Равноаностольным князем был приписан к Киевской Десятинной Богородице.

Благодаря визите 1778 года мы имеем возможность составить обстоятельное описание старого Георгиевского храма, как он находился во второй половине XVIII века. – Из этой визиты мы узнаем прежде всего, что Георгиевский храм в Полонном в 1760 году был капитально возобновлен старанием прихожан «как снизу, так и сверху, по каковом исправлении вельможный о. Петр Пузиковский, на то время Декан (Благочинный) Полонский, с разрешения преосвященного (униатского) епископа Сильвестра (Луцкого и Осторожского), освятил его 24 февраля по старому стилю».

По возобновлении своем церковь Георгиевская находилась в следующем виде: «Построена она была над самую Широкою Улицею, на месте благоприличном и веселом, в сруб из кругляков разного дерева, тесанного с внутренней стороны, и покрыта надлежащим образом гонтами и обшита шалеваньем (т. е. досками) с опаясьем (галлереею) кругом, также крытым гонтами». По внешнему виду она «имела три возвышающихся купола с железными на них крестами» и заключала в себе «трое дверей, – первая с западной стороны на двух сквозных железных петлях с внутренним замком, другие с южной стороны, третьи в олтарной части с севера. Окон было 15. Внутри пол, надлежаще уложенный из досок».

В самой церкви визитатор «нашел в 1778 году, в олтаре (на горнему месте) циборий» (от латинского *cibus* пища, *ciborium*, место хранения хлеба) с запасными дарами, а на престоле между тремя тонкими и чистыми илитоном Антиминс с нетронутыми св. мощами, освященный и подписанный епископом (униатским) Киприяном (Стецким). Св. Миро находилось в оловянных мирницах».

За тем в той же визите описывается «внутреннее украшение» церкви. «На Горнем месте Икона Благовещения Божией Матери, на дереве с засовой на полотне, содержащей на себе изображение св. Георгия. Иконостас о трех вратах столярной работы, иконописи стародавней, в коем наместных икон (было) четыре: Спасителя, Божией Матери, Святителя Николая и святого Георгия. Выше (над царскими вратами) изображение Архиерея Великого, апостолов, пророков и пр. – На жертвеннике – икона Источника (Спасителя источающего кровь в чашу из виноградной кисти, находящейся на лозе, как израстшей из прободенного ребра Его) на дереве, и другая икона Воскресения Христова, писанная на полотне. Царские врата иконостасной работы, резные, целиком позолоченные. Прочих икон, как на дереве, так и на полотне, расположенные в церкви по разными местам, находилось 10 и сверх этого еще «три, писанных на просторном (большом) полотне, которые поставлены были на стенах в церкви, в особых рамах, а именно: 1) Страстей Христовых, 2) Страшного суда и 3) Хора ангельского» (иначе называемого Исаиным видением).

В той же церкви, внутри ее находились: «Крест выносной с раскрашенным корпусом (т. е. резным изображением Спасителя распятого) один, крест на престоле с корпусом и подножием раскрашенный один и крест кипарисный один. Хоругвей, писанных на полотне, (было) четыре, из коих одна обложена была (каким-то) мусубтасом, а другая красною китайкою. Плащаница, писанная на швабском полотне с красною китайковою обложкой».⁸⁷⁴

Остальных вещей в Георгиевской церкви «серебрянных и металлических» и других по визите 1778 года, в особом «реестре», приложенном к этой визите от 21 января того же

года, значится всех 71-на. В числе их совместно с чашею и диском записано также «кораллов меньших и больших – снурков 13, и пациорков дутых на воску (т. е. бус) – снурков 3». Из книг там же указываются: «Евангелие обложенное бархатом и серебром, Трифолой, Триоди две, Апостол» – все Киевской печати: далее «служебник старинный печати Львовской и служебник и требник печати Почаевской».

При церкви находилась «колокольня на погосте, из дубового дерева, в сруб», с кладовою внизу. – К сожалению колокола, находившиеся на ней, не поименованы. Судя по древности церкви, между ними несомненно были и колокола не менее древние.

Через три года после первой визиты 1778 года тем же Вице-Декаком Полонским Завалевичем произведена была при Георгиевской церкви 20 мая 1791 года новая визита, из коей видно, что как церковь, так и принадлежащие ей вещи все находились тогда в таком же положении и порядке, как и при визите 1788 года. – Но в мае того же 1791 года в Георгиевской церкви случился пожар, испепеливший всю церковь до основания. По этому поводу П. П. Пузиковский Декан Полонский и Любарский сам нарочито приезжал в ноябре на место происшествия, при чем «1791 года ноября 20, по старому стилю, по исследовании, произведенном под визитою того же дня и года, в присутствии церковного братства и приходских обывателей, оказалось, что приходская Полонская церковь во имя св. Мученика Георгия уничтожена (была) огнем со всем украшением и со всеми своими принадлежностями, даже с колоколами, в 3-м часу по полудни, 21 мая 1791 года. От какой причины, приключилось это несчастное обстоятельство, – читаем далее в той же визите, – дознать (было) нельзя. Оказалось только то, что церковь была наполнена огнем, пламенем и дымом прежде, чем огонь прорвался чрез северное окно наружу, а отсюда легко догадаться, что пожар произошел или от непогашенной свечи, или от угля, выпавшего из кадилъницы»....

Так погиб бесспорно один из древнейших памятников православия на Волыни. – Но прихожане сгоревшей церкви не

пришли в отчаяние. – В том же ноябре 1791 года, когда Пузиковский производил формальное дознание о пожаре Георгиевской церкви, следовательно не более как спустя полгода после пожара, Пузиковский нашел, что «по обращении в пепел вышеупомянутой церкви собрано (было) мелкими частями несколько слитков, сплавленных от колоколов, до каковых приложивши десять ок (око – 3 фунта), купленных на церковные деньги, вылиты (было) два колокола, из которых один весил 123 ока (около 9 пуд.), а другой 63 (4, [5]). – На третий колокол, весом 3, [5] ока, Данило Луценко пожертвовал 18 злотых (злотый на нашу цену 15 коп. сер.), а злотых 6 и грошей 15 доложено из суммы церковной со включением сюда же 3-х олтарных (по униатскому обычаю употребляемых при литургии в церкви) медных, маленьких колокольчиков». – Этого мало, как видно из «реестра вещам», приложенного к визите 20 ноября 1791 года, в это время на пожарище Георгиевской церкви «вновь поставлена была уже каплица (т. е. часовня)», для которой, равно как и «для имеющей строиться церкви» прихожанами заготовлены были и устроены следующие «вещи и принадлежности»: 1) «Чаша с дискосом, звездицей и лжицей, снаружи изящно, а изнутри богато вызолоченные; 2) Дарохранительница серебрянная, предположенная к позолоте; 3) Лампад цинковых, малых две; 4) Кадильница медная». Сюда же надобно отнести показанные далее в том же реестре две ризы или фелони, два подризника, воздухов три, и богослужебные книги, которые теперь впрочем оказываются все Почаевского издания, за исключением Шестоднева Киевского издания.

После сего имеются еще две визиты, произведенные в прошлом столетии по Георгиевской церкви Деканом Пузиковским, одна от 23-го января 1793 года, и другая от июля 9-го того же года. Но особенных сведений в этих визитах касательно церкви, за исключением незначительных указаний на некоторые вновь приобретенные для церкви вещи, не находим. Последняя из них составлена по случаю погребения бывшего настоятеля сей церкви; она так и начинается словами: «Погребши о. Димитрия Мачинского...» Из нее впрочем узнаем,

что в июле 1793 года церкви еще не было, а существовала только «каплица», при которой и погребен был о. Мачинский.

Впрочем каплица эта не была та, которую Пузиковский нашел на пепелище Георгиевской церкви в ноябре 1791 года. Это была «новая каплица», перешедшая под этим наименованием в православное ведомство по присоединении Волыни к России в 1793 году, о коей в «Ведомости Епархии и Губернии Волынской, повета Заславского о каплице местечка Полонного Свято-Георгиевской в точность указа из Волынской Духовной Консистории от 9 мая за № 2024 опубликованного, августа 30 дня 1806 года составленной»,⁸⁷⁵ читаем следующее: «Оная каплица деревянная, на место погоревшей 1791 года Свято-Георгиевской церкви из разного поеле онаго же пожару оставшегося дерева, 1793 года, за благословением власти униатской бискупа Луцкого и Острожского Стефана Левинского, построена во всем на подобие дома; а именно: на дубовых деревянных подвалах одним срубом, без разделов и куполов, в стены, закиданные на четыре угла, в дубовые столбы». В 1806 – 19 г. она «покрыта была новою сосновою гонтою, прибитою железными гвоздями», и только «с одной полуденной стороны, сшалевана сосновыми тертыцями (досками), внизу без опасенья». Вся же имела «вышиною 8, длиною 12, [5] и шириною 7 аршин...» «В ней (были) двери одни дубовые, с западной стороны на двух железных завесах, запирались изнутри железною засовою, а извне на цепь висячим замком. Окошек всех (было) четыре, два с полуночной стороны и два с южной».

«О внутреннем украшении Георгиевской каплицы» та же Ведомость 1806 года сообщает, что «внутри оная каплица разделялась иконостасом на две части, на олтарь и на бабник. В бабнике выстелено (было) полом сосновых старых тертыц, а в олтаре без оного, в горе же место потолка везде под крышею прилично вышалевано (было) кругло сосновыми и липовыми тертыцями. В ней (каплице) престол (тогда же был) не в меру, сделан на подобие стола, жертвенник же устроен (был) на левой стороне, где стоял деревянный крест. В Горнем седалище икона Богоматери на доске старая. В бабнике иконостас о двух

вратах, т. е. царских и северных, из коих царские (состояли) из гладких деревянных досок столярской работы с изображением на них Благовещения и всех четырех Евангелистов неискусной рукописи (живописи), старые; северные – без дверей, завешивались килимком (т. е. ковром). При царских вратах икона Спасителя с правой стороны, с левой Богоматерь с Младенцем. Над царскими вратами икона Нерукотворенного Образа, над оным же изображение св. Троицы. В правой стороне подле иконостаса икона Великомученика Георгия, при левой Святителя Николая на холсте неискусной работы. Сверх оных плащаница на белом холсте вокруг с берегами красной тасмы».

В 1806 – 19 году, по описи при Георгиевской каплице находилась «на цмынтаре (погосте) оной колоколья, на коей колокола висели не в сруб, но в четыре столба; сделана она (была) без купола с крышею гонты дубовой, возведенной в четыре грани». Колоколов на этой колоколье было тогда 5, в том числе три, уже знакомых нам по визите Пузиковского 20 ноября 1791 года, и один большой, весом 9 пуд, 9 фунтов и 20 лотов, оцененный в 1000 злотых, на русские деньги 150 р. сер., «с изображением на одной стороне Св. Троицы, а на другой – Преображения Господня».⁸⁷⁶

Когда именно Георгиевская каплица была переименована из каплицы в церковь, об этом в документах церковных сведений не имеется. – Несомненно только, что переименование это произошло вместе с последовавшим вкоре воссоединением Полонских церквей, в том числе и каплицы Георгиевской, из унии в православие. – Интересно впрочем, что и об этом воссоединении не только в приходе Георгиевском, но и во всем Полонном, сколько известно нам, особых сведений, по крайней мере в среде простого народа, тоже никаких не сохранилось. Не сохранилось же этих сведений потому, что в Полонном, за исключением властей светских и духовных, едва ли кто и знал о самой унии. – Мы помним в детстве (1840 – 45 г.) старожилов Полонских из крестьян, которым было около 100 лет; они рассказывали о польском владычестве, о преобладании жидов; помнили, как священники их не носили

ряс, а ходили в сюртуках; но чтобы когда они были униатами, об этом положительно не знали. Нужно думать, что как древле-православных Полонских крестьян не совращали, а только записали в унию, чему должно было способствовать между прочим и то обстоятельство, что Полонное во времена господства Польского принадлежало унаследовавшим его от князей Острожских князьям Любомирским, которые по крайней мере в Полонном, оставили по себе самую лучшую память по своей любви к простому народу и вниманию к его нуждам, как материальным, так и духовным. Мы увидим далее, что следующие две церкви Крестовоздвиженская и Сретенская, вошедшие в состав Богородично Почаевского прихода, построены были при князьях Любомирских и от них обеспечены специально землею, усадьбами и т. п. Таковы по происхождению своему были и все почти остальные церкви местечка Полонного. А об одном из князей Любомирских история положительно свидетельствует, что он сам «должен был вступить в защиту народа от насилий со стороны униатов и ходатайствовал за него пред русским правительством с целью вызвать последнее на какие нибудь меры в ограждение православных».⁸⁷⁷ Тому же Любомирскому, как известно, принадлежит и мысль о назначении в Польшу особого православного архиерея, которая тогда же осуществлена была в лице Виктора Садковского. – Это был, если не ошибаемся, Каспар Любомирский, «Помещик и владелец всего Полонного и кавалер ордена св. Александра Невского», как читаем в документах Георгиевской церкви. – Само собою разумеется, что такой человек, а с тем вместе и его предки, как люди гуманные и в тоже время сильные в Речи Посполитой, не могли допускать особых насилий в своих вотчинах, по какой причине Полонские крестьяне так и могли навсегда оставаться только титулованными, а не действительными униатами. Когда же настало для них время возвратиться в лоно православия, они также незаметно перешли в него, тем более что во все время своего мнимого униатствования они почти ничему не научились от унии, оставаясь в существе такими же православными, какими и были до унии. – Известно между прочим, что бывший

православный епископ Луцкий Кирилл Шумлянский, оставивши Луцкую Епархию, по причине невыносимого гонения и грабежа со стороны Латино-унитов, до определения своего на Переяславскую кафедру, между 1711 и 1715 годами, проживал некоторое время в Полонном.⁸⁷⁸ А этого, само собою, не могло бы быть, если бы Полонские униаты были такими же фанатиками, как прочте их собратья.

Вернее всего, что присоединение Георгиевской капличы в православное ведомство, равно как и прочих Полонских церквей, совершилось непосредственно после известного послания архиепископа Виктора Садковского, заведывавшего в то время, в качестве православного Архипастыря, и областью Волынскою, призывавшего униатов «безбоязненно возвратиться в объятия православной восточной церкви», – т. е. между 1794 – 96 годами, когда, по свидетельству истории, в числе других на Волыни присоединилось к православию 48, [125] человеК.⁸⁷⁹ В числе бумаг, сохранившихся в архиве Георгиевской церкви, имеется «Клировая Ведомость» (древнейшая из клировых ведомостей бывшего соединенного Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода), составленная наблюдающим над приходом Георгиевским, по причине неимения настоятеля, священником Полонской Преображенской церкви в 1804 г. В этой ведомости между прочим о жене бывшего настоятеля той церкви Димитрия Мачинского говорится как о «жене Священника Мачинского умершего в унии». Значит, в 1804 году каплица Георгиевская была уже православною. В 1806 году составлена была известная уже нам опись ее тем же «Наблюдателем прихода сего Георгиевского Священником Димитрием Сольским». Это было 30 августа 1806 года. К концу того же года прихожане Георгиевские получили настоящего приходского священника в лице Стефана Жуковича, который, как православный священник, рукоположенный православным Волынским Епископом Даниилом, уже прямо именуется священником «Церкви Георгиевской».

Как увидим, от Мачинского до Жуковского Георгиевсий приход, в течении 12-ти лет, имел около десятка «наблюдающих и администраторов». Не удивительно, что во все это время

некому было особенно заботиться об устройстве и украшении Георгиевской капличы. При таких обстоятельствах понятно, как в этой капличе явился и престол «не в меру», и «килимок» вместо дверей у северной вратницы, и самый алтарь в оной оставался без полу, и т. п. При православных настоятелях такой порядок не мог продолжаться, и хотя Жукович, как увидим, не отличался особыми заслугами, но с его поступлением Георгиевская церковь начинает обновляться и украшаться все более и более. Прежде всего с восточной стороны ее пристроен был особый алтарь, в коем престол поставлен в меру, и вся церковь внутри покрыта приличным полом. В то же время, подобно алтарю, пристроен был к церкви особый притвор с западной стороны. Далее преобразована была и верхняя часть храма, где над крышею устроен был обширный, открытый изнутри купол с особою главою, увенчанною крестом, от чего церковь Георгиевская получила вид настоящей одноглавой церкви. Тогда же наконец, снят был и известный иконостас, бывший в Георгиевской капличе «с килимом», и вместо него поставлен новый православный иконостас, искусно написанный на холсте, в коем царские врата впрочем были резные, а на Горнем месте устроен особый, довольно приличный киот с храмовою иконою св. Великомученика и Победоносца Георгия, весьма порядочной живописи.⁸⁸⁰

В этом виде Георгиевская церковь потом вошла в состав соединенного Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода в 1833 году.

2. Как неизвестно, когда построена была первоначальная или старая, сгоревшая Георгиевская церковь, так же точно неизвестно, когда и кем она обеспечена была усадьбой для священника, также полями и сенокосами. – В визите 1778 года об этом прямо говорится: «каковые из них были при первоначальном сооружении этой церкви, послику настоятеле о сем не представил никакого письменного документа.... сказать невозможно». – В той же визите правда говорится далее о каких то «бумагах, принадлежавших Георгиевской церкви», которые по показанию тогдашнего ее настоятеля Димитрия Мачинского, «предместница его, жена скончавшегося о Господе о.

Улановского, выезжая в Киев на жительство (будто бы) увезла с собою»; но хотя в силу той же визиты «о. настоятель обязан (был) всеми силами заботиться об отыскании требуемых документов в Киеве ли-то, или в другом месте, где бы можно было надеяться найти их».... документы эти, если они действительно и были, так и канули в вечность, и с того времени об них и доселе нет никаких сведений.⁸⁸¹

«Впрочем, по визите 1778 года, давнишнее и спокойное с незапамятных времен пользование (церковными) грунтами не только предоставлено было предшественникам (о. Димитрия Мачинского), но и утверждено за ним презентой его светлости, ясневелеможного пана Каспра Любомирского, Воеводича Краковского, кавалера ордена св. Александра Невского, помещика Полонского, данной в Звягле (что ныне Новград-Волынск), 7 ноября 1777 года, за подписом собственным его и с приложением красного сюргуча печати».⁸⁸²

Судя по описи, заключающейся в визите 1778 года, грунта эти были тогда те же самые и в тех же границах, какими Георгиевская церковь и ее причт пользовались до причисления их в состав соединенного Воздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода в 1833 году. Из той же визиты видно только, что «как с давних пор, так и во время самой этой визиты был спор между о. настоятелем и крестьянином Семеном Роспутним» на счет одной границы сенокоса, принадлежавшего церкви «в Дроздовине». – «О. настоятель утверждал, что сенокос этот между землею церковною и хутором Семена разделяла дорога, идущая с поля, каковую дорогу Роспутний или его предшественники, от коих он приобрел свой хутор, зарубивши и проложивши новую (дорогу) через лесок церковный, в продолжении долгой небытности настоятеля (при Георгиевской церкви), присвоил (было) себе часть церковного леска от старой дороги до новой». – Чтобы покончить это спор, Завалевич в 1778 году нарочито сам отправлялся с понятиями на место, при чем понятия: Стефан Падун, Грыцько Бондарь, Иван Киптяк, Иван Годзюрим и др. «старые люди, вполне знакомые со всеми границами церковных грунтов», дали показание не в пользу Роспутного, «и готовы были дать присягу

в том, что давняя (старая) дорога, идущая с поля, давным давно (действительно) была зарублена, и как была, так и должна быть границей между церковным хутором и хутором Роспутняго». – Как потом кончился этот спор, визита 1778 года не упоминает. Несомненно, что Роспутний уступил, потому что в дальнейших визитах о споре этом ничего не говорится. В Ведомости же 1706 года о сенокосе Георгиевской каплицы границы этого сенокоса, без всякого спора, обозначаются совершенно согласно визите 1778 года в пределах, указываемых о. Мачинским: «Се полунощной стороны межею футора (хутора) Семена Роспутняго, от востока и полуденной стороны межею помещичьего сенокоса, с западной – межею поля того же Семена Роспутняго».⁸⁸³

Но не столько замечательны здесь и достойны внимания границы церковных земель, сколько, без сомнения, священнические постройки на этих землях, или как говорят теперь, священническая усадьба с ее постройками; потому что по этим постройкам можно составить ближайшее понятие о быте занимающего их духовенства. В этом отношении визита Георгиевской церкви 1778 года составляет для археолога настоящей клад. Из нее мы узнаем, что «о. настоятель (этой церкви Мачинский) застал на церковном грунте священнический дом, давно истлевший и сгнивший, и так как не мог жить в нем, то продал его на дрова за злотых 37 (около 5 р. сер.), а вместо этого построил две избы, первую для своего жительства из дерева соснового в срубе с боковой комнаткой и полом, в коей окон (было) застекленных 4; другая изба чрез сени для слуг из дерева также соснового в сруб, с чуланчиком в сенях из такого же дерева; в этой второй избе окон (было) 3. Дверей во всем этом доме (было) на железных петлях 5 и на деревянных бегунах две. Вблизи этого дома коморка в сруб, из дерева соснового с полом и полками»; далее: «стодола (хлебный сарай) в две сохи, огороженная хворостом, – сарай для скота там же в один ряд и воловня на шести сохах, огороженная хворостом. Другой сарай для сена и соломы, в коеме (была) и конюшня для лошадей, на 4-х сохах, огороженный хворостом. Хлезов 3, подряд, на 5-ти сохах, огороженных частью

хворостом, частью частоколом; внутри этих хлевов погребок, обставленный (в земле) деревом. Все эти постройки, как замечает та же визита, покрыты (были) соломой. Сама же площадь (на коей они были сооружены) с священническим огородом огорожены (были) с трех сторон частоколом, и только с четвертой, с востока, хворостом».

При такой обстановке нельзя сказать, чтобы священнику жилось плохо, как обыкновенно привыкли думать о житье-бытье старинных священников на Волыни и в других местах западного края России. Если бы нечего было прятать, то и не понадобилось бы о. Мачинскому столько хлебных и скотных сараев, конюшен, разных хлевов и т. п. – В последствии времени все эти постройки были приобретены первым православным настоятелем Георгиевской церкви, священником Стефаном Жуковичем, а от него перекуплены преемником его священником Феодором Хойнацким и в таком же виде почти перешли потом и в состав соединенного Воздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода.⁸⁸⁴

3. Пожар, испепеливший старую Георгиевскую церковь, без сомнения, также предал огню и все старинные ее метрические книги и другие документы. От того наравне с отсутствием определенных сведений о постройке и освящении этой церкви, равно как и о наделении ее землею, мы не имеем также возможности сказать что либо и об ее настоятелях, бывших до пожара 1791 года. Правда, сохранилась метрическая книга Георгиевской церкви с 1789 года; без сомнения, это произошло от того, что во время пожара книга эта была в доме священника для большего удобства записей, как это и теперь водится у многих священников. Но старшинство этой книги до пожара так незначительно, что для истории настоятелей Георгиевской церкви она не представляет никаких особенных данных, тем более, что сама книга эта заведена была тем же о. Димитрием Мачинским, который был настоятелем Георгиевской церкви до пожара и скончался после пожара. Несколько сведений о настоятелях Георгиевской церкви до пожара находим в старейшей из метрических книг соединенного Воздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода, а также и старейшей из всех

метрических книг Полонских церквей, церкви Крестовоздвиженской от 1743 года. В первой части этой книги в числе священников, исправлявших по временам требы за местного Крестовоздвиженского священника в 1743 году, упоминается старейший из известных нам настоятелей Георгиевской церкви «Иерей Стефан Михалевич Свято-Юровский». Он же значится также и в числе свидетелей, записанных в той же метрической книге, по случаю погребения бывшего первого настоятеля Крестовоздвиженской церкви, священника Стефана Колтуновского в декабре 1742 года. Последнее указание о нем в Крестовоздвиженской метрической книге значится в 1752 году.

Другой Георгиевский священник, о коем узнаем из той же Крестовоздвиженской метрики (часть 1-я), есть «Иерей Иоанн Викарий Юровский и Полонский», по всей вероятности исправлявший должность, по случаю смерти Михалевича, в 1755 году. Далее с 1756 по 1766 г. во втором отделе той же метрической книги о браках значится «Григорий Лановский пресвитер Юровский». – Если Лановский этот не одно и то же лицо с Улановским, о коем упоминается в визите 1778г., что жена его увезла с собою документы Георгиевской церкви в Киев, то во всяком случае оба они служили при Георгиевской церкви не долго, потому что в той же визите, как мы уже видели, говорится далее «о долгой небытности настоятеля при этой церкви»; а таковую долгую небытность только и можно получить от 1766 года, когда в последний раз упоминается о Лановском в метрической книге Воздвиженской церкви, до 1777 г., когда Георгиевская церковь получила нового настоятеля в лице известного уже нам о. Димитрия Мачинского.

О назначении Мачинского настоятелем Георгиевской церкви в числе документов этой церкви сохранилась интересная, так называемая «Презента», или утверждение в должности от Полонского помещика князя Любомирского на господствовавших тогда в Речи Посполитой правах патронатства. Вот эта презента в переводе с латино-польского на русский язык:

«Каспар Граф на Вишнице, Ярославе, князь Любомирский, Воевода Краковский, Кавалер ордена Св. Александра Невского,⁸⁸⁵ Помещик и владетель всего Полонного, Острополя, Барановки, Черняхова, Звягля, Паволочи и княжества Ругинского».

«Ведомо чиню, изъявляя собственное желание, что в имении моем дедичном (наследственном), находящемся в городе Полонном, в Воеводстве Волынском, повете Луцком, состоит вакантною церковь (с приходом) Греческого Латино-Униатская обряда, сооруженная во имя св. Мученика Георгия, к каковой церкви, по праву патронатства и колляции (замещения), представляя его милость о. Димитрия Мачинского, официально известная мне по письменным документам, данным 13 Июля 1777 года, яко человека доброй жизни, с (известными) нравами, (состоящего) в соединении с св. Римскою Церковью, и пригодного для духовного, святого обучения (других) и строения порядка церковного, правом своим презентую и рекомандую Ясновельможному Господину (Епископу Киприану Стецкому), присовокупляя к сему свою просьбу, чтобы тот же Его мост о. Димитрий Мачинский, а не другой кто был определен и назначен к вышеозначенной церкви для исправления духовных обязанностей, – какового определенная и назначенная, для умножения славы Божией, (оставляя) при грунтах, сенокосах и других пожитках, описанных по праву эрекции, и доселе употребляемых, освобождаю ее от всех податей помещичьих, общественных, кроме публичных, объявляю обладателем их (поименованных грунтов и пр.) и сею презентою увольняю и делаю во всем свободным ради славы той же церкви в вечном единении ее с св. Церковью Римскою. Далю в Звягле, 7 Ноября 1777 года».

Впрочем, как видно из визиты 1778 года, Мачинский не сразу поступил священником к Георгиевской церкви. Первоначально он был рукоположен к Войтовецкому приходу Львовской епархии тогдашним униатским Львовским Епископом, коадьютором и администратором Киевской Митрополии Львом Шептицким, 1-го октября 1774 года. – «По оставлении же вышеозначенного прихода, как говорится в той же визите, в

силу данного ему (Мачинскому) разрешения из архиепископии (Львовской) и просьбы о переходе в Епархию Острожскую, на основании помянутой презенты от Коллятора, полученной в 1777 году, определен на настоящее место (к Георгиевской церкви) Епископом Киприаном 15 Декабря 1777 года... В настоящую же и действительную должность введен с объявлением актуальным настоятелем пред народом, собранным на Богослужение, 23 Января 1778 г. по старому календарю, Вельможным о. Феодором Трушкевичем, на ту пору Деканом Полонским».

О деятельности Мачинского в звании настоятеля Георгиевской церкви особенного ничего неизвестно, кроме того, что он, как мы уже видели, вел спор с Роспутним за границы церковных земель. Сверх сего при нем в 1791 г. сгорела старая Георгиевская церковь. После этого Мачинский прожил только два года, успевши на пожарище старой церкви поставить временную каплицу. Он скончался 7 июня 1793 г. Его тело погребено на церковном погосте, под новою каплицею, где и доселе поживает, хотя могила его теперь неизвестна.

Мачинский был последним униатским настоятелем Георгиевского прихода, официально определенным униатскою Епархиальною властью. После него до 1806 года, т. е. до первого штатного православного настоятеля этого прихода Стефана Жуковича, идет ряд разного рода его «администраторов, наблюдающих», каковыми, смотря по подписям в метрических книгах Георгиевской церкви, были: «Иаков Неятловский Викарий Свято-Воздвиженский, до 1794 г. С Октября того же года наблюдающий Феодор Трушкевич Воздвиженский. Далее с Декабря того же года Герасим Подвисоцкий администратор по 1796-й год. С Января 1796 года новый администратор Василий Завалевич, настоятель Свято-Троицкий с титулом «администратора Георгиевского Полонского».

За сим с Сентября 1797 года опять наблюдающий, но уже не униат, а православный Полонский Спасский священник Димитрий Сольский в перемешку с священниками Полонской «Марьянской» (Покровской) церкви Иосифом Сольским,

Антонием Завалевичем Троицким и Иоанном Трушкевичем Сретенским. Что Сольский был православным священником, равно как и прочие его сотрудники по части исправления треб по Георгиевскому приходу, видно из того, что в 1804 г. в клировой ведомости Георгиевской церкви, Сольский называет жену Димитрия Мачинского, как сказали мы выше, «женою священника, скончавшагося в унии». Так, очевидно, мог писать только православный. Вскоре после этого Георгиевская церковь получила своего собственного штатного настоятеля в лице известного уже нам священника Стефана Жуковича. Как видно из клировой ведомости Георгиевской церкви 1831 г., «приходской священник Стефан Васильев Жукович (был) сын священнический из села Пиляив; в училищах не обучался; с 1801 по 1806 г. находился в певческе при доме архиерейском. – Рукоположение бывшим Преосвященным Даниилом, Епископом Волынским и Житомирским и Кавалером, в местечко Полонное к церкви Георгиевской. Грамату имеет (т. е. имел) на сей Полонский приход от оного ж Преосвященного 1806 г. Октября 10 дня данную». – Но, к несчастью, должно быть, пятилетнее пребывание в архиерейском хоре, представители которого в былые времена всегда и везде не отличались особыми нравственными достоинствами, слишком вредно повлияло и на жизнь Жуковича. Он запил и так страшно, что, как видно из ревизской сказки Георгиевской церкви о лицах духовного звания 1834 года, «в 1832 году за поступки (был) удален и низведен по Синодальному указу на два года в причетническую должность» и с того же года «определен в с. Рублевку дьячком».

Это было в Мае 1832 года, потому что с того месяца по метрическим книгам значится «наблюдающий Георгиевскую церковь» священник Воздвиженской церкви Симеон Хойнацкий, который и состоял в этой должности до соединения приходов в 1833 году.

Кто знает старые порядки южно-русских церквей XVII – XVIII века, тому известно, что в то время об особенных штатных дьячках при церквях не было и речи. Обязанности дьячков в каждой церкви занимали обыкновенно грамотные крестьяне того прихода, где была церковь, или пришлые, редко званые из

других приходов, пользуясь за это помещением в церковной «школе» или домике, специально назначаемом для пана бакаляра, где он учил грамоте других, с придачею к тому «ссыпного», т. е. известной доли зернового хлеба, платы за требы, книшей от панихид, хлеба за хождение с крестом по праздникам, и т. п. От того в старинных визитах, кроме церковных «школок» на церковной усадьбе ни о каких причетниках, равно как и о пономарях, не упоминается ни разу.

Потому и в Георгиевской церкви дьячки и пономари являются только после того, когда настоящие православные порядки вполне утвердились в Полонном. С 1804 по 1812 год в исповедных росписях Георгиевской церкви ни о каких причетниках не говорится. За тем с 1812 по 1815 год значится пономарь, причетнический сын Иоанн Никитин Антипович. С 1815 по 1819 г. пономарь священнический сын Василий Федоров Плисовский. В 1819 г. снова пономарь Иоанн Антинович. С 1819 по 1823 году опять Василий Плисовский. С 1822 по 1833 год дьячек причетнический сын Иаков Иванович Езерский, и с ним пономарь причетнический сын Фома Иванович Касяневич.

В визите 1778 года, кроме этого упоминается еще «братство», существовавшее тогда при Георгиевской церкви. Но в той же самой визите братство это называется «неприсяжным братством без особенных пастырских артикулов (т. е. утвержденных правил)», хотя в 1778 году оно содержало свой «реестр приходов и расходов в книге в лист». Визита свидетельствует, что приходы и расходы эти записывались аккуратно, при чем визитатор в 1778 г. «из этих реестров (им) проверенных нашел, что в наличности в церковном ящике находилось готовых денег золотых польских 4 и грошей 26». Само собою разумеется, что такой порядок должен был прекратиться со введением православия в Полонном. С того времени вся отчетность по церкви, согласно русскому действующему праву, перешла в руки приходского священника с ответственным церковным старостою. Они и ведут приходо-расходные книги по Георгиевской церкви, как видно из архива церковного, с 1806 года. Что касается братства, то оно остается при церкви, но более номинально. Его обязанность составляет

выбирать из среды своих членов «ключника» в помощь церковному старосте для хранения церковных денег, заботиться о содержании приличного освещения для церкви и в особенности так называемых «братерских ручных свечей» для возжания в торжественные праздники на всенощном бдении и литургии, строить «кануны церковные», т. е. варить мед для продажи в пользу церкви, устраивать «процессы» или крестные ходы при погребении усопших, и т. п. Но все эти и подобные действия братства уже не могут совершаться без ведома церковного причта и в особенности священника, которому всегда принадлежал решающий голос. К «братству» мужскому присоединились еще и «сестрички», т. е. замужние женщины, составляющие нечто в роде братства мужского, с исключительною впрочем привилегией содержать особые свечи и держать их в руках на богослужении наравне с братчиками, участвовать вместе с братчиками в процессиях, в особенности при погребении женщин, и вместе с сим иметь особое попечение о так называемой «сестричской иконе», которую «сестрички» обязаны были украшать на свой счет, содержать при ней освещение, служить пред нею молебны, и т. п.

В таком виде впрочем, сколько нам известно, состояло братство не только в одной Георгиевской церкви, но и во всех прочих Полонских, равно как и во многих церквах Западной России, по воссоединении Волынской губернии с Россиею. В таком виде с 1833 года оно перешло и в состав соединенного Воздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода, в каждой из трех церквей составляющих его особо.

4. Благодаря метрическими книгам Георгиевской церкви, равно как и других церквей, о коих речь далее, также исповедным ведомостям и другим документам, мы имеем возможность сообщить в заключение несколько небезинтересных статистических данных, как о числе родившихся, браком сочетавшихся и умерших, так и о количестве прихожан каждой из этих церквей до соединения их в один приход. Еще по визите 1778 года «оседлость Георгиевского прихода» определяется следующим образом:

хозяев оседлых, грунтовых в своих жилищах считается 70, а душ, которые в прошлом (т. е. 1777) году выполнили пасхальную исповедь, 354. обоего пола». За тем метрических книг при Георгиевской церкви до соединения приходов сохранилось две: первая начинается в первой части с 9 января 1789 года и содержит в себе запись о родившихся в том же году числом 15; во второй, – с 4 февраля того же года, содержит в себе записанных браков в течении года 3; в третьей, с 30 января того же года, содержит запись умерших в течении года 25. Далее записи в обеих метрических книгах представляют следующие данные, считая таковые через каждые пять лет:

ГОДЫ.Родившихся.Браком сочетав-шихся.Умерших.

1790	21	3	14
1796	24	6	16
1800	11	1	15
1806	32	3	20
1810	7	3	21
1815	8	5	20
1820	7	2	19
1825	11	5	15
1830	10	4	18

Что до количества прихожан Георгиевской церкви, то до соединения приходов, согласно клировым ведомостям, их было:

годы.Мужеска пола.

Женска пола.

1805	221	199
1810	206	200
1815	164	183
1820	157	192
1825	160	196
1830	Клировой ведомости не имеется.	
1831	167	202
1833	103	136

h11 2. Бывшая Крестовоздвиженская церковь в м. Полонном.

1. История Крестовоздвиженской церкви, бывшей в м. Полонном, определеннее и известнее, чем история церкви Георгиевской, потому что история эта целиком изложена в сохранившейся древнейшей визите Крестовоздвиженской церкви 1771 г.⁸⁸⁶ – «Приходская церковь Старополонская, – читаем в поименованной визите, – на предместьи в память Воздвижения Св. Креста, состоявшая (в 1771 г.) в имениях Его Светлости, князя Мечниковича Коронного, сооружена в 1721 году и освящена святой памяти тогдашним Полонским Деканом Григорием Грибовичем. Построена (была) из дубового дерева, тесанного в костки, о трех низких главах с опасанием (или крытой боковой галлереей) и обшалева в горе досками; имела трое дверей на железных петлях, одни с внутренним железным замком, а остальные с деревянными засовами. Окон в деревянных рамах (было) вверху девять, – пол из сосновых досок. Деисус (т. е. иконостас) в 1771 году состоял с тремя вратами, стародавней столярной работы, с живописью благопристойною. Престол в главном алтаре на срубе с обходом (был) очень узкий. Далее (следовала) Цибория (или киот на горнем месте с шкафчиком для хранения св. даров) с внутренним замочком». Как видно из визиты, в 1771 г., «Олтарик этот (был) еще не покрашен». На престоле находился «Антиминс от Ясневельможного Сильвестра Рудницкого тогдашнего (униатского) архипастыря, целый с св. мощами, только от течи (бывшей в церкви) крепко измаранный. Аппаренция (т. е. богослужебные сосуды) в серебре (состояли тогда же) из закрытой Пушки (дарохранительницы в виде закрытой чаши) и (обыкновенной) чаши с каркабой (если не ошибаемся, это должно быть особый вид отделки); звезда и лжица не были вызолочены».

Далее визитатор в 1771 г. в Крестовоздвиженской церкви нашел: «венеч на иконе Богородицы в поллиста (величиною); венцов меньших шесть, маленьких три, рук меньших четыре,

маленьких две. Риз лучших (было) две, одна на гродетуровом зеленом поле с цветами шелковая, другая красная атласная».⁸⁸⁷

«Церковь сия, как продолжает визитатор, в общем виде (была) постройки очень простой, обширная; находится при самой дороге, именуемой «Широкою улицею», на особенном приличном месте; погост обширный, огражденный с улицы тесовым парканом, а с других сторон частоколом. Колокольня с улицы, поставленная в виде брамки (воротец) из дерева дубового, тесанного в костки под дубовыми гонтами. Колоколов на ней (было) семь. В углу погоста (стояла) школа из дерева липового».

Других визит Крестовоздвиженской церкви с 1771 по 1806-й год в архиве оной не сохранилось, равно как не сохранилось и других документов, из которых бы мы могли узнать что либо о внутреннем состоянии и принадлежностях ее до поступления ее в православное ведомство. За то имеется у нас под руками подробнейшая опись этой церкви, составленная, как и известная нам опись Георгиевской церкви, по распоряжению русского Правительства, в 1806 году, вскоре по присоединении Крестовоздвиженской церкви к православию.⁸⁸⁸ Из этой описи мы узнаем, что в 1806 г. церковь эта была та же, что и в 1771 году; но здесь подробнее показываются ее размеры: «высота аршин 10, длина аршин 17 с половиною, ширина аршин 8 и три четверти». Далее «внутреннее украшение церкви», в силу описи 1806 года, составляли: «во первых пол сосновый на подвалах дубовых; престол и жертвенник старой меры, не в указную; на горнем седалище изображение – икона Спасителя с двумя ангелами; вверху Св. Троица на доске, размалеванными красками и золотом украшена. – Над престолом в горе (в качестве сени) висела икона Богоотца на холсте. – На жертвеннике (было) две иконы на досках, одна Источник, а другая Богоматери; там же по правой (стороне), одна Распятие, другая Фомино неверие, и по левой икона Богоматери на доске. – Над вратами (Царскими) икона Сострадания Богородицы на холсте».

«Иконостас (был) о трех вратах, средних больших, северных и южных на завесах железных; на средних вратах иконы: Пресвятая Богородицы Благовещение и четыре Евангелиста; в горе над вратами икона Нерукотворенного Образа. На северных вратах икона Архистратига Михаила, на южных – икона Архангела Гавриила. В первом ряду наместные иконы: по правой стороне врат икона Спасителя, а на подножии под ним – икона Самаряныни; по левой стороне – икона Богоматери с Младенцем, на подножии – Целование Мариино (с Елисаветою).⁸⁸⁹ Далее по правой стороне икона храмовая Воздвижение Честного Креста, на подножии – Страсть Христова; по левой стороне икона Святая Троицы, на подножии – Трех Святителей. В другом (втором) ряду Господские и Богородичные праздники, между коими посредине Тайная Вечеря. В третьем ряду изображение икон 12-ти Апостолов, в середине коих икона Архиепископа Великого. В четвертом ряду Пророки, между коими икона Воплощение Сына Божия (иначе Знамения Пресвятой Богородицы). В пятом ряду изображение девяти хоров ангельских, между коими икона Богоотца, а над сим последним Распятие. Весь вышеописанный иконостас, по описи 1806 года, был «разными иконописными красками, частью серебром и частью золотом украшен».

Далее, как видно из той же описи, вся церковь была украшена огромными иконами, писанными на холсте, из коих первая «по правой стороне иконостаса изображала Второе пришествие Спасителя (иначе Страшный суд), на холсте размалеванное», и тут же «другая икона Варвары Великомученицы в страданиях, тоже на холсте; по левую сторону (от иконостаса) Исаио видение, Святителя Николая с чудотворениями и Варвары Великомученицы с чудотворениями, тоже на холсте размалеванные».

«В притворе в горе (находилось) изображение 12-ти апостолов, между коими икона Архиепископа Великого, на холсте размалеванная. – Карбонна (ящик для хранения денег) прикована (была) к стене и до полу с замком и печатью. Клиросов деревянных (состояло) два; стол для водосвятия

украшен один, на котором икона маленькая Воскресения Христова; сундука для хранения разных вещей один с замком».

Но особенно, судя по описи 1806 года, церковь Крестовоздвиженская была достаточно обеспечена церковною утварью. «Святой Антиминс в оной на холсте дарован (был) Всемилоостивейше во время присоединения, благословенный в 1794 году Преосвященным Митрополитом Киевским и Галицким». Далее «сосуды: Гробница серебрянные внутри вызолоченные, а поверху марцыпаново вызолоченная, пробы 10-й, весом 1 ф. 8 лотов, ценою в 126 злотых; Чаша серебрянная внутри вызолоченная, пробы 12-й, весу 1 ф. 12 лот. ценою 176 злотых; Дарохранительница (чаша) для больных серебрянная, внутри вызолоченная, пробы 10-й, ценою в злотых 18», дальше идут: Дискос в подножии медный, дискос без подножия, униатский; звезда серебрянная и две ложки. – Замечательно, как много находилось тогда в Крестовоздвиженской церкви разных корон и привесок на иконах и других украшений. Одних серебрянных корон, по описи 1806 года, значится более 15-ти, перчаток на руках около 10-ти; а на одной иконе Богоматери находилось «шнуров коралей 30, ценою в 300 злотых». Кораллы эти, как видно из примечания на той же описи, «проданы в 1810 году и за оные взято двадцать пять рублей серебром», – цена по тогдашнему курсу очень почтенная. – «Паникадило (было) желтой меди о 12-ти свечах, весу 24 фунта, ценою 72 злота; лампад разных 6, подсвечников пар 5, мирницы ценовые (оловянные), кадило желтой меди, весу 1 ф. 16 лот. ценою 10 злотых, крест на престоле ценовый весу 2 ф. 6 лот. ценою 7 злот. и т. п.

Не менее также богата была Крестовоздвиженская церковь в 1806 году и «ризницею». – Здесь мы видим, правда, только 4 ризы или фелони, но ризы все самого лучшего достоинства: 1) «Ризы парчи серебрянной по белому полю с оплечием парчи золотой, на подобном поле разноцветной, подложены голубою крашаниною, ценою в 566 злот.» «Епитрахиль к ним подобен совсем, ценою в 72 злота»;⁸⁹⁰ 2) «Ризы парчи золотой на зеленом поле, подложены голубою крашаниною, ценою в 464 злот.»; 3) «Ризы атласу красного; оплечье обложено золотым

газом с подольным золотым узким газом с высечкою, подложены рудою крашаниною, ценою в 372 злотых;⁸⁹¹ 4) Ризы бархату черного подложены голубою крашаниною, ценою 133 злот. 10 денежек». – Интересно, что в числе риз Крестовоздвиженской церкви в 1806 году найден был также и «стихарь диаконский адамашку жолтаго с оплечьем штофу красного, обложенный золотым узким газом», с таким же орарем. – Существование подобного рода стихарей в униатских церквях при безусловном отсутствии диаконов во времена унии, особенно на сельских приходах, можно объяснить только обычаем, перенятым униатами от латинян, в силу которого, за отсутствием диаконов, в случае надобности, исполняли диаконскую должность, в диаконском же облачении, сами священники. – «Подризников» в Крестовоздвиженской церкви в 1806 году состояло 4, хоругвей 4, «плащаница на белом холсте, пожертвованная Никифором Дроботынским», – «крест большой проводный один», крест деревянный резанный маленький один, «сукно для покрытия мертвых тел одно синее, на нем крест вышитый с голубой крашенины с усурбасом» и др. – К числу ризничных предметов отнесены по описи 1806 года также так называемые «занавески», т. е. платки, привешиваемые к иконам по усердию желающих, каковых занавесок в 1806 году на разных иконах состояло по две, по три и более, а всего по описи около 15-ти штук.

Как на характерную черту, отличающую Крестовоздвиженскую церковь в начале нынешнего века, надобно указать на то, что по описи 1806 года все почти богослужебные книги в оной тогда были православные. Таковы «Евангелие одно печати Киевской в лист 1773 года, оправленное в доски бархатом малиновым» с серебрянными позолоченными украшениями; «Евангелие другое Московской печати в лист 1722 года, оправленное в доски бархатом гранатовым» с серебрянными украшениями! Тридь постная в лист печати Киевской 1727 года; Триодь цветная в лист печати Черниговской 1585 года; Трифолой в лист печати Киевской 1734 года; при нем Минея месячная в лист той же печати; Часослов в лист печати Киевской 1729 года, и др. Нет сомнения, что все эти

книги наследованы были от униатов, чему доказательством главным образом служит то, что других соответствующих книг униатского издания в Крестовоздвиженской церкви, как явствует из описи 1806 года, не было. – Обстоятельство это в свою очередь представляет нам лучшее доказательство той мысли, которую высказали мы выше, в истории церкви Георгиевской, что прихожане Полонских церквей, и не прихожане только, но и самые настоятели их, не полагали особенного различия между унией и православием, считая себя искони православными; в противном случае, если кто, то настоятели Крестовоздвиженской церкви, основанной и освященной во времена унии, с разрешения и благословения униатской же Епархиальной власти, ни под каким условием не допустили бы у себя православных богослужебных книг, и при том в таком количестве, когда так легко было приобретать книги униатского издания в Почаеве и других местах.

Колокольня при Крестовоздвиженской церкви в 1806 году была новая, «поставлена между оградой погоста, над трактом, с дерева дубового тесанного, на подвалах дубовых, побита сверху гостами дубовыми. Высота ее была аршин 13, длина аршин 5 и ширина аршин 4. «Дом церковнический, именуемый братерским, также между оградой поставлен над трактом с двумя избами, побитый гостами дубовыми, для дьячка и пономаря».⁸⁹²

Время от 1806-го по 1833-й год, когда Крестовоздвиженская церковь вошла в состав соединенного Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода, также не прошло для нее бесследно и по части внутреннего благолепия и умножения имущества. На страницах описи 1806 года сохранилось «продолжение» ее до июня 1831 года, из коего узнаем, что в течении последних двадцати пяти лет до 1831 г. к числу прочих икон Крестовоздвиженской церкви присоединены были: 1) в 1812 году «Олтарик или киот на левой стороне от иконостаса с иконою Святителя Николая, разными иконописными красками раскрашенный, а резьба золотом и серебром; сделан за деньги, пожертвованные доброхотными подателями, ценою 533 злота и десять денежек; за тем 2) следует «Икона страстей Христовых,

на правой стороне церкви, различными красками, а местами золотом раскрашенная; сделана (была) за деньги собранные из dobroхотного подаяния, стоящая 200 злотых»; 3) в притворе, под иконою 12-ти апостолов, «Икона Богоматери с Младенцем большая, на коей по бокам с одной стороны икона Благовещения, а на другой Рождества Христова, сделана (была) на холсте, за деньги собранные из dobroхотного подаяния, стоящая 16, [5] р. сер.; на ней шата (риза) малярной работы, стоящая 12 р. и две короны той же работы за 2 р. сер.; – 4) «Крест проводной другой, разными иконописными красками украшенный с изображением на одной стороне Распятия, а на другой Крещения Господня, дарованный Иваном Кобыльчиком, и 5) около десятка разных других меньших икон, поступивших большею частью от частных пожертвований. – Хоругвей по 1806-й год было 4, а в 1831 году их было 6. – В тоже время куплено было для церкви «Паникадило другое желтой меди побеленное, искусной работы о 24-х свечах, весу пуд 5. Заплачено (было) за оное из dobroхотного подаяния рублей серебром 121, и из церковных денег кошельковой суммы 54 руб., всего 175 р. сер.⁸⁹³ Для престола «крест серебрянный дарован (был) Никитою Приймаком», – «куплено блюдо для благословения хлебов ценовое». Далее по части ризницы приобретены были «ризы на кофейном поле с цветами золотыми и с оплечием парчи белой с цветами»; ризы штофу голубого разноцветного с оплечием штофу зеленого разноцветного»; ризы эти, как видно из сделанного против них в описи примечания, «возложены были на умершего священника Симеона Хойнацкого»; ризы адамашку желтого, переделанные из (известного уже нам) диаконского стихаря, с оплечием штофу красного разноцветного. А платков на иконах в качестве привесок теперь насчитывается более 30 штук шелковых, шерстяных, и т. п.; – лампад перед разными иконами 10, корон и рук серебрянных разной пробы более 20-ти, и т. д.

Не менее замечательно также положение церковной библиотеки в это время книгами для назидательного чтения, приобретенными за церковные деньги, на сумму по тогдашнему курсу весьма почтенную. – Здесь мы видим и Библию в

поллиста, ценою в 4 р. медью; и книгу часть первая Небесной Иерархии, ценою 8 р. 35 коп. медью; книгу Сокровище сладчайших утешений против ужасов смерти, ценою 3 р. 59 к. медью; – книгу Толкований на соборные послания св. апостол, ценою 7 р. 7 к. медью; книгу св. Евангелие и Деяния св. апостол на славянском и российском наречии, ценою 4 р. 54 к. медью; книгу св. Кирилла Иерусалимского поучений огласительных и тайноводственных, ценою 4 р. 20 к. медью; книгу Наставление правильно состязаться с раскольниками, ценою 2 р. 50 к. медью; книгу под заглавием: Rozmowy medzy watpiaoym i przekonany (Разговоры между испытующим и уверенным на польском языке), ценою 1р. 10 к. медью; и др. «Все сии книги, как говорится в описи в примечании к ним, куплены (были) из кошелековой суммы»; доставало же, значит, и денег в церкви для их приобретения.

Вообще к 1833-му году церковь Крестовоздвиженская, как по внутреннему своему благолепию, так и по ризнице и по другим статьям, очевидно, находилась в самом цветущем состоянии. Отсюда понятно, что при соединении приходов Крестовоздвиженского, Георгиевского и Сретенского в один приход она по всем правам должна была занять первое место в ряду остальных двух церквей и по всей справедливости объявлена была между ними «самостоятельно».

2. «Фундуш сей (т. е. Крестовоздвиженской) церкви, по словам визиты 1771 г., дан (был) одновременно с презентой (на определение священника к этой церкви) от святой памяти Его Светлости Князя Юрия Любомирского, Подкомория на то время Коронного, каковой фундуш, как при первой (утраченной) визите 1765 г., так и при настоящей (1771 г.), изложенный в подлиннике, заключает в себе следующее:

«Юрий Доминик, Граф на Вишнице и Ярославле Любомирский, князь священной Империи Римской, Подкоморий Коронный, Генерал Лейтенант иностранных и Его Королевского Величества и Речи Посполитой войск, Староста Казимирский, Ольшанский, Луцкий, Ушицкий и пр.»

«Желая, дабы слава Божия, чем далее, тем тверже и шире укреплялась в моих имениях, и чтобы народу, по близости

места, было более удобства и выгоды в отправлении богослужения, назначаю и надаю место на церковь – на огороде Кочикувом, на каковом месте церковь эта и имеет быть построена. А священнику для сооружения построек назначаются усадьбы насупротив церкви, начиная от усадьбы Паламарчиной до Шулячиной, и к оной церкви, предположенной к сооружению под наименованием Св. Креста, поставляю Пресвитером Вельможного Стефана Колтуновского, поручая ему, дабы, при помощи своих прихожан, которые обязаны сами вывезти дерево и (прочий) материал, он старался построить эту церковь, как можно скорее и благоприличнее. – С этим вместе для того же Священника в состав прихода определяются Котюжинцы с Битою улицею до Осюка Дацка, и с (следующими) улицами, как-то: Массичивскою, Широкою и Уриновою, где находится домов 20-ть. К тому же приходу и церкви присоединяются Лесок, называемый Панским подле Стециковаго леса, иначе (именуемый) хутором с принадлежащим к нему сенокосом, а также прудик (naupizszy) на речке Гремячей. И разрешаю (той же церкви) один канун варения меду на праздник для воску во славу Божию без всякого препятствия со стороны евреев или вымогательства (ими) платы. – К сему помянутому священнику поручаю, чтобы он, построивши, как можно скорее, предположенную церковь, соблюдал в оной всякий порядок, в особенности по части богослужения, и для всех прихожан служить добрым примером. – Что все, дабы имело большую силу, утверждаю собственною рукою, и печать приложить повелел. Дано в Замке Полонском 4 Сентября 1721 года. – Волока (пахатная земля) Дацкова с прочими пахатными полями имеет также принадлежать на вечные времена, как сказано выше, означенной церкви. Дано, как выше. Ю. Любомирский».

В последствии времени презента эта, как видно из визиты 1771 г., утверждена была 16 Мая 1728 г. Иосифом Выговским Епископом Острожским; за тем князем А. (Антонием) Любомирским и князем Ю. (Юрием II) Любомирским, и 14 июля 1729 г., по представлению Священника Стефана Колтуновского, «вписана к актам в книги Замка Луцкого... Приняли Казимир Прусак Беленский, на ту пору Наместник Бургграфства Луцкого».

Что до пользования означенными грунтами, то, как видно из визиты 1771г., заимствовавшей свои показания, по ее же собственным словам, из прежде бывшей (утратившейся) визиты 23-го Мая 1675г., они находились тогда в тех же местах и межах, в коих находятся и по настоящее время. Был только спор, как и при определении границ бывших земель Георгиевской церкви, между священником Крестовоздвиженской церкви и крестьянином Михаилом Митюрой, который, «имея свой сенокос под церковным лесом, занял часть этого лесу», о чем о. Настоятель (или вернее исправлявший тогда должность настоятеля – священник церкви Сретенской), по совету визитатора, «обратился к Двору» (помещичьему). – И как только это было сделано, то Вельможный Пан Черконский Чесник, на ту пору Губернатор Полонский, принимая во внимание просьбы обоих (тяжущихся) сторон, отправился вместе с визитатором и священником и прочими старыми людьми, хорошо знакомыми с местностью, на само спорное место», – и как никто из этих старых людей не пожелал показать под присягой межу одного места, то о. Настоятель во избежание дальнейшей ссоры и споров уступил Митюре часть спорного леса, что тот же Михаил Митюра охотно принял». – После этого, «утверждая таковую добровольную сделку между сторонами, как не нарушающую в значительной степени фундуша церковного, постановили, дабы стороны эти впредь ни в какие ссоры и споры о меже, как это было доселе, не вступали под карой 50-ти гривен в половину на церковь и в половину на Двор (помещичий)»...

Судя по визите 1771 г., заимствовавшей свои сведения из утратившейся визиты 1765 года, «священническая усадьба во время этой предшествовавшей визиты, (согласно фундушевой записи 1721 г.) находилась к югу от церкви чрез улицу, где было домов два, один старый и другой новый под одною крышею из гонт. Там же (находился) и огород с одной стороны от (широкой) улицы, с другой – вдоль соседних огородов Кирилла Паламарчука и Кондрата Ризваго и других, и наконец от улицы, идущей к воде». Но как Стефан Колтуновский, по прибытии на место, не поселился на этой усадьбе, а стал жить «на земле сейчас при погосте церковном, им самим для себя

приобретенной,.... то по воле Его Светлости Коллятора в замен прежней усадьбы к той земле присоединена (была) другая соседняя усадьба, к каковой усадьбе надан (был) и огород там же сейчас на день оранки», – каковую землю Крестовоздвиженская церковь пользуется и доселе. – На этой новой усадьбе, где обитал о. Настоятель во время визиты 1771 г., находился «дом новый из дерева липового с боковой комнаткою и сенями; тут же (была) и кухня и чулан, все под соломенной крышей. Там же (находились) другая старая избушка, конюшня из дерева ольхового и липового под соломенной крышей новая, сарай на сохах огороженный хворостом. На той же земле (был) садик разного дерева. Двор огорожен (был) парканом, а садик дубовым частоколом. – Все это, как замечает таже визита, построено (было) на собственный счет о. Настоятеля». – Но как в 1771 году, по случаю кончины бывшего священника Крестовоздвиженской церкви Василия Колтуновского, в помянутой усадьбе не было настоящего хозяина, то, по замечанию той же визиты, «усадьба эта, равно как и садик, по случаю стоянки войска, значительно (были) опустошены». ⁸⁹⁴

За тем в начале XIX века, следуя описи 1806 г., на той же усадьбе видим следующие постройки: «Дом священнический, построенный близ церкви священником Феодором Трушкевичем с двумя избами и валькирем, покрытый соломой, под которым (домом) земли (состояло) длины аршин 14 и ширины аршин 7. При оном доме земли удобной в длину аршин 40 и в ширину аршин 42, на которой земле комора (кладовая) поставленная с дерева осинового круглого, покрытая соломой; клуня о двух сохах огороженная лесою (плетнем), с воротами досок осиновых, покрыта соломой; конюшня с дерева разного в столпы дубовые на кроквах покрытый соломой, с воротами досок сосновых; хлев один, огороженный лесою без ворот на кроквах покрытый соломой; хлев другой, тоже огороженный лесою о двух сохах, покрытый соломой без ворот. Все это, как говорится в описи 1806 года, построено вышепрописанным священником. Цена за все 786 (но чего, к сожалешю не означено). Огород на полтора дня оранная огорожен (был) с

двух сторон частоколом дубовым, а с двух лесом. Меж одного (состояли) с двух сторон тракт, с одной стороны огород Дымка Кочыка и с одной погост церковный. Футор с лесом, в котором (тогда) постройки никакой не было».

В последствии времени все помянутые постройки по наследству перешли к священнику Симеону Хойнацкому и в таком же почти виде вошли в состав соединенного Крестовоздвиженско-Георгиевско- Сретенского прихода.

3. Как мы знаем уже из презенты князя Юрия Любомирского 1721 года, первым настоятелем Крестовоздвиженской церкви был священник Стефан Колтуновский. О том же читаем в древнейшей из сохранившихся метрических книг Крестовоздвиженской церкви 1723 года. В третьей части этой книги об умерших содержится запись о смерти и погребении Стефана Колтуновского, в коей он прямо именуется первым пресвитером и фундатом церкви Всемирного Воздвижения Честного Креста Господня: – «Року 1742, месяца Декаврия дня 14-го к светаню (разсвету) по исповедании грехов своих и по принятии святой Евхаристии, и принявши сакрамент Елеосвящения, преставися Иерей Стефан Колтуновский, первый пресвитер и фундатор церкви Всемирного Воздвижения Честного Креста Господня. Аз Иерей Протопресвитер Полонский Святотроицкой церкви Полонской погребох в церкви Честного Креста Иерея Стефана. Свидетели быша: Иерей Стефан Пресвитер Юровский (Георгиевский) Михалевич и честный отец Лука Пресвитер Сретенский» и пр.

Нужно думать что Колтуновский, или Ковтун, по старинному простонародному прозванию, происходил из Киевской области, или нынешней Киевской губернии, потому что в той же метрической книге, в 3-й части об умерших, упоминается «дщерь Марии Колтуновской Агафия», погребенная в местечке Ходоркове (Киевской губернии) при церкви под алтарем Священником Григорием Яроновецким (Яроновичи, соседнее с Ходорковым село той же губернии) 1743 года, апр. 9-го. Один же из потомков Стефана Колтуновского состоял настоятелем Борисо-Глебской церкви в Киеве на Подоле до последнего времени.

Преемником Стефана Колтуновского был сын его священник Василий Колтуновский, который сам о себе говорит в известной уже нам метрике 1723 г. в первой части о родившихся: «Року 1743, Октоврия дня 23. Аз Иерей Василий Колтуновский пресвитер парохияльный, консекрований естем (был посвящен) в ясновельможные Его милости Преосвященного Феодосия Лубинецкого Рудницкого. Первого окрестих младенца Параскевию от родителей законвенчанных Симеона Дьятлыка и жены его Агафии. Восприемницы же быша: Василий Копиченко и Иустина дочь Никиты Коптяка. Крестих числа 30-го.» Как отец этого Василия Стефан Колтуновский потрудился немало над сооружением церкви Крестовоздвиженской, так Василий Колтуновский особенно много сделал для нее, по преданию, по части внутреннего украшения, ризницы и т. п. Но ревностный по красоте и благолепию храма Божия, Василий Колтуновский не устоял в силе душевной по предмету пастырской заботливости о своих духовных чадах. В 1770 году в Полонном была страшная чума, занесенная русскими войсками из Турции, истребившая большую часть жителей. Со страху Василий Колтуновский оставил приход и удалился в лес в церковный хутор, в надежде спастись здесь от смерти. Но чума нашла его и в лесу. Колтуновский заболел и умер тут же в хуторе. Без сомнения, в возмездие за произвольное удаление от прихода, – а может быть и из опасения дальнейшей заразы, – усопшего не повезли в Полонное для погребения на общем кладбище, а погребли там же в лесу, на «границе» между церковным хутором и помещичьим лесом, у дороги, ведущей в тот хутор из местечка. Одинокая могила Колтуновского так и именуется в народе «Могилою» и доселе еще виднеется на своем месте под тенью нависших ветвей орешника, на западной окраине церковного хутора, молчаливо свидетельствуя всем и каждому о неисповедимых судьбах Промысла Божия, который всюду находит человека, когда настанет пора его, и предает его в руки смерти, как бы и куда бы смертный ни бежал от нее.

Столь необычайные обстоятельства, коими сопровождалась кончина о. Василия Колтуновского, были, также без сомнения,

причиною того, что о смерти и погребении его не сохранилось никакой записи в метрической книге Крестовоздвиженской церкви. Нужно думать, что это было в мае 1770 года, так как с этого месяца прекращаются собственноручные записи о. Василия в помянутой книге, а с декабря того же года начинаются в ней новые записи, которые ведет «Григорий Шилковский, Парох Свято-Сретенский Полонский администратор», правящий приходом Крестовоздвиженским.

С апреля 1774 года в качестве такого же администратора, по метрическим книгам, является Иерей Феодор Трушлевич; за ним с мая 1785 года Иаков Неятловский «Викарий Святовоздвиженский»; далее с 1793 года снова Феодор Трушлевич в перемешку с Неятловским и Григорием Шилковским Свято-Сретенским. При этом в метрических книгах иногда упоминается также Иерей Андрей Васильев Колтуновский, о коем в ревизской сказке 1816 года, сохранившейся в архиве церковном, значится, что «в 1796 году он выбыл с детьми в армейское духовенство». Так как в той же сказке Колтуновский этот записан в числе членов причта Крестовоздвиженской церкви, то нужно думать, что он рукоположен был к этой церкви на место отца своего, но вскоре после этого оставил Крестовоздвиженский приход для поступления в армейское ведомство; от чего особенных сведений о нем в архиве Крестовоздвиженской церкви и не сохранилось. На место же его с Марта 1796 года является новый «парох» сей церкви в лице известного уже нам Феодора Трушлевича.

Об этом Трушлевиче, кроме того, что он до поступления на должность приходского священника к Крестовоздвиженской церкви был еще раньше ее наблюдающим, как мы уже видели, с 1774 года, более ничего неизвестно. В метрических книгах Крестовоздвиженской церкви не сохранилось и записи о его смерти, потому что по ревизской сказке 1811 года он скончался в 1805 году; а из метрических записей этой церкви недостает именно записей с ноября 1805 по 1808-й год.

Преемником Трушлевича был зять его Марк Очаровский, который также, подобно тестю своему, не сразу сделался

настоящим приходским священником Крестовоздвиженской церкви. С 1808 года мы видим его «наблюдающим» этой церкви наравне с Сретенским священником Иоанном Трушлевицем, и только с апреля 1809 года он подписывается уже настоящим «приходским священником». По документам Очаровский был «священнический сын Кременецкого уезда, села Бережанки». Но когда и где он скончался, за неимением данных сказать не можем. Последняя его запись в метрических книгах Крестовоздвиженской церкви сохранилась от 28 мая 1811 года.

С июня 1811 года снова «наблюдающий» Крестовоздвиженским приходом Иоанн Трешлевич, и так до июня 1812 года, когда определен был «приходским священником» Крестовоздвиженской церкви Симеон Хайнацкий.

Как видно из сохранившихся клировых ведомостей, о. Симеон был «священнический сын из села Острожка (ныне Новград- волынского уезда, Волын. губ.); обучался в Волынской Семинарии философии; рукоположен 1812 года Даниилом (бывшим) Епископом Волынским и Житомирским». Грамоту имел от 21-го апреля 1812 года. С 1812 года депутат по следственным делам Полонского благочиния.

Так как Симеон Хойнацкий женился на дочери Феодора Трушлевича Марфе, то вместе с нею получил в наследство и все постройки, находившиеся тогда на священнической усадьбе Крестовоздвиженской церкви, как об этом сказали мы выше. – О введении его в должность сохранилась следующая заметка в описи 1816 года: «1812 года июня 8 числа в силу Его Императорского Величества указа от 4-го числа за № 805 последовавшего о введении новорукоположенного священника Симеона Хойнацкого к церкви Крестовоздвиженской местечка Полонного и о сдаче по порядку всех имуществ церковных, то я съехав сего ж июня 9 числа к прописанной церкви, и по описи церковной сдав при бытности наблюдающего Священника Иоанна Трушлевича, старосты церковного и почетнейшего прихожанина Стефана Присяжного, в оной описи значащиеся все вещи, кроме двух сосудов церковных: збанка медного, стоящего золотых 9, и колокольчика малого, стоящего золотых три, значащихся в описи, но не найденных, которую опись с

ценным имуществом, при бытности вышеозначенных прихожан и наблюдающего Священника Иоанна Трушлевича, сдал Благочинный Иерей Феодор Завалевич; наблюдающий Священник Иоанн Трушлевич; Староста церковный Феодот Снигун знаком креста подписался». – Далее следует подпись самого о. Хойнацкого: «1812 года, июня 9-го числа, по вышеписанной описи, сданной местным Благочинным Иереем Феодором Завалевичем, все значащиеся утвари ризничные вещи целостно от наблюдающего священника Иоанна Трушлевича, при бытности Старосты церковного, принял местечка Полонного Крестовоздвиженской церкви приходской Священник Симеон Хойнацкий».

По сказанию старожилов, о. Симеон был человек аккуратный, благочестивый и по своему времени довольно образованный, чем между прочим и объясняется значительное количество книги для назидательного чтения, которые мы видели выше в Крестовоздвиженской церкви; так как все эти книги, как видно из описи, исключительно приобретены были старанием о. Хойнацкого. От его же времени сохранилось в архиве Крестовоздвиженской церкви черновое интересное донесение «в учрежденную в местечке Полонном Комиссию по делу о воспреещении Полонскими арендаторами (откупщиками водки) продавать во время храмовых праздников канунный мед и о прочем», – донесение, как нельзя более характеризующее отношение к церкви и духовенству православному жидов в те времена Польского преобладания на Волыни. Донесение это помечено 21-м Октября 1824 года и по содержанию своему стоит того, чтобы привести его целиком: «В 1820 году сычен был мед при церкви моей Крестовоздвиженской за бытности арендаторями евреев Ихеля, Матыса и Срувеля, за вариво коего до аренды уплачено 12 злотых. Но как прописанные арендатори, по окончании трехдневнаго шинька (распродажи), оной мед запечатали, требуя за вышинькованье остальнаго непомерной оплаты, то оной мед, стоя в бочках, совершенно согнил. Оставалось меду онаго 100 кварт, каждая кварта по 10 грошей, всего рублей серебром 5».

«В 1821 году уплачено тем же арендаторам за вариво 12 злотых, а по запечатании онаго меду, чтобы дозволено (было) вышиньковать остальной, 8 злотых».

«В 1822 году уплачено тем же арендаторам за вариво 12 злотых, а по запечатании 4 рубля сер.»

«В настоящем 1824 году уплачено тем же арендаторам за вариво 8 злотых. – А всего убытка понесла церковь рублей серебром 17 и грошей 20».

Просим читателей припомнить, что по фондушу Юрия Любомирского 1721 года Крестовоздвиженской церкви «разрешен был канун варения меду на праздник для воску в славу Божию без всякого препятствия со стороны Евреев или вымогательства платы». – И евреи после этого не только берут из церкви плату за вариво, но и печатают остальной не проданный в известный срок мед, требуя новой пени за дальнейшую продажу оногo, в противном случае мед гибнет целыми бочками.... Как тогда жилось православным?! И что еще печальнее, все это совершалось за несколько десятков лет до нашего времени, под властью Русского Правительства....

В последствии времени дело «о воспрещении Полонскими арендарями продавать во время храмовых праздников канунный мед» тянулось очень долго, и если не изменяет нам память, только в 50-х годах кончилось тем, что арендаторы должны были уплатить Крестовоздвиженской церкви понесенные ею от жидовского насилия и неправды убытки. – Помнится, что в злобе за проигранное дело арендаторы Полонские уплатили следуемые деньги медными пятаками, так что церковный староста сам не мог принести их, а должен был звать на помощь себе еще двух братчиков.

Священник Симеон Хойнацкий скончался 24 Февраля 1834 года от паралича. Но это было уже после воссоединения приходов, которое совершилось при покойном в 1833 году.

Что до причетников Крестовоздвиженской церкви, то по исповедным росписям и клировым ведомостям оной таковыми были: с 1811 года по 1814-й пономарь Тимофей Григорьев Антонович; дьячка нет. – За тем с 1814 по 1817 год ни дьячка, ни пономаря не значится. С [1817] по 1827 год пономарь,

дьячковский сын Антоний Александров Макаревич. С 1827 по 1834 – пономарь, дьячковский сын Феодор Феодоров Жизневский. – С 1829 по 1831 год дьячек, священнический сын Иаков Иосифов Сольский. В последствии он был переведен на дьяческую вакансию в село Белецкое Новградволынского уезда, откуда поступил послушником в Почаевскую Лавру. Как опытный хозяин, Сольский первоначально сделан был в Лавре помощником Эконома по внешнему хозяйству и здесь так заявил себя, что вскоре по пострижении в монашество с именем Илариона сделан был иеродиаконом, а потом и иеромонахом и Экономом Лавры. – Он скончался в Загаецком монастыре в звании Казначая того монастыря в 1860 году.

На место Сольского дьячком к Крестовоздвиженской церкви определен был в 1831 году стихарный дьячек Корнилий Андреев Гардасевич. Он же, вместе с пономарем Феодором Жизневским, вошел потом в составе причта соединенного Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода.

Как и при Георгиевской церкви, – при церкви Крестовоздвиженской с самого первого времени ее существования находилось «неприсяжное братство», которое по визите 1771 года впрочем находилось в крайне запущенном состоянии; «прихода и расхода в реестр заповеданный прошлую Генеральною Визитою (1765 г.) не записывало, распоряжалось само по себе без ведома духовного и без всякого порядка и послушания»; «денег впрочем тогда имело в руках Никиты Самойлюка 548 злотых, 22 гроша и 2 шеляга», на нашу сумму около сотни рублей серебром.

Такое незавидное состояние Крестовоздвиженского братства имело тогда свои основания, так как, по свидетельству самой же визиты 1771 года, «церковь сея, т. е. Крестовоздвиженская, по скончавшемся в Бозе во время мора Василии Колтуновском, бывшем ея настоятеле, теперь состояла без настоятеля и находилась под наблюдением настоятеля Гербовецкого (т. е. Сретенского)». Следует помнить, что не задолго пред сим Колтуновский скончался в лесу, бежавши от прихода. Какие же тут и могли быть порядки? – В последствии времени само собою все уладилось, и Крестовоздвиженское

братство также стало ведать свои дела, как и другие «неприсяжные братства» на Волыни, о коих мы уже говорили по случаю братства Георгиевского.

4. Мы видели уже, что Презентою князя Юрия Любомирского 1721 года пределы Крестовоздвиженского прихода обозначены были «Котюжинцами с Битою улицею, и улицами Массичивскою, Широкою и Уриновою, где, как говорится в той же Презенте, находилось домов 121». – Все эти улицы с их жителями выделены были, без сомнения, из прихода церкви Георгиевской, так как церковь эта, до построения церкви Крестовоздвиженской, была единственною на Старо-Полонском предместьи, куда относились и помянутые улицы. По Визите 1771 года, «прихожан-хозяев, состоявших в приходе церкви Крестовоздвиженской, было 104 двора; всех же исповедавшихся в этом году пасхальною исповеди душ 584». За тем, что касается данных, сообщаемых метрическими книгами и исповедными росписями этой церкви, то прежде, чем излагать таковые, мы должны заметить, что старейшая из сохранившихся метрических книг Крестовоздвиженской церкви, состоя, по обычаю, из трех частей, в первой части о родившихся начинается с 23 Октября 1743 года; за тем вторая часть о бракосочетавшихся начинается с 23 Сентября 1723 года; третья часть идет снова с 1743 года Декабря 8-го, с приписной к сему на особой странице записей о смерти Стефана Колтуновского 14 Декабря 1742 года, Агафьи Колтуновской 9 Апреля 1747 года и Софьи Колтуновской 1753 года.

Отселе записи в этой книге, равно как и в следующих за нею двух книгах до соединения приходов представляют следующие статистические данные: Браков в 1723 году с Сентября месяца было 2; в 1725 году – 2; в 1730 – 5; в 1735 – 6; в 1740 – 5. Родившихся в 1743 году с Октября 22-го было 3; браков с Января 9-го и умерших с Декабря 8-го – 2.

Дальнейшие сведения приводим в таблице через каждые пять лет, по обычаю:

Годы.Родившихся.Браков.Умерших.

1745 28	4	9
1750 26	13	5

1755	43	9	3	3894
1760	81	5	7	14
1765	29	9	10	18
1770	11	10895	30	8896
1775	23	10	18	
1780	13	9	7	
1785	17	9	8	
1790	34	11	12	
1795	27	6	15	
1805	23	11	81897	
1810	38	3	25	
1816	31	7	22	
1820	28	6	30	
1825	41	12	29	
1830	31	3	39	

Статистика прихожан Крестовоздвиженской церкви по сохранившимся исповедным ведомостям ее 1811 – 1830 года:
Года. Мужеска пола. Женска пола.

1811	375	382
1815	341	361
1820	341	372
1825	357	388
1830	391	405
1834	351	392

h11 3. Бывшая Сретенская церковь в м. Полонном.

1. В архиве Сретенской церкви сохранилась визита от 24 Мая 1765 г., в коей первоначальная история этой церкви излагается следующим образом: «Старополонское Предместье, именуемое Гербовка. Церковь приходская Гербовецкая в память Сретения Господня существует лет около 40, с того времени как на том Предместье, где прежде было поле, началась селиться слобода; – и построена, по распоряжению князя (Любомирского) из Пилиповской (раскольничьей) часовни по изгнании Пилипонов из Чернявки». – По преданию, наименование Гербовки произошло от фамилии Запорожского козака Герба, который первый поселился на этом месте. Пилипоны же – это раскольники так называемого Филипповского безпоповщинского толка, которые в XVII и XVIII веках значительными слободами селились в пределах бывшей Речи Посполитой. Не можем сказать только, как, и за что, и из какой Черняви они были изгнаны? – Несомненно только, что часовня их была обращена в церковь, которая вследствие того, что построена была при въезде в Полонное (с восточной стороны), знаменательно посвящена была в память Сретения Господня. – Послику же в визите 1765 г. ясно говорится, что церковь эта построена была около 40 лет пред сим, то надо думать, что сие было около 1725 г., спустя два-три года по сооружении церкви Крестовоздвиженской.

«В 1760 г., как читаем в той же Визите, церковь Сретенская была реставрирована на ново, как об этом можно видеть, по словам той же Визиты, из распоряжения об ее освящении»...⁸⁹⁵ Когда впрочем было это распоряжение и когда освящена сама церковь, по причине упразднившегося документа, сказать не можем. В 1765 г., согласно Визите, церковь Сретенская «состояла из дерева липового тесанных кругляков, с полом, о трех главах под гонтами. Дверей в ней (было) двое на железных петлях, одни с внутренним деревянным замком, а другие с деревянною засовою. Окон простых, оправленных в дерево, без железных решеток, (состояло) девять, да в среднем куполе два.

– Иконостас новый, резной работы, с тремя вратами, поставленный только на половину». В 1765 г. «икон наместных написано (было) только три. – Престол в великом олтаре на срубе пропорционально (был) высокий и несколько узкий, но благопристойно накрытый тремя одеждами, и на нем Цибория с иконою Коронации Пресвятой Богородицы, столярной простой старой работы».... В том же году визитатор нашел на престоле «Антиминс старый, давний, значительно изорванный», который тогда же, «при настоящей визите был уничтожен».

«Погост церковный (в 1765 г.) огорожен (был) частью парканом, частью частоколом. Колокольня брамкой при ограде церковной поставлена (была) из дерева дубового тесанного в костки. При той же ограде (находилась) школа из ольхового дерева под гонтою»...

О прочих принадлежностях церкви в визите 1765 года говорится: «все принадлежности сей (т. е. Сретенской) церкви означены ниже в особом реестре». – Но как реестра этого не сохранилось, то по этой статье сказать что либо нет возможности. – Этого мало; к сожалению мы не могли найти в Сретенской церкви и такой описи, как описи Георгиевской и Крестовоздвиженской церкви 1806 года. Вместо этого имеется у нас под руками «Ведомость о состоянии церкви Сретенской, состоящей Волынской Епархии Новград-Волынского Повета в местечке Полонном и при ней о хозяйственном состоянии причта». – Хотя год на этой ведомости не обозначен, но несомненно, что она составлена была в позднейшее время, около 1824 – 25 года, так как наблюдающим тогда Сретенского прихода значится «местечка Полонного церкви Крестовоздвиженской Священник Симеон Хойнацкий», рукою коего написана и сама ведомость. – А о. Хойнацкий, как увидим далее, определен был наблюдающим Сретенского прихода только по смерти бывшего Настоятеля Сретенской церкви Иоанна Трушлевича, скончавшегося в 1823 году.

Согласно указанной «Ведомости», в двадцатых годах текущего столетия церковь Сретенская находилась в следующем положении: «В олтаре на горнем седалище (находился) крест резанный разными красками и золотом

украшенный; выше сего на холсте большая икона Исаино видение. Над престолом сень с изображением Бога-Отца. На жертвеннике две иконы на досках: одна Коронования Пресвятыя Богородицы, другая Благовещения. На правой стороне икона Пресвятой Богородицы на доске. Над вратами икона Вознесения Христова».

Далее «иконостас о трех вратах; на средних вратах иконы Благовещения Пресвятыя Богородицы и четырех Евангелистов. Над вратами икона Нерукотворенного Образа. На северных вратах Архидиакон Стефан, на южных – Роман Сладкопевец. Дальше в первом ярусе наместные иконы, по правой стороне Спасителя, по левой – Богоматери; по правой стороне южных дверей храмовая икона Сретения Господня, по левой стороне северных дверей – икона Святителя Николая. – В другом ряду Господские и Богородичные праздники, в середине коих Тайная вечеря. – В третьем ряду изображения 12-ти Апостолов, в середине коих икона Архиерея Великого. – В четвертом ряду Пророки, между коими икона Воплощения Сына Божия, а над ним Распятие с предстоящими по одной стороне Богоматери, по другой Иоанна Богослова».

«Весь прописанный иконостас, говорится далее в помянутой «Ведомости», разными иконописными красками, частью золотом, частью серебром украшенный». – Мы присоединим от себя, что иконостас этот, особенно в первом ярусе, был редкого достоинства по своей работе того старинного пошиба, который можно видеть теперь только в некоторых древнейших церквях, где весь иконостас обыкновенно бывает ажурный с полновесными царскими вратами, резанными на пролет колоннами и т. п. К сожалению только Сретенский иконостас очень рано подвергся порче, так что хоть он и уцелел еще доселе, но восстановить его едва ли удастся....⁸⁹⁶

В остальных частях Сретенской церкви согласно той же «Ведомости» находились «по правой стороне иконостаса на стене Второе пришествие Христово, размалеванное на холсте; по левой – Страсти Христовы на холсте же. В притворе в горе икона Архиерея Великого с Апостолами; тут же по правой

стороне икона Варвары Великомученицы в страданиях, по левой – Святителя Николая чудотворца с чудотворениями; обе на холсте. Там же в притворе, по правой стороне икона Спасителя, по левой – Богоматери».

Из означенных икон об иконах Архиерея Великого с апостолами, бывших в притворе, сама «Ведомость» замечает, что они были «древней работы». – Иконы эти сохранились, благодаря попечению бывшего настоятеля Богородично-Почаевской церкви о. Стефана Хойнацкого, в целости и доселе, и действительно представляют редкие экземпляры старинного русско-византийского церковного письма. – Без сомнения, они наследованы были Сретенскою церковью от бывшей Пилипонской часовни; иначе, откуда бы они могли явиться здесь? Если же это так, то помянутые иконы представляют двойной интерес, как иконы древнее вообще, и как иконы староверческие, который были вынесены Пилипонами, или что то же Филлиповцами, из иконостаса какой либо из древнейших русских церквей нашего отечества; только раскольники не смогли воспользоваться ими по независящим обстоятельствам. – Мы знаем, что о. Стефан намерен был передать эти иконы в археологический Музей Невской Духовной Академии. Там их настоящее место.

Из других принадлежностей Сретенской церкви по «Ведомости» значится «Святой Антиминс на холсте, Всемилодивейше пожалованный во время присоединения, благословенный в 1765 году Архиепископом Киевским и Галицким Арсением»; – Антиминс этот между прочим был так крепок, что служил в Сретенской церкви для совершения литургии до закрыли богослужения в этой церкви, последовавшего в 1877 году, следовательно более ста лет. Далее: «Гробница серебрянная, внутри вызолоченная, пробы 6-й весу 30 лотов; чаша серебрянная, внутри вызолоченная, пробы 10-й, весу 22 лота; дискос на подножии медном, серебрянный внутри вызолоченный, пробы 4-й, весу 19 лотов; звезда серебрянная вызолоченная, пробы 3-й, весу 1 лот;» «потом две лжицы, риз 5, хоругвей 3, крестов больших проводных 2», и т. п. Как и в других церквях, здесь имелось

несколько штук корон серебрянных, рук или перчаток и ног на иконах, и около десятка занавесок к ним из платков. «Престол вокруг окрытый ситцем полосатым разноцветным, а сверху платком ситцевым». Из книг: «Евангелие печати Московской в лист, оправленное в досках бархатом малиновым с штуками серебрянными;» «Евангелие другое той же печати в окладе медном посеребренном». Прочие книги почти на половину тоже были православные Киевской и по преимуществу Московской печати. Почаевской печати в «Ведомости» значится только «Триодь постная» рядом с таковою же Московского издания, «Октоих и Часослов»; да и о тех в другой подобной же «Ведомости» 1836 года, на полях рукою благочинного Игнатия Немоловского сделана заметка: «Книги по сему реестру Почаевской печати опечатаны и в ризнице хранятся; но вместо оных покупить новые прихожане, по малому числу их и по бедному состоянию, отказываются». Новые книги впрочем не были приобретены и в последующее время, – и таким образом все они, как православные, так и Почаевские, остались в Сретенской церкви и при включении ее в состав соединенного Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода.

2. О фондуше Сретенской церкви Визита 1765 года сообщает: «фондуш и земельная собственность сей церкви, по замечанию старых людей, присущих настоящей Визите, по всей вероятности наданы были святой памяти Его Светлостью князем Юрием Любомирским, подкоморием Коронным, о чем в особенности заключают из того, что тот же князь имел особенное старание об этой церкви, а потому должен был и обеспечить ее особым правом. Упоминание же об этом фондуше, по замечанию той же Визиты, делается в Презенте теперешнему о. настоятелю (Шилковскому), данной от святой памяти Его Светлости князя Антония Любомирского, Старосты на тот час Казимирского», – о коей речь впереди. Впрочем в Презенте этой, как увидим далее, не имеется никакого указания на то, была ли какая запись на счет этого фондуша, и если была, то где дедалась? – Во всяком случае угодья и поля, показанные в визите 1765 года, и доселе находятся в тех же межах и границах, как и были во время этой визиты, а равно и

ранее этого, со времени сооружения самой Сретенской церкви, за исключением небольшой части «на дней 8 за Новоселицей» (соседнее селение с Полонным), которая (часть) в последствии времени прирезана была к общими землям церкви Сретенской на грунтах Полонских, именуемых Под-Любарцем.

«Постройки священнические (во время визиты 1675 года находились) сейчас при церкви к югу, на площади, на коей (тогда было) огородов два с гумном»... На этой площади (размеры коей остались в целости и по настоящее время) в 1765 году находились, как сообщает та же Визита, «одна изба новая с боковою комнатою, гардеробкою, сенями, кухнею и чуланом из отличного липового дерева, под соломенную крышею, во всех отношениях благопристойная, сооруженная с значительными издержками на собственный счет о. настоятеля. Другая изба на том же дворе (была) старая с сеньми и кухнею, к коей пристроена (была) новая кладовая. Хлевов на дворе (состояло) два, старый и новый; сарай новый на сохах, огороженный хворостом. Двор огорожен (был) новым высоким дубовым частоколом. Огороды (были) огорожены частью частоколом, частью хворостом. И все это устроено (было), как свидетельствует в заключение та же Визита, на собственный счет и стараниями о. Настоятеля».

За сим в показанной выше «Ведомости» 1824 – 25 года о помещении священнослужителей Сретенской церкви говорится: «домы умершаго священника (Иоанна Трушлевича) собственным коштом построенные ветхие». Здесь, должно быть, ошибка; нужно сказать: «не собственным коштом построенные», а приобретенные от прежнего священника; иначе, когда же им было состариться?... О прочих постройках в «Ведомости» ничего не говорится. «Для церковнослужителя же, по словам той же «Ведомости», построен (был) дом коштом крестьян на церковной же земле».

Но особенно драгоценные сведения сообщает та же «Ведомость» к концу, говоря о доходах, получаемых тогда причтом «Сретенской церкви. Сведения эти тем более заслуживают внимания, что подобных сведений о причтах прочих церквей между документами их нам не удалось найти. В

то время причт Сретенской церкви состоял из священника и пономоря, и по сообщаемым «Ведомостью» сведениям оказывается, что они «получали доходу (всего) ежегодно: 1) от служения 7 р. сер.; 2) с годовой дачею от исправления треб 3 р. сер. п 3) от угодий разного хлеба сорок коп». Едва ли при таких условиях причт мог похвалиться своим положением. А потому, само собою разумеется, он и не мог существовать самостоятельно, и церковь Сретенская, по всей справедливости, должна была после этого войти в состав соединенного Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода, как только это соединение задумано было в 1833 году.⁸⁹⁷

3. Кто был первым настоятелем Сретенской церкви, ни из документов, ни из предания неизвестно. В Метрической книге Крестовоздвиженской церкви, в записи о погребении священника Стефана Колтуновского в 1742 г. упоминается правда «Честный Лука Пресвитер Сретенский». Там же в записи о погребении Софьи Колтуновской 1753 г. тот же Лука именуется «парохом Гербовским». Далее в сохранившейся позднейшей Визите Сретенской церкви 10 марта 1771 года, при описании ризницы ее, об одной фелони говорится: «одна фелонь лычаковая зеленая была положена на тело почившего в Бозе о. Гуткевича, а на ее место сооружена новая миниона, гродетуровая со всеми принадлежностями на собственный счет о. Григорием Шилковским»... Но был ли этот Лука первым и единственным настоятелем Сретенской церкви до Шилковского, равно как и то, одно ли лице этот Лука и упоминаемый в Визите 1771 года о. Гуткевич, – об этом, за недостатком данных, ничего определенного сказать не можем.

Подлинная история настоятелей Сретенской церкви начинается с Григория Шилковского, о назначении коего между бумагами Сретенской церкви сохранилась упоминаемая нами следующего содержания подлинная презентация:

«Антоний-Венедикт-Константин Граф на Вишинче, Ярославле, Баре и Великом Полонном Князь Любомирский, кавалер Орденов св. Андрея и Генриха, Генерал-Лейтенанта Инфантерии войск Коронных, Староста Казимирский».

«Ясневельмохному, всечестнейшему в Бозе, Его милости о. Сильвестру Лубинецкому-Рудницкому, Божию и святой Апостольской столицы милостью Екзарху Митрополии Киевской и Галицкой и всея Руси, Епископу Луцкому и Острожскому, попремногу Его милости Господину и Брату, с отданием должного почтения делаю ведомым, что в городе, именуемом Великим Полонным, на предместьи Гербовке, в имениях моих, в настоящее время состоит вакантным приход Церкви во имя Сретения Господня. Почему, чтобы помянутая церковь не оставалась без богослужения и имела своего хозяина, презентую Вашей Пастырской власти подателя сего, зарекомендованного мне, Григория Шилковского... прося, чтобы он, а не кто другой был определен и поставлен к помянутой церкви; коему я вручаю означенный приход со всеми, по праву эрекции, его принадлежностями, первоначально пред сим данными этой церкви, как-то грунтами, огородами, сенокосами, также священническою усадьбою, вольным меливом без очереди, и с увольнением (его Шилковского) от пчелиной десятины, когда он будет иметь пасеку на земле, принадлежащей и присвоенной церкви; и увольняю его от всякой аренды, и с сим вместе по конец жизни его предоставляю ему те доходы, которые правильно будут принадлежать ему, и которые для свободного употребления он иметь захочет, обязывая (в тоже время) прихожан ко всякому подобающему послушанию и обычаям, и вообще желаю, чтобы он пользовался всеми преимуществами, принадлежащими духовному сану; – и на таковое все мое презентование изъясляю (надлежащее) распоряжение».

«Для тем большей же верности и силы с приложением обычной печати рукою власною (сие) утверждаю и подписываю. Дано в Полонном 16 Ноября 1753 года. А. Любомирский».⁸⁹⁸

«В силу этой презенты, как значится в визите 1765 года, Шилковский был рукоположен во священника Ясневельможным добродием Сильвестром Рудницким 31 марта 1754 года» и проходил свою должность в течении сорока четырех лет, до 1798 г., в котором он скончался, как записано в метрических книгах Сретенской церкви, 27 Декабря.

После Шилковского наблюдающим Сретенской церкви был Крестовоздвиженской церкви «парох Иерей Феодор Трушлевич», пока на его место не определен был новый настоящий приходской священник этой церкви, сын Трушлевича, Иоанн Трушлевич. Впрочем и об этом Трушлевиче также мало имеется сведений в документах церкви Сретенской, как и об отце его в документах церкви Крестовоздвиженской. Только из ревизской сказки Крестовоздвиженской церкви 1811 года, по случаю упоминания о детях Феодора Трушлевича, узнаем, что сын его Иоанн «выбыл во священника того же местечка Полонного к церкви Сретенской в 1799 году». Сохранилось устное известие, что за несколько лет до кончины о. Иоанна, последовавшей 23 января 1823 года, было такое время в Полонном, когда на все местечко, кроме о. Иоанна, другого священника ни при одной церкви не было. В тоже время, говорят, стояло в Полонном несколько полков солдат, которые за неимением своих полковых священников то же обращались за исполнением всех треб к о. Иоанну. И по сказанию очевидцев, давно уже впрочем умерших, о. Иоанн находил время не только исправлять все эти требы, как по полкам так и по приходам, но и развлекаться с полковыми офицерами. Вследствие этого он заболел и вскоре скончался.

По смерти о. Иоанна Трушлевича его приход перешел в заведывание свояка его, женатого на родной его сестре Марфе, Крестовоздвиженского священника Симеона Хойнацкого, при котором и последовало соединение приходов в 1833 году.

Из причетников Сретенской церкви, до соединения приходов, известны только: с 1821 по 1826 год «пономарь, причетнический сын Антоний Иванов Жизневский» и с 1826 по 1834 г. «в должности пономаря умершего штатного пономаря Антония Жизневского сын Исидор». Как увидим далее, этот последний потом перешел в пономари и соединенного Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода.

По визите 1771 года при Сретенской церкви, как и при других церквях, также состояло Братство, «не имеющее артикулов и никаких реестров». Как на особенность этого братства можно указать на то, что по сказанию той же визиты

«оное братство в то время никакого порядка между собою не имело, за исключением противоречия во всем о. настоятелю». В последствии времени оно также низошло на степень обыкновенных участников по внешнему хозяйству церковному, как и при других церквях юго-западного края России.

4. Приход Сретенский, как мы уже видели из визиты 1771 года, образовался самостоятельно, когда на предместее, именуемом Гербовкою, где пред этим было поле, начала селиться слобода. – Понятно, что при таких условиях прихожан при этой церкви, особенно в начале, не могло быть много. И по визите 1771 года, «прихожан хозяев, принадлежащих Сретенской церкви, было всего 37 человек»; всех же исповедавшихся в прошлом 1770 году пасхальною исповедью только 163. За тем сохранившиеся метрические книги этой церкви с Октября 1765 года представляют следующие данные:
Годы.Родившихся.Браком соч.Умерших.

1766 1	4	6
1770 17	2	9
1775 6	4	11
1780 3	2	16
1786 5	3	9
1790 10	2	6
1796 3	4	8
1800 2	2	8
1805 14	2	12
1810 8	4	7
1816 11	0	11
1820 6	4	11
1825 8	3	8
1830 4	2	10

Наконец исповедные ведомости Сретенской церкви до соединения приходов сохранились только с 1721 года и представляют следующие данные:

Годы.Мужеска пола.Женска пола.

1821 112	115
1825 Не имеется.	
1826 114	101

1830 104
1834 94

105
92

II. Бывший соединенный, Крестовоздвиженско-Георгиевско- Сретенский приход в м. Полонном и настоятель его священник Феодор Хойнацкий.

Священник Симеон Хойнацкий, при котором в 1833 году последовало соединение Полонских приходов Крестовоздвиженского, Георгиевского и Сретенского в один приход, не долго состоял настоятелем этого «соединенного» прихода. В 1834 году он скончался, и все заботы по устрению нового прихода легли на преемника его, его сына Священника Феодора Хойнацкого.

О. Феодор находился на первом году так называемого Богословского класса в Волынской Духовной Семинарии, помещавшейся тогда в м. Аннополе Острожского уезда, когда умер отец его. Но это не помешало ему, по принятому обычаю того времени, с той же поры быть зачисленным кандидатом на отцовское место, тем более, что в осиротевшей семье его, кроме его и матери, оставались еще два меньших брата, Иосиф и Иаков и две малетних сестры, Мария и Пелагия.

По окончании учения в Семинарии, Феодор Семенович женился не вдали от Полонного, в селе Белецком, на родной сестре товарища своего по семинарии и по совету того же товарища, Сусанне Осиповне Сольской.⁸⁹⁹ В то время Волынскою паствою управлял Преосвященный Иннокентий, Архиепископ Волынский и Житомирский, Священно-Архимандрит Почаевской Лавры, который рукоположил его во священника 6-го Марта 1836 года.

Первым делом по поступлении о. Феодора на приход было устроить свое положение так, чтобы не обидеть матери и дать ей возможность воспитывать прочих детей ее. С этою целью он перекупил священнический дом с прочими пристройками и садом, находящейся на погосте Георгиевской церкви, числившийся тогда за семейством бывшего настоятеля этой церкви о. Жуковича, и поселился здесь с своею женою, оставив мать жить на старой усадьбе в ее собственном доме. В тоже время о. Феодор распорядился церковными землями и

угодиями так, что из них только не много больше половины оставил за собою. Остальное поделил между матерью и причетниками так, что мать заседала половину всего поля, принадлежавшего Крестовоздвиженской церкви, пользовалась в тоже время почти всем сенокосом этой церкви. Вследствии этого мать о. Феодора как жила хозяйкой, так и осталась жить, пользуясь в качестве просфорни также церковным лесом для отопления и даже некоторую часть доходов, получаемых сыном, в особенности в Великий пост, натурою в виде хлебов за панихиды. – Только за несколько лет до кончины ее (1865 г.), когда она пристроила всех детей своих и перешла на жительство в дом о. Феодора, последний выделил ей узаконенную просфорническую ругу, оставив за собою прочие, принадлежащие ей поля и сенокосы. – Мы имеем основание сказать, что о. Феодор во все продолжение жизни матери своей в бытность его настоятелем прихода никогда не отказывался пособлять ей и деньгами. Но об этом он не любил никому рассказывать, и мы из уважения к дорогой памяти не станем распространяться далее.

Другую заботою о. Феодора, по поступлении его на место, была реставрация и благоуукрашение вверенных ему церквей. Первая, обратившая его внимание в этом отношении, была ближайшая к месту его жительства церковь Георгиевская. – Самым выдающимся недостатком этой церкви был алтарь низкий, узкий, почти совсем неудобный для священнослужения. Обстоятельство это было тем ощутительнее для о. Феодора, что он был роста замечательно высокого; таких высоких людей в настоящее время мы не знаем, – и потому ему чрезвычайно неудобно было служить в маленьком низком алтаре. Чтобы пособить беде, о. Феодор, решился пристроить к Георгиевской церкви алтарную часть вполне соответствующую своему назначению, каковую, не медля, и соорудил, при пособии прихожан, на церковные средства в 1840 году. – За тем, чтобы еще более благоуукрасить эту церковь, о. Феодор задумал поставить, вместо бывшего в ней бедного полотнянного иконостаса, новый благопристойный иконостас деревянный. Несмотря на скудные церковные средства, о. Феодор взялся за

задуманное дело с энергией, и спустя не более 5-ти лет новый иконостас был готов, составляя лучшее украшение не только Георгиевской церкви, но и превосходя благолепием все прочие иконостасы Полонских церквей.

Вообще нужно заметить, что Георгиевская церковь во все продолжение тридцатилетнего служения о. Феодора на приходе пользовалась его особенною любовью, так что не было почти года, когда бы он не сделал в ней какой-либо обновки. – Так как в этой церкви были только одни двери с западной стороны, то для более удобного сообщения с нею, о. Феодор пробил новые двери с северной стороны, пристроив тут же просторный притвор, в котором могло вмещаться несколько десятков молящихся. – Потом был переделан из большого в более правильный, меньший купол на верху церкви, и в тоже время (1855 г.) вся церковь была покрыта белою жестию, что в ту пору было величайшею редкостью и составляло предмет удивления для многих. – Сюда же нужно отнести и сооружение колокольни на место бывшей у Георгиевской церкви старой, простой колокольни о четырех столбах. Для этого о. Феодор купил готовую колокольню, много лет стоявшую одиноко на так называемом Старом Месте м. Полонного после пожара, истребившего здесь бывшую Воскресенскую церковь. Под эту колокольню положен был прекрасный каменный фундамент с погребом; сама колокольня была обшалеваема новыми досками и наравне с церковью окрашена масляною краскою, а для большего соответствия ее своему назначению, к бывшим колоколам старой колокольни прикуплены новые колокола меньших размеров.

Но трудясь таким образом на пользу Георгиевской церкви, о. Феодор не забывал и прочих своих церквей. – Его стараниями Крестовоздвиженская церковь сначала была побита листовыми железом и окрашена зеленою краскою. Потом о. Феодор велел обшалевать кругом так называемое «описание» и всю церковь окрасил белою краскою. – В тоже время вся крыша Крестовоздвиженской колокольни на манер Георгиевской церкви была покрыта белым железом и также покрашена сверху до низу краскою. – В последствие, чтобы по возможности

расширить Крестовоздвиженскую церковь, о. Феодор пристроил к ней с западной стороны большой, просторный притвор, крытый железом и окрашенный краскою под стать церкви. – Из внутренних работ в Крестовоздвиженской церкви, произведенных стараниями о. Феодора, следует указать 1) на реставрацию старинного иконостаса этой церкви, произведенную в 40-х годах, при чем весь нижний ярус иконостаса был сделан вновь, а осталенные части перекрашены; 2) сооружение большого киота с иконою новоявленного тогда угодника Божия, Святителя Митрофана, и 3) сооружение обширного горняго места в олтаре с пятью иконами страстей Христовых. – Кроме сего о. Феодор велел снять бывшие старинные хоры в церкви, слишком безобразившие ее по своей грубой структуре, а на том месте поставил икону с ажурными декорациями, и т. п.

Что до Сретенской церкви, то прежде, чем заботиться о благоуукрашении этой церкви, о. Феодор должен был употреблять разные способы для ее поддержания вообще, так как построенная на скорую руку и при том из непрочного дерева, она еще в 30-х годах начала обнаруживать явные следы к разложению. В особенности было плохо то, что самые углы церковные начали расходиться, так что в иных местах появились было трещины с дырами на двор. – Вследствие этого однажды в проезд по епархии покойного Преосвященного Арсения, бывшего потом Митрополитом Киевским, о. Феодор рискнул было обратиться к нему с просьбою о закрытии Сретенской церкви, чтобы из нее устроить часовню на кладбище. Но Преосвященный, по достоинству расхваливший о. Феодора за его труды по устройству и благоуукрашению церкви Георгиевской и Сретенской, взял его за руку, и, смотря ему в глаза, сказал: «наше дело не уменьшать, а умножать славу Божию; постарайтесь, отец, исправить и эту церковь, как устроили прочие свои церкви. Господь сугубо вознаградит вас за это»...⁹⁰⁰ Теплые слова архипастыря так подействовали на о. Феодора, что он потом до конца жизни своей не заикался о закрытии Сретенской церкви; напротив того сделал для нее все что мог, скрепил углы железными винтами, переладил потолки,

и в конце концов уже брался за внутреннее ее украшение, начав с устройства внутри нового горняго места, пока смерть не остановила его в дальнейшем делании «во славу Божию».

Теперь, без сомнения, всякий вправе спросить нас: «где же брал о. Феодор деньги и прочие средства для производства стольких работ?» – На это скажем, что по сей части у него был свой особый секрет, состоящий в том, чтобы смело, положась на помощь Божию, начинать сотенные работы с пятью-десятью рублями в церковной корване. Успешной постановке дела в особенности мешало раздробление церковных капиталов на три части, по количеству церквей, при чем хотя о. Феодор свято наблюдал очередной порядок служения в каждой церкви, но в пользу церкви Крестовоздвиженской поступало дохода всегда более, так как при ней было более прихожан и сверх сего тут же, как в главной приходской церкви, богослужение совершалось во все великие праздники, когда и народу собиралось побольше. За тем, по количеству доходов следовала Георгиевская церковь. Сретенская же церковь получала менее всех, как по незначительному количеству своих прихожан, так и потому, что, находясь на окраине местечка, она не всеми аккуратно была посещаемая даже летом, а зимою и того менее. От того, между прочим, по Сретенской церкви о. Феодор и не в состоянии был сделать столько, сколько по другим церквам.

Но всего более действующим средством в добывании необходимых средств для устройства и благоуукрашения церквей у покойного о. Феодора был личный его авторитет, которым он так влиял на своих прихожан, что стоило ему начать тысячную работу, чтобы прихожане пожертвовали всем для ее производства и окончания. Мы знаем даже случаи, что некоторые из прихожан о. Феодора в этом отношении вступали в конкуренцию между собою, так что нужно было начать какую-либо работу в одной церкви, чтобы такую же работу потом начали делать в другой. – Для этого сейчас же устраивались складчины обязательные и добровольные; жертвовал каждый, кто что мог; одни приносили деньги, а другие платки, полотна и тому подобное. К тому же производство разных церковных

работ облегчалось от того, что с открытием каждой серьезной работы прихожане обязывались на свой счет кормить рабочих по очереди, от чего цены на работы значительно понижались, тем более, что и без того тогда они не достигали тех размеров, какие ужасают в настоящее время.

Нужно сказать правду, что на ремонтировку церквей при о. Феодоре не мало имело влияние сделанное тогда от правительства распоряжение, в силу которого помещики юго-западного края обязательно должны были воспомоществовать исправлению церквей, состоящих в принадлежащих им селах, доставкой подходящего материала, как то дерева, досок и т. п. Но и в этом отношении о. Феодор делал более других своих соседей – священников, потому что умел отлично ладить с управляющим Полонскими имениями, вследствие чего не в пример прочим получал от него для своих церквей не только доски и прочие нужные строительные материалы, но и олей для покраски церквей, самую краску, и т. п. Когда же чего недоставало по лесной части, то вывозили материал из церковного леса, и таким образом всегда устроили дело так, что оно волей неволей должно было приходить к желанному концу.

Одна только мысль постоянно смущала о. Феодора в его неустанных заботах о благоукрашении своих церквей, что их было три. «Будь у меня одна церковь, говорил он, я бы мог озолотить ее». Но этой мысли старику не пришлось привести в действие. Ее выполнит за него преемник его, сын его.

Заботы о внешнем и внутреннем благосостоянии своих церквей не мешали однако о. Феодору быть строго исполнительным и по другим статьям его церковно-приходской службы. В этом отношении о. Феодор прежде всего был хороший хозяин, который не только аккуратно следил за всеми работами, но и сам лично трудился везде, где только находил к этому возможность. Бывало летом в страдную пору жнива, только и видишь, как неутомимый о. Феодор сам носил снопы, сам складывал их в копы, накладывал на воза, а нередко сам же и отвозил их домой, складывал в гумне, и т. д. Случалось, что сам же он ходил иногда по целым дням за ралом, или собственноручно готовил пищу для рабочих на поле или на

сенокосе, сам приготавливал для них необходимое помещение для кушанья, чинил поломанные грабли, строгал новые вилы, и проч. и проч. Но в особенности его сосредоточенная, поэтическая натура влекла его в лес за грибами. С этой стороны он буквально знал все места в лесу, где должны расти любимые грибы; и пойдет, пойдет он бывало в глубь леса; только заунывный голос церковной песни, с которою о. Феодор совершал всегда свои лесные похождения, давал знать издалека, в какую сторону пошел он, или откуда возвращается к есту избранной стоянки, неся в поле подрясника набранную кучу разных сыроежек, лисичек, белых грибов, и т. п. По большей части тут же на месте стоянки устроилась импровизированная кухня, грибы жарились на сале, и читатель сам может себе представить, с каким аппетитом съедались они на чистом воздухе, под сенью векового дуба или липы, может быть, сотни лет не выдавшей у себя подобной роскоши.

Во все время существования церковей Георгиевской, Крестовоздвиженской и Сретенской до самого о. Феодора земли принадлежащие им не были сняты на план. Чтобы устранить этот недостаток, он с самого поступления своего на приход начал живую переписку с начальством о высылке землемера и наконец добился того, что в 1862 г. все церковные земли были сняты, при чем оказалось, что вместо прежде показываемых по клировой ведомости при Крестовоздвиженской церкви 62-х десятин, при Георгиевской – 43-х, при Сретенской 341, итого 1391 д.; в настоящее время всей церковной земли по всем бывшим трем церквам имеется: усадебной 4 десятины 28 саж.; пахатной 59 д. 1138 саж.; сенокосной 20 д. 817. и неудобной под зарослями и болотом 76 д. 360 сажней, а всего 159 десят. 2343 саж. Сюда еще не вошло урочище Губанька, не снятое доселе, в котором будет сенокосу с зарослями около 10 десятин.

Церковную свою землю о. Феодор обрабатывал большею частью при посредстве так называемой толоки или помочей, хотя и сам держал всегда на целый плуг волов и десятки рабочих лошадей. Толоки эти собирались не только для жатвы, но и для сенокоса и даже для оранья поля. Все это обходилось правда не дешево, потому что надо было иногда целые сотни

рабочих накормить обедом, потом полдником и наконец ужином с присовокуплением к этому приличной дозы зелена вина. Но о. Феодор всегда предпочитал работае помощью толоки, потому что она давала ему возможность оканчивать работу разом, тем более что прихожане сами всегда с охотой собирались на ниве любимого пастыря, любившего угощать их на славу. Последнее обстоятельство было между прочим причиною того, что и тогда, когда обязательные работы со стороны прихожан в пользу священников были сняты, прихожане о. Феодора не переставали работать ему до его кончины, и что всего интереснее, по примеру отца, не перестают работать и доселе сыну его, преемнику по приходу. При этом в старые годы случалось так, что какой либо зажиточный крестьянин, приглашенный о. Феодором поралить ему поле, сам являлся с собственным овсом или ячменем, засеивал то или другое на священническом поле, тут же обрабатывал посеянное, и с благожеланиями на добрый урожай отправлялся восвояси в несомненной надежде, что Господь, по молитвам «Батюшки – добродзея», вознаградит ему сторицею.

Еще более оригинальную статью доходов о. Феодора почти до самой его смерти составляли особого рода приносы, получаемые от мастеровых его прихода. Нужно заметить, что в приходе о. Феодора, как в самом большом из Полонских приходов, сосредоточивались по преимуществу так называемые «ремисныки», т. е. ремесленники, как-то гончари, ткачи, кузнецы, стельмахи или плотники и др. Все они составляли нечто в роде особых цехов, на обязанности которых между прочим состояло содержать в церкви по особой цеховой хоругви и по 6-ти больших процессиальных свечей от представителей каждого ремесла. За исключением так называемого киевского, или сказать вернее, кожемяцкого цеха, сосредоточенного при Полонской Преображенской церкви, все прочие цехи группировались исключительно в приход о. Феодора, при чем более зажиточные из мастеровых каждого цеха считали непременною обязанностью, являясь в Великом посту на исповедь, представлять своему духовному отцу часть от трудов своих, кто связку горшков, кто пару колес, иной рало, серп или

нож, и т. п. Случались годы, когда подобного рода приносы бывали так обильны, что о. Феодор не только сам пользовался ими с избытком, но и находил возможность уделять часть из них родным.

Во отправлении богослужения о. Феодор был положительно великолепен, как по осанистой своей, серозной натуре, так и по особенному благоговейно и безусловно аккуратному выполнению уставов церковных. Когда положено было совершать напр. литургию с вечернею, то о. Феодор выходил из церкви не иначе, как вечером, а в Великую Субботу положительно оканчивал литургию при свечах. Такому позднему окончанию Велико-Субботней службы между прочим содействовал обычай, свято соблюдаемый о. Феодором в течении всей жизни, – в этот день прочитывал всю Псалтирь до конца в возмещение тех пропусков, которые иногда допускаемы были в церкви в течении Великого поста. Накануне всякой литургии о. Феодор почти никогда не ужинал; церковное же правило пред литургией всякий раз вычитывал, стоя на коленях в своем кабинете пред семейною иконою. С таким же вниманием относился о. Феодор и ко прочим, так называемыми церковными требам, готовый денно и нощно служить спасению духовных чади своих. За браки, похороны т. п. он никогда с прихожанами не торговался, получая, что дадут, а случалось, что по старинному обычаю, целую литургию служил за 20 коп., полагая в том числе 7, [5] коп. на прочих членов причта.

За то с своей стороны о. Феодор строго относился к жизни и поведению прихожан. Тогда еще было в обычае, что невеста, потерявшая девство, предавалась на суд духовный, и о. Феодор бывало поставит провинившуюся на колени на большом камне у паперти церковной, а сам в это время ляжет отдохнуть, чтобы дать почувствовать провинившейся всю тяжесть ее проступка. Случалось, что виновной при этом подсыпали гречу под колени, или прямо наказывали ее тут же на погосте церковном так называемыми «посторонками», т. е. веревками, снятыми от колоколов, и никто не восставал против этого, считая суд о. Феодор не подлежащим ни малейшему противоречию. Иное дело было просить о помиловании

виновной; тогда если были уважительные причины, о. Феодор преклонялся на милость, ограничивая все дело соответствующим выговором.

Не менее того о. Феодор преследовал в своем приходе разные языческие игры, в роде Купайла, так называемое колдовство, разные бабские нашептывания и т. п., убеждая вместо этого нуждающихся притекать к помощи угодников Божиих, из числа коих особенно уважали Святителя Митрофана, и других научали обращаться к нему. Вследствие этого уважение к святителю в приходе о. Феодора дошло до того, что день его памяти, 23 ноября, сделался приходским праздником и часто не только днем, но и ночью, многие приходили просить служить ему молебны с акафистом в горе – злосчасти. Другой праздник, заведенный о. Феодором в его приходе, был праздник в чест Преподобного Иова Почаевского 28 октября и в особенности 28 августа. В этот последний день, по наставлению о. Феодора, крестьяне нарочито устроили так называемые «обеда», т. е. складочные столы для кормления нищих, соединяемые всегда с поминовением покойников, какой обычай между прочим содержится в Полонном и до настоящего времени.

Этого мало. Заботясь о религиозно-нравственном воспитании своих прихожан, о. Феодор был в числе первых священников на Волыни, с полнейшею готовностью отнесшихся, по первому призыву епархиальной власти, к умственному образованию народа. Уже в 50-х годах в его приходе состояла церковно-приходская школа, в которой обучались не только мальчики, но и на диво тому времени, несколько крестьянских девушек. До каких успехов доходила устроенная о. Феодором школа, видно из того, что в 1855 году он получил официальную «благодарность Епархиального начальства за старание в обучении поселянских мальчиков».⁹⁰¹ Кроме этого, с 1849 года, «по резолюции Иерофея Епископа Острожского», о. Феодор состоял епархиальным преподавателем Закона Божия «в Батарейной школе стоящей в Полонном Артиллерийской бригады», за что не раз тоже удостоивался особенной

благодарности как от военного, так и от Епархиального начальства.

Исполнение учительской и законоучительской обязанности тем доступнее было для о. Феодора, что он был человек для своего времени и своего общества очень образованный. Окончив курс Семинарии с званием Студента, он чуть не попал в Академию, если бы только семейные обстоятельства матери не заставили его отказаться от этого для занятия отцовского прихода. Ставши священником, о. Феодор не переставал трудиться над своим дальнейшим развитием, не только с любовью, но положительно с запоем, читая все, что только можно было заполучить в то малокнижное время. От того, когда ему понадобилось готовить сыновей своих, Андрея и Стефана в школу, он сам взялся за это и так успешно повел дело, что мог сразу определить их на второй год в так называемый второй класс Кременецкого приходского училища, что значило тогда оттянуть от общеобразовательного срока целых три года, именно два года в первом классе и один год во втором. При этом о. Феодор готовил сыновей своих не только по русскому языку или по арифметике, но также и по латыни, так что старший сын его Андрей, при поступлении в приходское училище, знал латинскую грамматику до 3-го спряжения. Кроме того о. Феодор отлично умел петь по обиходу, хотя этой науки, к сожалению, не мог передать своим детям.

Занимаясь преподаванием дома и в школе, о. Феодор не оставлял своих прихожан и без поучения церковного. В архиве Крестовоздвиженской церкви сохранилась целая связка проповедей, нарочито писанных им для произнесения в церкви, из коих некоторые могут быть прочитаны с церковной кафедры с честью для проповедника. Чтобы читатели наши могли судить о проповеднических приемах и содержании поучений о. Феодора, мы считаем долгом воспроизвести здесь на выдержку одно из его более кратких поучений, сказанное по случаю увольнения крестьян от крепостной зависимости, как значится в надписании его, «4-го Ноября 1862 года».

Вот это поучение, тем более заслуживающее внимания, что оно представляет лучший образец того, как пастыри наши в

свое время отнесли к великой реформе:

«Наконец, слава Господу Богу, вы дождались того, чего с таким нетерпением ожидали. Надежда ваша сбылась. Счастье, которое только издалека услаждало вашу многотрудную жизнь, теперь пред вами. Вам объявлена свобода и устроен ваш быт сообразно новому званию вашему».

«Но принимая это счастье, это великое благодеяние Божие и царское, вы должны, без всякого сомнения, принять и усвоить то и другое достоинство. Иначе добро не будет в добро вам».

«И первое, что должно быть с вашей стороны ответом на это благодеяние, это чувство величайшей, глубокой благодарности к благодетелю. Кто же вам благодетель в этот великом деле? Прежде всего, конечно, и более всего Всевышний Бог, Отец наш. Он всеблаготворно положил на сердце благочестивейшему нашему Царю мысль о вашей свободе. Он премудрый умудрил его привести эту мысль в исполнение. Он Всемогущий дал ему крепость и силу противостать всем вековым препятствиям и совершить это дело во благо вам. – Он же, Премудрый и Всемогущий, умудрил и укрепил приставников Царевых достойно и праведно исполнить благую о вас волю царскую, согрел любовью к вам сердца владельцев, благопокорно отозвавшихся на зов царский содействовать вашему благосостоянию. Пусть же и первая дань благодарности, первые движения радостного сердца вашего будут обращены к Богу – благодателю нашему во веки веков».

«После Бога, Царя – Отца Небесного первый благодетель для вас в этом деле Благочестивейший Государь наш, Император Александр Николаевич. Его благочестивое и человеколюбивое сердце вняло глаголу Божию о вас. Среди царственных забот он не оставил без высокого своего попечения и вас меньших братьев своих в необъятной семье русской. Его царская воля не остановилась ни пред какими препятствиями и затруднениями; царское слово Его услышано было как глас ангела – благовестника и вызвало доблестное дворянство к ревностному содействию в великом деле, увековечив память царства Его в роды родов. – Да будет же ему

в род и род, от вас и потомков ваших вечная дань благодарного сердца».

«С своей стороны чем же вы можете порадовать Царя, благодетеля нашего? – Прежде всего вознесем о нем молитвы к Богу, Царю Царей, да сам Он, Всеблагий, воздаст Ему за вас благая возблагая, да сохранит Его во здравии и нерушимом благополучии. Вместе с этим, вознося такие молитвы к Господу, постараемся и сами оправдать на себе благие желания сердца Царева. Возвеселим его любящее сердце сыновнею любовью к нему; покажем неизменную преданность воле Его, твердое и неуклонное повиновение Его законам, готовность во всем следовать Его благим распоряжениям. – Только этим мы можем выразить хоть отчасти свою благодарность Царю своему».

«Вы обязаны также благодарностью благим споспешникам царевым в деле вашего освобождения, которые во исполнение воли Царевой и по собственному желанию добра вам понесли столеко лишений, забот и трудов для улучшения вашего быта: будьте признательны не менее и к бывшим владельцам вашим, которые, будучи движимы христианскою любовью к вам, с пожертвованием собственных выгод высказали готовность отказаться от вековых прав на вашу свободу и приняли на себя ближайшим образом заботы об устройении вашего благополучия. Возносите к Богу молитвы о них, да ущедрит их Он по богатству благодати своея».

«Вступая в новое, свободное состояние свое, отдавайте должную честь и оказывайте повиновение властям от Бога и Царя поставленным. Не думайте, чтобы дарованная вам свобода освобождала вас от всяких обязанностей и повинностей и давала право жить и действовать, как кому вздумается. И в семействе там только бывает порядок, где есть старший, который управляет другими, и где все прочие его слушают. Где же каждый член семейства живет по своей воле, там нет ни мира, ни порядка, ни счастья, ни Божия благословения. – Так, чтобы и в вашем обществе был порядок, чтобы всем было жить хорошо, необходимы начальники, которые, превосходя других разумом и опытностью, управляли бы обществом, и чтобы другие члены общества повиновались

им, помня заветное наставление апостола: всяка душа влаstem предержавшим да повинуется».

«Нет сомнения, что в новом быту своем на первых порах многое покажется вам не так, как вы ожидали. Найдутся, может быть, и люди, которые, сами не понимая дела, будут судить и рядить превратно и тем возбуждать в вас недоверие к новому порядку и начальству. Берегитесь осуждать такие дела, которых вы вполне не можете еще знать; не всякому слуху веруйте, чтобы не поддаться в обман, а лучше имейте полное доверие к законному начальству, которое, сделавши для вас большее, не захочет и не допустит вашей обиды в меньшем».

«Вообще же старайтесь показать себя достойными нового звания вашего. В этом отношении даем вам наставление не свое, а наставление апостольское. Послушайте Апостола Петра, лучше которого никто не в состоянии определить настоящих обязанностей ваших: яко свободни, а не яко прикровение имуще злобы свободу, но яко раби Божии. Всех почитайте, братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите... Сие бо есть угодно пред Богом, – т. е. поступайте, как свободные, не употребляя свободы для прикрытия пороков лености, пьянства, непослушания и других, но как рабы Божии, Бога бойтесь; будьте благочестивы, усердны к молитве и богослужению церковному; бойтесь греха и всякого худого дела, которое прогневляет Бога; Царя чтите; усердно исполняйте обязанности ваши к Царю и отечеству, храните верность и почтение к Государю, и внушайте это детям своим, исправно платите подати и повинности общественные, оказывайте уважение к начальству, владельцам и духовным пастырям вашим; братство возлюбите; остерегайтесь несогласий и раздоров, любите друг друга, служите друг другу, трудитесь для блага не только своего, но и общего, берегите трудовую копейку и трудом праведным помогайте друге другу, защищайте один другого от обид и несправедливостей, паче же всего имейте любовь христианскую к бедным, вдовам и сиротам. Пусть ваше общество будет истинным братством о Господе, дорогим для каждого из вас, угодным Богу и любезным Царю и отечеству нашему. – От сего будет зависеть жизнь и все счастье ваше».

«Благодать же Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа да будет со всеми вами. Аминь».

Речь, сказанная от сердца, не могла не действовать на сердца слушателей, и мы знаем, что в Полонном во все время введения крестьянской реформы не было и тени каких либо недоразумений, тем более, что, по счастливой случайности, Полонское Волостное Правление было устроено в приходе о. Феодора, сейчас возле его дома, вследствие чего первые Волостные Старшины Полонской волости сразу стали в непосредственное, ближайшее отношение к «своему батюшке», который был их первым советником, наставником и руководителем. В особенности незабвенную услугу Полонским крестьянам оказал о. Феодор через посредство Волостного старшины, своего прихожанина, Максима Богдаша, во время последнего Польского повстанца 1863 года. Известно, что в мае того же года, Полонное было несколько дней резиденцией Польского доудцы Ружицкого, который требовал себе безусловного повиновения со стороны Полонских обывателей. В тоже время, явившись в Полонское Волостное Правление, повстанцы оставили здесь сотни так называемой «Золотой Грамоты» для распространения в народе. – С этими грамотами Волостной Старшина ночью явился к о. Феодору, просил прочитать их, и сейчас же по совету батюшки спрятали их подальше, чтобы при первой возможности передать законному начальству. По совету и наставлению самого же о. Феодора Волостной Старшина дал знать крестьянам м. Полонного, чтобы они по возможности держали себя подальше от повстанцев, в несомненной уверенности, что их власть в Полонном не может продолжаться долгое время. – За то он чуть не попал в беду от повстанцев. Узнавши, что о. Феодор находится в ближайших сношениях со Старшиной и еще до повстанца руководил делами Полонского Тысяцкого, заклятого врага Поляков, повстанцы под предводительством одного Полонского панка решились сделать обыск в его доме, чтобы предать его суду. – К вящей опасности, о. Феодор, в это самое время, по желанию некоторых благонамеренных Поляков м. Полонного, не

хотевших идти в банду, спрятал их в Георгиевской церкви, пристроив здесь таким образом около двух десятков человек. Несомненно, если бы повстанцы заглянули в церковь, то о. Феодору не миновать бы наказания, а может быть и казни.⁹⁰² Но они осмотрели только его дом и все постройки, отыскивая сотского, и как ничего подозрительного не нашли, то и оставили о. Феодора в покое. – Когда же потом победоносные русские войска, разбивши банду Ружицкого под Мирополем, отправлялись для дальнейшего преследования ее через Полонное, то о. Феодор первый со своими прихожанами встретил их со крестами и хоругвями у Сретенской церкви, и в заключение с прочими Полонскими священниками напутствовал их молитвою и благословением на дальнейшие подвиги для умирения безумных.

Понятно само собою, что такой человек не мог оставаться не замеченным со стороны начальства, и о. Феодор награждаем был по достоинству, хотя по обычаю того старого времени с заметными промежутками от одной награды к другой. В 1839 году он определен был депутатом Полонского благочиния 3-го округа Новград- Волынского уезда; в 1850 году награжден набедренником; в 1855 году награжден скуфьею, а в 1858 г. камилавкою. Уже представлен он был к наперсному кресту, как тяжкая болезнь сложила его в постель и вскоре свела в могилу.

В заключение характеристики о. Феодора нужно сказать еще несколько слов об нем, как о семьянине и человеке. В семье о. Феодор был редким консерватором, поддерживая с достоинством все старые отцовские обычаи. Вследствие этого в доме его напр. во все великие праздники, как то в Рождество, Богоявление и на Пасху, ужин и обед устраивался так, что все слуги кушали с ним и с его семейством за общим столом, разделяя вместе и одну общую пищу. Во все рождественские святки в доме о. Феодора в главном углу стоял заветный сноп с сеном, а на сене кутья и взвар, покрытые внишами, по обычаю. Каждый год, на второй день Праздников Пасхи и Рождества Христова после обедни собирались к нему почетнейшие из прихожан, чтобы поздравить с праздником, и о. Феодор всегда радушно угощал их, чем Бог послал, разделяя вместе с ними

трапезу по братски, без всякой церемонии. В день Рождества Христова вечером так называемые «Церковные колядники» обязательно начинали свое колядование в пользу церкви с дома о. Феодора, при чем здесь же они получали церковный колокольчик, чтобы народ мог отличить их, как церковных колядников, от других. До чего доходила простота нравов в доме о. Феодора, можно судить по тому, что он со всем своим семейством почти всю жизнь прожил на людской половине, в так называемому «ванкире», состоящем рядом с кухнею, при чем так называемая «светлица» на чистой половине открывалась только в экстренных случаях, напр. ради крестин или похорон, или уж ради слишком почетного гостя. В остальное время доступ в эту светлицу принадлежал только жене о. Феодора, которая по большей части входила сюда только босиком, чтобы стереть пыль, да в случае надобности поправить постель, хранимую иногда, как некую святыню, целые годы без употребления, с громаднейшими подушками, шелковыми одеялами, вышивными простынями, и т. п. В последнем случае впрочем больше виновата была жена о. Феодора, при всех многих, прекрасных достоинствах своих, обладавшая какою-то болезненною любовью к чистоте и опрятности. По кончине ее, последовавшей в 1853 году, о. Феодор отворил все комнаты своего дома и начал жить просторнее, хотя застарелая любовь к людской преобладала в нем до самой кончины, так что здесь он постоянно обедал, пил чай, и т. под.

Как человек, о. Феодор был нрава смиренного и благоприветливого, но стойкого до упрямства. За то когда нужно было помочь ближнему, он готов был на все. Между бумагами о. Феодора в Крестовоздвиженской церкви до последнего времени хранилась резолюция Преосвященного Арсения на одном следственном деле, которое о. Феодор производил в качестве депутата. В этой резолюции Преосвященный прямо упрекает следователя в пристрастии в пользу обвиняемого, но вместе с этим утверждает представленное им мнение «по вниманию к любви христианской, на которой оно основано». Вообще мы не знаем, чтобы во все время своего депутатства о. Феодор

обвинил кого либо, не принявши предварительно всех средств к его оправданию. – Несмотря на то, что в старые годы не полагалось никаких помощников для благочинных, о. Феодор, как человек деловой, был постоянным сотрудником своих благочинных (Луцкевича и Немоловского), составлял за них разные отчеты, писал и отписывал бумаги, и даже в экстренных случаях делал вместо их нужные внушения провинившимся причетникам. И преинтересно, – на эти внушения большею частью напрашивались сами же виновные, зная отлично, что после самой страшной распекации со стороны о. Феодора сейчас же обязательно последует помилование, а в особых обстоятельствах даже и угощение, когда распекаемый приезжал издалека и не имел, где «главу преклонить».

По обычаю того времени, Волынская Консистория, узнавши о смерти жены о. Феодора, в 1854 г. предложила ему через Благочинного на обсуждение вопрос: «согласен ли он избрать для себя монастырь, в котором желал бы провести остаток своей жизни для душевного спасения, или не согласен?» В архиве Крестовоздвиженской церкви мы нашли собственноручный ответ о. Феодора, прекрасно характеризующей его добрую, верующую душу. – «1855 года, февраля 14-го по возврате из Почаева. Благодарю Бога, призывающего меня ко спасению. Не остаток лет, а остаток дней жизни предвещается мне, в кои я должен позаботиться о душе. Ужели мне засыпать с юродивыми девами? Нет! – Правда, и мудрые девы спали, но готовы были встретить жениха, имея елей в сосудех своих. И я умоляю Бога, да сподобит он меня многогрешного части их. Окруженный семейством домашним, содержа почти на своем воспитании и пожилую старость матери и невинное девство бедной сестры, при чем смею сказать, что осиротевшее семейство отца моего до совершенного их возраста было всецело под моим покровительством, я думал, не обременяя казны, от трудов домашних содержать себя и семейство свое. Но если воля Царя и Архипистыря моего призывают меня к монашеству, то я остаюсь в полной надежде, что ни я, ни мать, ни дети мои не останутся безприютными. Надеюсь, что с распоряжения

Всемиловейшего Архипастыря моего, защитника сирот и покровителя беззащитных, надеюсь, что два сына мои, находящиеся в низшем отделении Волынской Семинарии, будут приняты на полный казенный оклад, а из оклада, каковой будет мне назначен, я должен содержать себя и дочь, которая до совершеннолетия будет при мне жить. Монастырь, в коем предполагаю я жить – в Почаевской Лавре, и тот час после поступления желаю быть монахом, исполняя послушание, какое будет предложено к исполнению, хотя бы оно было и в черной работе. Только и здесь прошу милости Архипастыря, дабы дозволено было мне остаться на приходе по 1 Октября настоящего 1855 года для собирания плодов от посевов, каковые пропадут за отбытием моим из прихода. А тогда, возблагодарив Богу, показавшему мне свет, просвещающий на пути маловременной жизни, приближающей меня к вечности, стану на страже нового служения и буду до гробовой доски умолять Царицу небесную, да дарует мне силу и крепость побеждать враждебный коварства исконного врага, дьявола, препятствующаго верным чадам Божиим наследовать спасение».

С течением времени, по зрелом обсуждении дела, о. Феодор должен был отказаться от своего намерения поступить в монашество, главным образом вследствие слезных молений матери, имевшей все основания опасаться, чтобы после этого не остаться без куска хлеба с своею дочерью, а еще более для воспитания собственной малолетней дочери, которую не возможно было держать при себе в монастыре. После сего он прожил вдовцем на приходе целых десять лет, удовлетворяя своему религиозному чувству по возможности частыми путешествиями в Киев и Почаев, и за то имел утешение в продолжении этого времени видеть пристроившимися сыновей своих, закрыть на веки глаза своей матери и выдать замуж дочь свою. После свадьбы дочери о. Феодор заболел тифом, от которого и скончался 11 Декабря 1865, на 48 году жизни. С 22-го Декабря того же года его место занял сын его священник Стефан Хойнацкий.

Как человек, конечно, о. Феодор имел свои достоинства и свои недостатки. Но недостатки эти с избытком вознаграждались его добрыми качествами, которые и были причиною того, что когда о. Феодор скончался, то не только в Полонном, но и далеко за пределами его все с любовью пожалели об этой преждевременной кончине. Даже многие Полонские евреи, – и те плакали, провожая уважаемого «Юривского добродзея» в могилу.

Одновременно с поступлением о. Феодора на приход, в 1836 г., определен был и дьячком в соединенный Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенский приход Феодор Семенович Антипович. Он служил до 1854 г., в котором скончался, оставив по себе память человека строго-исполнительного по своей должности, общежительного и всегда благодушного. В Полонном и доселе есть не мало грамотных крестьян, которые обязаны своим образованием Антиповичу, проводившему целые зимы с указкой в руках над спинами шустрых мальчиков, стремившихся постигнуть мудрость книжную. Пишущий эти строки сам имел удовольствие несколько недель поучиться в школе Антиповича, что по тогдашним правилам считалось обязательным, отправляясь в дом его по большей части верхом на круторогом черном баране, – и мы можем засвидетельствовать, что это была единственная школа, в которой мы не видели розог, не смотря на столь обязательное, широкое развитие их в былые времена.

После Антиповича дьячком при о. Феодоре состояли: Иван Козловский в 1854 г. Андрей Коколевский в 1855 г., и наконец с 1856 г. Яков Дверницкий, который стоит на своем месте и до настоящего времени.

Пономорями при о. Феодоре были: Исидор Жизневский по 1854 г., и с того же года сыне дьячка Антиповича Стефане Антиповиче, состоящей на месте и по настоящее время.

Говоря о причетниках, служивших при о. Феодоре, мы не можем не упомянуть об одной личности, выступившей при нем же на поприще церковного служения в лице Полонского крестьянина, старца Емилиана Молодожени. Это был замечательный старец во многих отношениях. Он учился

грамоте еще в старинных по-униатских школах, когда полнейшее знание церковного устава и древний Киевский напев составляли первую обязанность всякого ученика. Он был женат два раза, и последний раз женился на сестре матери о. Феодора Марии, овдовевшей после замужества за священником, и обыкновенно называемой нами «лесною бабунею», так как она с Емилианом жила в лесу. Обладая прекрасным, звонким и гибким тенором, Емилиан всегда любил являться в церковь на всякую службу, не смотря на то, что от церкви к нему было около 3-х верст. И можно сказать, не обинуясь, что такого оригинального, теплого пения, какое слышали мы из уст «дядька Омелька», как его все называли, нам едва ли удастся когда слышать более. В особенности прекрасно он пел называемые им самим Киевские херувимские и хвалитные. Помнится однажды во время страшной холеры, свирепствовавшей в Полонном, когда покойный о. Феодор служил литургию, чтобы после нее пойти с крестным ходом по улицам, для умилоствления Господа от угрожавшей опасности, Омелько запел такую херувимскую, что весь народ, наполнявший церковь, начиная от о. Феодора до последнего мальчишки, не мог удержаться от слез. По смерти жены своей Омелько оставил свой дом в лесу, отдав его детям, а сам переселился на жительство к дьячку Дворницкому, у которого прожил около десяти лет, исполняя за него разные обязанности, в особенности по части чтения Псалтири над умершими, служения вечерни и прочих служб во время его отсутствия. Но преимущественным поприщем деятельности для Омелька служил Великий пост. Начиная с Сыропустной недели до третьего дня Пасхи он неопустительно, ежедневно ходил в церковь, сам звонил на колокольне для сбора говеющих, сам вычитывал все службы, большею частью наизусть, опершись на палку, с заветною, неизменною своею спутницею, старинною Псалтирью в руках. И любили же его прихожане за его задушевную, простую, самоотверженную службу во храме Божиим. Случалось, что в церкви не было ни дьячка, ни пономоря; тогда Омелько сам читал и пел, сам подавал кадило священнику, служа таким образом дьячком и пономарем вместе.

В 1867 году, уже при преемнике о. Феодора, сын его Стефан, когда Омельку исполнилось 93 года от рождения, он, без сомнения, по внушению свыше почувствовал приближение своей кончины. С этой целью, в самый день смерти своей он сам помылся, надел чистое белье и пригласил о. Стефана, прося исповедывать его, причастить святым тайнам и совершить над ним таинство Елеосвящения. При совершении последнего Омелько был все время на ногах, сам подходил каждый раз под св. Евангелие, и только по временам садился, чтобы отдохнуть. За тем, получивши от о. Стефана благословение, Омелько отправился в амбар, где стоял сделанный им самим, года три тому назад, деревянный, дубовый гроб, собственноручно положил в него свою дорогую спутницу – Псалтирь, перетряс гробовую подушку и стружки, лежащие на дне во гробу, смахнул с гробовой доски пыль, и потом, возвратившись в комнату, и попросивши детей, чтобы они погребли его по христиански, в ту же минуту склонил убеленную сединами, победную голову на грудь, и так в виду всех скончался без малейших признаков агонии или какого либо страдания телесного. Дай Господи побольше таких смертей на свете. Они имеют глубокое, воспитательное значение в наш век грубого материализма и развращения нравственности.⁹⁰³

Чтобы по возможности сказать все о приснопамятной деятельности о. Феодора, мы не можем в конце концов умолчать о некоторых из его ближайших сотрудников, неизменно работавших вместе с ним в особенности по части реставрации и благоуукрашения храмов Божиих. В числе этих сотрудников бесспорно первое место должно быть отведено бывшему старосте сначала одной Георгиевской церкви, потом всех трех церквей Крестовоздвиженской, Георгиевской и Сретенской вместе, и с 1845 г. опять одной Георгиевской церкви, крестьянину м. Полонного Михаилу Горбыку. В свою должность Горбык вступил еще до поступления о. Феодора на приход, в 1832 г., и проходил ее непрерывно более 30 лет, до самой кончины своей, последовавшей в 1864 году. Это был редкий экземпляр крестьянина, до глубины души преданного своей церкви и своему батюшке, которому он верою-правдою

служил не только по церковной части, но и по части хозяйственной, административной и т. п. В этом отношении «Мыхалко», как о. Феодор называл обыкновенно Горбыка, был незаменимым человеком во всех отношениях. Никто, как он, не умел так исправно и всегда удачно сыттить канунный мед к празднику, отливать на славу и на зависть другим старостами трехаршинные и чуть ли не пятиаршинные восковые процессиальные свечи разных цветов зеленого, красного и т. п. Никто так ревностно и всегда с несомненными успехом не умел собирать рабочих на толоку к о. Феодору, складывать скирды хлеба или сена и пр. и пр. От того случалось, особенно в летнее время, что Мыхалко по целым неделями проживал в доме о. Феодора. И никогда он не жаловался на свой труд; да, таких теплых, сердечных людей, как он, не много найдешь на этом свете.

Другим ближайшими сотрудником о. Феодора, наравне с Горбыком, был назначенный с 1845 года вторым старостою в Крестовоздвиженской и Сретенской церкви, Димитрий Романько-Довгополый. Он состоял старостою по 1867 г.; скончался в 1877 году.

Все эти люди давно уже в могиле. А между теми образы их живут и доселе в памяти потомства, потому что они умели жить и трудиться во славу Божию. Мир праху вашему, добрые старые друзья, общники лучших юношеских лет и детских впечатлений. А тебе, дорогой, незабвенный отец, вечная, вечная память за твою глубокоосмысленную, искреннюю любовь к твоим детям, которую с своей стороны мы неизменно сохраним к тебе до гроба, и готовы перенести туда, в вечность, чтобы засвидетельствовать ее пред лицом Бога вечной любви, если только грехи наши тяжкие не положат препятствия этому.

По сохранившимся данным в Метрических книгах и исповедных ведомостях во все время от соединения приходов Крестовоздвиженского, Георгиевского и Сретенского в один приход до кончины о. Феодора Хойнацкого было:

ГОДЫ.Родившихся.Браков.Умерших.

1835	38	18	31
1840	49	9	44

1845	58	12	41
1850	72	16	66
1855	64	15	54
1860	69	9	81
1865	78	19	48

Всех же прихожан в соединенном приходе в течении этого времени состояло:

ГОДЫ.	Мужеска пола.	Женска пола.
1835	582	596
1840	610	650
1845	680	677
1850	700	717
1855	720	728
1860	768	779
1865	813	833

III. Священник местечка Полонного Стефан Хойнацкий и построенная им Богородично-Почаевская Полонская церковь с кладбищенскою Иовле-Федоровскою церковью.

Когда в 1865 году священник Стефан Хойнацкий поступил на место отца своего Феодора Хойнацкого, то все церкви бывшего соединенного Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенского Полонского прихода и в особенности две из них Крестовоздвиженская и Георгиевская находились в таком состоянии, что в них можно было бы долго служить еще, если бы тому не препятствовала крайняя неуместительность их. По причине этой неуместительности не только в более или менее значительные праздники, но даже в обыкновенные воскресные дни большинство прихожан вынуждено было молиться вне храма, на погосте церковном. А в такие напр. праздники, как Пасха или Рождество Христово, положительно почти все стояли на дворе, оставаясь нередко под проливным дождем или снегом. А между тем количество прихожан увеличивалось с каждым годом. В 1835 г., за год до поступления священника Феодора Хойнацкого на приход, родившихся в нем было обоего пола 38, браков 18, и умерших 31; всех же прихожан мужескаго пола 582, женскаго 596, итого 1, [178] душ. Когда же о. Стефан Хойнацкий занял место отца в 1865 г., то родившихся в том же приходе было 78, браков 19, и умерших 48, а всех прихожан мужескаго пола 813, женскаго пола 833, и всего 1646 душ. До чего доходила давка в бывших церквях, можно судить потому что, спустя несколько лет по поступлении о. Стефана на приход, одно дитя 12-лет и девушка 16-ти лет были совершенно подтоптаны ногами молящихся, так что еле живыми были вынесены из церкви.

Эти обстоятельства были причиною того, что с первых почти дней поступления своего на приход о. Стефан задался твердою мыслию соорудить вместо трех бывших у него церквей одну новую, просторную церковь, такую, которая при том могла бы хоть сколько нибудь сравняться с величественным Полонским

Римско-католическим костелом и в тоже время служить по возможности надежным пунктом для сбора Полонского духовенства и народа в высокаторжественные и другие важнейшие дни, тем более обязанных группироваться в приходе о. Стефана, что тут же находится Полонское Волостное Правление и Полонское двухкласное училище, в коем о. Стефан сам же состоял законоучителем. С этою целью о. Стефан прежде всего позаботился об устройении в своем приходе «Церковно-приходского Попечительства», справедливо рассчитывая на ближайшую его поддержку и вспомоществование. В тоже время о. Стефан обратился и к уполномоченному по управлению Полонскими имениями графа Карвицкого, г. Хилевскому, который, уважив представления и просьбы о. Стефана, не только лично выразил ему свое живое сочувствие и желание помочь святому делу, но вместе с помещиком дал также и письменное заявление, что «на Полонскую экономию всегда и во всем можно рассчитывать, и что она не откажет в возможном пособии, как на счет камня, так и на счет деревянного материала».⁹⁰⁴

Это было 15 февраля 1868 г. Теперь дело оставалось за прихожанами: как-то они отнесутся к предполагаемому делу? – С этой стороны о. Стефан должен был действовать тем осторожнее, что во первых крестьян не легко было убедить в необходимости новой церкви при существующих готовых церквях, с которыми они в течении веков успели сродниться, как с праотеческою, заветною святынею. А главное – постройка новой церкви, неизбежно требовала материальных пожертвований, к которым прихожане о. Стефана мало были подготовлены, и еще менее расположены вследствие сравнительной своей бедности.

Как и следовало ожидать, на первых же порах явились люди, которые с Волостными властями во главе стали стращать прихожан предстоящими будто им непомерными поборами на церковь, угрожая им таким образом совершенным раззорением, – и этим довели дело до того, что те на первых порах наотрез отказались от всего, упорно заявляя, что они на веки желают остаться при старых своих церквях.⁹⁰⁵ К счастью, о. Стефан

сейчас же сметил, откуда дует противный ветер, и первым делом постарался устроить дела так, что прежние волостные власти заменены были другими более надежными. На это правда употреблено было около трех лет упорной борьбы; но в конце концов, в лице особенно нового волостного писаря Василия Ивановича Якимчука о. Стефан приобрел себе не только помощника, но и ближайшего друга и советника. Якимчук непосредственно по прибытии в Полонное, записался в число членов Крестовоздвиженского Приходского попечительства, и своими убеждениями и влиянием, совместно с внушениями и убеждениями о. Стефана, успел вскоре поставить дело так, что прихожане сначала мало по малу согласились на постройку новой церкви, а потом взяли на себя и некоторые обязательства по предстоящей постройке, как то подвозить материал, пособлять рабочими днями в натуре, и наконец постановили сделать складчину от себя на основании 178-й ст. общественного положения о крестьянах, что и было все утверждено ими формальным образом, мирским приговором Сельского Изабелинского схода 11 Февраля 1871 года.⁹⁰⁶

Теперь о. Стефан мог смело приступить к исполнению задуманного дела, тем смелее, что он находился в полнейшей уверенности, что Церковностроительное присутствие Волынской Епархии никогда не откажет ему и его прихожанам в своем содействии. По этому вопросу он завел переписку с кем следует, сейчас же по получении обязательного согласия со стороны Графа Карвицкого на пожертвование деревянного и каменного материала на предполагаемую церковь, и с этого времени по январь 1875 г. добился только того, что Церковно-Строительное Присутствие отношением от 20 января 1875 г. изъявило свое согласие на постройку новой церкви в три престола и с теплым приделом, но с пояснением при этом, что на пособие от казны в этом деле рассчитывать никто не должен, а должно строить церковь исключительно на местные средства, т. е. на средства церкви и прихожан. Это был тяжкий, неожиданный удар для о. Стефана; но, полагаясь на помощь Божию, он не думал отступать, и испросивши разрешение от Графа на вывозку бесплатно из его лесов трехсот двадцати

сосен, на сумму примерно до 600 р. и на выбивку 50-ти кубических сажень дикого камня в его каменоломнях, тогда же приступил к вывозке материала, начавши с того, что сам первый посылал в лес свои четыре подводы за Соснами, в течении двух недель.

В то же время о. Стефан заключил контракт на поставку 2000 пудов извести на подмуровку церкви, и для каменной церковной ограды договорил рабочих на выбивку камня и пилку досок, – и как дело, по видимому, стояло уже на твердой почве, то чтобы обеспечить его еще более, решился потребовать от прихожан, чтобы они точнее определили, сколько именно намерены они жертвовать на постройку, и вместе с этим сделали бы надлежащую раскладку требуемой суммы на всякого прихожанина и домохозяина порознь, для более удобного сбора ее тогда с каждого. С этою целью в Ноябре 1874 года он созвал сельский сход, на котором и предложены были прихожанам означенные вопросы для утверждения. Но и здесь на первых порах о. Стефану пришлось горько разочароваться в своих предположениях. Прихожане не только не приняли в расчет его предложений, но один из них, вообще слывающий в обществе либералом, крестьянин К. Б. как бы от имени всех прихожан тут же гласно заявил: «не треба нам новой церкви; буде с нас и сих; а воли попови тисно в наших церквах, то нехай шукає собі другой парахвы, а я поеду до Житомира, то ще до Риздва привезу другаго Попа»... Что было делать после таких речей? – О. Стефан распустил сход и начал снова действовать словами убеждения особенно на более выдающихся благонамеренных членов прихода, – и хотя после этого второй сход назначенный для той же цели, оказался тоже не в пользу его предложения, о. Стефан уговорил крестьян собраться на третий сход, который теперь был сговорчивее, и наконец особым приговором постановил ежегодно вносить от общества на постройку церкви по 500 р. в течении трех лет. Но при этом тот же сход безусловно отказался делать раскладку означенной суммы на членов общества порознь, в том естественном предположении, что по раскладке деньги будут взыскиваться формальным порядком, а без раскладки можно делать взносы,

когда угодно, не стесняясь в тоже время и количеством самого взноса. О. Стефан понял, какие последствия могли произойти при подобной постановке дела, а потому, распустивши сход, в тот же день призвал к себе человек двадцать почетнейших прихожан, в том числе и всех членов Церковно-приходского Попечительства, и вместе с ними составил требуемую раскладку, поручив в тоже время Волостному Писарю Якимчуку написать соответственно ей раскладные листы, чтобы по ним производить сбор. Прихожане сначала разгневались было за это на своего батюшку, но потом вскоре помирились, и сбор при добром участии и напоминании мирового посредника г. Арефовича пошел своим чередом уже без всякой помехи.

Наконец в Августе 1875 г. прибыл в Полонное Участковый Епархиальный архитектор, г. Пархоменко, и по соображению с местными условиями обещал выслать план новой предполагаемой церкви о трех престолах, с теплым приделом, на 1500 человек. План получен был при отношении его, г. Пархоменка, от 18 октября 1875 г., за № 188-м, и к всеобщему удовольствию оказался вполне соответствующим своему назначению, – и черновому плану переданному о. Стефаном г. Пархоменке в качестве проекта.

Теперь в церкви у о. Стефана находилось всего 1300 р. И вот с этою-то суммою, в надежде на помощь Божию, он и Церковно-приходское Попечительство 12 Декабря 1875 года заключают контракт с купцом 2-й гильдии Феодосием Ивановичем Мурашкою на постройку требуемой церкви с уплатою за производство одних работ, без всякого материала, на сумму 3200 р. сер.

Весною 18 Марта 1876 г., о. Стефан собственноручно положил первый камень во главу создаваемого храма, после чего сейчас же начались каменные работы по устройству церковного фундамента с каменным же погребом под колокольнею. Это была впрочем, так сказать, неофициальная закладка нового храма; потому она и совершена была о. Стефаном только в присутствии немногих избранных лиц, подрядчика Мурашки, бывшего Волостного Старшины Иосифа Бобровника, крестьянина – Члена Попечительства Максима

Богдаша, и каменщиков Антона Гончара и Саввы Мартюка с их помощниками. Настоящую же закладку положено было совершить уже по возведении фундамента с началом деревянных работ. А пока о. Стефан вошел с представлением по начальству о снятии Крестовоздвиженской церкви, на место коей создавалась теперь новая церковь.

Получивши требуемое разрешение в первых числах Мая, о. Стефан прежде всего распорядился вынести из Крестовоздвиженской церкви все находившиеся в ней киоты и иконы с иконостасом в соседнюю Сретенскую церковь, оставив в первой из них только нижний ярус иконостаса для совершения последней литургии. 2 Мая, во вторник, не смотря на крайнюю немощь от расстройства здоровья, о. Стефан отслужил в последний раз в Крестовоздвиженской – уже почти совершенно обнаженной церкви, литургию при многочисленном стечении народа, и когда, по обычаю, при этом обратился к молящимся с соответствующим поучением, то все без исключения плакали навзрыд, так как действительно никто не знал тогда, кого Господь сподобит молиться в новом храме, тогда как сей уже разрушался на веки. После литургии, торжественно с крестным ходом были перенесены из Крестовоздвиженской церкви в ближайшую Георгиевскую церковь св. дары, антиминс и прочие священные принадлежности упраздняемой церкви; за тем о. Стефан во имя Божие сдвинул престол, и народ приступил к окончательной разборке церкви. Сняли сначала кресты на куполах, потом разобрали куполы, и т. д.... На третий день от старой церкви остались только следы.

После этого – днем формальной закладки и освящения места для новосоздаемого храма избрано было 11 Мая на память святых равноапостольных просветителей славянских Кирилла и Мефодия. К этому времени о. Стефан с Попечительством пригласил к себе главного и первого благотворителя строящейся церкви, Графа Карвицкого и всех почетных обывателей м. Полонного и из других мест, которые тем охотнее поспешили на предполагавшееся торжество, что многие из них, благодаря стараниям и нравственному авторитету о. Стефана, сами состояли членами того же

попечительства. Отслуживши литургию в Георгиевской церкви, о. Стефан с двумя священниками оо. Иулианом Сидоровичем и Александром Данилевичем, двинулся крестным ходом на место строящейся церкви, где уже собрались целые сотни народа не только из местного, но и из соседних приходов, и здесь, ставши на приготовленном месте, обратился к присутствующим с следующей прочувствованною речью:

«Радуйтесь, братие, прихожане святого, новосозидаемого храма сего! Радуйтесь и благодарите Бога, что у вас теперь воздвигается новая, обширная, прекрасная церковь вместо бывших доселе совершенно неместительных храмов. Радуйтесь и благодарите с тем вместе предстоящего здесь благодетеля св. храма сего, своими богатыми жертвами положившими начало и венец честному делу сему, и вознося о нем горячие молитвы ко Господу, просите его Всеблагого, да воздаст Он сему благородному жертвователю сторицею за то добро, которое он сделал нам, и во веки веков да благословит его и его доброе семейство на всех путях жизни их».

«Да, Господь наконец увенчал успехом наши добрые намерения и труды, и вот мы ныне празднуем освящение места и основами под создаваемую церковь, к сооружению которой, как вы сами знаете, было столь много тяжких и неожиданных препятствий. Значит, Богу угодно предпринимаемое нами св. дело; потому Он и благословил его по неизреченному милосердию своему. Он всемогущий вложил в сердце любящих Его доброе усердие и благорасположение к исполнению задуманного; Он же всепремудрый дал мысль благу всем, так или иначе близким к этому делу, всеми возможными средствами споспешествовать к его осуществлению. Одному Господу известно, кто из нас удостоится молиться в новосозидающемся храме, и буду ли я и сам удостоен милости Божией принести в нем безкровную жертву о себе и о людских невежествах... Потому-то мы со слезами выносили святыни из этого, более полутора века просуществовавшего нашего старого храма, остатки которого теперь в развалинах пред очами нашими. Но за то с какою радостью взойдем мы в новый храм, в котором каждый из вас будет молиться свободно, не тесня друг друга, а

тем более не имея надобности стоять во время молитвы на дворе, под открытым небом, как это, к сожалению, делалось и будет еще делаться некоторое время до сооружения нового храма».

«А для того, чтобы сподобиться этой радости и счастья, вам теперь остается, братие, до конца быть верными принятым на себя священным обязательствам относительно нового храма, не щадя ни сил, ни средств, ни трудов своих для его сооружения. Припомните одно, сколько теряете вы иногда, не говоря, копеек, но и рублей совершенно по-пустому; а бывают случаи, и, о Боже правый, сколько таковых, когда все трудовые деньги ваши идут на такие дела, за которые придется еще отдать тяжкий и страшный отчет на суде Божиим... Пусть же отныне все эти деньги идут на храм Божий. Церковь Божия есть общий дом всех любящих Бога. Пусть же каждый из вас несет сюда все, что может. Всякая лепта, пожертвованная на это святое дело, будет во стократ вознаграждена каждому из нас на детях и семействах наших, на наших скотах, на наших полях и на всех путях и действиях наших».

«За сим обращаюсь к вам, благородные господа, благосклонно удостоившие наше нынешнее торжество своим участием. Не оставляйте нас и на будущее время своими добрыми советами и благопопечением, пособствуйте нам и одушевляйте нас своею любовью в нашем предприятии, сколько это будет от вас зависеть, и ваши теплые сердца будут вам подсказывать, – и Господь не оставит вас за сие своею благодатью, и благословит вас и всех присных вам в сей жизни и в будущей во веки».

«В заключение я не могу не сказать, что новосозидающийся храм должен быть равно дорог не только всем нам православным, но и вам, благородные последователи Римско-католической церкви, в том числе и вам, сиятельнейший граф, благодетель наш, потому что он создается во имя Божией Матери, чудодействующей в чудотворной иконе своей Почаевской, или говоря короче, в честь чудотворной иконы Божией Матери Почаевской; ибо Св. Икона Почаевская есть одна из тех немногих святынь в нашем отечестве, которая,

составляя несомненное достояние православной церкви, в тоже время признана чудотворною и от самого Папы Римского, изволившего, без сомнения по внушению свыше, короновать ее в прошедшем столетии римскими диадами, яко воистину чудотворную, а потому несомненно и должна быть почитаема всеми католиками, как и почитается ими к утешению нашему и во славу Царицы Небесной».

«Ты же, Господи, освятивший по молитвам нашим место и основание для храма сего, воззри всемилостивым оком твоим на сие делание наше, и молитвами Пречистыя и преблагословенныя Матери твоея, имени коей, в честь чудотворной иконы ея Почаевской, мы дерзаем освятить новый храм сей, даруй нам силу, мужество и крепость к совершению этого дела до конца, да прославится в нем Пресвятое имя Твое и Твоей Пречистой Матери во спасение наше, радость и утешение во веки веков. Аминь».

Когда за тем провозглашено было обычное многолетие Государю Императору, Святейшему Синоду, Преосвященнейшему Димитрию и всем православным христанам и строителям и благотворителям храма, и певчие из учеников Полонского народного училища начали петь: «Боже Царя храни».... в это время Председатель Крестовоздвиженского Церковно-приходского Попечительства, крестьянин Иван Горбык, поднес графу Карвицкому от имени всего прихода адрес следующего содержания:

«Ваше Сиятельство, Сиятельнейший граф!

«Глубоко сознавая и ценя столь обильное пожертвование Ваше на ныне строящуюся у нас новую трехпрестольную церковь, о чем в свое время доведено будет до сведения высшего духовного начальства нашего, мы священнейшим долгом считаем для себя, поднося Вам, по древне-христианскому, русскому обычаю, хлеб-соль, выразить при сем Вашему Сиятельству сердечную свою, искреннюю благодарность за Ваше редкое усердие и вспомоществование на пользу нам, и во славу Всевышнего Господа и Пречистой Его Матери, во имя коей этот храм из пожертвованного Вами материала ныне создается. Да примет Господь сию Вашу

жертву и да благословит Вас и Ваше доброе семейство и всех близких Вашему Сиятельству всяким счастьем и благополучием, и да продлит дни жизни Вашей на многая и многая лета».

Адрес, подписанный всеми членами Попечительства, поднесен был графу на особом блюде с хлебом-солью, и как и следовало, был принят с полнейшим сочувствием. После сего устроен был крестьянами братский обед на церковном погосте, возле новосозидаемой церкви, где они угощали в особенности нищую братию до самого вечера, а остальные гости, по приглашению о. Стефана, откушали в его доме, желая ему от души наилучшего успеха в предпринятом деле.

Вскоре после этого о. Стефан утешен были новым знаком сочувствия всех близких к нему чиновников и прочих разных лиц из Полонного и других мест, которые, по призыву его от 1 июля 1876 года, изъявили согласие войти в число членов Церковно-приходского Попечительства сооружаемой церкви с готовностью по мере сил своих вспомоществовать ему и нравственно и материально. Сюда вошли: 1) Председатель Мирового Съезда Петр Антонов Косач; 2) Местный Мировой Посредник Григорий Васильевич Арфович; 3) Новград-Волынский Исправник Алексей Семенович Скорняков; 4) Начальник железнодорожной Полонской станции Петр Иванович Успенский; 5) Профессор Богословия Историко-филологического Института Князя Безбородко в Нежине, Протоиерей Андрей Федорович Хойнацкий; 6) Помощник окружного надзирателя акцизных сборов Ипполит Николаевич Михайлов; 7) Учитель Полонского Народного училища Василий Михайлович Вахнов; 8) Волостной Писарь Василий Иванович Якимчук; и потом по смерти его Александр Феодорович Кульчицкий; 9) Кандидат прав Евгений Иванович Щербицкий; и 10) Местный Пристав Стефан Андреевич Шидловский. По утверждении их, равно как и всего попечительства, в их звании от Епархиального начальства, о. Стефан во многих случаях пользовался их услугами и советами, которые тем были нужнее для него, что в будущем ему предстояло не мало испытаний и неудач, пока церковь не была доведена до конца.

Первое горе суждено было испытать о. Стефану в том же 1876 г. вследствие оказавшегося недостатка в строительном материале для окончания церкви. Мало того, что приходилось заставлять крестьян посылать подводы для вывозки нужного дерева в самую страдную пору июльского жнива, нужно было еще и покупать сам материал, потому что помещика в то время в Полонном не было; он был за границу, а его управляющий наотрез отказался дать хоть бы одно дерево, тем более что помещичьи леса тогда были проданы, так что и давать из них почти ничего нельзя было. По этой причине о. Стефан должен был покупать сосны на Полонском вокзале из дерева, приготовленного за границу, платя за него небывалую в той местности сумму – по 22 к. за аршин. Обстоятельство это было тем тяжелее, что оно не было предвидено вперед, а потому на покупку нового дерева потребовалось употребить последние имеющиеся в церковной кассе 500 р., которые специально предназначены были в уплату подрядчику.

Чтобы пособить делу, о. Стефан снова обратился от имени своего Попечительства в церковно-строительное присутствие с просьбою выдать ему хоть какое либо пособие. Но и на этот раз получен был ответ с полнейшим отказом. А между тем нужно было кроме дерева немедленно покупать еще железо для покрытия церкви, приобретать доски и прочие материалы для полов, дверей, и т. п.; покупать стекла для окон, проч. и проч.... В противном случае, оставивши церковь без крыши и окон, можно было опасаться, чтобы зимою она не подверглась порче. Единственное, что оставалось теперь строителям – это именно во что бы то ни стало добыть денег, хотя бы и в займы. К счастью, прихожане Полонской Петро-Павловской церкви, с разрешения Епархиального начальства, согласились отпустить им заимообразно из имеющихся у них братских сумм 200 руб., да сверх сего, по ходотайству органиста Полонского костела Згерского, костельное братство дало на время и от себя 100 р., и наконец к этому присоединена была еще часть денег, следуемых от прихожан, внесших сбор по раскладке осенью. Из этих-то денег 200 р. даны были в задаток на железо для крыши, а остальные употреблены для расплаты с подрядчиком и

другими рабочими. Кроме сего не малую услугу в это время оказал о. Стефану и его Попечительству Полонский купец, еврей Мейзлер, который за обыкновенные цены предоставил им получить в его складе на вокзале все необходимое к постройке количество недостающего дерева и досок без всякого процента, и при том с уплатой денег на неопределенное время, когда это будет возможно.

Таким образом к зиме 1876 г. новостроющаяся церковь была покрыта жестью, окна и двери в ней поделаны, стекла повставлены; одним словом она готова была вчерне. Но за то к следующему году на продолжение работ не оставалось ни копейки.... Вследствие этого с наступлением весны 1877 г. о. Стефан отношением от 2-го Марта созвал в училищный дом всех членов Попечительства, и отдавши им отчет в постройке и расходовании сумм по 1-е Марта того же года, предложил неизбежный вопрос: как быть и что делать в будущем? – Попечительство благодарило о. Стефана за все труды его по постройке и просило его и впредь продолжать дело от своего лица и своими стараниями; но когда при этом поднят был вопрос о необходимости новых займов для продолжения постройки, то тоже попечительство заявило, что оно не может принять на себя ответственности в этом отношении, а предложило это делать с согласия и под ручательством общества. Для сего о. Стефаном созван был 4 Апреля новый сход, на котором крестьяне уже без всякого прекословия составили приговор, записанный в книге Волостных приговоров 1877 года, под № 7-м, в силу которого сбор денег по 500 р. в год, по примеру трех прежних лет, продолжен был еще на два года 1878 и 1879-й, а пока деньги будут собраны, дозволено было Попечительству делать займы на означенную сумму под его росписку с ручательством общества.

Заручившись таким постановлением, Попечительство сейчас же взяло 500 р. у священнической вдовы Павлы Александрович, 150 р. у священнического сына Карповского и 100 р. у учителя Полонского народного училища Василия Вахно, – и как только потеплело, снова приступило к работам для дальнейшего устройства и благоуукрашения создаваемой церкви.

Теперь дела по церкви пошли тем успешнее, что сверх всякого чаяния, единственно по милости Божией, явились люди, предложившие купить Георгиевскую церковь для сноса в с. Гребенинку Староконстантиновского уезда. Нужно заметить, что когда еще ранее этого о. Стефан предложил вопрос о продаже этой церкви, то прихожане так были возмущены против него, что о. Стефан впоследствии сам уже не решался ни разу даже и намекнуть им об этом. Теперь случилось так, что в самый день храмового праздника Георгиевской церкви, 23 Апреля 1877 г., приехал в Полонное помещик с. Гребенинки г. Хоменко с избранными крестьянами своего селения, – и тут же заявил, что готов дать за эту церковь 750 рублей, лишь бы прихожане согласились продать ее. О. Стефан воспользовался этим обстоятельством, чтобы объяснить прихожанам, что при новосозидаемой церкви Георгиевская церковь по необходимости будет лишнею, что напротив того, с продажей ее на новое место, там по прежнему будет совершаться в ней безкровная жертва, тогда как для Георгиевского престола уже уготован особый придел в новой церкви, – и дело тут же улажено было к общему удовольствию. Положено было, что за 750 р. Гребиненские крестьяне получают всю Георгиевскую церковь с ее колокольнею без колоколов, но с иконостасом бывшей Крестовоздвиженской церкви, так как Георгиевский иконостас еще ранее этого положено было перенести в новую церковь. При этом покупатели дали в задаток 300 руб., обязавшись формальным договором уплатить остальное по снятии купленной церкви не позже 1-го Октября 1877 года.

Другое не менее знаменательное обстоятельство пособило о. Стефану в том же году приобрести прекрасные боевые башенные часы на церковь. В этом году зимою сгорело богатое Палаццо Графов Ильинских в м. Романове Новград-Волынского уезда. В оном Палаццо на конюшне издавна были боевые часы, которые теперь стояли без действия по случаю пожара. О. Стефан обратился лично к наследнику графа Ильинского, зятю его графу Стецкому, с просьбою уступить ему означенные часы для новой церкви, и на его счастье граф сразу объявил, что он готов «подарить, но не продать ему часы».... В последствии

времени, посоветовавшись с родными, граф Стецкий обязательно исполнил свое обещание, поручив Попечительству выслать только, вместо платы ему, 50 руб. в Житомир в пользу Красного Креста, согласно желанию жены тогдашнего Волынского Губернатора г. Грессера. В Мае месяце 1877 г. часы были взяты из Романова, и в том же месяце поставлены Полонским часовых дел мастером Айзиком Волкенштейном на колокольне новой церкви, к общему удовольствию всех жителей местечка и в особенности прихожан, не ожидавших такого сюрприза. По крайнему счету, часы эти стоят более 800 р., да колокола к ним, весом в 7 п. и 4 ф., около 200 р., так что всего часы стоят не менее. 1000 руб.

Заручившись часами, о. Стефан в тоже время стал подумывать и о колоколах для новой церкви. Со всех трех колоколен бывших церквей у него собралось 14-ть колоколов, из коих самый большой весил всего 11-ть пудов. О. Стефан положил, отобравши из них несколько более пригодных и более гармонирующих один другому для новой колокольни, вылить из остальных один большой колокол весом около 30 пудов. Когда для этой цели уже договорен был мастер-литейщик, дворянин деревни Елисавет, близ г. Новград- Волынска, Островский, и надо было везти колокола к нему в деревню для отливки, то между крестьянами поднялся оригинальный, в сущности же весьма серьезный спор. Каждый приход желал отстоять колокола своей церкви, чтобы они не пошли в отливку, при чем прихожанин Сретенской церкви Г. К., до того простер свою ревность, что, сев на колокола своей церкви, вслух всего народа объявил, что он не дозволит разбивать их ни за что в свете. Нужны были особые увещания со стороны о. Стефана, чтобы образумить упорного, после чего предназначенные к отливке колокола были свезены на место, и из них отлит колокол весом 32, [5] п., под непосредственным наблюдением самого же о. Стефана, нарочито для этого отправлявшегося, не смотря на страшную, мучившую его тогда лихорадку, в деревню Елисавет. Как бы для вящего ободрения строителей нового храма, созидających ее в честь Чудотворной иконы Божией Матери Почаевской, новый колокол по голосу своему вышел

точь в точь похожим на обыкновенный будничный колокол в Почаевской Лавре, так что в иное время, при звуке этого колокола, трудно отрешиться от того, что не находишься там на Св. Горе Почаевской, а тут в Полонном, хотя тоже под кровом храма Богородично- Почаевского....

С наступлением осени 1877 г. основные работы по постройке храма были окончены, подрядчик рассчитан, рабочие отпущены, оставалось только перенести иконостас из Георгиевской церкви в новую, приспособить в ней иконостасы в приделах, расставить киоты, оставшиеся от прежних церквей, и за тем приступить к ее освящению. Но как о. Стефан, так и его Попечительство с прихожанами справедливо постановили, что для такого обширного и прекрасного храма необходимо освящение архиерейское. Поелику же совершить таковое желательно было только после окончательного благоустройства и благоуукрашения церкви, то для открытия в оной богослужения о. Стефан решил освятить пока два боковых придела. По богословию Его Высокопреосвященства, Преосвященнейшего Димитрия, согласно воле храмоздателей, освящение это поручено было совершить Настоятелю Тригорского монастыря, о. Архимандриту Мелитону. 25-го Сентября о. Мелитоном совершено было, при многочисленном стечении народа, освящение северного придела во имя св. Великомученика и Победоносца Георгия, в сослужонии четырех священников Михаила Чечета из с. Пищева, Иулиана Сидоровича из м. Любаря и двух Полонских священников Анатолия Михайловского и Александра Данилевича. Что чувствовал в это время о. Стефан, какие мысли наполняли его сердце, это может понять только тот, кому Господь судил когда либо самому совершить и довести до конца подобное святое и многотрудное дело. Чтобы хоть сколько нибудь дать понятие об этих чувствах и мыслях, позволяем себе выписать несколько слов, записанных о. Стефаном по этому поводу в его дневник, обязательно предложенном нам для составления настоящего очерка. «Я молился, говорит о. Стефан, я плакал, я готов был тогда с пророком Давидом скакать играя; словом я был тогда не на земле, а на небе. В таком счастливом состоянии я был во

все время до окончания литургии.... Я поистине и вполне был награжден Господом Богом за весь свой труд и за все перенесенные мною неприятности и страдания, и лучшей для себя награды я и желать не мог и не желаю»....

На другой день, 26 Сентября таким же порядком совершено было освящение южного теплого придела в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Только народа в этот день было еще больше, так как по случаю праздника собрались на торжество не только жители Полонного, но и многие из окрестных селений. В этот день о. Стефан сподобился нового утешения – отслуживши раннюю литургию в новоосвященном уже Георгиевском приделе. Когда же вслед за тем совершено было освящение другого придела, то к концу литургии в оном, на буди имя Господне, о. Стефан обратился к присутствующим с следующей краткою, но глубоко прочувствованною речью:

«Наконец-то, добрые мои прихожане и духовные чада о Господе, после долгих хлопот, трудов и страданий, святое дело наше увенчалось вожделенным успехом, и Господь ныне сподобил нас быть свидетелями освящения уже и другого придела в том храме, создание которого так много вас страшило, и от которого, к прискорбию, многие и многие из среды вашей столь упорно и долго отказывались. Сколько пришлось нам перенести взаимно и вытерпеть в это время различных оскорблений, пререканий и споров и пр. и пр. Сколько раз приходилось вам оскорблять своего пастыря, а равно, нужно сказать святую правду, не раз случалось и Вам получать обличения и от меня, хотя, без сомнения, вы в тоже время не могли не сознавать вполне и видеть в этом одно только мое рвение к делу и искреннее, сердечное желание ради вас же довести это дело до конца, чтобы не погиб безвременно приготовленный материал, и вы получили возможность молиться Господу Богу в новом, просторном прекрасном храме».

«Но так или иначе святое дело наше наконец совершилось, и совершилось по милости Божией и под покровительством Царицы Небесной, имени которой в честь ее Чудотворной иконы

Почаевской посвящен этот храм, как видите, скоро, счастливо и вполне благопристойно. Что же остается нам делать в настоящих обстоятельствах? Прежде всего и паче всего постараемся отныне искренно, по-христиански исполнить великий завет Господа нашего, глаголющего во святом Евангелии своем: аще принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя, остави ту дар твой пред олтарем, и шед примирился прежде с братом твоим, и тогда принеси дар твой. Простим же пред лицом этого храма, принесеннаго нами в дар Богу Спасителю нашему и Его Пречистой Матери, пред лицом этой великой страшной жертвы, которая теперь будет совершаться во храме сем во святых и животворящих дарах тела и крови Христовой, простим ныне и отныне друг друга до века, и друг друга обьемем, рцем: братие, и ненавидящим нас простим вся, как в день воскресения Христова, во славу Божию, да едиными усты и единым сердцем прославим здесь Отца и Сына и Святаго Духа, и с тем же единомыслием, верою и братскою любовью пойдем на встречу новым трудам и жертвам, которые потребуются еще от нас в дар Богу для дальнейшего благоустройства и благоуукрашения нашего храма, молитвами Св. Великомученика и Победоносца Георгия, во имя которого вчера освящен у нас один придел, силою честнаго и животворящего Креста, в честь которого освящен ныне другой придел, и заступлением, покровительством и помощью Пресвятой, Пречистой и Преблагословенной Девы Марии, имени коей мы уготовляем созданный храм наш для окончательного его освящения, аминь».

Вскоре после этого Гребиненские крестьяне сняли и увезли в свое село Георгиевскую церковь, и о. Стефан остался с одним новым храмом, если не включать сюда Сретенскую церковь, которая еще ранее предназначена была для перенесения на кладбище, и теперь уже вследствие отсутствия ремонта и ухода за нею находилась в развалинах.

Наступившую зиму 1877 г. и почти весь 1878 год употреблены были о. Стефаном и его Попечительством на расплату с старыми долгами, также на приспособление южного

Крестовоздвиженского придела к отоплению его зимою через отделение его от церкви большою стеклянною стеною, которая на лето снимается, и устройство в нем обогревательной каменной обтянутой железом печи, на сооружение сторожевого дома возле церкви, церковной каменной ограды, и т. п. Кроме установленного сбора с крестьян на это, благодаря стараниям, и смело можно сказать, неусыпной заботливости о. Стефана, новыми средствами для продолжения дела послужили: 1) Исходатайствованная о. Стефаном от Епархиального начальства сборная книга для испрошения пособия на новый храм у благотворителей в пределах Волынской губернии; 2) В тоже время о. Стефан уговорил своих прихожан сойтись с помещиком на счет питейной аренды, с тем чтобы полученные за это деньги 250 руб. внести в церковь на сооружение церковной ограды; 3) Упросил тех же прихожан уступить в пользу церкви и еще 55 р. взимаемые ими с Полонских евреев, за выпас еврейского скота на крестьянских полях; и 4) наконец исходатайствовал у уполномоченного по управлению Барановско-Новоселецким имением графа Шувалова, г. Треймунда, разрешение на вывозку из Барановских лесов 30 дубов на ограду и на подвалы к предполагаемой Кладбищенской церкви, и сверх сего с разрешения того же г. Треймунда забрал из находящегося в Новоселице графского Палаццо лежавший здесь без употребления гипс или алебастр, весом более 215 пуд., на китовку церкви при ее раскраске, штукатурку ограды и фундамента, и т. п.⁹⁰⁷

Наконец осенью 1878 г. Попечительство, по указанию о. Стефана, заключило контракт с художником Захарским на раскраску церкви внутри масляною краскою, обязавшись за это в течении следующих двух лет 1889 и 1870-го уплатить ему 1700 р. сер. В данном случае это был новый рискованный шаг со стороны храмоздателей, потому что не только наличных, но и более или менее определенных сумм у них на это не было. Но они еще раз были обмануты надеждою на пособие от Церковно-Строительного присутствия, тем более, что посещавший в то время м. Полонное г. Волынский губернатор, имевший возможность познакомиться на месте с нуждами нового храма,

по случаю посещения временных Лазаретов Красного Креста в Новоселице и Полонном, в которых о. Стефан состоял священником, положительно обещали дать пособие не только на раскраску храма, но и на иконостасы к нему, и т. и. В скором времени о. Стефану суждено было разочароваться в своих надеждах, так как по случаю Восточной войны в то время Правительство не могло располагать свободными суммами для пособия церквам, и на прошение Попечительства снова получен был положительный отказ. А тут еще поналегли особые тяготы на прихожан, так как, по центральному положению м. Полонного между городами Староконстантиновым и Новградволынском, Полонное почти во все время войны было сборным пунктом для отправления и приема войск, отправляющихся на войну, для каковой цели Полонские крестьяне то и дело должны были поставлять подводы, кормить солдата, и пр. и пр. Наконец неурожаи 1877 и 1878 года были причиной того, что многие из прихожан не только не могли делать новые взносы, но и уплачивать следуемые с них по раскладке старые долги, и пр. и пр....

Но контракт был заключен, и отставать от него не было возможности. Весною 1879 г. Захарский приступил к делу и к осени 1880 г. исполнил его превосходно во всех отношениях.⁹⁰⁸ Правда, при этом Попечительству приходилось делать новые займы, но при помощи Божией от этого дело не только не остановилось, но еще с лета 1880 г. Захарскому поручено было произвести новые дополнительные работы, как-то: перекраску находящихся в церкви иконостасов и киотов, нарисование новых икон в иконостасе и др. местах, раскраску полов, и т. п. на сумму 500 р. К этому времени были доставлены в Полонное заказанные Протоиереем Андреем Хойнацким в Почаевской Лавре новые наместные иконы с соответствующею Храмовою иконою Почаевской Божией Матери для главного иконостаса, так что к половине сентября 1880 г. церковь готова была вполне, и о. Стефану оставалось только позаботиться об окончательном ее освящении.

С этою целью он нарочно отправился в Почаев, чтобы поблагодарить на месте Царицу Небесную за Ее помощь в

совершении св. дела и там же лично испросить архипастырское Его Высокопреосвященства, Преосвященнейшего Димитрия разрешение на освящение церкви в 21 день сентября и вместе просить самого Владыку прибыть в Полонное для этого освящения. Но, как оказалось, что Преосвященный Димитрий уже ранее был приглашен на освящение церкви к тому же 21 сентября в Корецкий женский монастырь, то, не находя возможным отменить избранный срок, к которому давно уже были приготовлены прихожане, о. Стефан испросил благословение у Архипастыря, чтобы освящение его Полонской Богородично-Почаевской церкви совершено было Преосвященным Викарием Волынским, Виталием, Епископом Острожским.

Преосвященный Виталий изволил прибыть в Полонное за день до освящения церкви, 19-го сентября, с вечерним поездом. На другой день утром он осматривал Полонское двухклассное народное училище, в котором о. Стефан состоит исправляющим должность Смотрителя, Экономом, Председателем педагогического Училищного совета и старшим Законоучителем, и здесь между прочим слушал певчих того же училища, которые в соучастии четырех привезенных Его Преосвященством исполатчиков и канонарха, производили спевку к предстоящему освящению под управлением старшего учителя В. М. Вахно. Оставшись вполне доволен пением, действительно хорошим для м. Полонного, равно как и постановкою всего училища и в особенности преподаванием в оном Закона Божия, и наградивши всех 250 наличных учеников книжками, Преосвященный остальную часть дня провел в распоряжениях по предстоящему освящению. В 4 часа вечера раздался благовест ко всенощной, к которой изволил прибыть сам Владыка. Встречанный по обычаю собором духовенства, и приветственную речью о. Стефана, Преосвященный сам потом выходил на литию и полиелей, сам помазывал народ св. Елеем, и наконец по 6-й песни читал соборне акафист Божией Матери. Поздно кончилось всенощное бдение, но народ долго не отходил от церкви, увлеченный невиданным зрелищем высокаторжественного и глубокознаменательного служения

архиерейского. На всенощной в церкви присутствовали также, кроме католиков, и целые десятки местных евреев.

На другой день к освященной церкви собралось столько народа, сколько не бывает в Полонном на воде в день Богоявления, когда Полонские крестьяне из всех шести полонских приходов собираются в одно место ради освящения воды. Здесь опять были не только православные и католики, но даже евреи, пожелавшие видеть архиерейскую службу в новом храме. К общему удовольствию дождь, шедший пред сим более недели, прекратился, и солнце выглянуло в воскресенье утром, в самое то время, когда Преосвященный прибыл в церковь для Богослужения. После обычного облачения среди храма Владыка вошел в олтарь и здесь в сослужении Благодинного Завалича, Священника с. Романовки Левицкого, Священника м. Любара Сидоровича и Священника с. Белецка Тарановского совершил, по чину архиерейскому, освящение престола и прочих принадлежностей храма, присовокупив к этому вместе и освящение св. Антиминса специально для нового престола. Когда вслед за сим Преосвященный архипастырь с новоосвященным антиминсом на голове, в предшествии множества хоругвей и зажженных свечей в руках разных братчиков и братчиц и цехов не только из местного, но и из соседних приходов, двинулся с Крестным ходом вокруг церкви, целые тысячи народа встретили его и провожали на погосте церковном под ясными лучами солнца, которое как бы нарочито в тот день выглянуло из-за мрачных туч, его закрывавших, чтобы взглянуть на редкое, святое торжество....

На часах, начавшихся после этого, Владыка, по представлению о. Стефана, поблагословил в стихарь двух учеников Полонского народного, двухклассного училища для прислуживания Настоятелю нового храма в церкви на богослужении. За тем литургия прошла своим чередом среди волн света, буквально заливавшего церковь от солнца и от тысяч свечей, горевших в паникадилах и в руках крестьян и в особенности возжигаемых усердием молящихся пред св. иконами везде, где только представлялась к тому малейшая возможность. На «Буди имя Господне» Преосвященный сказал

живое, теплое слово, по обычаю экспромтом, в котором в похвалу и утешение храмоздателям назвал новоосвященный храм «великолепным святилищем в собственном смысле этого слова», и призывая на них благословение Божие и милости Царицы Небесной, убеждал и на будущее время не отставать в совершении добрых дел во славу Божию и ради спасения вечного, – коснувшись чисто отечески и нравственной стороны молящихся.

Когда, по окончании литургии и торжественного молебна по случаю дня ангела Высокопреосвященнейшего Димитрия, Преосвященный Виталий вышел из храма, то на погосте церковном его встретили прихожане с просьбою благословить братскую трапезу, уготованную ими тут же возле церкви для угощения меньшей братии. Владыка любовно подошел к столам, благословил, и отпробовав хлеба соли, пожелал доброго здоровья храмоздателям, и за тем отправился в собственный дом о. Стефана, где для него и прочих почетных гостей уготован чай и обед.

Вечером того же дня Преосвященный Виталий осматривал прочие Полонские церкви и на другой день с утренним поездом отправился в Кременец, благословляемый всеми за его истинно-отеческое обращение с ближними и редкое умение молиться и этим других располагать к молитве.

Что же о. Стефан? – Мы заставим его и на этот раз отвечать нам своими собственными словами, заимствуя таковые из его дневника, тем более, что совершенное дело было более, чем дело рук его. Оно было полито его потом и слезами и сопровождалось такими испытаниями, на перенесение которых способен не всякий. Самого спросите, сам о себе да глаголет.

И вот что говорит нам о. Стефан по этому поводу: «Нет слов для выражения того настроения тех мыслей и чувств, какие я переживал в эти блаженные для меня минуты. Труд мой кончен с полнейшим успехом, и я вижу свой возлюбленный храм уже до конца освященным, и следовательно принятым от Господа в пренебесный свой жертвенник. О, это можно только чувствовать, но не сказать. Без сомнения, это была частица тех радостей небесных, о которых апостол сказал: ихже око не виде

и ухо не слыша, и на сердце человеку невзыдоша... А потому мне ничего более не оставалось, как смиренно пасть пред Богом, что я и сделал, и долго со слезами молился и молил Его милосердие, чтобы Он принял мою жертву и труд в воню благоухания духовного, во спасение моего недостойнства и моих прихожан, ныне много и премного преданных мне по милости Божией»....

Теперь остается сказать еще о ближайших помощниках о. Стефана по сооружению нового храма, с показанием прихода и расхода употребленных на него сумм по мере их сбора и расходования по годам, чтобы яснее видеть: 1) откуда брались эти деньги и 2) во сколько именно этот храм обошелся строителям?

В числе сотрудников, более всех потрудившихся с о. Стефаном для сооружения храма, первое место должно быть отдано Мировому Посреднику г. Арёфовичу, который не только всегда благосклонно давал свое соизволение на собрание разных сходов, но и всеми мерами способствовал благополучному их исходу, убеждая крестьян не щадить необходимых средств на нужды храма и располагая их к аккуратному взносу следуемого с них сбора. Справедливо поэтому о. Стефан гордится дружбой с ним, и в своем дневнике называет его «первым своим другом и благодетелем».

О деятельности и заслугах Волостного Писаря Якимчука мы уже говорили. К сожалению, только он скоро умер, не удостоившись видеть излюбленный им храм в его окончательном виде. Господь Всеблагий да упокоит его добрую душу!

Из прихожан о. Стефана по сооружению храма более других потрудился прежде всего бывший Староста Крестовоздвиженской церкви и Председатель Церковно-Приходского Попечительства Иван Горбык. Поступивши в 1864 г. старостой на место отца своего Михаила Горбыка, Иван Горбык в течении 12-ти лет честно и безкорыстно служил на пользу церкви в должности церковного старосты, за что и награжден был похвальным листом от Епархиального начальства. В 1875 г. он был избран Председателем Церковно-приходского

Попечительства, в каком звании, кроме пожертвования на церковь 100 руб. сереб., оказал особенное усердие во время вывозки материала, отправляясь ежедневно с людьми в лес и на каменоломни, не смотря нередко на зимние вьюги и слякоть, вследствие чего его по всей справедливости можно назвать правою рукою о. Стефана. За свои труды Иван Горбык награжден медалью.

Другой церковный староста Андрей Снигур, подобно Горбыку, также не мало потрудился при вывозке материала, в тоже время служа церкви бесплатно и по мере сил своих жертвуя для его устройства и благоуукрашения. За это он удостоился похвального листа от Епархиального начальства.

Крестьянин Максим Богдаш, тот самый, который при поднятии вопроса о постройке церкви был Волостным Полонским Старшиною, сознавши потом все высокое значение и святость совершаемого дела, не только пожертвовал с женою своею Ириною на сооружение церкви более 50 р., но и во все продолжение постройки как прекрасный техник неустанно следил за всеми работами, в тоже время работая и сам, как человек знающий превосходно плотничество. Теперь он состоит в числе лучших почитателей о. Стефана, по представлении которого тоже удостоился награждения похвальным листом от Епархиального начальства.

Кроме этого многие крестьяне, сверх положенного на них сбора по раскладке, жертвовали добровольно нередко даже значительные суммы на сооружение храма, как то Фома Дзюбак 120 р., Роман Соколовский 125 руб., крестьянка Татьяна Ливонтыха 60 руб., крестьяне: Калиник Радиенко 40 р., Лукиан и Анна Верещинские 50 р., Иван Кушпиль 41 р., Лев Шелест 30 р., Даниил Соколовский 30 р., Григорий Мельник 20 р., Иван Дроботынский 20 р., Фома Тимощук 10 р., Василий Гапонюк 10 р., Григорий Носач 10 руб., Иван Шуляк 10 р., Екатерина Бобровникова 10 р., Феодор Мыколюк 10 р., Феодот Писаренко 10 р., Варфоломей Лаврик 5 р., Феодор Шуляк 5р., Семен Загоруйко 5 р. – По представлению о. Стефана, двум первым из означенных крестьян, а именно Фоме Дзюбаку и Роману Соколовскому Епархиальным начальством испрошено

благословение Св. Синода, а прочим объявлено архипастырское Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Димитрия богословение и благодарность.⁹⁰⁹ Одновременно с этим, по представлению Преосвященного Виталия, Высокопреосвященнейший Димитрий изволил также благодарить в 1880г.особым, собственноручным письмом и графа Карвицкого за его жертвы, столь обильно принесенные на сооружение храма.

Замечательно, что в числе жертвователей на сооружение нового храма были не только католики, но даже и евреи, из коих один в 1877 г. вручил о. Стефану от себя 29 р., а другой в 1880 г. 16 руб.; оба они пожелали остаться неизвестными, но они явно жертвовали на св. храм в несомненной надежде за это на помощь и благословение Божие.

Если за сим просмотрим таблицу прихода и расхода сумм по постройке нового храма, обязательно извлеченную для настоящего очерка о. Стефаном из веденных им по этой части собственноручно прихода-расходных книг, то нельзя не удивиться прежде всего тому замечательному возрастанию требуемых сумм, какое совершалось по мере нужд с каждым годом. Смело можно сказать, что собрать такие деньги можно было только при особой помощи Божией. Потому мы не можем не согласиться здесь с о. Стефаном и его прихожанами, которые несомненно убеждены, что все это произошло по милости Царицы Небесной, ради чудотворной иконы ее Почаевской, в честь коей храмоздатели посвятили свой новый храм, едва ли пока и не единственный в нашем отечестве.

Мы видели, что с началом постройки в распоряжении Попечительства всего наличного капитала находилось 1300 р. Но мы должны будем еще более удивиться, узнавши, что в 1868 г., когда в первый раз получено было согласие г. помещика на пожертвование материала, во всех трех бывших церквях состояло только 56 р. 8 к. В 1871 г., когда прихожанами составлен был первый приговор на постройку новой церкви, состояло в тех же церквях 255 р. За тем движение сумм по приходу и расходу при постройке церкви желающие могут видеть в следующей таблице.

Кром этого материалом получено:

I. От графа Карвицкого:

1) 300 сосен на сумму.	600 р.
2) 120 меньших сосен по половинной цене	72
3) 100 штук на рештовку	50
4) Столбов к ограде на	28
5) Камня 50 кубических сажень на	200
Итого.	950 р.

II. От помещицы Новоселецкого имения княгини Гагариной:

1) Дубоваго дерева на	100 р.
2) Гипсу или алебастру 215 п. на .	215
Итого.	315 р.

III. От графа Стецкого из м. Романова:

1) Боевые часы на сумму.	800 р.
2) Колокола к ним.	200 р.
Итого.	1000 р.

IV. Других частных пожертвований на .. 70 р.

А всего 2335 р.

Сюда же наконец нужно отнести даровые подводы и рабочие дни, которые о. Стефаном исчислены по следующей примерной смете:

1) Подвод на доставку 50 кубических сажень камня, полагая по 20-ти подвод на сажень, по 75 к. подвода 750 р.

2) Подвод для доставки 300 сосен по две пары лошадей на каждую по 1 р. 50 к. за подвод на 450 р.

3) Подвод для вывозки меньших 120 сосен, по паре лошадей на каждую по 75 к. за подвод на 90 р.

4) При вывозке остального дерева, как то дубов, Подвал, досок и проч. Вышло подвод не менее 600 по той же цене

на 450 р.

5) При вывозке песка, глины, гипса, железа, Также лишней земли с церковного погоста употреблено

Подвод	около	200
на		150 р.

6) Пешими рабочими днями на подноску камня, при постройке фундамента, подготовку извести, на нивелировку места возле новой церкви, разборку старых

церквей, домов, фундаментов, и посадку деревьев на церковном погосте, и пр. и пр. вышло душ не менее 1000, полагая таковым средним числом по 40 к. в день 400 р.

А всего . 2290 р.

Мы не говорим здесь, сколько лично было потрачено при этом о. Стефаном на разные поездки в Житомир, Почаев и т. п., на угощение гостей нужных для дела, подчивание разного рода рабочих и пр. и пр. Кроме сего во все время постройки и раскраски храма о. Стефан отдавал безмездно для помещения рабочих собственный свой дом, находящейся при бывшей Крестовоздвиженской, ныне Богородично-Почаевской церкви, доставлявший ему дохода от 100 до 150 р. в год.

За сим расходование наличных сумм во все продолжение постройки производилось в следующем порядке:

Если теперь к полученной таким образом сумме расхода присоединим: 1) примерную сумму, исчисленную выше за даровой материал в количестве 2, [335] руб.; 2) сумму за даровые подводы и рабочие дни в количестве 2, [290] руб.; 3) количество долга, еще не уплаченного Попечительством на сумму 1, [521] руб. и наконец 4) расходы, понесенные бывшими церквами в виду предполагаемой постройки новой церкви на сооружение новых киотов, предназначаемых для той же церкви, приобретение подходящей утвари и ризницы, и т. п., исчисленные о. Стефаном по приходе-расходным книгам с 1866 по 1875 год на сумму 2, [612] руб. 36 к., то получим, что в общей сложности новая церковь со всеми своими приспособлениями и пристройкою сторожевого дома при ней, также каменною кругом оградю, обошлась строителям более 20, [000] руб. сер.

Честь и слава храмоздателям, совершившим столь славное, святое дело во славу Божию. Не забудем, что вся

постройка новой церкви произведена была в самую тяжкую пору Восточной войны 1877 – 78 года, когда не только Полонские крестьяне, но и все отечество наше переживали тяжелый финансовый кризис. Но чего не может сделать доброе намерение и энергия при помощи Божией? Тем паче это приснопамятное дело заслуживает глубокого внимания и искренней признательности, что с окончанием его о. Стефан и преданное ему Попечительство и не думали успокоиться. Еще не кончены были работы и сооружения по Богородично-Почаевской церкви, как, стараниями о. Стефана, прихожане начали готовить материал и средства для сооружения на кладбище новой церкви во имя Преподобных Иова Игумена Почаевского и Феодора Князя Острожского. На сооружение этой церкви пошла часть дерева из бывшей Сретенской церкви; сюда же вошел и иконостас этой церкви. Но при всем этом сооружение новой цоркви обошлось храмоздателям более 2, [000] руб. сер.

Благодаря энергии и настойчивости о. Стефана Кладбищенская церковь сооружена была почти в одну весну 1881 г., так что к концу июля того же года она совершенно готова была к освящению. Вследствие прошения о. Стефана на имя Управлявшего тогда Епархией Волынской, за отсутствием Высокопреосвященнейшего Димитрия, Преосвященнаго Виталия, освящение новой церкви дозволено было старейшему в семье Хойнацких из дома о. Феодора Хойнацкого, Профессору Богословских наук в Историко-филологическом Институте князя Безбородко в Нежине, Магистру Богословия, Протоиерею Андрею Хойнацкому. Днем освящения назначено было 2 августа 1881 г., каковое и совершено было о. Протоиереем в сослужении ближайшего родича своего, мужа сестры Александры, Священника м. Любара Иулиана Сидоровича и Полонского Священника, помощника местного Благочинного, Александра Даниловича. О. Стефан, по обычаю, служил в этот день раннюю литургию в Богородично-Почаевском храме и за тем счастливый и радостный присутствовал при освящении нового храма, устроенного по его старанию, над самую могильною усыпальницею своих родителей. В это время,

смотря на светлое, симпатичное лицо неутомимого труженника, никому и в голову не приходило, что менее, чем через год он сам сложит кости свои в той же самой усыпальнице, которую теперь нарочито расширил для себя и для родных. А между тем смерть давно уже сторожила в лице его свою жертву....

И не могло быть иначе при тех неустанных тяжких трудах, которые о. Стефан, можно сказать, во все течение жизни своей постоянно брал на себя, несправляясь с своими силами и в особенности с своим здоровьем, лишь бы делать, делать и делать во славу Божию и во благо ближним. Все близко знавшие покойного справедливо замечают, что он нарочито спешил работать, без сомнения, предчувствуя сердцем и душою, что работать ему суждено было не долго. А дела было так много, так много....

Слабый от колыбели о. Стефан родился в 1839 г. В 1848 г. он был определен вместе с братом своим (ныне Протоиереем Андреем) в Кременецкое Духовное училище, минуя первый класс бывшего тогда приходского училища, во второй класс оною, и то прямо на второй год. Помянутый год между прочим глубоко запечатлелся в памяти братьев не потому только, что в этом году они поступили в училище, но и потому, что тогда же отец их чуть не умер от холеры, и в этом году гостил у них в течении вакаций бывший Студент Невской Духовной Академии, Иван Руднев, ныне Высокопреосвященнейший Иоаникий Митрополит Московский. Руднев приезжал на Волынь с братом матери Хойнацких Захарием Сольским (скончавшимся в звании настоятеля Крестовоздви-женской церкви в Житомире), и своею простотою, редким умением обращаться с детьми и любовью к труду оставил сильное впечатление в душах молодых людей, неизгладившееся у них до последнего времени.

В школе о. Стефан испытал обычную тогда судьбу двух братьев, определенных в один и тот же класс. Считая себя немощным физически и умственно, он положительно плелся вперед, следуя попечению своего старшего брата, который всякими правдами и неправдами обязан был передавать ему готовые задачи, напр. в бумажке, которою закупорена была чернильница, писать за него те же задачи дома, и т. и. Так было

почти до философского класса, когда дух самодеятельности сразу пробудился в юноше, и он стал работать не хуже брата, с которым и окончил курс семинарии в 1859 г. с званием одного из первых студентов первого отделения той же семинарии. Следуя внушениям брата, бывшего в Невской академии, о. Стефан тоже начал было готовиться в академию, но при этом, почувствовав свою физическую слабость, он в 1860 году женился на дочери священника м. Городницы, Новград-Волынского уезда, Домники Скобельской, и в том же году, Ноября 6 дня Преосвященным Антонием рукоположен во священника к Городницкой Свято-Георгиевской церкви, – на место своего тестя.

Уже в течении пятилетнего служения своего в Городнице о. Стефан заявил себя с самой лучшей стороны, обновивши почти во всех частях свою приходскую церковь и поставивши прихожан в такое положение к храму, что они, несмотря на свою полесскую натуру, с охотою жертвовали на обновление его и с любовью стали посещать его, побуждаемые к тому поучениями о. Стефана и его благолепным, глубоко прочувствованным священнослужением. Ставши же Священником в Полонном, о. Стефан еще более расширил свою пастырскую деятельность. Сверх постройки Богородично-Почаевского приходского и Иовле-Феодоровского кладбищенского храмов, он в течении нескольких лет состоял членом училищных и епархиальных съездов, а в 1871 г. состоял даже председателем духовно-училищного Житомирского съезда. В 1866 г. о. Стефан определен был законоучителем Полонского приходского училища, в каковой должности состоял по 1870 г. В 1877 г. он определен был Законоучителем Полонского двух-классного народного училища и тогда же избран председателем Педагогического совета того же училища. В том же году, по назначении Епархиального начальства, исправлял должность лазаретного Священника в Новоселецком госпитале Красного Креста, в каковой должности с редким усердием прослужил, подвергая жизнь свою явной опасности в особенности от свирепствовавшего в том лазарете тифа, до закрытия лазарета в 1878 году.

В 1878 же г. о. Стефан определен был училищным начальством к должности заведывающего Полонским двух-классным Народным училищем по части педагогической, нравственной и хозяйственной, в каковой должности оставался до своей кончины, употребляя всевозможные меры для обеспечения и процветания вверенного ему училища по всем частям его. Так заботливостью и стараниями своими о. Стефан совершенно обновил училищный дом, выпросил у соседних помещиков и у местного помещика графа Карвицкого материалу на постройку при училище квартир для учителей и общежительного дома для учеников, прибывающих в Полонское училище из других сел, для продолжения учения, выкопал на училищном дворе колодезь, и наконец, заботливостью своею, возвратил училищу более 30-ти десят. земли, поступивших было, по оплошности прежних Полонских учителей, в ведение помещика. Не говорим уже о том, сколько покойный сам жертвовал на Полонское училище книгами, иконами в классы и ученические квартиры, и т. п. За таковые труды свои о. Стефан в 1876 г., по благословению Преосвященного Агафангела, награжден был набедренником, а в 1879 г., по представлению селеского схода, «за неутомимые труды свои по сооружению новой церкви и заботливость о народном образовании» награжден скуфьею, – и в том же году «за безмездное и усердное исправление треб при Новоселецком госпитале», награжден был Высочайше утвержденным знаком отличия Краснаго Креста.

Вместе с этим, посвящая лучшие силы свои на служение церкви и народному образованию, покойный о. Стефан не чужд был и интересов науки, для чего сам выписывал немало книг, и в тоже время состоял членом – Корреспондентом Церковно-Археологического общества при Киевской Духовной Академии, в каковое общество, или вернее сказать, в Музей онаго высылал почти ежегодно немало редких археологических вещей, которые нарочито собирал, странствуя по соседним церквам, и вообще добывая оные, где только находил к тому возможность.

Мы не исчерпали бы всей полноты оригинальной деятельности и личности о. Стефана, пропустивши сказать еще

об одном роде его занятий, которые немало отнимали у него времени и часто стоили тяжких хлопот, но за то поднимали покойного на высоту, на которую удастся подняться не многим нашим священникам. Еще при покойном отце Стефана был обычай, что прихожане почти со всеми семейными спорами обращались к старику, и его решение считали не подлежащим изменению. При о. Стефане этот род духовного третейского суда в лице его достиг редких размеров. К нему за решением разных споров обращались не только его собственные прихожане, но и прихожане других Полонских приходов, и даже некоторые из соседних сел. Так как это приходилось в многотрудную пору сооружения новой церкви, то о. Стефан очень часто пользовался случаем, и получал за примирение враждующих известную сумму «на церковь», что примирившиеся делали тем охотнее, что суд о. Стефана считался безапелляционным, будучи всегда строго прав и безобиден как по отношению к истцам, так и к ответчикам. Случалось, что о. Стефану приходилось подниматься с постели в полночь, чтобы развести враждующих, или мирить таким образом даже крестьян с евреями, и никто из них потом не шел искать суда далее.⁹¹⁰

Мы могли бы указать и на другие черты нравственной деятельности покойного, как он готов был всегда отозваться на помощь по первому востребованию нуждающихся,⁹¹¹ как напр. собирая хлеба по приходу за молитву, он нередко оставлял эти хлеба в домах неимущих, как во все продолжение своего священства никогда не торговался с прихожанами за требы, находя величайшее утешение погребать бедных со всем церковным парадом, как любил он служить в церкви, для чего между прочим, завел у себя обычай еженедельно служить по Субботам с акафистом Божией Матери, как почти ни одной службы не оставлял без проповеди, не стыдясь прочитывать готовые поучения и составляя свои, и пр. и пр. Но об этих и подобных делах сам покойный не любил много распространяться, предпочитая служить Богу и ближнему более делом, чем словом. Да будет ему за то вечная память на небеси....

По освящении Кладбищенской церкви в августе 1881 г. о. Стефан думал было отдохнуть. Но его кипучая натура нашла новое дело. Он начал строить дом для себя, не предполагая, что ему уже уготовано было место вечного упокоения в могиле. В наступившую осень ему стало плохо, а зима окончательно подрезала его. Не смотря на это покойный крепился до самого марта 1882 г., когда окончательно слег в постель и уже почти не вставал с нее.

День 23 апреля был последним знаменательным, торжественным днем в жизни о. Стефана. Накануне этого дня была получена из Афона давно ожидаемая им прекрасная «Икона Почаевской Божией Матери», высланная из Русского Пантелеимонова монастыря, благодаря стараниям Протоиерея А. Ф. Хойнацкого, схимонахом этого монастыря, строителем Богородичного храма на Афонской Горе, Киприаном Бирюковыми. Так как в день 23 апреля, по случаю празднования памяти Великомученика Георгия, в Полонном издревле собирается большая ярмарка при церкви Великомученика, то и теперь собралась такая же ярмарка при Богородично-Почаевской церкви, в коей находится придел Георгиевский. Количество съехавшегося со всех окрестных сел народа в этот день увеличилось еще тысячами Полонских обывателей, которые, будучи извещены заранее о прибытии Святой Иконы, нарочито собрались у церкви, чтобы встретить Царицу Небесную. Немощный, можно сказать, смертельно телом, но всегда крепкий духом и глубокою верою в Пресвятую Богородицу, о. Стефан, не взирая на строгие запреты врачей и просьбы родных, поднялся с постели и поехал на Полонский вокзал, отстоящий от его дома верст более чем на две, где находилась св. Икона по прибытии с Афона. Здесь больной, еле держась на ногах, сам отслужил молебен Божией Матери, и отсюда же благословил на дальнейшее шествие крестный ход, устроенный народом ради перенесения Иконы. За сим о. Стефан поехал в свою Богородично-Почаевскую церковь и здесь опять встретил Царицу Небесную с сонмами присутствующего народа, и по внесении святой Иконы в церковь, сказал глубоко-прочувствованное слово, в коем

вылилась вся душа его и неизменное упование на Божию Матерь, как бы нарочито теперь пришедшую от благодатных Гор Афонских, чтобы напутствовать елеем высшего утешения усталого труженика, столь много и преискренно потрудившегося во славу Пресвятого ее имени. Поручив всех присутствующих, и ближних и дальних, заступлению Царицы Небесной, о. Стефан отправился домой, и хотя потом еще несколько дней поднимался с постели, но при этом так стал чахнуть, что не нужно было владеть и врачебным искусством, чтобы сказать, что дни его сочтены... Вскоре почувствовал это и сам больной, и первым делом изъявил желание пособороваться и причаститься святых таин. После сего он прожил до 1-го мая, в каковой день, в 7-мь часов утра, мирно предал дух свой Господу. И тот же народ, который за три недели пред сим в несчетном количестве встречал с ним икону Пресвятой Девы, 22-го мая проводил его в таком же количестве на вечный покой в родовую усыпальницу под Иовле-Почаевскою Кладбищенскою церковью, которую, как мы сказали, он заранее приготовил для себя рядом с гробами отца своего и матери.

Усопший писал весьма много не только деловых бумаг, но и разного рода статей, поучений, описаний и т. п. Некоторые из них напечатаны, как напр. «описание празднования по случаю совершившегося двадцатипятилетия Царствования покойного Государя Императора Александра Николаевича в Полонном» (Волын. Епарх. Ведом. 1880 года) и друг. Кроме этого о. Стефан оставил замечательную «автобиографию», написанную им на десятках листов убористого письма, доведенную до августа 1881 г. В ней, не щадя себя и не скрывая пред собою своих недостатков, покойный описывает все важнейшие моменты своей жизни от рождения своего до освящения Иовле-Почаевской церкви. Глубокая вера в Бога и особенно замечательная преданность Божией Матери проникает весь труд о. Стефана и дают ему тем больший интерес, что для прославления Царицы Небесной он, можно сказать, положил и жизнь свою. Читатели наши отчасти знакомы с автобиографией покойного, так как отрывками из нее мы пользовались для выражения чувств усопшего при освящении его Богородично-

Почаевской церкви. Но будучи искренен и справедлив в отношении к себе самому, о. Стефан не щадил в своей биографии и других, которые так или иначе не подходили под уровень его нравственных убеждений или в том или другом отношении стояли на пути его кипучей деятельности. Потому при всем несомненном интересе, автобиография о. Стефана не может быть напечатана в настоящее время. За то будущий историк не только Богородично-Почаевского прихода, но и всего духовенства Волынской Епархии найдет в ней очень и очень много, как по части бытовой, так и религиозно-нравственной.

IV. Богородично-Почаевская церковь в м. Полонном с Иовле-Феодоровскою кладбищенскою церковью, ее положение, причт и приход в настоящее время.

I. Богородично-Почаевская церковь в м. Полонном, с двумя имеющимися в ней приделами в память Воздвижения Честного Креста Господня и во имя Св. Великомученика Георгия, в основе своей имеет вид креста, увенчанного посредине большим осмиугольным куполом с четырьмя малыми глухими куполами по сторонам и просторною тут же высокою колокольнею в пять ярусов. Вся эта церковь сооружена в русско-византийском стиле из крепкого дубового и соснового дерева, на громадном каменном фундаменте из местного гранита, который в иных местах возвышается над землею на полтора аршина и более. Кроме того под колокольнею устроен каменный погреб для хранения церковного вина, деревянной церковной посуды и проч.

Длина церкви 32 аршина, ширина в перекрестных стенах 21 аршин. Высота ее в главном куполе 32 аршина, а в колокольне 36 аршин, за исключением крестов, которые, как на главном куполе, так и на колокольне, имеют по 3 аршина и более.

В церковь ведут пять больших дубовых, растворчатых дверей, из коих самые главные проходят чрез колокольню, которая в нижнем этаже служит вместе и притвором для церкви. Здесь, в этом притворе имеется тоже двое дверей, одна по правую и другая по левую руку, из коих первая идет в кладовую для хранения церковных свечей, воску, также раздвижной стены от теплого придела, и т. п. Другая дверь ведет на верх колокольни, где на втором этаже помещаются хоры для певчих, и направо, в особом отделении церковный архив. Еще выше – третий этаж, на коем с правой стороны устроены боевые часы; отсюда же на восток особые дверцы для входа под крышу, что на церкви, а снаружи, на особых балках, выдающихся к югу, часовые колокола с молотками. Четвертый этаж колокольни весь занят складом старинных икон и других вещей, оставшихся от упраздненных храмов; отсюда же ход на церковную крышу.

Наконец пятый этаж занят колоколами, каковых здесь имеется пять: 1) самый большой, соборный колокол отлитый 8 июня 1877 года, с надписью: «старанием священника Стефана Хойнацкого в честь иконы Почаевской»; в нем весу 32 пуда и 20 фунтов; 2) так называемый будничный колокол; оставлен из колоколов Георгиевской церкви, где он был главным; он весит 9 пудов п 9 ф. и, как видно из надписи, вылит в 1791 году; 3) меньший колокол в 4 пуда 20 фунтов; 4) еще меньший в 1 пуд 30 фунтов; оба они взяты из той же Георгиевской церкви, и тоже отлиты были в 1791 г.; и наконец 5) самый меньший весом в 1 пуд 6 ф. перенесен из церкви Сретенской, для которой, как видно из надписи, отлит был в 1788 году.

Внутри церковь разделяется на три больших отдела, из коих в самом среднем, или главном помещается главный престол в честь Чудотворной иконы Божией Матери Почаевской. Далее направо, в южном отделе придел Крестовоздвиженский и налево, в северном отделе придел Георгиевский. В первом из этих приделов, или Крестовоздвиженском помещается собственно теплый придел, для каковой цели в нем 1) пол и потолок, а также и все двери и окна двойные; 2) все стены положены на мох, и 3) в самом приделе поставлена одна большая каменная печка, обтянутая железом для отопления; – 4) на зиму этот придел отделяется от средней части храма большою складною, досчатою сверху и стеклянною внизу стеною, которая вся закрывается, чтобы не пропускать холода.

В главной части храма иконостас, перенесенный из бывшей Георгиевской церкви, для каковой цели между прочим сама эта часть, по размеру, и устроена так, чтобы в ней можно было поместить означенный иконостас. Иконостас этот, как мы видели, устроен еще о. Феодором Хойнацким в 1847 году. Только стараниями о. Стефана в 1880 году в нем переписаны вновь все апостолы в третьем ярусе, и пророки в четвертом ярусе, также северные и южные вратницы, и т. п. В то же время весь фон иконостаса раскрашен вновь под мрамор и бронзу во многих местах, что дает этому иконостасу весьма приличный вид, вполне соответствующий своему назначению. – В нижнем

ярусе иконостаса – местные иконы, нарочито для этого заказанные в Почаевской Лавре, Протоиереем Андреем Хойнацким, из коих главная или храмовая икона Почаевской Божией Матери представляет факсимиле подлинной чудотворной иконы Почаевской, только в больших размерах, с так называемыми предстоящими, по правую сторону: Пророком Илиею и Мучеником Миною; по левую: Первомучеником Стефаном и преподобным Авраамием, и внизу, под ликом Богоматери: великомученицею Екатериною, преподобною Параскевою и святою Ириною. Под этими последними, в самом нижнем основании иконы, изображение Лавры Почаевской, знаменование местного положения иконы Почаевской. Следующая затем местная икона Спасителя представляет снимок такой же местной иконы Спасителя в царском иконостасе Почаевского Успенского Собора. Местная икона Божией Матери изображает Явление Божией Матери на скале Почаевской в столпе огненном, положившее начало Цельбоносной Стопе Почаевской. Последняя местная икона содержит изображение Преподобного Иова, чудотворца Почаевского, как он написан в том же Царском иконостасе Успенского Собора в Почаевской Лавре.

Иконостас в южном или Крестовоздвиженском приделе искусно составлен, по плану о. Стефана, из бывшего горнего места Сретенской церкви. На нем местные иконы Спасителя и Божией Матери в медных, позолоченных ризах, стоявшие прежде в иконостасе Георгиевской церкви. Ризы на них устроены старанием о. Феодора Хойнацкого во время Севастопольской войны ратниками Владимирского ополчения, стоявшими тогда в Полонном в 1856 году. Царские врата в иконостасе из Сретенской церкви, обновленные в 1880 г.; поверх иконостаса резной золоченный крест, с пьедесталом, на коем изображено положение Спасителя во гроб, из той же церкви, где прежде он составлял принадлежность поуниатского цибория. Сбоку иконостаса, направо киот, находившийся прежде в Георгиевской церкви, с иконою Преподобного Иова Почаевского. Ныне в нем храмовая икона Воздвижения Честного Креста Христова, искусно написанная живописцем

Павловским при обновлении иконостасов в 1880 г. Отсюда на стене между киотом и иконостасом икона Сретения Господня в резной серебрянной раме и в деревянной золоченной ризе, бывшая прежде храмовою иконою в иконостасе Сретенской церкви. В параллель к этой иконе и киоту, в противоположном углу Крестовоздвиженского придела, размещены два резных, золоченных, выносных креста, сохранившихся из прежде бывших церквей Крестовоздвиженской и Сретенской.

В Северном или Георгиевском приделе иконостас составлен из остатков бывшего старинного, или вернее сказать, первоначального иконостаса Крестовоздвиженской церкви, уцелевшего после реставрации его при о. Феодоре Хойнацком в 40-х годах. До последнего времени остатки эти стояли по углам в задней части Крестовоздвиженской церкви. Состоящие в означенном иконостасе местные иконы Спасителя и Божией Матери старинного византийского письма составляют древнейшие иконы в новом храме. Храмовая икона Св. Великомученика Георгия помещается параллельно храмовой иконе Воздвижения у северной стены храма, в том самом киоте и в том самом виде, в каком она стояла в бывшей Георгиевской церкви, где она также издревле была храмовою иконою. Тут же на стене между киотом и иконостасом помещается другая знаменательная икона Св. Великомученика Георгия, именуемая Нежинским, составляющая точную копию чудотворной иконы св. Великомученика, находящейся в Благовещенском Нежинском, мужском монастыре Черниговской губернии. Она устроена на чеканном золотом фоне усердием Протоиерея Андрея Хойнацкого «в возблагодарение Господу Богу, Пречистой Его Матери и св. Георгию за благодатное исцеление его дочери Елены от постигших ее преемственно одна за другой болезней: воспаления легких и скарлатины, после того как икона Великомученика была поднята и принесена в дом к больной для отправления молебна и акафиста в Декабре 1880 года». Как и в южном приделе, параллельно этой иконе и киоту с храмовою иконою Св. Георгия, в углу поставлены два выносных креста из прежних церквей.

Следующие за сим части храма украшены девятью особыми киотами, перенесенными также из прежних церквей.

Первый из этих киотов находится на Горнем месте в главном или великом Богородично-Почаевском алтаре с изображением Распятия Господня. Киот этот выделен из бывшего о пяти иконах большого киота, находившегося в алтаре Крестовоздвиженской церкви, устроенного о. Феодором Хойнацким в 1857 году. Написанная на нем икона Распятия Господня одна, и едва ли не единственная из лучших икон бывшего Полонского живописца Ивана Дроботынского. Вверху киот завершается иконою Пресвятыя Троицы в особенных золоченных, декоративных рамах старинного письма, находившеюся прежде в Крестовоздвиженской церкви на киоте с иконою Святителя Николая Чудотворца.

Второй киот находится на горнем месте в алтаре Крестовоздвиженского придела с изображением св. Угодников Волынских: Святителя Стефана, Епископа Волынского, Благоверного Ярополка, князя Владимиро-Волынского, Святой Иулиании девы, княжны из Домбровицы – Ольшанской, Проподобного Феодора, князя Острожского, Преподобного Иова, Игумена Почаевского и св. Священномученика Макария, архимандрита Овручского. Киот этот устроен о. Стефаном Хойнацким для бывшей Крестовоздвиженской церкви; в память чудесного спасения Государя Императора Александра Николаевича от угрожавшей ему опасности в Париже 25 Мая 1866 года, применительно к рисунку брата его, бывшего тогда Профессором Волынской Семинарии, о. Андрея Хойнацкого, удостоившемуся Высочайшего внимания покойной Государыни, Императрицы Марии Александровны.⁹¹² На том же киоте отмечены и другие годы, ознаменованные явлением особой милости Божией в хранении драгоценных дней Государя Императора.

Третий киот находится в алтаре Георгиевского придела, также на горнем месте. Он устроен о. Стефаном одновременно с означенным выше вторым киотом для той же Крестовоздвиженской церкви и содержит в себе под деревянною золоченною ризою старинную икону этой церкви,

изображающую Богоматерь с предвечным Младенцем, пред которою прежде совершался торжественный акафист в Похвальную Субботу; теперь такой же акафист совершается пред нею при открытых царских вратах в день Благовещения Божией Матери.

Из остальных киотов четыре размещены в западной половине; главной или средней части храма, в углах, образующихся от соединения стен, поддерживающих заднюю часть большого купола. – В одном из этих киотов, с правой стороны, находится икона Св. Великомученицы Варвары в деревянной резной, золоченной ризе, и параллельно ему, в другом киоте, с левой стороны, – такая же икона Св. Великомученицы Екатерины. Оба эти киота находились в Георгиевской церкви, для которой устроены были, старанием жены бывшего старосты Михаила Горбыка Екатерины, так называемыми сестричками,⁹¹³ на складочные деньги в 1867 – 68 г. У каждого из этих киотов, под прямым углом помещаются следующие два киота, находившиеся прежде в Крестовоздвиженской церкви, один направо с иконою Св. Равноапостольной Марии Магдалины, и другой налево, с иконою Преподобного Онуфрия Великого. Первый устроен членами так называемого Полонского «цеха Горшечников», а другой сестричками, на складочные деньги, в память спасения от холеры, бывшей в 1872 году.

Последние два больших киота (8-й и 9-й) помещаются в приделах, один в приделе Крестовоздвиженском, у южной стены храма, направо от дверей, с иконою Святителя Митрофана Воронежского; он устроен старанием священника Феодора Хойнацкого для бывшей Крестовоздвиженской церкви в 40-х годах. Другой, параллельно ему, в Георгиевском приделе, с иконою Святителя Николая Чудотворца; устроен еще в 30-х годах священником Симеоном Хойнацким и тоже перенесен из Крестовоздвиженской церкви.

Все означенные девять киотов обновлены в 1880 году и перекрашены под мрамор, под стиль иконостаса, художником Захарским. Пред ними постоянно служатся молебны и акафисты

изображенным на них святым угодникам по заказу и желанию прихожан.

Во всех прочих местах Богородично-Почаевская церковь вся оштукатурена внутри гипсом или алебастром, и за тем по нему росписана художником Захарским масляными красками, под стиль альфреско в 1879 – 80 году. Кроме оригинальных, как будто бы натуральных карнизов, колонн, пилястров, цоколей и других разного рода орнаментальных изображений – расписание это особенно обращает на себя внимание весьма удачно подобранными надписями из Священного Писания и богослужебных книг, расположенными во всех частях храма, где только открывалась к тому возможность. Надписи эти, сделанные славянскими золочеными буквами, по мысли и расположению Настоятеля церкви совместно с братом его Протоиереем А. Хойнацким, следующие: во-первых, входя в притвор храма, что под колокольной, вы видите на потолке св. Ангела с хартиєю, на которой начертаны следующие слова, в утешение всем благоговейным посетителям храма: «Господь сохранит вхождение и исхождение твое от ныне и до века». За тем, по входе в западную часть храма, взоры молящихся останавливаются на прекрасной молитве, начертанной на большой, отвесной стене под куполом, как нельзя более, характеризующей цель и назначение нового храма с посвящением его во имя Царицы Небесной: «Кто притекаяй в храм твой, Богородице, не приемлет исцеления душевного, вкупе же и телесного, Пречистая». Отсюда на потолке по направлению к хорам, в сиянии икона Божией Матери Почаевской, как бы осеняющая всех вступающих в храм ее с не менее знаменательною надписью, или точнее сказать, припевом из акафиста в честь этой иконы: «Радуйся похвало Почаевская, надеждо наша и утешение».

Далее на самых хорах, на потолке хор поющих ангелов с надписью на облаках: «Пойте Богу нашему, пойте разумно», – а пониже от них, на большой западной стене храма, над главною входною дверью, в особых декоративных рамах, вкратце изложена история сооружения храма: «Во славу Святыя, единосущныя, животворящия и нераздельныя Троицы создася

храм сей в честь чудотворной Иконы Божией Матери Почаевской, с двумя в оном приделами Крестовоздвиженским и Георгиевским, В благополучное Царствование Его Величества, Государя Императора Александра Николаевича II-го, благословением же блаженных памяти Агафангела, Архиепископа Волыцкого и Житомирского, Священно-Архимандрита Почаевской Лавры, старанием и усердием Настоятеля, Священника Стефана Хойнацкого, на средства Церковно-приходского Попечительства и прихожан, с 1876 по 1877 год. В нем боковые приделы освящены, по благословию Преосвященнейшего Димитрия, Архиепископа Волынского и Житомирского, Архимандритом Тригорского Монастыря Мелитоном, 25 и 26 Сентября 1877 года; главный же престол освящен Преосвященнейшим Виталием, Епископом Острожским, Викарием Волынским, року Божия 1880-го, месяца Сентября 21 дня».

Купол весь раскрашен декоративными вазами, пилястрами и решеткою. Отсюда на восточной стене, над главным иконостасом Бог Отец с Предвечным Сыном в лоне и Святым Духом, окруженный херувимами. В парусах храма четыре ангела: ангел молитвы с кадильницею в руках, ангел хранитель с душою младенца на персях, ангел благословения с поднятыми вверх к Богу руками, и ангел славословия с хартиєю в руках, на коей написано: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение». Ниже, под ангелами, на карнизе кругом купола большими золочеными буквами написано: «Достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущной и нераздельней».

В следующей за сии главной алтарной части на потолке прекрасной резной работы, золоченное изображение Духа Святаго в лучезарном сиянии, с золочеными звездами, окруженного херувимами. – По карнизу, окаемляющему алтарь, кругом надпись: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя».

В южном приделе храма все декоративные украшения и надписи приспособлены главным образом ко Кресту Господню, в честь коего посвящен этот придел. – Отсюда над иконостасом

надпись: «иже хочет по мне итти, да возмет крест свой, и по мне грядет». Далее на большом потолке громадный крест, сделанный из выпуклых, золоченных звезд, посреди облаков, у которого сверху написано: «Сим побеждай», а внизу: «Кресту Твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим». Над самыми южными дверями, в особой орнаментации, тропарь Кресту: «Спаси, Господи, люди твоя, и благослови достояние твое», и т. д. до конца. – Еще далее, в передней части того же придела, на потолке символическое изображение веры, надежды и любви с надписью: «Ныне же пребывают вера, надежда и любви, три сия; больши же сих есть любви», – и тут же наконец, над входными западными дверями надпись: «иже не примет креста своего и во след Мене не грядет, несть Мене достоин».

Параллельно этому в северном приделе, применительно к его посвящению во имя Св. Великомученика Георгия, над царскими вратами написано: «несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная». Далее на потолке в звездах, посреди облаков св. крест, перевитый мученической, пальмовой ветвью и над ним рука, как бы выходящая с небес, испускающая победные венцы. Внизу этого изображена надпись: «Мученицы Твои, Господи, во страданиях своих венцы прияша нетленные от Тебе Бога нашего». Над большими же северными дверями тропарь Великомученику Георгию: «Яко пленных свободитель и нищих защититель, немощствующих врач, царей поборниче, победоносче Георгие, моли Христа Бога, спаситися душам нашим». – Отсюда в задней части того же придела на потолке Всевидящее око, с надписью: «На кого воззрю, токмо на кроткого и смиренного и слушающего словес моих», и, наконец, над входными западными дверями надпись: «О имени Господнем с миром изыдем».

В алтарной части южного придела, над престолом на потолке написаны в сиянии две крестообразно сложенные руки, возносящие св. дары на дискосе и в потире, под коими подпись: «Твоя от твоих Тебе приносяще о всех и за вся».

Параллельно этому в северном приделе на потолке изображение крестообразно сложенных рипид с дикирием и

трикирием. Под ним подпись: «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь имать живот вечный».

Кроме этого, в главном Богородично-Почаевском алтаре, в особых золоченных под стеклом рамах поставлены на восточной стене две плащаницы, шитые золотом по малиновому бархату, – одна, бывшая в Крестовоздвиженской церкви, купленная еще при о. Феодоре Хойнацком в 1861 году, и другая из церкви Георгиевской, купленная, при о. Стефане, крестьянином Романом Соколовским, на его собственные деньги в 1868 году. Третья такая же плащаница, купленная крестьянином Лукианом Верещинским в 1870 году для Сретенской церкви, за неимением места, хранится в особых рамах на хорах.

Из икон, находящихся в новом храме, обращают на себя внимание прежде всего четыре иконы, размещенные по стенам главного алтаря: 1) икона Святителя Николая Чудотворца в деревянной золоченной ризе; 2) икона Святителя Митрофана в такой же ризе; 3) икона Св. Великомученика Георгия на золоченом фоне; все эти три иконы были местными в иконостасе Георгиевской церкви, где ныне в том же иконостасе, находящимся в главной Богородично-Почаевской части храма, находятся иконы, устроенные протоиереем Андреем Хойнацким; 4) икона, находящаяся тут же в главной алтарной части с изображением Воздвижения Креста Господня, была храмовою иконою Крестовоздвиженской церкви, для коей и сооружена была в 1870-м году.

Осталенные иконы размещены на жертвенниках и в параллельных им местах новой церкви, а именно: 1) в главном алтаре на жертвеннике икона Киево-печерской Божией Матери с Антонием и Феодосием в золоченных резных ризах под стеклом, и параллельно ей такая же икона Божией Матери Почаевской. Обе эти иконы устроены были о. Феодором Хойнацким и находились прежде в Крестовоздвиженской церкви над киотами, вошедшими ныне в состав иконостаса Георгиевского придела; 2) в южном приделе на жертвеннике икона Божией Матери в деревянной золоченой ризе, и параллельно ей икона Христа Спасителя, грядущего на суд с

огненным мечем в руке и с предстоящими коленопреклонными ангелами; обе из Крестовоздвиженской церкви; и 3) наконец, в северном приделе на жертвеннике икона Спасителя в деревянных, золоченых рамах, и параллельно ей такая же икона Архистратига Михаила, из Сретенской церкви.

Кроме этого еще в самой церкви, пред иконостасами в обоих приделах, находятся две так называемых девичьих (дивоцских) выносных икон, с изображениями по обоим сторонам, для ношения в крестных ходах, по местному обычаю, крестьянскими девушками. На одной из этих икон, стоящей у иконостаса в южном приделе, с одной стороны находится изображение Св. Александра Невского, а с другой Романа и Агафьи, применительно к именам лиц, устроивших ее на свой счет – Романа и Агафьи Соколовских, для бывшей Георгиевской церкви. На другой иконе, помещающейся в северном приделе, с одной стороны – изображение иконы Божией Матери Почаевской, а с другой – Святой Иулиании Девы княжны Ольшанской. Она устроена девицами бывшего Крестовоздвиженского прихода на их складочные (дивоцские) деньги.

Тут же в средней части храма, на особом тетраподе, ближе к южному приделу, помещается известная уже нам Афонская икона Божией Матери Почаевской, пожертвованная схимонахом Киприаном в 1882 году. Она вышиною в 1, [5] аршина, вся на плотной кипарисной доске, самого художественного византийского письма. Народ глубоко чтит эту св. икону, так что не бывает службы, чтобы кто-либо не служил молебна пред нею. Пред нею же каждую неделю совершается общий акафист по субботам по обычаю, заведенному покойным о. Стефаном Хойнацким.

За сим церковь во многих местах декорирована хоругвями, каковых со всех трех бывших церквей, за исключением старых, в настоящее время насчитывается около 30-ти. Хоругви эти расставлены покойным о. Стефаном симметрически по стенам, к которым, прикрепляются железными крючками, да две из них поставлены у клиросов в обоих приделах. Между ними есть

старинные с 1805 – 1814 г. В числе этих хоругвей имеются и так называемые Цеховые, о которых речь впереди.

Благодаря тому же обстоятельству, что в новой церкви в настоящее время собраны все ризничные и утварные сосуды и принадлежности из бывших трех церквей, о церкви этой можно по всей справедливости сказать, что она «утварью и ризницею вполне достаточна», хотя особенно редких вещей здесь не имеется. Исключение из этого могут составлять разве Евангелия, из коих первое, самое большее, ныне находящееся на главном престоле, принадлежало прежде Георгиевской церкви. Оно обделано в медный позолоченый оклад с финифтами, Синодальной печати 1815 года. В нем весу более пол-пуда. – Другое Евангелие в приделе Крестовоздвиженском, в красном сукне с серебряными хорошей работы украшениями, Киевской печати 1773 г., находилось прежде в церкви Крестовоздвиженской. На нем надпись: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. (Сия книга Евангелие, по обещанию покойного, первоклассного Киево-Никольского монастыря Иеромонаха Сильвестра Бордеженка, в м. Полонное в церковь до Храму Воздвижения честнаго Креста за отпущение его грехов и всех сродников на вечныя времена да будет от церкви неотлучна; надана 1806 года, Мая 5 дня» По преданию, помянутый Сильвестр был из крестьян Полонского Крестовоздвиженского прихода, из фамилии доселе существующих Бордюгов. Значит, не один бывший архиепископ Подольский Иоанникий Полонский происходит из Полонских крестьян;⁹¹⁴ были и другие между ними, которые искали высшей духовной жизни и достигали священных степеней в звании монашеском.

Третье Евангелие в синем сукне с серебряными 12-й пр. украшениями, Московской печати 1722 года, находившееся прежде: в той же Крестовоздвиженской церкви, замечательно, как памятник, современный созданию этой церкви. Об этом говорится в надписи, сохранившейся на первой странице его: «Сие Евангелие отменил раб Божий Иаков Дятелович с женою своею Евдокиєю и сыном своим Николаем, а за побудком Пречестного отца Стефана Колтоновича нам чадом Протопопа

Полонского, первого Священника в сей же храм. На що ведомо чиним сим написом, иж за ново храм сей збудованный року 1722, за старанием отчасти и коштом середним того же священника, выж речонного Стефана, и припудком сего ж Ктитора, выж реченного Иакова Дятеловича и прочих. Року 1730-го и надал оное вечными часы за отпущение грехов своих до храму Всемирного Воздвижения Креста Господня, во граде Полонном. А хто бы то поважился оное (св. Евангелие, купленное от мене за власную мою сумму), яким кольвек способом отдалити од выжреченного храма Воздвижения Креста Господня, из таковым имети буду суд на втором пришествии, пред нелицемерным судиею».

Оригинальна судьба четвертого Евангелия, принадлежавшего прежде Сретенской церкви, 1751 г. московской печати. Как видно из первой, сохранившейся на ней надписи, оно первоначально находилось в церкви села Ромодданского Черзыма Пензенской губ.: «Сия книга Евангелие на престольное, Ея Императорского Величества казенное, выдано из конторы новокрещенных дел в Пензенский уезд, в село Ромодданское Черзым, в церковь Божию, Священнику Иоанну Иванову, января 28 дня 1753 года». По другой надписи, «сию книгу Евангелие, купленну до Местечка Полонного к церкви Сретенской Господином Никифором Добротынским, жителем Полонским, Старостою Крестовоздвиженским, в местечке Бердичеве, у купца Грека, за рублей 30-ть серебром, с доброхотных дателей, 1816-го года августа 24 дня, за отпущение грехов, (пожертвовал тот же Дроботынский); и освящена приходским священником Иоанном Трушлевицем в той же церкви». Нет сомнения, что помянутый «Купец-Грек» был букинист, один из тех, который, скупая церковные книги по России, развозил их по ярмаркам для продажи. Но каким образом могло достаться в его руки «казенное Ея Величества Евангелие, выданное из конторы новокрещенных дел», – это вопрос, на который мы не беремся отвечать, не имея положительных данных для этого. Не была ли закрыта Черзымская церковь вследствие каких либо обстоятельств? Тогда находящееся в ней Евангелие, как «казенное», могло быть

продано с публичного торгу и потом Купцом Греком привезено в Бердичев, где и куплено Добротынским для церкви Сретенской.

Потиров с дисками в новой церкви три; все они низкопробного серебра, хотя вполне пригодны для священнослужения; перенесены из прежних церквей, в коих служили для употребления со времени основания этих церквей. Подобно этому из прежних же церквей перенесены сюда прочие церковные сосуды, как то: дарохранительницы, напрестольные кресты, водосвятные чаши, блюда, лампы, предиконные и выносные подсвечники, и т. п. – из тех же церквей перенесены в новую и находящиеся в ней паникадила, числом 4, из коих самое большое, в куполе храма, о 16-ти свечах, состояло прежде в Крестовоздвиженской церкви, в которую, как мы видели, куплено было в 20-х годах. Другое паникадило, о 14-ти свечах, в северном приделе, тоже перенесено из церкви Крестовоздвиженской, – позднейшей покупки; – третье паникадило, в южном приделе, перенесено из церкви Георгиевской; оно также куплено было в 30-х годах, о 14-ти свечах; и наконец четвертое, находящееся в западной части храма, также о 14-ти свечах перенесено из церкви Сретенской, в которую куплено было в 40-х годах, вместо находившегося здесь простого паникадила медного. Все эти паникадила поднимаются и опускаются на блоках, устроенных в 1880 году.

Что до ризницы собственно, то всех риз из трех бывших церквей в новой церкви имеется более 20-ти. Из них впрочем лучшие, как то: Красная бархатная по парчовому золотому полю, такие же бархатные зеленые с цветами, и некоторые другие устроены в позднейшее время стараниями о. Феодора и еще более о. Стефана. Сюда же нужно отнести и белую парчовую ризу со всем прибором, купленную прихожанами в [1872] г., в память спасения от холеры, вместе с бархатною траурною ризою. По древности в числе риз новой церкви заслуживают внимания: 1) Серебряная с цветными разводами, из редкой парчи риза с таким же епитрахилем, устроенная, как мы видели, в первой половине XVIII в. священником Стефаном Колтуновским для Крестовоздвиженской церкви; 2) Такая же серебряной богатой парчи риза с темнокрасными разводами,

находившаяся с незапамятных времен в церкви Георгиевской, и 3) Траурная риза из плотной крученного шелку материи, полученная в Георгиевской церкви при снабжении юго-западных церквей ризницею, по присоединении Волыни к России при Императрице Екатерине II. От того же времени в бывшей Сретенской церкви сохранился полотнянный Антиминс, Священнодействованный Киевским Митрополитом Арсением в 1763 г., 21 февраля «ко храму св. Живоначальной Троицы монастыря Красногорского, приписанного к Киево-Златоверхо-Михайловскому монастырю». Не смотря на свою глубокую древность и более чем вековое употребление в церкви Сретенской, антиминс этот совершенно цел, так что согласно прошению о. Стефана, с архипастырского разрешения, возложен в 1881 г. на престол при освящении Иовле-Феодоровской кладбищенской церкви, и в ней употребляется доселе.

Ризница хранится в особых просторных шкафах, находящихся в главном алтаре у боковых стен. Такие же два шкафа находятся в западной части храма для хранения братских и цеховых свечей и других церковных принадлежностей. Все эти шкафы покрашены под дуб.

С наружной стороны новая церковь вся покрыта железом, покрашенным медянкою, за исключением куполов, которые побиты белою жестью. Кресты на церкви, числом 9-ть, все железные, позолоченные листовым золотом. На колокольне и на главном куполе, под крестами, шары медные позолоченные таким же образом.

Все наружные стены церкви обшиты поперечными досками в рустил и покрашены пепельного цвета краскою, за исключением карнизов и наугольников или пилястр, которые окрашены в белый цвет. Окна в церкви двойные; вставленные в них стекла нарочито были заказаны на заводе, толщиной в 1/8 вершка. Кроме того два круглых окна над южными и северными церковными дверями сделаны из цветных стекол.

Погост церковный кругом храма занимает в длину 80 аршин и в ширину 50 аршин. Он весь обнесен оградой, которая на восток, север и юг состоит из сплошной стены, устроенной из

местного гранита, а на юг, к улице сооружена решеткою с дубовым переплетом промежду таких же каменных столбов. На погосте насажено много деревьев, и кроме сего от церкви к западу, содержится хорошенький палисадник, насаживаемый разными цветами летом, и вся церковь кругом обведена просторною дорожкой, всегда усыпанною песком.

Тут же при церкви имеется особый сторожевой дом, построенный в 1878 году. Дом этот помещается у западной стены церковной ограды с тремя в нем выходами, из коих один ведет на погост церковный, другой на улицу и третий на соседнюю церковную усадьбу. Он разделяется на две половины, в одной из каковых помещается сторож, а другая предназначена для народа приходящего в церковь, в случае кто бы пожелал обогреться зимою, особенно с детьми, больными и т. п. Тут же имеется и довольно просторный двор, в котором удобно могут помещаться подводы людей, приезжающих в церковь. Сверх сего при доме имеется три кладовых, одна для сторожа, другая для дров, и третья для хранения носилок, или так называемых мар, т. е. носилок, употребляемых при погребении покойников, и т. п.

II. В настоящее время к новой церкви принадлежат три усадьбы: 1) Георгиевская, на которой живет священник, 2) Крестовоздвиженская, где теперь новая Богородично-Почаевская церковь, и с помещением для дьячка, и сверх сего особнным домом, перешедшим к покойному о. Стефану по наследству от отца его Феодора Хойнацкого, в коем живет нынешний Настоятель церкви о. Михаил Ненадкевич, и 3) Сретенская, где живет пономарь. Остальная земля, принадлежавшая Сретенской церкви, поделена между пономарем, просфорнею и дьячком под огороды.

Все эти усадьбы, равно как и прочие церковные земли, находятся в тех размерах и на тех местах, где они состояли со времени соединения приходов Крестовоздвиженского, Георгиевского и Сретенского в один, за исключением небольшого участка, в количестве 1830 кв. саж., отошедшего в 1873 г. под железную дорогу и вскоре после этого, замененного, с согласия графа Карвицкого, таким же участком из его

собственных земель, прилегающих к сенокосу Крестовоздвиженской церкви, и значительной части кладбища, в количестве 1200 кв. саж. прирезанного, по милости его сиятельства, к старому кладбищу из соседнего помещичьего поля, прилегающего к кладбищу, без всякого за то со стороны прихожан вознаграждения.

На все означенные земли и угодия в церкви имеются документы, из коих старинные эрекции, визиты и презенты в 1878 году переведены пишущим эти строки с польско-латинского на русский язык,⁹¹⁵ при чем открылось между прочим, что, сверх владеемых теперь церковью земель, – бывшей Крестовоздвиженской церкви принадлежал еще «нижайший прудик на речке Гремячей», о котором между прочим помянули выше. Прудика этого теперь правда нет, но место, где он протекал, над полонскою рекою Хомором, и доселе существует под названием «Гремячи»; только оно находится во владении помещика. Как мы видели также, по презенте 1753 года, данной Настоятелю Сретенской церкви князем Антонием Любомирским, причту этой церкви дано было право пользоваться «водяным меливом без очереди и меры». – К сожалению, и это право уничтожено, хотя и его следовало бы восстановить, как и владения Гремячей, если то возможно, каким-либо образом.

III. Что касается Кладбищенской Иовле-Феодоровской церкви, то она, как мы уже сказали, устроена о. Стефаном Хойнацким на Богородично-Почаевском кладбище, над могилами родителей покойного. Она имеет в длину 10 аршин, и сверху завершается осьмигранным куполом в русско-византийском стиле. Внутри ее поставлен старинный иконостас, находившийся прежде в Сретенской церкви. Тут же, для памяти, оставлены о. Стефаном помянутые нами в истории Сретенской церкви древней живописи изображения апостолов, по преданию уцелевшие от Пилипонской часовни, из коей, как мы видели, перестроена была церковь Сретенская. – У правого клироса новой церкви имеются раздвижные доски, которые ведут в склеп, нарочито устроенный о. Стефаном под алтарною частью, в котором и сам он почивает ныне с останками своего отца

Феодора, матери Сусанны и 4-х младенцев, трех братьев и одной сестры, – Памятником трудов покойного в новой церкви служит изображение его Ангела, – Препод. Стефана, празднуемого 28 Марта, во весь рост, на северной вратнице, с подписью: «В память приснопамятного создателя и благодетеля Полонской Богородично-Почаевской церкви и Святого храма сего, о. Стефана Хойнацкого. Родился 28 Марта 1839 г., скончался 19-го Мая 1882 года. Здесь в склепе, у южной стены оного, под алтарем, поживает труженническое тело его». Параллельно этому, на северной вратнице написано такое же изображение Св. Великомученика Феодора Стратилата: «В память всечестного отца Феодора Хойнацкого, бывшего настоятеля Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенской церквей, на место коих сооружена нынешняя Богородично-Почаевская церковь. Родился 27 Апреля 1817 года. Скончался 11 Декабря 1865 года. Его останки у северной стены находящиеся под сим склепом вместе с останками жены его Сусанны и детей его». – Снаружи вся церковь раскрашена масляными красками на собственный счет крестьянина Максима Богдаша, бывшего вместе и строителем ее в качестве подрядчика, и между прочим также устроившего себе склеп под сводами ее на свой счет под правым клиросом, для погребения своего и жены своей.⁹¹⁶

IV. В великом посту 1882 года, когда болезнь о. Стефана Хойнацкого достигла крайних пределов, и он не только не мог служить в церкви, но и выходить из дому, бывший Волынский Архипастырь, Высокопреосвященнейший Димитрий, по просьбе брата больного, Протоиерея А. Хойнацкого, определил в помощники ему для исправления треб церковных иеромонаха Тригорского монастыря Илию. С того времени о. Илия занимался требоисправлением по Богородично-Почаевскому приходу до смерти о. Стефана, и после его смерти, с разрешения Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Тихона, правил приходом до прибытия на место нынешнего Настоятеля оного о. Михаила Ненадковича, 6-го Августа 1882 г.

На сколько крепка в нашем народе семейственная приемственность приходов в одном роде, можно судить из того, что по смерти о. Стефана, когда брат его Прот. А. Хойнацкий явился в Полонное для устройства семьи покойного, то прихожане миром обратились к нему, чтобы он перешел к ним священником. Когда же Протоиерей отказался, то крестьяне тем же миром составили в волостном правлении трогательное прошение к Владыке, в котором, указавши на заслуги покойного, послали оное с двумя нарочито выбранными депутатами в Почаев к Его Преосвященству с просьбою, дабы место умершего было предоставлено, по старинному излюбленному народом обычаю, за пятнадцатилетнею дочерью о. Стефана. И только после того, как Владыка сам лично с редким вниманием и любовью, восхитившими депутатов до глубины души, объяснил всю несостоятельность подобной просьбы, они согласились принять другого «старенького священника», «для призрения сирот покойного».

Оно и понятно. Если считать от Феодора Трушлевича, поступившего на бывший Крестовоздвиженский приход в 1774 году, то выйдет более ста лет, как приход этот состоит в сидении, так сказать, одного рода, потому что приемники Трушлевича Марк Очаровский и Симеон Хойнацкий были его зятьями, а покойный о. Стефан был родным внуком о. Симеона по прямой линии.

Состоявший потом в должности Настоятеля Богородично-Почаевского прихода о. Михаил Ненадкевич, уроженец Волынской губернии, Ровенского уезда, с. Колодянки, священнический сын, по окончании курса в Волынской Духовной Семинарии в 1889 г. Апреля 11 1840 г. рукоположен Преосвященным Никанором в священника к церкви Иоанна Милостивого села Новоставец Острожского уезда. С 1850 по 1859 года включительно он проходил должность благочинного и сотрудника Попечительства о бедных духовного звания. За пожертвование на Крымскую войну удостоен Монаршей благодарности и в память той же войны имеет бронзовый крест на Владимирской ленте. В 1859 г. награжден набедренником, а в 1869 году Высочайше пожалован бархатною фиолетовою

скуфьею. В 1880 году утвержден членом Благочиннического Совета, в каковой должности и состоял до определения на настоящее место согласно резолюции Его Высокопреосвященства, Преосвященнейшего Тихона, Архиепископа Волынского и Житомирского, от 14 Июля 1882 г.

Нынешний Настоятель Богородично-Почаевской церкви о. Павел Ненадкевич переведен на настоящее место Высокопреосвященнейшим Тихоном из села Косцюхидьки, Луцкого уезда, в Августе 1884 года.

При нем состоят исправляющий должность Псаломщика Яков Дверницкий и Пономарь Стефан Антипович, оба те самые и в тех должностях, в каковых они состояли и определены еще при Священнике Феодоре Хойнацком.

Кроме сего при Богородично-Почаевской церкви продолжает существование «Церковное Попечительство», кстати сказать, заменившее собою в глазах народа прежние братства. Председателем Попечительства состоит избранный в это звание еще при о. Стефане, крестьянин Иван Горбык.

Подобно этому и Церковным Старостою состоит в настоящее время избранный на эту должность при о. Стефане крестьянин Андрей Снегур.

Не смотря на то, что Богородично-Почаевская церковь находится почти на самой восточной окраине м. Полонного, на расстоянии нескольких верст от других населенных пунктов местечка, в нее всегда собирается много народа не только из местных прихожан, к чести их сказать, всегда любивших молиться, но и из других мест и приходов, к чему, помимо простора и красоты самой церкви, способствуют еще 1) самое посвящение ее в честь Чудотворной Иконы Почаевской, «как главной местной святыни, и находящаяся в ней святая Икона Почаевской Божией Матери из Афона, глубоко чтимая народом совместно с такою же иконою С в. Великомученика Георгия Нежинского; 2) еженедельно совершаемое в оной богослужение по Субботам, по завету покойного о. Стефана и к чести нынешнего настоятеля не прекращаемое и доселе, и 3) прекрасный хор певчих из воспитанников Полонского двухклассного народного училища, поющих обедни, а нередко и

утрени во все воскресные и праздничные дни под управлением учителя того же училища и заведующего оным В. М. Вахнова. Нужно сказать впрочем, что прихожане Богородично-Почаевской церкви, как и вообще прихожане всех Полонских церквей, издревле отличаются редкою любовью к церковному пению, от чего многие из них не прекращают своего участия в хоре и по выходе из школы. Остальные же обязательно составляют левый хор, и таким образом еще более увеличивают значение и привлекательность пения в Богородично-Почаевской церкви по Воскресениям и праздникам.

Как на особенность этой церкви следует указать также на то, что здесь сосредоточены религиозные знаки так называемых цехов или ремесленных корпораций, состоящие из цеховых хоругвей и свечей или свитла по местному наименованию. Как мы уже говорили выше, таковых цехов в Полонном существовало некогда около 6-ти, а именно: Ковальский или Кузнецкий, Ткацкий, Стельнацкий или плотницкий, Гончарский или Горчечнический, Кушнирский или Кожевняцкий, и Шевский или Сапожницкий. – Все эти цехи в свое время имели каждый свою управу, своих цехмистров и вообще устроились на началах Магдебургского права. Мы сами еще помним, когда некоторые цехи существовали в приходе покойного о. Феодора если не *de jure* (по праву), то *de facto* (т. е. фактически, на деле). Теперь от старинных цеховых порядков остался только обычай, в силу которого каждая цеховая корпорация имеет в известной церкви по одной своей хоругви и по 6-ти свечей на каждую: Из всех шести помянутых цехов только шевский, как было и прежде, держится в церкви Преображенской; остальные все пять состоят при церкви Богородично-Почаевской, и их хоругви легко узнать по особым цеховым знакам, на них нарочито изображаемым, как-то: ткацкую, по изображенному на ней ткацкому челноку, гончарскую по горшку, ковальскую по молотку, стельмачную по пиле и кушнирскую по ножницам.

Впрочем как цеховые хоругви, так и свечи не всегда употребляются в одной только церкви, но во все храмовые праздники Полонских церквей они носят в эти церкви для крестных ходов, также обязательно употребляются при

похоронах почетных лиц всего местечка, принадлежащих к тому или другому цеху. Существует в Полонном также обычай, строго наблюдаемый и братством или сказать по теперешнему, попечительством Богородично-Почаевской церкви, что в храмовые праздники Полонских церквей они нарочито ходят с своими церковными свечами и хоругвиями в эти церкви, и там наравне с цеховыми свечами и хоругвиями также участвуют в церковном торжестве, за что от празднующих пользуются приличным угощением в знак благодарности.

Кстати здесь о свечах. Нигде нам не случилось видеть такие громадные братские или ручные свечи, как в Полонном и ни в одной из Полонских церквей, как в приходе покойного отца и брата. В этом отношении между братчинами Полонских церквей существует некоторыми образом своего рода конкуренция, в силу которой каждое братство старается превзойти другое величиною своих свечей, – и уж попечительство или братство Богородично-Почаевской церкви никак не дается перемочь себя никому. Чтобы читатели наши могли судить о громадности этих свечей, достаточно сказать, что бывают между ними такие, которые высотой превосходят самых высоких людей иногда чуть ли не на аршин, а внизу имеют в диаметре от трех вершков и более. Свечи эти льются обыкновенно самими же братчиками, при чем на величину их особенное влияние имело множество пасек, в том числе и церковных, некогда существовавших в Полонном, теперь впрочем уничтожившихся.

Из других статей церковно-религиозной жизни в Богородично-Почаевском приходе следует указать на старинный обычай прихожан приносить в церковь довольно значительное количество так называемых церковных приносов в качестве хлебов, или по местному наименованию книшей и разного рода булок на поминовение усопших. – В некоторые дни, как-то: по Субботам в Великий пост, в Великий Четверток и в Понедельник по Фоминой неделе таких булок и книшей бывает иногда, несколько сотен, так что причт должен сушить их на сухари для употребления в течение года.

Еще не далеко то время, когда прихожане Богородично-Почаевской церкви отличались также и особенною готовностью

по первому востребованию священника помогать ему в полевых работах так называемыми толоками за известное кормление со стороны батюшки. Теперь этот обычай, к сожалению, держится более между старожилами, верными преданиям прошедшего. Молодое поколение под влиянием духа времени рассуждает и действует иначе, от чего и Богородично-Почаевскому причту, вопреки вековой практике, приходится в настоящее время, подобно другим Полонским священникам, отдавать свои поля и сенокосы в обработку нередко своим же собственным прихожанам за так называемую половину, – чем, само собою разумеется, не мало затрудняется и без того незавидное положение причта, в особенности при настоящей дороговизне на все жизненные припасы и всякое продовольствие и содержание.

V. Как видно из церковных документов, в приходе Богородично-Почаевской церкви состояло:

Годы.Родившихся.Браков.Умерших.

1870	76	15	40
1875	121	13	51
1880	98	25	58

Прихожан:

Годы.Мужеска пола.Женска пола.

1870	936	977
1875	1096	1077
1880	1217	1135

Всех же прихожан в настоящее время по 1883 год, при сей же церкви, как видно из исповедной ведомости 1882 года, состоят: мужеска пола 1230, женска пола 1158, – итого 2388 душ.⁹¹⁷

В настоящее время в Богородично-Почаевском приходе состоят душ обоого пола более 2500.⁹¹⁸

Послесловие.

«И се Аз с вами есмь во вся дни, до скончания века» (Матф. 28, 20).

1. С глубокою думою обращаем мы взор свой к прошедшему Воыни, и наша мысль невольно поражается созерцанием дивных судеб Божественного промысла, открываемых в исторических судьбах ее самым живым, поразительным образом. Вот из великой семьи славянской Господь избирает приснопамятных братьев Солунских для обращения и просвещения народа Славянского. Руководимые силою свыше, они составляют славянскую азбуку, переводят на славянский язык Слово Божие, потом проповедуют и распространяют оное в областях разных славянских стран и народов. Но в особенности всеблагодарному Промыслу Божию благоугодно было, дабы они сосредоточили свою деятельность в пределах царства Моравского. Отсюда они рассылают проповедников в разные славянские соседние области, и эти проповедники, по пути, заходят в соседственную Русь, т. е. в пределы деревней Воыни, из областей русских ближе всех примыкающей к пределам Польши и соседней с нею Моравию, и здесь посевают первые, но тем не менее глубокие семена православной веры, так что в конце жизни св. Мефодия (около 880 г.), когда понадобилось определить границы его Моравской Архиепископии, ему подчинены были и пределы земли Воынской с важнейшими и древнейшими ее городами – Владимиром, тогда еще Людомиром, лежащим близ Буга, и г. Луцком, древним Луческом, издревле лежащим на берегах реки Стири, до которых, как мы видели, по преданию, простирались пределы первой славянской архиепископии.

Потом восстает св. Ольга, и она усмирением и покорением враждебных Древлян навсегда подчиняет их владычеству русскому, а вместе с сим таким образом полагает начало и тому внутреннему, неразрывному единству, в котором земля Древлянская искони находится с землею Воынской, как единое

с нею целое, связанное преданиями историческими, географическим положением и т. п.

О великом значении незабвенных заслуг св. Благоверного Владимира для Волыни и говорить нечего. Они давно оценены историею и не видеть в них особенных, промыслительных действий Божиих на пользу и спасение Волыни могут одни неверующие.

После Владимира в русском государстве настают тяжелые времена усобиц удельного времени. Жестокие бедствия, наносимые этими смутами, не менее тяжело отзываются и в судьбах Волыни, тем более, что самих уделов – на долю Волынской области, особенно на первых порах, досталось не малое количество. Так, при самом еще св. Владимире из его сыновей – Позвизд посажен был на столе Луцком, Всеволод во Владимире, Святослав в земле Древлянской. Впоследствии времени видим на Волыни еще новые уделы в Дорогобуже, Пересопнице, Луцке и т. п. К довершению несчастья, младенчеству в христианстве обитатели Волыни должны были терпеть в это время то от голода, то от моровой язвы и других бедствий. В тоже время орды диких Половцев, стекаясь с разных сторон, нередко даже по призыву самих враждующих князей удельного времени, без всякого милосердия грабили, предавали огню и мечу беззащитные селения и умерщвляли всех, кто попадался в руки, с яростью и зверством, какого не запомнит история. А тут еще и Рим начал расставлять свои сети, подсылая своих сторонников, чтобы явными и тайными путями оторвать православных христиан Волыни от родной церкви и подчинить их незаконному владычеству папы Римского.

Казалось, как устоять неопытным Волынским христианам среди всех этих несчастий и искушений. Но в том-то именно и открывается непосредственное участие Божественного Промысла в исторических судьбах Волыни, что из всех этих бед и опасностей церковь Волынская вышла не только нетронутою, но и торжествующею. И в этом великом деле опять главными, так скажете, проводниками промыслительных действий Божиих являются Богопросвещенные св. мужи, самим Небом

прославленные за их благочестные и благотворные подвиги на Волыни и для Волыни и всей отечественной нашей церкви и государства русского.

В это время прежде всего посещает землю Волынскую и здесь умирает благочестивый Варлаам, игумен Киево-Печерский, – угодник Божий, происходивший из знатной фамилии, и как сын знаменитого вельможи (Яна Вишатича), располагающий богатыми средствами, два раза путешествовавший на Восток, особенно для изучения обрядов церковных и обычаев, чтобы потом приложить их на родине.⁹¹⁹ Без сомнения, посещая каждый раз по пути Святогорский Волинский монастырь, в коем потом с миром окончил и жизнь свою,⁹²⁰ преподобный каждый раз делился здесь своими сведениями с обитателями Волыни, и таким образом, по устройению свыше, самым непосредственным образом способствовал к устройению Волинской церкви среди свирепствовавших тогда неурядиц и треволнений. За сим блаженный Ярополк княжит и преподобный Стефан святительствует на Волыни, – оба замечательные примерным благочестием и непоколебимою христианскою жизнью. Без сомнения, такие люди не могли не влиять на современников к смягчению их нравов и утверждению в подвигах веры и любви христианской. – Не даром же летописец со скорбью изображает потерю блаженного Ярополка для Волыни, замечая в то же время, что «он был тихий, кроткий, смиренный, братолюбивый», что он отдал Печерской обители все имение свое – волости Небольскую, Деревскую, Луцкую и около Киева, не любил нетрезвости и насмешек, а вместо этого любил слезы умиления, никому не мстил и был весьма образован.⁹²¹ То же самое известно и о блаженном Стефане. По свидетельству почти современного ему писателя жития его, он был истинным пастырем своего словесного стада, «образ бывая всем словом, житием, любовью, духом, верою и чистотою». Высокое его благочестие и святость жизни были засвидетельствованы самим Господом, когда в 1091 г. он сподобился видеть, «свет Божественной славы от честных мощей отца и учителя своего» преподобного Феодосия Печерского, во время открытия святых

мощей его. Нечего и говорить, что мог сделать и какую пользу должен был принести для Волыни такой пастырь, тем более, что епископы владимирские в то время были первосвященниками всей обширной области Волынской. И по сказанию истории, преподобный Стефан точно «многие добродетели на успех словесному стаду сотвори, ихже ради сподобися неувядаемого славы венца».⁹²² Такое же значение для Волыни имела, без сомнения, и личность блаженного Амфилохия, яко крепкого подвижника веры и благочестия, за свои подвиги прославленного Самим Господом, и т. д.

В тоже время в лице преподобного Нестора летописца земля Волынская удостаивается особого, так сказать, блюстителя образования, который нарочито отправляется в ее пределы для обревизования (смотрения ради) и инспектирования ее училищ и наставления учителей, без сомнения, во исполнение высших целей Божественного Промысла, который провидел, как нужно будет просвещение для Волыни в предстоящие ей темные времена литовского и польского преобладания, и потому, так сказать нарочито, во главе его поставить такого великого и образованного деятеля. С сосредоточением исторических судеб в пределах Волыни, в начале удельного периода, когда Владимир Волынский, Луцк, Дорогобуж, Пересопница и т. п. были яблоками раздора для князей Киевских, Волынских и других, на Волыни является преподобный Нифонт, и описывая в Святогорском монастыре современные ему события, становится таким образом Богодарованным историографом Волыни, и в тоже время приемником в этом знаменательном деле блаженного Нестора, который в своей летописи, как мы видели, по преимуществу описывает события Волынские. Не без особенных конечно промыслительных целей вместе с сим на Волыни является и св. Мстислав, сын Мономаха, и здесь строит храмы и монастыри в Луцке, потому что Луцк тогда уже начинал становиться центром Волыни, и создание в нем благолепных храмов и св. обителей, особенно по инициативе и на средства такого великого св. мужа, было лучшим залогом для православия Волынской области особенно в будущем, когда во времена литовско-польского

владычества Луцк сделался главным городом Волыни и исходным пунктом сначала литовской, а потом латино-польской пропаганды в пределах юго-западного края России.

На Волыни потом, без сомнения, по устройению свыше княжат святые и благоверные князья: преподобный Никола Святоша и святой Андрей Боголюбский, и в тоже время св. Олег Брянский посещает пределы Волынские. – Своею благочестивою, кротою и примерною жизнью, своим благородным и миролюбивым характером, они поневоле обращали к себе сердца наших предков, и без сомнения яснее всяких доказательств давали понять всем и каждому, что может и должна делать святая истинная христианская вера, а вместе с сим, всего естественнее, располагали и удерживали Волынян в недрах православия и любви христианской среди всех удельных смут и неурядиц.

К этому же времени наконец относится рождение и деятельность великого уроженца Волынского, Святителя Петра Киево-Московского. А кому из русских неизвестно великое знаменательное значение этого святого угодника не только в истории Москвы и Московского Княжества, но и в судьбах всей греко-российской православной церкви, а вместе с сим и конечно страждущей долгое время православной церкви Волынской? Через перенесение и утверждение всероссийской митрополичьей кафедры в Москве, св. Петр первый положил краеугольный камень той великой силе и могуществу, какие потом получили московские князья, от которых, по пророчественному предречению святителя, все российское царство, в том числе и земля Волынская, получили полную слабу и умирение, и окончательное торжество над всеми врагами своими как политическими, так и религиозными.⁹²³

Но не скоро еще обитателям Волыни суждено было дожждаться полного исполнения этого великого предречения знаменитого родича своего. Еще не кончились бедствия удельной системы на юго-западе России, как на землю Волынскую налегла другая беда, еще более тяжелая и невыносимая, – разумею гонения латинян, набеги татарские и унию.

Сначала враги наши для достижения своих целей захотели отделить русскую, православную митрополию Киевскую от Московской, дабы таким образом совершенно устранить всякое влияние, какое московские первосвятители имели и могли иметь на дела западно-русской церкви. Но особенно попытки для достижения этой цели начинаются со времен подчинения Волыни владычеству князей Литовских (1321 г.). С того времени Волынь вступает в новый период своей церковно-исторической жизни, период литовский, кончившийся в заключение действительным разделением митрополии по смерти св. митрополита всероссийского Ионы (1461). В это время Господь посылает в землю Волынскую Святителей Феоноста, Киприана и Фотия, митрополитов киево-московских, которые со многими трудностями и редким терпением объезжая землю западно-русскую, по целым месяцам и даже годам проживали на Волыни, всюду стараясь утвердить общее благо, мир и порядок. Не говорим уже о том, как напр. святитель Киприан ставил епископов на Волыни,⁹²⁴ блаж. Фотий отстаивал интересы православия на Луцком съезде Витовта,⁹²⁵ и т. п. Все это такие действия, которые одни могли на долгое время утвердить Волынян в вере отцов их, и без сомнения, если мы и доселе не изменили этой вере, то этому обязаны оным столпам православия, которых не даром вся российская церковь почитает своими заступниками и предстателями.

В тоже самое время на Волыни восстает и действует блаженный Феодор, князь Острожский, который до поступления своего в обитель Печерскую, единственною целью своей жизни и деятельности полагает защиту православия и русской национальности на своей родине против усилий папизма и его клеветов Поляков. Истинный и ревностный сын православной церкви, он усердно строит и украшает св. храмы на Волыни, наделяет их богатыми вкладами, и тем самым живейшим образом споспешествует к возвышению православия, тогда как папизм употреблял все усилия, чтобы разрушить его. В тоже время для православия Волынян необходимо было не иметь никакой политической зависимости от Польши и ее латинствующих панов и правителей. Вследствие этого, когда

Ягелло, великий князь Литовский, женившись на польской королевне Ядвиге, начал преследовать православие и русскую народность в пределах юго-западного края России, блаженный Феодор мужественно принял сторону православного Свидригайло, и своими победами над Поляками и сторонниками Ягелло сделал то, что, не смотря на всю свою фанатическую преданность Польше и католицизму, Ягелло должен был уступить, и «не только особым законом оградил свободу православной церкви на Волыни, но и сравнял русское дворянство с польским в правах и преимуществах, и обязался оставить без исполнения все замыслы враждебные православию».

К этому же времени относится и св. Иулиания Ольшанская, которая, как святая и Богом прославленная дочь знаменитого Волынского князя, по своим ближайшим родственным связям с домом Волынских князей Заславских и другими знатнейшими фамилиями Волынскими и Литовскими, без сомнения, святостью своей жизни и примером благочестия, поневоле располагала к себе своих родичей, и таким образом, весьма естественно не мало споспешествовала к поддержанию и утверждению православия на Волыни, колеблемого от преследований и насилий латино-польских.⁹²⁶

За тем со времени Брестской унии (1596 г.) Волынь вступает в новый период церковной и политической жизни, период положительного латино-польского преобладания и господства и открытого гонения со стороны иезуитов и униатов. Волынь положительно обагрется кровью за сохранение православия и непоколебимую преданность вере и национальности отцев своих. В это время Господь воздвигает на Волыни прежде всего преподобного Иова Игумена Почаевского. Современник Иоанна Грозного, Бориса Годунова, Алексея Михайловича и Богдана Хмельницкого, ближайший друг и сподвижник знаменитого ревнителя православия князя Константина Острожского, рожденный в период самого тяжкого латино-польского преобладания в пределах западного края России, кончившагося известною гражданскою Люблинскою униєю 1596 года, и затем в течении полустолетия бывший

свидетелем горьких плодов, новорожденных церковною Брестскою униєю 1596 года, – преподобный Иов во все течение своей столетней жизни (1551–1651 г.) зорко следил за всеми ухищрениями и кознями врагов православия, – и для этой цели занимался списыванием и распространением православных книг на Волыни, ездил на Киевский православный Собор 1628 года против Мелетия Смотрицкого, строго отстаивал имущество Почаевской обители, захваченное лютеранином Фирлеем, и вообще устроил и украшал обитель Почаевскую во славу православия. И к славе его надобно сказать, что, без сомнения, по устройению свыше, он так успел влиять на современников, что враги даже не смели в его время и заикнуться об обители Почаевской, не смотря на то, что это была тогда почти единственная православная обитель на Волыни, и по важности своей святыни и обилию чудес, совершающихся в ней, составляла предмет самых жадных стремлений католицизма. – Без сомнения, конечно, не иначе, как по устройению Божественного промысла, и святые его мощи прославлены Господом как раз в самые тяжкие времена латино-унитской пропаганды и иезуитско-польских преследований на Волыни, когда в унию переходили лучшие дворянские фамилии и униаты с иезуитами овладели почти всею Волынею, так что еще к концу жизни преподобного не было уже ни одного православного храма в Луцке, не смотря на то, что в те времена город этот был, так сказать, столицею Волыни. Поклоняясь мощам своего великого поборника, православные с радостью видели, как Господь прославляет истинных заступников православной церкви, и без сомнения от его раки почерпали тот дух мужества и непоколебимой твердости, с каким они являются в это время против всех неслыханных гонений Поляков, Латинян и униатов.⁹²⁷

В тоже время, в лице св. преподобномученика Макария Овручского Господь даровал земле Волынской не только мужественного поборника против папистов, которых он поражал и словом и делом, но и непоколебимого защитника против свирепых татар, на ту пору бывших настоящими бичами Волыни, Литвы, Подолии и Украины. – За то, правда, святому

угоднику суждено было и окончить свою жизнь под ударами нечестивых злодеев; но он оставил в наследие верующим свои святые и нетленные мощи, у которых все угнетенные и обуреваемые притеснениями врагов находили отраду и утешение, как находят оные и теперь все, с верою к нему притекающие.

Наконец в лице Святителя Иннокентия Иркутского Волынская церковь имеет замечательного труженика, по неисповедимым судьбам Промысла, пронесшего свет веры и благочестия в далекие пределы Сибири, как бы в знамение того великого единения, которое имело некогда наступить с воссоединением Волыни с государством Российским, в котором вместе с Сибирью она составляет часть огромного и страшного врагам нашим великого организма русского.

И это мы указываем факты выдающиеся, обстоятельства более других известные и поразительные. А сколько еще других подходящих случаев можно указать в исторических судьбах православия на Волыни! Кто в самом деле направил стопы богомужных печерских иноков на гору Почаевскую, чтобы они основали здесь славную обитель в самую тяжкую пору ига татарского? Кто воздвиг у нас знаменитого князя Острожского Константина, который не щадил для православия своей родины ни собственных трудов, ни имущества, ни своего положения в Польше? Кто вдохновил известного Острожского протопопа Наливайку, брата знаменитого гетмана и мученика православия Наливайки, который умирая дал завет, дабы его погребли в поле, чтобы и кости его не лежали с Латинянами и униатами? Кто привел на Волынь Хмельницкого, и по его инициативе возбуждал целые полчища отважных защитников родной церкви и национальности, и неумолимых мстителей за кровь проливаемую их отцами и родичами за православие и преданность родному очагу? Кто затем решил судьбы Польши, и наконец из-под ее власти освободил пределы Волынские и возвратил их под власть родного государства Всероссийского, с которым Волынь и по своему географическому, и национальному и церковному положению должна и без сомнения будет составлять до конца веков единое

нераздельное целое? Кто воздвиг этих благородных жен Гойских, Ярмолинских, Блудовых и других великих благотворителей, соорудивших на Волыни православные монастыри и храмы в самый разгар унии и латино-польского преобладания во славу православия? Надобно быть слишком невнимательным и даже совершенно глухим к путям небесного Провидения, чтобы во всем этом не видеть шествий одного и того же милосердного Бога Израилева (Пс. 67, [25]), который так же велик и в поразительных, великих делах, как и в делах малых, но совершаемых по Его благовому смотрению и направлению. – «Посмотри, – писал некогда Петр Могила известному отступнику, Дубенскому архимандриту Кассиану Саковичу, – посмотри на свою братию униатов, что они делают с монастырями и церквами, которые наделены были именами... Не говорю о других меньших монастырях, которые вашею униєю ниспровергнуты до основания. Пойди только на Волынь; посмотри, что делается в древнем монастыре Жидиченском, и скажи им, сколько там монахов и какой чин содержится?... Посмотри на древний монастырь Дорогобужский: не найдешь ли там только архимандрита с послушником? Посмотри и на мирские церкви: до чего доведены они со времени господства ваших униатов? Но с другой стороны посмотри на наши убогие православные монастыри, угнетаемые различными бедствиями; посмотри на монастырь Тригорский (близ Житомира) общежительный, и там увидишь по крайней мере восемьдесят иноков, в великом смирении проходящих тесный путь евангельский. Взгляни еще на братства Виленское, Киевское, Луцкое (Крестовоздвиженское) и другие, как они по благодати Божией процветают в строгом благочестии. И согласишься, что как было во времена Апостолов среди бедствий, нужд и всяких утеснений, так и у нас православных русских, по слову Божию, сила Божия в немощах совершается» (2Кор. 12, 9).⁹²⁸

Не говорим уже о том, что не многие из областей обширной земли Русской, подобно Волыни, могут похвалиться такою близостию благодатных явлений Божией Матери, которая от лет древних, так сказать, взяла эту землю под свое высшее, материнское покровительство, явившись здесь в столпе

огненном, на скале Почаевской (около 1240), и донныне источая оттуда – из гор Почаевских неоскудные дары своей любви и пренебесного милосердия от цельбоносной Стопы своей и от своего чудотворного образа, на пользу и спасение всем к ней притекающим. – И чем, как не знамением высшего благоволения Царицы Небесной к нам грешным можно почитать то, что святая Ее икона Почаевская начинает открывать свою благодатную силу на Волыни именно как раз в то самое время (1597 г.), когда враги православия измыслили на погибель русского народа и русской народности и утвердили свою злосчастную унию на Брестском лже-соборе (1596 г.)?.. Не иначе, без сомнения, как по устройению свыше, Мать Божия и потом благоволила отдать даже на время свою святую Почаевскую Икону в руки униатов (1720 – 1730 г.), дабы, и от них прославляемая, она приняла надлежащие почести от самого даже Папы Римского, приславшего золотые диадимы для коронования той иконы (Климента XIV, 1733 г.), и таким образом пред лицом целого света засвидетелствовать, что православие Волынской церкви и ее заветная, родная святыня также достойны особого внимания и уважения, как и она сама наша небесная Владычица и заступница усердная.⁹²⁹

2. Что же остается делать нам после этого? – Что воздадим Господеву о всех, яже воздаде нам? – Неужели так и ограничимся только одним простым ознакомлением с историею жизни родных своих и близких к нам св. угодников, без всякого приложения этого знакомства к делу, к своей жизни и деятельности?

Нет, все сказанное нами поневоле налагает на нас свои особые обязанности, и обязанности, надо сказать, самые высокие и безусловные.

Желательно было бы во-первых, дабы все православные священники Волынской епархии вменили себе в непрременную обязанность поминать не одного только преподобного Иова игумена Почаевского, как это делается в настоящее время, но и всех вообще святых угодников волынских, особенно на литиях, в отпустах, и вообще, где таковое поминовение полагается по уставу. Для этого, применяясь к подобным поминовениям

киевских угодников в киевских богослужебных книгах, можно бы поминовение это совершать следующим образом: «Спаси Боже люди твоя.... и проч. Святых славных и всехвальных апостол, святого равноапостольного князя Владимира и блаженные российские княгини Ольги; Иже во святых отец наших равноапостольных Кирилла и Мефодия первоучителей славянских; иже во святых отец наших и вселенских учителей.... иже во святых отец наших всея России чудотворцев: Михаила, Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, Макария, Димитрия, Митрофана и Тихона, и преподобных отец наших Стефана и Амфилохия печерских епископов Волынских, святых славных и добропобедных мученик... и святого преподобномученика Макария, архимандрита Овручского: преподобных и Богоносных отец наших... и преподобных отец Иова Игумена Почаевского и Феодора князя Острожского; святых праведных Богоотец Иоакима и Анны, и святого праведного Ярополка князя Владимиро-Волынского, блаженные Иулиании девы, княжны Домбровицкия-Ольшанския (и святого, егоже есть день) и проч.

Та же самая мера должна быть приложена и к остальным святым, принимавшим участие в исторических судьбах Волыни, особенно на местах их жизни и деятельности, как-то по отношению к преподобному Нестору летописцу и Олегу Брянскому, во Владимире- Волынском, по отношению к преподобному Варлааму и святителю Нифонту в селе Зимном, к св. Андрею Боголюбскому в Луцке, Дорогобуже и Пересопнице, – к преподобному Николе Святоше и блаженному Мстиславу в Луцке, и т. п. Можно бы пожелать также, чтобы имя святителя Иннокентия Иркутского, как уроженца Волынского, тоже не было забыто Волынянами, и в этом отношении его всего лучше поминать в числе других святителей наравне со св. Петром митрополитом и прочими.

Совместно с этим весьма было бы полезно праздновать память св. угодников Волынских не только в дни памяти каждого из них, но и всех вместе, хоте бы под именем «собора святых угодников Волынских». Для этого в особенности желательно было бы, чтобы, по примеру Лавры Почаевской, назначено было 25-е мая, как день ознаменованный спасением

нашего Великого Государя, и при том, от руки Поляка-Волынца, и вообще по своему весеннему положению всего более удобный для празднования простым народом на западе России, когда простолюдины отдыхают от весенних работ своих и у нас обыкновенно совершаются религиозные путешествия ко св. местам в Почаев, Киев и т. п.

Если бы означенные цели были достигнуты, тогда можно бы обратиться к епархиальному начальству с просьбою об открытии на Волыни особых братств с специальною целью для распространения сведений о родных угодниках и совершения их памяти в Волынской губернии. Братствам этим всего приличнее было бы соединиться под знамена нашего приснопамятного братства Кирилло-Мефодиевского Острожского, почтившего своим наименованием незабвенные заслуги св. братьев для всего славянского мира и нашей земли Волынской, и по его инициативе, сообразно своему назначению, прежде всего избрать своими покровителями святых угодников, находящихся к ним в таких или других отношениях. На первых порах полезно было бы, если бы таковые братства появились хоть в уездных городах Волынской губернии, и соответственно этому братство Владимирское могло бы устроиться напр. во имя св. благоверного Ярополка, Дубенское во имя преподобного Иова, так как здесь угодник этот подвизался более 20 лет, в качестве игумена Дубенского Честно-Крестского монастыря;⁹³⁰ Овручское – во имя преподобномученика Макария Овручского; Луцкое – во имя пр. Николы Святоши; Ровенское – во имя св. Андрея Боголюбского, так как местечко Пересопница, где был князем этот св. угодник, находится ныне в пределах уезда этого города; Заславское – во имя св. Иулиании Ольшанской. Затем Староконстантинову всего приличнее было бы избрать своим покровителем пр. Феодора Острожского, так как известно, что этот город происхождением своим обязан потомку сего святого, князю Константину Острожскому; братство Кременецкое – могло бы устроиться в честь чудотв. иконы Б. Матери Почаевской, так как икона эта искони числится в пределах уезда, принадлежащего Кременцу; Ковельское – во имя святителя Петра митрополита, так как в уезде этого города и теперь, как

мы видели, указывают следы обители, в которой, по преданию, угодник Божий был игуменом на Волыни. Затем самое наименование Новоградволыньского прямо показывает, что ему всего приличнее стать под покровительство преп. Стефана епископа Волынского; равно как и значение Житомира, как губернского города Волыни, говорит прямо, что ему всего нужнее и необходимее посвятить свое братство имени всех вообще св. угодников Волыньских. Острог в особом братстве не нуждается, так как имеет уже свое братство обширное и замечательное.

Основной девиз всех этих братств должен быть: ежегодное совершение памяти избранного покровителя местного братства, равно как и всех св. угодников Волыньских, с обязательством непременно иметь у себя иконы каждого из них в братской церкви.

Затем основанные на таких началах местные уездные братства могут приглашать к открытию таких же подчиненных себе братств в сельских приходах своего уезда, дабы таким образом всю Волыньскую землю покрыть сетью братств, имеющих специальною целью прославление родных угодников особенно на местах их жизни и деятельности, напр. в Дорогобуже, Пересопнице, селе Зимном, Ратном и т. п. Как и уездные братства, эти местные братства, конечно, не иначе могут быть открываемы, как под условием безусловного совершения памяти святых угодников Волыньских, устройства в их честь св. икон и т. п., дабы таким образом вся Волынь могла познакомиться с своими родными чудотворцами во славу православия и в посрамление, а может быть и обращение врагов его.

Равным образом за невозможностью устроить везде св. храмы или приделы во имя этих святых на местах, ознаменованных их жизнью или подвигами, Волынянам не мешало бы увековечить эти места хоть на первых порах устройством приличных часовен, посвященных их памяти. Таким образом обитателям Луцка не мешало бы поставить часовню на кургане Андрея Боголюбского, тем более, что, как говорят, там и до последних времен стояла католическая

каплица, посвященная имени латинского святого Яна Непомуцена. Подобно этому стараниями жителей Кременецкого уезда должна быть сооружена приличная часовня в бывшей деревне Орле, ныне Урле, при развалинах дома Орлянской помещицы Анны Гойской, где св. чудотворная икона Почаевской Божией Матери впервые явила свою благодатную силу ниспосланием света от Нея, исцелением слепого от рождения брата Гойской и т. п. Такая же часовня, стараниями жителей Дубенского уезда, должна быть воздвигнута в местечке Козине, на развалинах замка Фирлеева, где св. икона Почаевская была около 20 лет в плену и после этого показала великое чудо наказания жены Фирлея, дерзнувшей оскорбить в ней Пресвятую Богородицу. Другие подобные часовни могут быть сооружены стараниями Ровенских жителей в Пересопнице; Острожских – в Дорогобуже; Ковельских – в селе Ратном; Владимирских – в селе Зимном, во имя преп. Варлаама и Нифонта, также в самом Владимире во имя преп. Стефана, блаженного Ярополка, преп. Нестора и св. Олега Брянского; в м. Искорости во имя св. Ольги и т. п.

Но особенно с разрешения епархиального начальства весьма полезно было бы для Волыни посвящать во имя родных угодников, а равно также и в честь иконы Божией Матери Почаевской, те из храмов в Волынской епархии, которые в последнее время так часто устрояются в разных местах Волыни, особенно на счет правительства. Конечно, все это надо делать с осторожностью, при помощи убеждения, хотя мы можем заметить не обинуясь, что там, где священники задумывали что-либо подобное, они не только не встречали ни малейшего сопротивления со стороны прихожан, напротив находили в них полнейшее сочувствие и даже благодарность.

Об устройении особых храмов или приделов во имя родных угодников и иконы Почаевской, а также часовен или икон, посвященных их памяти, в главных центрах Волыни, как-то в Почаевской Лавре и городе Житомире и говорить нечего. Эту обязанность взяло на себя благопопечительное епархиальное начальство Волынской губернии, и сколько мы знаем, для этого сделан прекрасный почин в Почаевской Лавре, в которой при

последовавшей раскраске большого соборного Успенского храма в 1874 году все стены его по преимуществу украшены ликами св. угодников Волынских и других святых, известных в истории Волынской земли.⁹³¹ Кроме сего другого лучшего почина в этом отношении, как сооружение покойным братом нашим Богородично-Почаевской церкви в местечке Полонном на Волыни, о коей была наша речь впереди, и быть не может. В сущности для разъяснения этого именно вопроса мы и изложили историю этой церкви, как ближайшее указание на то, что можно сделать при надлежащем понимании дела и христианском усердии в честь родной Святыни Волынской. Такое же значение имеет и помянутая нами кладбищенская церковь в Богородично-Почаевском приходе, сооруженная нашим братом во имя преподобного Иова, Игумена Почаевского, и Феодора, князя Острожского.⁹³² Кроме этого мы знаем еще следующие церкви, посвященные в честь св. Волынских угодников в Волынской епархии: 1) приходская церковь в селе Сивках, Острожского уезда, во имя преподобного Феодора, князя Острожского; 2) придел во имя того же святого в Кирилло-Мефодиевской братской церкви, в городе Остроге, и 3) теплый придел в приходской церкви села Старого Олексинца Кременецкого уезда, во имя преподобного Иова Почаевского.

Дай Господи, чтобы все эти благие начинания не остались без продолжения во славу русской национальности и к торжеству православия в этом крае, искони русском, который своими страданиями и кровию сынов своих, пролитую за родину и веру отцов своих, вполне заслужил того, дабы эти вековые начала его жизни снова воссияли во всем своем величии, полно, свято и благопристойно, как это всегда могут сделать, и действительно делают люди, преданные русскому имени и св. церкви православной.

Тропарь общий. Всем святым угодникам Волынским вместе. Тропарь глас 4.

Приспе день светлого торжества, людие Волынстии радуются, и с ними вся Российская церковь ликовствует во псалмех и пении и песнях духовных: днесь бо якоже солнце незаходимое всем возсия память святых и богомужных угодников и чудотворцев Волынских: Святителя Стефана чудного, иерархом Волынским первопрестольника, и святого благоверного Ярополка Владимиро-Волынского страдальца князя богомужного и с ними Амфилохия святителя Волынского и победоносного Феодора, Острожского Богодарованного, и преподобного Иова, игумена Почаевского присноблаженного: ихже молитвами, Господи, землю отечественную нашу в православии и мире утверди, Великому же Императору нашему Александру Александровичу споборствуй и спаси всех, имуще купно от нас молитвенницу усердную Пресвятую Матерь Свою Богородицу, благодатне сияющую в цельбоносней Стопе своей и чудотворней своей иконе на горе Почаевстей, и заступленьми прочих угодников Волынския паствы: Иулиании блаженные девы Ольшанския, и святого преподобномученика Макария, архимандрита Овручскаго, и с ними купно от Волынии просиявших святителя Петра Киево-Московского и Иннокентия Иркутскаго.

Примечания

¹ - Предание относит явление этой стопы к первой половине XIII века (1240 г.). след. к самому разгару удельных усобиц на Волыни. Сказание о Почаевской Лавре архимандрита Амвросия. Почаев 1870 г. стр. 13. Сравн. ниже часть вторая: «Краткое сказание о Лавре Почаевской».

² - Там же, стр. 18.

³ - Более обстоятельные сведения об отношении священномученика Макария в земле Волынской смотр, ниже, в житии самого Макария, Отд. IV, жизнеописание № 2, в примечании на конце.

⁴ - Волын. Губ. Вед. 1855 г. № 39. часть неофиц. стр. 117–118.

⁵ - Преосвящ. Филарет в своих жизнеописаниях Русских святых называет св. Макария Овручского Каневским (Русские святые, изд. 2-е отд. 3, стр. I, в оглавлении). Но наименование это стоит слишком одиноко в сравнении с наименованием этого святого Овручским, каковое дают ему не только на Волыни, но в русской литературе, напр. в «Истории Российской Иерархии» (т. III, стр. 593), в жизнеописаниях святых Российской церкви Муравьева (м. сентябрь, стр. 163), в Словаре Историч. о святых, прославленных в Российской церкви (Изд. 2, стр. 153) и т. п.

⁶ - Сравн. Симона Суздальского и Владимирск. Памятники Росс. Словесн. XII в. стр. 253, 257. Житие Нифонта Новгородского, Меркурия Смоленского и др.

⁷ - Известно, что по настоянию иезуитов недостойная дочь Александра – Анна – Алонайя Хоткевич, велела вырыть кости отца своего из-под храма Богоявления Господня, где он покоем рядом с отцом своим, и святотатственно передала их иезуитам, которые перемыли их и положили под сводами своего коллегиума. За то Анна поплатилась глазом со стороны озлобленного народа, – хотя иезуиты горько отомстили Острожанам за сие, изгнав из Острога целые десятки православных священников и запечатав самый Богоявленский

храм, который с того времени стоит в тяжком запустении и доселе. О мощах св. Михаила и Феодора черниговских чудотворцев положительно известно, что они перенесены были в Москву, потому что православные боялись, чтобы они не потерпели какого либо посрамления со стороны Латынян.

⁸ - Подробнее об этом смотри в житии преподоб. Иова (ниже, отд. IV, жизнеопис. 1-е). Кроме этого в «Истории Российской Иерархии». Святым называется еще один из древних Епископов Владимира-Волынского, четвертый по счету из известных Архипастырей Волынских со времени основания Владимиро-Волынской, Епархии. Симеон, преемник св. Амфилохия, о коем известно, что он поставлен был во Епископа из Игуменов Киево-печерской Лавры в 1123 году и скончался в 1136 году. (Истор. Российской Иерархии, т. I, ч. 1, стр. 404). Но как имя его не значится в списке русских святых не только в Святцах вообще, но и у Преосвященного Филарета, в его книге: «Русские святые», а также и в «Полном месяцеслове востока» преосвящен. Сергия, то и мы не считаем себя вправе включить его в число святых угодников Волынских до получения более обстоятельных сведений о его святости, и еще более до того, пока Господу Богу не благоугодно будет окончательно прославить раба своего. (Сравн. Истор. Русск. Церкви Е. Голубинского, т. I, первая половина тома, стр. 652).

⁹ - См. его «Историю древн. Галицко-Русского Княжества, Львов 1862 г. ч. III, стр. 255.

¹⁰ - Срав. Историческое сказание о жизни и деятельности св. Петра, М. Киево-Московского» Волынская Епарх. Вед. 1872 г. № 1-й, стр. 6 – 8.

¹¹ - Русские Святые, Пр. Филарета Черниг. изд. 2-е отд. 3-е, стр. 428.

¹² - Бест. Рюмин, Русск. Истор. СПб. 1872 г. стр. 102.

¹³ - Карашевич: Очерк Ист. правом, церкви на Волыни, стр. 17, 25, 28 и др.

¹⁴ - Истор. Госуд. Российского, т. II, стр. 125, 126.

¹⁵ - См. Волынск. Губерн. Вед. 1867 г. № 13; Ист. Госуд. Российск. т. II, 226–254.

- ¹⁶ - См. Волынск. Губ. Вед. [1865] г. № 5
- ¹⁷ - Собр. лет. т. II, стр. 205, 206, 220.
- ¹⁸ - Нестор. По Татищеву, II, стр. 181
- ¹⁹ - Ист. Русск., церв., преосв. Макария, т. II, примеч. 179.
- ²⁰ - Очерк Ист. правосл. церкви на Волыни, стр. 80.
- ²¹ - Русск. Свят. пр. Филарета, м. март стр. 86–87.
- ²² - Русск. Свят. пр. Филарета, м. июль, стр. 26.
- ²³ - Очерк истор. пр. цер. на Волыни, стр. 61.
- ²⁴ - См. Мациевского, История православной церкви у Славян, Варшава, 1840 г. стр. 103–106, 223. Сярчинский – в Часописе Львовск. 1818 г. стр. 13.
- ²⁵ - «Москва» 1867 г. №126.
- ²⁶ - В свое время иезуиты хотели было прославить Анну-Алоизию Ходкевич, урожденную княжну Острожскую, внучку знаменитого князя Константина Острожского, отпавшую в католичество и сделавшую много зла православным на Волыни; но не смотря на все уловки, попытка их не удалась, и память пресловутой Анны-Алоизии теперь забыта даже рьяными латинянами на Волыни.
- ²⁷ - См. dzieje panowania Zygmunda III, krola polskiego.. przez Inliana Narng- zewieza, Warszawa. 1819, стр. 631. Также «Уния альбо выклад преднейших артикулов с ведноченью Греков з костелом римским надлежащих. Ипатия Поцея. Вилено. 1595 г. предмова до четельника».
- ²⁸ - Kuleaderia cccleeioe Vnivevene, – Ioaepi Simoni Aeeemeni, bibliothecae, Vaticanae praefecti... et vet. t. I. Kalendaria Eccleeiae Slavicee, sire Greco-Moachae. Romae 1755 pare. 1. cap. XII. стр. 171, § IV.
- ²⁹ - «Народовещание, или слово к католическому народу чрез монахов чина св. Василия Великого.... в провинции Польской.... Изд. 3. Почаевъ. 1778 г. стр. 343–349».
- ³⁰ - Аі*** albo kamien z praszczey istynney cerkwi swietey, prawoslawney, Rneehiey. Киев. 1644 г. стр. 69–67.
- ³¹ - Смотр. напр. молитву на освящение воды. Стр. 612–622

³² - Акафисты, року 1691 изданные, стр. 188–201, 206–207. Акафисты малые 1683, стр. 138. Молитвослов 1720 года стр. 1322–140. Песнь 1-я троп. 3, 4 и 5. Песнь 7-я тр. 1. Песнь 9-я тр. 1 в 4. Сравни Kalentlaria Assemani t. I, часть 1, глава XI, стр. 159, § VII. Nomina schiematici rum in ustavo leopoliemae insecta (имена схизматиков, находящихся в Львовском уставе); также сведения у Ассемани о русских святых Поссевина (Kulend. стр. 122 и след.), Панебροхия, Кульчицкого (гл. IX и др.).

³³ - Poloni certe eos cnoes colunt cultu religioso... См. Ad. Capponianas Ruthenas tabulas commentarius anctore Carmino Falconis Archiepiskopi Ecclesiae S. Severinae, Metropol. in Brutiis ulterioribus, Romae 1755 r. prolegomena ad. lecto. ree, cap. VII, ответ на вопрос: quid sentiendum de sanctis Russiae? § 1–11. 13.

³⁴ - См. Чтен. в Импер. Общ. Истор. и Древн. Российских при Москов. Унив. № 8, 1847 года. Записки пр. Георгия Конисского о том, что в России до конца XVI в. не было никакой унии с Римск. церковью предисл. стр. 11

³⁵ - См. Miasae propriae patronorum et festorum Regni poloniae ad normam missalis Romani accommo datae. Antverpiae. 1614 r. Martii die стр. 10, 11. В переводе на русский язык всю службу Кириллу и Мефодию из латинских богослужебных книг чит. Руков. для с. п. 1871 г. Память Кирилла и Мефодия в пределах юго-западного края России.

³⁶ - У Фалко ad Capponianas tabulae prolegomena, Стр. VII, § 12.

³⁷ - Wiara prawoslawna pismem Swietym, soborami Ojcam i Swietemi mianowicie Graeckemi i historia, koscielna, przez X. Iana Aloyzego Kulesza Societ. Jezu Theologa od prszie, ey unii Boga z czlowiekiem Roku 1704 W. Wilnie w drukarni Acadcmiekiey. S. I. стр. 136. punkt 2, 3 и 4.

³⁸ - Там же, стр. 76–80, O Swietych piefzarskich Kijowskich.

³⁹ - Препод. Иов игумен Почаевский (см. ниже, отд. IV, биограф. I)

⁴⁰ - Само собою разумеется, что при этом внимание наше по преимуществу будет обращено на изложение жизни и деятельности святыне собственно Волынских. Об остальных св.

угодниках мы будем говорить по преимуществу на столько, на сколько каждый из них так или иначе относится к Волыни вследствие пребывания на ней или посещения ее или родственных связей с обитателями Волыни и т. п.

⁴¹ - См. «Историческое рассмотрение вопроса: есть ли христианство в Богемии и Моравии чрез Мефодия по учению греческия или латинския Церкви введено?» Будин, 1727 г. стран. 5

⁴² - Зубрицкий: «Критико-историческая повесть о червонной Руси». Москва, 1845 г. стр. 17 – 24. Г. Крушинский в своем «Историческом очерке Волыни» так определяет границы древней земли волынской: на «севере р. Припять, на юге верховья Днестра и его притоки, на востоке р. Случ, на западе р. Буг» (стр. 3 – 4). Но тут же, полагая таким образом западный Буг границею западной части Волыни, тот же автор оговаривается в примечании: «река западный Буг не может признаться правильною границею Волыни, потому что, как известно, бужане (одни из коренных – поселенцев Волыни) обитали по обеим сторонам Буга, следовательно их территория простиралась за Буг к реке Вепру, что подтверждается как этнографическим сходством забужского населения с волынцами, так и тем, что самый город Волгин существовал на западной стороне Буга» (стр. 4. примеч. 2-е). А сюда-то проповедники Мефодий и Кирилл могли доходить без всякого сомнения.

⁴³ - Kosmas, Богемский летописец: *Scriptores rerum Bohemicarum*, t. 1, стр. 168 – 172.

⁴⁴ - «История первобытной церкви у славян», Мациевского. Варшава, 1840 г. стр. 103 – 106. «Зтирь, говорит Мациевский, без сомнения, ест река Стырь, протекающая близ Луцка; река Буг протекает чрез Владимир Волынский.» Там же стр. 223. Сравн. также Сярчинского Часопис Львовский. 1818 г. стр 13.

⁴⁵ - Нестор. Л. 13

⁴⁶ - Зубрицкого «Критико-историч. повесть о червовой Руси». Стр. 17. Здесь же изложены доказательства в основание этого положения. Стр. 17 – 24.

⁴⁷ - Читай «Историческое рассмотрение вопроса: есть ли христианство в Богемии и Моравии чрез Мефодия по учению греческия или латинския Церкви?» В. Будин. 1727 г. стран. 5.

⁴⁸ - Сравн. Брошюру, изданную нами по случаю исполнившегося тысячелетия со дня кончины Святителя Мефодия 6 Апреля 1885 г. под заглавьем: «Венок на память святым равноапостольным Кириллу и Мефодию от Волыни». Почаев, 1885 г. Издание Почаевской лавры.

⁴⁹ - В Остромировом и Ассемановом Евангелии XI века, тоже в Прологе XIII и Апостоле XIV в Львовск. Евангелии 1722 г.

⁵⁰ - В древних памятниках латинских и греческих, в Остромировом и Ассемановом Евангелиях и также в древних прологах Добровск. стр 54, 57, 58.

⁵¹ - См. Missale Romanum: Officia, propria SS. Regni Polonioe et Sveciae; die X Martii. Сравн. также Истории, ученье об отцах Церкви, т. III. стр. 351–363. Желających иметь более обстоятельные сведения о св. Кирилле и Мефодии отсылаем к прекрасным брошюрам об них, изданных Святейшим Синодом в 1885 г. по случаю исполнившегося тысячелетия со дня кончины святителя Мефодия 6 апреля того же года.— О самой же латинской службе Кирилла и Мефодия с переводом ее на русский язык напечатана нами же в Христианском Чтении 1881 г. под заглавьем: „Как латыняне чествовали доселе первоучителей славянских Кирилла и Мефодия».

⁵² - Коростень, ныне Искорость, местечко Овручского уезда на реке Уши, которая впадает в Днепр у Чернобыля.

⁵³ - По первоначальной летописи (1851 г. стр. 12) Ольга говорила Древлянам: «прошу у вас, дайте жертву богам; дайте по три голубя и по три воробья». И Константин Багряннородный писал о русских, что они приносили в жертву живых птиц.

⁵⁴ - См. Вол. Губ. Вед. 1847 г. часть не официальная № 19 стр. 63.

⁵⁵ - См. Вол. Губ. Вед. 1847 г. часть не официальная № 22 стр. 87.

⁵⁶ - Там же, № 20, стр. 68.

⁵⁷ - См. объявление при Сборнике памятников Православия и Русской народности на Волыни: выпуск 1-й на оберточном листе, под рубрикой: «в настоящее время имеются следующие фотографические снимки», № 15, 16 и 17.

⁵⁸ - Иаков Мних в похвале св. Владимиру пишет: «взыска спасете и прия от бабы своея Ользе, како прияла св. крещение... то все слышав от бабы своея Ольги, тоя и житие подража... То слышав и разгораясь св. Духом сердце Его, хотя св. крещеше». Ст. кн. 1 стр. 87.

⁵⁹ - История России, – т. 1 издание 3-е стр. 127 – 151, Жития свят. Российск. Церк. м. Июль стр. 76 – 94. Русские святые, изд. 1-е я. Июль, стр. 60 – 75.

⁶⁰ - Митр. Иларион. «похвала Кагану Владимиру. См. акт: археографич. Экспедиц. 1 стр. 258. Также прибавления к творениям св. Отцов 1844 г.

⁶¹ - Полн. собр. русск. летоп. 1, стр. 51.

⁶² - Очерк. истории пр. церкви на Волыни Карашевича, ст. 5.

⁶³ - Истор. Русск. Церкви Филарета Харьк. 1849 г., период первый, стр. 25 – 26.

⁶⁴ - История Русской Церкви Макарьев. т. 1 стр. 10. По сказанию пр. Нестора св. Владимир отдал Новгород сперва Вышеславу, а по смерти его Ярославу, Ростов сперва Ярославу, потом Борису, Полоцк Изяславу, Туров Святополку, землю Древлянскую – Святославу, Владимир-Волынский – Всеволоду, Тмутаракань – Мстиславу, Муром – Глебу. Позднейшие летописцы прибавляют, что Смоленск был отдан Станиславу, Псков – Судиславу и Луцк – Позвезду. (Полн. собран. лет. 11 стр. 259. Степ. кн. 1 стр. 157. Арцыб. Повеств. о России т. 1 книга 2, примеч. 5. Карамзина 1. примеч. 467).

⁶⁵ - Степ. книга 1, стр. 153. 171 Ник. Лит. 1, стр. 111. Митроп. Евгений. Истор. Княж. Псковского 11, стр. 2. Stebelskiego Ziwoty swit. Enfrozyny i parascewy: w Wilnie 1871 г. 1 стр. 67 – 59. Кар. III, примеч. 153.

⁶⁶ - Новейшие летописцы, те, которые в XVI в. дополняли Нестора баснями, едва ли зная, что есть на свете Владимир-Волынский, потому что эта часть России принадлежала тогда

Литве, назначают место Всеволодова удела на берегах Клязьмы, забывая, что о Владимире на Клязьме, летописцы не говорит ни слова до самого XII в. (См. Истор. Росс. Госуд. т. 1, стр. 462, примеч. 466).

⁶⁷ - Стен. книг. I, стр. 151 – 153. Густынский и в Полн. Собр. лит. 1, стр. 259.

⁶⁸ - Сборн. Новгор. Соф. библиот. XVI в. № 503, л. 362. Сборн. Рум. жит. Музеум. № 160, л. 1.

⁶⁹ - Истор. Росс. Иер. Киев 1827 г. I стр. 5 снос. Пр. Филар. истор. Русск. Церк. т. 1 стр. 185.

⁷⁰ - Истор. Русск. Церк. пр. Филарета т. 1 стр. 179.

⁷¹ - Ст. кн. т. 1 стр. 153.

⁷² - Истор. Русск. Церк. Пр. Макар. т. 1 стр. 27. Древлянский князь убит в 1015 г. Святополком, а Смоленские Станислав и Луцкий Позвезд скончались, как говорит пр. Макарий, вероятно еще прежде (там же стр. 213, прим. 85. Снес. Кар. Истор. Рос. Госуд. т. II, стр. 26).

⁷³ - Владимир Волынский существовал прежде Св. Владимира, назывался прежде Лодомириею или Людомириею и только от св. князя получил настоящее свое наименование (Истор. очерк. Волыни Крушинского, стр. 7).

⁷⁴ - Татищев, II, 78. Также Маяк 1844 г. 7. XVIII, кн. XXII стр. 33.

⁷⁵ - Истор. очерк Волыни Крушинск. стр. 8.

⁷⁶ - Очерк Истор. Православной Церкви на Волыни, Карашевича, стр. 25.

⁷⁷ - Карамзин, т. 1, стр. 220, примеч. 469.

⁷⁸ - Историч. Очерк Волыни, Крут. стр. 9.

⁷⁹ - Эта опись, или инвентарь писана на польском языке; она составлена на основании древних визит 1766 г. Июля 27 и хранится в архиве этой церкви.

⁸⁰ - Икона эта писана на кипарисной доске масляными красками; величиною своею равняется четверти листа обыкновенной бумаги. Матерь Божия представляется держащею на руках Младенца Иисуса. Ныне икона эта в ризах серебряных

вызолоченных; над головою Богоматери и Иисуса две короны серебрянные. Первая корона поддерживается двумя ангелами. Около головы Иисуса Христа и Богородицы сияют драгоценные камин. Краски смугловаты, но живопись приятна.

⁸¹ - См. Объявление – при Сборнике Памятников Православия и Русской народности на Волыни: выпуск 1-й, на оборточном листе, под рубрикой: «в настоящее время имеются след. фотографические снимки» № 25 и 37

⁸² - Татищ. 11, стр. 75–76. Сравни также «Очерк Истории Российской Церкви в период дотатарский», стр. 70.

⁸³ - Никоновск. летоп. ч. 1, стр. 94.

⁸⁴ - Патерик Печерск. из жития пр. Варлаама.

⁸⁵ - Собр. летоп. III стр. 122 1, стр. 68, 69 V, стр. 133.

⁸⁶ - Русск. Святые, изд. 2-е, отд. 3-е. стр. 363.

⁸⁷ - «Таже дойде до града Володимера, и вниде в монастырь ту сущий близ, иже нарицают св. гора, и ту успе с миром о Господе, конец житию прият». (См. Истор. Русской Церкви Мак. т. II, примеч. 179). Тоже самое читаем в Киево-Печерской службе Пр. Варлааму, канона песне 9-я троп. 3-й «Возвращаяся от Константина града, отшел еси душою во светящий град Царя Небеснаго; мощи же, своя оставил еси в монастыре святые горы, яже заповедал еси перенести в пещеру, идеже ныне лежат нетленны, точащая источник чудес приснотекущий». (См. служб. Пред. Печерским, Киев 1856 года, стр. 26).

⁸⁸ - Остатки Святогорского монастыря и доселе существуют в с. Зимном, где указывают, церковь, построенную св. Владимиром. Это церковь бывшего святогорского монастыря, в котором и теперь еще находятся пещеры, оправдывающие древнее наименование его печерским. (См. Вол. Еп. Вед. 1867 г. №3 ч. неоффиц. стр. 51).

⁸⁹ - Русск. святые, изд. 2-е, отд. 3-е, стр. 358.

⁹⁰ - Помощью Польского Короля Болеслава Храброго. Истор. Российского Государства – Карамзина, т. II издание 1842 года стран. 74–75.

⁹¹ - По свидетельству Соловьева, в древнем Географическом отрывке Голотичск упоминается в числе городов Литовских. Истор. Российск. Государства т. II стр. 77.

⁹² - Там же, стр. 18–18.

⁹³ - Летописец говорит, что это было месяца марта 22 дня. Истор. Российск. Государства т. II стр. 385, примеч. 127

⁹⁴ - Карамзин. Истор. Государства Российск. т. II стр. 77.

⁹⁵ - Из современного Немецкого Летописца Ламберта Ашаффенбургского. Карамзина История Российского Государства т. II стр. 385 примеч. 128.

⁹⁶ - Там же, стр. 78. Сравн. также Истор. Росс. Соловьева т. II стр. 23; Истор. Российск. Церкви. Преосвящ. Макария. издан. 1867 года стр. 256

⁹⁷ - Истор. Госуд. Российск. т. II, стр. 80. По свидетельству Карамзина Григорьево к Болеславу письмо от 12 Мая, есть в Eriel. Gregur. VII, кн. 2. (Там же стр. 386. примеч. 130).

⁹⁸ - Истор. России Соловьева, т. II, стр. 23.

⁹⁹ - Сравн. Карамзина, т. II, стр. 83. Также История России Соловьева т. II, стр. 26–27.

¹⁰⁰ - Таковы Specimen Ecclesiae Кульчинского; Ad. Carponianae Ruthenue tabulas sommantarius Фалько и др.

¹⁰¹ - Христианское имя Изяслава.

¹⁰² - Wiara prawoslawna Pismem Swietym, Soboram, oycamy... et cet .. obiasniona przez X Jana-aloyzego Knleaze Societatis Jeeu Teologa odiasniona. W Wilnie. Roku 1074, стр. 71–72.

¹⁰³ - Истор. Российск. государ. т. II, стр. 78

¹⁰⁴ - Истор. Русск. Церкви т. II, стр. 256.

¹⁰⁵ - Приводим это послание, как напечатано оно в переводе у Карамзина, т. II, стр. 79.

¹⁰⁶ - Вероятно, как догадывается Карамзин, какой либо знаменитый Духовный чиновник, коего Изяслав мог узнать в Польше (Истор. Росс. Госуд т. II, стр. 386. примечан. 130)

¹⁰⁷ - В подлиннике послание можно читать у Барония: Annal. Eccles. Т. II, стр. 256

¹⁰⁸ - Истор. Русск. Церкв. т. II, стр. 256–257.

¹⁰⁹ - Истор. Русск. Церкви А. Филарета, период первый, издание 1849 г. стр. 88, примеч. 139.

¹¹⁰ - Полн. Собран. Летоп. Т. I, стр. 85. История Русской Церкви пр. Макария, т II, стр. 257

¹¹¹ - К этому времени, между прочим, относится «стяжание с Латынею» тогдашнего митрополита Георгия, которое, как говорите Пр. Макарий, было признано изложенными обстоятельствами, и разумеется, имело впоследствии не малое влияние на дальнейшее поведение Ярополка по отношению к католикам. Желающие могут читать подлинник этого стяжания у Пр. Макария. И стор. Русской Церкви т. II, стр. 309 – 314, примеч. 273.

¹¹² - «Приходи Ярополк ко Всеволоду на велик день. В сеже время вбегоста Ростиславича от Ярополка и пришедше прогнаша Ярополка».

¹¹³ - Мономах сам пишет в своем завещании: «на ту зиму ходил к Ярополку совокупляться на Броды, и любовь велику сотворихом». Собр. Лит. Т. I, стр. 103

¹¹⁴ - Историч. Очерк Волыни, стр. 10

¹¹⁵ - По мнению Соловьева – выражение летописца: «Иде Звенигороду», можно понимать в смысле похода воинского. Истор. Росс. Т II, стр. 33

¹¹⁶ - Там же, стр. 32–33

¹¹⁷ - Чем собственно и объясняют участие Ростиславичей в смерти Ярополка. Там же

¹¹⁸ - Истор. Росс. Госуд. Т. II, стр. 395, примеч. 150. К сожалению, в настоящее время не достаточно известно местоположение Дмитриевского монастыря в Киеве, где погребен Св.Ярополк. Некоторые почитают остатками его развалины, находящиеся внутри Михайловского монастыря. Но Сильвестр Коссов в своем Патерике пишет, что монастырь этот находился недалеко от Лавры, что в это время (XVII в.) еще были видны его развалины. Между старожилами киевскими существует мнение, что монастырь св. Димитрия, с церковью св. Петра находился на том крутом бугре печерской возвышенности, где теперь стоит немецкая Кирка,

реформатского исповедания, а потому здесь, по всей вероятности, надобно и искать место последнего покоя св. князя (Указатель святыни и достопримеч. Киева 1871г. стр. 184).

¹¹⁹ - Собр. лет. I, стр. 88, 89, 103. VII. стр. 3, 4, 11. стр. 82. Степей, кн. 1 стр. 232–233.

¹²⁰ - Никоновск. лет. 1. стр. 89, 190.

¹²¹ - Степей, кн. 1, стр. 232. Никон. лет. 1, стр. 189–190. Кроме сего Киевская летопись замечает, что таким же примерным благочестием отличалось и семейство Ярополка. Так, говоря о дочери Ярополка, жене князя Глеба, летопись эта пишет, что оный Глеб даль при жизни своей (Печерской обители) вместе с княгинею 600 гривен серебра и 50 гривен золота; по смерти же своей отдал 5 сел и с челядью и все до холстины. Собр. лет. 11, стр. 82.

¹²² - Русские святые Пр. Филарета Черниговского. Издание 2-е, отдел III, стр. 364–369. В рукописном тропаре ему читаем: Тропарь, глас 5 Яко благоверен и праведен, за любовь Христа Бога от своих смерть приял еси, Ярополче, страстотерпче Святый, благоверный княже Волынский, и пролиал еси кровь твою, якоже прежде сродницы твои и страстотерпцы Богоблажении: Борис и Глеб. Их же подвигом ревнуя благочестно, Господеви взывал усердне: даруй ми кончину, якоже братьям моим, да и аз омыю грехи моя кровию моею, и избавлюся мира сего тщетного и мятежного. Темже днесь сошедшеся в память твою, верою и любовью славим Господа, укрепившаго тебе в подвизе напрасныя смерти; якоже агнец незлобивый от раба заколен еси, и себе самого жертву непорочну Господеви принесл еси: егоже моли, присноблаженне, спасти отечество твое, и державе сродник твоих Богоугодней быти, и сыновом Российским спастися. Кондак глас 4 Возсия днесь преславная память твоя, Благородие страстотерпче Христов Ярополче Богомужне, созывающи нас к похвалению Христа Бога нашего. Темже в тебе днесь притекающе, с любовью взываем радостно: Блаженна земля, упитавшаяся кровью твоими, и свята селения, приимшая дух твой: Идеже в ран нетленные пищи наслаждаяся, не забуди нас, воспевающих тя, но присно поминай в молитвах

твоих к Богу, да избавимся от всех бед и скорбей, иже присно память твою почитающих. Примечание. Так как память Св. Ярополка совпадает с праздником Введения во храм Божией Матери, то в Почаевской Лавре принято совершать службу ему на другой день, 22 ноября.

¹²³ - В Печерском Патерике 1778 года: «Житие Преподобного Отца нашего Стефана, Игумена бывшего Печерского, по преподобном Феодосии. Иже соверши здание святой Печерской церкви, также изгнание потерпе, состави монастырь на Клове и по сем бысть Епископ Владимирский». (Лист. 121 на обор.)

¹²⁴ - «От неаяжа (братии) первее избран бысть Доместик или строитель Церковного Устава. И тогда учащу самому Игумену Преподобному Феодосию братию в Церкви и духовными словесы и сей тех же учаще». (Патер. Печер. 1778 г. стр. 122).

¹²⁵ - Патер. Стр 122 на обор. – Сравни там же: «Житие Преподобного отца нашего Феодосия Печерского», – стр. 81. – Обстоятельства эти отчасти дает некоторые данные для определения времени рождения Преподобного Стефана; ибо игуменом он мог быть избран не ранее тридцатилетнего возраста, следовательно рождение его не могло быть позже как около 1040 года.

¹²⁶ - Патерик Печерский стр. 81.

¹²⁷ - «И Церковь, на основании сущу чудеснем моляше (т.е. Преподобный Феодосия Стефана) да совершит». (Пат. Печер. Стр. 122 на обороте)

¹²⁸ - Пат. Печер. Стр. 122 на обор. 123. «И монастырь нов согради, и ту от ветхого монастыря братию пресели...» и т.д.

¹²⁹ - В патерике Печерском об этом читаем следующее: «Ненавидяй же добра враг (иже присно борется со рабы Божиими), завиде блаженному толикаго попечения его о обители святой, и злыми своими возными сопротив восстав, таково смятение в неких от братий сотвори... и т. д. (стр. 123).

¹³⁰ - Нестор в житии Пр. Феодосия и в Летопис. VI стр. 80, 85. VII, стр. 1, Также Симон в сказании о сооружении Печерской церкви.

¹³¹ - Патерик. Печерский стр. 123.

¹³² - «Каво майстеры из Константина града к Преподобным отцем нашим Антонию и Феодосию печерским приидоша, принесше икону Пр. Богородицы и видение Царицы во Влахерне поведаша“... и т. д. (Пат. Печер. стр. 123 на обор.).

¹³³ - Эго было сделано со стороны Пр. Стефана в воспоминание того обстоятельства, что первые строители печерского храма приходили в Киев по наставлению Пр. Богородицы, полученному в Константинопольском Влахернском храме. (Патер. Печер. стр. 123 на обор.)

¹³⁴ - Патер. Печер. стр. 124. При нашествии Половцев в 1096 г. Кловский Стефанечь монастырь был разрушен до основания, и на его месте уже после 1744 г. построен был Лаврою Кловский дворец, отданный в 1811 г. под гимназию. Теперь на том месте женское Епархиальное училище с церковью во имя Влахернской Божией Матери коей посвящен был в свое время и монастырь Стефанов. (Указат. святыни и достопримечательностей Киева, 1871 г. стр. 185).

¹³⁵ - Мы не можем назвать его по имени, потому что вообще после Стефана первого Епископа Волынского до Стефана игумена Печерского не сохранилось имени ни одного епископа Волынского. (См. Очерк Истории Прав, церкви на Волыни Карашевича, стр. 17 прим. 50). В «историческом исследовании об Епископах Волынской Епархии» г. Уводского, напечатанном в Волынских Епархиальных Ведомостях, порядок первых Волынских Епископов излагается следующим образом: 1) Стефан I-й с 992 года, 2) Стефан II-й Святой“... п т. д. (1867 года, № 1-й часть неофициальная, стр. 9 – 10).

¹³⁶ - Патерик Печерский стр. 124. В «истории Российской Иерархии» (т. I ч. 1 стр. 403, изд. 1827 г.) время рукоположения Пр. Стефана полагается 1091 г. «Но в таком случае, как справедливо замечает г. Уводский, он не мог быть рукоположен ни Митрополитом Иоанном II-м, скончавшимся в 1089 г., ни Иоанном III, умершим 1090 г. (Волынск. Епар. Вед. 1867 г. № 1-й часть неофиц. стр. 11). Вероятнее всего, что это было сделано Иоанном III-м, так как время его жизни ближе всего подходит во

времени, указываемому автором «История Российской Иерархии».

¹³⁷ - Патерик Печер. стр. 124.

¹³⁸ - Каменный храм, заложенный Св. Стефаном в Кловском монастыре, был окончен уже после его смерти в 1098 г. Так в Лаврентиевской летописи под этим годом значится: «в сеже лето окончили верх Пр. Богородицы на Клове, юже назда Стефан Игумен Печерский».

¹³⁹ - Потому что, как увидим далее, это было как раз в конце первой половины месяца августа, около Успеньева дня.

¹⁴⁰ - Патер. Печерск. стр. 124 на обороте. Сравни там же: «Сказание о перенесении честных мощей Преподобного и богоносного отца нашего Феодосия Печерского» , стр. 88.

¹⁴¹ - Патер. Печерск. стр. 87 на обор.

¹⁴² - Патерик Печерск. стр. 124 на обор. «В другой день.. . изволением Божиим совокупльшися Боголюбивые Епископи, им же имена суть сия: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, Антоний Позорский, и игумены вси»... и т. д. (Патер, стр. 88 на обор).

¹⁴³ - Патер. Печер. стр. 124 на обор. Известно, что имя: «Стефан» с греческого значит: венец. В Патерике 1778 г. под изображением Пр. Стефана, между прочим читается следующий эпиграф: Стефан Церкви Печерской венцем показася, Соверши ей начало; венчающим венчания (стр. 121 на обор.).

¹⁴⁴ - Патер. Печерск. стр. 124 на обор.

¹⁴⁵ - Сильвестр Коссов в своем польском Патерике говорит, будто Пр. Стефан скончался в Кловском монастыре; но это мнение опровергается Патериком Славянским, который свидетельствует, что препод. Стефан преставился во Владимире Волынском (Патерик Печерский 1776 года стр. 124 на обор. Сравн. также описание Киево-печерской Лавры. Киев. 1649 года стр. 128 – 129). Ныне на месте погребения преподобного Стефана, на урочище «Феодоровищана» производятся раскопки, под наблюдением профессора А. В. Прахова, при чем открыты основания храма характерной кладки

X – XII вв. трехкорабельного вида, сложенного из древних кирпичей, соединенных толстым слоем древнейшего розового цемента. С наружной стороны стены храма украшены были кирпичными колоннами, а внутри расписаны фресками. При раскопках найдено несколько гробниц архиерейских униянского периода, – а если дальше поискать, то надеются найти и усыпальницы Св. Стефана и одного из ближайших его преемников, Святителя Амфилохия. (Странник 1866 г. сентябрь; Известия и заметки, стр. 191. О Святителе Амфилохияе смотр. ниже § VI). Там же во Владимире, под развалинами бывшего здесь кафедрального собора, без сомнения, и доселе покоятся св. мощи блаженного Святителя.

¹⁴⁶ - См. обычные Киевские Святцы. Также Четьи-Минеи 27 апреля. «Русские святые» Преосвящ. Филарета Черниговского – апреля 27 дня и друг. Тропарь пр. Стефана гл. 5. Православия Наставниче, благочестия учителю и чистоты, Волынския паствы светильниче. Архиереев Богодухновенное удобрение Стефане Премудре, ученьми своими вся просветил еси, цевнице духовная, моли Христа Бога, спастися душам нашим. (Из тропаря общего исповеднику). Кондак гл. 8. Стефан, исполни веры и благочестия, совершитель Богом основанные церкви, днесь яко великое светило всем воссия, Христово стадо богоугодно упасти в неусыпных стражах ночных: егоже чтуще, приносим песнь единому Тебе Христу, всех Владыце, моляше помиловати нас того Благоприятнымн молитвами. (Из канона святым почивающим на дальних пещерах и правила преподобным Печерским, Мелетия Серига).

¹⁴⁷ - Летопись по Лаврентьевск., списку, – 1051 г. Здесь летописец сам пишет, что в 1064 г., будучи 8-ми лет, он был очевидцем младенца – уродца, вытащенного из воды Киевскими рыбаками.

¹⁴⁸ - Патерик Печерск. стр. 61, 89.

¹⁴⁹ - Кроме того в своей летописи Пр. Нестор упоминает о себе еще два раза: сначала под 1096 г. «приидоша Половцы в монастырь Печерский, нам сущим по келиям, почивающим во утрени» (собр. лег. т. 1 стр. 99), и 1106 г. «в сеже лето

преставился Ян старец, от негоже многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи сем». (Собр. лет. т. I стр. 120).

¹⁵⁰ - Истор. Русск. словесности Галахова, т. 1 стр. 49.

¹⁵¹ - Нестор по Татищ. т. II стр. 181.

¹⁵² - Ибо если тогда училища находились в других менее важных городах, как напр. в Курене (см. житие Пр. Феодосия) и даже в селах (Татищ. 11 стр. 75, 76), то без сомнения подобных училищ не могло не быть и при том значительное число в таком обширном и многолюдном городе, каков Владимир.

¹⁵³ - Ист. русск. Литерат. Галахова т. 1, стр. 63 – 54.

¹⁵⁴ - Как напр. в рассказе об ослеплении Василька и др. – Там же стр. 54.

¹⁵⁵ - См. напр. Волынск. Епарх. ведом. 1867 г. № 3, часть не официальная, стр. 51.

¹⁵⁶ - Русск. свят. над. 2, отд. 3, стр. 254 – 263. История, уч. об отц. Церкви, Преосв. Филарета Черниг., т. III. стр. 426 – 431.

¹⁵⁷ - Русские святые. Августа. Чернигов 1863 г. стр. 110.

¹⁵⁸ - Волынские Епарх. Вед. 1867 г. № 1, ч. неоф. стр. 11 – 12.

¹⁵⁹ - История Русской церкви Е. Голубинского, т. I, первая половина тома. Москва, 1881 г. стр. 552.

¹⁶⁰ - Никон. Летопись. С.-Петербург. 1767 г. т. I, стр. 38.

¹⁶¹ - Там же, стр. 54. Сравн. также, Собрание Летоп. I, стр. 119, 128; II, стр. 9, 287, 292; VII, 20 – 24. Летопись по Ипатскому списку, С.-Петербург. 1871 г- стр. 185, 206.

¹⁶² - Голубинского История Русск. Церкви, т. I, первая половина тома, стр. 552. Сравн. История Российской Иерархии, т. I, стр. 220. Святитель Симон Владимирский на Клязьме, известный писатель житий преподобных печерских в первой половине XIII в., замечает, что кроме 30 епископов, вышедших из Киево-печерской Лавры, имена которых записаны в старой Ростовской летописи, потом вышли еще из того же монастыря около двадцати Епископов, так что до смерти (1226 г.) таковых было до 50-ти. «Прочти, говорит св. Симон, в послании своем к печерскому архимандриту Акиндину, старую летопись

ростовскую, и найдешь, что всех которые из монастыря Печерского были поставлены во Епископы, было белее 30, а если считать и далее до нас грешных, то думаю будет около 50». (История Русской Церкви преосвященного Макария, т. III, С-Петербург. 1868 г. стр. 48, примечание 79, и стр. 187).

¹⁶³ - Характерно в этом отношении признание Святителя Симона, который, обращаясь к сотруднику своему по части жизнеописаний Преподобных Печерских, иноку Поликарпу, говорит ему: «пойми, брат, как велика слава этого (печерского) монастыря... Всю славу, всю власть за уметы вменил бы, если бы мне хоть колом торчать за воротами или сором валяться в печерском монастыре и быть попираемому людьми. День один в дому Божией Матери лучше тысячи лет временной чести, и я охотнее согласия бы пребывать в нем, нежели жить в селениях грешнических», и т.д. (Памятники Русск. Слав. XII в., стр. 253, 257) – До чего же было крепко убеждение, что все архипастыри, вышедшие из печерской Лавры, должны быть святыми, можно видеть из того, что приемник Святителя Амфилохия, помянутый нами выше Симон, тоже значится в некоторых памятниках «святым», хоты о признании его церковью в числе святых ничего неизвестно. (См. История Российск. Иерархии, т. I, ч. 1, стр. 404).

¹⁶⁴ - Летопись по Ипатскому списку, стр. 187,

¹⁶⁵ - Летопись по Ипатскому списку, стр. 201.

¹⁶⁶ - Там же, стр. 179. История России Соловьева, т. II, стр. 88.

¹⁶⁷ - Летоп. по Ипатскому списку, стр. 204.

¹⁶⁸ - Там же, стр. 205.

¹⁶⁹ - Там же, стр. 206.

¹⁷⁰ - Там же; подробнее о сем же смотр. ниже, в жизнеописании Святого Мстислава. Отд. II, жизнеоп. VI-е.

¹⁷¹ - Смотр, о сем подробнее исследование наше под заглавием: «Воспоминание о святых угодниках Киево-печерской Лавры, из среды которых вышли блаженные иноки основавшие обитель Почаевскую». (Волынские Епарх. Ведомости 1884 г. №

9 часть неофиц. стр. 300). Оно же целиком перепечатано в настоящей книге, часть II-я, статья II-я. Смотр. ниже.

¹⁷² - Русские Святые Архиеписк. Филарета, Август, стр. 100. Сравн. Полный месяцеслов Востока, преосвященного Сергия, т. II, стр. 227. Тропарь святителю, глас 5 От мирского мятежа изшед, в пещерах Киевских Феодосия блаженного богомудренно вселился еси, Святителю Христов отче Амфилохия, и отсюда во епископа богоспасаемей пастве Владимиро-Волынстей поставленный, в трудах, бдениих и пощениих свято подвизался еси. И тако достиг добродетелей совершенства, паки в пещеры святые возвратился еси, идеже и дух свой благочестно предал еси Господеви, всечестне, к лику преподобных печерских причтен: с ними же молися Христу спастися душам нашим. Кондак, глас 8. Звезду Волынскую из пещерного мрака от Киева воссиявшую и от Волыни второе пещеры заветным житием своим и блаженною кончиною и прославлением своим озарившаго, всеблаженного Амфилохия Архипастыря Владимиро-Волынского почтим, просяще его, да в лице преподобных печерских водворяся, молится купно с ними непрестанно о душах наших.

¹⁷³ - Лет. у Кар. пр. 172. Собр. лет. 1, стр. 89.

¹⁷⁴ - Которым завладел он при помощи хана половецкого, по изгнании Святоши из Луцка 1097 года. – См. выше воспоминание о пр. Николае Святоше, князе Луцко-Черниговском.

¹⁷⁵ - Истор. Росс. Сол. т. II, стр. 69.

¹⁷⁶ - Там же, стр. 71.

¹⁷⁷ - Истор. Росс. Сол. т. II стр. 87.

¹⁷⁸ - Собр. летоп. т. II стр. 8, 9. VII стр. 24; 25. Ник. лет. отд. II стр. 53.

¹⁷⁹ - Собр. лет. 3. стр. 122, 213. 5. стр. 154.

¹⁸⁰ - Собр. лет. III, стр. 4, 122. VII, стр. 1, V, стр. 156. VII, стр. 23. II, стр. 4.

¹⁸¹ - Собр. лет. III, стр. 65, 221. Тоже самое видим и по вступлении блаженного Мстислава на великокняжеский престол по смерти отца его (1125 г.). – Так в 1128 году он начал строит в

Киеве храм и монастырь во имя Великомученика Феодора. Это было данью благодарности за небесную помощь, избавившую его от бед, приготовленных коварным Олегом в Феодорову субботу, в каковую между прочим последний и был разбит Мстиславом. (Русские свят. м. Апреля, стр. 62. Собр. летописей I, стр. 131. II, стр. 12). В 1131 г. блаженный Мстислав построил вблизи Киева храм в честь Пирогощей иконы Пр. Богородицы, доставленной из Царьграда и т. п. (Русские свят, апрель стр. 6).

¹⁸² - Как известно, один из таковых храмов, именно во Владимире, обновляется в память св. Угодника Божия.

¹⁸³ - Ныне Белгород –местечко Киевской губернии.

¹⁸⁴ - Собрание. лет. I. стр. 132. II, стр. 10, II. VII, стр. 29. Погодина исследов. IV стр. 109.

¹⁸⁵ - Пролог. Румянц. № 319. Описание Музея, стр. 452 ср. Русск, свят. изд. 1-е. М. Апрель, стр. 56–64.

¹⁸⁶ - Собр. летоп. III, стр. 5.–Церковь наша из признает Всеволода тоже Святым. Память его февр. 11.

¹⁸⁷ - Карамзин II, стр. 125.

¹⁸⁸ - Истор. Росс. Слов. т. II стр. 66 – 67.

¹⁸⁹ - Там же, стр. 67.

¹⁹⁰ - Собр. летоп. 1, стр. 115.

¹⁹¹ - Черниговское предание и доселе еще помнит, что Навоз и Пакул с их окрестностями, расположенные на берегу Днепра, принадлежали некогда Николе Святоше и потом отданы им Лавре Печерской, которая владела этими имениями до последних времен. – Русские святые Пр. Филар. Издание 3-е отд. 3-е, стр. 221 – 223.

¹⁹² - Там же стр. 223.

¹⁹³ - Собр. летопис. I, стр. 115. V, стр. 165. VII, 20, IX, 140, II, 287.

¹⁹⁴ - Собр. лет. 2, стр. 18 – 19.

¹⁹⁵ - Послание Симона, Степ, книга 1, стр. 239 – 240. Сл. Чернигов стр. 39, Чернигов, 1863.

¹⁹⁶ - Русск. Святые Пр. Фил. Изд. 2-е, отд. 3-е, стр. 222 – 227.

¹⁹⁷ - См. Русск. Свят. Пр. Филар. М. Апрель стр. 91 – «В ответах его, пишет Пр. Филарет черниговский», «в Царягороде толеко в лентьи станет, коли мажут и миром; и маслом рече не мазати» и еще: «по всей Греческой земли и области не дают (молитви) своим женам попове» (памят. XII в. стр. 176 – 178). Видится бывалый человек. Но напрасно хотят видеть в них грека; – Нифонт – не то что монах пришлый в Лавре, а постриженец ея.

¹⁹⁸ - Русск. Свят. изд. 1-е М. Апрель, стр. 90.

¹⁹⁹ - Волынские Губернские Ведомости 1865 г. № 4. срав. очерк История Православ. Церк. на Волыни, стр. 30.

²⁰⁰ - Очерк Ист. Пр. Церкв. на Вол. стр. 30. Сравн. Старчевск. Очерк Литер. Русск. Ист. 1845 г. стр. 34 – 35. Также Ист. Русск. Словесн. Галах. т. I.

²⁰¹ - См. выше память Пр. Нестора на Волыни.

²⁰² - Собр. лет. III, стр. 12. Софийский временник, VII, стр. 64.

²⁰³ - Русск. Святые Апрель, стр. 90 – 98.

²⁰⁴ - Ныне село Ровенского уезда Волынской губернии.

²⁰⁵ - За сыном Владимирковым Ярославом была дочь Юрия. Истор. Росс. Гос. Сол. т. II, стр. 172, также XXXIV, прим. 266.

²⁰⁶ - Истор. Рос. Гос. Сол. т. II, стр. 167 – 168.

²⁰⁷ - Там же стр. 168.

²⁰⁸ - Местечко Волынской губернии Дубенского уезда.

²⁰⁹ - История Соловьева т. II, стр. 169.

²¹⁰ - Т.е. отцу Св. Ярополка Владимироволынского. См. житие этого Святого. Волынск. Епарх. Вед. 1871 г. № 1 и 2-й.

²¹¹ - Февраля 8-го.

²¹² - Воскрес. лет. 2, стр. 3. Никон. 2, стр. 1113. Собр. лет. Стр. 140.

²¹³ - Карамз. Т. II. Стр. 226. Конь его умре... Андрей жалую комонства его... повеле раскопати землю и тамо вставить сруб. Кар. Т. II, стр. 478, прим. 324. Летоп. По Киевскому списку, стр. 212.

²¹⁴ - На этом кургане теперь находится павильон, под которым Бернардинами была поставлена статуя swetego Iana. По повелению полиции статуя эта теперь снята, а павильон служит местом отдыха для прохожих и гуляющих.

²¹⁵ - История Рос. Гос. Сол. т. II, стр. 172.

²¹⁶ - Читай Карамзина т. II, стр. 480, примеч. 331.

²¹⁷ - Карамз. т. II, стр. 230

²¹⁸ - Сравн. Солов. Истор. Росс. т. II, стр. 174. Карамз. т. II, стр. 230 – 231.

²¹⁹ - Солов. т. II, стр. 174.

²²⁰ - Там же, стр. 176.

²²¹ - Мычск надо полагать где-нибудь между Случью и Тетеревом. Смотр. Волын. Губерн. Вед. 1867 г. № 14 стр. 22.

²²² - Истор. очерк Волыни, стр. 19.

²²³ - Старший брат Андрея Ростислав Переяславский умер в 1160 г.

²²⁴ - Кар. том II, стр. 210–484, прим. 341. Солов, т. II, стр. 186 – Историч. очерки Волыни, стр. 20.

²²⁵ - Собр. Летоп. т. 1, стр. 144, 148. 2, стр. 77–76. Лет. Передел, т. 66, 72.

²²⁶ - Собр. летоп. 2, 144, 148. Переясл. летоп. 66, 72.

²²⁷ - Степен. книга, отд. 1 стр. 299. Прол. Августа 1-го. Чтение общ. истор. 1846 г. № 3-й.

²²⁸ - Собр. лет. л. II, 1, 12. Перепел, л. 73. – Русские Свят. М. Апрель, стр. 142 – 144.

²²⁹ - Степен. книга 1, стр. 305. Русские Святые. М. Июль, стр. 145.

²³⁰ - Собр. летоп. III, стр. 16.

²³¹ - Словар. Истор. о свят. изд. 2-е, стр. 19.

²³² - Русск. Свят. М. Июль, 1663 г. стр. 137 – 160. Житие Свят. Российск. Церкв., стр. 271. Словарь Истор. о Святых, прославленных в Рос. Церкв. изд. 2-е, стр. 19.

²³³ - Собр. лет. II, 205, 206, 220.

²³⁴ - Там же, стр. 216.

- ²³⁵ - Сведен. о Монаст. стр. 430. Истор. Иерарх. III, стр. 460
- ²³⁶ - Русск. святые пр. Филарета, Сентябрь, стр. 124.
- ²³⁷ - См. в месяцесловах, 21-го декабря, в день памяти Святителя.
- ²³⁸ - Степен. книга, житие Св. Петра, списанное Святым Киприаном Митрополитом т. 1.
- ²³⁹ - См. житие Св. Петра, 21-го декабря
- ²⁴⁰ - Напр. Истор. Российск. Государства, т. IV, издание 1824 г. стр. 178.
- ²⁴¹ - См. выше, стр. 6, 7.
- ²⁴² - Истор. Древн. Галицко-Русск. княжества, Львов 1862 г. Часть III, стр. 255.
- ²⁴³ - См. Критико-Истор. повесть о Червонной Руси, Зубрицкого. Москва [1845] г. стр 54 – 55. Здесь же изложены и доказательства этой мысли.
- ²⁴⁴ - Там же стр. 67. Г. Крушинский в своем «историческом очерке Волыни» так определяет границы Древней Волыни: «на севере р. Припять, на юге верховья Днестра и его притоки, на востоке р. Случь, на западе р. Буг (Стр. 3 – 4). Но вместе с сим, полагая таким образом западный Буг границей западной Волыни, г. Крушинский тут же оговаривается в примечании: «река Запад. Буг не может признаться правильною границей Волыни, потому что, как известно, Бужане обитали по обоим сторонам Буга, следовательно их территория простиралась за буг к р. Вепру, что подтверждается как этнографическим сходством забужного поселения с Волынцами, так и тем, что самый город Волгин существовал на западной стороне Буга» (стр. 4, примеч. 2-е). А мы видели выше, что речка Рата есть один из ближайших притоков Буга.
- ²⁴⁵ - См. Краткое житие Св. Петра в Львовск. Анфологионе 1694 г. Так же Зубрицкого «Истор. древн. Галицко-Русск. княж.» ч. III, стр. 226.
- ²⁴⁶ - И в настоящее время язык и обычаи народные самым положительным образом свидетельствуют о непосредственном родстве тамошних жителей с Волынянами. Только уния наложила на них отчасти печать свою; но и та теперь все более

и более сглаживается при современных стремлениях Галичан к Православию.

²⁴⁷ - Крушинского Историч. очерк Волыни, стр. 54.

²⁴⁸ - До недостатку данных нет возможности решить, какой именно это был монастырь? Сам Зубрицкий об этом не говорит ни слова. Не постригся ли св. Петр в Ратском монастыре, что указывают в пределах настоящей Волыни? Отсюда он мог перейти потом в монастырь Дверцы, на реке Рате в Галиции?

²⁴⁹ - Русск. свят. Изд. 2-е, отд. 3-е, стр. 573.

²⁵⁰ - «В Волыни, а не близ Курска», как пишет Карамзин. См. Истор. Российск. Госуд. Т. IV, стр. 406, примеч. 243

²⁵¹ - По краткому житию св. Петра (в Амфологионе Львовском 1694 г.) водрузи жилище себе на реке Рати, ныне реченный монастырь Дворцы. «Монастырь давно закрылся; по свидетельству Зубрицкого», приходская церковь в нынешних Дворцах во имя Преображения Господа Бога и Спаса нашего, создана в позднейшее время; но в ней сохраняется перекладка от потолка стародавней, может быть, как догадывается Зубрицкий, еще Св. Петром сооруженной церкви, и иконостас. Есть еще, по свидетельству того же писателя, и пни затлевших от старости, берестов с огромной поперечины в церкви; есть и роща на правой стороне реки, под названием Петровой долины, до церкви принадлежащая; и предание о существовании здесь монастыря, по словам Зубрицкого, доселе остается в устах народа. (Зубриц. Истор. Древ. Галиции Русского княжества. Львов, 1886 г. ч. III стр. 255.

²⁵² - Читай в степ. книге 1, стр. 410.

²⁵³ - Церковь его тоже признает святым и память его полагается в 6 день декабря.

²⁵⁴ - Надпись на печати его: Rex Russiae, на другой стороне: Princers Ladimeril: Карам. 4 пр. 204. 268. Киприан: «князь же Волынския земли восхоте галичскую епископию в митрополию претворити».

²⁵⁵ - См. жит. Петр. в Степ. книге, 1, стр. 416, Кар. IV, прим. 243.

²⁵⁶ - Там же, также опис. Киево-Софийского Соб. стр. 88.
История Русск. Церкви II, стран. 112.

²⁵⁷ - Читай в жизнеоп. Пр. Филар. изд. 2-е, отд. 3-е, стр. 576.

²⁵⁸ - Никон. лет. 3, стр. 107, собр. лет. VII, стр. 185. Воскр. л. 2, стр. 273.

²⁵⁹ - Рус. свят. изд. 2-е, отд. 3-е, 577 – 578.

²⁶⁰ - Степ. Книга, 1, стр. 140; также Кар. Т. IV, стр. 406, прим. 243.

²⁶¹ - Ник. Лет. III стр. 108., Прод. Нестор. Стр. 60 и др.

²⁶² - Raynaldi annales ecclesiasticae. Т. 15.

²⁶³ - Ник. лет. III, стр 108, собр. лет. VII, стр. 186. Льв. л. 2, стр. 70.

²⁶⁴ - Вот для примера отрывок из второго поучения к духовным лицам: «учите духовных детей своих ходить в церковь Божию, приказывайте плакать о грехах своих пред Богом; пусть проводит пост благоговейно, без песней, без объедения и пьянства и приобщаются св. даров каждый год. Кто не принимает св. даров, Священники, не благословляйте их, не принимайте от них просфор и не ходит в дом их, если не принимающий даров явится на пир, или придет в братчину, вы, священники, высылайте их вон. – Тот не христианин, кто не принимает Христова дара.... Дети! Чтите родных отца и мать и вы будете жить долго; кто бранит или бьет отца или мать, умрет злою смертью; а смерть грешников люта, говорит Давид.... Совершайте крещение по преданию св. Апостолов, не обливайте водою, а погружайте в воду три раза». Далее запрещается «духовенству торговать и отдавать в рост деньги; дается наставление о браке и строго запрещаются поединки. «Чтите духовного отца, он печать тела Твоего. Войдя в Церковь, стойте со страхом, слушайте чтение апостола и Евангелия и все, что поется. Кто говорит в церкви, – это дьявол шепчет в уши ваши.... Горе не принимающему св. даров! На что надеется? Кажется человеком Божиим, а не принимает тела Христова?... Это псы“. (Изд. Костомаровым в 4 ч. памяти, стар. литературы стр. 186 – 170).

²⁶⁵ - Издано в подлиннике и с переводом в Прибавлении к творениям Св. Отцов 1844 г. выпуск 2, стр. 85–90. Кроме того по свидетельству Преосвящ. Филарета в 77 главе Стоглавника упоминается: «о вдовствующих попех поучение иже во святых отца нашего Петра митрополита всея России, и чудотворца» и предлагается из него правило: «аще у попа умрет попадья и идет в монастырь и стрижется, имеет священство свое паки; аще ли иметь пребывати и любити мирския слати, да не служит. Аще ли кто иметь не слушати моего писанья, будет неблагословен и иже приобщаются с ним. Который поп имеет упиватися, да не явится священник Христов». На соборе 1053 года также свидетельствовались «ученьем Петра митрополита» о том, чтобы не служили вдовы священники и дьяконы. (Рус. Свят. Изд. 2-е, отд. 3-е, стр. 586–587).

²⁶⁶ - Никон. л. III. 108. Сказание о хождении Св. Петра в орду у Толстого, 2. № 341. Григорьева, о достоверности Ханских ярлыков, Москва, 1842 г. стр. 111.

²⁶⁷ - Собр. лет. V, стр. 206 – 216. Воскрс. лет. 2. стр. 278 – 283.

²⁶⁸ - Собр. лет. III, стр. 73 V, стр. 217. VII, стр. 75. Львовск. лет. 2, стр. 84.

²⁶⁹ - См. завещание Иоанна Грозного: «благословляю сына моего Ивана: крест Петра Чудотворца, которым чудотворец благословил прародителя нашего». Истор. Рос. Гос. Кар. т. IX, стр. 849.

²⁷⁰ - Крестом чудотворца Петра благословил и в. к. Иоанн сына своего и наследника престола Василия, Кар. VI, прим. 607. Им благословил в. к. Василий Темный своего сына Ивана. Собр. грам. 1. 202. Вот описание сего креста от времен царя Алексея Михайловича: «крест золот Петра чудотворца, на нем образ Спасов резной стоящей, посторонь образа пресв. Богородицы да Иоанна Богослова, назади арх. Михаил; в голове камень яхонт чревчат; сорочка бархат чревчат же; крест и около креста нанизано большим жемчугом». – (Забелина быт русских царей, стр. 344. М. 1862 г.). Рус. свят. изд. 2-е, отд. 3-е, стр. 593, прим. 200.

²⁷¹ - Жития Свят. Рос. Цер. Муравьева, м. декабря стр. 153. 154.

²⁷² - Между прочим первый из Епископов вновь учрежденной Юрием Галицким и утвержденной Св. Петром Епископии Луцкой (1327 г.). См. Никон. лет. III, стр. 154; также Рус. св. изд. 2-е, отд. 3-е, стр. 593. Крушинск. Исторический очерк Волыни, стр. 54.

²⁷³ - Степен. кн. 1, 418 – 421. 406. Никон. лет. 3, 129 – 131. Собр. лет. VII. 200. Ист. акт. 1, 320.

²⁷⁴ - Acta patriarch. const. 1, 191. Vindob. 1860. Степ. кн. 1, 421 – 422. В собрании правил, которое было известно еще в XII в., одно правило говорит: аще где мощи явятся в земли, то да сотворят три чудеса: глух да прослышит, неме проглаголет, слепе да прозрит. – И аще сотворят чудеса, то от Бога и от Св. Апостол. Аще ли не сотворят тех чудес, то не примите их». (Опис. Синод. ркп. 2, 283. М. 1859). Вероятно, на это правило указывал патриарх Феогносту.

²⁷⁵ - По ркп. сборнику служб 1698 г. надпись над службою Св. Петру в 21 Дек. (она же и в минее) говорит «писа же смиренный митрополит Киприан тояж митрополю».

²⁷⁶ - Рус. Свят. изд. 2-е, отд. 3 е, стр. 572 – 596. Жития Св. Российск. церкви м. декабрь стр. 123 – 160, Степ. Кн т. 1.

²⁷⁷ - По одному капризу гордости Узбек не задумывался истреблять князей и целые области России. Так им умерщвлены: в 1318 г. Св. Князь Михаил; в 1325 г. сын его князь Димитрий; в 1339 г. другой сын Михаил Александр вместе с сыном его Феодором, в 1326 г. Князь Новосильский Александр; в 1327 г. Рязанский князь Иоанн Ярославич; в 1330 г. Стародубский князь Феодор. В 1334 г. Узбек велел русским князьям идти с Толубеем опустошать Смоленское княжество за то только, что Смоленский князь помирился с князем Брянским, хотя перед тем жаловался на него. (Русск. Свят. 1862 г. м март стр. 85).

²⁷⁸ - Русск. Свят. 1862 г. м. март, стр. 85.

²⁷⁹ - Собр. лет. III, стр. 76, 76. V. стр. 52. VII, стр. 219. Никон. лет. 3, стр. 157 – 159.

- 280 - Никон. лет. 3, стр. 155.
- 281 - Ник. лет. 3, стр. 154 – 156.
- 282 - Русск. свят. м. март, стр. 67.
- 283 - Григорьева о ярлыках стр. 122, 123. 80, 90, 91, 94. Львов, лет. 2, стр. 107 – 109.
- 284 - Ник. лет. 3, стр. 182 – 186.
- 285 - Так за год пред тем он в угоду языческим жрецам замучил трех христиан в Вильне, Иоанна, Антония и Евстафия, которые церковью призваны святыми. Память их Апреля 14.
- 286 - Степ. кн. I, стр. 444. Русск., врем. 1, стр. 178, Львов. Лет. т. 2. стр. 118 – 119.
- 287 - Соборн. деяние 1389 г. в архиве Калагова кн. 3, с.-пб. 1861 г. стр. 8, 10, 18. Acta Patriarch. Constantinop. 3, стр. 118. wind. в. 1862
- 288 - Приб. к опис. киевск. соб. стр. 38, № 8. Акт. 3. Р. № 12 зубр., о ч. р. под. бук. Д. проток. конст. Патр. Грам. 46 – 48.
- 289 - Послание к Игумену Сергию; Православный Собеседник 1860.
- 290 - Протоколы патриарха № 35 и 43. Журн. Минист. просвет., 1857 г. Acta Patriarch. Constantinop 2, стр. 12 – 18.
- 291 - Степ. книг. 1. стр. 420 – 422.
- 292 - Собр. лет. 1, стр. 233, Ник. Лет 4, стр. 77, 78, 92, 93.
- 293 - См. посл. к игум. Сергию Правосл. собеседн. 1860 года.
- 294 - Actu Patriarch. Constant. 2, стр. 157, 180, 181.
- 295 - См. у Карамзина т. V, прим. 254, под 1398 г. Никон. Лет. 4, стр. 268, Степен. Кн. 1, стр. 526
- 296 - Твор. Св. Отц. кн. 2, гл. 6, стр. 336, 1847 г. Истор. Российск. изд. т. V, стр. 153. прим. 254.
- 297 - Волын. Епарх. Вед. 1868 г. № 20. стр. 564. Никонов. лет. 4, 1401 г.
- 298 - Карамз. т. V, примеч. 232, 254. Нирбут Dziję narod. Lit. VI, стр. 87.
- 299 - Ник. лет. 4, стр. 318, 5, стр. [1] – 7. Львовск. лет. 2, стр. 239. Русск. врем. 1, стр. 218, 219.

³⁰⁰ - Ст. кн. 2, стр. 89. Львовск. лет. 3, стр. 26.

³⁰¹ - Русск. св. Филар. издан. 2-е, отд. 3-е, стр. 60 Словарь истор. о свят. стран. 132.

³⁰² - В тоже время Витовт князь Литовский отправил в Константинополь Феодосия Епископа Полоцкого с настойчивою просьбою о посвящении его в Митрополита, с тем, чтобы он был отдельным Московским Митрополитом. Эго желание властителей юго-запада иметь особого Митрополита на этот раз обнаружилось в резком виде от того, что Витовт и великий князь Московский вели тогда войну между собою. Но Патриарх устоял еще раз против подобных покушений, и Фотий был посвящен общим Митрополитом всея Руси.

³⁰³ - Никонов. лет. 5, стр. 33, 107. Собр. лет. 6, стр. 145. Степ. кн. 2, стр. 30.

³⁰⁴ - Истор. очерк Волыни Крушинск. стр. 72.

³⁰⁵ - Русск. свят. Июль 1862 г. стр. 17

³⁰⁶ - Собр. Лет. 5, стр. 259. Ник. Лет. 5, стр. 51–59. Продол. Нестор, стр. 238, степен. кн. 2, стр. 34, 35.

³⁰⁷ - Акт зап. России 2, 24, 26. Ник. лет. 5. стр. 59 – 64.

³⁰⁸ - Истор. Акт 1, № 19. Замечательно, что во всех своих посланиях Фотий ни разу не упоминал о своей личности в защиту возведенных на него обвинений. Но в чем было оправдываться невинному? Черта поучительная, вполне приличная Пастырю. Русск. свят. Июль, стр. 18.

³⁰⁹ - Собр. лет. 4, стр. 116.

³¹⁰ - Собр. лет. 3, стр. 116; 6, стр. 140. Львовск. лет. 2, стр. 266 – 257.

³¹¹ - Истор. очерк Волыни Крушинского.

³¹² - Собр. лет. 4, стр. 117.

³¹³ - Дополнение к истор. актам 1, стр. 338.

³¹⁴ - Лит. Дополн. стр. 244. Литов. лет. стр. 66. Истор. Российск. Госуд. т. V, стр. 225.

³¹⁵ - Стрийковский называет прибывшего в Луцк великого князя Московского зятем Витовта *Był na tym zjeździe Wasyl wielki kniaz Moskiewsky, zec Witowta (kronika Polak. litewsk. tom III, стр.*

168). Но Василий Дмитриевич зять Витовта не мог быть на этом съезде. Он умер за четыре года до этого съезда в 1425 г. Так. обр. на Луцком съезде был сын Василия Дмитриевича, Василий Васильевич, внук Витовта (истор. Карамз. т. V, стр. 242).

³¹⁶ - Истор. очерк Волыни Крушинского стр. 72.

³¹⁷ - Киевлян. 1866 г., № 20. Ковальницкого. Луцк в 1429 г. и Витовтова корона, стр. 79, также сборник памятников русской народности и православия на Волыни, выпуск 1-й 1868 г., стр. 3, примеч. 1-е.

³¹⁸ - Желающих ближе познакомиться с этим съездом отсылаем к книге Крашевского: *Wspomnienia wolynia, poliesia i Litwy*, – Wilno 1840 г., стр. 51 – 87.

³¹⁹ - Маяк 1840 г., часть XII, стр. 218.

³²⁰ - Никон. лет. 6, стр. 96–97. степ. кн. 2, стр. 48. Длугош Lib, XI, стр. 542. Акт. Зак. Росс. 2. № 144, Маяк 1640 г., ч. XII, стр. 218–219.

³²¹ - Акты Запад. Рос. 1, примеч. 32. Другое сочинение св. Фотия против Латынян в Синод, библи. Русск. свят. Июль, 1862 г., стр. 55– 56, примеч. 53.

³²² - Руск. свят. Июль, стр. 26

³²³ - После утрени Фотий лег отдохнуть. В это время в его комнате вдруг воссиял необыкновенный свет и святитель увидел пред собою Ангела Божия, который сказал ему, что Господь – «дал ему седмицу на рассмотрение его жизни и на распоряжение о пастве». – Русск. свят. Июль, стр. 24

³²⁴ - Собр. лет 4, стр. 206; стр. 264, – 6, стр. 144, Ник. лет. 5, стр. 97–98

³²⁵ - Пролог Мая 29. Степен. кн. 2, стр. 90–96. Львовск. лет. Стр. 26.

³²⁶ - Слов. истор. о свят. стр. 239.

³²⁷ - Стебельского: *Przydatek do Chronologii*, т. III. – Максимовича: «Письмо о Князьях Острожских к графине А. Д. Блудовой». Киев, 1866 г., стр. 3. – Сравн. Кромера т. IX, стр. 239. – Крушинского: «Исторический Очерк Волыни». Житомир, 1867 г., стр. 61.

³²⁸ - Максимовича II, о князьях Острожских, стр. 4. По представлению Польских писателей родословие Князей Острожских начинается собственно с Ярослава Святополковича, внука Св. Владимира, Князя Владимирского на Волыни, убитого в 1113 году под Киевом, во время войны с Владимиром Мономахом. – Этот Ярослав был дед Давида Игоревича, и как предполагают, родоначальник Князей Острожских. Папроцкого, Herby, 1099. Сравн. Стебельского Przydatek do Chronol. т. III, стр. 4 – 9.

³²⁹ - См. родословную таблицу князей удельной системы в любой Русской Истории, напр. Иловайского: «Краткие очерки русской Истории», отд. II, стр 25; Максимовича II. «О князьях Острожских», стр. 4.

³³⁰ - П. О князьях Острожских, стр. 4 – 5.

³³¹ - Памятники Киевской К. т. IV, I, стр. III.

³³² - Максим. П, о князьях Острожских, стр. 5.

³³³ - В конце Волынской Летописи между прочим читаем следующее: «В лето 6800 (1292 г.) преставися Пинский Князь Юрий, сын Владимиров, кроткий, смиренный... И плакася по нем Княгиня его, и сынове его и вси людие плакахуся по нем плачем великим». «Из сыновей второго Юрия, говорит Максим., с князя Димитрия и начинаются Князья Острожские». П. О князьях Острожских, стр. 6.

³³⁴ - То, что некоторые и в том числе сам преосв. Филарет, архиеп. Черниговский в своих жизнеописаниях Русских Святых (см. м. Август, 28 д.) называют пр. Феодора не Даниловичем, а Васильевичем, есть не более как догадка Несецкого, который в своем Гербарии (т. III) помещает между Феодором и Даниилом еще некоего неизвестного Василия, на том, как объясняет Стебельский, основании, что 1) «помянутый Даниил жил будто бы только до 1349 года»; между тем известно, что Феодор процветал даже до 1432 года» – для какового продолжения времени Несецкому, по словам Стебельского, «показалось недостаточным, чтобы Феодор был сыном Даниила»; 2) «Он (Несецкий), по словам Стебельского, сам говорит, что он читал в правных памятниках Острожского (Иезуитского) коллегиума,

будто Федор (т. е. Феодор) Васильевич Острожский подарил в монастырь законникам Св. Доминика Церковь Божией Матери (по догадкам Стебельского в г. Заславле на Волыни)»; отсюда заключаете Несецкий, видно само собою, что помянутый выше Даниил имел сына Василия, а тот Феодора Князя Острожского». Но 1) мы увидим далее, что по сказаниям других Польских же писателей, Князь Даниил жил несравненно долее 1349 г., а именно: даже будто бы до 1419 г., так что Пр. Феодор мог не более 80 – 90 лет и все таки иметь отца Даниила; и 2) самые Польские писатели, приведенным доводам Несецкого, многие не дают такой веры, чтобы считать их несомненными. (см. Стебельск. *Przydat do Chronol.* стр. 69 – 70, в примет. Сравн. Гвагнина *Opisanie XX Ostrogskich* кн. III, ч. 1, стр. 317). Может быть Даниил, отец Феодора, по старинному обычаю, имел два имени, как напр. в последствии потомок его Константин-Василий, и тогда Пр. Феодор также без сомнения мог быть назван Васильевичем, как и Даниловичем, хотя последнее отчество должно по необходимости остаться за Феодором как несомненно историческое и исключительно ему принадлежащее.

³³⁵ - Стебельск. *Przyd. do Chron.* т. III, стр. 67 сравн. Бельского, кн. III, стр. 192. Кром., кн. IX, стр. 1071, хотя последний впрочем для этого события назначает не 1343, а 1344 год.

³³⁶ - Связание о препод. Феодоре граф. Блудовой, Почаев 1871 г., стр. 8.

³³⁷ - Стебельского: *Przydatek do Chronol*, т. III, стр. 68 – 69 Крушинского «Историч. Очерк Волыни», стр. 65 – 66.

³³⁸ - Сказание о препод. Феодоре, стр. 8.

³³⁹ - Выпись 1634 г. помещается в «Кратком описании гор. Острога», составленном Перлштейном в дополнение к Острожской старине Домбровского. Киевлянин, 1840 г. Сравн. II, о княз. Острожск., стр. 9.

³⁴⁰ - Истор. Очерк Волыни, стр. 81. Сказ. о преп. Феодоре, стр. 9.

³⁴¹ - Длугош, *Ksiega XI*, стр. 251.

- ³⁴² - Сказ. о Пр. Феодоре, стр. 9. II, о Княз. Остр., стр. 9.
- ³⁴³ - Там же. – Грамоты Литовск. В. Князей с 1390 по 1569, собранные и изданные под редакцией В. Алтондвиг и К. Козловского. Киев 1868 г., грам. 1, стр. 2, в примч. – Сказ. о Преп. Феодоре, стр. 9, 10
- ³⁴⁴ - Кремер, стр. 394. История Российского Госуд. т. V, стр. 167 – Описан. Киев. Соб. Евгения, стр. 106.
- ³⁴⁵ - Сказание о Преп. Феодоре, стр. 13.
- ³⁴⁶ - Развалины древнего замка на горе Бонне, в городе Кременце. Иллюстрированная газета, 1868 года.
- ³⁴⁷ - Надобно заметить, что у историков, у которых говорится об этом событии, Острожский Князь, принимавший участие в судьб Свидригайло, называется не Федором, а Дашком. Но это только уменьшительное имя Пр. Феодора, составленное от имени отца его Даниила, по обычаю и до сих пор известному в Малороссы, где так часто встречаются разные Григоренки, Петренки и ороч.
- ³⁴⁸ - Даниловича: Skarbie dipl. Matow. Wilno 1862 г. т. II, стр. 55 № 1229. Сравн. Коцебу: Switrig. Стр. 40–41 Зубрицкого: «Критико-историч. повесть о червонной Руси», Москва 1845 г., стр. 232
- ³⁴⁹ - Сказание о преп. Феодор. стр. 17
- ³⁵⁰ - Длугош: Ksiega XI, стр. 251. – Сказан о пр. Феодоре. стр. 17 – 18.
- ³⁵¹ - Не был ли православным человеком Иероним Пражский? А. Будиловича, стр. 8 и др.
- ³⁵² - Чехия и Моравия. Издание славянского Благотворителеного Комитета, стр. 61 и др.
- ³⁵³ - Там же, стр. 62. Палацкого: Dejny narodu Ceskego., т. III, ч. 1, стр. 480 – 481 и др.
- ³⁵⁴ - Dejny narodu Ceskego., т. III, ч. 1, стр. 482 – 483 и т. д.
- ³⁵⁵ - Чехия и Моравия, стр. 63.
- ³⁵⁶ - Dejny narodu Cesk., т. III, ч 1, стр. 484 – 485 и след.
- ³⁵⁷ - Там же, т. III, ч. 2, стр. 116 и др.
- ³⁵⁸ - Сказание о Преп. Феодоре, стр. 18–27.

- 359 - Антоновича Грамоты В. К. Литовск., стр. 2–3
- 360 - Крушинского ист. очерк Волын., стр. 76.
- 361 - *Ex omnibus prineipibne Litvaniae et Russjae vir magnae audaciae et magnae in armia aestimationis. Dlugoez*, стр. 616.
- 362 - Максимовича письма о князьях Острожск., стр. 10.
- 363 - Там же, стр. 10 Зубрицк. о Черв. Руси, стр. 300.
- 364 - Зубрицкого очерки Руси, стр. 300.
- 365 - Читая Копостырин, мы держимся ближе текста Зубрицкого (очерки Руси, стр. 301), у Нарбута: Коперштилъ, стр. 122.
- 366 - Максимовича о князьях Острожских, стр. 10 – 11. Зубрицкого 300 – 302.
- 367 - *Dlngoez*, стр. 619. Стебельск *Dokatek do Chronolog*, стр. 71. Зубрицк., стр. 302.
- 368 - Стебельский: *Dodutek do Chronologii*, т. III, стр. 71.
- 369 - Зубрицкий о червонной Руси, стр. 302. Нарбут, т. VII, стр. 122 – 123.
- 370 - Нарбут, т. VII, стр. 123.
- 371 - О червонной Руси, стр. 300 – 302.
- 372 - Максимовича, о князьях Острож., стр. 2.
- 373 - *Dlugosz*, стр. 618 – 621.
- 374 - Стебельск. *Dodatek do Chronologii*, т. III, стр. 71; также сборник памятников русской народности и православия на Волыни, вып. 1-й, Житомир 1868 г., стр. 2.
- 375 - Зубрицк. о червонной руси, стр. 308; Нарбута, т. VII, стр. 146.
- 376 - Зубрицк. о червонной руси, стр. 307–308
- 377 - Свидригайло уступил Бучацкого магистру ордена меченосцев, который впоследствии обменял его на командора Крестоносцев. Нарбут, т. VII, стр. 146.
- 378 - Зубрицк. О червонной руси, стр. 308.
- 379 - Крушинск. Историческ. Очерк Волыни, стр. 76–77
- 380 - Стебельск. *Dodatek do chronologii*, т. III, стр. 72.
- 381 - Крушинск. Истор. очерк. Волыни, стр. 77.

- ³⁸² - Очерк истории православной Церкви на Волыни, стр. 100. Зубрицк. о червой. руси, стр. 320
- ³⁸³ - Зубрицк. о червой. руси, стр. 319, примеч. 192
- ³⁸⁴ - Зубрицк. О червоной руси, стр. 319, примеч. 192.
- ³⁸⁵ - О червон. руси, стр. 319.
- ³⁸⁶ - Kromeri inventarium archir. regni, стр. 1434.
- ³⁸⁷ - Нарбута, т. VII, стр. 158. Зубрицк. О червоной руси, стр. 319.
- ³⁸⁸ - По Зубрицкому это должен быть Соколов между Острогом и Острожком на Волыни, стр. 319. Кромер называет его: Socolicia там же, примеч. 193.
- ³⁸⁹ - Зубрицк. О червоной руси, стр. 319 – 320.
- ³⁹⁰ - Антоновича Грамоты. В. К. Литовского, стр. 3.
- ³⁹¹ - Там же, стр. 3 – 4.
- ³⁹² - См. Русские Свят. пр. Филарета Черниг. Месяц август, 28 дня.
- ³⁹³ - Крушинского, Истор. очерк Волыни, стр. 77 – 78.
- ³⁹⁴ - Антоновича: грам. В. К. Литовского, стр. 4.
- ³⁹⁵ - Максимовича письмо о князьях Острожских, стр. 12. По визитационной книге храм Пречистой основан кн. Феодором 1442 года будто бы для доминиканцев митр. Исидора. (Русск. святцы Филарета, августа 28 дня). Сколько впрочем последнее мнение неосновательно, настолько первое заслуживает вероятия, потому что оно как раз назначает время основания этого храма к концу политической деятельности пр. Феодора, когда ему всего естественнее приходилось думать о Боге.
- ³⁹⁶ - См. собрание подлинных малороссийских сказаний, находящихся в рукописной книге (Киево-печ. Лавры): «краткия жизнеописания пр. отец дальних пещер, с присовокуплением тропарей и кондаков сим святым». Игум. Модеста; краткие сказания о жизни и подвигах св. отцев дальних пещер Киево-Печерской Лавры. Киев 1862 г., стр. 61.
- ³⁹⁷ - Русск. святые М. Август. 28 д.
- ³⁹⁸ - О князьях Острожск., стр. 13.

399 - Стебельский: Dodatek do Chronol., стр. 73, Максимов, о князьях Остр., стр. 14.

400 - Максимов, о князьях Острожск., стр. 4 – 12.

401 - Модеста, краткие сказания, стр. 61

402 - Русск. словесность и искусства. 2, стр. 356.

403 - Теперь приписная к соборной Острожской Воскресенской церкви.

404 - На это в особенности указывает, надпись в середине головного венца, которая повторяется два раза, – одна новейшая, а другая старинная, вышедшая от времени из под краски, когда-то ее закрывающей.

405 - Модеста, краткие сказания, стр. 61.

406 - О князьях Острожских, стр. 13.

407 - Не говорим уже о том, что Несецкий, как мы видели, потому именно и не признает Феодора сыном Даниила, что таковое ироисхождение, по его мнению, назначает для жизни последнего много времени. См. Стебельск. Dodatek do Chronologii, т. III, стр. 69 – 70.

408 - А это очевидно не дает нам возможности согласиться с пр. Филаретом, будто бы «в 1442 г. кн. Феодора уже не было в живых». (Русск. святцы, Август 20 д.).

409 - Игумен. Модест, кратк. сказания, стр. 20.

410 - Говоримъ об этом между прочим для того, что у нас на Волыни существовало мнение, будто пр. Феодор был погребен въ Остроге, и даже указывали надгробную доску, которая там была некогда над его могилой. Доска эта ныне помещается пред престолом в Хоровской церкви (Острожского уезда). Ныне доказано, что эта доска позднейшего происхождения, и если точно была над гробом какого-либо Острожского князя, то одного из потомков пр. Феодора, напр. Василия или Ивана, но отнюдь не Феодора.

411 - Teraturgima, 1638 г., стр. 51.

412 - Модеста, краткие сказания, стр. IX

413 - Там же, стр. 61.

⁴¹⁴ - См. Служб, пр. отцам печерским, их же нетленные мощи в дальней пещере почивают. Киев 1855 г. Канона песнь 6-я, троп. 4, стр. III, на обор.

⁴¹⁵ - Тропарь пр. Феодору, гласи 5. Княжеских дароношении и всего суетского мирского спешне отвергся, Божиих же дарований премудре Феодоре, преискренни приобщитися желая, приял еси иноческий образ и в нем смиренным послушанием, и безмолвным житием Царю Небесному благоугождая, получил еси от него безсмертныя дары, ихже и нам чтущим тя получитьи молися. (Модеста, краткие сказания стр. 61).

⁴¹⁶ - Карамзин, упоминая о Дубровицких князьях, между прочим замечает, что «Дубровна есть местечко Могилевской губернии, в Оршанском округе. (Истор. Госуд. Российск. Т. III, примеч. 304). Но в том же месте в примечании под чертою он оговаривается: «на реке Нижней Горыни есте место Дубровица: оно у поляков долго называлось княжеством (сообщено З. Ходаковским)», из прибавлений в конце XIII, издан. 1819 г. – А это-то именно и есть Домбровица, в Ровенском уезде, Волынской губернии, на реке Горыни.

⁴¹⁷ - Ист. Госуд. Российск. т. III, гл. III, издание 1842 г. кн. 1, пр. 41.

⁴¹⁸ - Киевлянин 1840 г., стр. 244 – 246. Сравн. Карамзина, изд. 1842 г. кн. 1, стр. 145. «А князи издавиша, подкладше под дскы, а сами верху седоша обедати», (там же прим. 304).

⁴¹⁹ - У Кальнофойского (Teraturgima) некоторые из Домбровицких князей, равно как и св. Иулиания, именуются не Домбровицкими, но Дубровскими. Но это ничто иное, как замена главного корня этой фамилии, вместо Домброва (роща), тождественным и едва ли не древнейшим Славянским наименованием «Дуброва». (Волынск. губерн. Ведом. 1855 г., № 39, часть неофициц., стр. 116).

⁴²⁰ - Киевлянин 1840 г. Максимовича о Домбровице, стр. 241 – 250. См. ныне, собрание сочинений М. А. Максимовича, т. II, стр. 402 – 405.

⁴²¹ - Волынск. губерн. Вед. 1855 г., № 39, часть неоф., стр. 118.

⁴²² - Описан. Киево-Софийск. Собора, стр. 106.

⁴²³ - Коялович: *Histor Lithwan. pars II, Antverpiae*, 1669 ап., стр. 297. *Teraturgima* Кальнофойского, стр. 63.

⁴²⁴ - Г. Максимович.; преосвящ. Филарет Черниг.

⁴²⁵ - Пр. Филарета Черниговск. Русск. Свят. мес. Июль; 1864 г., 42. Надобно заметить, что князь Иван Домбровицкий, воевода Киевский, обыкновенно именуемый только князем Домбровицким, в тоже время подписывался и Гольшанским или Ольшанским, как пишется и именуется св. Иулиания и отец ее Юрий. Волын. губ. 1855 г., № 39, часть неоффиц., стр. 118.

⁴²⁶ - Кояловича: *Histor. Lithwan.*, стр. 391. Юевлянин 1840 г., стр. 248. – Это известное Пересопницкое Евангелие, которое с 1556 по 1561 г, было переведено Ар-химандритом Пересопницкаго монастыря Григорием из языка Болгарсваго, на Русскую иову. (Журн. Минист. Народн. ПросвФщ. 1858 г. № 5), и с 1561 по 1566 г. предписано в Пересопницком Рождество-Богородичном монастырф, часпю же в дфвичеем Заславском монастырф, гдф Настасея Юреевна, по смерти мужа, была Игумешей. (Истор. Руссв. Ц. пр. Филарета, период 3, стр. 175)

⁴²⁷ - Это тот самый Юрий Острожский, который получил Заславль от отца своего Василия Острожского и Заславского, и первый из рода князей Острожских начал писаться Заславским. (Волынск. Губ. Вед. 1868 г., № 81. Часте неоффиц., стр. 323).

⁴²⁸ - Там же. В половине XV в. известен был на Волыни тоже князь Юрий, сын Симеона Гольшанского, который в 1440 г. способствовал в возведении на престол Великого князя Литовского Казимира; но он не мог быть отцом Анастаса, жившей еще 1561 г., иначе последней пришлось бы назначить свыше сотни лет, – обстоятельство, которое не могло быть пройдено историей. (Сравн. Максимовича Киевлян. 1840 г., стр. 249).

⁴²⁹ - Надпись найденная на гробе св. Иулиании: «Иулиания княжна Ольшанская, дочь князя Георгия Дубровицкого

Ольшанского, преставляшаяся девою на 16 г. от рождения». Патер. Печерск., стр. 206 – 207. Сказание об обретении св мощей. К. 1705 г.

⁴³⁰ - Описание Киево-Печерск Лавры, стр. 110.

⁴³¹ - Максимович: Киевлян. 1640 г., стр 248 – 250. Преосв. Филарет. Черн. Русск. Святые, Май. Июль (1862 г.), стр. 42. Замечательно, что эту же мысль разделяют и Польские писатели. См. Dombrowica, Gr. Platera: Dziennik Warezawsky № 10 Rok. 1852 31 Grudnia – 12 Stycznia.

⁴³² - Мелетия Сиряга «правило препод. печерск.» песнь II, тропарь последний.

⁴³³ - Служба пр. отцам, «их же нетленные мощи в ближней пещере почивают» Канона песнь 9 троп. 7.

⁴³⁴ - Премудр. Соломона гл. IV, ст II, 14 – 15.

⁴³⁵ - Патерик Печерск., стр. 206 – 208.

⁴³⁶ - Житие Святых. Российск. церкв. Июль, стр. 22.

⁴³⁷ - Teratnrgima, стр. 129. Патер. Печерск., стр. 209 – 210.

⁴³⁸ - Словарь Истор. о Свят. Р. ц., стр. 127.

⁴³⁹ - Патер. печерск., стр. 210.

⁴⁴⁰ - От того-то между прочим в нашей церкви праздник Св. Иулиании и называется «обретением мощей Св. Иулиании девицы, почивающей в Киево-Печерской Лавре» Киевск. святцы и месяцеслов.

⁴⁴¹ - Teratnrgima, стр. 37.

⁴⁴² - Известно, что ересь Социнианская есть одна из самых вредных и опаснейших, выродившихся на почве протестанства. Она зашла в пределы Юго-Западного края Росии в начале XVI в. из Польши, где племянник и наследник родоначальника Социниан (Лелио Социно) Фавст Социн нашел множество последователей, распространившихся по всем пределам тогдашнего Польского Королевства, в состав коего входил и Киев. Социниане учат, что Св. Писание есть одно и единственное правило веры; отвергают все таинства и все догматы, которые кажутся им непонятными, как-то: Троичность Божества, Божество Иисуса Христа, воплощение,

удовлетворение за грехи, влияние первородного греха, действие благодати, оправдание и т. н. Мало того, они не верят даже в такие истины, как вечность Божия, бесконечность, всемогущество. Хотя они и соглашаются называть Иисуса Христа Словом Божиим, Сыном Божиим, Богом явившимся во плоти, как учит Св. Писание, но понимают по своему и всеми силами стараются доказать, что Слово или Сын неечно, не равно, не единосущно Богу Отцу. В Православной Литературе Юго-Западного края России XVI – XVIII в. их называют иначе Арианами.

⁴⁴³ - Teraturgima, стр. 129– 130.

⁴⁴⁴ - Житие Свят. Росс. церк. июль, стр. 24 – 25.

⁴⁴⁵ - Словарь историческ. о Святых Российск. Церкви, стр. 127.

⁴⁴⁶ - Мелетий Сириг, в правиле Преподобным Печерским Акафист. К. 1764 г. Кроме этого мы встречали следующий рукописный Тропарь Св. Иулиании. Тропарь глас 2. Девства добротами преочищена и целомудрия цветами венчавшись, Богоблаженная дево Иулиание, явилася еси миру в нетленном телеси твоём, источник исцелений и даров духовных подавая всем к тебе притекающим: и ныне, яко свеща теплая, благодати елеем возженная, предстоя престолу Господа и жениха твоего небесного того моли, дево чистая, избавити нас от всякого зла, чтущих память твою верою и любовью. Кондак глас 8. Приводим Ти, о Всещедре, Иулианию, присносветящую свещу, елеем благодати обдержимую, немощным цельбу: ея же молитвами от всякого зла свободи нас и спаси всех, еже Тя с поклонением величают. (Из правила Препод. Печерск. Песнь 9, Тропарь последний).

⁴⁴⁷ - История Российской Иерархии ч. VI стр. 560.

⁴⁴⁸ - История Русской церкви, Филарета, архиеп. Черниговского; период четвертый; издание третье, стр. 209.

⁴⁴⁹ - Русские святые, чтимые всею церковью или местно. Чернигов, издан. 2-е 1865 г. отд. 3-е, стр. 267–275.

⁴⁵⁰ - Жития святых Российской церкви, также Иверских и Славянских, и местно-чтимых подвижников благочестия. М.

Август, С.-Петербург. 1858 г. стр. 45– 54.

⁴⁵¹ - Изъ прочих источников, упоминающих о преподобном Иове, можно указать: 1) «Очерк истории православной церкви на Волыни» профессора с.-петербургской семинарии Плат. Карашевича Спб. 1855 г. стр. 147. 2) «Журнал министр. народн. просвещ.» 1845г. м. январь, смесь, стр. 5–6. 3) «Киевлянин» 1840 г. стр. 95–97; 115–116. 4) «Маяк» 1845 г. т. XXIII, стр. 43–44. 5) «Странник» 1864 г. м. ноября, стр. 37–44. 6) «Письма о князьях Острожских к графине А. Д. Блудовой», Михаила Максимовича. Киевъ. 1866 г. стр. 33–34, и многие другие.

⁴⁵² - Житие это можно читать в печати, в особой брошюре, издаваемой в Почаевской лавре для распространения между поклонниками. Кроме сего нам удалось найти униатский рукописный список этого жития, писанный полууставом, в книге, хранившейся при делах бывшего статистического комитета при Волынской семинарии, под заглавием «*Хієга cudow obrazu Roszajowskiego N. Maryi Panny i Stopki*» (книга чудес Почаевской Пресвятой Марии Девы и Стопы). В этом списке, кроме особых сведений о чудесах преподобнаго Иова, сохранившихся во время унии (см. ниже глава IV), сравнительно с печатным оригиналом есть также некоторые особые прибавления в самом тексте, которыми мы воспользуемся на своих местах. – Что касается собственно личности Досифея, как писателя помянутого жития, то об нем только известно, что это был ближайший ученик пр. Иова, в течении долгих лет бывший свидетелем жизни и подвигов своего наставника: он же, как увидим далее, собственными глазами видел однажды чудесное озарение пещеры преп. Иова во время его молитвы (см. ниже глав. III); наконец сам же Досифей удостоился чудесного исцеления от своего учителя, при открытии мощей его 1369 г. глав. IV). С этого же года Досифей начал и свое игуменство в Почаевской обители, так что по порядку он был третьим преемником пр. Иова (Сравн. ниже главы III примечание 4). Других сведений о Досифее ни в архиве Почаевской лавры, ни в других исторических памятниках мы не могли отыскать. *Хієго Cudow* в настоящее время востребована Лаврой из Волынской Семинарии и хранится в ее Архиве.

⁴⁵³ - Гора Почаевская, Стопою, чудесне, из ней истекающею, чудодейственную воду имущую, и Иконою чудотворною пресвятыя Девы, Матере Божия Марии, почтена, всему миру ясна и явна, – типом, привилегиями его Королевския Милости утвержденным, в святой Обители Почаевской, чина Св. Василия Великаго, провенции польския, изображенная, Лета Господня 1793» стр. 6 – 7.

⁴⁵⁴ - См. ниже глава 1-я, примеч. 9 и 36.

⁴⁵⁵ - Сравн. «О значении пр. Иова, Почаевского Игумена в истории русской жизни» П. Кулиша. Газета Крест. Календ. 1875 г. № 45, 47.

⁴⁵⁶ - *Dukcyonarzyk Geograficzny... przez pana Gelarda. W Warszawie, 1784 г. т. II стр. 295.*

⁴⁵⁷ - В настоящее время эта часть Галиции принадлежит Австрии, в которой присоединена при первом разделе Польши 1773 г. и теперь составляет так называемый «коломыйский повет или уезд» между Днестром и Молдавой. Там же стр. 296.

⁴⁵⁸ - Житие блаж. отца нашего Иова Железа, святой чудотворной Почаевской лавры игумена, от иеромонаха Досифея, ученика его и по нем тояже св. обители игумена бывшего, списанное. «По печатному, и Лавре Почаевской изданию, стр. 1. При этом мы полагаем время рождения пр. Иова около 1551 г., потому что, по прямому указанию Досифея, пр. Иов прожил сто лет («яко дойти ему ста лет»), и скончался 1651 г. (стр. 5 на обор, и 6). Следовательно его рождение должно быть не позже 1551 г. Кроме этого можно даже отчасти примерно определить число и месяц рождения пр. Иова. Ибо Досифей, замечая, что в 1651 г. 28 октября, т. е. во время кончины пр. Иова, ему исполнилось «сто лет», вместе с этим свидетельствует, что первоначальное свое имя Иоанна пр. Иов получил во имя св. Иоанна Предтечи (Жит. бл. Иова, по печатн. изданию стр. 1 на обор.). А мы знаем, что в нашей православной церкви издревле празднуется: «зачатие св. Иоанна Предтечи» 23 Сентября (смотри, напр. современную пр. Иову острожскую первоначальную славянскую библию 1581 г., святцы лист 72). Теперь, если к этому примем во внимание

древший обычай христианский давать имена детям в память тех угодников, которые по месяцеслову приходятся во дни их рождения, то по всей вероятности рождение пр. Иова надобно положить в последних числах сентября месяца 1551 г. Это мнение заслуживает вероятия, потому что, с принятием его, в октябре (28 дня) 1651 г. мы как раз получаем круглую сотню лет, вполне соответствующую сотне лет, который, по указанию Досифея, пр. Иов прожил на земле.

⁴⁵⁹ - Смотр, ниже о подписи пр. Иова на завещании основательницы Зачаецкого монастыря Ирины Ярмолинской 1646 г. которое и теперь в подлиннике хранится в лавре Почаевской. – (Глав. III, §§ 5, 6).

⁴⁶⁰ - Подробнее о сем смотр. исследование наше в Волынских Епарх. Ведомостях 1878 г. под заглавием: «Род преподобного Иова, игумена и чудотворца Почаевского в памятниках лавры Почаевской.»

⁴⁶¹ - Жит. бл. Иова по печатн. изданию, стр. 1

⁴⁶² - Там же, стр. 1 на обор.

⁴⁶³ - Житие бл. Иова в *Xiegie cudow obrazu Poczaiewskiego Navswientaczey Maryi Panni i stopki* стр. 1

⁴⁶⁴ - Житие бл. Иова в *Xiegie cudow* стр. 2, по печатн. изданию стр. 1 на обороте. Между прочим в 74 и 75 №№ Волынских губернских ведомостей 1868 г. автор статьи: «Дерманския горы, Антоновецкий лес и стожкообразныя возвышенности Кременецкихгор» думает видеть остатки Угорницкого монастыря в церкви р. Троицы в с. Угорске кременецкого уезда. «В народе носятся толки, пишет он, будто угорскую троицкую церковь построил преподобный Иов...» по словам местного священника (сообщенным автору), народ верит, что вблизи троицкой церкви есть и пещера или точнее грот, в котором некоторое время проживал преподобный Иов?... Увлечшись этими сведениями, и в особенности принимая во внимание созвучие Угорска и Угорницка, почтенный автор заключает, что «высказанное им мнение можно принять за предположение, заслуживающее внимания» (стр. 299). Но при этом г. автор забыл справиться, что по прямому сказанию

Досифея пр. Иов не строил Угорницкого монастыря, а прибыл в монастырь уже готовый, и что сверх того в помянутом монастыре была церковь не троицкая, а Преображенская. Кроме того в *Хісгіє судов*, в песни, составленной во имя пр. Иова, место пострижения его прямо полагается в монастыре Угорниках, а не Угорске (житие блаж. Иова, стр. 21). – и Петр Могила, в завещании своем 1648 г. между общежительными монастырями, неимеющими никаких доходов, помещает монастырь Угорник, а не Угорск (Киевск. памятн. 2, отд. 1. стр. 168). – Не говорим уже о том, что Угорники или Угерники и доселе существуют на Покуты в Галиции, тогда как на Волыни не сохранилось никаких исторических данных, которые хоть бы намекали на существование монастыря в Угорске. (Сравн. для примера Петрова: «краткие сведения о монастырях Волынской епархии в настоящее время не существующих». Волыnsk. епарх. ведомости. Часть неоффиц. №№ 2 – 8.)»

⁴⁶⁵ - Житие блаженного Иова по печатному изд. стр. 2 на обор.

⁴⁶⁶ - Житие бл. Иова по печатн. изд. стр. 2 на обор. Следовательно некоторые ошибаются, полагая, что пр. Иов принял схиму уже в Почаевском монастыре после дела с Фирлеями 1642 г. «(ср. Русск. свят. пр. Филарета Черниг. изд. 2-е, отд. 3-е, стр. 272). По истории Русской иерархии: игумен почаевский Иоанн 1626 г. (т. IV, стр. 560). Кроме того мы увидим далее (си. ниже гл. 4), что на киевском соборе 1628 г. пр. Иов подписывается тоже именем Иоанна. А мы видели, что это – схимнические имя пр. Иова. Также точно именем Иоанна подписывается пр. Иов и в первой протестации своей против Фирлея от 9 марта 1641 г. (архив поч. Лавры, Дело 1/76). Потому «Гора Почаевская» справедливо замечает, что дело с Фирлеем почаевские иноки вели купно со игуменом своим, пречестным первее в мантии на имя Иовом, а последже в схиме, сиесть великом «ангельском образи, Иоанном Железом». (Гора почаевская, стр. 6). А что Досифей в своем жизнеописании не упоминает об этом схимническом имени преп. Иова, и даже в одном месте, после кончины преподобного, именует его «Иеросхимонахом Иовом» (по печатн. изд. стр. 6 –

7), то это вовсе не значит, чтобы он не знал этого имени. Это просто обычай церкви, которая вообще и доселе не именует соугодников по их схимническому имени. Достаточно вспомнить для примера святителя Митрофана, в схимонасах Макария, Митрополита Киевского Филарета в схиме Феодосия и др. Еще более ошибаются те, которые смешивают преп. Иова почаяевского с Иовом Княгиницким, хотя и современным ему схимником галицийским из Угорницкого монастыря. Достаточно заметить, что этот последний именовался в схиме Иовом, никогда не имел священного сана и подвизался в Угорницком, им самим основанном Михайловском ските, а пр. Иов в схиме именовался Иоанном, был иеромонахом и подвизался в готовом уже Угорницком Преображенском монастыре. Кроме сего, как увидим, пр. Иов скончался в 1661 г., а Иов княгиницкий в 1621 г. и т. д. (Подробнее о семе см. ниже исследование под заглавием: «пр. Иов иг. почаяевский и схимонах Иов княгиницкий». Волынск. еп. Вед. 1679 г. № 13 Часть неофиц. стр. 490 – 499).

⁴⁶⁷ - Досифея, жит. блаж. Иова по печат. изд. стр. 2 на обор.

⁴⁶⁸ - Тамже.

⁴⁶⁹ - Краткое жизнеоп. преп. Иова, свящ. Струменского; Странник 1864 г. м. ноябрь, стр. 39.

⁴⁷⁰ - Монастырь этот существует и по настоящее время на острове того же имени, образуемом рекою Иквою. Время основания его неизвестно. По некоторым документам, сохранившимся в Почаяевской лавре, первая его фундація восходит к 1547 году; за тем уже начинаются благотворения князя Константина – при Иове. В начале XVII века монастырь этот был «свасован», т. е. закрыт, но в 1860 году снова восстановлен, по ходатайству Высокопреосвященнейшего Арсения, бывшего архиепископа Волынского, митрополита Киевского, и в настоящее время числится в ведении Почаяевской лавры, из которой местный преосвященный назначает туда особого строителя из иеромонахов лаврских. (Архива Почаяев. Лавры, дело № 1/1095). К сожалению, в этом монастыре не сохранилось никаких следов, указывающих на пребывание пр. Иова в Дубне. Мы видели только на деснице, ведущей на

колокольную, несколько старинных наместных и др. икон, сохранившихся от древнего, может быть, современного пр. Иову, Дубенского крестовоздвиженского храма. В настоящее время на Дубенском острове устроен храм во имя пр. Иова, и помянутые иконы помещены на память в этой церкви.

⁴⁷¹ - Досиф. житие блаженного Иова по печатн. издан., стр. 2 – 3.

⁴⁷² - Житие блаженного Иова по печатному изданию стр. 3.

⁴⁷³ - Волынские Епарх. Вед. 1680 г. Пероговского. «Бывшие православные монастыри в г. Дубне», № 34. 7. Не офиц. стр. 1542.

⁴⁷⁴ - Там же. Сведения об этом Виталие мы находим в рукописной книге библиотеки Волынской семинарии, под заглавием: «Диоптра мерозрительная, или зеркало известное указующее суету мира» и проч. В этой книге в самом ее заглавии прямо говорится, что она, или точнее «зеркало» это словенски многогрешным Виталием и игуменом честного Креста в Дубне.... чернилом новоизображено, лета от откупления мира 1604. Библиотека Волынской семинарии № 155.

⁴⁷⁵ - Досиф. жит. блажен. Иова по печатн. изд. стр. 2 – 3. Надобно при сем заметить, что в истории русской церкви, кроме Дубенского Крестовоздвиженского монастыря на Волыни есть указание еще на два, так называемых Дубенских монастыря, и даже один из них, подобно Крестному монастырю пр. Иова, называется Дубенским на острове. Первый из них был основан в 1378 г. по желанию Великого Князя Дмитрия Донского пр. Сергием Радонежским на Стромьни, в 30 верстах на юго-восток от Троицкой Лавры, при речке Дубенке, впадающей в Дубну, – а другой по воле того же князя основан в 1383 г. Преподобным же Сергием, в благодарность Богу за победу над Мамаем, к Северо-Западу в 40 верстах от Лавры Сергиевой, на острове другой речки Дубенки, что ныне на границах Владимирской и Тверской губерний, в Александровском уезде, в пустоше Шавыкиной, принадлежащей помещику Аксакову. – Первым Игуменом этого последнего монастыря был пр. Савва, ученик пр. Сергия, в последствии Игумен Троицкой Лавры, и

основатель Сторожевского монастыря близ Звенигорода. Монастырь упразднен в 1763 г. и теперь на месте его, под тенью нескольких вековых сосен, видны следы гряд, высохший прудок, несколько могил обросших травой и две часовни на месте бывшего монастырского храма Успения Б. Матери. (Рассказы из Истории Русской Церкви Гр. М. Толстого, ч. II, глава IV, стр. 102.

⁴⁷⁶ - Преп. Иов Железо, игумен Почаевский, как духовный писатель. Н. И. Петров. Странник 1883 г. М. сентябрь. – Между прочим г. Петров говорит об этом: «судя по возрасту преподобного, он мог быть игуменом Дубенского монастыря в два периода времени, между 1571 – 1582 и между 1592 и 1598 г.» и отдает преимущество последнему периоду. Это не совсем верно. Может быть в последние годы Иов пользовался более самостоятельной властью в обители за отсутствием фиктивного игумена, – но и в прежние годы он был настоящим игуменом, иначе Досифей не имел бы основания говорить, что он правил обителью «взявши два десяти лет». Ведь это свидетельство очевидца, – Глеб и Александр, очевидно, правили монастырем, когда Иов бывал в отсутствии или по своим делам или по делам монастырским.

⁴⁷⁷ - Русские свят., преосвящ. Филарета изд. 2-е отд. 3-е, стр. 269.

⁴⁷⁸ - Досиф. житие блаженного Иова Железа в Xiegie sudow стр, 3. А что значила в это время для православных благочестивая жизнь иноков, об этом свидетельствует другой знаменитый современник преподобного Иова, – митрополит Петр Могила (1597 – 1647): «Посмотри», – писал он униату Кассиану Саковичу, «на свою браню униатов, что они делают с монастырями и церквами, которые «наделены были именами.... Не говорю о других меньших монастырях, которые «вашею унией до конца ниспровергнуты. Пойди только на Волынь, посмотри, что делается в монастыре жидиченском, и скажи нам, сколько там монахов и какой чин там содержится? Посмотри на древний монастырь дорогобужский – не найдешь ли там только архимандрита с послушником? Посмотри и на мирские церкви, – до чего доведены со времени управления ваших униатов?... Но с другой стороны посмотри

безпристрастно на наши православные убогие монастыри, угнетаемые различными бедствиями, посмотри на монастырь тригорский общежительный и там увидишь по крайней мере восемьдесят иноков, в великом смирении проходящих путь евангельский. Посмотри на монастырь креховский (под Львовом); там несколько десятков иноков без всякого имения благочестиво проводит жизнь. И согласишься, что как было во времена апостолов среди бедствий, нужд и всяких угнетений, – так и у нас православных русских, по слову Божию, сила Божия в «немощих совершается», *albo kamien*. Киев 1644 г. стр. 367, 368.

⁴⁷⁹ - Максимовича, письма о князьях Острожских к графине Блудовой. Киев. 1866 г. стр. 23, 27, 33.

⁴⁸⁰ - Крашевского *Wspomnienia Woljnia, Polesia i Lytwy Wilno* 1840 г. т. 1, 11, стр. 59.

⁴⁸¹ - Тамже; также письма о князьях Острожских стр. 33–34

⁴⁸² - Архива Почаев. Лавры, дело 1802–1814 № 1/1905 отрывок из ведомости неизвестного года.

⁴⁸³ - Там же ведомость 18 октября 1806 года

⁴⁸⁴ - Истор. Рос. Соловьева, т. X. стр. 47–75. Supplement ad. hist. Russiae monumento, стр. 152–155.

⁴⁸⁵ - В этом отношении особенно замечателен отзыв известного иезуита Антония Поссевина, который, путешествуя по России в начале XVI в., в своих донесениях, между прочим писал папе Григорию XVIII, что князья Острожский и Слуцкий имеют свои типографии и училища, в которых сей раскол (т. е. православие) питается. (Читай у Максимовича «письма о князьях Острожских» ст. 27 и 28.

⁴⁸⁶ - Житие блаженного Иова по печатному изданию, стр. 3.

⁴⁸⁷ - Известно, что Острожская библия издавалась два раза: 1581 и 1588. А в этом последнем (1588) пр. Иов, как мы видели, уже был в Дубне и пользовался несомненным вниманием князя Константина и влиянием на него.

⁴⁸⁸ - Жит. блаж. Иова по печатн. изд. стр. 3.

⁴⁸⁹ - Также стр. 3 на обороте.

⁴⁹⁰ - Тамже.

⁴⁹¹ - Карашевича, очерк истории православной церкви на Волыни стр. 10. Вообще полагают, что «совращение Януша надобно отнести в 1602 – 3 г., или ко времени пребывания в Остроге самозванца; потому что когда в 1602 г. самозванец бежал из Острога и сбросил с себя иноческий сан и когда спутник его Варлаам просил князя Острожского заставить самозванца снова принять монашество, то князь Острожский и его люди отвечали: «здесь де земля, как кто хочет, да тот в той вере и пребывает... Да князь же мне, – замечает Варлаам, – говорит: сын де мой князь Януш родился в христианской вере, а держи ты ляхскую веру, я тебе де его не унять». (Акт. эксп. т. II стр. 141 – 143).

⁴⁹² - Бывшие православные монастыри в Дубне. В. Пироговского, в Волынск. Епарх. Ведом. 1880 г. № 28 – 29, стр. 1241.

⁴⁹³ - Преподобный Иов Железо Игумен почаевский, как духовный писатель. Странник 1883 м. ноябрь, стр. 274.

⁴⁹⁴ - Бывшие православные монастыри в Дубне. В. Пироговского, в Волынск. Епарх. Вед. 1880 г. 28 – 29, стр. 1275.

⁴⁹⁵ - Там же, № 34.

⁴⁹⁶ - Подробное о сем смотр. «Препод. Иов Железо, игумен Почаевский, как духовный писатель». П. П. Петрова. Странник 1883 г. м. ноябрь, стр. 373 – 377.

⁴⁹⁷ - Досифея жизнь бл. Иова, по печатн. изд. стр. 3 на обор.

⁴⁹⁸ - Отстоит от Почаева в 13 верст на северо-восток.

⁴⁹⁹ - Более обстоятельные сведения об иконе Б.М. Почаевской см. ниже, часть II, статья третья: «Святая чудотворная икона Божией Матери Почаевской, как памятник векового общения нашего с южными славянами».

⁵⁰⁰ - Подробнее о сем см. ниже, часть вторая, статья первая: «Краткое сказание о Лавре Почаевской».

⁵⁰¹ - Сравн. напр. Сказание о Почаевской Лавре Арх. Амвросия, стр. 10, прим. 2

⁵⁰² - См. ниже в главе IV.

⁵⁰³ - Смотр. в начале книги одобрение к напечатанию ея от Силевестра Лубенецкого, Рудницкого еписк. Луцкого и

Острожского.

⁵⁰⁴ - Гора Почаевская, стр. 5, равно также «Przeelawna gora Poczaiowgka, dawnoscia endow Przenayczystszy Bogorodzicy Panny od endownego jej obrazu wynikajacych jasniejacn, tak z wyrazeniem niektorich jej task, et cet. krotkim opisaniem do wiadomoeci ewiatu za zezwoleniem zwierzchnosci podana przedrukowana w Poczajowie... rokn Panskicgo 1807. стр. 2 – 3.

⁵⁰⁵ - Там же. стр. 3 на обор., также Гора Почаевская, стр. 9 на обор.

⁵⁰⁶ - При этом надобно различать между основателями монастырей и фундаторами. Фундаторами на местном западнорусском наречии называются лица, которые вообще делают фундаментальные пожертвования, как в новые, так и в готовые уже обители. Напротив того основателями монастырей называются только люди, полагающие начало монастырям. Потому-то мы и приписываем Гойской вместе с званием фундаторши и звание основательницы монастыря Почаевского, так как она не только положила основание обители, но и обеспечила ее фундушем.

⁵⁰⁷ - Смотр. подлинное завещание Анны Гойской, в русском переводе. Памятники, издаваем. в Киеве, Т. IV, стр. 39.

⁵⁰⁸ - Чит. напр. письма Святогорца о св. горе Афонской, – также прибавления к творен. Св. Отцев, т. II, стр. 24.

⁵⁰⁹ - Житие блажен. Иова по печатному изд. стр. 3.

⁵¹⁰ - Киевлянин, 1841 г. Луцк. Очерк истор. правосл. церкви на Волыни, стр. 135.

⁵¹¹ - Волынск. Епарх. Ведомости 1868 г. № 4, часть неоффиц. стр. 62.

⁵¹² - Карашевича, Очерк истор. правосл. церкви на Волыни, стр. 111.

⁵¹³ - Так, в 1610 году он отнял церковь Св. Троицы, основанную его прадедом в Межерече, и присторив к ней кляштор, отдал францисканцам.

⁵¹⁴ - Напр. Доминиканский в Староконстантинове и другие.

⁵¹⁵ - Читай об ней: Zycie ku podziwieniu chwalebne Jasnieoswieconej Xiezny Ostrogakiey – Anny Aloizyi

Chodkiewiczowej... od Kollegium Societatis Jesu Jaroslawskiego, od niego ze po Ostrogskim Collegium—w polu a N. Panny fundowanego... Wydane roku P. 1698—W Erakowie. Также Вол. Губ. Ведом. 1868 г. № 53—63.

⁵¹⁶ - Очерк ист. православной церкви на Волыни, стр. 112—113.

⁵¹⁷ - Самъ Поцей по вступлении в должность униатского митрополита, до конца жизни жил во Владимире, где и скончался и погребен 18 июля 1613 г. (Описан. Киево-Софийского собора, стр. 152—153).

⁵¹⁸ - Подлинный тестамент Добрынской, в архиве Почаевской лавры, дело № 9/50 стр. 1—3. Заметим, что тогдашний золотый польский равнялся нашим 75 копейкам серебром. Куликов — село и доселе находящееся вблизи Почаева.

⁵¹⁹ - Подлинный текстамент его, там же стр. 45

⁵²⁰ - Подлинный тестамент Жабокрицкого, там же, стр. 4 — 5.

⁵²¹ - Wipis z xiaG Grodskich zamka Luckiego, там же, стр. 10 — 12.

⁵²² - Przeslaw. gora Poczajowe. стр. 8 на обороте.

⁵²³ - Бережцы, ныне местечко Кременецкого уезда, в 13 верстах от Почаева.

⁵²⁴ - Смотри Арх. Поч. Лавры, подлинное завещание Домашевских, за собственноручною подписью самой Евы Домашевской, и при нем обляту онаго (или судебное свидетельство), выданное Почаевской обители «z xiaG Grodskich Krzemeneckih» 1666 г. января 20 дня, на имя тогдашнего игумена лавры Дорофея. В последствии, по кончине мужа, Домашевская особым завещанием просила похоронить ее в лавре «по чину восточной церкви,» что по преданию и было исполнено, только где, не известно.

⁵²⁵ - Гора Почаевская 1641 года: «так поставлена на горе икона, аки фарос всесветлая, во весь мир чудеса яснее... Тако яко и тмами тем приходящие к иконке той тщетни не отходят...» стр. 5.

⁵²⁶ - «W ktorej i stopke Nayswietszey Marii Panny nmieszczono.» См. Przeslawna gora Poczajowska, стр. 12 на обор.

⁵²⁷ - Памятники киевской комиссии, т. I, отд. 1, стр. 204. Также Przeslawna gora Poczajowska... стр. 12 – 14. В Почаевской лавре между прочим есть картина, изображающая портреты Домашевских. На ней можно видеть и план храма ими построенная. Он был архитектуры византийской, с тремя куполами; основание его из местного дикого камня; остальная часть кирпичная. Главный купол осьмигранный, остальные круглые. Вдоль церковь эта занимала место нынешней галлерей, ведущей в пещерную церковь, и алтарем касалась той части нынешней большой лаврской церкви Успения Божией Матери, которая образует пространство от входных дверей до третьей колонны. (Сказание о Почаевской лавре архимандр. Амвросия). Вверху церковь эта была покрыта свинцом, который в 1720 году был снят униатами для отлития букв, а церковь покрыта медными листами. (Архив Почаевск. лавры. Дело № 95, стр. 55). Кроме сего вид Свято-Троицкой церкви Домашевских можно видеть также на картинах, издаваемых некогда в Почаевской лавре с изображением осады Почаевской обители во время войны Збаражской, 1675 года, и теперь на прекрасной иконе «Явления Б. М. над Почаевскою обителью в том же году», написанной на северной большой стене Успенского соборного храма Почаевской лавры.

⁵²⁸ - Przesl. gora Pocz. стр. 12 на обор. «J. obraz cudowny z perwiastkowej cerkwi nizej trochu zostajacey, do tey nowo zmurowaney przenioslezy na ikonoztasie, nad drzwiami zwanemi carskiemi postawiono“.

⁵²⁹ - Гора Почаевская, стр 5.

⁵³⁰ - К сожалению, нет возможности документально определить характер внутреннего устройства Почаевской обители во времена преп. Иова. Но у нас есте под руками «устав (современного пр. Иову) православного дубенского преображенского монастыря 1624 года. (Архив Почаевск. лавры, Дело № 46). Судя по той близости, в которой устав этот находится ко временам пр. Иова, а еще более потому, что этот

устав есть ничто иное, как сокращение монашеских правил св. Василия Великого, на основании которых вообще устроились тогда все общежительные обители в пределах западного края России, надобно думать, что сообщенное пр. Иовом устройство возникающей общежительной обители Почаевской немногим отличалось от упомянутого устава. Сущность его состояла в следующем: во главе обители стоял игумен, который, впрочем, правил монастырем не произвольно, а «з советом братий избранных» (§ 1); затем полагается: духовник (§ 2); эконо́м для внешнего хозяйства (§ 3); эконо́м внутренних для заведывания столовою, кладовыми и т. и. (§ 4); шафар грошум или казначей (§ 5); экклезиарх или ризничий (§ 6); воротный или привратник, который без благословения игуменского из монастыря и ни в монастырь никого пускать не имеет (§ 7). Касательно внутренней деятельности обители наблюдались следующие правила: правило церковное должно было соблюдаться с особенною точностью, и никто без нужды не имел права поздно приходить в церковь или выходить до конца службы (§ 8); трапеза полагается «порядная», достаточная; потому запрещаются тайноядения, келейные присмаки и т. п. (§ 9); напитков в келиях, кроме воды и квасу, отнюдь не полагалось, «но точию в трапезе всем ровно» (§ 10); одежда давалась по средствам монастырским (§ 11); сходки непотребные как в монастыре, так и в келиях совершенно запрещаются, «жебыся не родило кошунство, баснословие, оклеветание и прочее злое» (§ 12); также запрещаются и лишние прогулки (§ 13); больница устрояется по средствам монастырским (§ 14); также полагается и гостиница (§ 15); кто что имеет, должен отдавать «в общую потребу» (§ 16); если бы даже кто из братии получил что, «любо на службу Божию (литургию) или якое колвек богомолие», находясь в дороге, и тогда все должен отдать в общую кассу «под совестью» (§ 17); кто имеет одежду «от своего стяжания», тот не должен без нужды требовать оной из монастыря (§ 18); сношения с черницами запрещаются «под прокляцтвом» (§ 19); также никто не имеет права без нужды заводить дружбу с «мирскими людьми», особенно женщинами, и «до келии» не принимать никого, разве за благословением игумена (§ 20);

игумену каждый воздает полное почтение и безусловное послушание, «яко самому Христу» (§ 21); «а хто бы был тому порядкови противный, и по напominанию раз, друго и третий ся не покает, тоди з монастыря и нехотяще уступити мает» (§ 22 и последней). См. Волынские Епархиальн. ведомости, 1869 г., № 15, часть неофициальная, стр. 601 – 601.

⁵³¹ - Так во время самого препод. Иова – князь Коиcтантин Острожский сражался с ними под Синявой 1575 г., Дубном 1577 г. и др. См. Самуила Твардовского: *Woyna domowa z Kozaki, Tatory, Moskwa et cet...* Typis Collesienei 1681 r. Также в *pamietnikach o woynach kozackich przez nieznanomego autora: Historia o wojnie z Tatarami...* W Wroclawln 1842 r.

⁵³² - Гора Почаевск., стр. 5.

⁵³³ - *Przeslawna gora Poczajowska*, стр. 8, на обороте 9.

⁵³⁴ - *Przeslawna gora Poczajowska*, стр. 5, 9. Сравн. также архива Почаевской лавры. Дело № 1/76 о *zabronieniu braciom wody* стр. 94 – 96.

⁵³⁵ - *Przeslawna gora Poczajowbka*, стр. 9. Между прочим говорим: в Новом Почаеве; потому что в нескольких верстах от лавры есть другой, «старый Почаев» (село), в котором находятся богатые ключи, доставляющие прекрасную воду остальным обитателям местечка Почаева.

⁵³⁶ - Гора Почаевская, стр. 5 на обороте.

⁵³⁷ - Там же.

⁵³⁸ - Смотри следующую за сим протестацию пр. Иова в Луцком суде – 1641 г.

⁵³⁹ - Архив Почаевск. лавры, Дело № 1/76, стр. 1 – 4.

⁵⁴⁰ - Там же, стр. 5 – 6.

⁵⁴¹ - *Przeslawna gora Poczajowska*, стр. 10 на обороте.

⁵⁴² - Гора Почаевская, стр. 5. Остатки козинского замка, где происходило это событие, можно видеть еще и теперь в местечке Козине, Дубенского уезда (Волын. губ.), в 30 верстах от Почаева. Замок расположен на небольшом острове, омываемом со всех сторон рекою Иквою. От него остались целые стены, но внутренний распорядок здания совершенно

разрушен, так что теперь нельзя узнать почти ни одной комнаты в его составе.

⁵⁴³ - Przeslawna gora Pocz., стр. 2. Сравн. также Гора Почаевская, стр. 6.

⁵⁴⁴ - См. подлинный документ, писанный рукою Лаща, в январе месяце, 26 дня, 1643 года. Арх. Поч. лавры.

⁵⁴⁵ - Przeslawna gora Poczajbwsko, стр. 9 на обор. Сравн. также, при делах бывшего статистического комитета при волынской семинарии: Dekrty па Firleja, отъ 7 ноября 1643 года.

⁵⁴⁶ - Przesl. gora Pocz. Стр. 10. Сравн. также журнал министерства народного просвещения 1845 г. м. январь, смесь, стр. 5.

⁵⁴⁷ - Przesl. gora Pocz. Стр. 10. Сравн. также журнал министерства народного просвещения 1845 г. м. январь, смесь стр. 5

⁵⁴⁸ - Przesl. gora Pocz. Стр. 10.

⁵⁴⁹ - Там же. Сравн. также Иллюстрир. Газета 1869 г. № 16, 17 и 18: «Древний замок в Кременце».

⁵⁵⁰ - Архива почаевск. лавры, дело 1709 г. № 207.

⁵⁵¹ - Przesl. gora Pocz. Стр. 10.

⁵⁵² - В м. Козине, при развалинах бывшего замка Фирлеев и до последнего времени можно было видеть каменный надгробный памятник Андрея Фирлея, на котором явственно читается: Anno reparata Salutis M. C. D. XI. VII

⁵⁵³ - Гора Почаевская, стр. 5 на обор.

⁵⁵⁴ - Przeslawna gora Pocz. стр. 10.

⁵⁵⁵ - Теперь если идти или ехать в Почаевскую лавру по большой дороге, ведущей из Кременца в Почаев, то под самым Почаевом можно видеть богатый дубовый лес с сенокосом. Это лес, подаренный почаевской обители Гойскою, за который, между прочим, преп. Иов тоже вел дело с Фирлеем.

⁵⁵⁶ - Известно между прочим, что короли польские Август II и Август III, утверждая привилегии своих предшественников на печатание книг в Почаевской Лавре, в тоже время положительно выражали, что привилегии эти она имела с давних вреиен:

«oflicina tipografica antiquitus in monasterio Poczajowensi existit. (Арх. почает. лавры. Дело № 95.).

⁵⁵⁷ - Смотр. книгу напечатанную в Почаеве 1618 года: «Зерцало Богословия» Транквилиона, в Почаевской лаврской библиотеке № 402.

⁵⁵⁸ - Обзор Русской духовной литературы пр. Филарета 812 – 1720 г. § 167 стр. 263.

⁵⁵⁹ - Полное заглавие этой книги следующее: «(Сия книга нарицаемая Зерцало Богословия избрана от многих книг богословских; трудолюбием составлена иермонаха Кирилла Транквилиона и проповедника слова Божия, его властным коштом и накладом выдрукована в монастыру почаетском, маестности его милости пана Андрея Фирлея, року 1618 месяца марта 12 дня». Автор «обозрения славянорусской библиографии» сомневается в напечатании ее в почаетском монастыре (стр. 5 № 168); но он вероятно не знал и о существовании почаетской типографии в XVII в. Для любопытных выписываем оглавление главных частей этой книги: часть 1-я: «о пресущественном существе Божиим. (Гл. 1 – 15); начинается статьею: «яко должны есмы знать Бога, и в каком месте показуется»... и оканчивается вопросом: «о вознесении Господа на небеса и седалищи Его десном – что знаменует?» Часть 2-я: «о четвераком мире и о двоих местех: о темном Вавилоне и о пресветлом Сионе»... В частности 1; «о первом невидимом мире... или Ангелах (гл. 1 – 4) 2; о втором видимом мире или о творении неба и земли, видимаго сего мира, еже в нем» (гл. 5 – 10). 3; о третьем малом мире, именно: «о сотворении человека, который малым миром нарицается» (гл. 11 – 14). 4; «о темном Вавилоне или мире с его грехами и похотьми» (гл. 15 – 20). 5; «о пресветлом Сионе, месте прекраснем, небесном Иерусалиме, – в нем же Христос вечно царствует» (гл. 21 – 35). Последняя глава «о совершенной корунации святых и верных Божиих, яже восприимут по воскресении». (стр. 81 на обор, и 82). На конце молитва. (Библиотека почаетск. Лавры № 402). Более подробные выдержки при этой книге можно читать в «Отечественных Записках» 1826 г. (часть 28, стр. 312 – 324.)

⁵⁶⁰ - Сказание о Поч. Лавре, А. Амвросия, стр. 34. Архива Поч. Лавры, дело № 95.

⁵⁶¹ - Очерк истории православной церкви на Волыни Карашевича стр. 140. Сравн. также г. Петрова. Очерк истории правосл. духовной школы на Волыни. Труды Киевской духовной академии 1867 года стр. 220 – 221.

⁵⁶² - В последствии, по смерти Иова здесь печатались антифоны пр. Иову (арх. Поч. лавры, дело № 95). Догадываются, что в Почаевской типографии до обращения Почаевской обители в унию были печатаемы и другие книги, но они или не отысканы, или, что вернее, нарочито уничтожены базилианами, когда обитель Почаевская попала в их руки. В этом отношении особенно хитро поступили иезуиты, которые для того, чтобы лишить книгу ее древнего характера, вырывали в ней заглавные листы и таким образом пускали в свет Божий, как книгу новую, и т. д....

⁵⁶³ - Об этом завещании подробнее смотр, ниже, в настоящей же главе, § 6-й.

⁵⁶⁴ - Так, кроме повести против безбожных еретиков (полов. XVI столетия), находящееся в рукописи и потому естественно автору неизвестной, им не указаны: 1) Предисловие к острожской Библии, 2) Омния Копыстенского, 3) два сочинения С. Коссова, 4) Крест Христа Спасителя, П. Могилы, и др. С другой стороны, между лицами письменно обличавшими протестантов, напрасно автором помещен киевский митрополит Сильвестр Белькевич, который считался некоторыми прежними историками писателем по недоразумению.

⁵⁶⁵ - Книга Иова издана в Почаевской Лавре под следующим заглавием «Пчела Почаевская. Изборник назидательных поучений и статей, составленных и списанных преп. Иовом, Игуменом Лавры Почаевской (1581–1551 г.), изданный в переводе с славянского на русский язык, по собственноручной рукописи преподобного, хранящейся в Лавре, под редакцией профессора Киевской Духовной Академии Н. И. Петрова. Почаев, в Типографии Почаевской Лавры 1884 г.» Предисловие к книге Г. Петрова, стр. 1–78.

566 - По рукописи лист 4 – 7.

567 - Там же лист 9, 10.

568 - Лист, 70 и 75.

569 - л. 73.

570 - л. 72.

571 - л. 99.

572 - Лист 74.

573 - л. 99.

574 - л. 87.

575 - л. 75.

576 - Все статьи и поучения, принадлежавшие самому пр. Иову, изданы Почаевскою Лаврою особою книжкою под заглавием. «Беседы и поучения преподобного и Богоносного отца нашего Иова, игумена и чудотворца святыя Лавры Почаевские, извлеченные из собственноручной рукописи преподобного (1581 – 1651 г.), находящейся в библиотеке Лавры, – изданные в подлиннике с переводом на русский язык Профессором Киевской Дух. Академии Н. И. Петрова». Почаев, Типография Почаевской Лавры, 1884 года.

577 - Подробнее обо всем этом смотр. «Пчела Почаевская. Изборник.... Предисловие Г. Петрова, стр. 1 – 73. Тоже предисловие напечатано автором в особой статье в Страннике 1883 года, Месяц. Сентябрь, Октябрь, Ноябрь.

578 - В последнее время возникла была полемика по вопросу о принадлежности рассматриваемой рукописи пр. Иову между редактором ее профессором Н. П. Петровым и профессором Киевской же Академии С. Голубевым. Г. Голубеев задумал было отрицать принадлежность этой рукописи пр. Иову (См. Киевская Старина 1885. М. Январь). На это г. Петров весьма основательно ответил особою статьею в Трудах Киевской Духовной Академии 1885 г. М. Февраль, в которой со всею ясностью опроверг возражения г. Голубева, так что подлинность рукописи препод. Иова ныне не подлежит сомнению. Сравн. об этом же нашу заметку в Историческом Вестнике 1884 года, М. Июль, под заглавием: «Новооткрытый

Православный Писатель-Апологет XVI – XII века». Стр. 171 – 180.

⁵⁷⁹ - Описание Киево-Софийского собора митроп. Евгения стр. 156. В последствии, когда Лавра Почаевская перешла в руки униатов, то вместе с сим она также перешла и в ведение луцких епископов униатских, которым принадлежала до самого воссоединения в православие (1831 г.).

⁵⁸⁰ - Как-то: «оправдание невинности Русского народа» – «оборона справданию» – «обличение (elenchus) ложных сочинений» и т. п. См. обзор руск. духовн. литературы 862 – 1720 г. § 165, стр. 259 – 263. Сравн. также обозрение славяно-русской библиогр. Т. I, кн. 2, стр. 81, № 242, примачание.

⁵⁸¹ - «Кассиан Сакович прежде был ректором киевской коллегии (т. е. православной) и из киевской епархии происходил родом; после этого, обратившись в унию, он получил архимандрию дубенскую, наконец, перешедши на обряд латинский, сделался краковским академиком», в каковом звании «издал на польском языке книгу под заглавием: *Perspektiwa wiary Russkiej (Sacra congregat. do propaganda fide coram card, caraffa ponente... summarum... Romae 1774... № 26)*. Кроме своей Перспективы, против которой Петр Могила написал Лифос 1644 г., Сакович написал так же против православия. «*Sober Kijoweki Schizmaticky 1640 г., Kalendarz stary i okulary staremn kalendarowi* и др. и таким образом по справедливости вполне заслужил осуждение, на него произнесенное. В обозрении славянорусской библиографии между прочим об нем говорится: «Мелетий Смотрицкий издание своей апологии на польском языке вверил архим. дубенского монастыря Кассиану Саковичу... а русский текст успел прежде распространить в народе в списках». (стр. 81, № 242).

⁵⁸² - Описание Киево-Софийского собора, стр. 163.

⁵⁸³ - См. апологии книжки диалектом русским написанной, польским в Львовы друкованной вкортце, а правдиве зсумованная, през стан духовный восточного православия, под послушенством Святейшаго Патриарха

Константино-польского звыклаго в России господина отца и пастыря стале и ноотменне аж и по сей час знайдующийся, и по друку на жадане многих поданая за благословением и позволением старших в той же святой церкви российской. Року от создания мира 7136, а от Рожд. Господа нашего Иисуса Христа 1628 г. месяца августа 30 дня». В типографии Киево-Печерской лавры и московск. архива министер. иностран. дел (обозрение славяно-русской библиографии стр. 81 № 242). Сравн. также истор. Росс. иерархии т. V. стр. 359, и Максимовича письма о князьях Острожских стр. 33 – 34. Аполлия перепечатана в трудах Киевской Духовн. Академии 1878 г. № 8.

⁵⁸⁴ - В настоящее время внутри пещеры преподобного Иова во многих местах встречаются небольшие норы; это от того, что поклонники обыкновенно скребут для себя оттуда каменный песок на память; есть даже общее верование, что этот песок особенно исцеляет от лихорадки. Выход из пещеры удобнее, чем вход, потому что теперь вы поднимаетесь в гору; только богомольцы чрезвычайно уладили камень.

⁵⁸⁵ - Житие блаженного Иова по печатному изданию, стр. 4 на обор. Досифей не определяет, какая это была церковь, на которой отражался свет из пещеры Иова. Всего вероятнее, это была деревянная почоевская церковь Успения Божией Матери, так как, по древнему преданию, она именно и находилась внизу, где ныне архиерейский сад.

⁵⁸⁶ - Житие блажен. Иова по печатн. изданию стр. 4 на обороте.

⁵⁸⁷ - Там же, стр. 5.

⁵⁸⁸ - Житие блаженного Иова, стр. 5 на обороте.

⁵⁸⁹ - Завещание Ярмолинской: «А сие завещание мое с последней воли моей для лучшего удостоверения собственноручно я подписала и отец мой духовник, и господа приятели мои». Смотр. ниже, примечание 1-е. Латинская прибавка явственно свидетельствует, что пр. Иов был человек образованный, так как несомненно знал латинский язык.

⁵⁹⁰ - Желаящие могут читать завещание это в переводе на русский язык в путеводителе по горе почаяевской.

⁵⁹¹ - Гора почаяевская, стр. 6.

⁵⁹² - Архива почаяевской лавры. Дело № 8/90 стр. 6

⁵⁹³ - Так Иеремия Вишневецкий, сражавшийся в 1648 году против Богдана Хмельницкого, был уже чистый католик, не смотря на то, что «отец его Михаил Вишневецкий отличался преданностью к православию и гроб его и по настоящее время находится в Вишневецкой православной церкви» (Истор. очерк Волыни Крушинского, стр. 124).

⁵⁹⁴ - Известно между прочим, что война Хмельницкого 1651 года в последствии именно и была поднята за нарушение договоров 1649 г.

⁵⁹⁵ - Иезуиты явились на Волынь из Польши, в которой утвердились около 1566 года. Затем Сигизмундом III в 1569 г. они были введены в Вильну, откуда распространились по всем областям Литвы и Волыни. В 1624 году за 25 лет до кончины преподобного Иова Анна Алоизия из Острожских Ходкевич заложила в Остроге знаменитый иезуитский коллегий, который вскоре сделался рассадником множества мелких иезуитских коллегий и аллюминатов по всей земле Волынской.

⁵⁹⁶ - Замечательно, что в актах почаяевского архива, современных преподобному Иову нет ни одного дела, которое бы хоть косвенным образом говорило о покушениях латинианов на почаяевскую обитель и единственным врагом ее является теперь только один протестант Фирлей.

⁵⁹⁷ - Между прочим известно, что преподобный Феодосий поставил на свое место любимого ученика Доместика Стефана (жит. преп. Феодосия Чет. Мин. месяца мая 3 дня). Это тот самый пр. Стефан, который впоследствии был епископом Владимирским на Волыни и управлял волынской церковью, тогда подчиненною одному архипастырю, как и в наше время (Память пр. Стефана 27 апреля).

⁵⁹⁸ - Из сохранившихся документов Лавры видно, что игумен почаяевский обыкновенно избирался из числа братий самую же братией в трапезе церимониально; – исключение

сделанное для Добрянского свидетельствует о глубочайшем уважении иноков почаевских к пр. Иову (сказание о Поч. Лавре, стр. 37).

⁵⁹⁹ - К сожалению этот лист не дошел до нашего времени.

⁶⁰⁰ - И точно подпись Ортотовского по характеру совершенно тождественна с подлинником...

⁶⁰¹ - Настоящий документ в архиве почаев. Лавры. Дело № 91.

⁶⁰² - Архива почаевской Лавры: Wupie z xiaG Grodskich Krzemienieckich roku 1650 miesiaca Marca dnia 18. Дело № 3/30 стр. 8. Вот подлинные слова этой выписи в русском переводе. «В рочки судовые гродские кременецкие, случившиеся со дня семнадцатаго месяца и року вышепоказанного в акте, и начавшиеся отправляться судебным порядком, пред нами Мартианом – Михаилом Еновецким, войтом и подстаростою, и Станиславом Паниевским, Судиею, – чиновниками судовыми гродскими кременецкими, ставши лично велебный в Богу отец Софроний Онецкий (вероятно тот же самый Стефан Онецкий, который в акте об избрании Добрянского расписался за неграмотных), именем велебного в Богу Отца Иоанна Железа игумена почаевского, и всей братии, в том монастыре обретающейся, для записания до актов гродских, старостинских кременецких подал завещание последней воли покойного урожденного пана Ивана Жабокрицкого, учиненное касательно распределения его имений, какового завещания, писанного по-русски, содержит следующее: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!», и проч.

⁶⁰³ - Житие блаж. Иова, по печатному изданию стр. 5 на обороте.

⁶⁰⁴ - Там же, стр. 6.

⁶⁰⁵ - Старинное лаврское предание говорит, что пр. Иов был погребен в саду, что ныне находится против южных дверей большого или соборного храма Успения Божией Матери, именно против самой пещеры, в которой подвизался. Впоследствии, говорит, это место вошло в состав пещерной церкви, при перестройке Лавры во время Потоцкого (см. ниже гл. V). И

действительно, в почаяевском архиерейском саду, что примыкает с юга к пещерному храму, в древние времена было кладбище, начиная от архиерейского дома, до места против южных дверей большого храма и конца пещерной церкви на западе. – По сказанию старожилов здесь еще во времена преосв.

Иннокентия, архиепископа Волынского (1832 – 1840), стояли надгробные памятники, из коих два еще и теперь можно видеть в Лавре в монастырской ограде.

⁶⁰⁶ - Это было, надо полагать, в то время, когда Дионисий, до возведения в Киевского митрополита, был на Волыни епископом Луцким, стр. 7. Сравн. Описан. Киевософ. Собора стр. 186. Также очерки истории православной церкви на Волыни, Карашевича, стр. 127. Примечание 367.

⁶⁰⁷ - Досифея житие блаж. Иова стр. 6, 7 на обороте. Униатские каталоги говорят, между прочим, что со времени Сильвестра Коссова (1657), будто бы 6 лет не было на Руси православного митрополита. Но сие, по словам митрополита Евгения, опровергается 1) тем, что в 1657 году Дионисий Балабан был избран в митрополиты в Переяславле: 2) данною от царя Алексея Михайловича гетману Брюховецкому и Запорожскому войску гранатою 1665 года, в коей сказано, что Дионисий Балабан в 1657 году присутствовал в Переяславле при присяге гетмана Выговского, и в сей гранате назван митрополитом. (Описание Киево-Софийского собора стр. 186 – 187).

⁶⁰⁸ - По кончине преподобного Иова его место занял Иосиф Добрянский, избранный еще, как мы видели, при жизни Преподобного. Но он, должно быть, правил обителью не долго. Ему наследовал Дорофей Третьяковский, скончавшийся в самый год открытия мощей преподобного Иова (1659 г.). Затем поступил Досифей, скончавшийся в 1664 г.

⁶⁰⁹ - Xiega Cudow «Encomium swienlemu Iobowy Zelezie»: Ihumen pewny, bendac w Poczajowie, przez ciezkie wrzody skraciwazy zdrowie (стр. 17). Также житие блаж. Иова по печатн. изданию стр. 9.

⁶¹⁰ - Досифея житие блажен. Иова по нечатн. изданию, стр. 8–10. По описанию этого чуда, как в печатном издании, так и в *Xiege endow*, следует выражение: «доселе Досифей, ученик блаженного». Это значит, что здесь оканчивается труд Досифея по изложению жизни и прославления препод. Иова. Следующие за тем известия внесены другими авторами.

⁶¹¹ - Архива Почаевской лавры, Дело 3/50, стр. 16. Кроме сего из других официальных бумаг Почаевской лавры о чудесах преподобного Иова упоминается еще в инструкции, данной Луцким епископом Дионисием Жабокрицким, православному почаевскому игумену Иосифу Добромирскому, 1695 г., августа 30 дня. В этой инструкции между прочим, в § 4 читаем: «*Xiega Cadow przy obrozach Cydowuych Matki przynaswietzey i innych, takze przy moszczuch Bkzennaho starca Iowa Zeleza dziejacychsie, przysiego stwierdzoiich jak dawnieyzych tak i tych, klore w pizyszle lata z woli Botkiey dziacsie moga, zaweze miec powinna, w oprowie prziatoyney y w skarbcu one chowac*» (Архива Почаевской лавры Дело № 8/769, стр. 65 на обороте). Надобно полагать, что это та самая «*Xiega Cudow*», которая была у нас под руками.

⁶¹² - Житие блаженного Иова, по печатному изданию, стр. 11 на обороте.

⁶¹³ - Об этой войне читает у Ригельмана, в его «Летописном повествовании «о Малой России». – Магомет IV, султан, вознамерился наисильнее мстить Польше «за нарушение буджакского (или бучацкого) мира и за поражение войск при Хотине. «Он препоруча войско свое новому визирю Кара-Мустафе, отправил его с оным на Польшу (часть II, стр. 144). Визирь же турецкий пошел в Подолию. – Там давно живущих волохов на колья посажал. Такую же казнь по взятии города и в Микулине делал; потом взял на договор крепость Подарецу, оную срыл, а церкви и кладбища посрамил и имение разграбил. За сим чрез измену получил Збараж... и расположив свой стан при Збараже, отправил 60, [000] человек конницы турок и татар, под предводительством Нурредина, султана татарского, с тем, чтобы учинили нападение на короля и лишили бы его постоев и все опустошили б на пути своем... Нурредин султан следуя к

Львову, все что было ему на пути мечем и огнем пленил» и т. д. (стр. 146 – 147).

⁶¹⁴ - Гора Почаевская, стр. 9 на обороте.

⁶¹⁵ - Житие блажен. Иова, по печатн. изданию, стр. 10 на обороте.

⁶¹⁶ - Гора Почаевская, стр. 9 на обороте.

⁶¹⁷ - Житие блаженного Иова, по печатному изданию, стр. 11.

⁶¹⁸ - Гора Почаевская, стр. 9 – 10. Житие блажен. Иова, по печатному изданию, стр. 10 на обор. Нельзя при этом не заметить, что по повествованию «Горы Почаевской», равно как и *Przeslawney gory* (стр. 22 – 24), во время збаражской войны являлась одна только Пресвятая Богородица; но это объясняется тем, что униаты не имели формального позволения от высших властей признавать преподобного Иова святым, а потому не могли говорить официально и о его чудотворениях, особенно в печати. Впрочем есть другие документы, где базилиане почаевские так же как и православные признают явление преподобного Иова наравне с явлением Божией Матери. Так они признают сие в *Xiegie Sudow*: «Когда же начата акафист пети, кондак первый: Взбранной Воеводе... тогда Пречистая Дева Богородица с небесными ангелы, имеющими обнажении мечи в воинских одеждах, и со блаженным Иовом, край ея предстоящим, в светлой одежде верху церкви великия является». (В Истории Чудотворн. Иконы Почаевской, стр. 10). И в другом месте: «инии луки на прягоша, хотя язвити воинов небесных и черноризца (иже бяше Иов Железо) стрелы, пущении на них вспяте возвращахуся» (там же, стр. 10 на обор.). Сравн. также в *Xiegie Sudow*, в житии пр. Иова стр. 9 – 10. Кроме сего в начале XVIII века в Почаеве была издана униатами в большой лист печатная картина, представляющая изображение войны збаражской; на этой картине не только изображен преподобный Иов, молящийся вверху троицкой церкви, пред ликом Божией Матери, но и приложена подпись, объясняющая это явление, следующего содержания: «*Ti Iliumen Zelezo do swei monarchini «Spieszi za viktoryia, uklon nizky czyni»*».

(Здесь Игумен Железо спешит к своей Монархине за победою, творя ей низкий поклон). В народной памяти это событие увековечено особою песнею, которую и доселе распевают в Почаеве и по всей Волыни калеки бандуристы. Замечательно также, что эта песнь целиком отпечатана в *Przeslawpn. gorze* (См. последние страницы в оной без означения счета листов). Подобную же песнь можно читать также в сборнике малороссийских песен Г. Лысенка 1868 г. (Лейпциг – Петербург), которая начинается словами: Ой зийшла зоря вечирова, Над Почаевом стала... только в песне этой не совсем правильно записано, будто Отец Зализо з келп вийшло, Слизаки умливає: «Ой рятуй, рятуй Божая Матирь, «Мнастырь загибае...» Мы тоже слышали эту песнь на Волыни, но там вместо: Отец Зализо з келии вийшло .. поется: Отец Зализо из неба вийшов, и т. д. Кроме этого в Почаеве и доселе живут мещане, по фамилии Турченюки, по преданию, именно потомки тех турок, которые в 1675 году приняли православную веру, пораженные явлением Богоматери и преп Иова.

⁶¹⁹ - Житие блаж. Иова по печатн. изд., стр. 12, 13.

⁶²⁰ - Прибавл. к Киевским Епархиальным Ведомостям 1861 г. стр. 531, 532. Подробнее о посещении Императором Петром I-м Почаевской лавры в 1721 году смотр. исследование наше в статье «Лавра Почаевская», Христианское Чтение 1880 г. № 9–10, стр. 339 – 346.

⁶²¹ - Впрочем в *Xiegte Sudow* есть еще известие об одном знамении, бывшем от мощей пр. Иова в самый разгар борьбы униатов с православными за преобладание в Почаевской Лавре. В 1719 г. еkkлесиарх Почаевский, по имени Паисий, имея между прочим у себя икюхи от раки пр. Иова, не раз брал от ней «к своей потребе» то свечи, поставляемые богомольцами для возжения пред мощами преподобного, то деньги жертвуемые ими на молитву и т. п. Однажды, ожидая гостей у себя, Паисий послал к мощам пр. Иова послушника своего Савватия, чтобы тот забрал для него деньги, там находящиеся. Но как только Савватий сделал это, то в ту же ночь явился ему в сонном видении угодник Божий «с палицею», и взявши его за руку, начал говорить ему: – «Как дерзнул ты взять шеляги

(медные гроши), данные на молитвословие? Зачем ты сделал это?» – Савватий отвечал, что он сделал это не по своей воле, а по воле своего начальника; но преподобный снова укорил его, и наказав его, чтобы впредь не решался на подобное преступление», да не случится зело более нечто пострадати», отпустил его, – Савватий после этого с ужасом рассказывал всем о своем чудном видении, и без сомнения урок, полученный им от преподобного, не остался без влияния не только для него, но и для неблагодарного епископа. (Книга чудес, в житии пр. Иова, стр. 13).

⁶²² - Xiega Sudow в житии преподобного Иова, стр. 14 – 15.

⁶²³ - Там же стр. 16. Это знамение уже записано на польском языке.

⁶²⁴ - Xiega Sudow в житии блаженного Иова, стр. 17.

Интересно, что в той же Xiegie, равно как и в Горе Почаевской и др. есть много рассказов о благодатных знамениях и исцелениях, последовавших по милости Божией Матери от св. Горы ея, в которых ближайшее участие принимает таинственный старец-инок, являющийся иным во сне, другим на яву. Нет сомнения, что это был не кто иной, как преп. Иов.

⁶²⁵ - Там же стр. 16 – 17 См. самую эту песнь целиком, чаще вторая, статья IV-я приложение к сей статье № 11-й. Здесь же в Xiege Sudow приложена оригинальная эпитафия в честь Иова, которую, как видно из надписания, сложил некто, видя умаление чести благословенного (т. е. Иова)“. «Semper eras avrum coeli splendore coruscane; «Ferrea te rerum secula – Zelizo vocant. (По Русски: «Всегда ты был золотом, сияя небесным светом, а железные века тебя называют ferrum – железо»).

⁶²⁶ - Смотр. архив Почаевской Лавры, опись о принятии Почаевской Лавры православными. 1832 г. № 1, отд. 4, под буквою В.

⁶²⁷ - Гора Почаевская, стр. 6.

⁶²⁸ - Przeslawna gora Poczajowska: «jmie jegn (т. с. Иова) po professiy «zakonney bylo Jobue; po przyjecin za wielkiego babitu, czyli schemy, Janem nazwanym byl. Ciało jego, od roku 1651

zadney nie podlcgajecе skazie, calc tn epoczywa w niskiey perwiaetkowej przy kumiennych pieczarach cerkwi. (Стр. 10 на обор.).

⁶²⁹ - «Epihraphe chronicon iconi b. patris Job Zelizo, a certo ejus clicnte compositum anno Dom. 1755, die 25 Inlii, in monasterio Poczajovieneie residente». Такой же эпитафия и теперь еще можно читать в Почаевской лавре на иконе преподобного Иова, что над входом в пещеру, где почивают его мощи: Почто, речеши, муж сей тлею неснеденный? Слыши ответ: понеже Железо реченный. Во иноцех Иов, в схиме Иоанн зван баше. Се целость в язвах, сеже благодать являше. Наипаче яко во многой поживе святыне, Хранит его чудесне Бог и доныне. Тысящный и шестисотный первый пятидесятый Год есть в он же отъиде Господу предстати». Существует предание, что эта икона есть одна из древнейших икон преподобного и, как говорят некоторые, едва ли не портрета преподобного; она наследована православными от униатов с воссоединением Лавры 1831 г.

⁶³⁰ - Xiega Cndow по житии пр. Иова, стр. 16.

⁶³¹ - «I wprowadziwszy mnie medzy mnry, wodził już przed oltarz Matki Boskiej Cudowney, już to do Pieczury, gdzie Blog słowionego Zeliza reliquie leza, już do Stopki», i t. d. (Xiega Cud. Стр. по житии пр. Иова, 23 на обор.). О том же Przesławna gora Poczajowska говорит: «prowadził mnie i przed oltarz Bogorodzicy, i do pieczary, w ktorey zwłoki Blogoelowionego Zeliza sa ziozone... et cet. (стр. 154); также в Горе Почаевской»: «ведяше мя и пред оltarz Богородицы и до пещеры, где Блаженнаго мощи хранятся» и т. п., (стр. 84).

⁶³² - Xiega Gudow, стр. 23. «tak na jawie, jako we snie mi sie przedstawilo, obaczylem».

⁶³³ - «Z ciekawosci pobożney wezyetkie mieysca na teyze S. gorze Poczajowskiej obchodził... i do pieczuy, czyli podziemney cerkwi po wieln schodaeh, gdzie ciało Welebnego Slugi Bozego Iowa Zelizy nienaruezone dolad spoczywa, chodzil»... (Przesławna gora Poczajowska, стр. 169).

⁶³⁴ - Смотр. собственноручные писема Потоцкого в Почаевской лавре, архив Почаевской лавры, № 1/277, письмо

26, отд. 9, № 141. Нельзя не заметить при этом, что униаты прямо хлопочут у папы о канонизации преподобного Иова, тогда как по уставу римской церкви, канонизации всегда должна предшествовать беатификация, т. е. признание известного лица блаженным, и только после этого лицо это может получить имя святого (канонизация). Значит в то время униаты уже положительно признавали преподобного Иова «блаженным».

⁶³⁵ - Одна из таких песней записана в Xiegie Sudow, на стр. 21, под заглавием: «песнь блаженному Отцу Иову Железу, из истории жития его вкратце сложена, року 1768». – Кроме сего мы видели ту же песнь и в печати, в одном Почаевском сборнике религиозных песней, изданном без заглавия и означения года, где она напечатана польским шрифтом, под № 52-м. (Читай самую эту песнь во Второй части настоящей книги, статья IV-я, приложение к сей статье, № 1-й). Униаты также изготовили было и особую службу и даже акафист пр. Иову, которые и доселе ходит по рукам у братии Почаевской. Не надобно, впрочем, смешивать этот акафист с тем акафистом, который прежде читался в лавре пред мощами Преподобного. – Первоначально он составлен был православными по возвращении Почаевской лавры в православие и читался здесь, с ведома и благословения Св. Синода, в рукописи. О настоящем же акафисте преподобному Иову с службою ему смотри на сем же житии ниже, глав. V, § 14.

⁶³⁶ - Доска эта и доселе есть в Почаевской Лавре; только в 40-х годах текущего столетия она была исправлена православными и по ней распущено в свет много изображений Преподобного. Говорят впрочем, что исправление это состояло только в небольшой переделке куколя у Преподобного. Что касается времени ее приготовления, то об этом свидетельствует сходство этой доски с другою такою же доскою, представляющей изображение чудотворной иконы Богоматери. А на этой последней означено: «8 сентября 1773 года». Это день и год коронации чудотворной иконы Пресвятой Богородицы, а с тем вместе, очевидно, я ближайшее время в поднятию вопроса о канонизации преподобного Иова (сравн. архива Почаевской Лавры. Дело № 7/5982).

⁶³⁷ - Смотрия «przeslawna gora poczajowska», wiadomoscie (XI) o koronacy cudwnego obrazu najswietszj M. Panny Poczajowskiej стр. 90 и след.

⁶³⁸ - Сравн. о сем же ниже, часть II, статья IV, под заглавием: «Православие и уния в лицах».

⁶³⁹ - Лаврского архива дедо № 697. В «Хіега Судов» есть интересный рассказ на польском языке, объясняющий причину освящения этой церкви во имя св. Великомученицы. Рассказ этот относится к 1714 году, когда по историческим документам Лавры впервые в ее дела начали вмешиваться власти униатские. В это время, как говорит «Хіега Судов», на Волыни свирепствовало страшное поветрие, от которого в окрестностях Почаева умирало множество народа. Чтобы спастись от бедствия, иноки почаевские постановили ежедневно служить молебны «патронке доброй смерти св. Великомученице Варваре», – и ее заступлением не только обитель, но и подданные ее были спасены от опасности. Вследствие этого тогдашний игумен лавры Гедеон Левицкий решился устроить в монастыре часовню с престолом во имя св. Великомученицы, и по недостатку на ту пору православных епископов, просил на сие посвящение благословения у Луцкого униатского епископа Иосифа Выговского. Выговский в то время был болен и потому сам не мог явиться в Почаев; но чтобы не потерять удобного случая вмешаться в дела православной обители, решился пожертвовать родовой своею святынею и прислал в Лавру частицу мощей св. Великомученицы Варвары, доставшуюся ему от его матери, внучки известного малороссийского гетмана и преемника Богдана Хмельницкого, Ивана Выговского, который в свою очередь получил эту частицу, когда был гетманом, из Киевского Златоверхого монастыря. Впоследствии, при перестройке Лавры, Потоцкий снял часовню Великомученицы, но для сохранения ее памяти базилиане посвятили в ее имя церковь пещерную, наименовав ее кладбищенскою. Мощи св. Варвары и теперь находятся в Лавре и предлагаются для чествования в особом ящике вместе с частицами мощей других угодников, там находящихся.

⁶⁴⁰ - Формально она принята накануне 10 октября 1831 года чрез водоосвящение и окропление св. водою, за которыми последовали вечерня с молебном Б. М., а на другой день обедня, совершенная ректором волынской семинарии архимандритом Флавианом. Первая православная архиерейская служба совершена в Лавре, по воссоединении, 25 октября в день воскресный за три дня до праздника преставления преподобного Иова (28 октября).

⁶⁴¹ - См. отношение Мещерского в Архиве Поч. Лавры.

⁶⁴² - По распоряжению Святейшего Синода, известие об этом чуде было напечатано в Христианском Чтении 1834 года, стр. 113, 116, откуда заимствовано и нами.

⁶⁴³ - Знамения эти следующие. 1) исцеление жены унтер-офицера Матвея Миропольского Елисаветы от жестокой болезни в носу; 2) совершенное выздоровление от долговременной болезни священника Каменец-Подольской губернии Никиты Голинкевича, после того как он дал обет поклониться Почаевской Божией Матери, и 3) прозрение слепой девятилетней солдатской дочери Анны Якимчуковой. Подробнее об этих чудесах см. «Историческое сказание о св. чудотворной Иконе Почаевской». Издание Поч. Лавры 1877 г.

⁶⁴⁴ - Арх. Поч. Лавры, дело № 1695.

⁶⁴⁵ - Из архива Волынской Духовной Консистории. Полный текст этого определения чит. ниже, часть II, статья IV: «православие и уния в лицах» в конце ее.

⁶⁴⁶ - Досифей жит. блаж. Иова, стр. 6 – 7.

⁶⁴⁷ - Нам удавалось встречать даже православные богослужебные книги изданные в Почаевской Лавре в последнее время, в которых имя пр. Иова напечатано наравне с именами других известных св. угодников. См. напр. малый почаевский часослов 1653 года в молитве по великом повечерии: «Владыко Господи И. Христе Боже наш»...

⁶⁴⁸ - Рака Преподобного имеет в длину 2 аршина 12 вершков, в ширину 15 вершков и углубления 10 ½ вершков. Вся рака изнутри и верхняя доска обиты малиновым бархатом, а края доски обложены золотым позументом. На верхней

серебряной доске вычеканено изображение преподобного Иова в мантии и схиме. Самая рака также украшена чеканными изображениями, представляющими: 1) Матерь Божию в облаках и пред нею молящегося преподобного Иова во время войны Збаражской; 2) прежнюю, существовавшую во времена преподобного Иова, монастырскую церковь пресвятой Троицы и 3) явление Божией Матери на скале, след Стопы ею здесь оставленный, и пастуха, видевшего это явление.

⁶⁴⁹ - Бывшему в последствии архиепископом Могилевским, – знаменитому нашему писателю и Доктору Богословия.

⁶⁵⁰ - Раку эту и теперь можно видеть в Лавре в Успенском Соборе на левой стороне под стенным изображением явления Божией Матери и пр. Иова во время войны Збаражской.

⁶⁵¹ - Которые для этой цели нарочито по распоряжению губернатора были вызваны в Лавру кременецким предводителем дворянства.

⁶⁵² - К этому же времени принадлежит назначить гробового при мощах пр. Иова, на какую должность, по указанию и с утверждения тогдашнего Высокопреосвященнейшего Никанора, был назначен в 1842 году иеромонах Лавры Зиновий Никорович. Всеми глубокоуважаемый за свою благочестивую жизнь этот старец около 30 лет состоял при своей должности, переменив только в 1863 г., по примеру глубокочтимого им св. Угодника, звание инок на высший ангельский образ, с именем Зосимы. Благочестивый подвижник, несший в последнее время вместе с обязанностью блюстителя гроба преподобного также должность духовника лавры, скончался после продолжительной болезни 2-го августа 1871 г., и память его доселе чтится в лавре всеми его бывшими духовными чадами.

⁶⁵³ - Есть известие, что когда император Николай прикладывался к мощам Преподобного, то ему предложили было между прочим убедиться в нетлении их чрез открытие тела Угодника. Но император, говорят, отвечал, что он и без того верит тому, и без всякого сомнения молился св. угоднику, как родному русскому угоднику и чудотворцу. – В память этого события в Успенском Соборе Лавры устроена позлащенная

медная дощечка, на которой вырезана следующая надпись: «Его Императорское Величество, Государь Император Николай I-й в сем соборе слушал литургию сентября 25 дня 1842 года». Кроме этого, чтобы еще более увековечить память этого обстоятельства, высокопреосвященнейший Никанор устроил на хорах большой лаврской церкви особую церковь с престолом во имя св. Николая чудотворца, которая в 1844 году освящена самим же высокопреосвященнейшим августа 14 дня.

⁶⁵⁴ - Для того, чтобы открыть вход в варваринскую церковь, в которой престол и иконостас были оставлены по прежнему, сделаны были двери в запрестольной стене для духовенства, а для народа пристроена особая внешняя галерея, приделанная снаружи, к южной стене храма.

⁶⁵⁵ - В Лавре это событие, также как и первое Высочайшее посещение, увековечено позлащенной доскою с надписью и особым храмом во имя св. благоверного князя Александра Невского, устроенный на хорах с противоположной стороны параллельно храму св. Николая. Храм этот устроен по особому рисунку, утвержденному, по представлению высокопреосвященнейшего Арсения, самим Государем Императором. Впрочем он окончен уже, по выбытии высокопреосвященнейшего на киевскую митрополию и освящен преемником его, бывшим волынским архиепископом преосвященнейшим Антонием, 30 августа 1861 года.

⁶⁵⁶ - Сообщены из Лавры особою выпискою из книги, заведенной по благословению Св. Синода в 1844 год; для записывания благодатных знамений, совершающихся в Лавре, за скрепою делопроизводителя лаврского, ныне о. Наместника Лавры Почаевской, почтеннейшего Архимандрита Иоанна.

⁶⁵⁷ - См. Путеводитель по горе Почаевской, стр. 152 – 154.

⁶⁵⁸ - См. Волынские Епархиальн. Ведомости 1670 г. № 8, часть официальная стр, 230 – 238. Кроме этого в летописях Лавры записано еще несколько исцелений, как напр. от недуга беснования казачки Кубанского войска Анны Плясовицыной, бывшее заступлением Божией Матери и молитвами пр. Иова 15-го мая 1870 г. (См. рапорт келаря Почаевск. Лавры

иеромонаха Иоанникия Преосвященнейшему Агафангелу от 5-го июня 1870 г. за N 52). и т. д. Мы слышали и о других знамениях и чудесах, бывших от мощей и заступлением пр. Иова; но как таковые не документованы в летописях Лавры, то мы не смеем указывать на них, чтобы не оскорбить скромное чувство людей, удостоившихся благодати Божией, но не благоволивших объявить об этом для всеобщего сведения.

⁶⁵⁹ - Из молитвы преподобному Иову, употребляемой в лавре Почаевской.

⁶⁶⁰ - Русск. Свят. Изд. 2. Отд. 3, стр. 29, прим. 45, «Письма Преосвящ. Лазаря в Черниг. Епарх. Известиях» 1863 г.

⁶⁶¹ - Там же, стр. 26. Сведения о наименовании родителей Макария Торскими взято нами из старинного Волынского предания.

⁶⁶² - Жития свят. Российской церкви, А. Муравьева, м. Август, приложение стр. 187–188.

⁶⁶³ - С греческого имя Макарий значит «блаженный».

⁶⁶⁴ - ЖитиФи Св. Русской церкви. Августа, стр. 190.

⁶⁶⁵ - Русские Святые, изд. 2; отд. 3, стр. 29, примечание 45.

⁶⁶⁶ - Между прочим мы полагаем поставление Макария в Архимандрита Овручского, вопреки установившемуся мнению, не около 1657 года, от чего Преосв. Филарет в своих житиях «Русских Святых» даже прямо говорит, будто Макарий «Настоятелем Овручской обители пробыл 16 лет, с 1657 по 1671 год» (стр. 26), – а около 1659 г. по той причине, что, как мы видели в Житии Препод. Иова Почаевского, в 1659 году был Архимандритом Овручского монастыря Феофил Креховецкий. (См. выше, стр. 193). Вероятнее всего, Св. Макарий занял место Креховецкого, а это могло случиться не иначе, как после 1659 г., так что Макарий состоял в звании Архимандрита Овручского не 16-ть, а около 14-ти лет. – В последствии времени, когда монастырь Овручский был восстановлен после разгрома его в 1671 году, Феофил Креховецкий снова является настоятелем этого монастыря в 1678 году. Очевидно, это было вторичное поступление его на ту же должность, м. б. даже

прямо в преемники Макарию. (Сравн. Собрание сочинений М. А. Максимовича, т. II, Киев, 1877 г., стр. 317).

⁶⁶⁷ - Жит. Свят. Росс. Церк. Август, прилож. стр. 191 – 193.

⁶⁶⁸ - О нападении татар на Полесье в 1671 году. См. Труды Киевской Духовной Акад. М. Июль 1865 г., стр. 363.

⁶⁶⁹ - Чернигов. Епарх. Известия 1663 г.

⁶⁷⁰ - Преосвященный Лазарь, по словам Филарета Черниговского, назвал Макария своим «постриженцем» в том смысле, что в 1657 г. по смерти М. Сильвестра он управлял Митрополией и поставил Макария в Игумена Овручского. – Реп. житие говорит, что преподобный Макарий посвящен и в иеромонаха и в Архимандрита М. Иосифом; новое издание словаря повторяет это известие. Но тут очевидная ошибка. См. Письма Преосвященного Лазаря в Черн. Епарх. Изд. 1863 г.

⁶⁷¹ - В рукописном и печатном житии Макария сказано, что он определен в Канев за 10 лет до его смерти М. Киприаном. Но первое не точно, если Макарий в том же 1671 г., в коем изгнан из Овруча, и определен в Канев; а житие говорит еще, что в Киеве прожил он будто 2 года, что уже невероятно, по заботливости о нем преосвящ. Лазаря. К тому же Киевского Митрополита Киприана в это время вовсе не было; на правом берегу Днепра управлял церквами и монастырями М. Иосиф Нелюбович-Тукальский, и он-то, конечно, в следствие ходатайства преосвящен. Лазаря пред гетманом Дорошенко, и определил Макария в Канев. А Киприан не был ли какой либо заграничный архипастырь, пребывавший в Украине и принявши участие в судьбе пр. Макария? В то время не малое число заграничных архипастырей проживало в Украине. Русск. Свят. Изд. 2. Отд. 3, стр. 29 – 30, примеч. 46.

⁶⁷² - Кописский пишет: «Юрий принял монашество в Корсуне, в Октябре 1662 г. (Величко 2, 36 летоп. Белозер. 29). В 1664 г. он заключен был в Мариенбурге вместе с Иосифом Тукальским и в 1668 г., отправляясь из Умани в Киев с игуменом Уманским, был схвачен Татарами и отправлен в Константинополь. (Летоп. Белозерск. 76, 78, 79. Величко 2, 334). Судя по времени определения пр. Макария в Канев, как

справедливо заключает преосвящ. Филарет, принимал он Юрия в Каневе в 1672 г. (Русск. Свят. М. Сентябрь, стр. 30).

⁶⁷³ - Русск. Свят. Изд. 2, Отд. 3, стр. 30 – 31. Сравн. также жития Свят. Росссийской церкви, стр. 193 – 199.

⁶⁷⁴ - Там же стр. 195.

⁶⁷⁵ - Русск. Свят. Изд. 2, отд. 3. стр, 32. Жития свят. Российск. Церкви стр. 199 – 200.

⁶⁷⁶ - Жит. свят. Русск. Церк. Августа, стр. 200.

⁶⁷⁷ - Величко летоп. 2, стр, 485. Также Русск. свят. отд. 3, стр. 32.

⁶⁷⁸ - Максимов. Георг. слов. 1861 г. 1, стр. 949.

⁶⁷⁹ - См. Истор. Вести. 1885 г. М. декабрь, статья Г. Костомарова: «Поездка в Переяславль»; стр. 502.

⁶⁸⁰ - Жит. свят. Русск. Церкв. Август, стр. 200 – 202.

⁶⁸¹ - По рукописному житию кончина св. Макария и разорение Канева относятся к 1653 г. Но в этом году невидны ни по каким памятникам разорения Канева. А что говорится о разорении его в житии, то согласно с летописным описанием разорение 1678 г. (см о Каневе в Киев. губ. вед. 1864 г. № 2 – 5 и 46). Письма Архиеп. Лазаря не оставляют сомнения, что пр. Макарий пострадал после 1657 г. (Русск. свят. Изд. 2. Отд. 3. стр, 33, прим. 49).

⁶⁸² - Жит. свят. Русск. Церкви, Август, стр. 203.

⁶⁸³ - Русск. свят. Изд. 1. Отд, 3. стр. 34.

⁶⁸⁴ - Жит. свят. Русск. Церкв. Август, стр. 203 – 204.

⁶⁸⁵ - Там же, стр. 204.

⁶⁸⁶ - Истор. Вестн. 1885 г. декабрь, стр. 503.

⁶⁸⁷ - Акты Западн. России, I, № 140. II, № 170. История Русск. Ц. архиеп. Филарета, период III, примеч. 8.

⁶⁸⁸ - Акты Юго-западн. России, т. I, стр. 68.

⁶⁸⁹ - Смотр. выше, житие пр. Иова, стр. 198.

⁶⁹⁰ - Волынские Епарх. Ведомости 1867 г. часть неофициц. стр. 69, 70.

⁶⁹¹ - История Р. Иерарх. т. V, стр. 359.

- ⁶⁹² - История. Вестн. 1885 г. М. Декабрь, стр. 503.
- ⁶⁹³ - Сравн. монастыри, упоминаемые в ней под буквою: О. т. V, стр. 359; т. VI, стр. 1033.
- ⁶⁹⁴ - Списки Иерархов. С-Петербург. 1877 года, стр. 32–939. Там же, «указатель монастырей» стр. 37.
- ⁶⁹⁵ - Собрание сочинений М. А. Максимовича. Т. II. Киев 1877 г. «Воспоминание о стародавнем монастыре Каневском», стр. 316.
- ⁶⁹⁶ - Там же, стр. 317.
- ⁶⁹⁷ - Собрание сочинений М. А. Максимовича, т. II, стр. 312–319. Сравн. Киевск. Епарх. Ведомост. 1364 г. № 24.
- ⁶⁹⁸ - № 19
- ⁶⁹⁹ - Собрание сочинений М.А. Максимовича, т. I, отдел исторический, стр. 532–536.
- ⁷⁰⁰ - Там же, стр. 536
- ⁷⁰¹ - Сравн. Собрание сочинений М. А. Максимовича, Т. II, стр. 317.
- ⁷⁰² - Словарь Истор. о свят. Русск. ц. стр. 75. В рукописном тропаре Церковь поет ему: Тропарь, глас 8-й Божественным желанием весь сам себе от юнаго возраста Господеви возложив, явился еси светильник светлый граду твоему, поучая всех истинней вере и житию Богоугодному, священномучениче Макарие, Овручская похвало. Сего ради, яко агнец непорочный гонимый от распрелюбивых врагов, восшел еси во обитель Каневскую, идеже яко пастырь добрый душу твою положил еси за овцы твоя. И ныне ко всечестней раце многоцелебных мощей твоих мы грешнии со умилением притекающе, дар исцеления приемлем многострадальне: Ты бо присно источаеши болящим здравие, печальным утешение, и всем чтущим тя всякое исполняеши требование, моляшися Христу Богу спастися душам нашим. Кондак, глас 2-й Постническое и равноангельное житие твое страдальческими уяснил еси подвиги, и Ангелом совсельник Богоблаженне явился еси Макарие: с ними Христу Богу моляся не престай о всех нас. (Сообщены из Переяслав. монастыря Полтав. губер., где почивают мощи св. Макария).

⁷⁰³ - Русск. Свят. Пр. Филар. Изд. 2. отд. 3. стр. 128.
Фамилия Кульчицких и теперь известна на Волыни. Преосвящ. Модест положительно свидетельствует, что и предки Св. Иннокентия жили на Волыни, но в половине XVII столетия родители и некоторые из родных его перешли в Заднепровскую Украину, в нынешнюю Черниговскую губернию. В это же время, как говорит преосвящ. Модест, на Волыни в местечке Ратном был русский священник Кульчицкий, сын которого Порфирий был потом Пинским униатским Епископом.—(Странник 1879 г. М. Май, стр. 167–168. «Жизнь и подвиги Св. Иннокентия чудотворца, первого Еп. Иркутского»).

⁷⁰⁴ - Русск. Свят. Изд. 2, отд. 3, стр. 428.

⁷⁰⁵ - Истор. Моск. Духовн. Академии, Моск. 1855, стр. 206.

⁷⁰⁶ - В Акафисте ему читаем: «услышав ухищренныя Хиннов глаголы, яко не подобает ти приюту быти в их царство, обратился еси с Евангелием к языкам своего царства— Монгольским.... Радуйся, яко проповедью Евангелия, тобою к языком Монгольским принесенною, злоухищрения душ человеческих жестоко посрамишася».

⁷⁰⁷ - В том же Акафисте говорится: «ово просвещал еси светом Евангелия Христова неверующия языки Монгольския, ово утверждал еси верующия в послушании Православныя Церкви уставам».

⁷⁰⁸ - Рагузинский, по свидетельству Пр. Филарета, торгаш, под защитою Меньшикова был грабителем Малороссии. Русск. Свят. стр. 431.

⁷⁰⁹ - Иркутск. Епарх. Ведом. 1863 г. № 21 и 24.

⁷¹⁰ - Иркутск. Епарх. Ведом. № 22. 1863 г. Тобольским Митрополитом в ведение нового Иркутского Архипастыря переданы: 3 монастыря, 9 городских церквей и до 33-х поселянских; Иркутский Вознесенский мон. отдан был св. Синодом в полное распоряжение Св. Иннокентия. Странник 1863 г., м. январь.

⁷¹¹ - О всех этих действиях подробно можно читать у пр. Филарета Русск. Свят. изд. 2. отд. 3. стр. 438 – 168.

⁷¹² - Иркутские Епарх. Ведом. 1864 г. №№ 3 – 8. 13. 15. 19 – 22. 33 – 36.

⁷¹³ - Русск. свят. изд. 2 отдел 3 стр. 464 Словарь. Историч. стр. 105.

⁷¹⁴ - Составлен на основании «Сказания о Почаевской Лавре» Архимандрита Амвросия, «Очерков истории Почаевской Лавры» и других новейших источников.

⁷¹⁵ - Подробн. о сем смотр. ниже, ч. II, статья 6.

⁷¹⁶ - История Русской Церкви преосвящен. Макария, т. III, стр. 48. Сравн. Полное Собр. Русских Летоп. Летопись I, стр. 15, II, стр. 29, 75.

⁷¹⁷ - Более обстоятельные сведения о самой иконе Б. М. Почаевской смот. ниже, статья III-я.

⁷¹⁸ - Сравн. Карамзина История Российского государства, т. IV, стр. 11–15.

⁷¹⁹ - История Русск. Церкв. Архиеп. Филарета, период II, парагр. 33

⁷²⁰ - С грустью надо сознаться, что как Преосвященный Филарет, таи и Преосвященный Макарий в своих историях русской церкви не говорят ни слова о первоначальном происхождении Почаевской Лавры не только в XIII веке, но и в последующие времена. Так мало доселе Лавра Почаевская занимала наших даже лучших духовных писателей. Будем надеяться, что пробел этот пополнится другими церковными историками (как напр. Проф. Голубинский), и Лавра Почаевская займет у них место, вполне соответствующее ее положению и достоинству.

⁷²¹ - Подробнее о сем смотр. Исследование наше: «Святая Цельбоносная Стопа Б.М. в Почаевской Лавре». Почаев 1880 г.

⁷²² - Сравн. «Историческое сказание о Епископах Волынской Епархии». Волынские Епарх. Ведом. 1867 г. ч. Неофиц. Стр. 10–12. «Русские Святые» Преосвящ. Филарета Черниг. М. Август. Чернигов 1863 г. стр. 110.

⁷²³ - В числе древнейших изданий Почаевской типографии между прочим упоминаются «Проскомидийные листы». Если не ошибаемся, первый образец таковых явился в Киево-Печерской

типографии, откуда его и заимствовала обитель Почаевская для перепечатания в своей типографии.

⁷²⁴ - Из дреннейших книг, хранящихся въ библиотеке Почаевской Лавры, большая часть по изданию принадлежит Киево-Печерской Лавре, каковы творения Св. Иоанна Златоустого 1622 г., Ефрема Сирина 1626 г. и др.

⁷²⁵ - До чего крепко этот устав держался на Горе Почаевской, можно судить по тому, что в существенных чертах его не посмели изменить сами Базилиане Почаевские, за что между прочим и слыли между своими собратьями за схизматиков. Смotr. статью нашу: «Из воспоминаний и заметок бывшего послушника Почаевской Лавры при Базилианах». Холмско-Варшавский Епарх. Вестн. 1879 г.— Особенно интересно здесь сравнить с уставомъ Киево-Печерской Лавры, какъ Базилиане пели Великий Канон, или сменяли чередныхъ иеромонахов для занятия седмичного богослужения, и т. п.

⁷²⁶ - Отсюда покойный А. Н. Муравьев в своих паломнических заметках о Почаевской Лавре имел полное право сказать, что «не на высоте скалы Почаевской, а в глубине ея пещер нужно искать первоначальную историю Горы Почаевской». Почаевская Лавра и Острожское братство. Киев 1871 г.

⁷²⁷ - См. ниже, часть II, статья VI.

⁷²⁸ - Там же.

⁷²⁹ - Смotr. «Гора Почаевская». Почаев, 1803 г., стр. 3 на обор. Об этом же народ с незапамятных времен и доселе поет в известной уже нам песни: «Пасли пастыри овцы на гори, «Видели Матерь Божу на скали..» Как на особенность той же народной памяти следует указать на то, что ей не чужды отчасти и воспоминания о непосредственном родстве Почаевской обители с Киево-Печерскою. Таково и доселе распространенное между поклонниками Почаевскими мнение, будто находится прямой потаенный ход между пещерою пр. Иова, в Почаевской лавре, где кроме Иова, как известно, спасались и другие, в особенности древнейшие, подвижники Почаевские, и пещерами Киевскими. Старики даже скажут вам,

что если пустить зайца в этой пещере из Почаева, то он непременно выскочит в Киева, в пещерах тамошней лавры.

⁷³⁰ - Чит. брошюру нашу: «В память совершившегося пятидесятилетия со дня воссоединения Почаевской лавры из унии в православие». Почаев, 1883 г.

⁷³¹ - Памятн. Российск. слов. XII в. стр. 263, 257.

⁷³² - Русск. Святые Арх. Филарета. Август. Чернигов 1863 г. стр. 171.

⁷³³ - Собр. Летоп. т. I, стр. 194. Сравн. также Печерский Патерик, приложение к жизнеоп. пр. Агапита.

⁷³⁴ - Русские Святые Арх. Филарета. Месяц. Май – Август 1883 года, стр. 118.

⁷³⁵ - Там же.

⁷³⁶ - Русские Святые. Арх. Филарета. Месяц. Сентябрь – Декабрь. Чернигов 1865 г. стр. 105.

⁷³⁷ - Там же, стр. 106.

⁷³⁸ - Можно бы сюда отнести еще и святителя Симона Владимирского на Клязьме, который тоже полагал начало иноческому житию в Печерской Лавре, и потом погребен в ней, скончавшись, как мы уже видели, не задолго до нашествия Батыева в 1226 г. – Но он очень рано взят из Лавры, именно в 1206 году во игумены Владимирского на Клязьме Рождественского монастыря, а потому, во избежание недоумений, мы оставляем вопрос об отношениях его с первыми насельниками Горы Почаевской открытыми.

⁷³⁹ - Русские Свят. Сентябрь – Декабрь приложение «Хронологический указатель святых», стр 5. К этому, по свидетельству Преосвящен. Сергия в его полном Месяцеслове Востока, на основании рукописных святых, еще присоединяются иереи: Мелетий, Серапион, Филарет и Петр, яко «жившие не позднее половины XIII в.» (Москва 1876 г. т. II, стр. 254). Но как святые эти в настоящее время не чествуются в Киево-печерской Лавре открыто, то и мы не станем более говорить о них.

⁷⁴⁰ - Русские Святые, Сентябрь – Декабрь. Чернигов 1865 года стр. 109.

⁷⁴¹ - Там же, Май – Август. Чернигов 1863 г. стр. 130.

⁷⁴² -) История Русской церкви Преосвящ. Макария, т. III. С.-Петербург 1868 года. стр. 49.

⁷⁴³ - Там же, т. IV, Спб. 1866 г. стр. 166.

⁷⁴⁴ - Напр. из помянутых святых подвижники феодосиевой пещеры положительно все были затворниками, за исключением одного преподобного Сисоя Схимника.

⁷⁴⁵ - Истор. Русск. церкви, т. III, стр. 48. Сравн. Полное Собрание Русских Летописей, Лет. I, стр. 15, II, стр. 29, 75.

⁷⁴⁶ - История Русской церкви, т. IV, стр. 166.

⁷⁴⁷ - Путеводитель по св. местам Киево-печерской Лавры. Киев 1881 г. стр. 18.

⁷⁴⁸ - Киев 1881 г. предисловие, стр. VI. Сравн. описание Киево-печерск. Лавры 1847 г. стр. 125.

⁷⁴⁹ - Следует заметить, что преосвященный Сергей в своем «Полном Месяцеслове Востока», соглашаясь с мнением Преосвящ. Филарета, то большая часть подвижников феодосиевой пещеры относится к XIII – XIV веку, замечает, что распределение их таким образом, что одни относятся к XIII веку, а другие к XIV, «кажется не имеет твердых оснований к сему». (Т. II, Москва 1876, стр 260). Но если и можно солгаситься с мнением преосвящ. Сергия, тона основании всего вышесказанного нами надобно скорее перечислить из XIV в XIII-й в., подвижников, указываемых Преосвящ. Филаретом в XIV веке, чем наоборот. И тогда еще более увеличилось бы у нас число святых угодников Киево-печерских, из среды коих должны были выйти первые насельники Горы Почаевской. Но как Преосвящ. Филарет действовал не без основание же, то мы останемся на его стороне, благодаря Бога, что имеем столько святых для ближайшего определения духовной связи между Лаврою Почаевскою и Киево-печерскою. – Интересно впрочем, что сам преосвящ. Сергей о таких помянутых нами угодников как Ефрем, Иероним, Меладий, Персий, Евстафий и Павел послушливый, сам замечает, что «все упомянутые подвижники Антониевой пещеры жили по всей вероятности не позднее половины XIII века». (П. М. Востока, т. II, стр. 254).

⁷⁵⁰ - Предисловие, стр. VI, VII.

- ⁷⁵¹ - Русск. Святые. Сентябрь – Декабрь. Стр. 107, примеч. 205.
- ⁷⁵² - Истор. Русск. церкви, т. III, стр. 46.
- ⁷⁵³ - Памятники Росс. Словесности XII в. «Послание Симона к Акиндину».
- ⁷⁵⁴ - Собр. Лет. т. I, стр. 194.
- ⁷⁵⁵ - Памятники Росс. Слов. XII в. стр. 247, 253.
- ⁷⁵⁶ - Преосвященного Сергия Полный Месяцеслов Востока, т. II, стр. 227.
- ⁷⁵⁷ - Истор. Р. церкви, т. III, стр. 200, 201. Срав. «Обзор редакции Киево-Печерского Патерика». Известия Имп. Ак. Наук, по второму отделению, т. V, стр. 130 и след.
- ⁷⁵⁸ - Служба преподобным печерским в Больших Киевских Акафист. Канон песнь 8, троп. 3.
- ⁷⁵⁹ - Интересно, что как преосвящ. Филарет, так и преосвщ. Сергей в своих «указателях» Святых не упоминают ни разу имени сего Святого угодника, не смотря на то, что он искони читится в Киево-печерской Лавре, чему лучшим доказательством служит церковная песнь, более двух веков уже употребляющаяся в святой Лавре в честь его, если принять в расчет, что служба пр. печерским, из которой эта песнь заимствована, составлена Мелетием Сиригом в 1643 г.
- ⁷⁶⁰ - Кр. Сказания о жизни препод. отцев дальних пещер преосвящ. Модеста, стр. 29.
- ⁷⁶¹ - Там же, стр. 78. Кондак, глас 4. Тропарь ему общий: И нравом причастник...
- ⁷⁶² - Кратк. Сказ. Еп. Модеста, стр. 16, 17.
- ⁷⁶³ - Там же, стр. 59. Тропарь глас 1-й.
- ⁷⁶⁴ - Канон преподобным дальн. пещер. Песнь 5, троп. 6.
- ⁷⁶⁵ - Краткое Сказ. стр. 59. Кондак глас 2-й.
- ⁷⁶⁶ - Строева Списки иерарх. и настоятелей монастырей. С.-Петербург. 1877 г. стр. 587.
- ⁷⁶⁷ - Русские Святые. Арх. Филарета. М. Сентябрь – Декабрь, стр. 105. – Сравн. Полный Месяцеслов Востока Серия т. II, стр. 253. Профессор Голубинский о святителе Меркурии в

своей Истории Русской Церкви пишет.— «Что касается до св. Меркурия Смоленского.... почивающего в Киевских Антониевых пещерах, то его существование, неизвестно на чем основанное, весьма и совершенно сомнительно; можно предполагать, присовокупляет он, что каким либо образом превращен в епископы известный св. Меркурий, воин – болгар, мученик Смоленский, который, по сказанию о нем, в 1239 г. спас Смоленск от татар (Т. I, первая половина тома, стр. 569). На это можно сказать только: кому же верить после этого? Или древнему преданию Киево-печерской Лавры, которая с незапамятных времен признает Святителя Меркурия Епископом Смоленским, и на первых порах имела всецелую возможность справиться, действительно ли он был таковым, – и только на этом основании, без сомнения, и включила его в число своих святых? – или же Профессору, который позволяет себе догадываться, спустя шесть веков после жизни Святого, когда для проверки его мнения не имеется безусловно никакой возможности? – Впрочем это не единственный случай, что г-н Голубинский допускает в своей истории такие скороспелые догадки. Он не признает даже Святителя Михаила первого Митрополита Киевского (Сравн. об этом статью проф. И. И. Малышевского под заглавием: «Кто был первый Митрополит Киевский?» Труды К. Д. Акад. 1883 г. М. Сентябрь, Октябрь). А о Полонном, которое св. Владимиром было приписано Десятинной Киевской церкви в качестве десятины от градов, тот же г. Голубинский пишет, что оно «совершенно исчезло или превратилось в такую деревню, которой не могут отыскать исследователи» (т. I. первая половина тома, стр. 423, примеч. 1-е), не смотря на то, что о Полонном говорят все известные историко-географические исследования, и оно здравствует доселе, как одно из выдающихся местечек в Волынской губернии, заключа в себе более 12, [000] жителей. (Сравн. об этом статью нашу: «Мнимо-исчезнувший город, или о том, как ошибаются иногда русские ученые историки». Древняя и Новая Россия, 1882 г).

⁷⁶⁸ - Служба преп. ближних пещер, канон. песнь 6, троп. 7.

- 769 - Летопись по Ипатскому списку. С.-Петербург. 1671 г. стр. 520.
- 770 - Канон преп. Печерским с Акафист. песнь 9, троп. 3.
- 771 - Канон препод. ближних пещер, песнь 6, троп. 3.
- 772 - Там же, песнь 7, троп. 6.
- 773 - Там же, песнь 9, троп. 4.
- 774 - Там же, песнь 6, троп. 6.
- 775 - Там же, песнь 5, троп. 3.
- 776 - Там же, песнь 5, троп. 4.
- 777 - Русские Святые Архиеп. Филарета, М. Сентябрь – Декабрь, стр. 108.
- 778 - Служба преп. ближних пещер, песнь 7, троп. 3.
- 779 - Краткие сказания о жизни и подвигах, св. отцов дальних пещер, стр. 18.
- 780 - Служба преподобным дальних пещер, канон песнь 4, тропарь 6.
- 781 - Краткие Сказания, стр. 52. Тропарь, глас 7-й.
- 782 - Там же, кондак, глас 1-й.
- 783 - Там же, стр. 72. Тропарь, глас 8-й.
- 784 - Там же, кондак, глас 6.
- 785 - Там же, стр. 8, 9.
- 786 - Там же, стр. 46. Тропарь, глас 3.
- 787 - Там же, стр. 46, 47. Кондак, глас 4.
- 788 - Канон Преп. дальних пещер, песнь 3, троп. 7.
- 789 - Краткие Сказания, стр. 26, 27.
- 790 - Канон преп. дальних пещер, песнь 8, троп. 5.
- 791 - Кратк. Сказания, стр. 74.
- 792 - Там же, 26. Кондак глас 8. Тропарь ему общий препод. «Слез твоих теченьми»..
- 793 - Там же, стр. 73. Тропарь, глас 5.
- 794 - Там же. Кондак глас 4.
- 795 - Там же, стр. 14.
- 796 - Там же, стр. 53. Кондак глас 1-й. Тропарь ему общий: «Пустынный житель»...

- 797 - Канон преп. дальних пещер, песнь 5, троп. 2.
- 798 - Краткие Сказания, стр. 20.
- 799 - Там же, стр. 62. Тропарь, глас 1.
- 800 - Там же, кондак, глас 4.
- 801 - Канон преп. дальних пещер, песнь 6, троп. 5.
- 802 - Патерик печерск. Киев 1860 г. стр. 113. Сравн. Истор. Русск. церкви, преосвящ. Филарета, ч. I, § 48.
- 803 - Об этом в старинной Почаевской книге читаем так: «Понеже Гора Почаевская имать в себе, аки дом созданный, выросшую пещеру, в ней же угодно кийждо человек обитати может, тем от многих лет в той пещере живяста два инока» и т. д... (Гора Почаевская. Почаев 1803 г. стр. 2 на оборот).
- 804 - Исаии II, 2, 3.
- 805 - Волынск. Епарх. Вед. 1883 г. № 31, ч. неоф. стр. 920.
- 806 - Празднование чудотворной иконе Почаевской совершается в православной церкви 8-го сентября.
- 807 - Желających познакомиться с подробнейшею историей св. иконы Почаевской отсылаем к своей книжке, которая в 1883 году напечатана в лавре Почаевской под заглавием: «Повесть историческая о св. чудотворной иконе Почаевской»
- 808 - Там же, см. стр. 13 – 17.
- 809 - Преславная гора Почаевская. Почаев, 1807 г. стр. 4.
- 810 - Сравн. Житие пр. Варлаама. Патерик Печерский. Ноября 14. Сравн. выше, часть 1-я, отд. II, стр. 44, 45.
- 811 - Смотр. «Новое небо с новыми звездами» Иоаникия Галятовского. Львов, 1665 г. стр. 99
- 812 - См. т. I, отд. III, жизнеописание 2, стр. 201 – 203.
- 813 - Гора Почаевская. Почаев, 1803 г. стр. 9–10. Преславная гора, стр. 22 на обор. Сравн. «Воспоминание о явлении Б. М. на горе Почаевской для спасения Почаевской обители от нападения турок и татар в 1675 г.» Волынские епарх. ведомости 1876 г.
- 814 - Лосятин – село, которое и поныне существует в нескольких верстах от Почаева.
- 815 - Гора Почаевская; стр. 47, 48.

⁸¹⁶ - Сравн. выше о явлении пр. Иова над обителью Почаевскою. Часть I, отд. IV, стр. 182 – 184.

⁸¹⁷ - Желаящие могут читать эту песнь в книжке, которая продается в Почаевской лавре под заглавием: «Благодатная святыня горы Почаевской». Почаев 1875. Много вариантов этой песни напечатано у Бессонова. Сравн. выше, стр. 185.

⁸¹⁸ - Сравн. «Катих. исторический» западной церкви. Шмидта, ч. III: «Прибавление о чудотворных иконах и св. местах в Литве и Польше» – стр. 448. Преславн. гора Почаевск. стр. 108 – 115.

⁸¹⁹ - Гора Почаевская; стр. 90.

⁸²⁰ - 1Мак. IV, 11.

⁸²¹ - Histirya unil kosc ola Ruskiego z kosciolem Rzymekim. Ks. Edw. Likowskiego. W Poznanin, r. 1875 стр. 233 – 236 и 236 – 237.

⁸²² - Вестник Юго-Западной России, 1862 г. Август, стр. 65 – 80.

⁸²³ - Там же Иосафат Кунцевич Полотский, униатского Архиеп. Говорского, стр. 75 – 92.

⁸²⁴ - Histor. Unii Kosciola Rusk. стр. 94.

⁸²⁵ - Вестник Юго-Западной России стр. 70.

⁸²⁶ - Досифея житие блаж Иова, стр. 2.

⁸²⁷ - Газета Гатцука 1875 г. № 47 «О значении преп. Иова игумена Почаевского в истории русской жизни», стр. 788.

⁸²⁸ - Вестник Юго-Западной России стр. 76.

⁸²⁹ - Histor. Unil Kosc. Ruskiego, стр. 85. Тот же автор считает Иосафата сочинителем книги «obrona jedncsci Serkiewnej», изданной Кревзой. Но это решительно не имеет никакого основания.

⁸³⁰ - Там же.

⁸³¹ - Историческое сказание о свят. чудотворн. иконе Почаевской Б. М. стр. 18.

⁸³² - Волынские Епарх. Вед. 1877 г. стр. 845–875.

⁸³³ - Hystor. Unil Kosciela Rusk. стр. 84.

⁸³⁴ - Вестник Юго-Западной России, Авг. 1862, стр. 67. О делах Кунцевича есть также печатная жалобная грамота 1623 г.,

поданная белорусскими и литовскими православными в Сенат.

⁸³⁵ - Сказание о Почаевской лавре арх. Амвросия, стр. 46.

⁸³⁶ - «Из воспоминаний и заметок бывшего послушника Почаевской лавры при Базилианах» Волынские Епарх. Ведомости 1879 г. № 17.

⁸³⁷ - Сравн. нашу книгу: «Западно-русская церковная уния в ее богослужении и обрядах». Киев 1881 г. гл. II и III-я.

⁸³⁸ - Сделанное здесь описание пещеры Пр. Иова взято с натуры. См. наш «Путеводитель по горе Почаевской». Почаев 1883 г. стр. 100 – 102.

⁸³⁹ - Житие блаженного Иова, стр. 4 на обор.

⁸⁴⁰ - Там же.

⁸⁴¹ - Там же.

⁸⁴² - Мф. VI, 6.

⁸⁴³ - Histor. Unii Kosc. Russkiego, стр. 82 – 83.

⁸⁴⁴ - Missale Romanum; Canon Missae.

⁸⁴⁵ - Газета Гатцука, 1875 г. № 45, стр. 743. – Досиф. Жит. блаж. Иова, стр. 5.

⁸⁴⁶ - Газета Гатцука № 47. – 1875 года.

⁸⁴⁷ - Досиф. Житие блажен. Иова, стр. 5 – 6.

⁸⁴⁸ - Страшно сказать: сам папа Урбан VIII не боялся Бога, и в посланиях к королю польскому, епископам и панам взывал об отмщении и жестоких мерах против несчастных жертв фанатической ревности Иосафата, и проклинал всех, кто теперь удерживал меч от крови.

⁸⁴⁹ - Histcr. Unii Kosk. Russkiese, стр. 94.

⁸⁵⁰ - Когда после воссоединения униатов открыли реликвиарий Иосафата, находящийся в полоцком монастыре у базилиан, то кроме «клока волос и некоторых, принадлежавших Иосафату архиерейских облачений» не нашли в нем ничего более. (Вестник Юго-Западной России, Авг. 1662 г. стр. 90).

⁸⁵¹ - Последнее, как известно, справедливо и совершенно было с воссоединением Бяльских униатов в Православие в 1875 году.

⁸⁵² - Histcr. Unii Kosciolu Russkiego, стр. 94 – 95.

⁸⁵³ - Для незнакомых с местностью следует заметить, что Полоцк лежит по отношению к Витебску не вверх, как солгал Кульчинский, а вниз по течению Двины.

⁸⁵⁴ - Кульчинск. Monolog. Baz. Kulesza Wiara prawoslawna; Stebelsky Dwa swiatla, et cet.

⁸⁵⁵ - Справн. Histor. Unii Rose. Ruskiego, стр. 92 – 93.

⁸⁵⁶ - Вестник Юго-Западной России Авг. 1862 г. стр. 66 – 87 в примечании.

⁸⁵⁷ - Там же.

⁸⁵⁸ - Preslawna Gora Pocz. стр. 10 на обор. О том же гласит «Гора Почаевская»: «Его же тело и доселе в пещере, в монастыре здешнем сущей, нетленно почивает»... стр. 6.

⁸⁵⁹ - Так Иов называется вообще во всех по-униатских памятниках Лавры Почаевской.

⁸⁶⁰ - См. выше житие пр. Иова, глава IV-я, § 7.

⁸⁶¹ - Служба преподобному Иову, канон песнь 4-я, троп. 4–6.

⁸⁶² - Там же, на стиховне. Слава и ныне. Подробнее об этой униатской службе пр. Иову смотр, в нашей книге «Западно-русская церковная уния в ее богослужении и обрядах». Глава V, стр. 435. Кроме того, как мы знаем уже, униаты сочинили в честь пр. Иова разные песни на Польском и Славяно-польском языках и этим еще более выражали свое увлечение к угоднику Божию. Для образчика приводим две из этих песней, какие удалось нам найти в лавре Почаевской. Смотр. ниже, приложение к настоящей статье №№ I и II-й.

⁸⁶³ - Извлечено из архива Волынской Духовной Консистории в Житомире.

⁸⁶⁴ - Для незнакомых с польским языком представляем эту песнь в русском переводе: «Церковь есть мать и госпожа детей своих; и, как сын, Железо творит волю матери. Творил он ее в течении своей жизни, век молодой, который не соблазнили никакие мирские вольности. Но вот светящееся солнце складывает свои лучи в иначеский мрак, как бы в святую тень. Казалось бы, что при таком закате небо оставалось в суровой потери. Напротив того, свет виднее в тени; свята и мантия при святой совести. Яснеет он святой жизнью в Почаеве, о чем

автор скажет обширнее... И в своем поledenном шествии неустанно, без малейшего затемнения, осветил он многих, ведя святую жизнь, и заблистал добродетелью, скрываясь с нею в тайне. Верный образец чина Васильева не мог найти никого его вернее: Великого отца, точно и сын немалый, о котором скажу нечто ради похвалы. Василий служит честью для достойного сына; Железо также честь для Василия. Один законодатель, а другой в этом законе почивает на отцовском лоне. Как фундатор Василий спешит до небы; на его место нужен наместник. Вот Железо на месте святого, крепкая завеса церкви Божией; или сказать иначе: драгоценный камень в горе. Богатый добродетелями он в убогом виде вел святую жизнь, и будучи украшением этого чина, многих вел за собою на служение Богу. Дорогие камни сокрытые в тени не теряют своего достоинства; так и он, чтобы не выставляться с своими добродетелями, кроется в тени пещеромной между камнями с своим ясным от добродетели телом, которое еще яснее явилось в темноте. Не считаю постов его, потому что таков был целый век его, ни умершления, так как железные цепи и кольца в течении целой жизни производили у святого на теле святые знаки. Но вот солнце переменялось в своем течении, когда небо с землею совершили свой обильный раздел: душа (идет) на небо, земле же досталось в дар святое тело. И неудивительно, что монастырь скрывает его в землю: достоин сохранения всяк, кто живет добродетельно. И зачем покрывается мраком эта светлость? – Но и солнце по прошествии дня отдыхает в тени. – Говоря с церковью: и святых испытывают – тех, которым покровительствуют благодатные небеса. – Так и сей драгоценный камень небесной короны, – потому что всегда жил терпеливо, хоще и был унижаем. Когда таким образом он оставался до времени во гробе, – свет еще яснее открылся в тени. По случаю разных чудес добывается он из земли, – и ему – рукоплескание, нам же радость пребывает, благодаря Бога за патрона, от которого для всех просящих (подается) несомненная защита. Ибо многие, которые только отдавались его покровительству, получали от него милость. Известный игумен (Досифей), находясь в Почаеве, вследствие тяжких

накожных нарывов, потерял здоровье; ему святой Иов посылает чрез девушку святое миро и вдруг болезнь уступила. – И другие (являлись) милости Матери Господа Бога по просьбам святого. Когда произошла тревога от турок, в то время как огромные войска устрешили Почаев, на ту пору явно прибыли на помощь Пресвятая Матерь и святой Железо, вследствие чего устрешенный проклятый басурман остался пораженным, потому что пули, которыми стреляли поганые, возвращались назад, принося им тяжелый приказ, дабы сражаться более не смели. – Кто любопытствует узнать другие знамения, на знак заслуги и святой забавы, тот пусть читает в Почаевской обители, как св. отец находится в союзе с небом, – и, как об этом сказал я, как выслушивает он церковь, покорно преклонивши свое чело. И ныне когда церковь велит, с покорой нисходит на землю, не смотря на то, что он сделался небесным племенем».

⁸⁶⁵ - Перевод этих последних стихов, см. в житии пр. Иова, часте I, стр. 211 и 212, § 7.

⁸⁶⁶ - Здесь не мешает впрочем заметить, что ходячее мнение, будто Полонное получило свое наименование от того, что первоначально было населено пленными, от слова Полон, плен, некоторые из ученых стараются объяснять теперь от Полянской земли (Поляне, Поли), в коей местечко это издревле находилось, отчего м. Поляны в Ровенском уезде ставят по наименованию наряду с Полонным. «Очерки Русской Исторической Географии». Н. П. Барсова. Варшава 1673 г. стр. 110. Может быт это и правильное, тем более, что Полонное в древности не было крепостью, в которой бы могли хоть на первых порах содержаться пленные.

⁸⁶⁷ - Чтения Московск. Общ. древност. Российских. 1846 г Отд. IV, стр. 7.

⁸⁶⁸ - Полное Собр. Летоп. т. I, стр. 163. Лаврент. лет.

⁸⁶⁹ - Там же, т. II, стр. 103, 104. Ипат. лет. Есть еще, как известно, и другое Полонное в Луцком уезде на Волыни. Но что здесь именно говорится о Полонном Новградволынского уезда, о коем речь наша, на это содержатся несомненные доказательства в тех же летописях, где оно именуется городом

Десятиной Богородицы. Под 1234 годом. Летописец говорит, что «Даниил угони Александра в Полонном, и яша и в Лузе Хоморстем». (Пол. Собр. Лет. т. II, стр. 173.) А Полонное наше именно и лежит в бассейне реки Случи, на одном из самых больших притоков ее, на реке «Хоморе». Сравн. Барсова «Материалы для Историко-Географического Словаря России.» Т. I Вильна 1865 г. стр. 164.

⁸⁷⁰ - Истор Русск. Ц. преосвящ. Макария, т. II, стр. 215, примеч. 415.

⁸⁷¹ - Не далее как к концу XVIII-го века в Полонном было всех 12 церквей; из них существуют до сего времени: 1) Преображенская, самая древняя, на так называемом Старом Месте, посреди острова, омываемого кругом рекою Хомором; 2) Успенская с монастырем при ней на урочище, именуемом Подмонастырком; 3) Петропаловская на так называемом Новом Месте; 4) Троицкая в центре самого местечка, у так называемых валов или на Валу; 5) Покровская на урочище, от нее же именуемом Марьяном, т. е. Марииным урочищем; и 6) Рождество-Богородичная на Бортниках. — Затем упразднены: 7) Воскресенская на Новом Месте; 8) Никольская — на Старом Месте, бывшая почти рядом с Преображенскою; 9) Дмитриевская на урочище называемом Горошки; 10) Георгиевская; 11) Крестовоздвиженская и 12) Сретенская на так называемом Передместьи.

⁸⁷² - Подробнее о сем смотр. Историческое Сказание о св. чудотворной Иконе Б. М. Почаевской. Почаев 1878 г.

⁸⁷³ - Визита эта, как и все документы того времени, равно как и прочие документы, имеющиеся у нас под руками, написана на польском языке с примесью по местам латинского. Мы приводим их здесь в переводе на русский язык.

⁸⁷⁴ - Плащаница эта очень древняя. Она сохранилась и до настоящего времени.

⁸⁷⁵ - Мы пользуемся копией этой ведомости, написанной «с подлинной в Новград-Волынском Духовном Правлении 1819 г. Января 5 дня.

⁸⁷⁶ - К этому ведомость 1806 г. присовокупляет, что вне Георгиевского Цмынтаря «к оной каплице принадлежало кладбищное место (и теперь существующее) расстоянием от оной на версту, от последнего жилья на полверсты, само длиною 33, шириною 24 сажня».... Это кладбище было отведено, без сомнения, уже по распоряжению Русского правительства. А до того времени прихожане Георгиевские, по древнему обычаю, погребались на погосте своей церкви, доказательством чему служит множество могильных ям, только в недавнее время засыпанных вокруг церкви и в прилежащем в ней священническом саду. Мы сами видели не мало костей, когда покойный отец наш, в качестве бывшего настоятеля Георгиевской церкви, копал ямы на разные хозяйственные постройки не только возле церкви, но и на значительном от нее расстоянии.

⁸⁷⁷ - Смирнова Истор. Р. Ц. издан. 2-е, стр. 443.

⁸⁷⁸ - Полное Собр. Законов 17 мая 1791 года, № 17, 204. Kathode. en Russia С. Tolstoi, t. II, стр. VII.

⁸⁷⁹ - Преосвящ. Кирилл Шумлянский еписк. Переяславский, Прот. И. Крамаренко. Странник 1873 г. январь, стр. 5.

⁸⁸⁰ - Киот этот с иконою св. Великомученика можно видеть и теперь в Свято-Георгиевском приделе новой Богородично-Почаевской церкви.

⁸⁸¹ - Обстоятельство это, если оно справедливо, помимо частного своего интереса, не лишено интереса исторического, так как оно наглядно говорит, где девалась большая часть документов церковных, которых недосчитываются между прочим целые сотни церкви на одной Волыни.

⁸⁸² - Презенту эту в переводе на русский язык мы напечатаем ниже, когда будем говорить о настоятелях Георгиевской церкви.

⁸⁸³ - Стр. 23.

⁸⁸⁴ - Сравн. Опись 1806 г. стр. 19.

⁸⁸⁵ - Этот орден Каспар-Любомирский получил, без сомнения, за известные же нам заслуги русскому Правительству в деле эмансипации русского народа.

⁸⁸⁶ - Была еще другая визита раньше, как увидим далее, от 3 мая 1765 г.; но визита эта не сохранилась.

⁸⁸⁷ - О прочихъ «мельчайших принадлежностях церкви» визитатор говорит: «как в №-ре 2-м». Но этого №-ра теперь при делах церкви не имеется.

⁸⁸⁸ - Выдана «в точность указа Волынской Духовной Консистории от 9-го мая 1806 г., за № 212-м».

⁸⁸⁹ - Обе эти иконы сохранились доселе и находятся в иконостасе новой церкви в северном пределе Св. Великомученика Георгия.

⁸⁹⁰ - Ризы эти сохранились и доселе, и действительно, по богатству материала, могут и теперь считаться лучшими.

⁸⁹¹ - Существуют в исправленном виде доселе.

⁸⁹² - Дом этот стоит на своем месте и по настоящее время, где живет дьячек.

⁸⁹³ - Паникадило это и доселе, как лучшее, помещается в главном отделе новой церкви.

⁸⁹⁴ - Это, без сомнения, были русские войска, возвращающиеся из Турции, которые в 1770 году занесли страшную чуму оттуда в Россию.

⁸⁹⁵ - Отсюда, без сомнения, и вошло сказание в старинные клировыеж Ведомости Сретенской церкви, будто она построена была в 1760 году.

⁸⁹⁶ - Его предположено перенести в имеющую строиться кладбищенскую церковь.

⁸⁹⁷ - В Крестовоздвиженской Ведомости за 1813 год правда упоминается также, что на содержание священника тогда «от прихожан со всякой души, приходящей во св. Четырехдесятицу к исповеди, роковщины положено (было) по 3 коп. сер. Но сколько при этом собиралось и какие были другие доходы, здесь не упоминается.

⁸⁹⁸ - В последствии презенту эту скрепили своими подписями: сын Антония Георгий Любомирский 3 января 1767 года и потом Каспар Любомирский 23 сентября 1776 года.

⁸⁹⁹ - Покойная Сусанна Осиповна приходилась двоюродною сестрою нынешнего Государственного Контролера Д. Тайного Советника Дмитрия Мартиновича Сольского.

⁹⁰⁰ - Как жаль, что эти приснопамятные слова забыты были при сокращении приходов.

⁹⁰¹ - Из послужного списка о. Феодора Хойнацкого.

⁹⁰² - Хотел же Ружицкий в это время повесить Полонского Благочинного за то, что нашел в Становой Полонской квартире бумаги с доносами его о подготовляющемся повстании. См. подробнее о сем нашу статью в Вол. Епарх. Ведомостях 1867 г., под заглавием: «Полонские православные священники и банда Ружицкого в 1863 году».

⁹⁰³ - Извлечено из рукописной церковной летописи бывшей Крестовоздвиженской церкви.

⁹⁰⁴ - Подлинное заявление при делах о постройке Богородично-Почаевской церкви.

⁹⁰⁵ - Мы не называем здесь этих людей, потому что в последствии один из главных между ними образумился и был до конца деятельнейшим сотрудником о. Стефана по постройке новой церкви и во все продолжение этой постройки.

⁹⁰⁶ - Записан в книге приговоров при Полонском Волостном правлении 1871 г., под № 9-м.

⁹⁰⁷ - Пробовал было о. Стефан напечатать воззвание к благотворителям в Волынск. Епарх. Ведомостях и несколько оттисков из таковых рассылал в разные места России, но вопреки ожиданиям и по этой статье получил – всего 35 руб. серебром.

⁹⁰⁸ - Кароль Захарский австрийский поданный до этого раскрашивал альфреско Полонский костел. Особенно искусно владеет он умением располагать детали декораций. Если бы кто из священников пожелал воспользоваться трудами его, то благоволит обратиться к Св. Стефану Хойнацкому в Полонное. О. Стефану адрес Захарского всегда известен.

⁹⁰⁹ - Извлечено из Вол. Епарх. Ведом. 1880 г. № 30, часть офиц. стр. 814, 815.

⁹¹⁰ - К сожалению, несмотря на неоднократные просьбы наши о ведении обстоятельных записей по этим делам, о. Стефан, по обилию лежащих на немъ дел и обязанностей, не мог исполнить этого. А то был бы богатый материал для истории нравственных отношений между пастырями и пасомыми.

⁹¹¹ - Хотя, сказать правду, не многие умели ценить эту христианскую отзывчивость покойного при его жизни.... Да оно и лучше, по слову Господню: Горе вам, аще добре рекут о вас человецы....

⁹¹² - За рисунок этот Андрей Хойнацкий получил из кабинета Ея Величества золотой перстень, украшенный драгоценными камнями, в 1869 году.

⁹¹³ - Так доселе именуются на Волыни женщины, принимающие ближайшее участие в благоуукрашении приходского храма. Сестрички по отношению к женщинам тоже, что братчики к мужчинам.

⁹¹⁴ - Подробно об этом см. «Иоанникий Полонский». Архимандрита Димитрия (Самбичкина) Тамбов 1880 года.

⁹¹⁵ - Каковой перевод и поныне хранится в архиве церковном вместе с подлинниками.

⁹¹⁶ - Как мы знаем положительно, о. Стефан думал было сделать эту церковь теплою, чтобы в ней удобно было ставить на некоторое время сомнительных покойников. Но эта мысль за смертью его пока осталась неисполненною.

⁹¹⁷ - Если сравним количество 1178 душ, вошедших в состав Крестовоздвиженско-Георгиевско-Сретенского прихода, по воссоединении бывших трех приходов в один в 1835 году, то увидим, что менее чем в пятьдесят лет народонаселение в том же приходе увеличилось более чем на половину.

⁹¹⁸ - Из Волын. Епарх. Вед. 1883 г.

⁹¹⁹ - Русские святые пр. Филарета, изд. 2-е отд. 3, стр. 363.

⁹²⁰ - См. выше, стр. 43–45.

⁹²¹ - См. выше, стр. 45–54.

⁹²² - См. выше, стр. 34–40.

⁹²³ - Чит. «Пророчественное благословение св. Петра м., данное Москве и роду Московских князей». Воскр. Чт. XXIII г., стр. 44–50.

⁹²⁴ - См. выше, стр. 85.

⁹²⁵ - См. выше, стр. 93.

⁹²⁶ - По свидетельству графа Плятера, «в общем родстве с домом князей Ольшанских были: Сайгушки, Збаражские, Соколинские, Полюбинские, Тышкевичи, Курбские, дворяне: Воловичи, Монтольты, Сапеги, Олизары, Кердеи, Минские и др». (Волынск. Губ. Вед. 1655 г. № 39, части неоффиц. стр. 118–119).

⁹²⁷ - Сравн. о значении пр. Иова Почаевского Игумена в истории русской жизни. П. Кулита. Газета Гатцука. 1875 г.

⁹²⁸ - Прибавление к Твор. св. отц. Ч. IV: «Петр Могила М. Киевский» (стр. 61–66).

⁹²⁹ - Подробнее о сем смотр. «Повесть историческая о св. чудотворной Иконе Почаевской». Почаев, 1884 г.

⁹³⁰ - См. выше, стр. 135–143.

⁹³¹ - См. Путеводитель по Горе Почаевской. Почаев, 1874 г. Глава заключительная.

⁹³² - См. выше, части II-я, глава V-я.